

ТОМ
ХОЛТ

Граальщики

Солнце взойдет

Граальщики

Солнце взойдет

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

ТОМ
ХОЛТ

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

TOM
HOLT

Grailblazers

Here Comes the Sun

ТОМ

ХОЛТ

Граальщики

Солнце взойдет

ас

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ТРАНЗИТКНИГА

МОСКВА

2006

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Coe)-44
X71

Серия «Золотая серия фэнтези» основана в 1999 году

Tom Holt
GRAILBLAZERS
HERE COMES THE SUN

Перевод с английского В. Иванова

Серийное оформление А. Сергеева

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Художник М. Калинин

Печатается с разрешения автора и The Buckman Agency.

Подписано в печать 19.10.05. Формат 84×108^{1/32}.
Усл. печ. л. 31,92. Тираж 4000 экз. Заказ № 2696.

Холт, Т.

X71 Граальщики. Солнце взойдет : [фантаст. романы] / Том Холт. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Транзиткнига, 2006. — 603, [5] с. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 5-17-033448-6 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-9713-1030-5 (ООО Издательство «АСТ МОСКВА»)

ISBN 5-9578-2854-8 (ООО «Транзиткнига»)

В теории считается, что поиски Священного Грааля НЕ ПРОВАЛИЛИСЬ... в том смысле, что его вроде как нашел Галахад Чистейший. Но... КТО, СКАЖИТЕ, видел этот ГРААЛЬ? И, коли на то пошло, КТО ВИДЕЛ ГАЛАХАДА?!

В общем, как не было Грааля, так и нет его. А в наше беспокойное время, когда финансовые воротилы Атлантиды и примазавшиеся к ним Силы Тьмы готовят новый Апокалипсис, Грааль ох как нужен!

Одно и остается — пробудить от зачарованного сна отважного рыцаря и силком отправить его в квест! И, конечно, не в одиночку...

Небесная канцелярия МЕДЛЕННО ГИБНЕТ. Нехватка средств, недостаток квалифицированных кадров, бюрократическая истерия...

Солнце давно уже пора заменить на более совершенную модель — или хотя бы отремонтировать!..

Главный инженер плюнул на все — И УВОЛИЛСЯ!..

А единственный ДЕЙСТВИТЕЛЬНО УМНЫЙ адвокат Мира иного — представитель, между прочим, АДСКИХ ЛЕГИОНОВ — дает силам Света ОЧЕНЬ СТРАННЫЙ совет.

Не воспользоваться им — себе дороже.

Воспользоваться?

СКАНДАЛ!!!

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Coe)-44

© Tom Holt, 1994, 1993

© Перевод. В. Иванов, 2005

© ООО «Издательство АСТ», 2006

Граальщики

$$\frac{1}{2} \left(\frac{1}{2} \right)^n$$

$$\frac{1}{2} \left(\frac{1}{2} \right)^n$$

$$\frac{1}{2}$$

$$\frac{1}{2}$$

$$\frac{1}{2}$$

$$\frac{1}{2}$$

$$\frac{1}{2}$$

$$\frac{1}{2}$$

$$\frac{1}{2} \left(\frac{1}{2} \right)^n$$

$$\frac{1}{2}$$

$$\frac{1}{2}$$

$$\frac{1}{2}$$

$$\frac{1}{2}$$

Да, погодка разыгралась что надо.

Все началось с совершенно обычных порывов визгливых скрипичных глissандо, но вскоре зазвенела медь, а сразу же за ней засвистела и вся группа деревянных духовых; а сейчас тубы и контрабасы разорались уже вовсю, а тромбоны поддерживают их со спины вспышками молний. К тому же сверху все это обильно поливается дождем.

Ослепительная вспышка электрического света прорезает тьму и мучительно ярко отражается от кольчуги рыцаря, с трудом взбирающегося на крутой откос. Его забрало поднято, и видно страдальчески искаженное лицо. Он идиот. Это можно определить с первого взгляда. Не то чтобы его выдавало стройное, молодецкое, атлетически сложенное тело или насквозь промокшие золотистые кудри, налипшие на лоб, как водоросли; просто ни один человек, у которого между ушами есть хоть что-то, о чем стоит говорить, не станет лезть в грозу на крутую гору в полном доспехе.

Да, конечно, предполагается, что на вершине горы спит принцесса, которую можно разбудить поцелуем от столетнего зачарованного сна. Да, конечно, утверждается, что эта принцесса прекрасна, мудра и невероятно богата; и скорее всего, она почувствует расположение к человеку, который ее разбудит. Но здравый смысл — даже если он окажется в состоянии переварить саму гипотезу существования спящих принцесс на горных вершинах — уж наверное должен подсказать, что если она пролежала там сотню лет, то скорее

всего никуда оттуда не денется и к утру, когда дождь прекратится и наш приятель сможет разглядеть, куда ставит ногу.

Рыцарь, спотыкаясь, лезет дальше, и что-то — видимо, пресловутая удача, хранящая дураков, — удерживает его ногу от преткновения о муравейники, вересковые кочки и прочие естественные препятствия, грозящие пустить его, вместе с пятьюдесятью фунтами листовой стали, кувыркром вниз по склону, как бронированный тобогган. Раздвоенная молния вновь срывается с небес, и вместо того, чтобы изжарить его на месте, зачем-то освещает вершину горы. Она даже заходит еще дальше, услужливо воспламеняя согнувшийся под ветром корявый терновый куст, чтобы рыцарь смог разглядеть фигуру человека, спящего под выступом скалы. Если не считать отсутствия неоновой вывески с надписью «ТЕБЕ СЮДА», казалось, было сделано все, чтобы облегчить ему задачу.

— Ага! — говорит рыцарь.

Он кладет на землю свой щит и копье и на минуту преклоняет колени, пораженный благоговейным восторгом. Овца, пристроившаяся под ближайшим кустиком можжевельника и жующая вересковый корень, бросает на него взгляд, исполненный глубочайшего презрения.

Спящая принцесса пребывает в неподвижности. Как ни странно, но для человека, проспавшего сотню лет на вершине горы, она довольно неплохо сохранилась. Стоит лишь задуматься о том, что случится с обычными вельветовыми штанами, если их по неосторожности оставить на ночь на веревке, — и следовало бы удивиться, насколько она опрятна. Но, разумеется, наш идиот ничего не замечает — по правде говоря, он все еще молится. Похоже, он просто не хочет обращать внимания на некоторые странности.

Но вот дождь кончился, и рассвет, зябко поеживаясь, уже высовывает свою розовую ножку из-под пухового облачного одеяла. Изящный солнечный лучик освещает сцену. Доспехи рыцаря тихо ржавеют. Кому-то потом придется заняться ими с проволочной щеткой и банкой политуры, но, как вы, без сомнения, уже догадались, это будет не наш рыцарь.

Наконец, справившись с не слишком большим количеством «патерностеров» и довольно подозрительно звучащим «*Te Deum*», рыцарь поднимается на ноги и приближа-

ется к спящей фигуре. Рассвет к этому времени уже разыгрался вовсю, и как раз в тот момент, когда он откидывает с ее лица вуаль — прошу заметить, что какая-то невидимая сила на протяжении столетия предохраняла вуаль от плесени, — солнце выпускает на волю непомерное количество атмосферного розового сияния. Слегка скрипнув, рыцарь наклоняется и запечатлевает сдержанный целомудренный поцелуй на щеке спящей.

Она шевелится. Томно открывает глаза. Вспомните, как вы себя чувствуете сразу после пробуждения, а потом умножьте на тридцать шесть тысяч пятьсот. Совершенно верно: вам было бы чертовски не по себе, не правда ли? И первое, что бы вы сказали, было бы, конечно же, «мгррх-х-х!» или что-нибудь в этом роде? Как бы не так.

— Привет тебе, о солнце! — говорит она. — привет тебе, свет дня, привет тебе, расс...

Тут она запинается. Хлопает ресницами.

— Постой-ка, — говорит она.

Рыцарь остается на коленях. На его лице все то же абсолютно идиотское выражение, какое мы можем наблюдать лишь на картинах прерафаэлитов.

— Ты кто? — спрашивает принцесса.

Рыцарь прочищает глотку.

— Я, — говорит он, — принц Боамунд, старший сын короля Ипсимера Нортгэльского, и я пришел...

— Кто-кто?

Принц поднимает брови, словно персонаж Берн-Джонса, наступивший на что-то острое.

— Я принц Боамунд, старший сын короля...

— Боамунд?

— Совершенно верно, — говорит рыцарь. — Боамунд, старший сын...

— Как это пишется?

Рыцарь выглядит озабоченным. Там, где он обучался, можно было либо записаться на продвинутый курс соколиной охоты, либо изучать правописание, — но не то и другое одновременно. Угадайте, что он выбрал.

— Бэ, — говорит он, запинаясь. — О... А...

На лице принцессы (без сомнения, ангельски прекрасном) возникает странное выражение.

— Ты что, схохмить решил или что?

— Схохмить?

— Прикалываешься, — поясняет она. — Шутки шутишь, — она некоторое время обдумывает ситуацию. — Но ты ведь не шутишь, правда?

— Правда, — отвечает Боамунд. Он глубоко задумывается. — Слушай, — говорит он. — Я Боамунд, старший сын короля Ипсимера Нортгэльского, а ты Кримхильда Прекрасная, и ты спишь колдовским сном на вершине этой горы с тех пор, как злой волшебник Дунтор наложил на тебя заклятие, и я только что разбудил тебя поцелуем. Все правильно?

Принцесса кивает.

— Ну вот, — говорит Боамунд.

— И что?

— Что значит «и что»? — говорит Боамунд, краснея. — Я хочу сказать, ведь считается, что... ну...

— Что — «ну»?

— Ну...

Кримхильда кидает на него еще один странный взгляд и лезет под стоящий рядом камень за своей кофточкой. Кофточка, разумеется, девственно чиста.

— То есть, — говорит она, — ты, конечно, подходишь; ты, конечно, принц и все такое, но... в общем, здесь какая-то ошибка, вот и все.

— Ошибка?

— Ошибка. Слушай, — говорит она. — Кто тебе рассказывал? О том, что я лежу здесь и все такое?

Боамунд погружается в задумчивость.

— Ну, — говорит он, — один человек в таверне, если уж ты хочешь знать.

— Рыцарь?

Боамунд скребет в затылке. Представьте себе рыцаря Альма-Тадемы, который умудрился каким-то образом выпасть из картины и теперь гадает, как ему забраться обратно, не разбив стекла.

— Да, я думаю, что это мог быть и рыцарь. Мы играли в карты, и я выиграл.

Розовые губки Кримхильды вытягиваются в жесткую линию.

— Вот как? — говорит она.

— Да, — отвечает Боамунд, — и когда я попросил его расплатиться, он сказал, что ужасно сожалеет, но у него совершенно нет денег. И я как раз собирался хорошенько рассердиться на него, когда он сказал, что, если я хочу, он может взамен навести меня на довольно интересное дельце. Ну, я подумал, что у меня не такой уж большой выбор, так что...

— Понимаю, — говорит Кримхильда ледяным тоном. — Скажи, а этот рыцарь, он был такой смуглый, симпатичный, такой вроде как утрюмый, с длинным носом, волосы на затылке взъерошены?..

— Да, — говорит Боамунд удивленно. — Ты его знаешь? То есть, я хочу сказать, — откуда, ты ведь проспала...

— Ну подожди, я еще доберусь до него! Лживый маленький крысеныш! — яростно восклицает Кримхильда. — Как я сразу не догадалась!

— Так значит, ты его действительно знаешь?

Кримхильда горько смеется.

— О да, — говорит она. — Я хорошо знаю Танкреда де ла Гран. Вонючий хорек, — добавляет она. — У меня найдется пара слов для месье де ла Гран, когда он наконец сподобится прийти сюда.

Что-то начинает медленно проворачиваться в мозгах Боамунда.

— О, — говорит он. — Так ты собираешься, э-э...

— Да.

— И ты, м-м, не собираешься...

— Нет, — Кримхильда снимает свою кофточку, скатывает ее в комок и сует себе под голову. — Пожалуйста, перед тем, как уйти, верни мою вуаль туда, где она была, — говорит она решительно. — Спокойной ночи.

— О, — говорит Боамунд. — Ну что ж, хорошо. — Он осторожно наклоняется и поднимает с земли вуаль, не замечая, что стоит на ее конце. Раздается звук рвущейся ткани. — Прошу прощения, — говорит он и, насколько это возможно, укутывает обрывками лицо принцессы, которая, впрочем, уже снова спит. Она всхрапывает.

— Проклятье, — тихонько говорит Боамунд; он пожимает плечами (наплечники ржаво скрипят) и начинает медленно спускаться с горы.

Когда он проходит примерно треть пути к подножию, опять начинается дождь.

На его счастье, неподалеку находится маленькая пещера, вход в которую наполовину прикрыт корявым терновым кустом, и рыцарь тяжело хлопает к ней. У самого входа он видит карлика, сидящего со скрещенными ногами и уплетающего куриную ножку.

Выглядит многообещающе.

— Привет, карлик, — говорит Боамунд.

— И тебе, как там тебя, — отвечает тот, не поднимая головы. — Там снаружи все поливает?

— М-м, — говорит Боамунд. — Ну да.

— Чертов климат, сдохнуть можно, а? — говорит карлик. — Я полагаю, ты собирался зайти внутрь?

— Если ты не против.

— Располагайся, — говорит карлик. — Думаю, ты не откажешься выпить?

Лицо Боамунда под мокрой челкой светлеет.

— У тебя есть молоко? — спрашивает он.

Карлик награждает его взглядом, исполненным чистейшего презрения, и кивает на большую кожаную бутыль.

— Чувствуй себя как дома, — говорит он с набитым ртом.

«Странное питье, — думает Боамунд. — Похоже, там какие-то травы, — фиточай или что-то в этом роде». И тут он чувствует, что ужасно, ужасно хочет спать.

Когда он погружается в глубокий сон, карлик выбрасывает наружу куриную кость, зловеще ухмыляется, чертит в воздухе каббалистический знак и собирается уходить. Но тут ему приходит на ум что-то еще, и он вновь поворачивается к рыцарю. Обыскав его, он забирает кошелек, перочинный нож со штопором и носовой платок, и наконец исчезает.

Боамунд спит.

Некоторое время спустя он проснулся.

Похоже, он или попал под прицельный залп дождя, или кто-то опростал над ним ведро воды. Он попытался пошевелиться, но не смог. Что-то скрипнуло.

— Все в порядке, — сказал голос над его головой. «Это, наверное, Бог», — подумал Боамунд; в таком случае то, что он всегда подозревал, было правдой. Бог действительно был выходцем из Вест-Райдинга в Йоркшире.

— Ты не парализован, и с тобой ничего не случилось, — продолжал голос. — Просто твои доспехи совсем заржавели. То есть *совсем* заржавели: спеклись в один кусок, — добавил голос с оттенком благоговения. — Пожалуй, чтобы извлечь тебя наружу, потребуется что-нибудь посерьезнее, чем ножницы по жести.

Боамунд попытался разглядеть, кто это говорит, — может быть, это все же не Бог, — но самое большее, что ему удалось сделать, это выпучить глаза до предела. Результат: нижний край его забрала крупным планом.

— Где я? — спросил он.

— В пещере, — ответил голос и продолжал: — Ты какое-то время пролежал здесь; прости, весьма сожалею.

Боамунд обратил свой ум в прошлое. Гора, озаренная всполохами. Девушка. Карлик. Молоко со странным вкусом. Что-то, что когда-то давным-давно говорила ему мама насчет того, что не следует пить молоко из рук подозрительных карликов.

— Что произошло? — спросил он.

— А, — отвечал голос, — ты быстро все схватываешь, как я погляжу. Возможно, все, что здесь нужно, — это капелька машинного масла. Ну-ка, не шевелись.

Это предупреждение было, разумеется, несколько излишним, но в конце концов Боамунд уловил, как что-то маленькое, в красной шапочке, промелькнуло в ограниченном поле его зрения.

— Эй, — сказал он, — ты же карлик, верно? Тот самый, который...

— Близко, — сказал карлик, — но не в точку.

— Да ладно тебе, — настаивал Боамунд. — Это ты, или...

— Я не тот карлик, о котором ты думаешь, — отвечал тот, — но я его родственник.

— Родственник?

— Да, — безобразная широкая ухмылка на мгновение возникла перед щелью в Боамундовом забрале, и затем снова исчезла. — Родственник. Фактически...

— Да?

— Э-э... — Торопливый шум. — Непосредственный родственник. — Станный шаркающий звук около Боамундова левого колена. — Ну-ка, попробуй!

Боамунд сделал попытку согнуть ногу — без результата.

— Попробуем еще раз, — сказал карлик. — Это «WD-40» — замечательная штука, но нужно дать некоторое время, чтобы оно просочилось.

В голове у Боамунда заворочалась новая мысль.

— Слушай, так *сколько же* я здесь пролежал? — спросил он. — Если мои доспехи действительно полностью заржавели — это значит, что я лежу здесь уже... — он подумал, — ...больше месяца.

— Попробуй.

— Ничего.

— Ты уверен?

— Конечно, я...

Карлик с шумом втянул воздух сквозь зубы. Известные своими связями с заклинателями, магами и прочими злоеющими организациями подобного толка, карлики являются также признанными кузнецами и металлургами. Что означает, что они тоже имеют эту ужасно раздражающую манеру, знакомую любому, кто когда-либо ставил свою машину на техосмотр для выяснения причин непонятных шумов в моторе, — тягивать воздух через дырку в зубах вместо того, чтобы отвечать на вопросы. (Дырка в зубах, как указывают современные исследования, обычно является результатом нанесения по ним удара после сообщения вспыльчивому клиенту, что нужных запчастей нет.)

— Ты застрял намертво, приятель, — сказал карлик. — То есть в буквальном смысле намертво. Никогда не видел ничего подобного.

Боамунд ощутил легкий приступ паники где-то в глубинах своего пищеварительного аппарата.

— То есть как это — «намертво»? — испуганно спросил он.

Карлик, казалось, не слышал его.

— По правде говоря, это и неудивительно, если учесть, сколько времени ты тут пролежал. Ну что ж, допустим, можно попробовать старым добрым зубилом, но я ничего не обещаю.

пра- пра- пра- пра- пра- пра- пра- пра- правнук этого карлика, — сказал карлик. — Того, про которого ты говорил. Меня зовут Ноготь-на-Ноге, можно просто Ноготь. Ага, вот так уже лучше! Думаю, мы близки к цели.

Боамунд издал булькающий звук, какой издает кран в отеле, когда отключают воду.

— Что это ты сказал, — уточнил он, — про пятнадцать сотен лет?

Ноготь поднял глаза от рашпиля.

— Примерно пятнадцать сотен лет, — отвечал он, — плюс-минус пара лет или что-то вроде того. Такова устная традиция относительно тебя; понимаешь ли, это предание, которое передавалось из уст в уста на протяжении сорока поколений. По крайней мере, приблизительно сорока поколений. Ну-ка, поддержишь секундочку...

Раздался хруст, и что-то подалось. Через несколько секунд Ноготь горделиво продемонстрировал бурый от ржавчины кусок металла.

— Это твое забрало, — объяснил он. — Теперь самое трудное.

— Я пролежал здесь пятнадцать сотен лет?

— Да, что-то вроде, — сказал карлик. — Так сказать, наличными. Ты был зачарован.

— Я так и подумал.

— Молоко, — продолжал карлик. — В нашей семье есть целое предание о том, как Ноготь Первый заколдовал Глупого Рыцаря, дав ему выпить молочного коктейля своего приготовления. Вообще-то это, можно сказать, самое интересное, что случилось у нас за все это время. Полтора тысячелетия наша линия не прерывалась, и сейчас нас осталось трое, с тех пор, как мамаша преставилась, да покоится она с миром, — я, братец Отмороженный да братец Заусеница; полтора тысячелетия, и что мы сделали за это время? Опоили одного рыцаря, да починили пару сотен тысяч чайников, да наточили еще пару сотен тысяч ножей для газонокосилок! Это называется «преемственность».

— Я...

— Лежи смирно.

Раздался ужасающий скрежет, и что-то сильно ударило Боамунда в подбородок. Когда он пришел в себя, его голова

снова могла двигаться, а рядом с ним лежало нечто, напоминающее большое бурое ведро для угля.

— Твой шлем, — с гордостью сказал Ноготь. — Кстати, добро пожаловать в двадцатый век.

— Добро пожаловать куда?

— Ах да, — отвечал Ноготь, — я и забыл, в твоё время ещё не начали их считать. Я бы на твоём месте не беспокоился, — добавил он, — ты не так уж много пропустил.

— Правда?

Ноготь подумал.

— Да, пожалуй, — сказал он. — Так, теперь твой нагрудник. Здесь нужна горелка, я полагаю.

Несмотря на то, что сказал Ноготь, Боамунд почувствовал, что кое-что он определенно пропустил, — а именно изобретение ацетиленового резака.

— Какого черта, — сказал он, когда снова овладел своим голосом. — Что это было?

— Я все объясню потом, — отвечал Ноготь. — Пока что считай, что это просто переносной дракон, ладно? — Он поднял отрезанный кусок и отшвырнул его в сторону. С лязгом приземлившись, нагрудник исчез в облаке ржавых хлопьев.

— Коротко говоря, — продолжал Ноготь, — у вас были Темные века, потом Средневековье, затем Ренессанс, век Просвещения, век Индустриальной Революции и век Мировых Войн. Ну а в основном это была сплошная суета, как всегда. Вот разве что, — добавил он, — эта страна больше не называется Альбионом, она называется Великобританией.

Боамунд снова издал булькающий звук.

— Велико?..

— ...британией. Или Соединенным Королевством. Сокращенно — «UK». Ну, знаешь, как пишут: «Kawaguchi Industries (UK) plc». Но, в целом, это то же самое, — помечтали несколько названий, и только. Мы попозже это все обсудим. Держись крепче.

Боамунд хотел спросить что-то еще, но карлик снова взялся за ацетиленовый резак, и рыцарь был настолько скован слепым ужасом, что уже не мог развивать эту тему. В какой-то момент он был уверен, что устрашающее белоголубое пламя прошло насквозь через его руку.

— Ну-ка, попробуй, — сказал Ноготь.

— Гр-rrr-р.

— Прошу прощения?

Боамунд издал еще какой-то звук, который еще сложнее воспроизвести в письменном виде, но явно выражающий ужас.

— Да не беспокойся ты так, — сказал карлик. — Скажи лучше спасибо, что я не догадался принести лазер.

— А что такое?..

— Забудь. Если хочешь, можешь подвигать руками.

На секунду Боамунд решил было, что это наглая ложь; но затем он обнаружил, что действительно может. А затем полуторатысячелетний запас иголок и булавок наконец-то обнаружил свою цель, и он вскрикнул.

— Это хороший знак, — заорал Ноготь, перекрикивая шум, — видать, старая кровь вновь побежала по жилам. Еще немного, и ты снова будешь в норме, попомни мои слова.

— И первое, что я сделаю, — зарычал на него Боамунд, — это возьму твой астилен и...

Ноготь ухмыльнулся, взял горелку и принялся за работу над Боамундовой ногой. Тот мудро решил, что ему лучше не продолжать.

— Как бы там ни было, — сказал Ноготь, вода взад и вперед ужасным языком пламени, — бьюсь об заклад, главный вопрос, который ты до смерти хочешь мне задать, это *зачем* тебя погрузили в сон на пятнадцать сотен лет, в пещере, в полном вооружении? Я прав, не так ли?

— А-а-гх!

— Что ж... — продолжал карлик, — ой, прошу прощения, на минуточку потерял концентрацию... Лично я считаю, что оставить доспехи было ошибкой. Маленькая небрежность со стороны старого Ногтя Первого, по моему мнению, — карлик довольно улыбнулся. — Однако, что касается погружения в сон, это действительно было тебе предназначено.

— А-А-ГХ!!

— Экий я растяпа, — пробормотал карлик. — Прошу прощения. Короче говоря, как я слышал, тебе суждено стать каким-то великим героем или вроде того. Как в старых легендах, ну, знаешь, — Альфред Великий, сэр Фрэнсис Дрейк...

— Кто?

— Да, это, наверно, было уже после твоего времени. В общем, великим национальным героем, который не умер, а просто спит до той поры, когда он будет нужен своей стране, — что-то в этом роде.

— Как Анбилан де Гане? — предположил Боамунд. — Или сэр Персифлан...

— Кто?

— Сэр Персифлан Серый, — сказал Боамунд несчастным голосом. — Ты должен был слышать о нем — говорили, что он спит под скалой Сьюлвен-Крэг, и стоит лишь королю Бенвика ступить на землю Альбиона, как он проснется и...

Ноготь ухмыльнулся и покачал головой.

— Прости, старина, — сказал он. — Боюсь, он забыл завести будильник. Тем не менее, ты правильно уловил идею. Так вот, это ты.

— Я?

— Ты. Я бы, конечно, не сказал, что в настоящий момент происходит что-то особенное. То есть, конечно, по телеку говорят, что если кто-нибудь срочно что-то не сделает с процентными ставками, то это будет означать конец для малого бизнеса по всей стране, но это вряд ли по твоей части, как я думаю. Может быть, ты как-нибудь изменишь стандарты начального школьного образования. Я угадал, как ты считаешь?

— Что значит школьное образование?

— А может быть, и нет, — продолжал Ноготь. — Что это еще может быть? — Он помолчал. — Ты случайно не играешь в крикет? Я подумал — может, ты какой-нибудь сверхбыстрый подающий, да еще и левша впридачу, а?

— Что такое?..

— А жаль, нам бы это очень не помешало. В любом случае, чем бы ни оказалось то, что нам нужно, — это, очевидно, ты. Попробуй пошевелить ногой.

— У-ух.

— Чемпион, — сказал Ноготь. — Дадим тебе минутку, а потом попробуй подняться.

Боамунд слегка подвинулся и обнаружил, что провел последние полтора тысячелетия лежа на маленьком, но остром камне.

— Ох, — сказал он.

Ноготь убирал инструменты в маленькую холщовую сумку.

— Что я тебе скажу, — проговорил он, — в старину умели делать прочные вещи. Тысячепятисотлетняя сталь, а? — Он подобрал массивный наручник Боамундова доспеха и проткнул его пальцем. — По-хорошему, его следовало бы отдать в какой-нибудь музей. Наверняка найдутся люди, готовые заплатить большие деньги...

Боамунд оставил попытки и снова лег, гадая, можно ли умереть от булавочных уколов. Снаружи раздавался шум — он продолжался уже некоторое время, но Боамунд только сейчас его заметил. Низкий, зловещий рев, словно рычание какого-то животного, — нет, скорее, словно жужжание пчелиного роя. Только вот пчелы должны были быть восьми футов в длину, чтобы издавать такой звук.

Ноготь, ухмыляясь, посмотрел на него.

— То, что ты слышишь, — сказал он, — это «М-62». Не обращай внимания.

— Это не опасно?

Ноготь задумался.

— С какой стороны посмотреть, — сказал он. — Но для тебя в настоящий момент нет. Попробуй встать.

Он протянул руку, и Боамунд схватился за нее. Через мгновение он перенес весь свой вес на полторатысячелетние ботинки. Как ни странно, они выдержали. Впрочем, капелька ваксы им бы не помешала.

— Моя одежда, — сказал Боамунд. — Почему она?..

— Зачарована, — ответил Ноготь. — Это позволяет ей оставаться в целости и сохранности. Пошли, мы уже опаздываем.

Боамунд прошел вслед за Ногтем до входа в пещеру, выглянул наружу и вскрикнул.

Около года назад один телевизионный продюсер, некий Денни Беннетт, снял документальный фильм, в котором доказывал, что поэт Т. С. Элиот был убит ЦРУ.

Согласно гипотезе Беннетта, Элиот был убит из-за того, что он, совершенно случайно, наткнулся на некие метафи-

зические данные высшей степени секретности, которые разрабатывал Пентагон для военных целей. Не осознавая, что делает, Элиот опубликовал свои находки в «Четырех квартетах»; и вот двадцать девять лет спустя он был мертв, — еще одна жертва Людей В Серых Костюмах.

По Беннетту, роковыми оказались следующие строки:

*Время настоящее и время прошедшее
Возможно, существуют во времени будущем,*

— и Беннетт доказывал, что недоброжелатели посчитали это разглашением неких секретов, на которые люди и без того натыкались время от времени, забредая в те части исторических зданий, которые никогда не открывались для публики.

Возьмем, говорил Беннетт, Хэмптон-Кортский дворец или особняк Анны Хэтуэй. Более половины комнат этих жемчужин в наследии Англии стоят постоянно закрытыми. Почему? Потому ли, что, как нас пытается убедить правительство, у него просто не хватает денег на то, чтобы поддерживать их в хорошем состоянии и платить обслуживающему персоналу? Или существует более зловещее объяснение? Не может ли оказаться, что позади этих заколоченных гвоздями дверей проводятся совершенно секретные эксперименты над природой самого времени — исследования, которые, как надеются злоумышленники, приведут к созданию совершенного сверх-оружия, что, в свою очередь, позволит силам НАТО перескочить назад через несколько десятилетий, убить Ленина и тем самым предотвратить штурм Зимнего дворца? И не подписал ли Томас Стернз Элиот сам себе смертный приговор, доверив бумаге эти, к несчастью, оказавшиеся столь двусмысленными строчки, открывающие «Бернт Нортон»?

Вскоре после окончания съемок Беннетта повысили в должности с переводом на другое место — он возглавил местную радиостанцию Би-Би-Си на острове Мартынова Дня, представляющим собой маленький коралловый риф в трех тысячах миль к востоку от Сиднея. Объяснения такого исхода были различны; сам Беннетт в утреннем выпуске программы «С добрым утром, мартыняне!» выдвинул свою точку зрения, согласно которой ему просто заткнули рот и

это само по себе служит доказательством того, что он был абсолютно прав. Би-Би-Си, с другой стороны, утверждала, что он был откомандирован туда из-за того, что он окончательно и бесповоротно потерял свою хватку, и хотя теперь ему скорее всего придется несладко, учитывая, что население острова Мартынова Дня состоит из двух морских биологов и шести тысяч пингвинов, им мало что оставалось делать, кроме как послать беднягу туда.

Как ни странно (видимо, это чистейшее совпадение), в задних комнатах памятников старины действительно есть что-то весьма и весьма подозрительное. Можно было бы предположить, что эти помещения используются для нужд администрации — как хранилища и в тому подобных целях; однако еще никому не удалось выдвинуть удовлетворительное (или, по крайней мере, удобное) объяснение тому факту, что каждое утро, когда персонал приходит на работу, они обнаруживают, что кто-то пользовался пишущими машинками и чайники еще теплые.

— Это все? — спросил Боамунд.

— В основном да, — ответил отшельник¹. — Я пропустил Гельмута фон Мольтке и Никольсбургский мир, и, возможно, немного вскользь упомянул таможенный союз Бенилюкса, но думаю, что все существенное ты уловил. Если захочешь что-нибудь уточнить, ты всегда можешь посмотреть в книжке.

Боамунд пожал плечами. Он узнал, что за те полторы тысячи лет, которые он проспал, Альбион действительно переименовали, и за это время было изобретено несколько удобных приспособлений, облегчающих работу, но в основном все было так же, как и в его времена. По чести говоря, дела обстояли даже хуже. Он был разочарован.

— Мой отец часто говаривал, — сказал он, — что к тому времени, когда я вырасту, человек уже отрастит себе третью руку, чтобы удобнее было чесать спину.

¹ Он был коротеньким, крутленьким, пятидесятилетним; у Боамунда было неприятное ощущение, что его борода приклеена театральным клеем. (Здесь и далее, кроме особо оговоренных, примечания автора.)

Отшельник улыбнулся — не разжимая губ, словно говоря: «Что ж, так обстоит дело, теперь уже поздно что-то менять», — пожал плечами и стал рассматривать кусочек тоста на кончике своей вилки. На улице за окном ребятня раскатывала на велосипедах, отрубая головки цветам пластмассовыми мечами.

— Я знаю, — печально согласился отшельник. — Мы пытались, Бог знает, как мы пытались, но люди нас просто не слушают. Выбиваешься из сил, стараясь направить их по правильному пути, а что получаешь в ответ? Безразличие. Ты отпускаешь недвусмысленные намеки относительно овладения энергией солнца, ветра и молний, а они берут и изобретают пылесос. Никто больше ни капельки не интересуется основными направлениями в технологии.

Боамунд сочувственно посмотрел на него.

— Да, тебе, должно быть, тяжело, — сказал он.

— Не то чтобы, — ответил отшельник. — Справляюсь помаленьку. Не так, конечно, как в старые времена, но для меня самое главное — это постараться слиться с ландшафтом, так сказать, и спокойно ждать.

— Ждать чего?

— Я как раз к этому подхожу, — сказал отшельник. Невещественное алое пламя пережарило тост, и отшельник раздраженно отправил и то, и другое в небытие, открыв взамен пачку печенья. — Хочешь штучку? — предложил он. — Ты, должно быть, умираешь от голода после такого поста.

— Спасибо, — поблагодарил Боамунд и откусил большой кусок «Чайной роскоши». Через секунду он скорчил гримасу, выплюнул крошки и закашлялся.

— Я должен был предупредить тебя, — оправдывался отшельник. — Боюсь, что это органика. Их делают из размолотых зерен злаков и сахарной свеклы, можешь себе представить? Искусство синтеза пищи было утрачено несколько веков назад. Со временем к этому привыкаешь, но тем не менее вкус все равно такой, словно вгрызаешься в соседскую компостную кучу. На-ка, съешь лучше беляш.

Беляш материализовался на подлокотнике Боамундова кресла, и он с благодарностью взял его. С набитым ртом он спросил:

— И что, у тебя получается? Я имею в виду — сливаться с ландшафтом?

— Запросто, — ответил отшельник, — я делаю вид, что чиню телевизоры. Ты не поверишь, но в этой стране полно незаметных пожилых людей в протершихся на локтях свитерах, которые зарабатывают на жизнь починкой телевизоров.

Боамунд задумался.

— Это такие вроде как коробочки, у которых внутри картинки?

Отшельник кивнул.

— Я живу здесь уже сорок лет, — сказал он, — и никто до сих пор не обратил ни малейшего внимания на то, чем я занимаюсь. Если до кого-то доносится странный шум или он видит поздно ночью вспышки зеленого пламени, соседи говорят: «Ах, *этот*, — он чинит телевизоры», и похоже, все полностью этим удовлетворены. Думаю, что поскольку они с самого начала ожидают от тебя чудес, их не очень удивляет, когда ты действительно начинаешь их творить. Фактически, у меня неплохо получалось чинить телевизоры, хотя некоторые впоследствии приносили их обратно, жалуюсь, что они все же работают не так, как надо, — даже когда я накладывал на эти чертовы игрушки такое заклятие, с которым они могли бы выдержать прямое попадание атомной бомбы.

— Это, похоже, действительно неплохое прикрытие, — сказал Боамунд. — Послушай, раз уж я здесь, может, ты взглянешь по-быстрому на мою астроблюду? Кажется, она подвирает румбы.

Отшельник игнорировал его.

— Мне, разумеется, еще повезло, — продолжал он, — что у меня до поры до времени есть карлик.

— Ты имеешь в виду Ногтя?

— Его самого. Они несколько худеют на поверхности земли, эти карлики, но могло быть и хуже. Я думаю, это все молоко — а его еще выдают детям в школе! От него в организме начинается кальциевый дефицит и черт знает что еще, — отшельник нахмурился. — Но я, кажется, немного отклонился от темы, не так ли? Мы вроде бы говорили о тебе и твоём предназначении. Думаю, ты хочешь знать, в чем конкретно состоит твое предназначение? Так вот...

— Алчххи! — сказал Боамунд.

— Прошу прощения?

Боамунд пояснил, что провел последние пятнадцать сотен лет, лежа на сквозняке.

— Прости, — сказал он, — ты начал говорить...

— Твоя задача в том, — сказал отшельник, — чтобы добраться до Венткастера-на-Узе и отыскать Святой Грааль.

Боамунд на минутку задумался.

Программа обучения рыцарства весьма избирательна. Она состоит из, выражаясь по-современному, продвинутого курса геральдики, генеалогии, религиозных наставлений и соколиной охоты; затем, при подготовке к диплому, — искусства верховой езды и владения оружием; а после окончания возможна аспирантура на выбор: мистицизм либо искусство флирта. Сколь бы ни были существенны все эти дисциплины для военного ремесла, ни одна из них не имеет склонности стимулировать мыслительные способности. Если что-либо создано не для того, чтобы убивать его, бить с его помощью людей или поклоняться ему, то с точки зрения рыцарства — это совершенно бесполезная вещь. Таким образом, предположение, что нечто способно заставить рыцаря задуматься, уже само по себе звучит просто пугающе.

— Если ты знаешь, что он находится в Венткастере-на-Узе, — сказал Боамунд осторожно, — то зачем тебе понадобился я? Разве ты не можешь просто послать своего карлика, чтобы он принес его тебе, или придумать еще что-нибудь?

Отшельник мягко улыбнулся.

— Прости, пожалуйста, — сказал он, — возможно, мне следовало выразиться несколько яснее. Я не имел в виду, что Грааль находится в Венткастере. По правде говоря, можно с уверенностью поручиться, что это единственное место в мире, где Грааля точно нет. Но если ты собираешься искать его, то поездка в Венткастер является существенным предварительным шагом, поскольку именно там находятся остатки ордена Рыцарей Грааля. Им необходим новый Великий Магистр. Это ты, — он помолчал. — Так лучше? — спросил он.

Боамунд кивнул. Он все еще думал.

— Да, — сказал он, — отлично. Но почему я, что такое Грааль, и зачем все это?

Возможно, отшельник снова улыбнулся, или, может быть, это первоначальная улыбка растянулась еще на одну восьмую дюйма.

— Когда власть предрежащие решили, что Альбион окончательно входит в состав Европы, и нам необходимо начинать переход на континентальный образ жизни, — произнес отшельник с явным отвращением, — некоторые из наиболее дальновидных из нас посчитали, что будет весьма неплохо, если, э-э... как бы это сказать? Мы решили, так сказать, замариновать несколько выдающихся личностей — рыцарей, отшельников, мудрецов и так далее, — просто на всякий случай. Пришлось выбирать из людей достаточно низкого положения, иначе их исчезновение было бы замечено, но вместе с тем обладающих хорошим потенциалом. Ты был одним из них.

— О! — сказал Боамунд.

— Это, можно сказать, птицы высокого полета, летающие над самой землей, — объяснил отшельник. — Яркие таланты, зарытые глубоко в землю. Как бы то ни было, время от времени, когда приходит нужда, мы будим одного из вас. Сейчас Рыцари Грааля как раз потеряли своего лидера, так что...

— Убит?

— Не совсем, — кисло отозвался отшельник. — Он оставил Орден и открыл собственное дело — занялся мойкой окон где-то в Лимингтон-Спа. Так что нам, разумеется, нужна замена. Это хорошее место, — добавил отшельник, поскольку Боамунд продемонстрировал ему такой взгляд, который впору было разбивать молоточком и класть в джинс с тоником. — Статус класса С, лошадь за счет компании, право на открытие пенсионного счета.

— Кстати, это напомнило мне... — начал было Боамунд, но отшельник, нахмурясь, продолжал:

— А также, — сказал он, — действительное обнаружение Грааля незамедлительно дает тебе право на место на Авалоне, отпущение грехов и персональную легенду. Если бы я был энергичным, честолюбивым молодым рыцарем, желающим занять свое место в жизни, я бы ухватился за этот шанс не раздумывая.

Боамунд посмотрел на него.

— К тому же, — прибавил отшельник, — если ты не согласишься, я снова погружу тебя в сон до тех пор, пока ты не станешь более сговорчивым. Согласен?

— Согласен, — сказал Боамунд.

— Великолепно, — сказал отшельник. — Ноготь!

Откидная дверца для карликов в двери гостиной приподнялась, и в отверстии появился Ноготь. Его руки были по локти в масле, в руке он сжимал гаечный ключ.

— Что? — спросил он.

Отшельник нахмурился.

— Ты опять валяешь дурака со своим мотоциклом? — сказал он.

Ноготь посмотрел бегающим взглядом поверх скамеечки для ног.

— А почему бы и нет? — спросил он.

Отшельник посмотрел на него с отчаянием.

— Вот это я и хотел бы знать, — сказал он. — Если проклятая штуковина не хочет работать, давай я наложу на нее заклятие, и тогда, возможно, у нас на полотенцах не будет такого количества масляных пятен.

Карлик нахмурился.

— Оставь мой мотоцикл в покое, — пробурчал он. — Я карлик, чинить разные вещи у нас в крови.

— Однако замена прокладок в кранах у вас не в крови, — ехидно отвечал отшельник. — Я промок до нитки в прошлый раз, когда ты...

— Прокладки — это водопровод, — огрызнулся карлик. — Если хочешь, чтобы починили водопровод, вызови водопроводчика. Ну да все равно, чем могу быть полезен?

Отшельник устало вздохнул, уничтожая взглядом масляные следы на ковре.

— Сэру Боамунду потребуется новая кольчуга, — сказал он, — а также щит и меч, и что там еще. Пошарь в чулане под лестницей, посмотри, что у нас есть.

— Другое дело, — сказал карлик. — Вот это разговор! — И, поклонившись, он поспешил прочь из комнаты.

— На самом деле он хороший парень, — сказал отшельник. — Хотелось бы, правда, чтобы он перестал надевать на кота седло и кататься на нем по всему дому. Ему это не нравится, как ты понимаешь. — Отшельник поднялся с ме-

ста, потряс Боамунду руку и хлопнул его по плечу. — Ну, как бы там ни было, удачи тебе; как только найдешь Грааль — проявляйся, расскажешь мне, как все было.

Боамунд кивнул. Это было вполне в духе рыцарства: в одну минуту ты сидишь под деревом, жуешь травинку и не думаешь ни о чем в особенности, а в следующую ты уже в середине запутанной цепи приключений, которые могут закончиться твоей женитьбой на старшей дочери короля, но с таким же успехом могут закончиться и тем, что тебя ссадят с седла и ты сломаешь себе шею. Будучи рыцарем, учишься плыть по течению событий. По крайней мере в этом отношении профессия рыцаря напоминает профессию бродячего торговца.

— Что ж, тогда счастливо, — сказал Боамунд. — Я все же оставлю тебе астролябию — вдруг у тебя найдется минутка взглянуть на нее.

— Да, конечно, — сказал отшельник. Он постепенно исчезал в лужице голубого света, уплывая в сердце знаменитой Стеклопанной Горы. Пара стоптанных шлепанцев внезапно затрещали, объятые пламенем, и вот уже от отшельника не осталось ничего, кроме пустого кресла. Боамунд повернулся, чтобы уйти.

— Ах да, я забыл упомянуть, — прошептал еле слышный голос. — Что бы ты ни предпринял, ни в коем случае не приближайся к...

— Прошу прощения? — переспросил Боамунд. Он подождал минуты три, но все, что он услышал, было позвякивание колокольчиков фургончика с мороженым где-то вдалеке.

— А это что такое? — спросил Боамунд озадаченно.

Ноготь вздохнул. Он уже понял, что Боамунд окажется тяжелым случаем, и собирал всю свою решимость, чтобы соблюсти терпение. К несчастью, терпение не входило в список Трех Добродетелей Карликов¹.

— Это молния, — ответил Ноготь.

— Я знаю, как выглядит молния, — заметил Боамунд. — Она совсем не такая.

¹ К которым относятся честность, умение работать руками и — вы не поверите — гигиена полости рта.

— Да нет, это, конечно, не молния, — устало сказал карлик, — просто называется так же. Смотри, ты ее тянешь...

— Как?

— Вот так.

— Ой!

Ноготь вздохнул.

— Это как бы вместо гюльфика, — объяснил он. — Ты потом привыкнешь.

Боамунд потерял ущемленное место и пробормотал что-то в том смысле, что он считает это чертовски глупым способом обращаться с вещами. Ноготь лучезарно улыбнулся и протянул ему шлем.

— А это что? — спросил Боамунд. Ногтю уже начинал надоедать этот вопрос.

— Это шлем, — ответил он.

Боамунд воззрился на него.

— Послушай, — сказал он, — конечно, я здесь, считай, новичок, но не пытайся дурачить меня. Шлем тяжелый и блестящий, и сделан из хорошей стали. А это сделано из этой ерунды... как, ты там говорил, это называется?

— Пластик, — ответил Ноготь, — а точнее, стекловолокно. Это мотоциклетный шлем. Они совсем не такие, как те, с которыми ты имел дело.

— Но...

Ноготь решил проявить твердость — иначе они никогда не доберутся.

— Слушай, — сказал он, — в твои времена ведь существовали турнирные шлемы, и боевые шлемы, и парадные шлемы, и все они были разные, верно? Так вот, *этот* шлем предназначен для того, чтобы ездить на мотоцикле. И поэтому он не похож на те.

Боамунд начал хмуриться. Он уже дважды начинал хмуриться: один раз, когда Ноготь вручил ему мотоциклетную куртку и Боамунд попытался указать ему, что только крестьяне и лучники носят кожаные доспехи; и потом, когда узнал, что ему предстоит ехать сзади. Он начал было объяснять, что правит конем всегда рыцарь, а сзади едет карлик, но Ногтю удалось отвлечь его внимание, уронив ему на ногу ящик с инструментами. Он предчувствовал, что вскоре предстоит еще большие проблемы.

— А вот твой меч, — сказал он, — и твой щит. Подержи-ка, я только...

— Эй, — сказал Боамунд, — а почему они в холщовом мешке? Это недостойно — ездить с упакованным мечом.

Ноготь решил, что не стоит прямо сейчас пытаться объяснить Боамунду, почему с его стороны будет неблагоразумно открыто носить свой меч. Такие термины, как «арест» и «оружие, запрещенное к ношению» вряд ли входили в его словарь. Поэтому вместо этого он указал, что задача Боамунда предполагает путешествие инкогнито, чтобы по дороге не пришлось биться в куче утомительных поединков. Как ни странно, Боамунд проглотил это объяснение даже не пикнув.

— Хорошо, — сказал он. — А лошадь?

— Это не лошадь, — ответил Ноготь осторожно. — Не совсем. Пойдем, покажу.

Он повел его в глубь гаража. Там, под мойкой, стоял его драгоценный «Триумф Бонневиль», единственная вещь во всем мире, которую он действительно и не скрывая любил.

— Что это? — спросил Боамунд.

Ноготь ответил, крепко стиснув кулаки:

— Это мотоцикл. Это все равно что... — он закрыл глаза, обшаривая свой ум, вытаскивая ящик за ящиком и вываливая их содержимое на пол. — Это все равно что волшебный конь, которого не нужно ковать, — это было лучшее, что он смог придумать.

— Он летает? — спросил Боамунд.

— Нет, — сказал Ноготь в замешательстве. — Он ездит по земле. Под гору, когда ветер в спину, он без проблем делает сто пятнадцать.

— Сто пятнадцать чего?

— Миль.

— О! — Боамунд нахмурился. — А потом что? — спросил он.

— В каком смысле?

— После того, как ты проехал сто пятнадцать миль, — объяснил Боамунд. — Ты берешь другого, или...

— Да нет же, — сказал Ноготь, щуря глаза и борясь с искушением впиться Боамунду зубами в коленную чашечку. — Сто пятнадцать миль в час.

— Постой-ка, — сказал Боамунд. — Мне казалось, ты говорил, что он не летает.

— Не летает.

Но Боамунд не выглядел убежденным.

— Все волшебные кони, о которых я слышал, могли летать, — сказал он. — Вот, например, Альтамонт, крылатая кобыла сэра Гриви де Бохуна. Она делала триста сорок две, или даже... сто шесть на четыре и сорок три...

— Ну хорошо, — сказал Ноготь, — но...

— У моего дяди была волшебная лошадь, — продолжал Боамунд, — он как-то добрался из Каэрлеона в Тинтагел за час семь минут. На такую лошадь действительно можно положиться, как он частенько мне говорил.

— Э-э...

— И сбруя у нее была что надо, — продолжал Боамунд в забытьи. — Амортизирующие стремяна, поводья с энергетическим приводом, мартингал с гидравлическим увлажнением три-в-одном, подпруги акульей кожи — по индивидуальному заказу, с трехпозиционными авторегулирующимися пряжками...

Ноготь, тяжело ступая, подошел к мотоциклу и отвинтил крышку топливного бачка.

— Нам пора, — сказал он, — мы не можем торчать здесь весь день.

Боамунд пожал плечами.

— Пора так пора, — сказал он. — Где мне сесть?

— Позади меня, — ответил Ноготь. — Давай, забирайся. Мешок не забыл?

Боамунд кивнул и надел шлем. Бормоча что-то себе под нос, Ноготь включил подачу топлива, откинул ножной стартер, встал на него и подпрыгнул.

Незачем и говорить, что проклятая машина не завелась.

Боамунд постучал его по плечу.

— Что ты делаешь? — спросил он.

— Пытаюсь заставить его двигаться, — ответил Ноготь.

— Ты думаешь, что вытащив из него эту штуковину и прыгая на ней, ты заставишь его двигаться? — поразился Боамунд. — Да что ты! Скорее уж он начнет брыкаться, а то, глядишь, и укусит тебя!

Можно, конечно, попытаться объяснить, подумал Ноготь, но зачем утруждаться? Он снова поставил пятку на

стартер, приподнялся на сиденье и подпрыгнул. Как это часто случается, стартер выскользнул у него из-под ноги и больно ударил по голени. Ноготь выругался.

— Я же тебе говорил, — сказал Боамунд. — Почему ты не хочешь просто сказать волшебное слово?

— На него не действуют волшебные слова, тупой ты идиот!

Боамунд шумно вздохнул и произнес нечто маловразумительное. Мотор мгновенно завелся, взревел и перешел на мягкое, сонное урчание. Не было и признака обычного дребезжания плохо пригнанных клапанов. Ноготь сел, слушая с открытым ртом. Даже эксцентрики звучали как надо!

— Давай наконец поедem, — сказал Боамунд. — У нас уйдет по меньшей мере час, если все, что эта штука делает, это...

— Как ты это сделал? — требовательно спросил Ноготь. — Он *никогда* не заводится с первого раза. Никогда. — У него было чувство, что его в чем-то предали.

— Очень просто, — ответил Боамунд. — Я сказал волшебное слово. Я все же не полный невежда, понимаешь ли.

Ладно, подумал Ноготь. Хорошего помаленьку. Ты сам напротился. Он убрал боковой упор, выжал рукоять сцепления на первую передачу и газанул. Переднее колесо обрадованно взмыло к небесам, и мотоцикл, визжа покрывками, ринулся вниз по дорожке, выруливая на Кэйрингорм-Авеню. Уже подъезжая к воротам, Ноготь выжимал около пятидесяти, а когда они выезжали за угол, он так круто развернул мотоцикл, что правая подножка задела асфальт, исторгнув фонтан искр.

Волшебные лошади могут идти ко всем чертям, думал он. Я ему покажу волшебных лошадей, этому здоровенному нахальному ублюдку.

Они выжимали уже под семьдесят, несясь вдоль по Сандерленд-Креснт и огибая припаркованные автомобили, закладывая виражи, как обезумевшая пчела, когда Боамунд наклонился и постучал Ногтя по плечу.

— Что? — крикнул тот через плечо. — Ты хочешь, чтобы я сбросил скорость?

— Нет, конечно, — ответил Боамунд. — Ты не можешь заставить эту штуку двигаться хоть немного быстрее?

Ноготь уже собирался сказать что-то подходящее к случаю, когда Боамунд пробормотал еще одну неразборчивую фразу, и дорога перед глазами Ногтя внезапно превратилась в размытое пятно. Он вскрикнул, но ветер сорвал крик с его губ. Вот показался мебельный фургон, прямо у них по курсу, и тут...

И тут они взлетели. Это было чистое касание: переднее колесо прочесало по крыше фургона; и скорее всего, ему еще придется наворачивать круги по свалкам техники, чтобы найти другое заднее крыло (а вы попробуйте-ка достать заднее крыло для Бонневилля 74-го года, посмотрим, как вам это понравится!), — но все же они были живы. И они были в воздухе.

— Опусти меня! — взвизгнул Ноготь. — Как ты смеешь! Это классический байк, я убил кучу времени, чтобы довести его до конкурсных стандартов. Если ты его разобьешь, я не знаю, что я с тобой сделаю!

— Но он ведь такой медленный, — отвечал Боамунд. — Держись крепче, нам осталось немного.

Ногтя начало подташнивать.

— Пожалуйста, — сказал он.

Законы рыцарства, столь же вразумительные и практичные, как налоговое законодательство, предписывают истинному рыцарю проявлять жалость к слабым и больным. Боамунд, вздохнув, произнес соответствующую формулу, и через момент мотоцикл коснулся поверхности трассы М-18, идущей к югу, делая около двухсот сорока миль.

Господи Иисусе, подумал Ноготь про себя, я мог бы написать об этом в «Супербайк», вот только мне никто не поверит. Он изо всех сил сжал правой рукой рукоятку тормоза, и мотоцикл постепенно сбавил скорость. Он свернул к асфальтированной обочине, выключил двигатель и некоторое время сидел, весь дрожа.

— Ну, а теперь что? — брюзгливо поинтересовался Боамунд.

Ноготь медленно повернулся на сиденье и приблизил свое лицо к Боамунду, так что их шлемы соприкоснулись.

— Послушай, — сказал он. — Я знаю, что ты рыцарь, а я всего лишь карлик, и у тебя Высокое Предназначение, и ты знаешь все о древних технологиях, и у твоего дядюшки

было что-то вроде призового скакуна, который делал сто миль за неполных четыре секунды, но если ты еще раз выкинешь подобный трюк, я возьму этот твой меч и засуну его тебе туда, где не светит солнце, понял?

Три фута семь дюймов разбитых надежд и оскорбленной гордости могут иногда быть весьма убедительными, и Боамунд пожал плечами.

— Как знаешь, — сказал он. — Я просто хотел помочь.

— Ну так не надо хотеть, — Ноготь подпрыгнул на стартере, выругался, попробовал еще раз, завелся и аккуратно вывел мотоцикл в крайний ряд.

На протяжении следующих пятидесяти миль его обогнали три грузовика, два «Мини-Клабмена» с местными номерами, мотороллер и длинный грузовик с полицейским эскортом, который перевозил нечто вроде секции моста; но он не обращал внимания.

— Если бы, — объяснил он Боамунду, когда тот попросил его двигаться хоть немного быстрее, — Бог хотел сделать так, чтобы мы путешествовали быстро и без усилий, Он не даровал бы нам двигатель внутреннего сгорания.

Насколько мог видеть Боамунд, ответа на это не существовало.

— Куда это мы направляемся? — спросил Боамунд.

Ноготь оторвал левую руку от руля и показал.

— Да, да, — сказал Боамунд, — я умею читать. Но что это значит?

Это озадачило Ногтя; по его мнению, значение слов «станция обслуживания» было очевидным. Он не стал утруждать себя объяснением, а просто заехал на парковку.

— Я имею в виду, — сказал Боамунд, снимая шлем и встряхивая головой, — «служба» — это обязанность вассала по отношению к лорду, а «станция» — военный аванпост. Видимо, это то место, куда рыцари приходят, чтобы склониться перед своими повелителями и просить у них милостей?

Ноготь вспомнил, каких усилий ему стоило в прошлый раз заказать себе сосиски, поджаренный хлеб и фасоль, и ответил:

— Да, что-то в этом роде. Ты голоден?

— Теперь, когда ты сказал, — ответил Боамунд, — пожалуй, да. За последние полторы тысячи с чем-то лет я только выпил чашку отравленного молока и съел один беляш.

— Не отравленного, — указал Ноготь, — а зачарованного. Если бы оно было отравлено, тебя бы здесь не было.

— Значит, мне просто показалось.

Ногтю стоило больших усилий объяснить ему правила игры.

— Ты берешь поднос, — объяснял он, — и встаешь в очередь, и стоишь в ней, пока они обслуживают людей перед тобой, а когда очередь доходит до тебя, ты просишь у девушки за стойкой все, что хочешь. Я имею в виду пищу, — добавил он. — Тогда она кладет это тебе на поднос, и ты проходишь с ним к кассе. Понятно?

Боамунд кивнул.

— А потом что? — спросил он.

— Потом мы садимся и едим, — ответил Ноготь.

— Где?

Ноготь поднял на него глаза.

— В смысле?

— Где мы садимся? — повторил Боамунд. — Я хочу сказать, что я не желаю выглядеть дураком, сев на неподобающее мне место.

Господи Иисусе Христе, подумал про себя Ноготь, ну почему я просто не взял с собой бутерброды?

— Ты сядишь там, где тебе понравится, — сказал он. — Это станция обслуживания, а не банкет у лорд-мэра.

— Что такое?..

— Заткнись.

Чтобы оказать ему любезность, Боамунд очень терпеливо стоял в очереди. Он ни разу не толкнул, не ударил и не вызвал на дуэль ни одного из водителей грузовиков, наступавших ему на ноги. Мышцы Ногтева живота стали потихоньку расслабляться.

— Следующий, — сказала женщина за стойкой с горячими блюдами. Ноготь заказал бифштекс и гороховый пудинг и уже собирался отойти к кассе, когда услышал голос Боамунда:

— Я бы съел жареного лебедя, начиненного перепелами, седло кабана в меду, кровяную колбасу из дичи, три

куропатки с кровью и кварту рейнского. Пожалуйста, — добавил он.

Женщина посмотрела на него с недоумением.

— Я сказал, — повторил Боамунд, — что я бы съел жареного лебедя, начиненного...

Одно из немногих преимуществ того, чтобы быть карликом, заключается в возможности выходить из подобных ситуаций совершенно незаметно, при необходимости проползая у людей между ног. Очень осторожно, чтобы не расплескать подливку, Ноготь двинулся в сторону...

— Ноготь!

Он замер на месте и вздохнул. Несколько людей позади Боамунда уже начали выражать нетерпение.

— Ноготь, — сказал Боамунд, — ты говорил мне, что я могу просить у девушки за стойкой все, что я захочу из еды, а она говорит, что все, что она может мне дать — это нечто, называемое *писса*.

— Тебе понравится, — хрипло проговорил Ноготь. — Они здесь делают очень хорошую пищу.

Боамунд потряс головой.

— Послушай, — обратился он к женщине, с чьим лицом происходило то, что обычно происходит с бетоном, только гораздо быстрее, — мне не нужна желтая коровья лепешка, мне нужен жареный лебедь, начиненный перепелами...

Женщина сказала Боамунду несколько слов, и карлик, в чьих генах хранилось достаточное количество полезной информации относительно обычного поведения оскорбленных рыцарей, инстинктивно уронил поднос и свернулся клубком на полу.

Но Боамунд просто сказал:

— Ну что ж, делай как знаешь, а я сам позабочусь о себе, — и, пробормотав себе под нос еще пару слов, пошел прочь от стойки. Вопреки здравому смыслу, Ноготь открыл один глаз и взглянул вверх.

Боамунд все еще держал свой поднос. А на подносе громоздились жареный лебедь, седло кабана в меду, нарезанная ломтями кровяная колбаса весьма подозрительного вида, три маленьких жареных птички и здоровенный оловянный кувшин.

— Эй, постойте-ка! — сказала женщина. — Это не решается.

Боамунд остановился и некоторое время стоял молча.

— Что ты сказала? — наконец спросил он.

— Есть собственную еду не разрешается, — сказала женщина.

Ноготь почувствовал, что в его ребра тыкают носком ботинка. Он попытался проигнорировать это.

— Ноготь, я здесь уже ничего не понимаю. Сперва она не дает мне настоящей еды, а дает только *лиссу*, а теперь она говорит, что мне нельзя есть мою собственную еду. Это значит, что мы все должны обмениваться подносами или что-то в этом роде?

Ноготь поднялся с пола.

— Пошли, — сказал он. — Мы уходим. Быстро.

— Но...

— Идем!

Ноготь ухватил Боамунда за рукав и потащил его по направлению к двери. У них за спиной кто-то закричал:

— Эй! А эти двое не заплатили!

Боамунд встал как вкопанный, и Ноготь, как ни старался, не мог побудить его двигаться дальше.

— Что ты сказал? — спросил Боамунд.

— Ты не заплатил за свою еду.

— Но я не брал ее здесь, — отвечал Боамунд очень терпеливо (и вполне обоснованно). — У этой женщины не было ничего из того, чего мне хотелось, и мне пришлось самому позаботиться о себе.

Ноготь побился сам с собой об заклад, что он знает, что за этим следует.

— Здесь не разрешается, — сказал голос, — есть пищу, не купленную здесь.

«Ну вот, — сказал Ноготь своим ступням. — Я выиграл!»

— Но послушай...

— Нет, — сказал голос, — это ты послушай!

Чувство собственного достоинства, его возвращение и развитие лежат в самом корне рыцарства. Поэтому весьма неблагоприятно говорить рыцарю вещи наподобие «Нет, это ты послушай!», особенно если он голоден и в замешательстве. Несмотря на то, что Ноготь умышленно отвернулся, — исходя из не очень логичной предпосылки, что за то, чего

он не увидит, он потом не будет нести ответственность, — ему не нужны были глаза, чтобы понять, что произошло в следующий момент. Звук, раздающийся при совмещении подноса с жареным лебедем и лица заместителя заведующего кафе, красноречиво говорит сам за себя.

Из-под своего столика Ноготь мог очень хорошо видеть большую часть драки — примерно от ступней участников до их коленей, — и, по его мнению, этого для него было более чем достаточно, большое спасибо. Можно было бы подумать, что парень, проспавший полторы тысячи лет на вершине горы, должен был немного потерять навык, но ничего подобного.

Через некоторое время в поле зрения Ногтя осталась только одна пара ног, и они были обуты в пару мотоциклетных ботинок, которые он сам покупал с неделю назад, измерив предварительно ступню спящего рыцаря. Боже, как давно это было!

— Ноготь!

— Да? — отвечал карлик.

— Ты ведь не особенно голоден, правда?

Ноготь высунул голову из-под столика.

— Да не очень, — сказал он. — Может быть, поедим уже на месте, как ты думаешь?

— Хорошая мысль, — ответил Боамунд. Он вытер с лица подливку и смущенно ухмыльнулся.

Они добрались до мотоцикла и успели его завести примерно за четыре секунды до появления полиции. К счастью, полицейские упустили из виду взять с собой вертолеты, поэтому, когда мотоцикл внезапно оторвался от земли и с ревом понесся в направлении Бирмингема, они мало что могли с этим поделать, — разве что записать его номер и арестовать парочку студентов на «Хонде-125», у которых не работал стоп-сигнал.

2

— Да, — ответил Ноготь.

— Ты уверен? — спросил Боамунд. — Дай-ка мне твою карту на минутку.

Ноготь повиновался, и Боамунд некоторое время изучал ее.

— Похоже, что ты прав, — сказал он. — Просто это не похоже ни на один из тех замков, что я видел до сих пор, вот и все.

Ноготь в этом вопросе был согласен с ним на все сто процентов. Здание скорее напоминало маленькое и довольно безвкусное туристическое агентство. Да еще к тому же и закрытое.

— Может, замок с обратной стороны? — спросил он.

Боамунд посмотрел на него.

— Мне кажется, ты здесь чего-то серьезно недопонимаешь, — сказал он. — Замки — это такая вещь... — он помолчал, пытаясь подобрать подходящее выражение. — Ну, — сказал он, — они просто не могут находиться с обратной стороны других вещей. Замки не так устроены.

— Может, он в Браунхилле, — ответил карлик. — Ты бывал здесь раньше?

— Не знаю, — признался Боамунд. — Тут все немного изменилось с моего времени.

— Ну, — сказал карлик, — вот видишь. Возможно, замковая архитектура тоже немного изменилась с твоего времени. Может, сейчас в моде ненавязчивый стиль.

Боамунд, нахмурившись, слез с мотоцикла. Ногтю подумалось, что вот сейчас ему предоставляется одна из редких возможностей, какой у него не будет, вероятно, еще в течение долгого времени — вскочить на мотоцикл, дать полный газ и рвануть отсюда к чертям собачьим, покуда с ним не случилось чего-нибудь действительно ужасного; но почему-то он не сделал этого. Для себя он объяснял это тем, что мотоцикл, конечно, сразу не заведется, а рыцари обычно смотрят на попытки дезертировать довольно косо. Но истина заключалась в том, что его гены не допустили этого. «Рядом с рыцарем пребудь», — как поется в старинной карликовой песне.

Боамунд уже стучался в дверь.

— Есть кто-нибудь дома? — позвал он.

Тишина. Боамунд попробовал еще раз, с видом человека, который понимает, что самым правильным в таком случае было бы протрубить в горн, если бы только у него было при себе что-нибудь в этом роде. По-прежнему никакого ответа.

— Это, наверное, не то место, — сказал Ноготь. — Слушай, давай пойдем куда-нибудь и там спокойно все обдумаем, а?

Боамунд покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Я думаю, что это все же то место. Посмотри-ка!

Он на что-то показывал; Ноготь встал на цыпочки и взглянул. Он не увидел ничего. И так и сказал.

— Да вот же, — сказал Боамунд, — как ты не видишь, вон, на косяке — очень неотчетливый, но он определенно здесь есть.

Ноготь прищурился. Он должен был признать, что там действительно был какой-то едва заметный рисунок или узор, грубо нацарапанный на краске. Он разглядывал его некоторое время, и наконец воображение подсказало ему, что это можно посчитать букетом роз с переплетенными лепестками.

— Ну да, — сказал он. — И что же это такое?

— Это путевой знак, — ответил Боамунд. — Один из знаков, входящих в Высокое Письмо Древних. Видимо, он означает, что рядом есть рыцари.

— Там так и написано? — настаивал Ноготь.

— Строго говоря, нет, — отвечал Боамунд. — В действительности этот знак читается так: «Страховым агентам и Свидетелям Иеговы вход воспрещен; берегитесь злой собаки». Но если читать между строк... Эй, а это что такое?

— Еще один?

— Может быть, — пробормотал Боамунд. — Сейчас посмотрим, — он стер с косяка засохший голубиный помет, придирчиво взгляделся и довольно фыркнул про себя. — Это определенно путевой знак, — сказал он. — Взгляни.

— На этот раз, — сказал Ноготь, — я поверю тебе на слово.

— Это старинная руна, которую чертили на дверях, чтобы дать знать помощнику шерифа, что хозяева переехали, — заметил Боамунд. — Мы называем ее Великой Противоречащей Себе Пентаграммой. Это то место, я уверен. — И он забарабанил по двери — так сильно, что Ноготь, казалось, мог на расстоянии чувствовать, как она содрогается, — а затем начал что-то громко кричать на языке, кото-

рый Ноготь при обычных обстоятельствах принял бы за болгарский.

Несколько секунд полной тишины; затем окошко над их головами со скрежетом распахнулось.

— Мы закрыты, — сказал голос. — Убирайтесь.

Боамунд воззрился вверх, открыв рот.

— Беддерс! — радостно взревел он и замахал рукой. — Беддерс, это я!

Ноготь поднял глаза на человека в окне: круглолицая лысая голова с большим красным носом.

— Бо? — отвечала голова тоном, который предполагал, что это было, конечно, лучше, чем розовые слоны или пауки, взбирающиеся по обоям, но тем не менее его никто сюда не звал. — Не может быть!

— Беддерс! — в полном восторге повторил Боамунд. — Давай-ка спускайся и открывай дверь, пока я не высадил ее пинком!

Этот диалог, как догадался Ноготь, находился в полном соответствии с тем, как у рыцарей принято разговаривать друг с другом. Очевидно, по законам рыцарства самым подходящим способом выразить теплые чувства, дружелюбие и благожелательность по отношению к другому рыцарю было предложить ему облачиться в полный доспех и предоставить ему возможность быть ссаженным с лошади и испытать пятнадцатифунтовой палицей прочность своей головы.

— Только притронься к этой двери, — отвечала голова, — и я ноги тебе переломаю. — Настоящий знаток учтивого диалога, разумеется, сейчас же распознал бы в этом ответе приблизительный аналог нашему: «Джордж, старый ты сукин сын, где тебя черти носили!», но Ноготь решил, что лучше будет все же спрятаться под прикрытием мотоцикла — просто на всякий случай.

— А руки не коротки, старый ты пьяница? — нежно ответил Боамунд. Голова радостно оскалилась.

— Постой-ка, я сейчас, — сказала она, и окно с грохотом захлопнулось. Боамунд повернулся.

— Что это ты там делаешь? — спросил он.

— Прячусь, — ответил голос из-за переднего колеса. — А на что еще это, по-твоему...

— Не стоит обращать внимание на старину Беддерса, хотя для тебя он сэр Бедever, — сказал Боамунд. — Он мягче овсяной каши, старина Беддерс. Ну-ка, быстро, где мой меч?

Он начал рыться в багаже и к тому моменту, когда дверь распахнулась (обнаружив колоссальных размеров фигуру, с ног до головы покрытую сталью, как не мог не заметить Ноготь), уже нашел свой меч и щит и снова надел мотоциклетный шлем. Ноготь, со своей стороны, произведя сравнительный анализ доступных ему возможностей, запрыгнул в контейнер с левой стороны мотоцикла и закрылся изнутри крышкой. Бывают времена, когда быть маленьким очень хорошо.

— Ага! — услышал он чей-то голос. — Выходи, вероломный рыцарь, ибо я хочу биться с тобой! — Ноготь содрогнулся и закрыл глаза.

— Ты недолго будешь ждать, — отвечал другой идот. — Однако опасайся моего меча!

Последовал шум, какой раздается обычно, когда несколько игроков защиты одновременно набрасываются на регбиста, бегущего с мячом, затем неизбежный звук чего-то металлического, словно из колеса вывалился колпак, покатился по земле и, покружившись на месте, с лязгом хлопнулся на землю. Звук сопровождался раскатами жизнерадостного хохота.

Потом кто-то стащил с контейнера крышку и за воротник куртки извлек из него Ногтя.

— Ноготь, — сказал Боамунд, — познакомься с сэром Бедeverом. Беддерс, это Ноготь, мой карлик.

— Весьма польщен знакомством, Ноготь, — сказал безумец в доспехах. Судя по всему, той вещью, которая упала наземь и покатилась, был его шлем, поскольку он стоял с непокрытой головой, и из пореза над его левым глазом сочилась кровь. — Ну что ж, — сказал сэр Бедever, — заходите в дом. Все ушли, — уныло прибавил он, — а пол на кухне, как всегда, моет самый крайний. — Тут ему в голову пришла мысль. — Постой-ка, — сказал он, просветлев, — его же может помыть твой карлик, правда?

Ноготь только было собрался выразить яростный протест, как Боамунд сказал: «Хорошая мысль!» — и сердечно хлопнул Ногтя по спине. «Еще немного, — пробормотал карлик про себя, — и меня начнет тошнить от всего этого». Тем не менее, по-видимому, все могло обстоять и гораздо

хуже. Бедеве́р по крайней мере показал ему, где находится швабра и порошок, да и сама кухня была значительно меньше, чем, скажем, в Версале.

— Как бы там ни было, — сказал Бедеве́р, подводя гостя к уютному креслу, — усаживайся, чувствуй себя как дома, и рассказывай мне все.

— Что — все? — отвечал Боамунд, протягивая руку к соленому арахису. — Да, кстати, — прибавил он. — Я умираю от голода. Я ничего не ел — по крайней мере, ничего стоящего, — несколько сотен лет.

— Ешь, не стесняйся, — учтиво сказал Бедеве́р, и Боамунд, проговорив надлежащую формулу, набросился на олений бок, услужливо материализовавшийся на столе перед ним. «Вообще-то, — думал про себя Ноготь, ползая на четвереньках в тщетных попытках отскрести особенно упрямое пятно, — если все рыцари могут делать это, непонятно, зачем нужна кухня, не говоря уже про пол в кухне?»

— Ты собирался рассказать... — сказал Бедеве́р.

— Разве?

— Ну да, — ответил Бедеве́р. — О том, что ты делал все это время и... э-э...

— Что?

— Как получилось, что ты вообще еще жив. Я хочу сказать, — уверил Бедеве́р своего друга, — это замечательно, что ты жив. Просто классно. Но все же немного неожиданно, как ты думаешь?

Боамунд положил фазанье крылышко и взглянул на него. Хотя они и прошли с толстяком бок о бок основной курс боевой подготовки, Рыцарское училище и Бенвикскую кампанию, это еще не давало ему права задавать личные вопросы.

— А ты? — спросил он вместо ответа. — Насколько я помню, ты постоянно набивал себе брюхо коржиками, а когда давали кашу, ты всегда просил добавки. Если уж кто-нибудь и должен был сыграть в ящик...

Бедеве́р поморщился.

— Это долгая история, — сказал он.

Боамунд пристально посмотрел на него поверх жареной куропатки.

— Так рассказывай, — сказал он. — Я никуда не спешу.

— Ну что ж...

Суть того, что рассказал Бедевер, была такова:

Боамунд, без сомнения, помнит, как отвратительно стали оборачиваться дела к концу Артурова правления — все эти саксы и все такое...

Ну, не то чтобы. Боамунд к этому времени уже спал, но он поверит ему на слово. Продолжай, пожалуйста.

... эти саксы и все такое; и самое последнее, чего хотел король, — это чтобы его рыцари начали оказывать сопротивление саксам, на чьей стороне было значительное превосходство. Это только усугубило бы положение, и в принципе никуда не годилось. С другой стороны, рыцарская честь, несомненно, не позволила бы им сидеть сложа руки в то время, как куча датских предпринимателей и торговцев свининой берут страну в свои руки и выбрасывают мелких лавочников из национального бизнеса.

Поэтому Артур задумал обходной маневр: поскольку рыцарство все равно находилось на грани исчезновения, он счел, что будет только справедливо и достойно, если оно закончит свой путь с блеском. Для осуществления своего плана он призвал рыцарей к себе в Камелот, рассказал им детскую сказочку о том, что все саксы разошлись по домам, оставив деньги в уплату за расколотые двери и окна, и предложил им квест — найти Святой Грааль.

Рыцари приняли вызов с энтузиазмом, несмотря на то, что ни у кого из них не было и малейшего представления о том, что из себя представляет эта штука, и согласились вновь собраться в Камелоте через год и один день, принеся Грааль с собой.

Результаты превзошли самые смелые ожидания Артура. Когда двор собрался вновь, обнаружилось, что из сотни вышедших в поход рыцарей пятьдесят мертвы, четырнадцать находятся в заключении, двадцать два переметнулись ко двору короля Бенвика, и еще восемь оставили рыцарство и занялись административной деятельностью. Оставшиеся шесть, как посчитал король Артур, вряд ли были в состоянии доставить беспокойство кому-либо. Поэтому он предоставил им общежитие и пожизненную пенсию, нарек их

Орденом Кавалеров Святой Чаши и сбежал через пожарный выход, пока они были в баре.

Кавалеры Святой Чаши продолжали поиски еще некоторое время; но уже из самого факта, что из изначальной сотни остались в живых только они, должно быть очевидно, что все эти рыцари довольно жестко придерживались того правила, что благоразумие — или, лучше сказать, откровенная трусость — является лучшей частью доблести; к тому же, между прочим, никто из них не знал, что такое Грааль. Три года они наудачу колесили по Альбиону в смутной надежде, что Грааль найдется сам собой в какой-нибудь гостинице или в фургоне грузовика, и наконец большинством голосов пять к одному решили оставить попытки. Их доводы были таковы: Альбион — довольно маленькая страна, и в своих скитаниях они, весьма вероятно, уже наткнулись на искомое; найдите его — таково было повеление Его Величества; нигде не было сказано, что в их задачу входит еще и узнать Грааль, когда они его найдут. Поэтому они выставили общежитие на продажу и пошли получать свои пенсии. Скорее всего, их дело бы выгорело, если бы председателем попечителей пенсионного фонда не оказался твердолобый маг и реакционный альбионский националист по имени Мерлин. Он уперся как баран, настаивая, что для выполнения условий квеста Грааль должен быть принесен в Камелот; если это условие не будет выполнено, сказал он, они могут забыть о своих пенсиях.

Кавалеры решили не падать духом и постараться извлечь наибольшую выгоду из ситуации. Вместо того, чтобы активно искать Грааль, они приняли решение впредь искать его пассивно, то есть заниматься своими делами — в надежде, что дела эти окажутся чем-либо более интересным и доходным, — ожидая, не подвернется ли им эта штуковина случайно. После того, как они вложили весь свой наличный капитал в проект постройки туннеля, соединяющего Альбион с Бенвиком, и этот проект провалился из-за того, что Бенвик исчез в морских волнах, когда до него оставалось каких-нибудь пять миль, они поселились в своем общежитии, сдали помещения на первом этаже одному человеку, который организовывал пилигримские туры, и нашли себе работу на соседней фабрике по изготовлению органических красителей.

Фабрики этой, разумеется, давно уже не существует. Рыцари же до сих пор здесь.

— Разумеется, — добавил печально Бедевер, — за исключением Нантри.

Боамунд украдкой смахнул слезу с глаз и прошептал:

— Он умер?

— Не совсем, — ответил Бедевер. — Примерно шесть месяцев назад он объявил, что с него достаточно, и что он уезжает на юг. Должно быть, его сманил этот малый, который собирался открыть где-то лавку видеопроката. Мерзавец, — яростно прибавил Бедевер, — он свалил, прихватив с собой все наши отпускные. Семьдесят четыре фунта и тридцать пять пенсов. А мы-то хотели этим летом поехать в Уэймут!

— Где это — Уэймут?

Бедевер объяснил.

— И вот теперь, — продолжал он, — придется нам всем торчать здесь, а тут еще и ты появился. Домик у нас довольно маленький...

Тут до Боамунда дошло. Бедевер как раз поднимал к губам стакан джина с тоником, когда в него упала монета. Джин расплескался.

— Понимаю, — сказал Боамунд. — Полагаю, этого будет достаточно.

Бедевер снял ломтик лимона с воротника.

— Я всегда счастлив видеть тебя, — забормотал он, — было бы просто замечательно, если бы ты смог остаться с нами хоть ненадолго, но если ты очень занят и спешишь заняться своими делами, — вероятно, очень важными делами, — ради которых ты здесь появился, то, прошу тебя, не стоит ради нас...

— Вообще-то... — сказал Боамунд.

— ...пренебрегать ими. В конце концов, — прибавил он в отчаянии, — мы все здесь занимаемся каждый своим делом, в каком-то смысле, — Туркин развозит пиццу, знаешь ли, а Пертелоп нашел себе очень милую работу тут неподалеку — мойка окон, магазины и офисы, а также жилые дома; Галахад — актер, правда, сейчас он на отдыхе; Ламорак покупает разные вещи и продает их на барахолках; а я... — он запнулся и неожиданно покраснел.

— Продолжай, — сказал Боамунд, заинтригованный. — Чем занимаешься ты?

— Я... Я страховой агент, — пробубнил Бедервер себе в бороду. — На самом деле это очень интересная работа, — быстро добавил он. — Ты даже не представляешь себе, какой широкий разрез общества...

— Страховой агент, — сказал Боамунд.

— Э-э, — проямлил Бедервер. — Кстати, ты, случаем, не хотел бы?..

— Понимаю, — Боамунд нахмурился. На его широком, простом, открытом, честном и — да что там! — глупом лице медленно проявлялось холодное выражение недовольства, как лед, накапливающийся в голосе телефонистки на занятой линии коммутатора. — Ты знаешь, Беддерс, как мы называли тебя в колледже в старые добрые времена?

— Хм-м, нет, — сказал Бедервер. В действительности он имел об этом некоторое представление, и всегда негодовал по этому поводу. По его мнению, нельзя винить человека за то, что он родился со слишком большими ушами.

— *«Li chevalier li plus prest a succeder»*¹, — сурово сказал Боамунд. — Дважды был первым в сражении на копьях, как я припоминаю. Почетная грамота за соколиную охоту. Флирт с отличием. Капитан учтивости три года подряд. И вот теперь, — он вздохнул, — ты страховой агент. Понимаю.

— Это не совсем так, — пробурчал Бедервер несчастным голосом. — Времена меняются, знаешь ли, и...

— Я помню, — не обращая на него внимания, продолжал Боамунд, — я помню, как твой отец, да упокоится его душа с миром, как-то приехал к нам в День Состязаний, когда ты бился на турнире за Золотой Поднос Дешамп-Морнея. Он так гордился тобой!

Бедервер засопел.

— Послушай, — сказал он, — теперь больше не бьются на турнирах. Нынче у нас есть только снукер по телевизору и американский футбол...

¹ Поскольку отец Бедервера был герцогом Ахейским и ему было уже девяносто семь лет, определение «кавалер, который вскоре преуспеет» могло быть интерпретировано гораздо более буквально, чем представлялось Боамунду.

— А когда он узнал, что тебя выбрали участвовать в матче между Стариками, — безжалостно продолжал Боамунд, — знаешь, я никогда не говорил тебе этого раньше, Беддерс, но...

— Послушай! — в голосе Бедевра слышались слезы. — Все не так просто. Мы старались как могли, честное слово. Мы обыскили все вокруг в поисках этой треклятой штуковины. Мы побывали даже, — рыцарь содрогнулся, — в Уэльсе. Но у нас не было ни малейшего представления о том, что конкретно мы ищем. Рыцарство не готовит к таким вещам, Бо. Рыцарство — это значит отыскать кого-нибудь большого и сильного и нехорошего, сидящего на здоровенном черном жеребце, и молотить его по голове, пока он не вырубится. Рыцари всегда оставляют все планирование и обдумывание на кого-нибудь другого. Мы появляемся только тогда, когда подходит пиковый момент, когда надо измочалить кого-нибудь, чтобы вывести его из игры. Мы не могли справиться с этим делом сами, Бо, когда никого не было рядом, чтобы подсказать нам, что надо делать. В современном мире нет места рыцарям, понимаешь? Мы оказались... — он искал подходящее определение. — Думаю, можно сказать, что мы оказались гипер-квалифицированными. Слишком тренированными. Узкоспециализированными. Понимаешь, что я имею в виду?

— Ты имеешь в виду — бесполезными.

— Да, — согласился Бедеве. — Просто дело в том, что больше не осталось драконов. А также девиц, которых нужно спасать. Малыш Туркин попробовал тут как-то... спасти одну девицу. Там было что-то вроде вечеринки, а он доставлял пиццу. Открывает это он дверь, а там эта ужасная варварская музыка, и все эти мужланы таскают дам за руки и крутят их как хотят, и... В общем, он прыгнул в крут, как истинный рыцарь, и начал разбираться с ними как полагается. И тут эта девица бьет ему коленом прямо по...

— Да, я понимаю.

— Потом они позвали полицию, — продолжал Бедеве. — Хорошо еще, что рядом случились мы с Галахадом, так что мы вытащили его оттуда, прежде чем он успел нанести кому-нибудь серьезные повреждения, но...

— И тем не менее, — сказал Боамунд. Если бы его лицо предложили высечь в скале Рашмор рядом с ликами четы-

рех президентов, оно было бы отвергнуто из-за чрезмерной серьезности. — Мне кажется, что я пришел как раз вовремя, чтобы взять командование на себя, как ты думаешь? Один разносит пиццу! Другой — страховой агент! Да старик Саг-рамор перевернулся бы в своей могиле, если бы узнал!

Бедевер, вспомнив их старого почтенного наставника, в сердце своем согласился и понадеялся вдобавок, что при этом он наткнется на что-нибудь острое.

— Но... — начал он.

— Я хотел сказать вот что, — продолжал Боамунд. — Я был пробужден от тысячепятисотлетнего сна, чтобы взять на себя командование этим Орденом, и, во имя Бога всевышнего, командование это я на себя возьму!!

Как раз в этот момент дверь общей комнаты распахнулась, и внутрь вбежал высокий плотный человек с красным лицом, держа в одной руке мобильный телефон, а в другой большую пачку плоских пенополистироловых коробок.

— Беддерс, — вскричал он, — там какой-то карлик на нашей кухне! Я вошел, чтобы разогреть свои пиццы, а этот проклятый маленький мерзавец залил весь пол водой. Я, разумеется, засунул его в мусорное ведро, но ущерб был уже нанесен. Сколько раз я говорил тебе не оставлять заднюю дверь нараспаш...

Он застыл на месте, глядя во все глаза. Коробки с пиццами выпали из его рук и начали медленно кружиться по комнате подобно украшенным анчоусами цирковым обручам.

— Разрази меня гром! — сказал он наконец. — Это же Сопливчик Боамунд!

— Привет, Тур, — ответил Боамунд с холодком.

Сэр Туркин стал еще краснее, чем был, если это возможно.

— Клянусь адом, Беддерс, шутка есть шутка, но какого черта ты этим хочешь сказать? Только на днях я говорил о том, что хотя дела нынче идут хуже некуда, так по крайней мере нам больше не приходится терпеть этого маленького лицемерного головастика с его непрерывными всхлипываниями насчет идеалов рыцарства. И ты согласился со мной, как я припоминаю! Ты сказал...

— Э-э, Тур, — сказал сэр Бедевер. — Я...

— А теперь, — негодовал сэр Туркин, — ты наряжаешь какого-то молодчика и надеваешь ему маску, или что ты там

с ним сделал, только для того, чтобы испугать меня до потери сознания! Посмотри на мои пиццы, ты, придурок, они же теперь все в пыли!

— Это я, Тур, — прошептал Боамунд таким голосом, от которого заledenел бы и гелий. — Как ты поживаешь?

На этот раз Туркин выронил также и свой мобильник.

— Боже мой, — сказал он. — Это ты! Но зачем, во имя всего?..

Бедевер с трудом сглотнул, поднялся с места и как мог кратко изложил ситуацию. Двое других рыцарей обменивались взглядами, какие пристали бы двум саблезубым тиграм, повизгивающим от радости и отращивающим себе толстую зимнюю шубу.

— Ерунда, — сказал наконец сэр Туркин. — У него нет полномочий. Если бы у него были полномочия, у него была бы при себе уверенность или что-нибудь такое, с печатью этого ублюдка Мерлина. Он просто морочит нам голову.

Не говоря ни слова, Боамунд полез во внутренний карман своей куртки и извлек толстый сложенный кусок пергамента со свисающей с него печатью. Печать была какой-то странной — она светилась сама по себе ярким голубым светом.

Сэр Туркин, во рту у которого внезапно стало совсем сухо, взял пергамент и развернул его. Он с минуту молчал, воззрившись на него, а затем сказал — его голос напоминал вибрирующее рычание:

— Чепуха. Здесь какая-то тарабарщина. Он написал это сам.

— Сообщи сэру Туркину, — сказал спокойно Боамунд, — что он держит пергамент вверх ногами.

Сэр Туркин беспомощно кинул на него сердитый взгляд и перевернул пергамент, так что печать теперь свешивалась с его нижнего конца. Боамунд хмыкнул — Туркин помнил это его чертово презрительное хмыканье, как если бы это было не далее, чем вчера. Он опустил взгляд на рукопись.

— Хотя, — продолжал Боамунд, — как я припоминаю, сэр Туркин никогда не был особенно выдающимся чтецом. Стоит вспомнить, как, в то время как весь остальной класс уже прошел до середины *«Roman de la Rose»*, сэр Туркин все еще сидел на задней парте и твердил: «У попа была собака, он ее любил. Она съела кусок мяса, он ее...»

— Ну, вот что, — вскричал сэр Туркин, — доверенность там или не доверенность, а я его сейчас прикончу!

Сэр Бедевер торопливо положил Туркину руку на грудь как раз в тот момент, когда Боамунд закончил: «...убил», не спеша опустился в кресло и положил в рот оливку. Туркин в последний раз яростно фыркнул, швырнул доверенность на пол и начал топтать ее ногами. Поскольку пергамент был, естественно, зачарован, то он добился лишь того, что у него порвались шнуры.

Боамунд улыбнулся — той самой самодовольной улыбкой, которая доводила всех до зубовного скрежета в те времена, когда он был Старшим Шлемом в шестом классе — и сделал легкий жест левой рукой. Туркин, с пылающим лицом, фыркая как боевой конь, преклонил колена и простер вперед свои руки со сложенными ладонями. Боамунд, глядя свысока, как архиепископ, сделал шаг вперед и приложил свои ладони к тыльным частям рук Туркина, стараясь сделать это как можно легче; тем самым он удостоверил, что принимает его присягу на верность. Ярость Туркина ничуть не умерилась, когда он обнаружил, что стоит коленом в собственной пицце.

— Восстань, сэр Туркин, добрый и верный рыцарь, — сказал Боамунд, откровенно наслаждаясь каждым моментом. Туркин кинул на него взгляд, на котором можно было жарить цыпленка, издал неопределенный звук и, поднявшись, весьма развлек зрителей попытками отчистить моццареллу от своего правого колена. Боамунд повернулся к сэру Бедеверу и воспроизвел тот же жест.

Сэр Бедевер заколебался, потом пробормотал: «Э, ну ладно» — и повторил ту же нехитрую церемонию.

— А теперь, сэр Туркин, — сказал Боамунд, — я буду весьма тебе обязан, если ты вытащишь моего карлика отсюда, куда ты его запихнул.

— Я должен был догадаться, что это твой карлик, — проворчал Туркин, пробираясь к кухне. — Забавно — даже тогда, когда мы учились в школе, некоторые из нас всегда имели при себе карлика, в то время как остальные сами полировали себе доспех. Разумеется, все благодаря тому, что у некоторых всегда была богатая мягкосердечная маменька, которая не могла вынести, чтобы ее малень-

кий сыночек ранил свои нежные ручки о противную железную...

Дверь кухни с грохотом закрылась за ним, и Боамунд вздохнул.

— Он всегда был немного нытиком, — прокомментировал он, и Бедевер, никогда не бывший человеком, склонным к ностальгии, внезапно обнаружил, что вспоминает дни счастливой юности, когда он с радостью отдал бы все карманные деньги за целую неделю вперед, если бы ему только дали шанс учинить Сопливчику какую-нибудь гадость.

Но затем ему пришло в голову, что хотя Боамунд и был как раз таким самодовольным зубрилой, каких всегда неизменно делают префектами, тем не менее существовала на свете какая-то утрюмая справедливость, благодаря которой он рано или поздно оказывался в дерьме по самое оплечье, даже когда (как чаще всего и обстояло дело) он фактически и не был виноват.

Бедевер, предварительно удостоверившись, что Боамунд не смотрит, злобно ухмыльнулся. Скажем так: хоть мельницы Господни действительно мелют не слишком быстро, но они смелют тебя в порошок, когда придет время.

Сообщество карликов отличается жесткой организацией и стабильностью, доходящей до упертости, и нормальный карлик обычно знает свое место¹ с точностью до 0,06 микрона. В результате любое неожиданное повышение является для карлика вещью, с которой он не в состоянии легко примириться.

Ноготь не был исключением. Только что он был на побегушках у скромного отшельника и вдруг, одним ударом, возвысился до положения Главного Фактотума целого рыцарского ордена. Единственным карликом, упоминавшимся в легендах этого народа, когда-либо достигшим такого возвышения, был лорд Панариций Герольдмейстер, который заведовал домашним хозяйством у короля Лота Оркнейского во времена короля Утера. Это была большая честь.

¹ Которое находится либо в кухне, либо в оружейной, в зависимости от статуса, и в любом случае находится рядом с большой банкой жидкости для полировки металла.

С другой стороны, Ноготь не мог отделаться от ощущения, что у лорда Панариция скорее всего были под началом несколько младших карликов, с помощью которых он справлялся с затруднениями, или по меньшей мере пылесос. И хотя он не мог говорить об этом с уверенностью, поскольку устные предания могут быть немного туманны, когда дело доходит до деталей, но у него было такое чувство, что лорду Панарицию, возможно, еще и платили.

Боамунд был парень что надо, разумеется, насколько это можно сказать о рыцаре, — а Ноготь быстро становился настоящим знатоком по части рыцарей. Новый Великий Магистр не только заплатил ему за бензин и за ущерб, причиненный заднему крылу его мотоцикла, как только Ноготь отыскал и притащил ему старый чайник, игравший роль орденой казны, — он категорически запретил сэру Туркину и сэру Пертелопу (который был почти так же плох) засовывать его без разрешения в мусорное ведро, под угрозой быть обесчещенными. Ноготь не очень хорошо себе представлял, что означает быть обесчещенным в терминологии Ордена, но догадывался, что это имеет какое-то отношение к запрету использовать фургончик по выходным. Учитывая те занятия, которые избрали себе Туркин и Пертелоп, это несомненно было чрезвычайно жестокой санкцией.

Разумеется, на Ногте теперь лежала обязанность чистить фургон каждое утро (что означало отскребание засохшего томатного соуса от заднего сиденья и, время от времени, перетаскивание коробок с венгерскими кроссовками, которые Ламорак покупал где-то по дешевке и каким-то образом каждый раз забывал разгрузить самостоятельно), но это само по себе было честью, если перевести это на язык Древних Времен. Только карлик самого высокого ранга может занимать одновременно пост Главного Конюшего и Лорда-колесничего.

В целом, первые две недели при новом порядке прошли, насколько мог судить Ноготь, вполне благополучно. Было несколько скользких моментов: Туркин, Ламорак и Галахад Высокий Принц, сговорившись, устроили на Боамунда засаду, когда тот возвращался из газетного киоска, с тем чтобы заковать его в цепи и бросить его в чулан для садовых инструментов, но Бедевер (вопреки здравому смыслу, по мнению Ногтя) раскрыл их заговор, в результате чего Боа-

мунд сорвал их планы, сев на автобус номер шесть вместо номера пятнадцать-а. Он имел с ними после чая очень жесткий разговор в Общей Комнате, после которого Туркин, шатаясь, вышел из комнаты и его на глазах у всех стошнило в кухонную раковину. Однако, если не считать этого, все шло по заведенному распорядку. Обычно это означало, что пятеро младших рыцарей шли на работу, а Боамунд устраивался в Общей Комнате, задрав ноги на софу, и смотрел снукер по телевизору. Боамунд, как заметил Ноготь, очень быстро пристрастился к снукеру и частенько говорил о том, что неплохо бы установить стол у них в гараже, что означало, что Ламораку придется искать новое пристанище для семисот пар попорченных водой китайских джинсов, пятидесяти будильников с одной стрелкой и всего остального запаса своих товаров.

Ноготь вздохнул и окунул тряпку в банку с жидкостью для полировки металла. До сих пор единственным шагом, сделанным Боамундом в направлении возобновления поисков Грааля, был отданный ему приказ выгнать все доспехи и оружие из погреба и отполировать их до турнирных стандартов.

Это, казалось, несколько успокоило остальных пятерых, которые, как он знал, совсем не рвались бросать свои устоявшиеся, хотя и не приносившие прибыли, занятия только для того, чтобы пускаться на поиски этой чертовой штуковины; но у Ногтя, обладавшего изрядной долей проницательности, нередкой среди карликов, было сильное подозрение, что положение дел может резко измениться, когда закончится чемпионат мира по снукеру. «Можете называть это астрологическим предсказанием», — думал Ноготь про себя.

Он подышал на сияющую латную рукавицу, протер ее собственной штаниной и кинул в общую кучу. Здесь было достаточно доспехов, чтобы снарядить целую армию, а ведь он еще и не принимался за конскую сбрую. Заметьте, что он совершенно не мог себе представить, чтобы на эту груду металла был какой-нибудь спрос. Разве что прикрепить пару листов железа к бокам фургона — вряд ли она бы сгодилась на что-то большее.

До него донеслись раздраженные выкрики со стороны Общей Комнаты, и его гены подсказали ему, что это Лорды собрались на Высокий Совет.

У карликов очень крепка расовая память. Положив свою тряпку, он на цыпочках подошел к бельевой корзине, поднял крышку и запрыгнул внутрь.

— Нет, — сказал Туркин.

Боамунд злобно глянул на него и шарахнул по столу крокетным молотком, который использовал вместо председательского колокольчика. Ламорак, у которого в заначке хранилось еще сорок два, тяжело вздохнул. Он подозревал, что они все же не были целиком сделаны из тика.

— Это мятеж, — хмуро сказал Боамунд.

Туркин ухмыльнулся.

— Понял, надо же! — воскликнул он. — Ты быстро все схватываешь, малыш Сопливчик.

— Мятеж, — продолжал Боамунд, — и измена. Если сэр Туркин немедленно не выразит раскаяния в своих словах, у меня не останется другого выбора, кроме как объявить его обещанным.

— Только попробуй, — отвечал Туркин, — и посмотрим, чем это для тебя кончится. Потому что, — добавил он, уверенный в своих силах, — мне больше не нужен этот старый потрепанный фургон, которому место на помойке. Посмотри-ка! — и он величественным жестом кинул на стол связку ключей. — Они настолько довольны мной, — сказал он, — что позволили мне ездить на фургоне фирмы. И, между прочим, — добавил он торжествующе, — это «рено». Так что свою честь можешь засунуть себе...

Выражение лица Боамунда не изменилось. Он просто наклонился над столом, взял ключи и положил их к себе в карман.

Туркин чуть не упал.

— Эй, послушай, — сказал он, — ты не можешь, это же не мои...

— Согласен, — ответил Боамунд. — Они переходят теперь в собственность ордена. А вы, сэр Туркин, объявляетесь обещанным. Итак, продолжим...

Несколько минут в комнате царил ужасный шум — сэр Туркин пытался объяснить, что так поступать нельзя, а сэр Ламорак и сэр Пертелоп в один голос выясняли, не могут ли

они взять этот фургон на выходные. Боамунд утихомирил их, хрястнув по столу молотком; головка молотка отлетела и закатилась под софу.

— Поскольку сэр Туркин лишился права говорить, — сказал Боамунд, — есть ли еще кто-нибудь, кто хотел бы высказать свое мнение?

Последовала долгая пауза, затем Галахад Высокий Принц довольно неуклюже поднялся с места и посмотрел вокруг.

— Слушай, Бо, — сказал он, — ты же знаешь, в принципе я полностью согласен насчет того, что Грааль нужно найти. В этом вопросе я с тобой на все сто. Я думаю так, что найти Грааль — это дело как раз по нам, так что надо просто сделать это, и все. Вот только... — он набрал в грудь побольше воздуха, — ...в смысле времени — может, мы бы смогли как-нибудь утрясти свое расписание... тут мой агент как раз говорил мне на днях, что у него на подходе этот ролик с собачьим кормом...

Лицо Боамунда приобрело зловещее выражение, но Галахад, казалось, ничего не замечал.

— Для меня это такая удача, — продолжал он, — занять настоящее место в собачьих кормах! Они говорят, что им нужен высокий привлекательный мужчина зрелого возраста, в таком широком ворсистом свитере, который будет говорить, что лучшие собаководы рекомендуют этот корм. Только сыграй как надо, сказали они, и из тебя выйдет второй Капитан Птичий Глаз!

— Не выйдет, — сказал Боамунд. — Через неделю мы трогаемся.

Галахад с укоризной обвел взором комнату, но все остальные как раз в этот момент посмотрели в другую сторону, за исключением Туркина, который просто дулся.

— Да брось ты, Бо, — сказал Галахад. — Это ведь, может быть, как раз тот прорыв, которого я так долго ждал. Одна действительно хорошая реклама может дать больше, чем какой-нибудь Вест-эндский хит. Возьми хоть эту женщину с «Тампаксом»...

— Кто такой Тампакс? — прервал Боамунд.

Пламя в глазах Галахада вспыхнуло на секунду, но тут же погасло, сменившись хорошо различимым огоньком вероломства.

— Ну хорошо, — сказал он кротко. — Ты босс. Считай, что я с тобой.

Это несложно, подумал Боамунд, считать я умею, — по крайней мере, могу досчитать до двух, когда речь идет о твоих личинах, маленький коварный гаденыш. Я знаю, о чем ты думаешь, и мы еще доберемся до этого.

— Еще кто-нибудь? — спросил он вслух.

Ламорак поднялся на ноги, и Боамунд сузил глаза. Он практиковал этот фокус перед зеркалом несколько дней.

— И, до того, как сэр Ламорак начал говорить, — сказал он, — мне хотелось бы, чтобы вы все уяснили: я считаю, что мы вряд ли найдем Грааль где-нибудь на Портобелло-роуд. Так что сэр Ламорак может начать выгружать все эти коробки и все остальное, что он засунул в фургон, когда думал, что я не вижу.

Ламорак застонал.

— Ох, да ладно тебе, — сказал он. — Надо хотя бы попробовать, Бо. В наши дни достаточно просто сходить на барахолку и хорошенько порыться, там столько всякого старья...

— Грааль, — ледяным тоном сказал Боамунд, — это не всякое старье. Грааль — это...

— Да, кстати, — внезапно вклинился Пертелоп. — *Что* же это такое, в конце концов? Уверен, мы все были бы в восторге услышать...

— Ах, да, — сказал Боамунд, обводя кончиком языка свои губы, ставшие внезапно сухими как наждачная бумага. — Я надеялся, что кто-нибудь задаст мне этот вопрос. — Он помолчал, и за это время крохотная снежинка вдохновения впрорхнула в его мозг.

Он мог что-нибудь соврать.

— Святой Грааль, — сказал он, мягко и доверительно, — это чаша, или скорее кубок, из которого Господь наш пил на Тайной вечере. Без сомнения, ты помнишь соответствующий эпизод из Библии, Пертелоп? Или ты провел этот урок, рисуя дракончиков на полях своего тресника?

Рыцари Грааля сидели с раскрытыми ртами, глядя на него во все глаза. Это было так просто — врать им. Черт побери, как просто...

— Как бы там ни было, — продолжал Боамунд, — Грааль представляет собой рифленую чашу с двумя ручками,

сделанную из чистейшего золота. Ее поверхность инкрустирована драгоценными камнями чистейшей воды, аметистами и хризопразами, алмазами и рубинами, а по ободу выгравирована надпись — буквами, сияющими словно огонь... Э-э...

Пять остолбенелых лиц глядели на его беззвучно шевелящиеся губы, в то время как он отчаянно обшаривал закоулки своего мозга, пытаясь отыскать хоть что-нибудь подходящее. Он прикрыл глаза, и слова пришли к нему. Они пришли к нему так легко, что почти можно было поверить...

— ...буквами, — продолжал он, оживляясь, — сияющими как огонь:

IE SUI LE VRAY SANC GREAL

— Если память мне не изменяет, — самодовольно добавил он. — Есть вопросы?

Последовала долгая-долгая тишина. Наконец Пертелоп опять поднялся с места. Он пытался принять скептический вид, но было видно, что это напускное.

— Еще раз, какая там была надпись? — спросил он.

Боамунд повторил. С каждым разом у него получалось все лучше и лучше. Может быть, это и было оно самое — как это говорится — чудо?

— А почему она по-французски? — настойчиво спросил Пертелоп. В желудке у Боамунда екнуло. Он уже готов был сказать «Э-э...», когда Пертелоп начал уточнять: — Я имею в виду, она же должна быть на латыни, правда ведь? Вся религия всегда пишется на латыни, так почему же...

Боамунд улыбнулся. Он успел подумать, и гладкие слова покатались из него сами собой.

— Ты забыл, сэр Пертелоп, — сказал он, — что после страстей Господа нашего святой Грааль был взят Иосифом Аримафейским, который увез его в Альбион, где, — добавил он весело, — как тебе известно, мы все говорим по-французски. Ты доволен?

Пертелоп что-то обиженно пробурчал и сел на место. Вместо него поднялся Туркин. Хотя он и был объявлен обещанным и лишен слова, Боамунд чувствовал, что великодушный Великий Магистр может позволить себе быть уступчивым — особенно если у него есть шанс выставить

старину Тура полным ослом перед лицом всей компании. Поэтому он кивнул ему и улыбнулся.

— Так ты говоришь, что эта здоровенная золотая штуковина, — медленно начал сэра Туркин, — со всеми этими камнями и драгоценностями, и что там еще понатыкано, это и есть чаша с Тайной вечери, так?

Боамунд кивнул, продолжая улыбаться. Если постараться, подумал он, то я могу навешать кое-кому и вдвое больше лапши на зеркальце заднего вида.

— Однако! — произнес Туркин. — Видно, у плотников дела шли чертовски неплохо в дни Господа нашего, если они могли себе позволить большие золотые чаши с инкрустациями и...

— Спасибо, — перебил его Боамунд. — Думаю, я понял твою мысль. Естественно, — продолжал он, — в тот момент, когда Христос превращал воду в вино, с кубком тоже произошло нечто подобное. Отсюда и его теперешний вид.

Туркин сел обратно, красный как семафор; сзади кто-то сдавленно хихикнул. На этот раз, однако, на ноги поднялся Галахад.

— Великолепно, — сказал он. — Этот вопрос для нас выяснен, нет проблем. Но, — добавил он коварно, — у тебя случайно нет какой-нибудь идеи относительно того, где он находится? То есть, я понимаю, этот Иосиф-там-каковский привез его в Альбион, с этим все согласны; но все это было довольно давно, не так ли? Я имею в виду — с тех пор он мог деться куда угодно.

Улыбка Боамунда стала даже немного шире, чем была. На этот раз он действительно ждал, что кто-нибудь спросит его об этом.

— Сэр Галахад, — сказал он, с видом человека, который нашел в словаре нужную цитату, — если бы он не был потерян, перед нами не стояла бы задача найти его.

Опять наступила тишина, за которой последовал гул возбужденных «да, но...» собравшихся рыцарей. Боамунд призвал их к тишине ударом свежего молотка.

— Братья, — сказал он, игнорируя голос откуда-то сзади, тут же поинтересовавшийся, не заделался ли он профсоюзным лидером, — когда старец-отшельник вверял мне мои полномочия, он также передал мне некий очень древний пергамент,

который, без сомнения, приведет нас к месту, в котором пребывает ныне Святой Грааль. Этот пергамент лежит у меня в... — он похлопал себя по внутреннему карману, нахмурился и принялся рыться в своей одежде. В этот момент кухонная дверь приоткрылась, и внутрь рысцой вбежал Ноготь.

— Вот, — прошептал он. — Ты оставил его в заднем кармане своих коричневых вельветовых брюк. Хорошо еще, что я обшарил их перед тем, как засунуть в стиральную машину, а то бы...

— Ага, спасибо, — проговорил Боамунд, — ты можешь идти. Этот пергамент, — и он поднял его так, чтобы всем было видно, — несомненно, приведет нас туда, куда нужно.

Пертелоп опять был на ногах.

— Погоди-ка, — сказал он. — Если этой бумажке столько лет, и в ней написано, где находится эта чертова штука-вина, тогда как получилось, что?..

Но настроение собравшихся уже переменялось. Бедевер лягнул его в голень под столом, в то время как кто-то еще сказал, чтобы он перестал корчить из себя такого чертова умника, заткнулся и сел на место. С соответствующей торжественностью Боамунд сломал печать, развернул пергамент и прочел.

— О! — сказал он.

Рыцари Ордена Святого Грааля были не единственными искателями приключений, пытавшимися отыскать этот легендарный и волнующий воображение предмет. Совсем нет.

Вот хотя бы один пример: на семнадцатом году правления короля Бана Бенвикского (необходимо пояснить, что Бенвик был королевством, лежавшим между Альбионом и Европой и в большой мере разделявшим изоляцию Альбиона от остального человечества и его приверженность к магии и рыцарству; оно кануло в морскую пучину вскоре после Артурова отречения, и, согласно преданию, бенвикцы добровольно приняли такое решение, чтобы их нация никогда не стала рядовым членом федерации соединенных штатов средневековья, которые создали современный мир. Поскольку все жители Бенвика исчезли в водах моря вместе со своим королевством, было бы интересно узнать, каким

образом до нас дошла эта увлекательная история.) один молодой бенвикский рыцарь по имени сэр Прим де Гани, находившийся в пути с неким поручением, подъехал однажды к замку, стоявшему посреди необитаемых земель.

Поскольку уже сгущались сумерки, а молодой кавалер сбился с пути, он постучался в ворота замка и был впущен внутрь дежурным карликом.

Обнаружилось, что кастеляншей замка была прекрасная незамужняя девица, которая жила там совсем одна, не считая двадцати семи высоких, хорошо сложенных молодых оруженосцев и небольшой колонии карликов, имевшей просторное и прекрасно оборудованное собственное помещение на дне высохшего колодца. Сэр Прим был приглашен к изысканному банкету, отведал жареной утки с чибисами и был развлечен квартетом карликов-менестрелей, которые играли все, что могли вспомнить из *«Ma Beale Dame»*.

Случайно разговорившись с прекрасной кастеляншей, сэра Прим узнал, что замок, который был велик и содержание которого было весьма большой доуккой, являлся предполагаемым хранилищем Святого Грааля, оставленного там за несколько сотен лет до того Иосифом Аримафейским в качестве обеспечения значительного долга масонского ордена Змей и Лестниц. Единственной проблемой было то, что поскольку замок был так велик, и большинство комнат стояли закрытыми, никто не мог вспомнить, где эту чертову хреновину видели последний раз. Естественно, периодические попытки отыскать ее предпринимались; но поскольку в результате, как правило, не открывалось ничего более интересного, чем очередные залежи высохшей трухи и дохлых жуков-точильщиков, они прекращались, едва начавшись. Все, чего им не хватает, продолжала кастелянша, — это бесстрашного молодого героя, который не уstrasится при виде пятен плесени и зарослей фиолетовых грибов, предпримет тщательный обыск всех помещений и найдет Грааль; таким образом, девица будет снабжена кругленькой суммой, с помощью которой сможет осуществить свою давнюю мечту о превращении этого забытого Богом местечка в дом отдыха или спортивный комплекс.

Воображение сэра Прима было воспламенено этим увлекательным рассказом, и он потребовал у кастелянши под-

робностей. Она любезно предоставила ему полный комплект планов и схем, предварительных смет, разрешений на строительство, прогнозных приходно-расходных оценок, подготовленных ее бухгалтерами; а также вручила договор об образовании совместного предприятия, согласно которому, внеся какие-то жалкие семьдесят тысяч марок, рыцарь получал право на сорок процентов акций предприятия вкупе с процентами на капитал и пятьдесят процентов чистой прибыли. Сэр Прим в восхищении вытащил чековую книжку, выписал вексель на семьдесят тысяч марок, подписал контракт и моментально погрузился в глубокую дремоту.

Пробудившись, он обнаружил, что лежит на холодной болотистой пустоши. Замок, кастелянша и подписанная им часть контракта исчезли без следа. Более того, куда-то подевалось его золотое распятие и еще несколько безделушек, которые были при нем.

По пути домой он повстречался с древним отшельником, которому и поведал о своем странном и ужасном приключении. Отшельник, сдерживая смех при помощи засунутого в рот рукава мантии, пробормотал, что по-видимому, сэр Прим имел несчастье набрести на легендарный замок Лионесс. Если дело обстояло именно так, то девица эта была не кто иная, как «*La Beale Dame de Lyonesse*» — Прекрасная Леди Лионесса, — и рыцарь мог считать себя счастливым, если он убрался оттуда всего лишь будучи обчищенным на семьдесят кусков. Некоторым бедолагам, объяснил он, не удастся отделаться так легко. Например, известно, что отдельные рыцари — вот уж действительно идиоты — покупают пожизненный абонемент в Лионесс на две недели в июле или августе; к счастью, подобные классические придурки попадают так же редко, как девственницы в...

Как нетрудно было предсказать, сэр Туркин первым нарушил молчание.

— И что там написано? — спросил он.

— Э-э-мм, — ответил Боамунд.

— Там написано «эм», так, что ли? — съязвил Туркин. — Боже мой, как нам это помогло!

Боамунд пялился на пергамент в своей руке, не обращая внимания даже на Туркина. Наконец, он прочистил горло и заговорил, — правда, довольно высоким голосом.

— Я думаю, это что-то вроде шарады, — сказал он. — Ну, знаете, «моя первая буква — это...»

— Так что там написано? — спросил чей-то голос.

Покраснев так, что впору и Авроре, Боамунд ответил:

— Это... Я не знаю. Это что-то вроде списка. Или рецепта, — он немного подумал. — Или, может быть, какая-то квитанция, — он поскреб в затылке.

Туркин ухмыльнулся.

— Дай-ка сюда, — потребовал он, и Боамунд не сделал никакой попытки к сопротивлению, когда он схватился за пергамент. Было похоже, что он почти хотел, чтобы кто-нибудь другой взял на себя труд прочесть это вслух.

— Итак, — сказал Туркин, — что тут у нас... Господи помилуй!

Несколько рыцарей понукали его, чтобы он продолжал. Он покусал губу и наконец прочитал:

СВЯТОЙ ГРААЛЬ: ИНСТРУКЦИЯ

Передник Неукротимости

Персональный Органайзер Знаний

Носки Неизбежности

Первое может быть найдено в месте, где детей носят в карманах; оно пришло туда с *первой* Первой Флотилией.

Второе может быть найдено в безопасной гавани, где время — это деньги; куда деньги уходят и не возвращаются обратно; в великой канцелярии под морем и по ту сторону моря.

Третье, дар Божий рыцарям Святого Грааля, может быть найдено там, где один вечер длится вечно; во владениях психопата, любимого всеми под сводом небес; в королевстве летящего оленя.

Вооружась этими тремя, пусть рыцарь Святого Грааля вернет себе то, что ему принадлежит, освободит Альбион от его желтых оков и вкусит свой чай, не боясь, что придется мыть посуду.

Сзади кто-то откашлялся. В такие моменты кто-то всегда откашливается.

— Я думаю, малыш Сопливчик прав, — сказал наконец Туркин. — Это какая-то шарада.

Бедевер с усилием закрыл рот, моргнул и сказал:

— Вот этот момент — про безопасную гавань. Что-то знакомое, вам не кажется?

Пятеро рыцарей посмотрели на него, и он сглотнул.

— Ну, — продолжал он, — это напоминает мне что-то, что я когда-то читал. Или, может быть, слышал где-то. Это вертится у меня на...

— Да, задачка не из простых, а? — вступил Ламорак. — Может, лучше спросим кого-нибудь — ну там, какого-нибудь отшельника или еще кого. У кого-нибудь есть на примете хороший отшельник?

— Прочти-ка еще раз.

Туркин повиновался, и в этот раз последовал град предположений, перекрывавших друг друга. В конце концов, Боамунд восстановил порядок, грохнув по столу крокетным молотком.

— Джентльмены, — сказал он (не по уставу), — совершенно очевидно, что мы не в состоянии расшифровать это. Это не наша работа. Основное правило гласит: рыцари не думают. Так что прежде всего нам нужно найти кого-нибудь, кто сможет уловить здесь хоть какой-нибудь смысл... Хорошо было в старые времена: всегда можно было спросить какого-нибудь отшельника или затворника, или просто — едешь как-нибудь лесом поутру и думаешь о своих делах, ищешь, допустим, отбившегося сокола, а тут где-нибудь на обочине как раз и сидит какая-нибудь старая карга. «Прошу тебя, господин, — говорит она, — перенеси меня через эту реку к моей хижине». А ты отвечаешь...

Голос сзади попросил его держаться ближе к сути дела. Он собрался с мыслями.

— Как бы там ни было, — продолжал он, — я хочу сказать, что так мы поступили бы *тогда*, но тогда было *тогда*, а сейчас у нас *сейчас*. Так?

Пять голов настороженно кивнули. Эта сентенция была либо мудрой, либо сама собой разумеющейся, — основная сложность всегда в том, чтобы отличить одно от другого.

— Так вот, — сказал Боамунд, — вы, ребята, в отличие от меня, знаете все насчет *сейчас*. К кому бы вы пошли в

теперешнее время, если бы вам попало что-то, чего вы не понимаете, чтобы вам это объяснили?

— Да? — оживленно сказала мисс Картрайт. — Чем могу помочь? — Она улыбнулась своей блистательной рекламной улыбкой, в которой любой из венткастерских бездельников сразу же распознал бы предостережение не слишком испытывать ее терпение сегодня утром. — Хотите, чтобы я объяснила вам, как заполнить какую-нибудь форму?

— Пожалуй, да, — сказал Боамунд, слегка покраснев. Не считая женщины на станции обслуживания, которая с феодальной точки зрения явно не имела статуса и, следовательно, в счет не шла, это была первая женщина, с которой он говорил за последние пятнадцать сотен лет. — Вообще-то, — сказал он, — перед тем, как мы приступим к делу, тут есть один вопрос...

«Один из этих, — сказал мисс Картрайт ее внутренний голос, — я чую их за версту».

— Да? — спросила она.

— Э-э, — промямлил Боамунд, — я хочу спросить, обязательно ли быть гражданином, чтобы получить консультацию, или... — он в очевидном замешательстве покусал губу. — Понимаете, я не совсем уверен, что я подхожу, потому что, если «гражданин» значит то же, что мы называем «горожанин», или *«burgouys de roy»*, то я не из их числа, — скорее вы могли бы назвать меня благородным...

Одним из принципов, которыми мисс Картрайт всегда руководствовалась в своей работе, было положение, что хороший консультант всегда отвечает на поставленный вопрос, причем это не обязательно должен быть тот вопрос, который посетитель задает в действительности. Поэтому, сосредоточившись на слове «гражданин», она заверила Боамунда, что службы Бюро доступны для всех, независимо от расы, вероисповедания, национальности или цвета кожи, и, следовательно, не обязательно быть британским подданным, чтобы пользоваться их услугами.

— Ага, — сказал Боамунд, помолчав. — Ладно. Но заметьте, — добавил он, — я не думаю, что я этот — как вы сказали — британский подданный, поскольку я не британец,

а альбионец; а что касается второго слова, то я не считаю, что я действительно подданный, я скорее что-то вроде...

— В чем конкретно заключается ваш вопрос? — спросила мисс Картрайт. — Это касается какой-нибудь формы, не так ли?

— Да, — сказал Боамунд. — Пожалуй, так.

Мисс Картрайт взглянула на него. Иногда приходится просто угадывать.

— Улучшение жилищных условий? — спросила она, основывая предположение на его кожаной куртке. — Субсидия на развитие предприятия?

— А что такое субсидия?

Вот оно, сказала себе мисс Картрайт. Наконец-то мы добрались до сути. Она объяснила. Она привыкла объяснять и делала это быстро, четко и внятно. Когда она закончила, не оставалось сомнений в том, что Боамунд понял; однако его реакция была, пожалуй, странноватой. Было похоже, что он удивлен. Даже шокирован.

— Это правда? — наконец спросил он.

— Да, — ответила мисс Картрайт, тяжело дыша через нос. — Вы хотите получить субсидию, мистер?..

Глаза Боамунда выдавали, что он подвергается тяжкому искушению, но его мать или кто-то еще предупреждали его о том, что может случиться, когда принимаешь деньги от незнакомых женщин. Он покачал головой.

— У нас тут одна бумажка, — сказал он. — Мы бы хотели, чтобы кто-нибудь...

— Повестка, может быть? Или предписание?

Боамунд кивнул. Он знал все насчет повесток и предписаний. Повестки и предписания были как раз тем, посредством чего в Альбионе делались дела. Например, если король Артур хотел, чтобы у него во дворце помыли окна, он через герольда рассылал повестки, вызывая всех мойщиков окон Альбиона встретиться на городском рынке Каэрлеона в день середины лета и избрать среди себя достойнейшего. Или, желая получать каждое утро пинту жирных сливок вместо полужирных, он составлял предписание для рыцаря-молочника.

— Может быть, — сказал он. — Взгляните на нее, и посмотрим, что вы о ней скажете.

Он вытащил из внутреннего кармана куртки кусок толстого пергамента, с которого свисало нечто, по виду напоминающее печать. Мисс Картрайт воззрилась на нее, словно она была живая.

— Хм-м, — сказала она и развернула пергамент.

Немного спустя она положила его на стол и посмотрела Боамунду прямо в глаза. Как ни отвратительно было ей признаваться в этом, даже самой себе, но в этом ненормальном было нечто такое, отчего внутри возникало мерзкое ползучее ощущение, что это взаправду. Невозможно *притвориться* таким придурком, не потеряв при этом убедительности, — это все равно что пытаться притвориться, что ты умер.

Для разрешения подобных ситуаций существует давно и прочно установившийся метод. Вы находите среди персонала самого младшего и поручаете ему взять у вас дело. Мисс Картрайт поднялась с места, улыбнулась и, спросив Боамунда, не согласится ли он немного подождать, торопливо прошла во внутреннее помещение.

— Джордж, — сказала она, — будь умницей, обслужи этого человека в кожаной куртке вместо меня.

Как ни странно, Джордж расплылся в улыбке от уха до уха.

— Конечно, — сказал он. — Спасибо.

Он спрыгнул со своего стула и быстро засеменял к двери. Мисс Картрайт озадаченно почесала в затылке. «Это, конечно, неплохо, — сказала она себе, — набирать на работу неполноценных и инвалидов», — но она никак не могла привыкнуть иметь дело с человеком, в котором всего-навсего три фута и четыре дюйма. Постоянно боишься, э-э... наступить на него.

Боамунд уже начинал недоумевать, что происходит, когда заметил карлика, выходящего из заднего кабинета. Он улыбнулся. Он все же выбрал правильное место.

— Привет, — сказал карлик. — Ты ведь рыцарь, не правда ли?

— Да, — ответил Боамунд.

— Нетрудно догадаться, — сказал карлик, — если знаешь, куда смотреть. Меня зовут Заячья Губа, но на людях лучше зови меня Джордж. У людей довольно забавное отношение к именам, мистер...

— Боамунд, — представился Боамунд. — Послушай, у нас тут оказался вот этот документ, и мы ничего не можем в нем понять.

— Под словом «мы» ты подразумеваешь?..

— Себя и свой Орден, — ответил Боамунд. — Рыцарей Святого Грааля.

Джордж приподнял одну бровь.

— Да ну? — сказал он. — Мой двоюродный дед в тридцать седьмом колене был карликом у некоего сэра Пертелопы, который был Рыцарем Грааля.

— До сих пор крепок как дуб, — заверил его Боамунд, — представь себе.

— Мир тесен, — согласился Джордж. — Ну что ж, — добавил он, глядя на расстояние, отделившее его от пола, — не хочу показаться настойчивым, но все же — могу я взглянуть на документ?

Боамунд кивнул и передал ему пергамент. Джордж внимательно прочел его, время от времени делая пометки в своем блокноте. Наконец он отдал документ обратно и улыбнулся.

— Замечательно, — сказал он. — Поздравляю. Так в чем проблема?

Боамунд пару раз моргнул.

— Э-э, ну, для начала, что это значит? — спросил он.

— Ах, ну да, — сказал Джордж. — Конечно, я совсем забыл. Я понимаю, для рыцаря это действительно может представлять некоторую проблему.¹

— Итак?

— Итак, — сказал Джордж, — прежде всего, это перечень тех вещей, которые ты и твои рыцари должны отыскать, чтобы получить возможность найти Грааль. Они пред-

¹ Карлики, очевидно, от природы наделены даром отгадывать загадки, складывать головоломки, расшифровывать коды и решать кроссворды. Частично это благодаря тому, что они по самой своей натуре являются волшебными сверхъестественными существами, которые чувствуют себя как дома скорее внутри Стеклоанной Горы, чем снаружи. Другой причиной является то, что, будучи слишком невысокими, чтобы дотянуться до бильярдного стола, и слишком слабыми, чтобы играть в дартс, они не могут подыскать себе другого развлечения, когда приходят по вечерам в паб.

ставляют собой передник, персональный органайзер — это нечто вроде блокнота — и пару носок. Они спрятаны в отдаленных и труднодоступных местах. Пока что все понятно?

Боамунд кивнул. Им понемногу овладевало то чудесное ощущение, которое бывает, когда все наконец начинает приходить в норму.

— Существуют тайные ключи к тому, где можно отыскать эти вещи, — продолжал Джордж, вытирая нос тыльной стороной кисти. — Вообще-то мне не позволено помогать вам слишком много...

— Почему?

— Королевские Предписания, — пояснил карлик. — Но тем не менее, я могу дать несколько намеков.

— Например?

— Например... — повторил карлик и действительно выдал несколько весьма прозрачных намеков. По правде говоря, по сравнению с намеками Заячьей Губы говорящие часы можно счесть образцом неопределенности.

— Ага, — сказал Боамунд. — Хорошо. Спасибо.

— Не стоит благодарности, — отвечал карлик. — Был счастлив оказать услугу. Напомни обо мне сэру Пертелопу. Передай ему, что у него до сих пор хранятся три фартинга моего двоюродного дедушки в тридцать седьмом колене.

— Как поживает твой двоюродный дедушка в тридцать седьмом колене?

— Он умер.

— Печально это слышать.

— Такое случается, — ответил карлик. — Как бы там ни было, не бери в голову. Послушай, ты не мог бы расписаться вот здесь?

Он достал из внутреннего кармана какую-то бумагу официального вида.

— Что это? — спросил Боамунд.

— Моя увольнительная, — радостно отвечал карлик. — Видишь ли, моя семья была связана договором с Рыцарями Грааля в течение многих поколений. Пока договор в силе, мы обязаны тратить огромное количество времени на службу. Мой двоюродный дед в тридцать седьмом колене работал всю свою жизнь, за исключением тех десяти минут, в

течение которых король Артур подписывал свое отречение, когда рыцарские ордена перестали существовать. С тех пор мы... — карлик слегка содрогнулся, — ...постоянно крутимся здесь, ожидая, когда нам представится случай сделать все как положено. И вот теперь, благодаря тебе, мы можем завязывать и уходить восвояси. Какое счастье, что ты подвернулся, ей-богу!

— Действительно, — согласился Боамунд, подписывая бумагу большим крестом.

— Или, точнее, — сказал Джордж, — это предназначение. Твое и мое. Чао! Удачной охоты!

Он сложил бумагу, попросил обратно свою ручку (которую Боамунд бессознательно засунул к себе в карман), трижды поклонился на четыре стороны и прыгнул со стула. Посередине комнаты, там, где еще минуту назад располагалась витрина с брошюрами Семейного Кредита, возникла Стеклянная Гора, голубая и сверкающая. Дверь скользнула в сторону, и карлик ступил на порог, помахав ему рукой.

— Подумать только, — сказал Боамунд, растроганно улыбаясь. Ему казалось, что мир, в который он попал, представляет собой огромную кучу несуразностей и необъяснимостей, в которой лишь изредка мелькает что-то нормальное. Тем не менее, отрадно было знать, что они все еще тут — эти действительно важные вещи, такие как Предназначение и Невидимый Мир. В глубине души он был рациональным человеком, и ему, черт побери, требовалось гораздо больше, нежели какая-то микроволновка или часы с будильником, чтобы действительно сбить с толку.

Он взял Инструкцию, улыбнулся мисс Картрайт, которая сидела поджав губы, и удалился.

— Так, — сказал Боамунд.

Лидерство — очень непостоянное, почти химерическое качество. Те же самые черты в характере человека, которые делают его прирожденным лидером, в то же время частенько, объединившись, превращают его в сущее наказание. Так, например, Кортес, низвергший баснословно могущественную мексиканскую империю, имея четыреста пятьде-

сят человек, пятьдесят лошадей и четыре пушки, был генералом от Бога, но это не мешало его преданным последователям морщиться от отвращения, когда он в очередной раз потирал руки и с широкой ухмылкой провозглашал: «Ну-ну, ребятки, это не так трудно, как кажется!» В случае Боамунда, вся его несомненная энергия и напор не могли возместить того факта, что он предварял практически каждое свое заявление ударом кулака одной руки по ладони другой, сопровождая его восклицанием «Так!». Это, по мнению многих из его людей, было рассчитано на поднятие их боевого духа до уровня толпы линчевателей.

— План таков, — продолжал Боамунд. — Мы разделяемся на три партии по два человека каждая, находим три вспомогательных предмета, приносим их сюда и находим Грааль. Проще некуда. Вопросы?

— Да, — сказал Ламорак. — У кого будет фургон?

— Какой именно? — вмешался Пертелоп. — У нас их теперь два, помнишь?

— Да не два, придуток, — заорал Туркин. — Я же говорю тебе...

— А ты вообще заткнись, тебя лишили слова!

— Только не надо мне тут...

Боамунд нахмурил брови.

— Тихо! — рывкнул он и хлопнул ладонью по крышке коробки из-под апельсинов, которая заменяла стол. — Если бы вы меня слушали, — продолжал он, — то до вас должно было дойти, что у кого будет фургон — вопрос чисто теоретический, поскольку все мы отправляемся за тысячи миль за пределы Альбиона. Фургон не поможет ни...

— Ну и ладно, — торопливо согласился Ламорак, — я только хотел сказать, что сейчас моя очередь, и я не объявлен обесчещенным, и я думаю, что было бы только справедливо...

Боамунд вздохнул.

— Фургона не будет ни у кого, — сказал он. — Это ясно?

Последовал невнятный ропот, общий смысл которого сводился к тому, что поскольку его ни у кого никогда и не было, то этого и следовало ожидать. Боамунд еще раз хлопнул по коробке.

— Теперь вот что, — сказал он. — Следующее, что предстоит решить, — и он включил излучение своей улыбки на

полную мощность, чтобы скрыть беспокойство в сердце, — это кто из нас с кем пойдет. Молчать! — добавил он, предупреждая их реплики.

Рыцари воззрились на него.

— Я предлагаю, — сказал он, — разделить таким образом: Ламорак и Пертелоп; Туркин и Бедевер; я и Галахад. Есть возражения?

Он собрался с силами, готовясь к неизбежному шквалу недовольства. Все будет снова как в школе, думал он. «Я с ним не играю». «Мы не хотим, чтобы он был в нашей команде». Сейчас начнется...

Никто не произнес ни слова. Боамунд моргнул и продолжал:

— Распределение задач: Лам и Пер — передник; Тур и Беддерс — эта персональная штуковина; Галли и я — носки. Есть возражения?

«Они что-то задумали», — подумал Боамунд. Никогда еще за всю свою жизнь они не соглашались с чем-либо без драки. Они несомненно что-то задумали.

Его мысли вновь вернулись к Турниру Стариков на шестом курсе, когда он был вице-капитаном боя на копьях, а капитан, Мокрица Агравейн, вывихнул себе лодыжку в дружеской схватке на шестах с *Escole des Chevaliers seconds* (то есть рыцарской школой № 2), предоставив ему, в первый и последний раз, собирать команду. Его память порхнула в тот далекий день, как голубь, возвращающийся в гнездо; он снова чувствовал горячие слезы стыда и унижения на своих щеках, когда смотрел, как они выходят, откровенно не соблюдая разработанное им построение, в своих летних кольчужках, с притупленными двуручниками и в секондхэнд-овских накидках поверх доспехов. Они делали вид, что соглашались, вспоминал он, а потом, когда наступил решающий момент, они просто пошли и стали делать то, что они, черт побери, считали нужным. Что ж, не в этот раз. Теперь он был готов.

— Хорошо, — сказал он. — Это решено. Теперь, вот вам ваши задания, — продолжал он, протягивая им запечатанные конверты, — и вы все должны поклясться словом чести не открывать их до того момента, пока не покинете резиденцию ордена. И еще, — добавил он, — три партии отправят-

ся отсюда с пятнадцатиминутными интервалами, просто чтобы быть уверенным.

— Быть уверенным в чем, Сопливчик? — невинно спросил Туркин. Боамунд скривил губу на долю миллиметра или около того, но затем заставил себя улыбнуться.

— Просто чтобы быть уверенным, и все тут, — сказал он. — Есть вопросы?

Вопросов не было.

— Замечательно, — сказал он. — Хорошо, разойдись. — Он сел и стал в последний раз просматривать список необходимых вещей.

Другие рыцари гуськом вышли из комнаты, оставив его одного. Он уже наполовину просмотрел свой список, когда вошел Ноготь. У него был весьма таинственный вид.

— Тс-с! — прошептал он.

Есть люди, которые не могут устоять перед заговорщическими звуками, и Боамунд был одним из них.

— Что? — шепнул он в ответ.

Ноготь осмотрелся по сторонам, чтобы удостовериться, что никто из рыцарей не слушает, и прошипел:

— Помнишь эти конверты, которые ты им дал?

Боамунд кивнул.

— Ты знаешь, — продолжал карлик, — что им было не позволено вскрывать их до тех пор, пока они не отправятся?

Боамунд кивнул еще раз.

— Что ж, — сказал Ноготь, — они там все сейчас их читают. Я, э-э... подумал, что тебе лучше об этом знать.

Боамунд улыбнулся.

— Я и предполагал, что они так поступят, — сказал он. — Именно поэтому я и не дал им *настоящие* конверты.

— О! — Ноготь приподнял бровь. — А с виду они выглядели совсем как...

Боамунд нахмурился.

— Ну да, разумеется, это были настоящие *конверты*, — сказал он нетерпеливо. — Вот только то, что в них написано, — не настоящее задание.

— Не настоящее?

Боамунд позволил себе тихонько хохотнуть.

— О нет, — сказал он. — Все, что там написано, это: «Позор вам, вы обесчещены». Это научит их уму-разуму!

Боже мой, подумал Ноготь про себя, и мне предстоит отправляться в путешествие с этими безумцами!

— Тогда зачем же, — спросил он так мягко, как только мог, — зачем же ты дал им эти конверты сейчас?

— Потому что я заранее знал, что они их откроют.

— Но, — сказал карлик осторожно, — если ты знал *заранее*...

— И теперь, — продолжал Боамунд, — с одной стороны, они будут знать, что я знал, что они их откроют, а с другой стороны, они будут знать, что все они — полный отстой, и тогда мы все будем знать, что к чему, разве ты не видишь? — И Боамунд победно ухмыльнулся. — Думаю, это называется искусством управления кадрами, — добавил он.

«Там, откуда я родом, это называется по-другому, дражайший», — сказал сам себе Ноготь.

— Ага, — сказал он вслух. — Управление кадрами. Ну что ж, прости, что побеспокоил.

Он слегка поклонился и направился обратно в кухню, где другие рыцари сидели на кухонных столах, поджидая его.

— Вы были правы, — сказал он. — Он окончательно сбрендил.

— А я что говорил! — сказал Туркин. — Ну да ладно, насколько я знаю, нигде в правилах не говорится, что мы должны повиноваться Великому Магистру, который слетел с катушек. Предлагаю связать его, засунуть куда-нибудь в кладовку и вернуться к нашим делам.

Бедевей поднял руку.

— Ну хорошо, — сказал он, — я понял твою мысль и согласен, что он ведет себя несколько странно. Но...

— Несколько странно! — фыркнул Туркин. — Да ну же, Беддерс, посмотри фактам в лицо. Малыш Сопливчик окончательно свихнулся. Рано или поздно это должно было случиться. Проблема Сопливчика в том, что его голова слишком мала для его мозгов. От этого в котелке возникает ужасное давление, и в конце концов — чик, и ты крикнул! Пойду-ка я схожу за веревкой...

Бедевей оставался тверд.

— Постой, Тур, — сказал он спокойно. — То, что Бо поступает немного необычно, еще не значит, что мы должны оставить квест, не так ли, парни?

Четыре пары бровей приподнялись как одна. Завладев их вниманием, Бедеве́р соскользнул со стола, достал себе из коробки кусок печенья и продолжал:

— Я имею в виду, — сказал он, — что рано или поздно, но мы должны отыскать эту проклятую штуку, или мы будем сидеть здесь веками. Так?

Молчание. Склоненные головы. Бедеве́р прочистил горло, куда попали крошки, и пошел дальше:

— Именно так, — сказал он. — И вот как раз сейчас, когда все мы слегка разболтались и уже не очень-то следим за событиями, а тут еще и Нантри сбежал так внезапно, прихватив все наши... В общем, как раз в этот момент нам внезапно подворачивается малыш Бо с этой своей шарадой в руках, да еще зная в точности, *что такое* этот самый Грааль, господи боже мой! Признайтесь-ка, разве это не удивительно? По крайней мере, для меня это удивительно. Вряд ли это просто совпадение.

По необычной тишине сэ́р Бедеве́р заключил: его коллеги признали, что он попал в точку. Он оживленно продолжал:

— Я, ребята, вот что имею в виду — хорошо, пусть Бо немного не в себе, ну так что из того? У нас есть инструкция, мы знаем, что такое Грааль, — так давайте пойдем наконец поищем эту проклятую штуковину! К тому же, — добавил он с нажимом, — мне, по крайней мере, кажется, что лучшая программа действий — это та, что предложил Бо: разделиться и достать все эти носки и прочую дребедень. Это все равно надо сделать, — сказал он. — В инструкции сказано, что надо. Я прав?

Рыцари пристыженно смотрели на него.

— Но, Беддерс, — сказал Пертелоп, почти умоляя. — Он же спятил!

— Наполеон был такой же, — отвечал Бедеве́р.

— Ничего подобного!

— Ну хорошо, — сказал Бедеве́р. — Тогда Александр Македонский. У многих великих вождей были нелады с головой, это общеизвестный факт. Именно это и делает их великими. Я не имею в виду, — оговорился он, — что Бо великий вождь. Я только хочу сказать, что не стоит становиться ослами только потому, что он осел. Это было бы просто глупо, правда ведь?

Туркин хрипло хохотнул.

— Так значит, он дает фургон тебе, не так ли? — прорычал он. — Я так и думал.

Бедевер проигнорировал его.

— Ну же, парни, — настаивал он. — Давайте проголосуем. Кто за? — четыре руки, включая его собственную. — Против? — Одна рука. — Значит, решено. Ну, Тур, брось, будь человеком.

— Ну ладно, — проворчал Туркин. — Только чур, потом меня не винить, хорошо?

Бедевер ухмыльнулся.

— Ну конечно, не будем, — сказал он. — У нас ведь будет Бо. Для этого, — мудро добавил он, — людям и нужны вожди.

Это был корабль.

«О боже, — сказал себе Денни Беннетт, — так значит, мне все же не придется умирать. Какое облегчение!»

В течение последних шести дней — с тех самых пор, как радиопиратский корабль «Имельда Маркос» наткнулся на айсберг и потонул, — Денни раздумывал, не был ли его переход из Би-Би-Си в коммерческое радио ошибочным шагом, с точки зрения карьеры. «С одной стороны, — говорил он себе, лежа на спине в надувной шлюпке и щурясь на солнце, — у меня было свое шоу, полная режиссерская свобода, неограниченный счет на расходы и шансы на разработку абсолютно нового подхода к радиодраме; с другой стороны, дом Буша тоже не начал черпать воду сразу же после того, как получил пробоину».

В последние наполненные паникой минуты существования корабля Денни был так занят, выбирая свои восемь грампластинок, что остальной команде надоело его ждать, и они отплыли на спасательной шлюпке. В довершение всех бед, на борту не оказалось переносного проигрывателя. Очевидно, их уже перестали производить.

И вот теперь, как раз когда он уже начинал укорять себя за то, что не взял на себя труд упаковать хотя бы немного воды и пищи, — вот, пожалуйста, целый корабль, плывущий прямо на него! «Как это обнадеживает, — бормотал

Денни про себя, приподнимая свое изможденное тело на одном локте и слабо маша рукой. — Видно, там, наверху, я кому-то нравлюсь».

Корабль подошел поближе, и над бортом показалась чья-то голова.

— Эге-гей! — воскликнула голова. — Простите, вы не могли бы мне сказать, я уже пересекла демаркационную линию времени? Мне не встречалось никаких указателей уже несколько дней!

— Помогите! — отвечал Денни.

— Простите?

— Я сказал: «Помогите!»

Голова была женской, тридцатилетней, белокурой, с симпатичными глазками.

— Как это замечательно, — произнесла она. — Не хотите ли вы купить акции общего инвестиционного траст-фонда?

В глубине глотки Денни послышался сдавленный звук; представьте себе ванну ртути, которую пытаются опорожнить через сливное отверстие, и вы получите некоторое представление об этом звуке.

— Акции инвестиционного траст-фонда, — повторила голова. — В этом на самом деле нет ничего сложного. Вы платите сумму капитала менеджерам фонда, а они инвестируют ваши деньги в большое количество допущенных к котировке акций, которые...

— Ну да, — прохрипел Денни, — большое спасибо, я знаю, что такое инвестиционный фонд. Нет ли у вас воды?

Голова огляделась вокруг, обозревая бесконечные морские просторы.

— Но мне кажется, здесь вполне достаточно воды, — произнесла она. — А почему вы спрашиваете?

— Пресной воды, — объяснил Денни. — Питьевой воды.

— А, вот что нужно. «Перье» или что-то в этом роде?

— Сойдет и это.

— Очень сожалею, но у нас она закончилась, остался только джин. Но если вас не интересуют акции инвестиционного траст-фонда, то что вы думаете насчет персональных акций? В настоящий момент доступны несколько совершенно безупречных продуктов, которые я могла бы без колебаний вам рекомендовать. Вот, например...

— Ладно, — сказал Денни, втягивая воздух в легкие, — тогда продуктов. Я не ел три дня.

— О! — Голова нахмурилась. — Надеюсь, вы не имеете в виду, что у вас нет денег? Потому что если это так, то, боюсь, нет большого смысла продолжать наше обсуждение, как вы думаете?

Денни хрипло рассмеялся.

— Деньги? У меня куча денег, — сказал он. — Для начала, при мне зарплата за два года от «Радио Имельда». Чего у меня нет, так это...

— ...гибкой системы пенсионных отчислений, подогнанной под *ваши личные* потребности, — ручаюсь, вы это хотели сказать! — прервала его, кивая, голова. — Думаю, я смогу помочь вам в этом, поскольку волей случая я являюсь агентом «Акций Жизни Лионесс», и этой фирмой как раз разработан один специальный пакет...

— Его можно есть?

Голова издала серебристый смешок.

— В качестве альтернативы, — продолжала она, — я могу предложить совершенно замечательные индексированные «Гибкие Рентные Облигации Бережливости Лионесс», обеспечивающие доступ к капиталу наряду с гарантированным размером поступлений, выплата ежемесячно, с весьма конкурентоспособным налогообложением. Вас заинтересовало это предложение?

Денни потряс головой.

— Возможно, вы здесь чего-то недопоняли, — сказал он. — Я сижу здесь, болтаясь по воле волн в уютной лодчонке, умирая от голода и жажды...

— Ага, — сказала голова, — я поняла. То, что вас действительно интересует в данном случае, — это конструктивное планирование налога на наследство, возможно, включающее создание оффшорного треста. Очень глупо с моей стороны было не подумать об этом сразу.

— Но я не хочу умирать, — вскричал Денни. — Я...

— Хорошо, — терпеливо отвечала голова, — в таком случае, мы можем адаптировать пакет таким образом, чтобы обеспечить максимальную гибкость благодаря наиболее полному использованию ежегодных свободных подлежащих дарению сумм. Кстати говоря, хорошо бы, если бы вы

наконец высказали свои пожелания. Мне очень не хочется вас торопить, но время — деньги, сами понимаете...

Денни опустился на дно лодки и застонал. Голова смотрела на него поверх ограждения.

— Эй! — сказала она. — Ну как, по рукам?

— Убирайся.

— Простите?

— Я сказал: убирайся. Сгинь. Пропади.

— Думаю, что не совсем поняла вас. Вы ведь хотите оформить пенсионный полис, не правда ли?

— Нет.

Голова выглядела шокированной.

— Вы *не хотите*?

— Нет.

— Правда?

— Правда.

— Ну что ж! — Голова наморщила лоб. — Тогда как хотите. Но смотрите, если вы передумаете, вы всегда можете отослать нам факс, наш номер 0553...

Денни перевернулся лицом вниз и начал пронзительно кричать; он все еще кричал девять часов спустя, когда его подобрал нефтяной танкер. Когда он рассказал капитану танкера о своем приключении со странным кораблем, тот хмуро кивнул головой.

— Знаю, — сказал он. — Я сам его видел. Мы зовем его «Летучий Нормандец».

Денни был полумертвым от обезвоживания и долгого пребывания на солнце, но он все же был журналистом, а история есть история.

— Расскажите мне о нем, — попросил он.

— Это ужасно, — отвечал капитан, осеняя себя крестным знаменем. — С теми, кто увидит этот корабль, могут случиться самые кошмарные вещи.

Он помолчал, закрыв глаза.

— Самые кошмарные вещи, — повторил он.

— Например?

— Ну, — отвечал капитан, — некоторые из них умирают, некоторые сходят с ума, некоторые лет пять или шесть живут вроде бы совершенно нормально, а потом хватают мачете и начинают крошить всех без разбора. Некоторые попросту исчезают. А некоторые...

— Что некоторые?

— А некоторые, — мрачно сказал капитан, — доходят до того, что действительно покупают страховку.

3

Между городом Джайлс, что лежит к северу от хребта Томкинсона, и Форрестом на Нулларборской равнине простирается Великая Пустыня Виктория. Она горяча, безводна, безлюдна и безжалостна; и что бы ни было на уме у Творца, когда Он создавал ее такой, это наверняка не был человек.

В таком месте чувствуешь себя по-настоящему ужасно, если у тебя болят зубы.

— У меня где-то в рюкзаке есть немного гвоздичного масла, — сказал сэр Пертелоп. — Говорят, гвоздичное масло — отличная штука. Мне оно, правда, еще ни разу не помогало, но может быть, я просто слишком чувствителен к боли.

— М-м-м-м, — отвечал его соратник.

— В аптечке, конечно, есть еще аспирин, — продолжал Пертелоп, — но я бы его не рекомендовал, так как он растворимый, а поскольку вода у нас кончилась...

— М-м-м-м.

— Что и говорить, — добавил Пертелоп утешающе, — если бы мы нашли немного воды, это было бы совсем другое дело. Но пока что... — он украдкой бросил взгляд на голубое, стального оттенка, небо и быстро опустил глаза. — А вот моя тетя Беатриса рассказывала, что если сосать камешек...

— Заткни глотку, — сказал сэр Ламорак.

Оскорбленный Пертелоп поправил на плечах рюкзак и решительным шагом прошел несколько ярдов к востоку. Потом он остановился.

— Если это север, — сказал он, показывая на юг, — то Англия находится в семнадцати тысячах миль вот за той большой зазубренной скалой. Подумать только, — добавил он. С минуту он стоял, раздумывая, затем пожал плечами и зашагал — для протокола, шел он на запад.

Они пытались добраться до Сиднея.

Когда эти двое сходили с авиалайнера в Брисбене несколько месяцев назад, это не казалось им слишком трудной задачей. Да, действительно, никто из них до тех пор не

бывал в Австралии, но перед отъездом из Англии они предусмотрительно купили железнодорожные билеты, заранее заказали номер в отеле и приобрели по экземпляру «Что к чему в Сиднее». Их проблемы начались в Брисбенском аэропорту, когда Пертелоп забыл в автобусе сумку, в которой были все их бумаги.

«Ничего страшного, — объяснил Пертелоп. — Нам всего-навсего нужно будет добираться автостопом. Австралийцы известны как дружелюбные, приветливые люди, находящие удовольствие в том, чтобы помогать путешественникам, попавшим в затруднительную ситуацию».

Шестнадцать часов ходьбы по дороге, и они действительно умудрились поймать попутку — грузовик, полный свежезабитых туш, который довез их аж до самого Сент-Джорджа, где водитель наконец силой выкинул их из кузова, после того как Пертелоп проявил настойчивость, непременно желая исполнить «*Vos Quid Admiramini*» своим обычным гнусавым речитативом. После небольшой паузы, которую они использовали для перегруппировки багажа и съедения того, что осталось от пакета мятных пряников, которые Ламорак купил в Хитроу, они отправились дальше пешком в Дирранбанди. Вряд ли удастся в двух словах объяснить, как они умудрились отклониться от курса на тринадцать тысяч миль; единственное, что тут можно сделать, не берясь за написание новой книги, это сказать, что на задней обложке ламораковского календаря Национального Треста была напечатана карта мира, и что несмотря на то, что Пертелоп слышал о Колумбе и кривизне земной поверхности, он никогда не мог почувствовать себя полностью убежденным. Основной предпосылкой его навигационной теории была идея о том, что центр мира находится в Иерусалиме, и все карты должны интерпретироваться соответствующим образом.

Пертелоп посмотрел на часы.

— Что ты думаешь насчет того, чтобы остановиться здесь и перекусить? — спросил он. — Мы можем присесть вон под той скалой. Оттуда открывается вполне симпатичный вид на... э-э... пустыню.

Хотя Смерть преследовала их по пятам на каждом шагу их пути, на манер откормленного голубя у дверей бульварного кафе, больше всего она приблизилась к тому, чтобы

сделать две новые зарубки на рукоятке своей косы, в пятидесяти милях к востоку от хребта Макгрегора, когда Пертелоп во время своих утренних упражнений случайно перевернул ржавую пивную банку, в которой хранились остатки воды. Они бродили кругами в течение двух дней и наконец выбились из сил, но тут их подобрала группа кочующих аборигенов, которых Ламорак сумел убедить, что его библиотечный билет является на самом деле карточкой «Америкен Экспресс», и те дали им галлон воды и шесть сушеных ящериц в обмен, как выяснилось, на право брать из Публичной Библиотеки Стерчли три художественных и три нехудожественных произведения еженедельно без ограничения срока. С этого момента все, что им оставалось, — это брести от одной буровой скважины до другой, по дороге как можно тише подкрадываясь к ничего не подозревающим змеям.

Пертелоп, однако, отказался причинять вред параматтскому рогатому питону, которого они поймали в результате шестичасовой борьбы среди скал горы Вудрофф, указав, что он является вымирающим видом. Вскоре после этого у Ламорака разболелся правый верхний моляр.

— Ну-ка посмотрим, — сказал Пертелоп. — Что у нас есть... — Он развязал свой рюкзак и начал рыться в его содержимом (три чистых рубашки, три пары нижнего белья, экземпляр «Что к чему в Сиднее» с закладкой, отмечающей описание нью-орлеанского джазового фестиваля, швейцарский армейский нож с шестью сломанными лезвиями, электробритва, пара брюк, теннисная ракетка, губная гармошка, двое спортивных штанов, полотенце, «Гермолен», гвоздичное масло, упаковка пластырей, бутылка шампуня от перхоти, таблетки от желудочных недомоганий, маникюрные ножницы, некоторое количество женского белья...) —

— У тебя в рюкзаке есть что-нибудь, Лам? — спросил Пертелоп. — У меня, кажется, совсем пусто.

Ламорак оторвал голову от рук, произнес: «Нет», и опустил ее обратно.

— Ага, — Пертелоп нахмурился и поскреб в затылке. — Это неудачно, — прибавил он. — Видимо, придется искать корешки или ягоды, или что-нибудь в этом роде, — он обвел взглядом спекшуюся, бесплодную землю. Много времени прошло с тех пор, когда какое-либо растение было столь

безрассудно, чтобы вверить свои корни столь враждебному окружению.

— Пертелоп.

Сэр Пертелоп поднял взгляд.

— Что? — спросил он.

— Ты же знаешь, нам всегда остается каннибализм.

Пертелоп моргнул.

— Каннибализм? — повторил он.

— Ну да, — безмятежно отвечал его сотоварищ. — Ну, знаешь, употребление в пищу человеческого мяса. В свое время это было довольно популярно.

Пертелоп с минуту подумал, затем покачал головой.

— Я даже думать не хочу об этом, — твердо сказал он. — После всего, что мы прошли бок о бок! Ты встанешь у меня поперек горла, если можно так выразиться.

Ламорак поднялся на ноги.

— Хорошо, — сказал он спокойно. — Могу тебя понять. В таком случае, если ты минуточку постоишь спокойно, будет ни капельки не больно.

Какой-то винтик щелкнул в мозгу Пертелопы, вставая на место.

— Подожди, — сказал он. — Шутки шутками, но не будем делать глупостей. То есть, когда веселье переходит границы, можно пораниться или...

Ламорак улыбнулся и прыгнул по направлению к нему, держа в руке небольшой камень. Голод, жажда и зубная боль довольно сильно ослабили его, но он промахнулся всего лишь на несколько дюймов. Он приземлился в пыль, выругался и с трудом поднялся с земли.

— Ящерицы, — сказал Пертелоп. — Уверен, что тут вокруг полно ящериц, просто мы не знаем, куда надо смотреть. Проблема в том, что маленькие бестии — настоящие профессионалы по части маскировки. Ты не поверишь, на Новых Гебридах есть один вид ящериц, которые...

Он отклонился в сторону, и ошеломляющий удар, нацеленный на него Ламораком, пропал втуне, рассеяв свою мощь в сухом воздухе.

— Кончай болтать о своих тухлых ящерицах и помоги лучше мне подняться, — прорычал Ламорак. — Я, кажется, подвернул лодыжку.

— Ты сам виноват, — отвечал Пертелоп. — Кидаешься на людей с такими огромными каменюками. Кто-нибудь другой на моем месте мог бы подумать...

Ламорак вскочил на ноги, выдавая тем самым лживость своего предыдущего заявления, и попытался провести бросок через бедро. Но поскольку его бедро находилось чуть выше двух футов от земли, попытка не удалась.

— Ламорак, — строго сказал Пертелоп, — понимаешь ли ты, что ведешь себя совершенно безобразно? Что может подумать проходящий путник, если увидит тебя сейчас?

— Как посмотреть, — пропыхтел в ответ Ламорак. — Если он будет знать, что мне приходилось терпеть от тебя с тех самых пор, как мы покинули Бирмингем, он, возможно, подумает: «Удачи тебе, старина!» — Он отшвырнул камень, который приземлился едва ли в двух футах от него, и тяжело опустился на землю.

— Да ну! — воскликнул оскорбленный Пертелоп.

Ламорак глубоко втянул в себя воздух, посмотрел на свои ободранные, кровоточащие руки и вздохнул.

— Знаешь что, — сказал он, — давай договоримся. Ты берешь компас, карту, свой рюкзак, мой рюкзак — в общем, все, — а я остаюсь здесь, чтобы умереть. Как тебе такой план?

Пертелоп покачал головой.

— Не волнуйся, — жизнерадостно сказал он, — я совершенно не собираюсь просто взять и бросить тебя, как ты мог такое подумать?

— Правда?

— Правда.

Ламорак покивал, затем вновь потянулся дрожащей рукой за камнем. Пертелоп пинком отшвырнул камень в сторону, отошел и мрачно пристроился под песчаной дюной.

Впрочем, это было ненадолго; Пертелоп никогда не умел долго дуться. Поэтому, как раз когда Ламорак задремал и уже видел во сне вожденный плавательный бассейн, полный охлажденного пива и обложенный со всех сторон гамбургерами, Пертелоп присел рядом, на расстоянии нескольких благоразумных футов, и, вытянув правую ногу, потыкал своего товарища под ребра.

— Ничего, — сказал он. — Нам что-нибудь обязательно подвернется, вот увидишь.

Ламорак тихо простонал и перевернулся на бок. Пертелоп подобрался поближе.

— Кроме ящериц, — сказал он, — здесь есть еще змеи и какой-то вид маленьких птичек. Вообще-то говоря, птички нынче встречаются довольно редко, из-за разрушения их среды обитания токсичными промышленными отходами, так что мы будем есть их только как *самое* крайнее средство. Но, как я уже сказал, у нас еще остаются ящерицы и...

— М-н-н-н.

— Еще может случиться, — продолжал Пертелоп, — что нас спасет какое-нибудь племя бродячих аборигенов, хотя вообще-то их не стоит так называть, потому что на самом деле у них очень древняя и благородная культура, с очень развитой религией неомистического толка, которая позволяет им синхронизироваться с землей, и все такое. Я где-то...

— Пертелоп, — сказал Ламорак, — я лежу на упаковочном ящике.

— Ну так подвинься немного. Я где-то читал, что они могут идти много дней не отдыхая, всего лишь распевая песни, и выйти в точности туда, куда они хотели попасть, просто гармонизируя волновую структуру излучения своего мозга с латентными геотермальными энергиями...

— Пертелоп, тут написано «Консервированные персики».

— Прости?

— На крышке, — отвечал Ламорак. — Здесь этикетка, на которой написано: «Консервированные персики».

Повисла минутная пауза.

— Что ты сказал? — переспросил Пертелоп.

— О господи боже мой, — заорал Ламорак, — да попейди ты сюда и посмотри сам!

Они вдвоем выскребли наполовину засыпанный ящик из земли и сломали отвертку пертелоповского швейцарского армейского ножа, срывая крышку.

Упаковка была полна жестянок с персиками.

— Быстрее, — прошипел Ламорак, — дай мне твой чертов ножик, — он схватил его и лихорадочно защелкал лезвием открывашки, пытаясь подцепить его ломающимися ногтями.

— Постой-ка, — сказал Пертелоп, крутя в руках банку. — Прости, Лам, но боюсь, что мы не можем их есть. Очень жаль, но...

Ламорак застыл.

— Какого черта, что значит — мы не можем их есть? — спросил он. — Конечно, они немного заржавели, но...

Пертелоп покачал головой.

— Не в этом дело, — сказал он решительно. — Видишь, что здесь написано на этикетке? Сделано в Южной Африке. Так что, боюсь...

Ламорак посмотрел на него очень пристально и положил нож на землю.

— То есть, — продолжал Пертелоп, — я понимаю, нам действительно не повезло, но я всегда говорил, что принципы есть принципы, и было бы неблагородно, если бы мы следовали им только в хорошие времена, поскольку...

Он все еще продолжал говорить, когда Ламорак ударил его консервной банкой по голове.

Западноавстралийский орден Фруктовых Монахов является одной из немногих уцелевших ветвей великой волны воинствующего монашества, возникшей вскорости после падения Константинополя в 1205 году. Тамплиеры, госпитальеры и Рыцари св. Иоанна по большей части прекратили свое существование или были поглощены другими организациями и потеряли свою самобытность; но *Monachi Fructuarii* все еще держались своего древнего уклада, и их орден оставался в основном таким же, как во дни своего основателя, св. Анастасиуса из Иоппы.

По легенде, святой Анастасиус, вдохновленный примером солдата, давшего Христу во время крестных страданий смоченную в уксусе губку, установил свой первый ларек с фруктовым соком возле основного паломнического пути из Антиохии в Иерусалим в 1219 году. К середине тринадцатого столетия ярко раскрашенные киоски ордена были привычным явлением по всем городам и весям Святой Земли; а после того, как падение Акры положило конец присутствию крестоносцев на Ближнем и Среднем Востоке, монахи обратили свой взор на другие пустынные уголки земли. Постепенное сокращение личного состава, разумеется, сильно ограничило размах их деятельности, так что в наши дни им приходится довольствоваться тем, чтобы оставлять ящики с

консервированными фруктами в случайных точках, полагаясь на то, что Провидение направит к ним заплутавшего странника.

В 1979 году управление орденом перешло в руки транснациональной пищевой цепи, главный офис которой расположен в Австралии, и простые деревянные упаковочные ящики теперь постепенно заменяются монетными торговыми автоматами; но процесс рационализации далек от завершения даже сейчас.

Это был подходящий момент для примирения.

— Съешь персик, — сказал Ламорак. — Если тебя это утешит, на вкус они совсем не напоминают Южную Африку.

Пертелоп поднял голову и почти тотчас же опустил ее обратно.

— Что меня ударило? — поинтересовался он.

Ламорак пожал плечами.

— Ты можешь мне не верить, — сказал он сквозь фруктовую кашу во рту, — но это была банка консервированных персиков.

— Правда?

Ламорак кивнул.

— Должно быть, выпала из пролетающего самолета. Или, может быть, у них здесь серьезный переизбыток персиков — что-нибудь, относящееся к Общей сельскохозяйственной политике. Как бы там ни было, она упала тебе на макушку, и ты выключился, как электрическая лампочка. Жалко, — добавил он, — что сэр Исаак Ньютон обскакал тебя насчет гравитации, а то ты мог бы сорвать неплохой куш. Не бери в голову, — заключил он и громко рыгнул.

— Лам, — прошептал Пертелоп, — я хочу есть.

— Охотно верю, — отвечал его сотоварищ. — Жалко на самом деле, что тебе нельзя есть эти персики, потому что...

Наступила тишина, прерываемая лишь звуком движения ламоракowych челюстей. Для человека, одолеваемого сильной зубной болью, он, казалось, вполне неплохо справлялся с жевательным процессом.

— Мне говорили, — осторожно начал Пертелоп, — что большая часть консервов, предположительно изготовлен-

ных в Южной Африке, только консервируется там. А на самом деле все это скорее всего выращивается в государствах за линией фронта.

Ламорак кивнул.

— Широко известный факт, — ответил он. — Я это где-то читал, — с важностью добавил он. — Грязные делишки, на мой взгляд.

— Совершенно верно, — согласился Пертелоп; затем спросил: — Что ты имеешь в виду?

— Экономический саботаж, — отвечал его товарищ, качая головой. — Режим Претории консервирует свои фрукты в банках с южноафриканскими этикетками, так что никто не хочет их покупать, и таким образом подрывает свою экономику. Настало время что-то с этим делать.

— Да. Хм. Например?

— Например, есть эти фрукты, — сказал Ламорак, протягивая ему банку. — Это научит их уму-разуму, а?

Примерно полчаса спустя оба рыцаря, расслабившись, откинулись на спину, окруженные пустыми жестянками, и улеглись, не двигаясь.

— Знаешь, наверное, лучше их закопать, — промычал Пертелоп.

— Что?

— Банки. Нельзя оставлять их так валяться. Загрязнять окружающую среду.

Ламорак подумал над этим.

— Это все теории, — ответил он.

— Я хочу сказать, — продолжал Пертелоп, — это один из немногих оставшихся совершенно нетронутых уголков природы. Мы должны сохранить его для будущих поколений...

— Да уж, — пробормотал Ламорак, окидывая взглядом пустынный ландшафт. — Действительно. Совершенно нетронутых, — он слегка содрогнулся. — Ну так займись этим, пожалуйста. А я собираюсь пару минуточек соснуть.

Он перекатился на спину и закрыл глаза. Потом внезапно сел, выпрямившись, и схватил Пертелопа за руку.

— Черт меня раздери, — прошипел он, показывая пальцем. — Взгляни-ка, Пер, вон туда.

Пертелоп сощурил глаза.

— Куда, Лам?

— Вон туда.

— О, да, я понял. И на что я там должен смотреть?

Ламорак не обратил внимания на его реплику.

— Мы его нашли, Пер. Мы нашли чертова единорога! У Пертелопа отвисла челюсть.

— Где? — прошептал он.

— О господи, я этого не вынесу!

На краю небольшого склона, примерно в пятистах ярдах от них, единорог остановился, поднял голову и принюхался. С минуту он стоял неподвижно, как статуя, насторожив уши и раздувая ноздри; потом его голова вновь опустилась к земле, а хвост начал ритмично двигаться туда-сюда, хотя вокруг не было ни одной мухи. Его губы шевелились, подметая песок как раз на том уровне, на котором могла бы расти трава, если бы нашлась трава настолько опрометчивая, чтобы попытаться выжить в среде, полностью лишенной воды.

— О, я вижу его! — задыхаясь, вымолвил Пертелоп. — Лам, это действительно единорог! Это самое невероятное...

— Да-да, хорошо, — проворчал Ламорак. Он пытался достать из своего рюкзака бинокль, одновременно сохраняя полную неподвижность, а ремешок за что-то зацепился и не хотел отцепляться. — Ты только постой спокойно, хорошо, пока я...

— У него золотой рог, — истово бормотал Пертелоп, — который растет прямо из середины его лба...

— И впрямь, — мрачно изрек Ламорак. — Как это необычно. Может, это экспериментальная модель или что-нибудь в этом роде. Слушай, ты можешь отцепить ремешок от бинокля? Он, кажется, захлестнулся вокруг...

— Шерсть его бела как снег, — Пертелоп был совершенно вне себя. — Смотри, Ламорак, у него золотые копыта! Правда, это просто...

— *ТИХО!* — Удивительно, насколько громко может крикнуть человек, говоря при этом шепотом. Голова единорога взлетела вверх, как рукоятка граблей, на которые наступили; какой-то момент животное стояло напружинившись, — воплощение нервной грации — а затем одним скачком скрылось из вида.

Наступила зловещая тишина.

— Ох, боже мой, — сказал Пертелоп. — Мы его, должно быть, спугнули.

Ламорак издал сиплый звук и потер щеку в области своего протестующего моляра.

— Ты так думаешь? — прорычал он. — Ты в этом уверен? А может быть, он просто вспомнил, что у него назначена встреча в другом месте?

— Это ты виноват! — колко отвечал Пертелоп. — Заорал на него как сумасшедший. Вот в этом вся беда с тобой, Лам, — ты не находишься в гармонии с Природой.

Ламорак выудил из своей котомки моток веревки, узел с одеждой, маленькую бутылочку и коробку с кусковым сахаром.

— Пошли, — сказал он. — Проследить на песке следы его копыт должно быть достаточно легко.

Пертелоп кивнул и поднялся на ноги. Они набили рюкзаки жестянками с персиками, нагребли песок поверх пустых («Хотя на самом-то деле, конечно, мы должны были взять их с собой и выбросить, когда найдем подходящий мусорный бачок. Такие банки перерабатываются полностью»), и потащились в том направлении, где единорог явил свое кратковременное, великолепно инсценированное присутствие.

Когда-то давным-давно единороги были чрезвычайно редки.

Они были столь неуловимы, что существовал лишь один способ поймать единорога... Ну, по чести говоря, способов было два. Простой способ — это набрать мешок объедков, вымочить их в вишневом ликере, положить в совершенно обыкновенный мешок для мусора и оставить его на ночь снаружи за задней дверью. Единорог придет, разорвет мешок, нажрется до отупения и заснет. Однако этот способ работал только с городскими единорогами; а поскольку городские единороги были неопрятными, заляпанными жиром, тупорылыми машинами для убийства, насчитывавшими до четырех футов в холке и полностью лишенными чувства страха или сострадания, то вопрос состоял скорее в том, как *не* поймать единорога, если этого можно как-то избежать. Городской единорог, страдающий похмельем, способен причинить больший ущерб жизни и имуществу, чем любая бомба.

Однако что касается белых единорогов, лишь один способ имел какие-то шансы на успех. Для этого требовалась девица незапятнанного целомудрия и шесть футов крепкой пеньковой веревки. С веревкой, как правило, проблем не было.

С течением времени и по различным причинам, связанным со снижением моральных норм и распространением Гуманизма, отбраковка поголовья единорогов с каждым годом становилась все более и более сложным делом, так что единороги стали плодиться с увеличивающейся скоростью. Фактически, они стали настоящей напастью. Их естественные ареалы обитания уже не могли поддерживать огромные стада кочующих единорогов, каждую весну волной выкатывающиеся из степей, и с ростом городов все больше и больше единорогов перемещались туда, постепенно превращаясь в описанную выше городскую разновидность. К счастью для человечества, в начале двенадцатого столетия они были полностью стерты с лица земли одной из форм миксоматоза; но это заболевание совершенно не коснулось белых единорогов с равнин, которые продолжали в устрашающих размерах опустошать посевы и обдирать кору с молодых деревьев. В конце концов Пресвятой Император Римский заключил соглашение с Великим Ханом и пресвитером Иоанном, в соответствии с которым единорогов следовало собрать в стада и прогнать через всю Европу в Азию, затем в Китай и дальше в Австралию, которая в те времена еще была соединена с материком узким перешейком. Как только последний единорог пересек океан, узкая перемычка была немедленно разрушена, и сама память о существовании Австралии была преднамеренно стерта из сознания человеческой расы.

У единорогов не заняло много времени опустошение их новой среды обитания, и в настоящее время они снова стали сравнительно редким и немногочисленным видом. Чтобы получить представление о том, что могло бы случиться с Европой, если бы не был предпринят этот шаг, стоит лишь посмотреть на безводные пустыни центральной части Австралии и подумать о том, что до прихода единорогов они представляли собой наиболее плодородные и богатые пастбища на лице Земли.

Времена изменились; и хотя никак нельзя сказать, что единороги широко распространены, все же есть и другие виды, более редкие и более неуловимые. Так что сейчас есть лишь один верный способ поймать девицу безупречного целомудрия. Для этого требуется единорог и шесть футов веревки.

— Знаешь, — проговорил Пертелоп, когда они взобрались на вершину очередного откоса и взглянули на открывшуюся перед ними тысячу акров пустого пространства, — я до сих пор не уверен, что мы движемся в правильном направлении.

— Заткнись, — отвечал Ламорак.

— Тебе-то хорошо, — протестующе заявит Пертелоп, — у тебя ботинки с мягкими задниками, — он сел, снял с себя левую туфлю и стал вытряхивать из нее песок.

— Не начинай снова, — со вздохом сказал Ламорак. — Мы ведь кидали монетку, помнишь, и...

— Ну да, — сказал Пертелоп, — я думал об этом, — он надел туфлю обратно. Это были темно-синие туфли-лодочки с двухдюймовым каблуком и щегольской медной пряжкой, и они чертовски натирали ноги. Тем не менее, как указал Ламорак, они действительно очень неплохо шли к его простому темно-синему платью со стоячим воротником, шляпке без полей и с плоской тульей и дамской сумочке, в которой хранилась теперь остальная часть пертелоповой экипировки. — Ты помнишь, — спросил Пертелоп, — ты тогда сказал: «говори», и я сказал «орел»?

Ламорак посмотрел в сторону и кивнул.

— Правильно, — сказал он.

— Помню, я все удивлялся, почему ты настаивал, чтобы мы кидали португальскую монету, — продолжал Пертелоп, — и только сейчас мне пришло в голову, что поскольку Португалия — это республика...

— Нам пора идти, Пер.

— ...на португальских монетах нет орлов, — продолжал Пертелоп, — там только что-то вроде щита на одной стороне и цифра на другой. И я подумал...

Он осекся. Где-то вдали мелькнуло белое пятнышко. Они застыли на месте, и Ламорак поднял бинокль к глазам.

— Это он, — свистящим шепотом произнес он. — Мы в игре. Теперь не делай резких движений и делай то, что я тебе говорил. И во имя Господа, опусти вуаль.

— Я все же думаю... — прошептал Пертелоп, но Ламорак оборвал его.

— И вообще, — сказал он, — я не хотел бы этого говорить, но я в любом случае, э-э... вряд ли подошел бы на эту роль, так что...

Пертелоп нахмурился.

— Но я ведь тоже не очень-то подхожу, Лам, — ответил он. — Я хочу сказать, я ведь не женщина, правда ведь?

Ламорак покусал губу. Этот довод привел его в замешательство.

— На самом деле, женщина определяется не совсем этим, — сказал он, — не в первую очередь. Просто... Посто-й-ка! Он движется в эту сторону. Все, по местам.

— Я все же думаю... — сказал Пертелоп, но пока он говорил, Ламорак уже скользнул по песку в сторону и укрылся за большим валуном.

Сорок пять минут могут оказаться очень долгим сроком.

Разумеется, они были посланы вовсе не за единорогом. Если бы им не было нужно ничего, кроме единорога, они попросту завернули бы в отдел домашних животных к Харродсу или Блумингдейлсу и заказали бы себе экземпляр.

Другими словами, это была самая простая часть их задачи.

— Черт бы побрал мои копыта! — воскликнул единорог. — Да это никакая не девчонка!

Но к этому моменту уже было поздно; лассо, кинутое умелой рукой Ламорака, уже летело, рассекая воздух. Последовала короткая борьба, сопровождаемая весьма цветистыми выражениями со стороны единорога, и все было кончено.

— Быстрее, — пропыхтел Ламорак, — поддержи веревку, пока я приготовлю хлороформ. И следи за рогом.

— Ублюдочные англичанишки! — надрывался единорог, тщетно наваливаясь всем весом на веревку. Пертелоп откинулся назад, зарываясь каблуками в песок, в то время как Ламорак опустошал бутылочку с хлороформом на свой носовой платок.

— Ты не рассказывал мне, что они умеют разговаривать, Лам, — задыхаясь, проговорил Пертелоп. — Подумать только — говорящее животное!

Как бы подтверждая это заявление, единорог произнес еще несколько фраз. В основном его речь сводилась к тому, что его, единорога, отец был совершенно прав, предупреждая относительно исключительного женоподобия англичан; несмотря на весь свой естествоиспытательский интерес, Пертелоп почувствовал немалое облегчение, когда Ламорак ухитрился наконец накинуть свой носовой платок ему на морду. Медленно, все еще вполголоса бормоча проклятия себе под нос, единорог осел на землю и затих.

— Ну что ж, — сказал Ламорак, — мы сделали это. Пожалуй, в следующий раз мы возьмем пистолет, стреляющий ампулами с усыпляющим, и к черту традиции! — Он опустился на колени и принялся возиться с веревкой.

— Могу я теперь снять эту одежду? — спросил Пертелоп. Лицо его имело ярко-красный цвет, что лишь частично было результатом напряжения сил.

— Потерпи еще минуту, — рявкнул Ламорак. — Помоги мне сначала с этой веревкой, и побыстрее, пока эта чертова тварь не проснулась.

Пертелоп вздохнул и ухватил конец веревки. Он не был уверен, что то, что они делают, не является грубым вмешательством в жизнь великолепного дикого животного в его естественной среде обитания. Он резко неодобрительно относился к таким вещам — всем этим зоопаркам, циркам и собакам, оставляемым в машинах с поднятыми стеклами.

— Не вяжи его так туго, Лам, — то и дело повторял он, — ты покалечишь бедное животное.

— Ну вот, — сказал наконец Ламорак, вставая и переводя дух, — мы это сделали. Теперь предлагаю пяток минут посидеть и передохнуть.

Пертелоп смахнул пыль со своего подола.

— Но сначала, — твердо сказал он, — я вылезу из этой ужасной одежды.

— Ну так давай, — отвечал Ламорак, — а я тем временем посижу здесь и...

Пертелоп отчаянно покраснел.

— Мне нужно, чтобы ты помог мне расстегнуться, — сердито сказал он.

— Ах, прости, — Ламорак снова поднялся на ноги. — Хоть теперь, ради бога, постой спокойно. В прошлый раз ты чуть не выколол мне глаз своими шпильками.

Но едва он успел сделать еще хоть одно движение, как просвистела пуля, лишь чуть-чуть не задев его лоб, и сбила шляпку с головы Пертелопа. Оба рыцаря замерли на месте, на этот раз действительно стоя совершенно неподвижно.

— Руки вверх! — произнес голос откуда-то из-за их спины, — или я отфрелю вам головы к фертям фобачьим!

Австралийская пустыня — обиталище многих странных и страшных звуков. Здесь можно услышать тьяканье динго, которое не спутаешь ни с чем, зловещий крик кукабурры, мягкое покашливание кенгуру, скребущее ворчание меццо-сопрано, полощущей горло взбитыми в портере яйцами, — все эти звуки могут привести в смятение и, самое главное, нагнать страху. Но есть один звук, который без сомнения наполнит страхом самое стойкое сердце и заставит задрожать самые нестигаемые колени — это звук голоса, распевającego глубоким задушевым контральто:

Вефельй бродяга фидел на берегу
Под веленым парам-па-пам куфтом..

— раз за разом, и судя по звуку, через мегафон. То, что слова повторяются, следует отнести за счет того, что певец не знает остальной части куплета. Эффект усиления звука, в свою очередь, зависит от того, что голова певца накрыта большим металлическим барабаном.

— Простите, нельзя ли нам уже опустить руки?

— Профтите?

Ламорак закрыл глаза, затем открыл их снова.

— Я сказал, — повторил он, — нельзя ли нам уже опустить руки?

— Ох. Конефно. Только фпокойно и бев гвупостей, хо-рошо?

— Конечно. Конечно. Прошу прощения, — Ламорак осторожно опустил руки и быстро пробежал взглядом по своему телу, чтобы удостовериться, не ранен ли он куда-нибудь. Все было в порядке. — Как насчет того, чтобы нам повернуться? — спросил он.

Пауза.

— Ну давайте, — произнес голос. Звук был похож на мычание коровы, находящейся на дне глубокой, обшитой сталью ямы.

Обладатель голоса выглядел на первый взгляд чем-то вроде результата экспериментов помощника чародея, поразвлекавшегося на свалке металлолома. Его внешность состояла, начиная с головы, из большого круглого барабана с двумя маленькими отверстиями. Под ним безошибочно узнавалось то, что раньше было капотом фольксвагеновского «жука», до того, как кто-то обладающий дизайнерским чутьем и незаурядными бицепсами не придавал ему отдаленно антропоморфную форму с помощью большой кувалды. Две стальные трубы торчали из него по сторонам под прямыми углами, и на конце одной из них виднелся изъеденный ржавчиной револьвер. И наконец, еще две трубы выдавались с нижней стороны, будучи соединены с парой водолазных ботинок старого образца.

— Ефли кто-нибудь ив ваф раффмеетфя, я не на футку раффервуфь, — сказала оно.

Пертелоп мигнул.

— Прошу меня простить, — сказал он, — но зачем вы носите такое странное одеяние?

Ходячая скобяная лавка слегка пошевелилась.

— На фебя бы пофмотрел, — отвечала она.

— Прошу вас, — торопливо сказал Ламорак, — не обращайтесь внимания на моего друга. Он, видите ли, просто идиот, вот и все.

Из глубин барабана донесся глухой звук, выражающий сомнение.

— Вы уверены, фто это вфе? — произнесло существо. — Я хочу фкавать — на нем ве венфкое платье.

Пертелоп поморщился.

— Есть весьма веская причина... — начал он, но внезапная боль в ноге — результат неосторожности Ламорака, тяжело наступившего на нее, — прервала его на полуслове.

— Как бы там ни было, — подхватил Ламорак, — было очень приятно вас повидать, и желаем вам удачи в ваших делах, в чем бы они ни заключались, но боюсь, нам уже пора двигаться дальше. Чао! — И он направился было решительным шагом по направлению к единорогу, но дуло револьвера последовало за ним.

— Не так быфтро, — сказала одетое железом чудище. — Фто это вы двое тут делаете ф этой кенгуруфкой, а?

Двое рыцарей переглянулись.

— С кем? — переспросил Ламорак.

— Ф кенгуру, — ответил голос из барабанных глубин. — Давайте, выкладывайте вфе нафифтоту.

— Прошу меня простить, — сказал Ламорак тем изысканно-вежливым тоном, который используется, когда необходимо объяснить совершенно очевидные вещи тяжелооруженному идиоту, — но, строго говоря, это не кенгуру.

— Не кенгуру?

В интонации голоса прозвучало нечто, что дало Ламораку тот ключ, который он искал.

— Вы ведь не из этих мест, не так ли? — спросил он.

Железное страшилище не отвечало, но оно ерзало и побрякивало, словно хотело подтвердить правоту Ламорака.

— Или не из этого времени, если уж на то пошло, — медленно прибавил тот. — Вы из будущего, правда?

— О, ферт! — промямлила железяка. — Как вы догадались?

Если бы Ламорак хотел сказать правду, он ответил бы, что вполне логично вывести такое заключение, когда вы натываетесь на кого-то, кто слышал о кенгуру, но не знает, как они выглядят, и считает, что в Прошлом, чтобы не вызывать подозрений своим внешним видом, следует сделать из себя подобие Неда Келли. Но вместо этого он сказал лишь:

— Удачная догадка.

Пертелоп тем временем с большим успехом изображал из себя человека, пытающегося проглотить живую рыбу.

— Что ты хочешь этим сказать — из будущего? — сумел наконец выговорить он.

Ламорак улыбнулся.

— Позволь мне представить тебя, — сказал он. — Сэр Пертелоп, это Хроногатор. Хроногатор — сэр Пертелоп.

Со своей стороны, сэр Пертелоп выглядел как человек, которому только что сказали, что солнце восходит на востоке благодаря садоводству. Он нахмурил лоб.

— Простите, — сказал он, — но может ли хоть кто-нибудь объяснить мне, что происходит?

Хроногатор пожал плечами — жест, в котором было бы гораздо больше элегантности, если бы в него не было вовлечено столь большое количество листового железа, — и снял с головы железный барабан, открывая взгляду молодое, веснушчатое и без всякого сомнения женское лицо, по виду лет четырнадцати-пятнадцати, со скобками на зубах.

— Нифево, — сказала она, — я объафню. Я уве при-выкла объафнять, — добавила она. — Но фначала дайте мне фнять вфю эту фертову броню.

Последовала неловкая пауза, в течение которой она стаскивала с себя свои железяки. Это было все равно что смотреть на раздевающегося робота-убийцу.

— Вот так-то лучше, — вздохнула Хроногатор. Теперь она была одета в алый комбинезон и серебристые кроссовки, и выглядела в них примерно на пять футов два дюйма. Револьвер по-прежнему был у нее в руке, но, видимо, лишь потому, что вокруг не было ни пяди пространства, не заваленного листовым металлом. — Я ф кофмифефкого корабля, — пояснила она.

— Понимаю, — не очень убежденно произнес Пертелоп.

— Это офень профто, — продолжала Хроногатор, стоя на одной ноге и яростно массируя вторую. — Наф дефять феловек, и мы были вапуффены на орбиту в капфуле времени, летяффей фо фкорофтью, превыфаюффей фкорофть фвета.

— Совет по Реализации Теории Относительности, — вмешался Ламорак. — Это был величайший из всех научных экспериментов, какие когда-либо предпринимались. На десятилетия опередивший свое время, — добавил он.

— Ну да, — горько сказала Хроногатор, — вот только фто эти идиоты ввяли и вапуфтили наф не в том направлении. Вмефто того, фтобы лететь в Будуффее, мы попали в Профлое.

— Очевидная небрежность, — посочувствовал Ламорак. — Скорее всего, кто-то забыл прочесть как следует руководство.

— И к тому же они вабыли дать нам еды, — добавила Хроногатор, — ив-ва фего кому-нибудь ив наф то и дело приходифся валевать в аварийную капфулу, фпуфкатьфя на Поверхнофть, в какое-нибудь пуфтынное мефтечко, и ифкать нам провиант. Угадайте, фья офередь подофла в этот рав.

Пертелоп наградил Ламорака озадаченным взглядом.

— Откуда ты все это знаешь, Лам? — спросил он.

— Очень просто, — отвечал тот. — Я уже встречался с одним из них — о, лет двести пятьдесят назад, может быть, больше. Не с тобой, — пояснил он Хранителю Времени, — с кем-то из твоих... э-э... коллег. Ему было лет девять, и у него были волосы морковно-рыжего цвета.

Хроногатор кивнула.

— Это похове на Файмона, — сказала она. — Я фкаву ему, фтобы он внал, фто ф тобой вфтретитфя.

Пертелоп начал было снова: «Но...», но Ламорак опередил его.

— Понимаешь, наше прошлое — это их будущее, — пояснил он, — так что несмотря на то, что я уже встретил этого — Саймона, так ведь? Хорошо, я запомню, — он не встретит меня еще два с половиной столетия, или сколько там это будет по их временной шкале. И, разумеется, в то время как мы с течением времени делаемся старше, они молодеют.

Хроногатор кивнула.

— Когда-то мне было форок фефть, — свирепо сказала она, — а фейчаф — пофмотрите на меня. И еффе эти треклятые фтуки на губах, которые фовфем не помогают.

— Это, должно быть, ужасно, — согласился Ламорак. — Почему ты не снимешь их к чертям собачьим?

— Потому фто, — печально отвечала Хроногатор, — когда мне было форок фефть, у меня были офень ровные прямые губы, и ни одной пломбы. Фто овнафает, фто мне нувно нифить эти фертовы фкобки и фифтитфь губы три рава в день, инафе я выову временной парадокф. Это ферт внает как дофтает, — она помедлила минутку, словно что-то неожиданно пришло ей в голову. — Пофтой-ка, — сказала она. — Как это ты мог вфтретить Файмона двефти пятьдефят лет навад? Ты бы был фейчаф уве мертв.

Настала очередь Ламорака вздохнуть.

— Сейчас объясню, — сказал он.

Где-то неподалеку настоящий кенгуру — без золотых копыт и рога посередине лба — весело скакал куда-то по своим делам; его ум был занят той великой загадкой, которая поглощает умы представителей всех видов, поглощает до такой степени, что к настоящему моменту это намертво затормозило их движение по рельсам эволюции и помешало им развиваться в гиперразумные сверхсущества, что в противном случае было бы неизбежно.

А именно: каким это образом, независимо от того, насколько внимательно вы следите за содержимым своих карманов, в конце концов вы не находите в них ничего, кроме пары скрепок, покрытой налипшей дрянью карамельки и маленькой никому не нужной медной монетки на самом дне?

Кенгуру как раз пришел к заключению, что, очевидно, Дьявол подбирается среди ночи и кладет туда все это, пока ты спишь, когда из расщелины в скалах внезапно выскочило ужасное привидение и замахало руками, устрашающе ухмыляясь. Кенгуру замер посередине прыжка, неуклюже приземлился и подвернул себе ногу. При приземлении из его сумки вылетела пуговица от рубашки и клочок обертки от жевательной резинки; ветер унес их вдаль.

Чудовище приближалось — не спеша и с безграничной угрозой. Позади него два человека, один с камерой, а другой с большим бобинным магнитофоном, высовывали головы над кромкой склона. Чудовище разговаривало — судя по всему, само с собой.

— Эти великолепные создания, — говорило оно, — самые крупные в мире представители истинных сумчатых, преследуемые человечеством почти до полного исчезновения в некоторых частях бесплодных австралийских пустынь...

Кенгуру съехался и присел на задние лапы, слабо приподняв передние — неясно, для того ли, чтобы создать иллюзию угрозы, или чтобы за ними укрыться. Чудовище продолжало наступать.

— А теперь, — говорило оно, — я хочу попробовать подобраться к кенгуру поближе, и если удача будет на нашей стороне, возможно, мы впервые будем иметь случай показать вам...

Кенгуру попытался двинуться с места, но совершенно безуспешно. Всеми фибрами своего существа он боролся с побуждением слабо ухмыльнуться и помахать камере. Он проиграл.

— Представители самого крупного вида — Барри, дай мне, пожалуйста, крупным планом голову этого мерзавца — представители самого крупного вида кенгуру, красные кенгуру, могут покрывать двадцать пять футов одним прыжком и перепрыгивать через объекты шести футов в высоту, — говорило чудовище. — Сейчас посмотрим, удастся ли мне подойти достаточно близко, чтобы вы смогли рассмотреть...

Заклинание оборвалось. Издав резкий лай ужаса, кенгуру взвился в воздух, отчаянно извернулся в прыжке и ринулся прочь, преследуемый невнятными и по всей видимости недружелюбными возгласами со стороны чудовища. Лишь проскакав полчаса на предельной скорости, он остановился и скорчился на земле, втягивая воздух в тяжело вздымающиеся легкие.

И застыл, охваченным ледяным отчаянием; поскольку прямо за своим плечом услышал звук человеческого дыхания и тот же самый ужасный голос, вещающий:

— ...И если мы будем держаться предельно тихо, возможно, нам удастся — Кайрон, если ты и в этот раз спугнешь мне ублюдка, я запихну камеру тебе в глотку — удастся хотя бы мельком взглянуть на его...

Один мощный прыжок мог бы с легкостью перенести его на край ближайшей скалы, но зачем трудиться? В этом совершенно очевидно не было ни малейшего смысла.

С тихим хрипом отчаяния кенгуру повернулся лицом к камере и помахал передними лапами, ненавидя себя почти до смерти.

— Давайте-ка объяфнимфя начифтоту, хорофо? — произнесла Хроногатор после долгой паузы. — Вы на фамом деле хотите, чтобы я поверила, что вы рыфари короля Артура, и фелью вашего путешефтвия являетфя найти какой-то *передник*?

— Именно.

— Ладно. — Взгляд поострее обычного различил бы ее недоверие, покачивающееся у нее над головой, как попла-

вок, перед тем, как уплыть вдаль под дуновением легкого ветерка. — И для этого вам нужна фвяванная лофадь?

— Лофадь?

— Ну да, лофадь.

— А, понимаю — лошадь, — Ламорак поскреб голову. Он умирал от жары и усталости, в голове у него был туман, он был по самые брови набит консервированными персиками и терзаем страшной зубной болью. На этот момент ему совершенно не хотелось еще что-либо кому-либо объяснять.

— Это не лошадь, — сказал он. — Не то чтобы.

Как раз в эту минуту единорог проснулся, сделал безрезультатную попытку выбраться из своих пут и разразился новым потоком ругательств.

— Эй, — сказала Хроногатор, — эта лофадь только фто фто-то фкавала.

— Ну да, только это не...

— Слушайте, вы, ублюдки, — заорал единорог, — втолкните этой чертовой бабе, что если она еще хоть раз назовет меня лошадью, то, черт меня побери, я...

Пертелоп, выказав больше рассудительности, нежели кто-либо мог бы в нем заподозрить, схватил кусок сахара и затолкал его животному в рот. Тирада резко оборвалась, сменившись вкусным похрустыванием.

— Ефли это не лофадь, — прошептала Хроногатор, — то фто ве это в таком флучае?

Ламорак вздохнул.

— Это единорог, — сказал он. — Ты довольна?

— Ох.

— Ну вот, а теперь нам пора возвращаться к своим делам; и я уверен, что и твои коллеги на орбите уже довольно сильно проголодались, так что...

— А вачем вам нувен единорог?

Ламораку понадобилось больше шести секунд, чтобы медленно про себя досчитать до десяти.

— Если тебе так уж необходимо это знать, — сказал он, — единорог нужен нам как наживка, чтобы поймать девицу незапятнанного целомудрия.

Хроногатор взглянула на него.

— Мне каветфя, вы вдефь что-то перепутали. Долвно быть наоборот.

Ламорак разлепил спекшиеся губы в улыбке.

— Да что ты говоришь! Черт побери, какая досада — правда, Пер? Что ж, значит, придется нам снова возвращаться к учебникам. Но как бы то ни было, спасибо за подсказку. А теперь нам на самом деле пора.

— И кфстати, — продолжала Хроногатор, — вы говорили, что вам нувен какой-то передник, а вовфе не девиффа невапятнанного...

— Нам нужен *ее* передник, — сказал сэр Пертелоп.

— Ах вот как?

— Именно.

После единорогов пришли каторжники.

Каторжники пришли двумя волнами. Вторая волна появилась с Первым Флотом в 1788 году, семьсот лет спустя после первой. У аборигенов, чьего разрешения никто не озаботился спросить, относительно них сложилась пословица. «Одно проклятье идет за другим», — говорили они.

* * *

Первым человеком в первой волне, бросившим взгляд на Австралию, был надсмотрщик. Его первой реакцией было легкое содрогание. Затем он спрыгнул со своего возвышения и сказал барабанщику, чтобы тот прекратил отбивать ритм.

— Приехали! — закричал он. — Все на выход!

Никто не шелохнулся. Две тысячи форштемней, украшенных драконьими головами, тихо покачивались вверх-вниз в спокойных водах Ботани-Бей.

Надсмотрщик моргнул.

— Эй, ублюдки, вы слышали, что я сказал? — взревел он. — Все вон с кораблей, живо!

— Мы никуда не пойдём.

Голос раздался из-за весла в третьем ряду. Он был поддержан смутным бормотанием хора: «Это точно!» и «Скажи ему, Джек!» Надсмотрщик начал покрываться испариной.

— Что ты сказал? — проговорил он. Расплывчатое пятнышко серого дыма позади весла блеснуло, переливаясь на солнце. Если бы у него были плечи, это могло бы означать пожатие ими.

— Я сказал, что никто из нас, черт побери, никуда не пойдет, — лениво повторило оно. — Мы можем видеть будущее. Там сплошное дерьмо. Мы остаемся здесь.

Где-то в задней комнате надсмотрщика ума писклявый голос начал нервно оглядываться, спрашивая направо и налево, не знает ли кто-нибудь случайно, что делать дальше. Но его руки были более уверены в себе. Они потянулись за большим узловатым хлыстом, свисающим с его пояса.

— А это мы еще посмотрим, — сказал он, направляя яростный удар в дымное облачко.

— Идиот.

С удручающей неторопливостью дымные прядки стянулись воедино, снова образуя облако. Наступило напряженное молчание.

— У тебя нет никакого способа принудить нас сойти с кораблей, — спокойно продолжал голос. — Так что можешь просто принять это как есть, разворачиваться обратно и грести к дому. Лады?

— Не согласен, — отвечал надсмотрщик.

Теперь он был уже весь покрыт потом.

Он совершенно не собирался оказываться на этом месте. Когда он вступил в компанию, теперь уже много лет назад, то видел будущее развитие своей карьеры совершенно в другом свете. После того, как он пять лет или что-то около того грузил копченые свиные бока на корабли и переправлял их из Копенгагена в Дувр, он полагал, что зарекомендовал себя человеком такого сорта, которого можно использовать в маркетинге. Дальше должно было последовать обычное продвижение, от торгового агента до заместителя коммерческого директора, а затем и до самого коммерческого директора, и так далее, до тех пор, пока ему не будет предоставлена полная ответственность за все датские операции в Альбионе. И вот взгляните на него теперь, десять лет спустя, пытающегося лестью и угрозами убедить целый корабль депортированных сверхъестественных существ колонизировать Новую Южную Кембрию. Что-то где-то, очевидно, пошло не так.

— Ну пожалуйста! — сказал он.

По всей длине корабля началось коловращение туманов и теней, оставившее у него чувство головокружения. Он почувствовал, что его небо становится сухим.

Две тысячи длинных драккаров — и каждый выше борта нагружен малыми божествами. Здесь были водяные, лесные нимфы, духи огня, лешие, болотные огни, эльфы, хтонические божества, матери земли, демоны грома, и даже несколько метафизических абстракций, безжалостно засунутых в дальний угол и настаивающих на том, чтобы их снабдили мягкой туалетной бумагой.

В рамках проекта по разоружению магической культуры Альбиона все сверхъестественные существа на вторых ролях были согнаны вместе и высланы в Землю Ван Демона.

Надсмотрщик вонзил ногти себе в ладони и глотнул воздуха.

— Ну давайте, ребята, — уговаривал он. — Как только вы окажетесь там, вам сразу понравится, я обещаю.

— Черта с два.

— Там ведь есть реки, — ворковал надсмотрщик. — Величественные, внушающие благоговейный трепет потоки, с грохотом обрушивающиеся головокружительными водопадами, катящие свои траурные воды сквозь древние леса. Там есть пустыни. Там есть такие скальные формации, за жизнь в которых любой краснокварцевый тролль отдал бы правую руку! В тамошних кустарниках случаются такие пожары, по сравнению с которыми адское пламя покажется походной кухней. Что, во имя Господа милосердного, вам не нравится? Да это просто рай для привидений, будь я проклят!

— А еще, — сказал дух-спикер, — там есть пауки.

Послышался слабый звук, сопровождавший соприкосновение надсмотрщиковой челюсти с крахмальным воротничком, застегнутым вокруг его шеи.

— Что ты сказал? — задыхаясь, вымолвил он.

— И змеи.

— И москиты.

— И еще, — со значением добавил дух-спикер, — не сказать, чтобы тамошняя территория была так уж свободна, знаете ли. Все это место просто кишит..

Приложив значительное усилие, надсмотрщик водрузил свою челюсть на место.

— Чем?

— Ну, как бы это сказать, — колеблясь, отвечало дымное облачко, — всякими вещами. Там как-то не по себе, тебе не кажется?

— Они там все время поют, — подхватил голос с предпоследней скамьи. — Одного этого достаточно, чтобы поджилки затряслись.

— Еще и являются в ночную смену, — добавил хриплый, скрежещущий голос откуда-то с середины корабля. — Заколачивают свои бескровные денежки за сверхурочную работу.

— Давайте начистоту, — сказал надсмотрщик, в голосе которого значительно прибавилось неуверенности. — Вы хотите сказать, что вы все — призраки, привидения и прочая нечисть, сваливающаяся среди ночи на голову добрым людям, — вы отказываетесь сойти с кораблей из-за того, что боитесь, что это место *зачаровано*?

— Да.

— Подумай сам, — добавил скрипучий голос, дух-лихорадник с Пламстедских болот, — они же здешние, они привыкли жить в этих условиях, а мы нет. Да они сожрут нас на завтрак! Если ты ссадишь нас с корабля, это будет массовое убийство. Точнее, массовый экзорцизм. Ну, да какая разница.

Надсмотрщик повесил голову, засунул руки в карманы — где обнаружил неизбежный кусок веревки, огрызок яблока и две маленькие бронзовые монетки, имеющие чисто символическую ценность, — и помолчал немного, обдумывая свое положение; затем он удалился в рулевую рубку и некоторое время бился головой о штурвал. Как ни странно, это, по-видимому, помогло, поскольку когда он снова появился на палубе, он уже с точностью знал, что собирается предпринимать.

И это сработало. Это было, разумеется, жестокой несправедливостью по отношению к туземным нелюдям и осталось одним из самых больших пятен в истории борьбы за права сверхчеловеческих существ английской нации.

Однако, как бы то ни было, сейчас уже слишком поздно пытаться что-либо с этим сделать, поскольку в течение пяти лет, прошедших с появления депортированных с Альбиона духов, туземные божества были полностью стерты с лица

земли, оставив весь континент в распоряжении вновь прибывших. Те, в свою очередь, должным образом расселились, постепенно адаптировались к новым условиям обитания и выработали свой самобытный жизненный уклад, не имевший даже самого отдаленного сходства с той культурой, которую они оставили у себя за спиной, и просуществовавший в течение семи столетий, пока он не был полностью уничтожен с прибытием Первого Флота.

Что, как говорят аборигены, пошло мерзавцам только на пользу.

— Так фто ве они вфе-таки фделали ф тувемными духами? — уточнила Хроногатор. Ламорак вздрогнул. Эта часть истории была ему более всего ненавистна. Одного этого, чувствовал он, было достаточно, чтобы заставить человека стыдиться того, что он родился в Альбионе.

— Их превратили в тройной одеколон, — ровным голосом ответил он. — Ну что ж, я действительно очень рад был с тобой познакомиться, — продолжал он, — и я искренне надеюсь, что мне уже представился случай встретиться с тобой раньше, но если мы не отправимся в путь прямо сейчас, боюсь, мы рискуем безнадежно опоздать. Чао! — Он подхватил свой рюкзак, закинул его себе за спину и решительно направился к единорогу.

— Это увафно, — сказала Хроногатор, содрогаясь. — Но это нифево не объафняет наффет передника и единорога.

— Совершенно верно, — отвечал Ламорак через плечо. — Ну что, Пер, хватай тот конец веревки и тяни, а я буду толкать.

— Передник, — сказал Пертелоп, — был талисманом, который принадлежал одному из депортированных духов. Он обладает собственными магическими свойствами. Нам удалось выследить его по газетным сообщениям о необъяснимых происшествиях, которые могли быть вызваны только передником, и, по всей видимости, он находится в руках у некоей девицы незапятнанного целомудрия, живущей в Сиднее. Отсюда единорог.

— Понимаю, — пробормотала Хроногатор. — По крайней мере, мне каветфя, фто я понимаю. И какого рода эти необъафнимые проифшефтивя?

Ламорак криво усмехнулся.

— Это вроде как сложно объяснить, — сказал он.

Хроногатор не удивилась.

— А ты попробуй, — предложила она.

— Итоги футбольных матчей, — пояснил Пертелоп. — Передник вытворяет с австралийским футболом черт знает что. Все, что от нас требовалось после того, как мы это обнаружили, — это занести результаты всех игр на один большой график и проследить, где на синусоиде проявится самое значительное отклонение.

— И что?

— «Подростки Параматты» — «Сидней», 22 : 0, — проворчал Ламорак. — Это все равно, что повесить большую неоновую рекламу с надписью: «ЭТО ЗДЕСЬ», — он помолчал, хмурясь. — Я могу объяснить математическую сторону во всех подробностях, если хочешь, — добавил он.

— Нет, фпафибо, — произнесла Хроногатор, и Ламорак заметил, что ее глаза внезапно приобрели такой вид, словно кто-то нанес на них три слоя водостойкого лака. — Вообффе-то, — продолжала она, — мне уже пора идти, так фто...

— Разумеется. Мы вполне понимаем. Ну что ж, Пер, как только я скажу «тяни»... Пер! На что ты там, черт побери, устался?

Пертелоп стоял выпрямившись; на его лице застыло выражение предельного идиотизма. Он пару раз сглотнул, поднял левую руку и пошевелил пальцами.

— Улыбайся, Лам, — прошипел он уголком рта, — кажется, нас снимают на телевидение.

Быстрее скорости света — это очень быстро. И, как несложно догадаться, очень темно.

— Ох!

— Прости.

— Это была моя нога.

— Ну ладно, будет тебе. Я же сказал: прости.

— В следующий раз смотри, куда наступаешь.

Лощеный, обтекаемый, практически лишенный трения и темный, как канализационная труба в шести футах от конца,

величественный звездный крейсер совершал прыжок сквозь необъятные просторы космоса, как гигантская кошка. Далеко внизу — так далеко, что само расстояние казалось всего лишь еще одной обманчивой иллюзией, — Земля апатично вращалась вокруг своей оси, в то время как Время неожиданно для себя обнаружило, что его безжалостно волокут вверх по эскалатору, работающему на спуск.

— Во имя всего святого, Джордж, что ты там вытворяешь с этим чертовым чайником?

— Прости.

— Вообще-то этой сонной корове давно пора бы уже вернуться. Я просто умираю от голода.

— Так же, как и все остальные, Саймон. Вся разница в том, что *мы* не устраиваем из этого такого представления.

— Да ну? А разве твоего мнения кто-нибудь спрашивал, Присцилла?

— Я не Присцилла. Я Аннабель.

— А я — Присцилла. Ты только что поставила свою чашку мне на голову.

— О боже, Присцилла, прости, пожалуйста.

— Я не Присцилла. Я Джордж.

На борту звездного крейсера «Хроногатор» существуют три вида Времени: время земное, время относительное и время, в течение которого они находятся взаперти на этом маленьком, тесном и, прежде всего, *темном* корабле. Третья разновидность обладает наиболее странными свойствами. Создается такое впечатление, что она длится вечно.

— Ну все, это безнадежно. Я пошел за пиццей. Никто не хочет составить мне компанию?

— Но послушай, Джордж...

— Это Тревор. Джордж — это я.

— Послушай, Тревор, ты не можешь этого делать. Это ведь научный эксперимент, понимаешь ты? Мы тут развлекаемся с тканью причинности как таковой; я хочу сказать — один Бог знает, какой вред мы приносим самим своим пребыванием здесь. Если ты ни с того ни с сего свалишься в середину двадцатого столетия и начнешь тыкаться повсюду со своей «большой куатро стажионе», трудно даже представить, что может произойти. Так что лучше сядь и заткнись, хорошо?

Последовала абсолютная тишина.

— Тревор! Ты понял, что я сказала?

— Я не Тревор. Я Ник.

— А где же тогда Тревор?

— Каким образом, черт возьми, я могу это знать, Луиза? Здесь так темно, что собственной руки не разглядишь.

— Вообще-то я не Луиза, я Анжела. И если уж на то пошло, кто такая Луиза, черт меня подери?

Тем временем вторая спасательная капсула, пилотируемая девянтоосемилетним ребенком, с ревом уносилась вдаль сквозь неопишемое величие Пустоты, как стрела к цели стремясь к тому месту, где, как он помнил, находилась самая лучшая в мире пиццерия. Загвоздка заключалась лишь в том, что ее к этому времени еще не открыли, и не откроют еще в течение семидесяти лет.

Все молчали, за исключением единорога. Он поднял голову, увидел девицу незапятнанного целомудрия, порозовел и застенчиво сказал: «П-привет», после чего принялся яростно пережевывать жвачку.

Вслед за этим Ламорак очень медленно полез в пертелопов рюкзак, вытащил полиэтиленовый пакет и достал из него гвоздичное масло, выпил его, вытер рот рукавом и улыбнулся.

— Ну, привет, — сказал он.

— Вообще-то, Лам, — прошептал Пертелоп, — его надо не пить, его надо...

— Заткнись, Пер, я знаю, что делаю, — Ламорак поднялся на ноги, отряхнул пыль с коленей своих брюк и подошел к девице незапятнанного целомудрия.

— Меняемся, — сказал он. — Мой единорог на твой передник. Как ты насчет этого?

Девушка незапятнанного целомудрия воззрилась на него.

— Ты что, последние мозги растерял? — спросила она.

Ламорак приподнял бровь.

— Прошу прощения, — сказал он. — Я не совсем понимаю. Честный обмен. Ты получаешь премию за лучшую натуралистскую программу, я получаю передник, все счастливы. В чем проблема?

На Земле есть немало холодных мест, но лишь в очень немногих из них царит такой холод, как в двух футах от глаз девушки.

— Послушай, ты, кто бы ты ни был, — сказала она, — я снимаю здесь серьезный фильм. Если я вернусь и скажу моему продюсеру, что у меня на пленке отснято десять минут живых единорогов, я проведу остаток своей карьеры, снимая прогноз погоды. А теперь, может, вы оба наконец уберетесь отсюда? Вы перепугаете мне кенгуру.

Возможно, в первый раз за всю жизнь Ламорак испытывал некоторый недостаток в словах. Совершив значительное усилие, он умудрился произнести лишь: «Но это же *едино-рог!*» Девушка незапятнанного целомудрия вздохнула.

— Парень, — сказала она, — мне наплевать, будь это хоть дрессированный шерстистый мамонт. У меня репутация серьезного обозревателя-натуралиста, и я не собираюсь ее терять. Понял?

— Но ведь это же...

— Знаю, — девушка поджала губы. — Очень хорошо. Вытащите его на спутниковое телевидение, парни, — уверена, они обеспечат ему собственное ток-шоу. Между прочим, кое у кого тут полно работы, так что, если вы не возражаете...

Ламорак не сказал ничего. Даже если бы он смог найти подходящие для ситуации слова, у него были бы трудности с тем, чтобы их произнести, поскольку его нижняя челюсть болталась, как вышедший из строя разводной мост. Он изумленно покачал головой, отошел в сторону и сел в тени большого скального выступа.

— Простите, — произнес Пертелоп.

— Да?

— Мне кажется, — сказал Пертелоп, — здесь может быть маленькое недоразумение. У вас ведь есть передник, не так ли?

— Какой передник?

— Ага. Так значит, вы не являетесь девушкой незапятнанного целомудрия?

Секунду или две спустя Пертелоп поднялся с земли, потирая челюсть, и присоединился к своему коллеге под скалой.

— Здесь, по-видимому, что-то не так, — сказал он.

Ламорак кивнул.

— Проклятая девица не та, — ответил он. — То есть, скажите на милость, откуда я мог знать, что есть *две*... — он осекся. Ужасная мысль внезапно пришла ему в голову.

— Ох, *черт*, — произнес он. — Ну конечно. Как я не догадался?

Пертелоп поднял голову.

— Что ты хочешь сказать?

— Итоги матчей. Мы их неправильно интерпретировали. Ну-ка, дай-ка мне мой рюкзак, быстро!

Пертелоп сделал, как ему было сказано; и пока девица незапятнанного целомудрия со своей съемочной группой резво рысила неподалеку, преследуя загнанного кенгуру, скачущего в каких-нибудь десяти ярдах перед ними, он лихорадочно листал спортивный отдел справочника «Что к чему в Сиднее».

— Пер, — сказал он наконец, закрывая книгу, — ты мог бы и сообщить мне, что Громобой Даррен О'Шеа играет за «Подростков Параматты».

На лице Пертелопа отразилось замешательство.

— Ох, проклятье, — сказал он. — Да, конечно, полагаю, это придает делу совсем другой оборот. И что мы теперь будем делать?

Хроногатор перегнулась через край выступа, под которым они сидели, и прочистила горло.

— Мы могли бы поефть, — предложила она.

— Только, пожалуйста, не персики, — со вздохом сказал Ламорак. — Не сейчас; я этого не вынесу.

Хроногатор ухмыльнулась.

— Ну ладно, — сказала она, — а как вам понравятфя похлебка ив моллюфков, фыпленок ф бавиликом и орегано, и абрикофы в бренди? — С этими словами она раскрыла свою сумку и достала оттуда три большие банки консервов. — У меня микроволновка на фолнечных батареях, фейчаф я ее включу, и вфе в порядке.

Ламорак слабо улыбнулся.

— Почему бы и нет? — ответил он. — А когда мы поедим, не смогла бы ты подбросить нас немного на этом своем космическом корабле? А то, я боюсь, нам придется еще долго тащиться.

— Не вопроф! — Хроногатор вытащила из кармана маленький металлический кубик и нажала на кнопочку на

задней стороне, держа его на вытянутой руке. Кубик начал увеличиваться и превратился в микроволновую печь.

— Только не говорите никому, что вы видели ее, потому что их еще не изобрели, — добавила она. — Ф одной из таких фтуковин можно уфстроить второе фредневековье.

— О чем разговор, — согласился Ламорак, — ты молчишь про единорога, мы забываем о высоких технологиях.

Хроногатор засмеялась и принялась открывать банки. Прошло некоторое время с тех пор, как она в последний раз держала в руках открывашку, так что она чуть не прожгла здоровенную дыру в ландшафте размером с хороший вулкан, прежде чем сумела выставить луч аннигилятора на нужную мощность, но все обошлось без особого ущерба.

— Но это все еще ничего не объясняет, Лам, — внезапно сказал Пертелоп, и его голос прозвучал назойливо, как жужжание мухи, бьющейся о ветровое стекло.

Ламорак тряхнул головой и сказал:

— Не сейчас, Пер. Давай попозже.

Пертелоп, нахмурясь, посмотрел на него.

— Но, Лам, — настаивал он, — Громобой Даррен О'Шеа не имеет никакого значения, потому что тут написано, что его брат Норман сейчас играет за «Мельбурнских Обратней», а это значит, что коэффициент «икс» уже не соответствует обратному тангенсу «пи»...

— Потом, Пер, — Ламорак закрыл глаза, положил голову на свой рюкзак и вытянулся. «А знаешь, — сказал он самому себе, — похоже, скоро мне начнет нравиться проигрывать. Это так успокаивает...»

А потом он рывком выпрямился и схватился за книгу.

— Я же говорю, — кивнул Пертелоп. — И следовательно, нам придется заново пересчитать дифференциальный сдвиг по оси «игрек».

Ламорак не слушал его. Он уставился на Хроногатора; та уже открыла банки и теперь вываливала их содержимое в маленькие пластиковые чашки, которые затем загружала в машину.

— Почти готово, — сказала она.

— Замечательно, — ответил Ламорак, стараясь говорить спокойно. — Скажи, а почему, когда пришла твоя очередь отправляться за провизией, ты прилетела именно сюда?

— Отфюда родом мои предки, — отвечала она. — Конечно, я не думаю, что вдефь вфе выглядит так ве, как в их время, но вфе-таки...

— Понимаю, — сказал Ламорак. — Ой, какой у тебя замечательный передничек — если его можно так назвать!

Хроногатор заулыбалась.

— Ты думаешь? Он дофталфя мне по нафледфту. Фмотри, какая выфивка вдефь по краям. Фветочки и вфякие вверюфки.

Двое рыцарей переглянулись. Ламорак подтащил Пертелопа к себе.

— Так, — зашептал он, — я вижу, ты думаешь то же, что и я.

— Да, это, разумеется, объяснило бы искажения в основном коэффициенте, — ответил Пертелоп. — На самом деле, это очень интересный эффект, поскольку...

— Да, да, верю, — Ламорак втянул в себя солидную порцию воздуха и с шумом ее выпустил. — Послушай, — сказал он, — одному из нас придется спросить ее, и мне кажется, что на этот раз твоя очередь. По рукам?

— О чем спросить, Лам?

— Неважно, — отвечал Ламорак. — Считай, что я ничего не говорил.

Хроногатор закрыла дверцу микроволновки и пару раз повернула рычажок.

— Минуты черев три будет готово, — сказала она. — Так это единорог, вот как? Мне вфегда хотелофь пофмотреть на нафтояффего единорога.

— Бинго, — пробормотал Ламорак сквозь зубы. В ее возрасте, да еще с этими скобками на зубах — можно и не спрашивать, я это просто *знаю*.

— Можно мне твой передник на пару минут, я хочу рассмотреть его поближе? — спросил он.

Есть два способа посадить космическую спасательную капсулу на земную поверхность. Первый способ — это, пройдя через верхние слои атмосферы, осторожно выровнять аппарат в гравитационном поле планеты с помощью стабилизационных ракет. Альтернативным методом является про-

должать полет до тех пор, пока не врежешься в землю. При использовании этой методики необходимо следить, чтобы посадка не сопровождалась крушением корабля; хотя в целом результаты обоих способов более или менее одинаковы.

К счастью, любое изменение в ландшафте Великой Пустыни Виктории почти наверняка служит лишь к его улучшению; и Тревор, без сомнения, был бы только польщен, если бы узнал, что через много лет (фактически, это произошло уже после его рождения) гигантский кратер, возникший на месте его образцового приземления по методу два, будет затоплен водой и превращен в первый в Австралии внутриконтинентальный серфинговый парк, приливы в котором автоматически стимулируются огромной турбиной на солнечной энергии.

Тем не менее, вытаскивая себя из того, что осталось от пилотской кабины, он мог думать лишь о том довольно удручающем обстоятельстве, что его летательный аппарат превратился в щепки. Это значило, что если ему не удастся найти своих отправившихся за провиантом коллег, то он останется здесь до конца дней своих. Не беря во внимание тот факт, что он, по-видимому, приземлился в совершенно неблагоприятном месте, перед его лицом стояла ужасная перспектива возвращения к нормальному для обитателей земной поверхности течению времени, с неизбежным повторением всех утомительных подробностей. Когда тебе исполняется тридцать один раз в жизни, это уже неприятно. Когда это происходит дважды, этого достаточно, чтобы человек впал в настоящее уныние.

Но даже эта непривлекательная перспектива, понимал он, так и останется далекой от реальности, если он не найдет чего-нибудь поесть. Причем как можно быстрее.

Он плелся в восточном направлении уже с полчаса, когда ленивый ветерок пустыни донес до него запах съестного. Он встал как вкопанный и сосредоточился. Секунд тридцать внимательного внюхивания убедили его, что это не было какой-либо обонятельной галлюцинацией. Если бы запах был просто продуктом его воображения, то его воображение не стало бы класть туда столько чеснока. Он быстро зашагал в том направлении, откуда, как ему показалось, доносился запах, и вскорости перешел на бег.

* * *

— Это, понимаешь ли, не для меня, — торопливо пояснил Ламорак. — Это для одного моего друга.

Хроногатор продолжала внимательно смотреть на него.

— Для твоего друга, — повторила она. — Для твоего друга, который любит одевать^{фя} в венфкую оде^{вду}, — она кинула взгляд на Пертелоп и добавила. — Для *еффе* одного твоего друга, который любит одевать^{фя} в венфкую оде^{вду}. *Понимаю*.

— Постой, погоди-ка минутку, — начал было Пертелоп, но Ламорак перебил его.

— Не в этом дело, — сказал он. — Понимаешь, у нас тут это задание, видишь ли, нам нужно отыскать этот Святой Грааль, а для этого...

Хроногатор угрожающе подняла над головой половник.

— Я бы на твоём мефте фтояла, где фтоифь, — свистящим — точнее, фвифтяффим, шепотом сказала она.

— Смотри... — начал Ламорак, осекся, согнулся пополам и схватился за челюсть. — Смотри, что ты наделала, — промычал он.

— У него болят зубы, — объяснил Пертелоп. Это было вполне в его духе; он был способен начать объяснять, что вы промокли насквозь из-за того, что идет дождь, или что вы сломали себе ногу лишь по той причине, что упали с лестницы.

— Вфе равно, — хмуро пробурчала Хроногатор, демонстративно помахивая половником. Вам не удастся долго оставаться девицей незапятнанного целомудрия на совершенно неосвещенном космическом корабле, если вы не будете знать, как обращаться с тяжелым кухонным инвентарем. Она сделала шаг назад, не глядя, куда ступает, и споткнулась об единорога.

Выведенный из наркотического сна (в котором он лежал в засаде позади куста вместе с шайкой других единорогов, выжидая, когда появится девица незапятнанного целомудрия, привлеченная скрученным по задним и передним лапам кенгуру), единорог вздрогнул и взбрыкнул ногами, связанными веревками, в результате чего ему удалось ослабить узлы.

— Ну что ж, английские подонки, — начал было он, и в этот момент Хроногатор упала на него сверху, вышибив из него дух. Он осел безвольной грудой, вернувшись к прерванному сну на том месте, где его покинул.

— Да не стой ты, как тюфяк, — проорал Ламорак. — Скорее хватай чертов передник!

Пертелоп колебался. С одной стороны, он был рыцарем Круглого стола и отдаленно помнил, что где-то в своде правил было что-то написано относительно помощи девицам в затруднительных ситуациях. Он высказал это вслух.

— Ну и?

— Ну и я должен помогать, не так ли?

— Правильно! — прорычал Ламорак. — И первое, что нужно помнить относительно помощи девицам, — это что им нельзя давать ни малейшей передышки! Давай, шевелись!

— А-а, — протянул Пертелоп, — так вот что это значит! А я-то всегда думал... — он не успел продолжить, поскольку получил удар половником по голове.

Ламорак пробормотал что-то вполголоса — это рифмовалось со словом «мать», — и сделал нечто вроде неуверенного выпада. Ему помешало то, что одновременно с этим он пытался заслонить свою челюсть корпусом; и все, чего он добился, — это запутался ногами в обломках брони Хроногатора. Раздался хруст, и он тяжело рухнул на землю.

— Ублюдок! — завопила Хроногатор, вздымая над головой половник. И застыла на месте.

— Если это может послужить утешением, — сказал Ламорак некоторое время спустя, — мне на самом деле жаль, что приходится так поступать. — Он помахал револьвером Хроногатора, который каким-то образом оказался у него в руке при приземлении. — Во-первых, это не по-рыцарски. Во-вторых, это анахронизм. В-третьих, такие вещи пугают меня до полусмерти. Но с другой стороны...

Хроногатор не слушала его. Она смотрела на что-то, находящееся у Ламорака за левым плечом, одновременно пытаясь изобразить бровями нечто вроде железнодорожного семафора.

— Меня на этом не подловишь, — вздохнул Ламорак. — Старые трюки, описаны во всех учебниках, — смотреть че-

ловеку за спину, будто там что-то есть, чтобы он повернулся и его можно было ударить...

На этом его речь прервалась, поскольку Тревор со всей мочи врезал ему по челюсти обломком скалы.

Истинное происхождение Передника Неукротимости, вероятно, никогда не станет известным.

Некоторые школы утверждают, что передник был повязан на животе у шеф-повара на Валтасаровом пиру, и характерные красные пятна на нем — это всего лишь остатки жаркого из оленины, которое шеф-повар в смятении выплеснул на себя, увидев, как какая-то здоровенная рука материализуется из чистого воздуха и начинает писать граффити на стене его заново отделанной таверны.

Другие считают, что красные пятна остались от некоего особенно кислого алжирского божоле, которое подавали гостям на бракосочетании в Кане как раз перед тем, как вино совсем закончилось. Эта точка зрения до некоторой степени подтверждается тем, что многие поколения владельцев прилагали все усилия, чтобы вывести их, но без особого успеха.

Еще некоторые полагают, что красные пятна — это просто красные пятна, а сам Передник — всего-навсего византийская подделка седьмого века; хотя никто не берется сказать, что именно послужило для нее оригиналом.

Какова бы ни была правда относительно этого, факт остается фактом: Передник действительно обладает некоторыми любопытными свойствами, которые не могут быть объяснены рациональным образом. Например: прикосновение к его кромке исцеляет некоторые исключительно редкие разновидности золотухи (не особенно полезное свойство, учитывая то, что рассматриваемая бактерия встречается настолько редко, что занесена в Красную книгу, и любой человек, вздумавший нанести ей вред, облагается значительным штрафом); он превращает австралийский футбол черт знает во что как ничто другое на земле; а бисквитные торты, испеченные человеком, повязавшим его, неизменно оказываются жесткими как мельничный жернов.

* * *

Немного спустя Ламорак пришел в себя. Он потряс головой и попытался собрать воедино осколки своей памяти.

Он осознал, что чувствует себя значительно лучше.

Что-то острое врезалось ему в шею. Он покопался во внутренностях своей рубашки и обнаружил там выбитый зуб. Кажется, он где-то его уже видел.

— Ага, — сказал он. — Это хорошо.

Он поднял голову и увидел дуло револьвера. Позади него стояли Хроногатор и еще один человек, одетый таким же образом, с непрерывно движущейся челюстью.

— Ни ф мефта, — проскрежетала Хроногатор, — или Тревор иврешетит тебя как фито.

— Хорофо, — отвечал Ламорак, — не фтреляйте. Ох, фволочь, — добавил он, потирая распухшую челюсть. — Ты вфетакти меня подловила.

— Что здесь все-таки происходит, черт побери? — спросил Тревор с полным ртом. — Драка. Какой-то парень в женских тряпках, валяющийся в отключке. Лошадь с флагштоком, торчащим из лба. То есть, я хочу сказать — что это все значит?

Ламорак с трудом улыбнулся.

— Фейчаф объафню, — сказал он.

— У меня ефть... — Хроногатор в ярости зарычала, раскрыла рот и вытащила две маленькие полоски сверкающего металла. — Так-то лучше, — сказала она, засовывая их в карман. — Черт с ней, с сохранностью зубов. У меня есть идея получше, Тревор. Давай свяжем этих двух идиотов и спокойно вернемся на корабль, как ты думаешь?

Тревор пожал плечами.

— Делай как знаешь, — сказал он. — Чем мы их свяжем?

Ламорак осторожно кашлянул.

— Ефли вы повволите, у меня ефть предложение на этот фчет... — сказал он.

Передник Неукротимости, разорванный на тонкие полоски, предоставил достаточно материала, чтобы держать

рыцарей надежно связанными в течение шести часов; в конце концов они были освобождены группой странствующих Фруктовых Монахов, направляющихся к скалам Эйерс, чтобы пополнить запас консервированных личи.

На обратном пути в Альбион рыцари возложили работу по восстановлению Передника на Сестер Неуместности — еще более малочисленный и закрытый орден, посвятивший себя молитве, размышлению, швейному делу и состязаниям по игре в мяч (из данного источника и происходило баснословное богатство этого сообщества). Три месяца круглосуточной работы — и Передник стал почти (хотя и не совсем) как новый. Да, действительно, он больше не влиял на результаты футбольных матчей; с другой стороны, у него появилась способность превращать любую вещь, оставленную на ночь в его карманах, в маленькие бумажные шарики, рассыпающиеся при прикосновении, обертки от фруктовой жевательной резинки, билетки на метро и вышедшие из обращения монетки в пятьдесят лир.

4

— Признайся, Тур, — сказал Бедеве, — мы заблудились.

Можно рассуждать о Висячих садах Вавилона или Колоссе Родосском; но если вы хотите увидеть настоящее чудо света, посмотрите на рыцаря какого-нибудь древнего ордена, которого заставляют признать очевидную вещь.

— Я знаю, что мы заблудились, — весело отвечал Туркин, складывая дорожную карту и запихивая ее под сиденье грузовика. — Нам и следовало заблудиться. Если бы нам не удалось заблудиться, мы бы шли неверным путем.

Бедеве воззрился на него.

— В конце концов, — продолжал Туркин, — мы ищем затерянный город. Город, который потерял. Следовательно...

— Ну да, — терпеливо сказал Бедеве. — Я уловил. Но непосредственно сейчас мы не ищем Атлантиду, мы ищем дорогу М-6.

Туркин ухмыльнулся.

— Не обязательно, — отвечал он. Бедеве сделал нетипичный для него жест нетерпения; Туркин продолжал: — До тебя все еще не дошло, малыш Беддерс. Тут разго-

вор идет о мистике, — он прервался, пытаясь уклониться и изрыгая брань на «аллегро» с местным номером, который упрямо не хотел его объехать¹. — Ты ведь помнишь, что старик Мальдизан Носатый обычно говаривал о мистике.

Бедевер признался, что он подзабыл. Туркин кивнул.

— Я так и думал, — сказал он. — Кажется, я припоминаю — когда нам читали Мудрость, ты обычно глазел в окно на девочек из...

— Ну, как бы там ни было, — прервал Бедевер.

Туркин с грохотом переключил скорости.

— Суть в том, — сказал он, — что если ты ищешь потерянный город, или заброшенный монастырь, или келью отшельника, на которой лежит заклятие забвения, или что-нибудь в таком роде, то тебе не поможет перерывание справочников и указателей; то, что нужно, — это потеряться самому. И тогда оно вроде как находит тебя само. Такова логика! — добавил он с гордостью.

Бедевер приподнял бровь.

— Логика? — иронически переспросил он.

— Ну, — отвечал Туркин, пожимая плечами, — или теология. Каждый, кто потерялся, будет найден, или что-то в этом роде — не помню точно, но смысл такой. Три тысячи чертей и адская сковородка! — добавил он, увидев дорожный знак. — Это же поворот на Стерчли! Каким чертом мы здесь оказались?

Бедевер слабо улыбнулся.

— Возможно, теология, — сказал он. — И к тому же мы свернули не на тот выезд из Браунхиллз. Нам нужна А-37.

¹ Обладая титулом сеньора де Монкальма и графа-баннерета Бельфорта, Туркин обладал наследственным правом самому выбирать себе дорогу, основанном на древнем законе уступать путь сеньору; и, будучи Туркином, он настаивал на своем праве даже при встрече с самыми тяжелыми грузовиками. Его целью было вызвать аварию и быть привлеченным к ответственности за небрежное вождение, с тем чтобы на суде иметь возможность встать и предъявить свою грамоту с печатью Утера Пендрагона. К несчастью, все водители, в лоб которым он без предупреждения вырубивал, либо обладали рефлексами профессиональных каратистов, либо у них стояли хорошие тормоза.

— Дай-ка мне карту на минуточку, — сказал Туркин. — Я знаю здесь один поворот, где можно неплохо срезать...

Бедевер собрался было протестовать, по большому опыту зная, что значит, когда Туркин срезает дорогу, но тут ему пришло в голову, что во всей этой ерунде относительно того, чтобы заблудиться преднамеренно, есть некий, хотя и невероятный, смысл.

— Хорошо, — сказал он поэтому, и добавил даже: — Прекрасная идея.

Туркиновский поворот, как и следовало ожидать, вывел их на узкий проселок, который заканчивался у заброшенной фермы. Когда Туркин срезал дорогу, это всегда кончалось одним и тем же. Фактически, у Бедевера было такое чувство, что если бы они только потрудились выйти из машины и посмотреть повнимательнее, возможно, оказалось бы, что это каждый раз была одна и та же ферма. В чем, возможно, и был какой-то смысл...

— Ну хорошо, — сказал он, отстегивая ремень безопасности и открывая дверцу, — вот мы и приехали.

Туркин вопросительно взглянул на него.

— Ради всего святого, что ты делаешь? — спросил он.

— Довожу твою посылку до логического завершения, — отвечал Бедевер, стаскивая свой вещмешок с заднего сиденья и надевая шапку. — Ты идешь?

— Но...

Бедевер любезно улыбнулся, захлопнул дверцу и направился к строению посреди двора. С минуту поругавшись, чтобы соблюсти приличия, Туркин последовал за ним.

— Видишь ли, — объяснял Бедевер, хлюпая по грязи, — если ты собираешься заблудиться с целью найти потерянный город, из этого следует, что ты должен заблудиться настолько, насколько это вообще возможно для человека. Мне кажется, что оказаться на заброшенной ферме с поросшей травой крышей в конце пяти миль проселочной дороги примерно это и значит; по крайней мере, это лучшее, что мы можем найти, не выкалывая себе глаза щепкой, как ты думаешь?

Он улыбнулся и постучал в дверь. К их удивлению, дверь отворилась почти сразу же.

— Добрый вечер, — сказал Бедевер. — Мы ищем Атлантиду. Не можете ли вы указать нам правильную дорогу?

У женщины, открывшей им дверь, был такой вид, что нетрудно было предположить, что она действительно может. Бедевер подумал, что у такой женщины вполне может оказаться сын по имени Дуб и две дочери, которых зовут Незабудка и Омела; и она вся была увешана серебряными побрякушками — того рода, какие на рынках никто никогда не покупает.

— Простите? — переспросила она.

— Атлантида, — повторил Бедевер. — Ну, знаете...

— Ах, — сказала женщина, — да-да, конечно. Вы просто по виду не совсем из тех. Пойдемте, я провожу вас.

Повернувшись, она пошла вглубь дома; Туркин с Бедевером переглянулись.

— Это, наверное, самый лучший отзыв, какой я когда-либо слышал о себе, — прошептал Туркин про себя. — Боже, а в этом месте пованивает! — он недовольно принюхался. — Похоже, здесь частенько покуривают что-то не то.

Женщина открыла еще одну дверь и встала в стороне.

— Вам туда, — сказала она. — Вы знаете, что надо делать.

Это была очень странная комната для такого дома. Она очень напоминала какую-нибудь из самых фешенебельных строительных корпораций, решил Бедевер, вот только здесь не было девушек в униформе, сидящих перед экранами компьютеров. Здесь не было никаких пентаграмм и каббалистических знаков.

— Если вам что-нибудь понадобится, — добавила женщина, — мы все на кухне, медитируем.

Она закрыла дверь, и рыцари услышали шлепанье босых ног по коридору. С минуту никто из них не говорил ничего. Затем Бедевер пожал плечами.

— Ну ладно, — сказал он, — возможно, мы должны были взять влево в тоннеле у Шард-Энда.

Туркин присел у одного из компьютеров.

— Ничего подобного, — сказал он. — Думаю, я начинаю понимать, в чем тут дело. Круто, — добавил он с оттенком восхищения. Он прикрыл глаза, встряхнул пальцами, как пианист перед концертом, и ударил по клавиатуре, набирая вслепую.

— В конце концов, — сказал он, когда экран засветился и машина пискнула несколько раз, — потеряться тоже можно по-разному. Ну что ж, посмотрим.

— Ты знаешь, как обращаться с этими штуками? — спросил Бедеве.

— Предыдущий опыт значения не имеет, — ответил Туркин. — Назови какое-нибудь число.

— Семь.

— А почему бы и нет? — Туркин набрал код. — Вот например, — продолжал он, — когда ты в последний раз имел какое-нибудь дело с налоговой службой?

Бедеве покрылся краской.

— Да я... — запнулся он.

— Ну ладно, — сказал Туркин, — с телефонными службами, с почтой, со службой газа — с какой-нибудь из этих контор? Где люди много работают с компьютерами.

— Да у них у всех в офисах компьютеры, — сказал страховой агент Бедеве.

— Так, — продолжал Туркин, — а чем объясняют, когда случается какая-нибудь путаница и данные пропадают?

— Ну как же — данные потеряны в компьютере, разумеется, — автоматически сказал Бедеве и прикусил губу. — Ага, — сказал он, — ну да. Кажется, я понимаю, куда ты клонишь.

Туркин ухмыльнулся.

— Пришлось немного попотеть, а? — сказал он. — Как сделать, чтобы что-нибудь потерялось, и все же продолжало существовать? Засунуть его в компьютер! Очень просто. Думаю, он где-то там, внутри; просто он затерян, только и всего, среди полумиллиона извещений, оплаченных парковочных талонов, инструкций, графиков показаний приборов и пересмотренных аттестаций. И все, что требуется, чтобы вызвать его к жизни, — это набрать на клавиатуре волшебное слово.

Бедеве расплылся в восхищенной улыбке.

— И что это за слово?

— Ага, — Туркин крутнулся на вращающемся стуле. — Здесь ты меня поймал. Но мы все же можем что-нибудь попробовать.

Бедеве слегка приуныл, но тут же воспрянул духом.

— Ну конечно! — сказал он. — Дай-ка я.

Он мягко спихнул Туркина со стула, сел сам и потерял руки.

— Так всегда делают в офисах, — пояснил он, — когда чертова железяка начинает упрямиться, и из нее ничего не удастся достать. Ну ты, разумеется, не можешь этого... Ага, вот она!

Он нашел кнопку, которую искал, и нажал ее. Экран опустел; из щели сбоку выскочила дискета. Он вставил ее обратно, еще раз нажал кнопку и плашмя саданул ладонью по системному блоку. Прошло некоторое время, в течение которого машина честила его на все корки своим машинным кодом; затем с экрана исчезли все знаки. Бедever уже начал чувствовать себя полным идиотом, когда посреди экрана появилась одна-единственная строчка:

ЧЕРТ С ТОБОЙ, ТЫ ВЫИГРАЛ

— Есть! — воскликнул Бедever. — Ну что ж, посмотрим. Он одним пальцем набрал команду, и экран опять опустел.

— Что это ты... — начал Туркин, но Бедever нетерпеливым движением прервал его.

ГОТОВ К ПЕРЕСЫЛКЕ

— Соберись с духом, — шепнул Бедever. — Это может быть немного неприятно.

— Что значит — соберись с духом? Что там, черт побери, такое?

— Тс-с!

ПЕРЕСЫЛКА

Мир начал исчезать...

Вопрос «Как люди раньше обходились без факсов?», к счастью, является чисто академическим.

Факсы были всегда, просто они назывались по-другому, и некоторые из экспериментальных моделей так же напоминали современные аппараты, как, скажем, пара жестянок из-под какао, связанных веревочкой, напоминает сотовый телефон.

В качестве примера можно упомянуть «пиролекс-IV турбо», который был в моде на Ближнем Востоке во времена египетского фараона Рамзеса II; он работал с помощью древнего прообраза оптоволокна, посредством которого со-

бранные в пучок световые лучи передавались через верхние слои атмосферы в виде радиоволн, затем собирались с помощью примитивного преобразователя — каковым служили листья одной редкой разновидности пальмы, к настоящему времени давно уже вымершей, — и фокусировались в принимающем устройстве с помощью органической линзы, которая представляла собой цветок той же пальмы.

Факсы были, без сомнения, известны также римлянам, которые использовали их для связи с богами. Модель «литор луциус», наиболее часто применявшаяся для этой цели, была надежной, но медленной: послание встраивалось в ДНК выводка священных цыплят, и для того, чтобы прочесть его, требовалось разрезать одного из этих цыплят, взятого наугад, и взглянуть на его внутренности.

В Альбионе использовались факсы, по принципу действия весьма близкие к современным; но после падения альбионского королевства страна вошла в период, известный историкам информационных технологий как «долгая темная зима почтовых открыток», в течение которого пользователям были доступны лишь рудиментарные виды факсов.

Исключением, разумеется, являлась Атлантида, где факсы были известны с самой глубокой древности; так что даже один из апокрифов Атлантической Апостолической Церкви, а именно «Евангелие от св. Невилля», начинается словами:

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и к тому времени, когда оно дошло до того конца линии, Слово было Брдг».

Благодаря этому можно предположить, что к тому времени, когда Евангелие было впервые сведено к записи, атланты уже использовали «Марк IV-с».

Но в чем атланты переплюнули все остальные нации, использующие факсы, так это, разумеется, в способности пересылать нечто большее, чем просто факсимиле написанного слова...

— Беддерс?

Слово на мгновение повисло в пустоте, подобно тлеющему угольку, и затем угасло. Потом не было ничего, кроме

слабого завывания ветра, дующего в межзвездных пространствах.

— Это ты, Тур?

Тот же эффект, разве что слово на этот раз полыхнуло бледно-голубым пламенем, потрескивая в разреженном воздухе, как бенгальский огонь.

— Ты где?

— Где-то здесь.

— Где это — «здесь», во имя всего святого?

— Откуда мне знать? Тур, что происходит?

И тут они оба ощутили послание — ощутили, но не услышали или увидели. Послание гласило:

Не существует «здесь» или «там». Есть только информация.

Два бесплотных голоса принялись говорить в одно и то же время. Это было немного похоже на Ночь Гая Фокса с ее фейерверками и шутихами.

— Заткнитесь оба и слушайте, — пришло послание. — Не существует «здесь», «там», «верха», «низа», «тебя», «меня», «их», «его», «ее», «теперь», «тогда», «истинного», «ложного», «толстого», «тонкого», «черного», «белого», «желтого», «зеленого», «живого», «мертвого». Существует только информация. Пересылаемая и пересылающая.

— Ну хорошо, — раздраженно промерцал голубой огонек, — пересылающая что?

— Вас.

Последовали несколько ярких вспышек разгорающегося оранжевого пламени, и затем — взрыв практически нечленораздельной пиротехники. Из того, что большинство использованных выражений были чрезвычайно вульгарными, можно было вывести предположение, что здесь присутствует некая часть сэра Туркина.

— Посмотрите на это так, — предложило послание. — Вы же знаете, сколько весит золото, так? А любые деньги — это, грубо говоря, золото. Но вы ведь можете пересылать деньги телеграфом, не так ли? Ну вот.

Оранжевые огоньки вспыхивали затрепетали было, но не пошли дальше недовольного мерцания. Затем все стало черно.

Два исполинских катка, выжевывающих из себя рулон бумаги; вот только это не бумага. Она имеет на одно измерение больше.

Сэр Туркин и сэр Бедевер возникли между катков в виде двумерных силуэтов, шлепнулись снаружи и стали постепенно обретать форму, подобно надуваемым воздушным шарикам. Не раньше, чем процесс надувания был завершен, начали они оживать; но когда эта часть была завершена, Туркин, по крайней мере, выглядел более чем оживленным.

— Черт побери, — сказал он мрачно. — Никто еще не совал меня головой вперед в компьютерную сеть и уходил живым после этого, — он закатал рукава и начал оглядываться в поисках кого-нибудь, с кем можно было бы разобраться на этот счет.

— Тур, — настойчиво прошептал Бедевер, стоявший сбоку.

— Чего тебе? — спросил Туркин не оборачиваясь. — Только не пытайся отговорить меня, Беддерс. Кто-то сегодня получит по голове за эти штучки, и...

— Тур!

— Чего тебе?

— Посмотри-ка вниз.

Туркин неохотно повиновался. Он увидел, что они стоят на чем-то вроде вспаханного поля. Почва была светло-красного цвета, как глина. Очень светлого. Почти розового.

— Тур, — сказал Бедевер. — Тур, мы стоим на чем-то пальце!

Очень сложно приучить себя к действительно гигантским масштабам. Глаз может воспринять лишь определенное количество информации, а мозг может обработать лишь определенное количество того, что воспринято глазом. Вы должны быть способны дополнить эти данные изрядной долей воображения, если вам необходимо, к примеру, распознать в полосе земли двадцати пяти футов шириной чей-то палец.

— Ох, — тихо сказал Туркин, — и действительно.

— *Добро пожаловать в Атлантиду*, — промурлыкало послание. — *Вы хотите, чтобы вас увеличили?*

— Да, думаю, хотим, — сказал Бедевер, — правда ведь, Тур? Думается мне, это было бы чертовски неплохо, если для вас это не составит...

— В таком случае мы восстановим вас в немного меньшем масштабе — в особенности его. Согласны?

— Согласны.

Палец начал съеживаться, пока не превратился в часть ладони, которая тоже в свою очередь стала съеживаться до тех пор, пока не получила возможность сомкнуться вокруг пальцев Бедевера в дружеском пожатии. Ладонь крепилась к руке, которая соединяла ее с кругленьким, голубоглазым, средних лет человечком в темно-сером костюме.

— Давайте сразу же проясним один вопрос, хорошо? — начал он, улыбаясь. — Здесь все делается как в цивилизованных странах. Никаких грубостей. Все санкции — сугубо экономического порядка. Это понятно? — он пристально взглянул на Туркина. Тот хрипло проворчал что-то и кивнул.

— Вот и прекрасно, — сказал кругленький человечек. — В таком случае, сэр, разрешите представиться. Меня зовут Иофон, а это, — здесь рыцари заметили еще одного точно такого же человечка, стоящего поодаль, — Паллас. Мы из службы Валютного контроля.

— Простите? — переспросил Бедевер.

Иофон улыбнулся.

— Мы находимся здесь, чтобы удостовериться, что ввозятся и вывозятся лишь дозволенные суммы в санкционированной валюте, — пояснил он. — В таких делах нельзя быть чересчур осторожным, знаете ли.

— Прошу прощения, — сказал Бедевер. Он за рукав оттащил Туркина в сторону и с минуту шептался с ним, затем вернулся к Иофону, который что-то писал на специальной дощечке с прикрепленным листком бумаги. — Мне кажется, здесь, возможно, имеет место некоторое недопонимание.

— Надеюсь, это не так, — радостно отвечал Иофон. — Итак, теперь, если вы будете любезны сообщить мне ваши суммы, достоинство, номера и коды серий, я смогу без дальнейшего промедления выплатить вас в страну. Как видите, на вас здесь рассчитывают.

— Ну вот, — сказал Бедевер, — как я и говорил, некоторое недопонимание. Видите ли, мы не деньги, мы люди.

Иофон скорчил гримаску.

— Ничего страшного, сэр, — сказал он. — Люди принимают более чем на двух биллионах рынков по всей галактике. Люди, простите за каламбур, хорошо идут. Просто распишитесь здесь, и мы внесем вас в дебет за считанные секунды, — он протянул им свою дощечку. Бедевер слегка попятился.

— Мне кажется, вы не совсем поняли, — сказал он. — Мы не хотим, чтобы... чтобы нас выплачивали. Нам бы как-нибудь так... мимоходом. Нам просто нужно повидать кое-кого на предмет...

Второй человек — тот, которого называли Палласом, — шагнул вперед. Его вид внушал какое-то чрезвычайно неуютное чувство. Как объяснял позже Бедеве, он производил впечатление человека, который может схватить вас за шиворот, засунуть вашу голову под пружину и захлопнуть на нее крышку кассы, ни разу не поколебавшись.

— Послушайте, сэр, — произнес он, — вас могут либо выплатить внутрь страны, либо... — он сделал рукой злоежащий жест, — ...выплатить наружу. Что вы выбираете?

К этому моменту Туркин окончательно потерял терпение. Он не был, мягко говоря, столь понятливым, как Бедеве, и по его представлениям ситуация выглядела так: им угрожали двое не очень молодых людей, более высокий из которых достигал ему лишь до нагрудного кармана. Оттолкнув Бедеве, он протиснулся вперед и схватил противника за отвороты пиджака.

Когда он пришел в себя, он лежал на полу лицом вниз. Что бы с ним ни случилось, это ему не понравилось. Бедеве, заметил он, все еще стоял на ногах, и на его лице было то самое выражение — «первый раз в жизни вижу этого человека», — которое он хорошо помнил еще со времен, когда они вместе учились в школе. Он застонал.

— Ну ладно, — произнес Паллас, — это решает дело. Возьмите их и положите на депозит.

Туркин застонал и ослабил пояс.

— Это бесчеловечно, вот что я скажу! — проговорил он. — Об этом что-то есть в Женевской Конвенции, как там — необычные или унижающие достоинство наказания?

— Кажется, это было в американской конституции, — отвечал Бедеве. Где-то в глубине камеры раздавался капаящий звук. Так всегда обстоит с тюрьмами. Водопроводы здесь хуже, чем в отелях.

— Пятьдесят шесть фунтов за два дня! — разразился Туркин, показывая на свой живот, переливающийся че-

рез пояс и грозящий стечь на бедра. — Боже милосердный, — произнес он с горечью, — если это продлится еще немного, на меня даже носки перестанут налезать. А ведь, — в отчаянии добавил он, — они даже ни разу не дали нам поесть!

Бедевер печально кивнул. Сам он никогда не был особенно строен — он был из тех людей, которым достаточно лишь взглянуть на шоколадный торт, чтобы начать округляться в талии, — так что это не было для него такой уж катастрофой; но Туркин, как он знал, всегда немного фанатично относился к своей фигуре. Даже в школе, вспомнил он; хотя вряд ли там существовала серьезная угроза растолстеть на полбуханке хлеба и кружке выдохшегося меда в день. Он улыбнулся слабой — и, поскольку в камере было абсолютно темно, бесполезной — улыбкой, и попытался придумать что-нибудь вдохновляющее для своего друга. У него ничего не вышло.

В том, чтобы быть положенным на депозитный счет, нет ничего веселого. Спросите у пятифунтовой банкноты.

Бедевер слегка пошевелился на соломе, к своему беспокойству обнаружив, что его стало гораздо больше, чем он привык, и что от него требуется довольно большое усилие уже для того, чтобы передвинуть эту массу с места на место.

— Откуда нам знать, может быть, мы все же можем сделать что-нибудь толковое. Давай-ка на минутку сядем и подумаем, хорошо?

— Прекрасно, — Туркин сердито взглянул на него, или, по крайней мере, туда, где он видел его в последний раз. В камере стояла непроницаемая тьма. — Давай кратко обобщим ситуацию, согласен? Мы находимся в камере в глубине какого-то замка или чего-то подобного...

— В подвале, — сказал Бедевер.

— Хорошо, черт с ним, в подвале, какая разница! Мы прикованы к стене этого подвала, и...

— В подвале банка, — продолжал Бедевер, говоря более или менее сам с собой. В ходе долгого общения он обнаружил, что когда у тебя нет других собеседников, кроме сэра Туркина, довольно часто разговор с самим собой является единственным способом поддерживать интеллигентную беседу. — В подвале банка, — повторил он.

— Хорошо, — прорычал Туркин, — в подвале банка, если тебе от этого легче. Мы прикованы к стене, жирные как свиньи, и с каждой секундой делаемся жирнее...

— И тяжелее.

— Благодарю за подсказку, мистер Тактичный. И, как вы столь проникательно заметили, тяжелее. И...

Бедевер открыл глаза.

— Ну да, — тихо произнес он. — Мы становимся тяжелее, и мы в банковском подвале. На депозите. Да, кажется, здесь мы можем до чего-нибудь докопаться.

— Боже мой, — продолжал Туркин, не слушая, — страшно подумать, что делается с моими артериями! Они, небось, уже такие твердые, что сгодятся на дуло пистолета. Десять лет я просидел на обезжиренном маргарине, и все на смарку!

— Тур, — сказал Бедевер, — перестань ныть на минутку и послушай меня.

Туркин прервался посередине очередной жалобы. Было что-то такое в этом мальчишке Бедевере — он мельком замечал это несколько раз за эти годы — что заставляло окружающих слушать его, когда он говорил вот так, как сейчас. Не то чтобы он хоть раз сказал что-нибудь стоящее, разумеется; обычно он заканчивал речь каким-нибудь глубокомысленным замечанием вроде: «кажется мне, что мы заблудились», или «уже поздно; думаю, нам стоит возвращаться», или даже «дракой, знаешь ли, ничего не решишь». Проблема малыша Беддерса была в том, если уж говорить начистоту, что у него между ушами простаивало без дела слишком много пустого пространства.

— Так вот, — спокойно произнес Бедевер, — я хочу, чтобы ты встал.

«Ну что ж, — подумал сэр Туркин, — почему бы нет? Все равно делать нечего». Он встал.

— Ты стоишь, Тур?

— Да.

— Спасибо. Теперь пройди вперед, пока не достигнешь конца цепи.

— Это что, новый вид аэробики, Беддерс? Потому что если это так, то я перепробовал все что можно, и...

Бедевер покачал головой.

— Просто делай то, что я говорю, старина, ладно? Спасибо. Ты дошел?

— Да.

— Замечательно. Теперь, — продолжал Бедевер, — я хочу, чтобы ты упал вперед.

В темноте послышалось слабое звяканье.

— Что ты сказал?

— Падай вперед, будь другом, — сказал Бедевер. — Как будто ты хочешь упасть плашмя лицом вниз. Просто попробуй, ну пожалуйста!

— С тобой все в порядке, Беддерс? — осторожно спросил Туркин. — Голодовка на тебя, случаем, не повлияла? Понимаешь, я слышал, как рассказывали, что если долго не есть, то становишься немного слаб на голову. Ты не видишь каких-нибудь галлюцинаций или чего-нибудь такого?

— Нет, спасибо, я чувствую себя хорошо, — спокойно отвечал Бедевер. — Итак, сейчас я сосчитаю до трех. Один. Два...

На счете три раздался скрежет и звук выворачиваемого камня.

— Ага, — сказал Туркин, переводя дыхание. — Кажется, я понимаю, чего ты добиваешься. Думаешь, мой увеличившийся вес поможет вытащить цепь из стены. Хорошая мысль.

Бедевер, скрытый спасительным мраком, соорудил гримасу отчаяния и медленно досчитал до пяти.

— Ты угадал, Тур. Давай попробуем еще разок, ты не против?

Потребовалось еще семь попыток, прежде чем раздался наконец громкий треск и отчаянные ругательства, заглушенные тушей сэра Туркина, навалившейся сверху. Затем послышалось радостное восклицание.

— Ну вот, — сказал Бедевер. — Как ты себя чувствуешь?

— Отлично! — отвечал Туркин. — Цепь выскочила из стены, как пробка из бутылки. Бог мой, Беддерс, я, должно быть, набрал чертову уйму веса, если смог повернуть такое дело!

Бедевер испустил вздох.

— Замечательно, — произнес он. — Ты крутой парень, Тур, да простится мне такое выражение. Теперь иди сюда и помоги мне справиться с моей цепью.

Имея дело с двумя бочонкообразными рыцарями, налегающими на нее со всей мочи, скоба, посредством которой цепь Бедевера крепилась к стене, не имела ни одного шанса. Бедевер, разумеется, предпочел бы, чтобы, когда скоба подалась, его соратник избрал для приземления какое-нибудь другое место, а не его голову, но, как говорится, не разбив яйца, не сделаешь омлета. Он выбрался из-под товарища, встал и отряхнулся.

— Ну что ж, — сказал он, — мы уже кое-что имеем, — он вытянул ногу и нащупал нечто холодное, маленькое и тяжелое. Целую грудь. Пошевелив ногой, он услышал тяжелый металлический звук, словно упал свинцовый брусок.

— Как я и говорил, — пробормотал он себе под нос, — банковский подвал. Эй, Тур, ты знал, что мы находимся в банковском подвале?

— Да, ты упоминал об этом.

— А ты знаешь, что мы сейчас будем делать, Тур? Сейчас, — провозгласил Бедевер, улыбаясь сам себе, — мы будем грабить его!

Последовала тишина, прерываемая лишь этим проклятым капающим звуком. Если я когда-нибудь выберусь отсюда, пообещал себе Туркин, я сделаю отбивную из первого же водопроводчика, который попадется мне навстречу.

— Что ты сказал? — переспросил он.

— Мы собираемся ограбить банк, Тур! — радостно сказал Бедевер. — Да что с тобой, у тебя уши заложило, что ли?

«Настало время, — сказал себе Туркин, — разобраться с некоторыми вещами — например, кто здесь старший».

— Слушай, — сказал он, — хорошо, когда есть место для всего и все на своем месте, как говаривала моя старушка матушка. Давай сначала выберемся отсюда, а потом уже будем думать о...

— Ты идиот, Тур, знаешь ли ты это? — воскликнул Бедевер, чрезвычайно чему-то радуясь. — Послушай. Мы сделаем вот как...

Каллист, Уполномоченный Кассир, стряхнул дремоту и натянул свой шлем. Его офис наполнился звоном сигналов тревоги. Либо наступил конец света, либо кто-то грабил

сокровищницы банка, вероятность чего, учитывая обстоятельства, была шесть к полутора дюжинам.

Имея пятерых клерков за плечами и большую деревянную палицу, усеянную гвоздями, в правой руке, он на цыпочках прошел по коридору, открыл дверь подвала и вошел внутрь. Клерки, тоже вполне brave ребята, последовали за ним.

Когда они все оказались внутри, кто-то, не имевший представления о честной игре, ударил их золотым слитком по головам, взял ключи, закрыл их в подвале и удалился. К тому времени, когда их освободило спецподразделение опытных аудиторов, они уже настолько растолстели, что для их транспортировки понадобился гидравлический подъемник.

Поскольку они были коренными атлантами и их биоритмы через центральный компьютер были связаны с текущим счетом, их короткое пребывание на депозите означало, что каждый из них вышел из подвала не только на много фунтов тяжелее, но и на много миллионов долларов богаче; в связи с этим они непосредственно из подвала были доставлены в зал суда, где их дело было рассмотрено, и они были признаны виновными в хищении. За столь тяжкое преступление законы Атлантиды предусматривают лишь одно наказание. Они были погружены в инкассаторскую машину, препровождены к Кассе и выплачены.

— Я знал, что стоит немного поупражняться, и жир сойдет, — пропыхтел Туркин, опираясь на дверной косяк и вытирая пот, заливающий глаза. — Взгляни-ка! — он указал на пояс своих брюк.

— Хорошая работа, — задыхаясь, ответил Бедевер. — Вот только мне почему-то кажется, что здесь дело не в упражнениях.

Он был, разумеется, прав. Покинув депозит без заполнения соответствующих бланков об изъятии средств, оба рыцаря безнадежно превысили свой кредит, следствием чего было то, что они едва могли стоять на ногах. Возможно, было только к лучшему, что они не подозревали о том, что с ними происходит, или о том, что если бы их не подобрал патруль пятнадцатью минутами позже, они были бы достигнуты тяжелым банковским предписанием и убиты наповал.

* * *

— Где мы находимся, черт подери? — спросил Туркин.

«Как это чертовски типично для этого человека, — подумал Бедеве, опираясь на дверной косяк и пытаясь убедить немного воздуха войти в свои израненные легкие. — Откуда я могу знать, Тур, где мы находимся, черт подери? Ты что думаешь, я часто забегаю сюда по выходным, чтобы поразвлечься, убегая от погони, или что-нибудь в этом роде?»

— Бог его знает, — ответил он вслух. — Послушай, ты думаешь, это нас к чему-нибудь приведет?

Туркин воззрился на него.

— Что ты сказал? — переспросил он.

Бедеве прислонился спиной к стене и начал сползать вниз, пока не оказался на корточках на полу.

— Я хочу сказать, вот мы убегаем, — произнес он. — И в чем здесь смысл, черт возьми? Мы же все равно не знаем, где дверь. Почему бы нам просто...

— Что?

Бедеве пожал плечами.

— Забудь, — сказал он. — Не обращай на меня внимания, я не в том состоянии, чтобы от меня был толк. Полагаюсь на тебя.

Туркин ничего не ответил, и Бедеве внезапно осознал, что тот — Туркин, единственный из всех людей на свете, — находится более или менее в одной связке с ним. Возможно, это было результатом привычки к рассеянному поеданию непроданной пищи.

— Плюнь, — посоветовал Туркин. — Я за то, чтобы встать и драться. Или, по крайней мере, просто стоять. А еще лучше сесть и драться сидя.

Он сел на землю, его голова упала на колени, и он тут же крепко заснул.

Минут через десять появились люди из департамента Главного Управляющего. Они явно были настроены играть роль тяжелой артиллерии. Это можно было определить по тому, что карандаши в нагрудном кармане у каждого из них имели на концах стирательные резинки.

— О'кей, — сказал Бедевер, — вы нас взяли с поличным. Мне все равно, но вот мой товарищ, кажется, собирается добиваться более выгодного валютного курса.

Клерки переглянулись, и Бедевер заметил, что все они каким-то странным образом пытаются спрятаться друг за другом. Затем одного из них вытолкнули вперед, вежливо, но твердо; он откашлялся и раскрыл рот.

— Сопротивление бесполезно, — произнес он.

— Знаю, — сказал Бедевер.

— Ну что ж, — нервно сказал клерк. — Только попробуй двинуться, мерзавец, и ты труп. Понял?

— Несомненно.

— Молодец.

Никто не шевелился. Положение было довольно затруднительное, и Бедевер обнаружил, что испытывает сильное желание предложить им чашку чая или сделать еще какой-нибудь жест в этом роде. Оратор снова осторожно откашлялся. Теперь он стоял на одной ноге.

— Мы можем играть жестко, — шепнул он, — или...

— Простите, — произнес Бедевер. — Вы не могли бы говорить немного погромче?

— Да-да, разумеется. Мы можем играть жестко, или мы можем играть мягко. Если вы не возражаете, — добавил он. Один из коллег пихнул его локтем в бок. Он обернулся.

— Ну, все, — сказал он. — С меня довольно, слышите вы? И мне совершенно все равно, что говорили в офисе на банкете, — он швырнул свою дощечку для письма на землю, попрал ее ногой и, медленно и торжественно прошепствовав в самый хвост маленькой кучки клерков, встал там, сложив руки на груди.

С Бедевера тоже было довольно.

— Прошу прощения, — сказал он. — Я не хочу быть навязчивым, но, возможно, будет проще, если вы отведете меня к вашему начальнику.

— Хорошо, — пропищал чей-то голос из середины отряда. — Только без штучек, договорились?

— Без штучек, — вздохнул Бедевер.

Один из клерков показал на Туркина.

— А что с ним? — спросил он остальных.

— Он кажется таким славным, когда сидит вот так.

— Было бы просто жалко будить его, не правда ли?

— Нигде нет закона, чтобы нельзя было спать.

— Он не кажется мне опасным. Он кажется тебе опасным, Джордж?

«О, господи боже», — подумал Бедевер.

— Прошу вас, — резко сказал он, — не могли бы мы уже куда-нибудь пойти, если вас это не затруднит? А то...

— Поспокойней, пожалуйста! — отрезал низенький клерк и нырнул под защиту плеча другого клерка, стоявшего рядом. Бедевер принял решение.

— Мне кажется, — сказал он, — вы все очень занятые люди, у вас, наверное, много дел. Возможно, было бы проще для всех, если бы вы просто сказали мне, куда идти — нарисовали бы карту, что ли, — и тогда вы смогли бы вернуться к своим обязанностям. То есть, я хочу сказать, нам нет смысла идти целой толпой, не так ли?

Клерки начали переглядываться.

— Мне кажется, звучит неплохо, — сказал один из них.

— Замечательно.

— Великолепно.

— Благодарю вас, — Бедевер наклонился и потянул Туркина за ухо.

— Отс-тань, — проворчал Туркин. — Ещ-ще десять минут... — он клюнул носом и захрапел.

— Тур! — закричал Бедевер. — Просыпайся! — Он обернулся к клеркам. — Прошу прощения, — сказал он.

— Ничего-ничего.

— Все в порядке.

Бедевер дружески кивнул им и сильно лягнул Туркина в коленку.

Примерно десятью минутами позже они сидели в офисе.

Это был вполне приятный офис, для тех, кому нравятся чистенькие помещения с парными матово-черными корзинами для входящих и исходящих бумаг, настольными лампами с регулирующимся углом освещения и салфеточками на столе. По крайней мере, здесь были удобные кресла.

— Очень рад познакомиться, — сказал Бедевер.

— И я тоже.

Этот атлант чем-то отличался от остальных. Он был высок, молод, с короткой стрижкой и большими ушами. В этом окружении он держался как дома; фактически, можно было предположить, что он прилагался к обстановке при продаже офиса.

— Позвольте представиться, — сказал он. — Диомед, главный помощник по организации производства, к вашим услугам.

— Благодарю вас, — отвечал Бедever, давая Туркину яро-
стный тычок под ребра. Тот только кивнул и продолжал
спать. Диомед улыбнулся.

— Не беспокойтесь за него, — сказал он. — Это оказы-
вает подобное действие на некоторых людей — когда их
кладут на депозит. Особенно, если к этому непривычен.

— Э-э...

— Совершенно верно. А теперь, — продолжал Диомед, —
подозреваю, вы хотели бы узнать, что представляет собой
Атлантида, не так ли?

— Да, — соврал Бедever. — Вы правы.

— Хорошо, — Диомед кивнул и подтащил к себе короб-
ку с бумажными обрезками. На протяжении разговора он
сворачивал их в звенья, соединяя их в цепочку.

— В некотором роде, — сказал он, — Атлантида — это
банк.

Он прервался и кинул на Бедeverа острый взгляд. «Ох,
черт возьми, — подумал рыцарь, — он ждет, что я отвечу
что-нибудь умное».

— В некотором роде, — рискнул он.

— В точку, — подтвердил Диомед, энергично кивая. —
То есть, в том же смысле, в каком Муссолини приложил
руку к развитию итальянских железных дорог, а Иисус
Христос имел известность как член гильдии плотников,
Атлантида является банком. Одновременно она является
также чем-то другим, чем-то довольно особенным, — Дио-
мед улыбнулся кошачьей улыбкой и сплел пальцы, словно
говоря: ага, сейчас-то мозги у тебя и свернутся в трубочку.

Бедever с беспокойством почувствовал, что его правая
нога погружается в сон.

— Атлантида, — произнес Диомед, — это место, куда вкла-
дывают деньги.

— Понятно.

— Именно так, — его улыбка ширилась все больше, пока ей не стало угрожать потеряться где-то позади диомедовых ушей. — Теперь вы начинаете улавливать, в чем суть, не так ли?

На этом месте Туркин проснулся.

Он моргнул, потер глаза и нагнулся вперед.

— Привет, Трев, — сказал он, — а ты что здесь делаешь?

«Дипломаты, должно быть, часто это ощущают, — подумал Бедевер. — Проводишь часы в самолетах, гостиничных номерах, в треклятых лишенных удобств конференц-залах с жесткими сиденьями, где тебе некуда вытянуть ноги; и как раз в тот момент, когда тебе кажется, что у тебя что-то начинает клепаться и, возможно, даже будет работать, какой-нибудь идиот-баскетболист все портит, и ты понимаешь, что мог с тем же успехом оставаться в своей постели. Пусть они сами разбираются», — сказал он себе.

— Ведь ты же Трев, правда? — говорил тем временем Туркин. — Тот самый Трев Хастингс, который стоял за стойкой бара Перри в «Глобал Эквитабл»! Помнишь меня? Я разносил пиццу. Ты обычно заказывал... Погоди-ка, я никогда не забываю, кто какую пиццу заказывал. Двойная пепперони и...

— С тех пор, — холодно произнес Диомед, — прошло много лет.

Позднее Бедевер не мог припомнить, чтобы он покидал свое сиденье, но в тот момент он мог бы поклясться, что подпрыгнул в воздух не меньше, чем на милю.

— Бар Перри? — переспросил он.

— У нас большая организация, — сказал Диомед. — У нее много офисов, — что-то во взаимном расположении его бровей и переносицы посылало незримые сигналы в мозг Туркина.

— Как бы то ни было, — произнес Туркин, — давненько не виделись. Прости, ты что-то говорил?

Диомед расслабил брови.

— Деньги, — сказал он. — Что такое деньги?

Прежде, чем Туркин успел ответить, Бедевер осмотрительно ткнул его в голень носком ботинка. Затем приподнял одну бровь и произнес:

— Ага!

Это было как раз то, что надо.

— Я хочу сказать, — продолжал Диомед, — все мы знаем, что они делают. Прекрасно. Точно так же Сын Человеческий был вполне способен сколотить для вас довольно приличный валлийский кухонный шкаф. Но этим отнюдь не исчерпывалась его сущность, не правда ли?

Туркин, к огромному облегчению Бедевера, по-видимому, вполне уловил суть игры: он поскреб за ухом, кивнул и произнес: «Именно». Правда, он немного испортил дело, непосредственно вслед за этим подмигнув Бедеверу, но, к счастью, Диомед ничего не заметил.

— Золото-337, — провозгласил Диомед. Он протянул руку через стол и ухватил стоявшую там «ньютонову колыбельку». — Этот континент построен на нем. Оно антимагнетично. Благодаря антимагнетизму вертится мир. Пока все понятно?

Бедевер кивнул.

— Разумеется, — сказал он, небрежно пожав плечами. — Это все знают. Расскажите нам лучше что-нибудь, о чем не пишут в воскресных приложениях.

— Хорошо, — произнес Диомед, и в этот момент Бедевер осознал, что действительно, этот человек вполне мог зваться Тревором. То есть, вполне возможно, он им и был. — Так что золото — это деньги, так?

— Верно.

— А деньги — это магия.

В другой части здания прозвенел звонок, возвещающая начало вечернего урока истории.

Два юных атланта заняли места за задними партами. У одного из них в кармане сидела мышь. Подобно тому, как цветы умудряются прорасти в траншеях Фландрии, некоторые школьники в Атлантиде носят в карманах мышей.

Они ловят их. Они строят для них домики из обувных коробок. Они кормят их хлебными крошками и яблочной кожурой. Потом они продают их.

Ко времени поступления в шестой класс некоторые из молодых атлантов успевают сделать свой первый миллион только на операциях с мышами.

Учительница, высокая худая женщина с обманчиво тонкими руками, постучала по столу.

— Здравствуйте, дети! — сказала она.

— Здравствуйте, учитель!

— Возьмите ваши учебники, — сказала учительница, — и откройте на странице 58.

Она выпустила глубокий вздох и мгновение помедлила. Двадцать лет она учительствовала, но эта тема каждый раз заново приводила ее в трепет.

— Итак, — продолжала она. — Кто из вас может рассказать мне, что такое деньги?

Как обычно, смущенное молчание. Как обычно, шорох на задних партах, обозначающий переход мыши из рук в руки под прикрытием столешницы. Как обычно, лица, лишенные выражения.

— Ну?

— Разрешите мне, мисс!

Изократ Младший, отметила учительница. Мальчишке десять с половиной лет, а на руле его велосипеда уже болтается сотовый телефон. Учительница одобрительно кивнула ему, делая себе зарубку расспросить его после урока относительно способов работы с краткосрочными вкладами.

— Можно мне, мисс, — тянул руку Изократ Младший, — деньги — это магия, мисс!

— Хорошо, Изократ Младший. А теперь...

— Мисс!

Учительница нахмурилась. Существует такая вещь, как выставление себя напоказ.

— Попрошу, — сказала она. — Вопросы потом.

— Но мисс...

— Потом! Итак, деньги — это магия. А что делает магия, может кто-нибудь сказать?

— Мисс!

— Нет, пусть теперь попробует кто-нибудь другой. Диоген, давай послушаем, что ты нам скажешь, для разнообразия.

Маленькое личико в конце класса съежилось и опало; сладкое видение всеатлантической сети брокерских контор, вовлеченных в мышинный бизнес, растаяло, сменяясь паническим ужасом.

— Я не знаю, мисс.

— Еще кто-нибудь? Лаодицея?

Маленькая девочка встала с места и самодовольно ухмыльнулась.

— Магией, — продекламировала она, — обычно называются технологии, основанные на использовании некоторых свойств одного из изотопов золота, а именно золота-337. Золото-337 было впервые обнаружено Симоном Магом...

— Достаточно, спасибо, милая.

— ...в четырехтысячном году до рождества Христова, — продолжала Лаодицея, — когда он мотыжил репу в своем огороде. Он сразу же осознал огромные возможности, лежащие...

— Спасибо, милая, — прервала учительница. — Итак, как только древние атланты поняли, насколько драгоценно золото, они начали добывать его и делать из него магические предметы. Может ли кто-нибудь привести нам пример такой вещи... да, Ликофрон?

Все пространство на лице мальчика, не занятое веснушками, залилось краской.

— Пуговицы, мисс? — предположил он.

Учительница вздохнула.

— Нет, Ликофрон, не пуговицы.

— Мусорные корзины.

— Катапульти.

— Космические корабли.

— У моего дяди, мисс, на куртке золотые пуговицы. Он мне показывал...

— Древние атланты, — авторитетно произнесла учительница, — делали *монеты* из того золота, которое находили в земле. Когда у них накопилось много этих монет, они положили их в банк...

Чья-то рука взвилась в воздух.

— Можно, мисс?

— Да, Никомед?

— Зачем, мисс?

Учительница попыталась взять себя в руки.

— Чтобы они никуда не делись, разумеется. А теперь...

— А почему они просто не положили их под кровать, мисс?

— Ну, это не так уж надежно, как ты думаешь, милый? А теперь...

— А мой папа все свои деньги держит под кроватью, мисс.

Учительница почувствовала, как у нее сжимаются кулаки.

— Что ж, я не думаю, что это самый разумный способ, милый. А теперь...

— Мой папа говорит, что он не доверяет банкам. Он говорит, что если он положит деньги в банк, мама сможет посмотреть бюллетени и будет знать, сколько денег у него есть. А что такое бюллетень, мисс?

— Они положили их в банк, — твердо продолжала учительница. — И тогда банки начали ссужать деньги людям, чтобы они смогли начать собственный бизнес, и таким образом деньги были вовлечены в оборот, и страна начала процветать. Но затем стало происходить кое-что очень странное. Может ли кто-нибудь сказать нам, что это было?

Опять тишина. На этот раз, решила учительница, нужно просто сказать им. Тогда мы как раз успеем домой к ужину.

— Произошло то, — объяснила она, — что вся магия, которая была в монетах, лежащих в банке, начала *утекать из них*... — Она произнесла это так, как надо. Лица у некоторых наиболее впечатлительных и нервных ребятшек побледнели. — ...утекать из них, пропитывая все вокруг. Дошло до того, что банковские помещения, где содержались монеты, потеряли прямоугольную форму и стали круглыми.

Несколько рук взлетело в воздух, но она не обратила на них внимания. Ей не хотелось ничего объяснять; это был не тот предмет, о котором приятно думать. Когда она была студенткой, ей довелось прочесть отчет одного клерка, прошедшего ночь взаперти в подвале банка. Она до сих пор чувствовала дурноту, когда вспоминала то место, где он описывал, что делают друг с другом золотые слитки, когда считают, что никто не смотрит.

— Совершенно круглыми, — продолжала она. — И это еще далеко не все, что происходило там. Поэтому мудрые старейшины атлантов решили, что с этим необходимо что-то делать. Может ли кто-нибудь...

Ошибка. Но теперь было уже поздно исправлять ее.

— Можно мне, мисс?

— Да, Ипполита.

Ипполита откашлялась.

— Атланты основали Центральный Исследовательский Институт (477 г до Р.Х.), основной задачей которого являлось рассмотрение взаимосвязей между мощным антимagnetическим полем золота и окружающим миром, который, разумеется, склонен к положительному магнетизму, мисс. Исследования института показали, что если достаточное количество антимagnetического вещества будет высвобождено в обычном пространстве, это окажет необратимое воздействие на стабильность планеты, мисс. И тогда они...

Бог мой, подумала учительница, эта девочка, наверное, станет Главным Кассиром! Она содрогнулась.

— Очень хорошо, Ипполита, — сказала она. — Другими словами, если бы еще какое-то количество золота покинуло Атлантиду, это повлекло бы за собой большие неприятности. Поэтому было решено, что золото должно оставаться там, где оно есть, под землей, а все то золото, которое они выкопали и превратили в монеты, должно быть возвращено. *Алкивиад, что ты там делаешь с этой мышью? Принеси ее сюда немедленно!*

Надежно заперев мышь в своем столе, учительница вновь взяла себя в руки и постаралась побыстрее изложить оставшуюся часть материала...

О том, как атланты поняли, что уникальная взаимосвязь между их золотыми накоплениями и соответствующими накоплениями на Луне находится под угрозой из-за дальнейшего вывоза золота из страны...

О том, как сложно было справиться с этой проблемой, поскольку вся атлантическая цивилизация основывалась теперь на использовании денег. О том, как атланты в результате долгих размышлений нашли способ торговать, используя деньги, но так, чтобы деньги в действительности не покидали недр земли; способ получать огромные суммы денег, но никогда не выплачивать их...

О том, как золото называли «капиталом» и изобрели финансовые учреждения...

— Ну что ж... — сказала учительница, взглянув на часы. Ровно через пять секунд прозвонит звонок, ребятя высыпет из класса на площадку и станет играть в футбол, качать-

ся на качелях и организовывать мышинные синдикаты, а она сможет удалиться в учительскую, чтобы выкурить сигаретку и глотнуть двойного шерри.

— ...у кого есть вопросы? — спросила она.

Секунд, наверное, двадцать — а это довольно долго — никто не произносил ни слова. В конце концов Туркин закрыл глаза, откинул голову назад и расхохотался.

— Ну ты даешь, — выговорил он, — это же просто блеск! Ты всегда был горазд на подначки, Трев, как тогда, помнишь, — когда ты подговорил эту девчонку у себя на входе поклясться всем чем угодно, что ты заказал двойной «чиз-банкет» с двойным пепперони, а...

Теперь была очередь Диомеда выглядеть обескураженным. Он нахмурился с таким видом, словно ему сообщили, что солнце представляет собой всего-навсего чей-то огромный розыгрыш.

— Ты хочешь сказать, что думаешь, что я все это придумал? — спросил он.

— Ну, — сказал Туркин, все так же благодушно улыбаясь, — а разве не так, признайся? Вся эта чепуха о том, что Луна целиком состоит из золота...

— Это, — холодно произнес Диомед, — не чепуха.

— То есть, — продолжал Туркин, не обращая внимания на сигналы опасности, — если бы ты сказал, что она состоит из *серебра*, или, допустим, если бы ты сказал, что *Солнце* состоит из золота, — тогда конечно, тогда бы ты смог поймать меня хотя бы на минутку. Но...

Голос Туркина имел примерно такое же действие, какое имела бы пинта воды, вылитая на землю посреди пустыни Калахари.

— Трев? — позвал он.

— Я должен попросить тебя, — произнес Диомед, — не называть меня «Трев».

— А почему бы и нет? — ошетинился Туркин. — Это же твое имя, разве нет?

— Было.

— И это было чертовски хорошее имя, — настаивал Туркин. — Если я когда-нибудь и видел прирожденного Трева,

то это ты. Всех молодых парней с большими носами и галстуками, кошмарными как автокатастрофа, которые работают в строительных корпорациях, зовут Трев; это общеизвестный факт. Точно так же, как всех псов зовут Ровер, — знающе добавил он.

— Я бы попросил... — начал Диомед. Красные пятнышки возникли по контуру его губ, и Бедевер пришел к заключению, что настало время вмешаться. Идиоты бывают очень неплохи на своем месте, но нельзя позволять ситуации ускользать из-под контроля.

— Мы просто немного... э-э, немного в замешательстве, — произнес он. — Сами понимаете, это стало для нас в некотором роде шоком — внезапно обнаружить, что мир вращается благодаря деньгам на Луне, и... — Кое-что пришло ему в голову. — Погодите, но это же многое объясняет, не так ли? Не связаны ли процентные ставки с приливами, или что-нибудь в этом роде? А как насчет инфляции?

Диомед вздохнул.

— Послушайте... — начал он.

Но он не закончил, поскольку Бедевер, усыпив его бдительность своими вопросами, посчитал, что наступил самый удобный момент, чтобы ударить его со всей силы подставкой настольной лампы. Диомед издал слабый булькающий звук и упал лицом в стол.

— Вот видишь, — спокойно произнес Бедевер, вставая и протягивая через стол руку за связкой ключей, которые он заметил некоторое время назад, — весь вопрос в том, чтобы действовать с умом. Спору нет, мы можем раздробить ублюдку челюсть. Но при этом мы используем и голову.

Туркин фыркнул.

— Говори за себя, — ответил он. — Я пару раз пробовал, и только заработал головную боль да рассек себе лоб. Вон, посмотри, шрам еще виден, — он показал. — Правда, — признал он, — на одном из этих дохляков был шлем, — он спихнул бесчувственного атланта со стола, откатил свое вращающееся кресло в сторону и принялся рыться в ящиках стола.

— Калькулятор, — произнес он, — еще калькулятор, еще калькулятор... Эй, а это что такое?

— Что? — Бедевер просматривал диомедовский портфель. — Ах, это. Это маленький калькулятор на солнечных

батарейх в виде кредитной карточки, — он нахмурился. — Погоди-ка, ты даже еще не знаешь, что именно мы ищем.

— Почему же, знаю, — отвечал Туркин. — Мы ищем Персональный Органайзер Зна...

— Но не здесь же его искать! — нетерпеливо сказал Бедевер.

Туркин сердито взглянул на него.

— А почему нет? — сказал он. — Он находится в Атлантиде, малыш Сопливчик так и сказал. Здесь Атлантида. Эрго...

Бедевер был поражен.

— Где ты мог подцепить такое выражение, как «эрго», Тур? — спросил он.

— В фургоне есть радио, — напомнил Туркин. — А что же мы тогда ищем здесь?

— Еду, — ответил Бедевер. — Я умираю от голода.

* * *

Когда они вышли в коридор, так и не найдя, чего бы поесть, и выглядя как опасные рыцари-дезертиры, они услышали, как надрывается один из помощников: «Внимание! Внимание! Недозволенное вторжение! Не принимайте чеков, не подтвержденных банковской картой!» Это сначала беспокоило их, но потом они обнаружили, что от шума можно избавиться, сорвав динамик со стены и раздавив его ногой.

Между нами говоря, это придумал Туркин. Одна из его лучших идей.

— Мы, кажется, не пользуемся здесь большой популярностью? — бормотал Бедевер, когда они пробегали по одному коридору, похожему на предыдущие как две капли воды.

— Они все какие-то чертовски нервные, — согласился Туркин. — Ты был прав, когда говорил, что к ним нужен очень мягкий подход.

Он прервался, чтобы столкнуть головами двух проходящих мимо статистиков, и затем добавил:

— Но кажется, это не очень-то помогло.

— Верно, — ответил Бедевер и лягнул в пах третьего статистика. — Знаешь, у меня такое чувство, словно мы взялись за это дело не с того конца.

Туркин кивнул.

— Ручаюсь, что...

Но его прервали. В стене открылась потайная дверь, из нее материализовалось лицо и приветливо осклабилось.

— Сюда, — произнесло лицо. — Быстрее.

Туркин заколебался на долю секунды.

— Зачем? — спросил он.

— А почему бы и нет? — ответили ему. — Давайте, входите.

Рыцари переглянулись.

— Это лучшее соображение, которое я слышал с тех пор, как мы попали сюда, — сказал Бедевер. — После тебя.

За дверью было темно и холодно. Стены были сложены из голого камня. В темноте капала вода и слышалась крысиная возня.

— Вот это уже что-то настоящее, — с энтузиазмом сказал Туркин. — А то это место уже начало действовать мне на нервы. Все эти ковры...

Владелец лица сделал им знак, и они последовали за ним.

— Ужасно действует на нервы, — продолжал Туркин, — я имею в виду ковры. Начинаешь думать: «Боже мой, если всех овец, которых пришлось остричь, чтобы набрать шерсти для всего этого, выстроить цепочкой носом к хвосту, они, наверное, достали бы... — он сделал широкое движение рукой, — ...от Паддингтона до Юстона». А здесь все как-то более по-домашнему, что ли, — он приостановился на минутку, чтобы полюбоваться скелетом, висящим на цепях, вделанных в стену. — У моего папаши был такой, — сказал он. — Он купил его на распродаже с фургона. Говорил, что чувствует себя с ним настоящим бароном.

Бедевер ускорил шаг и догнал проводника.

— Где мы находимся? — спросил он. Проводник хохотнул; звук эхом укатился куда-то в темноту, где кто-то, по всей видимости, съел его.

— Как раз под главным биржевым комплексом, — ответил он, — на полпути между Старой Биржей и Риальто. Мы идем на пятьсот футов ниже биржевого курса. У вас нет проблем с дыханием?

— Нет, — ответил Бедеве́р.

Проводник пожал плечами.

— Что ж, — сказал он. — Бывает по-всякому. Нам сюда.

Он исчез в низком сводчатом проходе — что-то подобное мог бы соорудить мышонок Джерри, если бы имел доступ к взрывчатым веществам. Туркин, который был слишком занят тем, что глазел по сторонам и выпускал счастливые вздохи, чтобы смотреть, куда идет, ударился головой и выругался.

— Сейчас, — сказал проводник, — мы проходим непосредственно под самым зарегистрированным офисом, так что смотрите, куда ступаете. Реальность тут может быть немного неопределенной...

Пока он говорил, пол и потолок исчезли. Когда они несколько секунд спустя вернулись на место, у Бедеве́ра возникло странное впечатление, что все вещи сдвинулись вправо примерно на ярд.

— Так это действует, — объяснил проводник. — Это влияние основной релокационной матрицы зарегистрированного офиса.

— Ах, ну да, — сказал Бедеве́р, — разумеется.

Проводник ухмыльнулся, глядя на него.

— Она так и работает, — сказал он. — Поскольку, видите ли, Атлантида — это то, что можно назвать безопасной гаванью — оффшорной зоной для укрытия от налогов. Фактически, она и используется, как такая безопасная гавань.

— Черт побери!

— Вот именно. Полагаю, — сказал проводник, — у вас часто возникала мысль: что будет, если тем или иным образом все деньги в мире будут понемногу утекать и ускользать за границу, пока под рукой совсем ничего не останется. Возникала? Я так и думал. Так вот, это уже произошло. Причем давно.

— Ага.

— Фактически, — говорил проводник, — это и есть Атлантида. Видите ли, Атлантида — это прародина денег...

— Э-э, да, — сказал Бедеве́р, — нам об этом уже кто-то говорил.

— Это меня ничуть не удивляет, — сказал проводник. — Они очень любят об этом рассказывать, вы заметили? Берегите головы, опять начинается.

На две или три секунды все измерения ушли за покупками; Туркин взревел и произнес нечто весьма грубое. Причина была в том, что он не успел присесть, когда присело все остальное. Теперь они находились на четыре с половиной метра ниже, чем прежде.

— Зарегистрированный офис, — объяснял проводник, — это не просто оффшорный офис; он еще и постоянно перемещается. На самом деле, это блестяще. Как можно обложить тебя налогом, если ты не стоишь на месте дольше тридцати секунд?

— И действительно, — согласился Бедевеер. — Но мы вроде бы уже выбрались с этого участка, поскольку...

Проводник рассмеялся.

— Никогда не скажешь наверняка, — ответил он. — Бывают дни, когда зарегистрированный офис чуть ли не преследует тебя. Ага, вот так-то лучше, теперь мы от него избавились.

Они вышли на открытое пространство, очутившись под огромным куполом; такой купол Юстиниан мог бы соорудить на Святой Софии, если бы имел достаточно смелое воображение и много денег. Высоко над ними пробивался тоненький лучик света.

— Это отдушина, — пояснил проводник. — Тут прямо под нами столько магического золота, да еще и зарегистрированный офис шныряет вокруг, как мышь в лабиринте, — при этом создается такое напряжение, что где-то оно должно найти себе выход. Это единственное место, где Атлантида открывается к дневному свету. Нам здесь нравится.

— Прошу прощения за навязчивость, — сказал Бедевеер, — но кто это — «мы»?

Проводник ухмыльнулся.

— Я уж думал, вы никогда не спросите, — сказал он. — Мы — хакеры. Атлантический андеграунд, так сказать.

— Ага! — сказал Туркин. — Так вы тоже ненавидите этих ублюдков?

— Вот именно, — отвечал хакер. — Поэтому мы и решили вам помочь.

Туркин протянул мощную лапищу.

— Давай пять! — воскликнул он. — Скликай народ, пойдем покажем этим...

Хакер печально улыбнулся.

— Хорошая идея, — сказал он, — но, боюсь, совершенно непрактичная. Наоборот, нам следует как можно скорее убираться у них из-под носа.

Туркин пожал плечами.

— Так почему же тогда вы зовете себя хакерами? — спросил он.

— Частично потому, — отвечал хакер, — что мы взламываем каналы, по которым течет естественная энергия, выделяемая денежными накоплениями, откачиваем ее и превращаем в пищу. А частично потому, что, когда мы ловим у себя внизу кого-нибудь из Капитанов, мы ломаем ему...

— Все это прекрасно, — прервал Бедевер, — мы уловили суть. Но ты начал объяснять...

— Разве?

Бедевер кинул быстрый взгляд на Туркина, на которого весь этот разговор о взломах мог оказать неблагоприятное действие.

— Да, — твердо сказал он. — Так как все это работает? — продолжал он. — Как получилось, что Атлантиду невозможно найти снаружи?

— Нам сюда, — хакер показал рукой. — Это на самом деле очень просто. Атлантида — это корпорация, так? А адресом корпорации является ее зарегистрированный офис. Туда присылаются все адресованные ей официальные письма и факсы, там хранятся ее учетные книги, и место, где находится зарегистрированный офис корпорации, определяет, под чью налоговую юрисдикцию она подпадает. Пока понятно?

— Вроде бы да.

— Так вот, — продолжал хакер, — зарегистрированный офис Атлантиды перемещается каждые тридцать секунд, из чего следует, что Атлантида не существует нигде или, по крайней мере, нигде в частности. Она мобильна. Она перескакивает с места на место, то есть не имеет географической реальности — только номер факса. Вы ведь именно так попали сюда, не правда ли?

Они стояли перед огромной стальной колонной, возвышавшейся от земли до самой крыши. Она еле слышно гудела, и когда Туркин попробовал дотронуться до нее, он тут же отдернул руку, вскрикнул и сунул пальцы в рот.

— Это, — сказал хакер, — основная катушка матрицы. Она контролирует перемещения зарегистрированного офиса — вроде как генерирует поле, благодаря которому он движется с места на место. Если бы нам только удалось прорубиться через нее...

— И что? — с жадностью спросил Туркин.

— Но нам это не под силу, — продолжал проводник. — Это никому не под силу. Эта штуковина заглублена на пять километров в слой расплавленного золота-337, и она как бы выкачивает оттуда магию через сеть проводников, которые проходят сквозь всю конструкцию. Мы пробовали динамит, мы пробовали сверла с алмазными головками, мы пробовали молотить ее большими кувалдами, но все, что нам удалось, — это приятно провести время и переломать кучу инструмента. Тут магия, понимаете? С ней ничего не поделаешь, если у вас нет собственной магии.

— Понимаю, — задумчиво сказал Бедевер. — А что произойдет, если вам все же удастся...

Хакер усмехнулся.

— А бог его знает, — ответил он. — Может, настанет конец света. Кому какое дело? Пошли, выпьем кофейку.

Он подвел их к небольшому навесу, подпертому колонной, под которым кучка людей — по-видимому, другие хакеры, — кипятили чайник на костерке, сложенном, как обнаружил Бедевер, из тысячедолларовых банкнот. Хакеры заулыбались им и приглашающе замахали руками.

— Хай! — сказал один. — Хватайте чашки, присаживайтесь, будем вместе пускать мир на воздух.

Отхлебывая совершенно ужасный кофе — он узнал позднее, что это был вообще не кофе, а эрзац, который делался из дойчмарок, вымоченных в радиаторной смазке, — Бедевер пытался выяснить немного больше о людях, приютивших их.

Хакеры, как обнаружилось, были здесь почти с самого начала. Это, фактически, были акционеры-раскольники, отказавшиеся принимать предложенные цены, когда компания «Атлантикорп» была поглощена существующей ныне холдинговой компанией «Лионесс (Атлантида) plc»...

— Лионесс? — внезапно переспросил Бедевер.

— А кто же еще? — дружелюбно ответила краснолицая хакерша. — Они тут всем распоряжаются уже... да прошло

уже, почитай, восемнадцать веков со времен Большого Слияния. Мы все были, конечно, в оппозиции. Мы голосовали за страховый пакет, предложенный «Белым Рыцарем»...

— Мы уж думали, что они у нас в кармане, — прервал огромный волосатый хакер со множеством шрамов на шее. — Направили все бумаги в Монополию, на всестороннее изучение. Но тут они устроили рейд... — он содрогнулся.

— Мы — единственные, кто уцелел, — продолжала хакерша. — Большинство не смогли выбраться.

Бедевер постарался принять сочувствующий вид.

— Убиты? — спросил он. Хакеры засмеялись.

— Боже, нет, конечно, — сказал тот, который был их проводником. — Атланты не умирают. Мы тут все компании, видишь ли, а компанию убить невозможно. Ее можно только распустить, — он сделал руками устрашающий выразительный жест. — Они все где-то там, наверху, — сказал он, — в руках Судебных Исполнителей. И их там распускают.

Волосатый хакер кивнул.

— Мы тут как-то подсчитали, — сказал он, — что если прикрепить к кому-нибудь из них пропеллер и внезапно отпустить, то он сможет долететь отсюда до Юпитера, пока у него не кончится...

— Ага, — сказал Бедевер. — То есть вы все же рассчитываете, э-э... победить?

Хакеры искоса посмотрели на него.

— Мы не собираемся никого побеждать, — сказал их проводник после неловкой паузы. — К чертям победу. Мы хотим взыскать с ублюдков то, что принадлежит нам. Жалко же, — добавил он.

— Мы находимся в состоянии бессильного негодования, — объяснила тоненькая хакерша. — Мы также немного завидуем, но в основном мы негодуем. Ну и еще немного конспирации.

Бедевер подумал.

— А этот «Белый Рыцарь», — сказал он, — я мог о нем что-нибудь слышать?

Хакеры переглянулись.

— Ну, если подумать... — сказал проводник, — это хороший вопрос. Ребята, кто здесь знает, что такое?..

— Это был консорциум, — произнесла краснолицая хакерша. — Международный консорциум, контрольный пакет акций которого принадлежал менеджерам компании.

— Ничего подобного, — перебил волосатый хакер. — Это был изначальный держатель пакета с правом выпуска новых акций. Они выпустили Декларацию Прав. У меня есть экземпляр, — он порылся в карманах. — Был где-то, — уточнил он.

— Вы оба ошибаетесь, — вклинился высокий, веснушчатый хакер, — это была ориентированная на рынок программа рефинансирования, за которой стоял Банк Сатурна.

— Это были марсиане. Они пытались прорваться на рынок кислородных форм жизни и хотели обойти тарифные барьеры...

— А я всегда думал, что это были мы, — сказал маленький коренастый хакер. Поймав на себе взгляды остальных, он покрылся ярким румянцем.

— В любом случае, — сказал проводник, — это были они. Хотите еще кофе?

— Нет, спасибо, — отказался Бедевер. — Как бы там ни было, произошло это слияние компаний, и эти люди — Капитаны, как вы их называете, — взяли верх?

— Именно так, — ответил проводник. — У них были новые формы магии, понимаете? Новые способы заставлять золото делать то, что они хотят. А нас охватила дрожь.

— Ты хотел сказать «дрожь».

— Я хотел сказать то, что я сказал, — хмуро произнес проводник. — Ну да хватит о нас. Что мы можем сделать для вас?

Бедевер быстро нанес Туркину предупреждающий удар в голень и улыбнулся.

— Ну, в общем-то... — начал он...

5

Полночь.

Последний турист уже давно покинул помещение, книжный киоск был закрыт, хранитель запер двери. В здании не было никого.

Ну, почти никого.

В задней комнате — в его дни это было что-то вроде черной кухни — бессмертный прах Вильяма Шекспира отточил карандаш, облизнул губы и перевернул листок рекламного проспекта экскурсии по Варвикширу.

«Поразительно, — сказал он себе, — как бесцеремонно обращаются в наши дни с бумагой. Болваны. Используют только одну сторону, а потом в девяти случаях из десяти скатывают ее в комок и кидают на пол». Он вздохнул, разглаживая невещественными пальцами бумажный листок. «Они даже не знают, что живут на свете, эти люди. В мое время, — пробормотал он беззвучно, — сначала надо было раздобыть овцу, потом забить ее, остричь шерсть, снять шкуру, выскоблить с ног до головы огромным ножом... Такие вещи заставляют немного более внимательно выбирать слова. А теперь...»

Против обыкновения, он помедлил минутку перед тем, как приниматься за работу, и огляделся вокруг. В этой комнате всегда хорошо писалось, вспомнил он; и это было неудивительно, ввиду того, что это было единственное место в доме, где можно было найти хоть какой-то покой. В те времена, конечно, немного досаждало то, что комнаты едва хватало для того, чтобы один человек мог усесться и закрыть за собой дверь. Теперь это уже не было такой проблемой.

Он покачал головой. «Молодость, — сказал он себе, — ах, молодость! Она может втиснуться куда угодно».

Быстрый взгляд на часы напомнил ему о течении времени. Не то чтобы у него были трудности с выдерживанием сроков, совсем нет. Однако, они были довольно настойчивы, а он был в игре достаточно долго, чтобы не знать, что человек хорош лишь настолько, насколько хорошо его слово. Он склонил голову и, ритмично шевеля губами, начал писать.

«Сцена Четвертая, — написал он. — Возвращение Странников. Бет проверяет миксеры; Алек считает деньги в кассе».

Ну хорошо. С точки зрения сюжета, ситуация требует этого, и в наши дни, разумеется, можно не заботиться о том, чтобы оставить рабочим время на смену декораций. Можно задать любую сцену, какая только взбредет в голову. Хоть на Северном Полюсе, если тебе заблагорассудится. Да здравствует прогресс!

«Бет: Джейк опять опаздывает.

Алек:»

Он почесал голову и задумался. Алек ему не давался; возможно, дело было в том, что он никак не мог как следует услышать его голос. Он просто не приходил к нему, и Алек до сих пор так и не ожил. Он задумчиво потер подбородок и попробовал обдумать мотивацию, стоящую за персонажем. «Вот мы имеем человека, — думал он, — по всей видимости преуспевающего, в расцвете лет, счастливо женатого, пользующегося популярностью в обществе. Но ему чего-то не хватает; а те вещи, которые он использовал бы в старину (честь, любовь, смирение, уважение друзей), сейчас уже не годятся...»

Ага! Вот оно.

«Алек (фыркая): Как всегда! Если бы он проводил поменьше времени, потягивая эль в „Легионе“ и...»

В эту минуту из старой задней гостиной послышался слабый, но отчетливый шум, словно кто-то крался в темноте, обдирая голени о железные подставки для дров.

Воры!

Это могли быть только воры. Никто другой не мог появиться здесь в это время. Он покусал губы, доводя свою решимость до нужного градуса, и потянулся за кочергой.

Если вы преследуете вора в покинутом и темном доме, весьма удобно, если вы в нем родились и провели последние четыреста лет в качестве привидения. В этом случае вы знаете весьма существенные вещи об этом месте, например, как расположены стулья. Вам не грозит опасность наткнуться в темноте на...

— Дьявол! — взвыл он, прыгая на одной ноге и потирая другую. — Какой чертов идиот поставил его сюда?

Из задней гостиной послышались звуки торопливого движения, и под дверью возник лучик света. Голоса, говорящие тихо и взволнованно. Больше, чем один.

В подобных ситуациях перед человеком возникает выбор. Можно заботиться о сохранении дутой репутации — даже если тебя засунули в жерло пушки. А можно просто спрятаться в дедушкиных часах.

Раздалось тихое ругательство, сопровождающее столкновение чего-то невещественного, но хрупкого, с маятником;

затем дверца часов затворилась, как раз в тот момент, когда отворилась дверь, ведущая в заднюю гостиную. У них свои входы и выходы, как говорится.

Силуэт женщины появился в потоке света — высокой, стройной женщины. Свет вспыхнул на выбившемся завитке золотых волос. Позади зловеще маячила мужская фигура. В футляре часов мышь в поисках легкого ужина для себя и своего выводка наткнулась на что-то, что она не смогла распознать, пискнула в ужасе и принялась карабкаться что было мочи, пока не ударилась головой о противовес, потеряла равновесие и рухнула обратно.

Словно для протокола, часы пробили час. Жизнь полна таких маленьких совпадений.

— Адовы колокола, — раздраженно произнесла женщина, — уже так поздно? Все, уходим немедленно. Нам нельзя здесь больше оставаться.

Изнутри часов было трудно разобрать, что происходит снаружи: несколько раз послышалось «бип», потом какое-то жужжание и затем что-то вроде звоночка. Звук маленьких валиков, что-то прокатывающих. Еще один «бип». Тишина.

Тишина длилась минут пять; потом дверца дедушкиных часов отворилась, и изнутри осторожно не появилось ничего. На этот раз он полностью дематериализовался. Как он и говорил, благоразумие — это лучшая часть доблести.

Короткое расследование показало, что странные звуки действительно происходили из задней гостиной, которую люди, приводившие туристов, превратили в подобие офиса. Комната была пуста, но странная белая машинка, которая стояла около телефона, подмигивала ему своим красным огоньком. Он сел на стол и посмотрел на нее. Он всегда считал эту вещь чем-то вроде корзины для бумаг, поскольку в течение рабочего дня люди, работавшие с туристами, постоянно засовывали в нее листки, постоянно ругались, что она не пережевывает их так, как надо, и постоянно что-то в ней подкручивали и поправляли. Какая трата материала!

И как раз в этот момент она опять сказала «бип» и принялась исторгать из своих недр маленький листок, покрытый какими-то цифрами. Он подождал, пока валики не перестанут вращаться, осуждающе покачал головой и выта-

щил листок из машинки. Здесь можно уместить еще десять-двенадцать строк, если писать убористо. Тщательно сложив листок, он погасил свет и вернулся на свою кухню.

Пересылка...

Королева Атлантиды, председательница правления группы компаний «Лионесс», выйдя из факса, быстрым шагом направилась к своему офису. Позади спешили семь ее личных ассистентов с багажом.

Королева уселась за свой стол, скинула туфли и начала просматривать пачку записок, ворохом осенних листьев наметенных за время ее отсутствия. Некоторые она откладывала в сторону, остальные жестом королевы, раздающей милостыню, распределяла между помощниками.

— А это еще что такое? — требовательно спросила она. — Неопознанная пересылка — откуда? Клянусь, почерк этой женщины делается все хуже и хуже!

— Стерчли, Ваше Величество.

— Стерчли... — Королева покусала губу и на мгновение задумалась. — Что у нас в Стерчли, кто-нибудь?

Помощники начали переглядываться и переглядывались до тех пор, пока легкое постукивание длинных ногтей по обитой кожей столешнице не подтолкнуло одного из них к действию.

— Ничего, Ваше Величество, — сказал он. — Во всяком случае, ничего особенного. Мы поддерживаем там маленькую пересылочную станцию, она входит в сеть, но никогда не используется.

Королева развернулась вместе с креслом и оделила незадачливого оратора ласковой улыбкой.

— Ну, — прощбетала она, — кто-то все же использовал ее не так давно, не так ли? Может быть, ты будешь таким лапушкой и выяснишь, что же там наконец произошло?

Помощник побледнел, переломился в поклоне и поспешил вон из комнаты, и вскоре остальные слышали, как его быстрые шаги удаляются по лестнице. Королева тем временем хмурилась, проглядывая отчет службы безопасности.

— Вы только послушайте, — сказала она. — По всей видимости, кто-то здесь морочил головы нашим кассирам,

пока нас не было. Подумать только! Более того, двое чужаков были положены на депозит, но умудрились сбежать. Никогда не думала, что такое возможно — сбежать с депозита. Кто-нибудь, — она обежала оставшихся в комнате помощников улыбкой, напоминавшей свет лагерного прожектора, — сделайте одолжение, просмотрите для меня это дело, ладно?

Ее улыбка остановилась на втором слева помощнике; тот окаменел челюстью, с трудом сглотнул и сгинул. Теперь их оставалось только пятеро.

— Честное слово, — говорила Королева, — стоит только выбежать из офиса на пять минут, и все тут же завязывается в такие клубки! Кто-нибудь, посмотрите, кто тогда был дежурным?

Один из помощников сверился с учетной книгой. Имя было найдено. Помощнику было приказано быть ангелом и переговорить с дежурным по душам. Сотрясаемый легкой дрожью, помощник поспешил из комнаты. «Грязная работенка, — говорил он себе на ходу, — но кто-то же должен ее выполнять».

— С другой стороны, — сказала оставшимся Королева, — в целом все, кажется, в порядке, и дела идут как надо. Ну и хорошо. Пожалуй, пора немного поработать. Кто-нибудь, мой портфель, пожалуйста.

Она уже начала диктовать длинный меморандум относительно калькуляции партий ценных бумаг, когда дверь отворилась, и уходившие помощники вновь возникли в комнате. Вопреки основным законам физики, каждый из них, казалось, пытался встать позади остальных. Королева подняла голову.

— Ну, мальчики? — спросила она, сияя улыбкой поверх очков. — Удачно сходили?

— Э-э... — помощники произвели закрытое голосование, и забаллотированный был избран спикером. — Не то чтобы очень, — признался он. — Но по крайней мере, мы, кажется, выяснили, кто такие эти чужаки; правда, мы еще не знаем, где они находятся, — на этих словах голос его увял, как одуванчик, брошенный в печь, — честно говоря, это нам пока не удалось. Но можно во всяком случае предположить, что они, возможно... — он с шумом сглотнул и показал в пол.

Королева сняла очки и принялась в задумчивости покусывать дужку.

— Продолжай, — сказала она. — Ты сказал, что знаешь, кто эти люди.

— Э-э... — крупная капля пота скатилась с носа помощника. — Мы, э-э, произвели проверку их платежеспособности, пока они были на депозите, и выяснилось, что они, по всей видимости, э-э, рыцари.

— Рыцари?

— Да, мэм.

— Они рыцари в том смысле, что ведут себя учтиво, или это те рыцари, которые сражаются с копьём и щитом?

— Сражаются, сражаются, мэм. Их зовут Бедевер и Туркин, Ваше Ве...

Раздался тихий хруст, и дужка элегантных очков в золотой оправе осталась в зубах у Королевы.

— Боже мой, — сказала та, выплевывая ее на стол, — как все это чрезвычайно утомительно!

— Д-да, Ваше Ве...

— Проклятье.

— Да, Ваше...

— И они в... в этом месте, говоришь ты?

— Да, Ва...

Улыбка, ослепительная, как свет фар, надвигающихся на остолбенелого кролика, пробежала по серым, искаженным лицам помощников и упокоилась в пространстве.

— Я буду бесконечно признательна, — сказала Королева, — если кто-нибудь окажет мне услугу и приведет их.

— Это нечестно!

Как бы подчеркивая эти слова, светильник яростно качнулся, открывая взору узкую спираль каменной лестницы. Ржавая цепь, опоясывавшая колонну в центре, служила вместо перил. Неуютное местечко.

— Заткнись.

— Нет, — продолжал Ификрат, помощник Старшего помощника Королевы Атлантиды, — ну почему всегда мы, ради всего святого? Как будто в ее распоряжении нет еще пятидесяти тысяч других проклятых сусликов, которые могут...

— Заткнись.

Светильник резко дернулся.

— А ты мне не указывай, ты, пресмыкающееся! — отрезал Ификрат. Над его головой раздался шум, и если бы дело происходило в отеле, а не в утробе Атлантиды, можно было бы побиться об заклад, что кто-то спустил воду в унита-зе. — О, черт. Всем на месте!

Лестница исчезла и через пару секунд вновь материализовалась уже тремя футами левее. Погасший было светильник понемногу разгорался вновь, по мере того как несколько миллионов сбитых с толку фотонов наощупь пробирались к нему сквозь каменную кладку.

— И эта чертовщина, — продолжал Ификрат, — нисколько не помогает делу. То есть, каким образом, скажите, я могу выдерживать направление, когда все это место шатается взад-вперед, как пьяный сапожник? Для начала, откуда мы знаем, ведет ли еще куда-нибудь эта лестница? Мы можем до конца своей жизни...

— Послушай, — рука схватила Ификрата за ухо, притягивая его ко рту говорящего. — В последний раз говорю, води себя потише.

Ификрат рывком освободился.

— Черта с два, — свирепо сказал он. — Иди ты к черту, Андрокл. Это грязная и опасная работа, и будь я проклят, если собираюсь шляться по подвалам, среди хакеров, в поисках каких-то спятивших громил, только потому, что нашей Мадам опять попала вожжа под хвост. Если уж их сюда занесло, да помогут им черти, вот что я скажу!

— Затк...

— Заткнись сам! — Ификрат с лязгом опустил светильник на каменную ступеньку. — Что это ты все время затыкаешь мне рот?

— Потому что, — прошипел голос ему в ухо, — Ее Величество следует за нами по пятам. Дошло?

— Не стоит обращать на меня внимание, — пропел из темноты знакомый серебристый голосок. — Делайте свое дело, мальчики, и считайте, что меня здесь нет.

Последовала минута глубочайшей тишины. Затем раздался звук поднимаемого со ступеньки светильника и чей-то голос, нервно напевающий национальный гимн. Процессия двинулась дальше. Лестница оказалась длинной.

— Эй, ребята...

Светильник замер на месте.

— Что случилось?

— Вы, случаем, ничего не заметили?

— А в чем дело?

Пауза.

— Дело в том, — проговорил голос откуда-то сзади, и если бы лицо говорившего было хоть немного освещено, можно было бы заметить, что он выглядит чрезвычайно смущенным, — поправьте меня, если я в чем-то ошибаюсь, но мы ведь спускаемся *вниз* по лестнице, правда?

— И что?

— А почему же тогда ступеньки идут *вверх*?

Пауза.

— Не то чтобы это меня хоть немного волновало, так или иначе, — продолжал голос. — Мне в общем-то все равно. Я просто подумал, что стоит об этом...

Лязг опускаемого светильника. Тихий скребущий звук, словно кто-то чесал в затылке.

— А знаете, — произнес Ификрат, — где-то он попал в точку, как вы думаете?

Шорох шагов; напряженное молчание семерых людей, ждущих, что кто-нибудь другой выскажется первым. И наконец...

— Простите...

— Да, Ваше Величество?

— Кто-нибудь, сделайте одолжение, передайте мне светильник. Да-да, я взяла его, огромное спасибо. Так, теперь давайте сначала быстренько осмотримся, хорошо?

Светильник мигнул и запылал ярким светом, как маяк. Он выхватил из тьмы семерых сильно нервничающих мужчин, спокойную, но хмурую брови женщину с золотыми волосами и спиральную лестницу. Ведущую вверх.

— Может быть, — предложил Ификрат, — будет лучше, если мы повернем назад. В таком случае, разумеется...

В это мгновение мир исчез. Исчезновение ощутимых параметров реальности сопровождалось явным вздохом облегчения. Светильник погас.

— У кого-нибудь есть спички или что-нибудь такое?

Хлопанье по карманам. Чиркающий звук. Шипение разгорающейся серы.

— Взгляните-ка, — сказала Королева. — Мы, кажется, находимся в каком-то коридоре. Кто-нибудь, объясните, как это могло произойти?

Перед тем, как свет угас, он успел осветить кусок прямого ровного прохода с кафельными стенами. Это было вполне нормально для, скажем, перехода в метрополитене, но не совсем то, чего можно ожидать от лестницы, разве что ваше мышление совсем уж прямолинейно.

Пауза.

— Ну ладно, бог с вами, раз уж мы здесь — значит, мы здесь. Никто не будет возражать, если я пойду впереди?

Сдавленный хор голосов: «Замечательно!», «Великолепно!», и более точно — «Только после Вас, Ваше Величество»; затем вспышка ярко-желтого света с конца королевского скипетра — и Королева Атлантиды уверенным шагом направилась вдоль по коридору.

Пересылка...

Скрежет и хруст, словно упаковку с молочными бутылками переехал дорожный каток; затем «бип». Туркин, Бедевер и десять хакеров вывалились из факса на голый пол.

Факс пожужжал еще минуту, привычно сотрясая в приступе икоты и выплюнул маленький клочок бумаги. Потом он осознал, что натворил, и тихо всхлипнул.

— Ну что ж, — сказал Бедевер, поднимаясь на ноги и стряхивая с колен изрядное количество пыли. — Это все же сработало.

Его никто не слушал. Хакеры пилились с раскрытыми ртами и глазами размером с компакт-диск на маленькую, лишенную мебели, пыльную комнатку, в которой они оказались. Туркин в поисках чего-то шарил по карманам.

— Вот она! — сказал он наконец, вытащив довольно неопрятную мятную конфету. — Я знал, что еще одна должна была остаться, — он кинул ее в рот и захрустел.

— Итак, мы здесь, — произнес Бедевер. Он понимал, что говорит сам с собой; но что еще остается делать, если пытаешься поддержать разумную беседу в таком окружении? — Это я, пожалуй, удачно придумал. Да, — согласился он, — неплохая мысль, хотя не мне стоило бы об этом говорить. Итак...

Он огляделся. Не считая факса, его самого, одиннадцати человек, пустой пластиковой упаковки из-под молочного коктейля и маленькой картонной коробки, в комнате ничего не было.

— Насколько я понял, — продолжал Бедевер, — все сводилось к относительности. К относительности? Да, к относительности. Поскольку, если можно сказать, что мир остается на месте, а зарегистрированный офис движется, то можно также сказать и что зарегистрированный офис остается на месте, а...

Туркин подобрал упаковку из-под коктейля, заглянул в нее, позеленел и уронил ее на пол.

— А потом ты сказал, — продолжал Бедевер, обращаясь к одному из хакеров, который не слушал его, — что еще никто не нашел дверь в зарегистрированный офис. Сколько ее ни искали, говорил ты, никому не удалось обнаружить ее. Можно подумать, сказал ты, что она существует только снаружи, но не изнутри. И именно это, видишь ли, и навело меня на мысль...

Туркин провел пальцем по стене, но слой пыли был настолько толст, что его палец застрял, пропахав глубокую борозду.

— А здесь не помешала бы хорошая уборка, — отметил он. — Это не похоже на те офисы, где я бывал. Для начала, здесь нет ни одного телефона.

— И я подумал, — продолжал Бедевер, воззрившись на картонную коробку, — если никто никогда не видел двери, может быть, двери и не существует. И что бы вы думали, — победно заключил он, — здесь действительно нет двери!

Никто его не слушал; но это еще не значит, что он не был прав. Здесь действительно не было двери. Не было также окон, вентиляционных отверстий, дверки для кошки — ничего. Только четыре стены без единого изъяна.

Бедевер опустил на колени и пошарил в кармане в поисках перочинного ножа, чтобы обрезать веревку, которой была завязана картонная коробка.

— Как и было сказано, — пробормотал он, — исключи невозможное, и то, что останется, будет правдой. Интересно, где в таком случае находится источник освещения.

В комнате неожиданно стало темно.

* * *

— Кто-нибудь, дайте мне карту.

В коридоре все стихло.

— Кто-нибудь из вас, — ласково произнесла Королева, — разумеется, захватил с собой карту, не правда ли?

— Ты что-то сказал, Беддерс?

Бедевер, так и не нашедший свой нож, фыркнул. Вербка была нейлоновая, из тех, что режут руки до крови, когда пытаешься ее разорвать.

— Что-то насчет света, — продолжал Туркин.

Вокруг себя Туркин слышал странные тихие звуки, издаваемые хакерами. Краем сознания он мог понять их: в конце концов, они находились в зарегистрированном офисе, святая святых всех атлантов. И они только что обнаружили, что в нем нет двери. И в довершение всего здесь было темно.

— Непонятно, — продолжал Туркин, думая вслух, если это можно было так назвать, — как это здесь нет ни входа, ни выхода, только стены. Тут, пожалуй, задумаешься, — он пошарил языком во рту, проверяя, не остался ли где-нибудь мятный вкус. Не остался. — Ничего удивительного, что здесь черт знает сколько лет не убирались! Как бы они сюда попали — да еще ведь надо как-то протащить пылесос и все прочее! На самом деле, — добавил он, — странно, что сюда вообще проходит воздух. Я хочу сказать, эти стены выглядят вполне герметичными...

В темноте один из хакеров начал задыхаться.

— Ну что же, тогда, быть может, компас. У кого-нибудь из вас, мальчики, есть с собой такая вещь, как компас?

Нет ответа. Королева поцокала языком.

— Что вам сказать, — произнесла она, — я не хочу никого обидеть, но не кажется ли вам, что это немного глупо с чьей-то стороны?

В абсолютно прямом, ровном, выложенном кафелем коридоре, простирающемся на несколько миль в обоих на-

правлениях, есть лишь одно место, куда можно спрятаться: за чьей-нибудь спиной. Не произведя видимого для глаза движения, помощники выстроились в цепочку, во главе которой оказался Ификрат.

— Простите, — выговорил он. Королева пристально посмотрела на него и улыбнулась, так что он почувствовал, как у него на щеках шелушится кожа.

— Ничего, — сказала она. — Все мы делаем ошибки. Ну что, кто-нибудь, что мы делаем теперь? Есть светлые идеи?

Королева выждала немного, мягко постукивая ногтями по кафельной стене коридора, пока не начало казаться, что весь коридор вибрирует, как кожа барабана.

— Ни у кого ничего? Жаль, — она облизнула губы. — Что ж, хорошо еще, что я здесь, не так ли?

Помощники слегка расслабились. Несмотря на то, что она внушала неподдельный ужас и никто из них не был в особенном восторге от ее присутствия рядом — а как она здесь оказалась, кстати? — ни у кого не вызывало сомнений, что Мадам так или иначе выведет их из этого туннеля. Вопрос был лишь в том, что будет с ними после этого.

Возможно, в туннеле было не так уж плохо.

— Как вы посмотрите, — сказала Королева, — если мы выпьем чашечку чая?

Зубы Бедевера были в отличном состоянии, принимая во внимание его возраст.

В школе, разумеется, над ним смеялись. Прятали его зубную щетку. Подсыпали мела в его зубной порошок. Но он стоял на своем — он обещал маме, — и теперь он понимал, почему она была так настойчива.

— Готово! — произнес он, выплевывая огрызки нейлоновой веревки. Мгновение спустя он нащупал крышку коробки и открыл ее.

Это не так-то легко описать.

У истоков проблемы лежат последствия катастрофического явления, получившего название Чумы Прилагательных, которое поразило альбионоязычные народы вскоре после отречения короля Артура. Хотя о ней на удивление мало что известно, эта чума (как выяснилось впоследствии, ею заражались, уколовшись о шпильки на задних страницах «Лессера» и «Журналистик Клише») оказала на описа-

тельную прозу такое же воздействие, как филлоксера на виноградники Франции. Целые классы сравнений были стерты с лица земли. Поколениям авторов не оставалось ничего иного, кроме как ковыряться в свежих ранах коллективного бессознательного, где когда-то росли вымершие метафоры.

Как бы там ни было, произошло вот что. Когда крышка была откинута, нечто, напоминавшее свет, поскольку оно было ярким и невещественным и помогало видеть в темноте, но непохожее на свет, поскольку оно выпрыгнуло наружу и начало носиться по комнате и натекать на людей, выпорхнуло из коробки и взмыло в воздух, как отпущенный воздушный шарик. Везде, где оно соприкасалось с чем-либо, оно оставляло большое оранжевое фосфоресцирующее пятно. Пахло оно ужасно.

Воздух вырвался из коробки с таким звуком, словно лопнул самый большой пузырь из жевательной резинки, какой только можно себе представить, и шмякнул Туркина и хакеров спиной о стену. Как ни странно, он ничем не повредил Бедеверу. Возможно, причиной было то, что он все еще держал в руках коробку.

Время... Хотите знать, как выглядит Время? Время, которое было с доисторических времен заперто в картонной коробке из-под бобов, а затем внезапно выпущено в атмосферу, насыщенную двуокисью углерода, выглядит очень похоже на большую римскую свечу. Выгорая, оно оставляет после себя легкий, искрящийся желтовато-красный пепел, похожий на золотую пыль.

Время — это деньги.

Время, разумеется, также обладает сущностью. Это первый и единственный чистый элемент. Время, в той или иной форме, лежит в основе всего остального. Так, например, сгорая в двуокиси углерода, оно осаждается в виде того чрезвычайно редкого и трудноуловимого вещества, которое известно как золото-337. Что и послужило причиной того, что факс внезапно начал светиться, испускать пар, таять и менять форму. Он превратился в стеклянную банку.

Бедевер, стоявший на коленях рядом с коробкой и удивлявшийся, что здесь, черт побери, происходит, постепенно начал понимать. Боже мой, сказал он себе, все так просто...

Он повернулся к коробке, в которой лежали большая металлическая печать, пачка сертификатов акций и несколько старомодных гроссбухов. Он вытащил наугад один из гроссбухов, открыл и начал читать. Время от времени он улыбался и понимающе кивал.

— Прости, пожалуйста, — прервал его Туркин, — но когда ты закончишь — тут некоторых из нас чуть не раздавило.

Бедевер поднял взгляд.

— Прости, — сказал он, — я отвлекся. Его здесь нет.

— Кого здесь нет?

— Да этого... персонального органайзера, — отвечал Бедевер. — Здесь есть только бухгалтерские книги «Лионесс Лимитед». Потрясающе интересная штука, но не совсем то, что нам надо. Ну что ж, двинемся? — он оборвал себя и поднял голову; на его лице было такое же выражение, какое было, наверное, у Архимеда, увидевшего модель вселенной на мокрой циновке. — Ага, — пробормотал он про себя, — кажется, понимаю...

Туркин попытался достать его ногой, но их разделяло слишком большое количество воздуха.

— Слушай, — сказал он.

— Так, — произнес Бедевер, снова углубляясь в гроссбухи, — вы, ребята, идите вперед, а я вас догоню.

Выказав больше самообладания, чем он в себе подозревал, Туркин ответил лишь:

— Куда нам идти?

— Прости? — переспросил Бедевер. — А, ну да. Почему бы не попробовать, выйдя за дверь, повернуть направо? Если я не ошибаюсь в своих предположениях, это приведет нас...

— За какую дверь?

Бедевер ткнул пальцем туда, где раньше стоял факс.

— Прошу прощения, — сказал Туркин, — но это не дверь. Бедевер ухмыльнулся.

— Немного тормозим сегодня, а, Тур, старина? Ты прав, это не дверь. А когда дверь не является дверью?

— А, черт, понимаю...

Как по волшебству — а точнее, по волшебству, — давление воздуха понизилось до нормального, и Туркин, отлепившись от стены, расправил плечи, коротко разбежался и со всей мочи пнул банку ногой.

— Ты доволен?

- Да, — ответил Туркин из коридора. — Ты идешь?
Бедевер улыбнулся.
— Одну минутку, — сказал он.

Основная вещь, о которой следует помнить, когда вам предлагает выпить чаю Королева Атлантиды, — это что вы должны соглашаться без сомнений и колебаний. Не имеет значения, если вам противопоказан танин или вы предпочитаете кофе: когда Королева предлагает вам чай, вы пьете чай.

Шестеро из семи помощников знали это. Седьмой не имел особых возражений против чая, но не очень понимал, откуда он может взяться, учитывая, что они стояли в пустынном коридоре с глухими стенами, простиравшемся насколько хватало глаз. Охваченный приступом чувства, которое он впоследствии мог определить лишь как подсознательную волю к самоуничтожению, он указал на это обстоятельство.

Королева улыбнулась.

— Черт возьми, — воскликнула она, — а ты умный мальчик! Ты прав, придется импровизировать, — она закрыла глаза, стиснула перед грудью изящные белые ручки и произнесла:

— Да будет чай!

И стал чай — сервированный в чашках «Снупи», причем в прибор входили молочник, сахарница и вазочка для печенья.

— Видишь, — сказала Королева, — это удивительно просто, по крайней мере для тех, кто не слишком заносится.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что на восемь человек было подано лишь семь чашек. Это, как смог понять даже наш незадачливый помощник, было Тонким Намеком.

Когда они покончили с чаем, Королева осияла их своей королевской улыбкой, движением скипетра уничтожила чашки («Это избавляет тебя от мытья посуды», — пояснила она) и ударила скипетром по вазочке для печенья. В сопровождении необходимого количества голубого света и горящей серы вазочка превратилась в дверь в стене.

— Кто-нибудь нуждается в объяснениях? — нежно спросила она. Молчание. — Прекрасно, — одобрительно кивая, произнесла она и сделала незаметный, но мощный выпад в сторону сомневающегося помощника. — После вас.

Некоторые рождаются храбрецами, другие воспитывают в себе храбрость на протяжении всей своей жизни, а некоторые бывают принуждены к деяниям, требующим величайшей отваги, под натиском невообразимого ужаса при мысли о том, что может с ними произойти, если они откажутся. Помощник закрыл глаза, протянул руку к дверной ручке, повернул ее и толкнул дверь.

Ничего не произошло. Дверь даже не шелохнулась.

— Думаю, тебе будет проще открыть ее, если ты потянешь на себя, — сказала Королева.

Количество урожденных жителей Атлантиды, которым довелось побывать в зарегистрированном офисе, весьма невелико, но все же не настолько мизерно, как количество тех, кто когда-либо хотел побывать там. Что же касается количества тех, кому удалось оттуда выбраться, то здесь нет достоверных статистических данных. Помощник взглянул на Королеву с глупой улыбкой, промямлил что-то вроде «гораздо лучше... где-нибудь в Филадельфии...» и, споткнувшись, вошел внутрь.

— Имя.

— Джон Уилкинсон.

— Род занятий.

— Налоговый инспектор.

— Благодарю вас, присядьте, пожалуйста, вон там, вами займется через несколько минут. Следующий, пожалуйста. Имя.

— Станислав Собиески.

— Род занятий.

— Таможенный чиновник.

— Благодарю вас, присядьте, пожалуйста, вон там, вами займется через несколько минут. Следующий, пожалуйста. Имя.

— Ли Чань Сэн.

— Род занятий.

— Работник таможни.

— Благодарю вас, присядьте, пожалуйста, вон там, вами займется через несколько минут. Следующий, пожалуйста. Имя.

— Франсуа Дюбуа.

— Род занятий.

— Таможенный чиновник.

— Благодарю вас, присядьте, пожалуйста, вон там, вами займутся через несколько минут. Следующий, пожалуйста. Имя.

Четвертый человек ухмыльнулся.

— Угадайте, — предложил он.

Девушка за конторкой не подняла головы. У нее впереди было еще двенадцать тысяч пятьсот семнадцать менеджеров-практикантов, и она уже заранее чувствовала подступающую головную боль.

— Я не угадываю, — произнесла она. — Люди сами мне говорят. Имя.

— Вайнахт, — сказал четвертый. — Меня зовут Клаус фон Вайнахт.

— Род занятий.

Фон Вайнахт рассмеялся. Он смеялся так громко, что его было слышно по всей приемной, и двенадцать тысяч девятьсот девяносто девять таможенных чиновников подняли головы, чтобы посмотреть на него. И то, что они увидели, заставило их вернуться на тридцать лет назад...

...к ребенку, наполовину очарованному, наполовину испуганному, одним глазом подсматривающему из-под одеяла за лезвием света под дверью. К этой тишине, которую можно было услышать, темноте, которую можно было увидеть, спокойствию, которое можно было осязать; к наполовину воображаемому стуку копыт и перезвону колокольчиков среди невыразимой тайны ночи.

— Ну что ж, — проговорил фон Вайнахт, откидывая свой капюшон, — можно сказать, разносчик.

Стоя в дверном проеме, Королева глядела во все глаза.

— Ты! — произнесла она.

Бедевер поднял голову и рассеянно улыбнулся.

— Да, — ответил он. — Давненько не виделись.

Несколько секунд Королева колебалась; затем она повернулась и зарычала:

— Стража!

Бедевер покачал головой.

— Прошу прощения, — сказал он, — но боюсь, это не сработает. Знаешь, в чем твоя проблема? Ты совершенно не умеешь подбирать кадры, — он показал на бесчувственное тело помощника, свернувшееся возле двери. — Остальные разбежались, — пояснил он, — и я не думаю, что *этот* находится в том состоянии, чтобы быть для тебя полезным. Я пришиб его дверью, — добавил он.

Королева опустила взгляд и увидела на полу осколки фарфора. Она улыбнулась.

— Ничего, — сказала она. — Там, где это взято, осталось еще достаточно.

— Дверей или телохранителей?

— И тех, и других, — ответила Королева, — хотя я думала скорее о вазочке. Честно говоря, эта вазочка была мне особенно дорога. Она была в нашей семье на протяжении нескольких поколений и...

Бедевер был поражен.

— Она настолько старая? — удивился он. — Ну ничего, не расстраивайся. Не разбив яйца, как говорится...

Королева весело рассмеялась.

— Совершенно верно, — проговорила она и присела на картонную коробку. — Итак, — продолжала она, — что я могу для тебя сделать?

Бедевер взглянул на нее, и его лицо неувлеченным образом изменилось. Исчезло то несколько глуповатое выражение, которое всегда было предпоследней вещью, стоявшей перед глазами Туркина, когда он засыпал; его место заняла мягкая, но неуклонная решимость, какую можно наблюдать на лице человека, который при необходимости готов переломать вам руки и ноги, но сделает это с подобающей торжественностью и соблюдением приличий.

— Я хочу вернуть свои деньги, — сказал он.

Рот Королевы широко раскрылся, и в первый раз с той поры, когда грот¹ был изъят из обращения, она не нашла, что сказать.

— Прошу прощения? — это было единственное, на что ее хватило.

¹ Грот — старинная серебряная монета достоинством 4 пенса. (Прим. пер.)

— Да, ты должна просить прощения, — сурово отвечал Бедевер. Он немного помолчал и затем добавил: — Ты ничего не помнишь, не так ли?

Королева покачала головой.

— Честно говоря, — ответила она, — нет.

Бедевер нахмурил брови.

— Замок, — сказал он. — Пустынная безлюдная равнина где-то в центре Бенвика. Темная ночь, гроза, дождь хлещет потоками, молнии оплетают башни. Молодой и наивный рыцарь, безнадежно сбившийся с пути — ему было дано задание отвезти месячный заработок его семьи от красивых работ и положить деньги в банк в Райдихене. Рыцарь видит замок, восклицает «Слава тебе, Боже!» и просит пристанища. Кастелянша замка приглашает его внутрь и оказывает ему должный прием. Его встречает свет, тепло и пища. А затем...

Гримаса боли на мгновение исказила лицо Бедевера, но он стиснул зубы — так крепко, словно рекламировал новейший суперклей.

— Проснувшись утром, — продолжал он, — рыцарь обнаруживает, что замок исчез. Вместе с ним исчезли и его деньги. Рыцарь лежит среди болотистой пустоши, и при нем нет ничего, кроме его кольчуги и сертификата на двадцать тысяч простых акций «Золотоносные Поля Лионесс plc» в три марки каждая. Он возвращается домой. Он объясняется как может. Ошеломленное молчание; затем упреки, обвинения, «Как ты мог так поступить?»...

Бедевер тряхнул головой и испустил тяжкий вздох. В его глазах стояли слезы, но лицо его было мрачно, как лицо самой смерти.

— Молодым рыцарем был я, разумеется, — сказал он. — И конечно, ты не помнишь этого, да и как ты можешь помнить? Еще один день, еще один простофиля. Но для нас это звучало по-другому. Мы не могли себе этого позволить. Черт подери, нам вполне хватало трудностей нашего ремесла! Боже мой, подумать только, как они изворачивались и выгадывали, чтобы иметь возможность отправить меня в Ecole des Chevaliers! Это разбило нашу жизнь, понимаешь ты, разбило вдребезги. Моему отцу пришлось наниматься учителем фехтования. Моя мать была вынуждена позиро-

вать для иллюстрированных манускриптов. *И будь добра, окажи мне любезность не пудрить нос, когда я с тобой разговариваю!*

Королева со щелчком закрыла пудреницу и подняла голову.

— Прошу прощения, — сказала она. — Я немного отвлеклась. Ты, кажется, говорил о том, что хочешь вернуть какие-то деньги?

Не в силах вымолвить ни слова, Бедевевер полез в карман куртки, достал оттуда сложенный листок и с негодованием швырнул его на пол. Королева, нагнувшись, подняла его.

— Ах, боже мой! — сказала она. — Как давно это было! Двадцать тысяч акций! — она хихикнула, но тотчас же взяла себя в руки. — В те времена это было потрясающе удачным капиталовложением. Думаю, они пытались собрать спасательный пакет.

— Это меня не интересует, — прорычал Бедевевер. — Мои деньги, попрошу. И немедленно.

Королева приподняла бровь.

— Мне очень жаль, — сказала она, — но ничего нельзя сделать. Существует такая вещь — мерзкая штука, но с ней, к сожалению, приходится считаться, — которая называется ограниченной ответственностью. Это означает...

— Спасибо, я знаю, что это означает, — прервал ее Бедевевер зловеще мягким тоном. — Это означает, что ты можешь делать все что тебе угодно, а потом спокойно смыться как ни в чем ни бывало...

— Именно, — Королева беззаботно кивнула. — Это краеугольный камень предпринимательской экономики.

— ...поскольку компания прекратила свое существование.

— Совершенно верно.

— Прекрасно, — Бедевевер поднялся на ноги. — Теперь, — спокойно продолжал он, — давай представим себе, что будет, если твоя нынешняя компания точно так же прекратит свое существование. Просто для интереса, — добавил он, поднимая с пола гроссбухи, на которых сидел. — Это маловероятно, но возможно. Если, например, вся документация будет потеряна? Нет, это не сработает. А как насчет того, если секретарю компании и держательнице контрольного пакета акций вдруг взбредет в голову распустить компанию — просто так?

Королева издала пронзительный смешок.

— Ну, ну, — сказала она, — с чего бы это мне могло вздуматься...

— Предположим, что она сделает это, — продолжал Бедевер. — Хотелось бы знать, что тогда случится со всем этим, — он повел свободной рукой вокруг, — этим весьма примечательным местом? С этим зарегистрированным офисом, который никто не может найти, поскольку он мечется туда-сюда, не подпадая ни под чью юрисдикцию на достаточно долгое время, чтобы суд успел объявить компанию распушенной? Или с мощным магическим полем, прячущим все предприятие, так что сюда можно попасть только через факс? Требуется всего лишь одна специальная резолюция, подписанная держателями семидесяти пяти процентов акций. — Он развернул список акционеров. — Я вижу, — сказал он, — что в твоих руках находятся девяносто девять процентов акций, так что тебе нужно только проголодовать за, и дело в шляпе.

— Это правда, — очень спокойно проговорила Королева, — я держу девяносто девять процентов.

Бедевер опять полез в карман куртки.

— А я держу, — сообщил он, — очень острый нож, — он улыбнулся. — Ну что, готова?

Королева начала медленно пятиться по направлению к банке маринованного лука, возникшей из ниоткуда в углу, но Бедевер только рассмеялся и запустил в банку гроссбухом. Банка разлетелась вдребезги. Дверь не появилась.

— Готова? — повторил Бедевер. — В Уставе ассоциации, который я читал как раз перед твоим приходом, говорится, что специальную резолюцию может вынести только директор, — он медленно надвигался, твердо держа нож в правой руке. — Мне кажется, — продолжал он, — в списке директоров как раз открылась вакансия.

Глаза Королевы были прикованы к ножу.

— Ничего подобного, — сказала она. — Я бы узнала об этом в первую очередь.

— Не в этом случае, — отвечал Бедевер. — Твой друг, — он кивнул на бесчувственного помощника, — вышел из совета директоров как раз перед тем, как вырубиться. Он сказал об этом мне. Ты ведь мне веришь, не правда ли?

Королева кивнула. На лезвие ножа упал луч света, и оно заблестело.

— В связи с чем, — продолжал Бедever, — ты предлагаешь мне пост, — он издал смешок, — директора по поглощениям и слияниям. Проклятым вонючим противоестественным слияниям. Кто за — прошу поднять руку. Подними руку.

Королева слабо шевельнула правой рукой.

— Вот и прекрасно. Далее, я вношу предложение, чтобы компания «Лионесс Холдингс рлс» была распущена немедленно. Кто за...

Королева начала кричать, но Бедever лишь вздернул губу. У него давно не было возможности поупражняться в столь мелодраматических жестах — фактически, с тех пор, как он играл Второго Римского Легионера в мистерии, которую они ставили в шестом классе, — и несколько волосков из его усов попали ему в нос. Он чихнул.

— Побереги дыхание, — посоветовал он. — Никто не может здесь тебя услышать, да если бы и могли, что из того? Вспомни, сюда ведь невозможно попасть. Это место даже невозможно найти. Оно же постоянно перемещается. Для тех, кто не знает этого трюка с банкой, единственный способ попасть сюда — это факс, а я перерезал чертов провод. А когда ты попадаешь сюда, — добавил он, — любая магия, даже золото-337, перестает работать благодаря твоей столь хитроумной системе блокировки. Так что, прошу прощения, — продолжал он, водя в воздухе ножом, — но твой вопрос стоит довольно остро. Итак, кто за?

Королева провела языком по губам, но не смогла даже чуточку увлажнить их. Она попыталась заговорить, но сумела издать лишь безумный сдавленный всхлип.

— Готова?

— Нет! — Королева почувствовала, как ее лопатки коснулись стены. — Ты не можешь так поступить! Ты же рыцарь! Рыцари не убивают девиц, попавших в беду. Это...

— Незтично? — Бедever улыбнулся. — Если вкратце, здесь есть три момента. Во-первых, ты не девица, — ты колдунья, а с ними игра идет на равных, зимой и летом, с разрешением или без такового. Во-вторых, мы находимся внутри зарегистрированного офиса группы компаний «Ли-

онесс», который не входит ни в чью юрисдикцию, так что никто ни о чем даже не узнает. А в-третьих... — он усмехнулся. — В-третьих, какого черта — правила созданы, чтобы их нарушать!

Он свирепо оскалился, и Королева инстинктивно подняла руку, заслоняя лицо.

— Но, разумеется, существует альтернатива...

— Прошу прощения, — произнес второй кассир, — но вам туда нельзя.

Фон Вайнахт повернулся и взглянул на него.

— Что вы сказали? — переспросил он.

Их взгляды на мгновение встретились, и кассир внезапно вспомнил, что у него растет маленький сынишка, и сынишка этот больше всего на свете мечтает о горном велосипеде и о полном комплекте Бухгалтеров-Мутантов, и что если он их не получит...

— Ничего-ничего, — пробормотал кассир, вдруг охрипнув. — Куда вы направляетесь?

— Я думаю, у вас это называется Запретным Городом.

— Третья дверь налево, — сказал кассир. — Вы найдете его по запаху, ошибиться невозможно.

— Альтернатива?

— Именно, — кивнул Бедевер. — Ты просто возвращаешь мне мои деньги и, — добавил он как мог небрежнее, — Персональный Органайзер Знаний, и разговор закончен. По рукам?

Бывали ли у вас такие моменты, когда просто знаешь, сразу же и без сомнений, что сказал что-то не то? Когда спрашиваешь друга, как поживает его девушка, и тут же краем глаза замечаешь, что в доме не хватает половины мебели, а картинка с собачкой, зарывающей кость, которую он всегда терпеть не мог, исчезла со стены. И всей магии Великой Пентаграммы не хватит, чтобы затолкать слова обратно вам в рот или хотя бы как-то смягчить звенящее замешательство, которое следует за репликой.

— Ага, — сказала Королева. — Так вот из-за чего весь этот сыр-бор.

— Э-э, — Бедевер прикусил губу. — Ну, это так, между делом... А дело здесь серьезное, очень серьезное, так что...

— Ну-ну, — Королева скрестила руки на груди и выставила вперед подбородок. — Что ж, давай, убивай меня, мне наплевать!

Бедевер задумчиво нахмурился, потом поспешно изменил задумчивую гримасу на угрожающую.

— Не искушай судьбу! — прорычал он, но его рык возымел не большее действие, чем мяуканье котенка.

— Давай-давай!

— Послушай...

— Трусиска!

— Как ты...

— Трус, трус, шевалье, на войну собрался, как проехал десять лье, тут и...

— Черт побери!

Издав яростный вопль, Бедевер взметнул нож над головой и с силой метнул его в пол; нож воткнулся, вибрируя, как скрипичная струна. После этой вспышки рыцарь обмяк, как пломбир в микроволновке.

— Так я и думала, — произнесла Королева. — Ты и не собирався делать ничего такого, правда?

Бедевер мрачно взглянул на нее.

— Только не делай вид, что ты разочарована, — буркнул он, тяжело опускаясь в угол. — Во всяком случае, — добавил он, — я поймал тебя на пару минут, не правда ли?

Королева опять достала свою пудреницу.

— Разумеется, нет, — сказала она своему отражению в зеркальце. — У вас, рыцарей, за душой ничего, кроме пустых слов и блестящих наплечников. Кстати, насчет этого дела можешь поговорить с моим адвокатом.

Но тут Бедевер решил. Только что он был в углу, и в нем было не больше энергии и решимости, чем в коробке со старой обувью, — и вот он уже на ногах, и обеими руками вцепился в сумочку Королевы.

— Эй-эй! — вскрикнула Королева. — Убери руки!

Цепочка лопнула — сумочка была чертовски дорогая, и вместо ремня держалась на хлипкой золотой цепочке, а Бедевер даже без доспехов весил около тринадцати сто-

унов¹ — и сумочка раскрылась. Среди вещей, вывалившихся на пол, было нечто наподобие тоненькой книжечки, переплетенной в кожу. Прежде чем Королева успела шевельнуться, Бедевер уже поставил на нее ногу с такой самодовольной ухмылкой на лице, что будь он торговцем, он мог бы сколотить на ней целое состояние.

— Иди сама советуйся со своим адвокатом, — сказал он.

— Ты не имеешь права...

— Имею, — сказал Бедевер и показал ей язык.

Королева вскрикнула и схватила за рукоятку ножа, но он слишком крепко засел в полу. Тогда она обозвала Бедевера нехорошим словом.

— И тебе того же, — отозвался рыцарь, затем, быстро наклонившись, подобрал книжечку и бережно спрятал ее. — А теперь, — продолжал он, — поговорим о моих деньгах...

Но в этот момент в углу комнаты возник камин, и в устье камина показалась пара ботинок...

— Что за черт, почему он задерживается? — беспокойно произнес Туркин.

Хакеры переглянулись.

— Десять к одному, что он заблудился, — продолжал Туркин, теребя рукав своей куртки, откуда торчала нитка. — У этого парня чувство направления развито не больше, чем у какой-нибудь коряги. Завел нас черт-те куда, а мы ведь уже почти вышли на кольцевую.

Волосатый хакер выразительно кашлянул.

— Послушай, — сказал он, — я знаю, для тебя это будет нелегко принять, но люди...

— Что?

Хакер покрылся краской под избытком волос на лице.

— Когда люди заходят... ну, *туда*, — запинаясь, продолжал он, — то если и выходят обратно, это скорее исключение, чем норма. То есть, понимаешь, твой друг, может быть...

— Чепуха, — отвечал Туркин. — Он просто заблудился, вот и все. Ну, не стойте, как сонные мухи, надо пойти и отыскать его.

¹ 13 стоунов — примерно 82,5 кг. (Прим. пер.)

Хакер пожал плечами; так пожимает плечами бригадный командир, говоря: «Черт возьми! Кто последний войдет в Севастополь, тот девчонка!»

— Ну ладно, — сказал он. — Ты иди первый.

— Стоять! — сказал голос со стороны очага.

Бедевер и Королева повернулись и замерли. Ботинки плясали в воздухе, словно их владельца только что вздернули, и с того места, где должна была располагаться каминная полка, донеслось ругательство. На каминную решетку посыпалась сажа, затем туда упало нечто, весьма напоминающее дохлую птичку, за которой последовал человек в несколько неопрятной красной накидке с капюшоном.

— Всем оставаться на местах, — произнес он. — Даже не думайте пошевелиться, ни один, ни другая!

Он выбрался из камина, почистился, стряхнув с себя изрядное количество сажки, и выпрямился в полный рост. Он был очень высок и широк в плечах, а его глаза напоминали маленькие красные огоньки стоп-сигналов.

— Ты допустил ошибку, — сказал он Бедеверу, поворачиваясь и пытаясь вытащить нечто, застрявшее в камине, — предположив, что в эту комнату нет другого входа. Это не так. Я могу войти куда угодно.

Бедевер повернулся к Королеве.

— Простите меня, — сказал он, — но вы знакомы с этим джентльменом?

Королева проямлила что-то невнятное и кивнула. «Боже милостивый, — сказал себе Бедевер, — да она в ужасе!» И тут в кодовом замке его мозга щелкнул переключатель.

— Минуточку, — сказал он, — вы, случайно, не?..

— Не произноси! — взорвался фон Вайнахт, сверкая на него глазами. — Твое положение и так незавидно; не усугубляй его. — Он потянул еще раз, и из дымохода вывалился большой мешок, тяжело плюхнувшись на каминную решетку. Из мешка фон Вайнахт достал прозрачный целлофановый пакет с ярко раскрашенной картонкой наверху. В содержимом пакета Бедевер опознал один из тех пластмассовых мечей, что дарят своим детишкам родители, не заботящиеся о соседских нарциссах. Королева тихо взвизгнула.

— К делу, — произнес фон Вайнахт. Он оторвал картонку и вытащил меч. — Две птички одним броском. Ты, — он мотнул в сторону Бедевера своей развевающейся белой бородой, — ищешь Святой Грааль. Ты не найдешь его. А ты... — он оделил Королеву долгим недружелюбным взглядом. — Ты возвращаешься со мной. Я разберусь с тобой позже.

— Простите, — прервал его Бедевер, — как вы узнали?.. Фон Вайнахт расхохотался.

— Я знаю все, — убежденно произнес он. — Мне известны планы и расположение комнат каждого дома на Земле. Я могу прочесть мысли каждого родителя и каждого ребенка, что когда-либо рождался на свет. Разумеется, я знаю, зачем ты пришел сюда, и ты не выйдешь отсюда с этим. Ну, давай мне сюда эту книжку, пока я не забрал ее у тебя силой.

Он стащил с меча пластмассовые ножны и отбросил их прочь, обнажив устрашающего вида блестящий голубовато-стальной клинок. «Если это пластмасса, — подумал Бедевер, — то я сэр Георг Солти».

— Простите, — сказал он вслух, — ничем не могу помочь.

На лице фон Вайнахта появилась отвратительная ухмылка, затем он взревел как бык и взмахнул мечом. По воздуху пронеслось легкое движение в том месте, где была бы голова Бедевера, если бы он не убрал ее; и в то же самое мгновение на стене проявилось пятно цвета меда, превратившееся в дверь, которая распахнулась, и из нее вышел сэр Туркин. Он слегка запыхался; в руке у него был разводной ключ двух футов длиной.

— Ага, — произнес он, — драка. Это хорошо.

Фон Вайнахт крутнулся на пятке и кинул на него яростный взгляд. Туркин вернул взгляд вдвойне.

— Стоп, — произнес он. — Да я тебя знаю. Ты тот грабитель.

На минуту все в комнате застыло, пока две памяти перематывались назад на несколько сотен лет...

...к той ночи под Рождество, как раз перед тем, как Туркину исполнилось семь лет, когда он мирно спал в своей постели в замке Мальдизен, а этот грабитель пытался пролезть в замок через дымовое отверстие в крыше. Отвратительный мерзавец, зачем-то с головы до пят одетый в крас-

ное, с огромным мешком, болтающимся на плече. К счастью, отец Туркина к празднику как раз купил сыну арбалет и не стал прятать его слишком далеко...

...к тому ночному кошмару в замке Мальдизен, когда какой-то ужасный ребенок загнал его стрелами под крышу, как крысу в нору, и держал его там десять долгих минут, пока он висел, вцепившись в стропило, и безнадежно пытался вызвать северного оленя...

Туркин опомнился первым.

— Я всегда с огорчением вспоминал эту ночь, ей-богу, — сказал он. — Первый и единственный раз, когда к нам забрался грабитель, — и я упустил его! Впрочем, — прибавил он, — этот чертов арбалет не был толком пристрелян, постоянно забирал вправо...

— Ну, у тебя не так уж плохо получилось, — прошипел фон Вайнахт, поднимая левый рукав и показывая длинный белый шрам. — *Три* птички, — проговорил он, и его меч засверкал в воздухе голубым фейерверком.

Туркин парировал выпад разводным ключом; раздался гулкий удар, словно они дрались внутри колокола. Головка ключа, отлетев, упала на пол.

Пока фон Вайнахт торжествовал, оглашая воздух отвратительным победным кличем и размахивая мечом над головой, готовясь нанести последний разрушительный удар, Туркин весьма ловко пнул его промеж ног, потом огрел оставшимся у него обломком разводного ключа и пустился наутек.

Фон Вайнахт оправился от удара неожиданно быстро и, взревев как раненый слон, последовал за ним.

Бедевер, пожав плечами, повернулся к Королеве.

— Ну, как бы то ни было, — произнес он, — мне пора. Спасибо за все.

Королева швырнула в него списком акционеров, но промахнулась, и он выскочил за дверь как раз перед тем, как края отверстия стянулись и стена вновь стала целой. Бедевер стоял в коридоре, пытаясь отдышаться. Где-то вдалеке слышались звуки бегущих ног и проклятия. «Туда, — решил он. Он понесся со всех ног, одной рукой прижимая к себе книгу, а другой ритмично взбивая сбоку воздух, когда коридор превратился обратно в спиральную лестницу. И разу-

меется, он полетел вперед, как ему редко доводилось летать. Сначала он врезался головой в потолок, затем его несколько раз швырнуло от стенки к стенке, а после того начались ступеньки. К тому же, словно этого было еще недостаточно, едва он умудрился, растопылив ноги, затормозить скоростной спуск, как на голову свалилось безжизненное тело королевского помощника, перекатилось через него, успев воткнуть острый локоть ему в диафрагму, и укатилось дальше в темноту.

Ну же, Беддерс, соберись, так дело не пойдет.

Он взгромоздился на ступеньку, потеряв голову, чтобы удостовериться, что у него не идет кровь, и несколько раз глубоко вдохнул. Вроде бы ничего не сломано, по крайней мере, так ему показалось. Отлично.

Где-то внизу раздался ужасный грохот — было похоже, что там множество людей падают друг дружке на голову, громко ругаясь при этом. Сочувственно улыбаясь, сэр Беддевер поднялся на ноги и начал осторожно спускаться по лестнице.

Королева вывалила содержимое своей сумочки на пол. Она должна быть где-то здесь. У нее всегда была хотя бы одна, как раз для такого случая, как сейчас.

Губная помада. Нет. Лак для ногтей. Нет. Кошелек, кредитные карточки, лейкопластырь, калькулятор, блокнот, дневник. Нет.

Есть!

Она взяла маленькую баночку с кольдкремом, подняла ее над полом и отпустила...

Фон Вайнахт, по всей видимости, потерял сознание, врезавшись в каменную колонну у подножия лестницы. Под ним, расплюснутый в лепешку, тихо поскуливал один из помощников Королевы. Несколько хакеров в полубессознательном состоянии неопрятной кучей лежали поодаль. Беддевер улыбнулся с чувством некоторого превосходства, перешагивая через них.

— Тур! — позвал он. — Ты здесь, Тур?

— Я здесь, — слышался ответ, и Бедевер, идя на звук, подошел к низкому дверному проему. Там он и нашел сэра Туркина, сидящего верхом на большом дубовом сундуке, пытаясь подцепить крышку мечом фон Вайнахта.

— Не сейчас, Тур, — сказал Бедевер. — Мне кажется, нам пора уходить, как ты думаешь?

Туркин потряс головой.

— Мы же так и не нашли эту штуковину, правда? — отвечал он. Меч сломался.

— Почему ты решил, что она там?

— А почему ты решил, что она не там? — буркнул Туркин, молотя по висячему замку рукояткой меча. — Я просто хочу проверить все варианты, вот и все, — замок сломался.

— Взгляни-ка, — сказал Бедевер, — ты случайно не это ищешь? — он поднял блокнот. Если бы перед Микеланджело стояла задача изваять аллегорическую статую Самодовольства, он не смог бы найти лучшей модели.

Туркин взглянул вверх и осклабился.

— Так это он, что ли? — спросил он.

— Я думаю, да.

— Круто! — Он слез с сундука и поднял крышку. — Но все равно стоит взглянуть, что там внутри, раз уж мы здесь, — произнес он. — Боже мой, тут же полно алмазов и всякой всячины! Вот это повезло так повезло!

Бедевер покачал головой, глядя на него любящим взглядом.

— Ну что ж, только поторапливайся, — сказал он, — но потом мы сразу же уходим. И не бери золота.

Туркин кивнул.

— Я знаю, из-за всей этой кутерьмы с земной осью, — сказал он. — Все здешнее золото не стоит и старого носка. Только такой штуки и следовало ожидать от груды банкиров. Хочешь взять немного?

Бедевер вспомнил о двадцати тысячах золотиносных акций и кивнул.

— Почему бы и нет? — сказал он. — Ну, ты понимаешь — просто чтобы показать себя.

— Вот именно, — согласился Туркин. Зачерпнув две горсти изумрудов, он протянул их приятелю, и тот распахнул их по карманам.

— Готов?

— Сейчас, — ответил Туркин, роясь в сундуке. — Думается мне, эта штучка довольно миленькая, как тебе? — Он вытащил наружу огромный рубин и захлопнул крышку.

— Это не воровство, — пояснил он, — потому что взамен они могут получить *вот это*.

Он бросил на пол листок бумаги и припечатал его ногой. Бедевер опознал его с первого взгляда.

— «Золотоносные Поля Лионесс»? — улыбнулся он.

— Хуже, — ответил Туркин. — «Акции Треста Роста Капитала Лионесс». Когда я рассказал моему папаше, что я наделал, он чуть живьем с меня шкуру не содрал.

Рыцари понимающе ухмыльнулись друг другу.

— Пора смываться, — сказал Туркин. — Давай-ка сюда, в эту дверь.

Бедевер покачал головой.

— Разве что ты хочешь взглянуть на котельную, — ответил он. — Иди за мной.

— Но мне сдается, что здесь можно срезать...

— Иди за мной!

По дороге Бедевер спросил Туркина, почему он так долго не возвращался в офис.

— Нет, мне это нравится! — воскликнул Туркин. — Честное слово, Беддерс, у тебя хватает наглости... Да если бы не я...

Бедевер пожал плечами.

— Я знал, что могу положиться на тебя, Тур. Просто еще чуть-чуть, и ты бы мог опоздать, вот и все.

Туркин кивнул.

— Знаю, — сказал он. — Когда ты не пошел с нами, я сразу догадался, что у тебя что-то на уме. Нет, разводной ключ-то найти было просто, а вот найти банку...

— Ты пошел на кухню?

— Ну да, и...

— И решил заодно перекусить.

Туркин покраснел.

— Я *подыхал* от голода, Беддерс. Это совсем не то что в старые добрые времена, когда под рукой всегда есть пажи, сквайры или кто-нибудь еще, кого можно послать в булочную, пока не появился дракон. Лично я не сказал бы, что мне так уж нравится прогресс.

— Да, его действительно несколько переоценивают, — согласился Бедевер. — Ну вот, теперь налево, и мы попадем...

Они встали как вкопанные. Перед ними в дверях стояла Королева, а за ее спиной виднелось около семидесяти тяжелых вооруженных клерков.

— Здравствуйте, мальчики! — сказала она.

Бедевер мигнул.

— Черт побери, как ты здесь оказалась? — проговорил он.

— Очень просто, — отвечала Королева. — Я воспользовалась лифтом. Возьмите их, кто-нибудь.

— Эх, — сказал Туркин, — вот сейчас и поразвлечемся. Ну, кто первый?

Было что-то в его голосе, что, по-видимому, показалось клеркам весьма красноречивым. Во всяком случае, они стояли, слушая его, как будто он был Марией Каллас.

Королева легонько клацнула зубами — это напоминало звук заряжаемой винтовки.

— Ну давайте же, мальчики, — промурлыкала она. — Не стоит так уж осторожничать. Возьмите их.

Это было еще более красноречиво — словно Мария Каллас была отодвинута в сторону Элизабет Шварцкопф и Джоан Сазерленд. Клерки колонной двинулись вперед, не спеша, но решительно, в то время как Туркин протянул руку назад, и словно по волшебству¹ в ней оказалось тридцать дюймов толстой железной трубы. С мягким, но тяжелым звуком он похлопал ей по ладони левой руки.

— Прошу прощения, — произнес Бедевер.

Никто не обратил на него ни малейшего внимания. Человек из кожи вон лезет, чтобы разрядить обстановку, — но с тем же успехом он мог бы не вылезать из постели. Бедевер нахмурился и вытащил что-то из кармана.

¹ «Словно»? Кого мы пытаемся обмануть? По прихоти магии и генетики все мальчики-первенцы в семье Туркина обладали даром находить большие увесистые предметы, пригодные для использования в качестве оружия, в любой момент, когда это было необходимо. Что, возможно, объясняет, почему столь многие из них стали воинами вместо того, чтобы пойти в сферу общественного питания, заняться биржевыми спекуляциями или посвятить себя графическому дизайну.

— Прошу прощения, — повторил он, и на этот раз каждый из присутствующих прекратил делать то, что он делал, и воззрился на него. Было так тихо, что можно было слышать, как падает иголка. И они слышали это.

— Все в порядке, — продолжал Бедеве, выставляя на показ гранату, которую держал в левой руке. Надо признаться, это был великолепный экземпляр; если бы Фаберже выпускал гранаты, они, должно быть, выглядели бы не хуже. — Пока я не отпущу этот рычажок, — сказал он, стараясь, чтобы его слова звучали как можно убедительнее, — она не взорвется. Итак...

Туркин пихнул его в бок так сильно, что он чуть было не выронил гранату.

— Ради всего святого, откуда ты взял эту штуку, Бедерс? — прошептал он.

Бедеве повернулся к нему и мягко улыбнулся.

— Ты сам мне ее дал, Тур. Ты вытащил ее из того сундука, который ты взломал, помнишь? Итак...

Рука Туркина быстро оббежала карманы, раздалось тихое позвякивание.

— А у меня все как было, — сказал он. — Только алмазы, сапфиры и...

— Правда? — Бедеве прищелкнул языком. — Ну да впрочем, у тебя всегда было довольно ограниченное воображение. — Он опять повернулся к клеркам — как раз вовремя, чтобы не дать им разбежаться.

— Итак, — произнес он, — игры закончены, так что если вы внимательно меня выслушаете, то мы сможем разобраться с этим делом и вернуться к нашим насущным проблемам, вместо того, чтобы играть в ковбоев и индейцев. Вы довольны?

«Довольны», наверное, было не тем словом, какое выбрал бы Флобер, но, по крайней мере, Бедеве завладел вниманием аудитории. Он поднял руку — другую руку — и откашлялся.

— Соберитесь вокруг меня и выслушайте, пожалуйста, — сказал он. — Благодарю вас, вот так. Прежде всего — о главном. Это действительно настоящая ручная граната, которую я сделал из алмаза, около десяти минут назад, с помощью... — он запустил правую руку во внутренний кар-

ман и вытащил переплетенную в кожу книжечку, — ...вот этого. Это Персональный Органайзер Знаний. Обратите внимание на эту маленькую золотую застёжку — она сделана, разумеется, из золота-337, и отсюда это превращение весьма изящной, но бесполезной формы углерода в высшей степени практичный фейерверк. Неплохо, а?

Клерки зашаркали ногами. Если возможно быть напуганным до потери сознания и одновременно с этим утомленным чьим-либо занудством, то именно это происходило с ними.

— Во-вторых, — продолжал Бедевер, — мы не хотим сделать вам ничего плохого, честное слово. Все, что нам нужно — это вот этот маленький блокнот. Это не для нас, а для нашего друга. Я понимаю, что таким образом мы выносим из Атлантиды некоторое мизерное количество золота-337; да, это будет означать небольшой сдвиг земной оси. Ну и что с того? По моим вычислениям, это приведет к некоторому сжатию земной орбиты, и нам больше не придется возиться с високосными годами — так это же...

— Эй, послушай, — прервал его Туркин, — я же родился в високосный год!

Бедевер раздраженно повернулся к нему.

— И что? — спросил он.

— И мне все еще четыреста шестнадцать, — отвечал Туркин. — Я просто подумал, может, тебе интересно.

Бедевер кивнул и опять повернулся к клеркам.

— Ну, как бы там ни было, — сказал он, — если мы уйдем, вы равным счетом ничего не потеряете; вы сможете продолжать обирать бедняков и делать деньги, мы станем продолжать нашу работу, никто не пострадает; понимаю, это тяжело, но это действительно наилучшее решение в сложившейся ситуации. Если же вы попытаете остановить нас и не дать нам уйти, мы кинем эту гранату в вас. Кто-нибудь здесь чувствует себя счастливым?

По всей видимости, никто. Бедевер кивнул и указал на Королеву.

— Прекрасно, — сказал он. — Чтобы нам всем было проще, ты поведешь.

Королева небрежно взглянула на него, словно он был одуванчиком, и сделала несколько шагов. Она не ушла далеко.

С яростным ревом, словно динозавр, которому поставили пломбу, граф фон Вайнахт возник в коридоре у них за спиной.

— О черт! — вздохнул Бедевер. Он отпустил рукоятку гранаты, досчитал до трех, и с криком «Лови!» швырнул гранату графу, который одной рукой поймал ее и сунул в свой мешок. Секунду спустя раздался отдаленный глухой удар.

За которым тут же последовал более близкий и звонкий удар тридцатидюймовой трубы, которым Туркин стер улыбку с его лица и ринулся прочь, по пятам сопровождаемый Бедевером, Королевой и клерками.

Для протокола: Клаус фон Вайнахт очнулся десятью минутами позже, взглянул на отпечатки ног на своей накидке и дыру, прожженную в боку его мешка, и решил, что на сегодня с него достаточно. Он соорудил камин, взобрался вверх по дымоходу и исчез. Много часов спустя, отходя ко сну, Королева обнаружила на стуле у своей кровати большой чулок, полный скорпионов, и открытку, где слово «счастливого» было зачеркнуто и заменено на «наихудшего»; и то, и другое она выкинула в мусоропровод.

— Он мне понравился, — сказал Туркин на бегу. — Никаких хождений вокруг да около, сразу берет быка за рога. Ему бы рефлексы получше, и был бы вполне пригодный боец.

У Бедевера не хватило дыхания, чтобы ответить, что, возможно, и к лучшему. Они опять были наверху, у Капитанов. Здесь пол уже был покрыт ковром, а по бокам на одинаковом расстоянии друг от друга попадались двери с матовыми стеклами.

— Давай попробуем сюда, — предложил Туркин.

Бедевер, который уже не мог бежать дальше, кивнул; они навалились на дверь и влетели в небольшой офис.

Если бы у них было время прочесть надпись на двери, они бы увидели, что она гласила:

ЖАЛОБЫ

Финансовые службы Атлантиды гордятся тем, что к ним до сих пор не поступило ни одной жалобы ни от одного из их клиентов. На это есть три причины:

1. Финансовые пакеты группы компаний «Лионесс» приспособлены для того, чтобы удовлетворять все ваши насущные потребности с помощью специальной экспертной груп-

пы с более чем двухтысячелетним опытом работы во всех видах финансового планирования.

2. Отдел менеджмента инвестиций группы компаний «Лионесс» постоянно следит за всеми капиталовложениями и страховыми портфелями в интересах своих клиентов и немедленно сообщит вам, если возникнет необходимость изменения инвестиционной стратегии.

3. Под ковриком за дверью отдела жалоб находится такой специальный люк, который открывается пряником в звуконепроницаемый бункер.

— Тур!

— Что?

— Это ведь ты сказал «давай попробуем сюда», правда?

— Ну да.

— Хорошо. Я уж было начал бояться, что потерял чутье.

— Нет, это был я.

— Хорошо.

Крыса, вылезшая было из своей норки, заколебалась на пороге, поднялась на задние лапки и понюхала воздух. Пахло как-то не так.

Дернув хвостом, она повернула назад, неопровержимо доказывая, что животные гораздо более чувствительны к атмосфере, нежели человеческие существа. Если бы она была настолько глупа, чтобы сделать еще несколько шагов, не оставалось никаких сомнений, что Туркин поймал бы ее и съел.

— Я хочу есть, Беддерс, — в семисотый раз пожаловался он. — То есть, я хочу сказать, тюрьма — это одно, тут не стоит особенно возникать, если ты загремел в каталажку; это входит в игру. Тебя сажают, папаша приносит выкуп, ты возвращаешься домой — и все, финиш. Но предполагается, что тебя кормят, пока ты там. Это записано в какой-то конвенции или где-то еще.

Бедевер беспокойно пошевелился. Он пытался удержать друга от мыслей о том, почему они здесь оказались, — он боялся, что это может его расстроить.

— Тур, — спокойно произнес он, — мне кажется, что ты не вполне понимаешь, что происходит. Я думаю, что эта тюрьма создана не для того, чтобы из нее выходили.

Туркин рассмеялся.

— Не будь ослом, Беддерс, — сказал он. — Не существует таких тюрем, которые *созданы* для того, чтобы из них выходили. В этом-то вся и штука с тюрьмами. Они предназначены, чтобы хранить то, что в них помещают, как коробки для обуви.

— В точку, — согласился Бедвер, глядя вверх, туда, где должен был быть потолок, но видя лишь темноту. — Только в случае с твоими... твоими традиционными тюрьмами тебя сажают туда на какой-то ограниченный срок — ну там, пока не заплатят выкуп, или пока ты не отсидишь положенное время, или еще что-нибудь. Но почему-то мне кажется, что это не такая тюрьма.

— Почему?

— Здесь нет двери, — ответил Бедвер. — Единственный вход сюда — тот люк, в который мы провалились. Мне кажется, что те, кто здесь сидит, скорее... ну, остаются здесь, что ли.

Туркин поерзал на соломе.

— Да нет, разумеется, нет, — сказал он. — То есть, не обращай внимания на то, что нет двери. Здесь, похоже, вообще не очень-то обращают на них внимание. Это напоминает мне один офис, куда я как-то приносил пищу, — там тоже были только какие-то перегородки, и...

— Нет, погоди-ка минутку, — прервал Бедвер. — Видишь ли, я основываю свое предположение на наличии всех этих, э-э, скелетов.

— Скелетов?

Вместо ответа Бедвер постучал друг о друга двумя берцовыми костями.

— Не думаю, что они сидели на диете, Тур. Сдается мне, что их просто не кормили. Не кормили довольно долго.

— О-о.

— Фактически, — продолжал Бедвер (и по мере того, как он говорил, в нем зарождалось ощущение, что если он не собирался тревожить друга попусту, то, возможно, взялся за это не с того конца), — сдается мне, что их вообще не кормили. Понимаешь?

— Вроде как да, — отвечал Туркин. — Но это как-то не вдохновляет, правда?

— Вот именно.

— Это как-то неправильно.

— Пожалуй.

Туркин добрался до одного из скелетов и начал забавляться, изображая из себя чревовещателя, — занятие, которое Бедever нашел несколько раздражающим. «Все же, — сказал он себе, — если это хоть немного займет его мозги, то я могу и потерпеть». Туркиновы мозги, как он знал по долгому опыту, чем-то напоминали ядерную войну: когда в них зарождалась какая-нибудь идея, на некоторое время вокруг становилось довольно шумно и неприятно, но очень скоро все заканчивалось. Он откинулся на спину и попытался придумать что-нибудь умное.

Пирамида из человеческих тел, чтобы добраться до люка? Нет, у него слишком мало людей.

Может быть, магия? Он нашарил в кармане Персональный Органайзер, но золотая застежка не была даже теплой. Здесь, внизу, не было магии, которую он мог бы распознать, или, если была, то она была другой версии. А возможно, это место было заблокировано, как зарегистрированный офис.

Он взвешивал в уме возможность использования костей, чтобы соорудить из них временную лестницу, когда туркиновское чрево разразилось утробным истерическим хохотом. Лучше положить этому конец немедленно, подумал он, иначе глазом не успеешь моргнуть, как бедняга слетит с рельсов, а это никак не облегчит ситуацию.

— Ладно, Тур, хватит, — сказал он как можно мягче. — Прекрати это, ладно? Мне уже начинает казаться...

— Э-э.

— Тур?

— Беддерс! — В голосе Туркина была нотка, которой Бедever у него не слышал ни разу за все годы, что они знали друг друга. Ужас. Что ему больше всего нравилось в старине Туре — это то, что он никогда не поднимал панику. Если бы у него спросили, что означает слово «ужас», он скорее всего подумал бы немного и ответил, что так литовцы называют ужа.

— Тур?

— Э-э, ты не мог бы подойти сюда и попросить эту, э-э, леди перестать болтать? Меня она не хочет слушать, а...

«Вот оно, — сказал себе Бедever. — Крыша у парня уже поехала. В первую очередь это моя вина — нельзя было позволять ему заикливаться на этом».

— Не глупи, Тур, — сказал он, на четвереньках продвигаясь по соломе. — Ты же знаешь, что это ты сам говоришь, а совсем не череп, так что тебе надо просто...

Раздался новый взрыв смеха, и Бедever вздрогнул. Такой смех мог означать только одно. И тут он кое-что понял.

Туркин разговаривал с черепом своим собственным голосом, прося его — даже умоляя — заткнуться. А череп отвечал раскатами хохота. Либо Тур был чертовски хорошим чревовещателем (а он им не был: рыбы не летают), либо говорил действительно череп.

— Тур! — заорал он, — прекрати это немедленно, слышишь?

— Оставь его в покое.

Тишина. В гулкой темнице раздался лишь стук захлопываемой дверки в крысиную нору и возня, когда крыса приваливала к ней изнутри большой кусок угля.

— Простите?

— Я сказала, оставь бедного парня в покое, ты, тупой верзила.

— Я...

— Иди и подбери себе кого-нибудь более подходящего тебе по габаритам.

Прекрасно, подумал Бедever, просто замечательно. Вот и я тоже уезжаю помаленьку. Если я когда-нибудь выберусь отсюда, я буду пинать недомерка-Сопливчика отсюда до самого Бенвика.

— Прошу прощения, — сказал он.

— Да?

— Не могли бы вы сказать, с кем я имею честь?

Снова послышался смех, и Бедever обнаружил, что это уже начинает ему немного надоедать. Он многозначительно кашлянул.

— Не задирай так высоко нос, молодой человек. Я достаточно стара, чтобы годиться тебе в прабабушки.

— Вообще-то, — не смог удержаться Бедever, — я в этом очень сильно сомневаюсь.

— И не перебивай, когда говорят старшие.

— Видите ли, — пояснил Бедеве́р, — дело в том, что мне больше пятнадцати сотен лет.

Раздалось пощелкивание, словно катались игральные кости или — но об этом не стоило слишком задумываться — и у черепа распахнулась челюсть.

— Не пытайся разыгрывать меня, молодой человек, поскольку...

— По чести говоря, — сказал Бедеве́р, — видите ли, я был одним из рыцарей короля Артура, а сюда пришел, чтобы исполнить...

— Короля *Артура*?

— Да.

— О-о. Да, понимаю.

— Ну вот.

— Прости, если была несколько невежлива.

— Пустяки.

— Кстати, меня зовут Машо.

— Сэр Бедеве́р Огэльский.

— Я слышала о тебе. Это не ты тот рыцарь, который...

Но Бедеве́р перебил ее. Имя звучало знакомо, а голос... бог мой, мог ли он забыть этот голос? Но нет, конечно, нет. Это невозможно.

— Ты сказала — Машо?

— Именно, — отвечал череп. — Машо де Виллежардин. Голос Бедеве́ра дрогнул:

— Матрона?

Череп опять рассмеялся, и на этот раз Бедеве́р подхватил его смех.

— Ты помнишь меня, Матрона? — восклицал Бедеве́р. — Я был на одном курсе с Агвизаном и Борсом, и Гахерисом-младшим.

— Разумеется, помню! Ты еще держал жуков в обувной коробке в спальне юниоров.

— Послушай... — это был Туркин, и в его голосе звучала нотка раздражения. — Не хочу прерывать, но может быть, ты все-таки представишь меня?

Повисла озадаченная пауза, затем Бедеве́р произнес:

— Прости, Тур, совсем забыл. Матрона уволилась как раз перед тем, как ты поступил. Матрона, это сэр Туркин ле Сабль. Он тоже учился в нашем добром старом колледже.

— Весьма польщена.

— Я также. Послушай, Беддерс, ты не мог бы мне объяснить, что здесь происходит, а то...

— Заткнись, Тур, будь так добр. Прости, Матрона. Ну, так как же ты поживаешь?

Последовало долгое молчание.

— Я умерла.

— Да не может быть!

— Тем не менее, это так.

— Понимаю. Как печально это слышать, Матрона! Я...

Бедевер прервался на полуслове. Ему послышалось, или он здесь чего-то недопонял?

— Умерла? — переспросил он.

— Мертва как ржавый гвоздь, — подтвердила Матрона. — И я бы не сказала, что это мне очень нравится, могу тебя уверить.

— Неудивительно.

— Видишь ли, — продолжала Матрона, — когда я увольнялась, колледж проявил по отношению ко мне необычайную щедрость — гораздо больше, чем я рассчитывала, я была действительно очень тронута, — и разумеется, захотела обеспечить себе маленькое гнездышко на старость. И тогда мне повстречалась эта очаровательная молодая леди — она сказала, что она старшая сестра одного из мальчиков...

Бедевер почувствовал, как в его горле набухает комок.

— «Акции Треста Роста Капитала Лионесс»? — спросил он.

— Нет, «Облигации Управляемых Доходов Лионесс», — отвечала Матрона. — Не прошло и шести месяцев с тех пор, как я получила полис, как ко мне пришло это письмо, в котором говорилось, что вся контора подлежит ликвидации, и как они сожалеют о случившемся. У меня просто кровь вскипела в жилах, можешь себе представить. Так что я пришла прямо сюда и... и вот я здесь. Но если мне когда-нибудь придется добраться до этой маленькой прохвостки, до этой торговки тухлыми яйцами... что ж, пусть она поостережется — это все, что я могу сказать!

— Это ужасно, Матрона, — сказал Бедевер. — Так обмануть тебя, да потом еще и убить — это... это просто ужасно. Им нельзя позволять делать такие вещи.

— Слушайте, слушайте! — пробормотал Туркин, добавив что-то относительно необходимости поднимать мертвецов из могил, чтобы понять такую очевидную вещь, — что Бедевер посчитал довольно дурным тоном. Он шикнул на него и почесал в затылке.

— Прости, что спрашиваю, — сказал он после минутного раздумья, — но как получилось, что ты все еще можешь, э-э, разговаривать? Мне казалось, что для этого нужно...

Череп защелкал зубами.

— Некоторые люди позволяют себе исчезнуть до последней капли, когда уходят, — произнесла Матрона. — Но не я. Как я всегда говорила вам, мальчики, главное в человеке — это сила воли, сила воли и решимость. Я была исполнена решимости не дать себе потерять форму, и это сработало.

— Вижу, — отвечал Бедевер и добавил: — У тебя неплохо получилось, — но тем не менее он продолжал чувствовать, что здесь чего-то не хватает. Например, объяснения. Однако было бы невежливо продолжать расспрашивать, тем более что Матрона всегда была особенно чувствительна к таким вещам. Он сменил тему, и некоторое время они болтали о других мальчиках из бедеверова класса. Это заняло их на некоторое время; плохо было только, что все эти мальчики были уже в могиле, и был риск, что разговор станет несколько загробным, чтобы не сказать однообразным. Очень осторожно Бедевер вернулся к прежней теме.

— Матрона, — сказал он, — прошу простить меня, если этот вопрос покажется немного... личным, что ли, но мне всегда казалось... — Вдохновение! — Когда я учился в колледже, сэр Жиро говорил нам, что когда человек — ну, умер, то он...

— Жиро! — презрительно щелкнул череп. Да, теперь у нее нет губ, которые можно было бы поджать, подумал Бедевер, иначе... — Жиро был шарлатан. Он постоянно оставлял огрызки от яблок за батареей.

— Он никогда мне особенно не нравился.

— И правильно, — отвечала Матрона. — Да что он знал о том, каково это — быть мертвым? Если он умудрился получить дутую степень в каком-то университете Бог знает где, это еще не значит, что у него есть право вытаскивать весь мякиш из хлеба.

Бедеве́р кивнул, хотя его никто не мог увидеть.

— А на что же это похоже в действительности? — спросил он. — Я имею в виду, быть мертвым. Мне всегда хотелось узнать.

— Ну, — произнесла Матрона после минутного размышления, — я могу говорить только на основании собственного опыта, как ты понимаешь. *Меня* никто не обвинит в том, что я проповедую вещи, о которых ничего не знаю, как некоторые упомянутые здесь персоны. Но лично я нахожу, что это очень похоже на жизнь. Разумеется, магия вносит свою поправку.

— Ага, понимаю, — сказал Бедеве́р. — Магия.

Матрона рассмеялась.

— Ну, я бы сказала, *ты*-то не очень внимательно слушал на уроках, мастер Бедеве́р. Могу поклясться, ты был слишком занят, играя в «повешенного» с этим Эктором де Мари.

Бедеве́р покраснел, поскольку никто не любит, когда на него возводят напраслину, но подавил возмущение и продолжал:

— Так что насчет магии, Матрона? Как она работает?

— Магия, — начала Матрона своим несколько резким учительским тоном, — это побочный продукт распада изотопа золота, золота-337. Она является одним из видов радиации. Любая радиация вызывает в живых организмах мутации; видишь ли, она воздействует на молекулярные структуры. Но магическая радиация обладает чрезвычайной мощностью. Она может заставить живые существа мутировать очень быстро — превратить тебя в жабу, к примеру, — и может также воздействовать на неодушевленные предметы, такие как вазы, или цветы, или государственные флаги; может сделать так, что они начнут выскакивать у тебя из цилиндра, ну и тому подобное. А также она может, э-э, воскрешать мертвых, — матрона немного поколебалась. — Нет, это не совсем верно. Точнее, она делает смерть немного более похожей на жизнь. Нет, и это не так. Правильнее будет сказать наоборот.

— Делает жизнь похожей на смерть, ты хочешь сказать? — предположил Бедеве́р. Это было похоже на уроки философии у доктора Магуса; а потом он вспомнил, очень отдаленно, что Матрона и доктор Магус частенько предпри-

нимали совместные прогулки по стрельбищу. Под покровом дружественной темноты, ухмыльнулся он.

— Вот именно, — отвечала Матрона. — Если вокруг достаточно магии — а здесь внизу ее полно, смею заметить; если не веришь, попроси крысу, чтобы она показала тебе свои заклинания, — то человек может быть мертвым и живым в одно и то же время. Так сказать, сам он жив, а тело мертво. Это слегка действует на нервы, конечно, — добавила она, — но со временем привыкаешь.

— Понимаю.

— Не то чтобы мне хоть немного нравилось, — продолжала Матрона, — быть живой, когда остальная часть меня представляет собой не больше, чем грудку старых костей. Фактически, это худшее, что есть в обоих мирах, разве что зубная боль меня больше не мучает. Нужно быть благодарным за маленькие милости, я всегда это говорила.

Бедевер некоторое время сидел молча. Туркин, со своей стороны, тайком прилаживал друг к другу кусочки скелета, из которых пытался соорудить крикетные ворота и биты.

— А что если мы все выберемся отсюда? — сказал наконец Бедевер. — Я имею в виду, что тогда произойдет, как ты считаешь? Будешь ли ты... Перестанешь ли ты быть наполовину живой и станешь полностью мертвой, или перестанешь быть наполовину мертвой и станешь...

— Я даже не знаю, — ответила Матрона. — Но учти, что любой из вариантов будет к лучшему. Я всегда терпеть не могла неопределенности, ты же знаешь.

— Прекрасно, — задумчиво проговорил Бедевер. — Так что, если мы сможем выбраться отсюда...

— Если, молодой человек. Как говорили в те времена, когда я была девочкой, если оседлать если, нищие ездили бы верхом.

— Совершенно верно, — согласился Бедевер. — Но ты же находишься здесь, уже давно. Тебе, случайно, не приходили интересные мысли, может, ты заметила что-нибудь?

Череп на мгновение задумался.

— Не то чтобы очень много, — ответил он. — Время от времени ко мне сверху падают люди, они умирают, и некоторое время мы разговариваем; потом, как правило, мы ссоримся, они начинают дуться и перестают говорить со

мной, а потом теряют дар речи. Люди могут быть такими мелочными!

— То есть у тебя нет никаких предположений насчет того, как мы бы могли?..

— Хм-м, — долгая пауза. — Есть кое-что. Я пробовала это с одним юношей, который попался мне лет пятьдесят назад, но у него ничего не вышло. Хребет у парня оказался слабоват.

— Ага.

— Особенно после того, как он свалился со стены.

— Ну что ж, — Бедвер задумчиво поскреб ухо. — Я в игре. Ты как, Тур?

Туркин поднял голову. Это было слишком сложно для него. Если не считать основного принципа, что если человеку отрубить голову, то он долго не проживет, Туркин плохо разбирался в анатомии.

— Ты же меня знаешь, — ответил он, — я попробую все, что угодно. Э-э, Беддерс, а что ты знаешь о коленках?

— Это не сработает, — заявил Туркин. — Не спрашивай меня, откуда я это знаю, я просто знаю, и все.

— Заткнись, Тур, — буркнул Бедвер.

— Ну хорошо, хорошо. Я просто сказал, только и всего. Но не обвиняй меня потом...

— Мальчики! — резко произнес череп. — Попрошу без капризов!

— Прости, — сказал Туркин, — я просто хотел сказать...

— Достаточно, мастер Туркин, — прервал череп. — Да, кстати, не было ли у тебя кузена по имени Брюни?

Туркин поднял бровь.

— Верно, — произнес он, — Брюни Сан-Пити. Да, если подумать, он ведь тоже учился в нашем колледже.

— Я сразу подумала, что ты мне кого-то напоминаешь, — воскликнул череп. — Это был *кошмарный* ребенок.

Много лет назад отдел исследований рынка группы «Лионесс» обнаружил, что проникновение финансовых служб «Лионесса» в рыночные структуры великанов Южной Пермии составляет менее 18,5%, и было предпринято глобальное рыночное наступление. Оно было достаточно успешным, и в результате великаны (которые в основной своей

массе были персонификациями ледников и могли проследить свою родословную до Второго Ледникового периода) вскорости полностью вымерли¹. Один из этих великанов, Гермадок Жестокий, приобрел оффшорные облигации стерлинговых активов, которые стали желтеть спустя десять минут после того, как высохли чернила на полисе, и он пришел прямиком в Атлантис-Сити, чтобы подать жалобу. Чиновникам из отдела работы с клиентами пришлось стрелять в него из катапульт, только чтобы пресечь его передвижение по офису. После этого они связали его и бросили в темницу. По частям.

Поскольку он был великаном, его бедренные кости в длину превышали двенадцать футов. Люк же находился немногим более, чем в восемнадцати футах от пола.

— Я как-то видел, как один парень проделывал что-то похожее в цирке, — сообщил Туркин. — Его звали Гарсио Великолепный, и он действительно был неплох. Но замечьте, — прибавил он, — что у него были настоящие ходули со специальными выемками для ног, выступами для рук и всем прочим.

Бедевер, вцепившись что было мочи в великанскую кость, нетерпеливо кивнул.

— Ну что, ты уже там? — поторопил он.

— Не уверен, — ответил Туркин. — Понимаешь, здесь так темно... Ага, а это что такое?

Подпорки угрожающе закачались, и Бедевер еле удержался на ногах. Он оперся спиной о стену и прижал кость к груди. Так должно сработать гораздо лучше, сказал он себе, а то...

— Есть!

Затем послышался громкий крик и ругательство, и внезапно подпорки лишились давящей на них сверху тяжести.

— Тур! — крикнул Бедевер и попытался взглянуть, что происходит наверху, но это было бессмысленно. Сверху донеслось несколько нечленораздельных звуков.

— Тур!

¹ Великаны отличаются чрезвычайной целеустремленностью. Если вы говорите великану, что если он умрет, то заработает тридцать тысяч марок, он не станет долго раздумывать.

— Все в порядке, — раздался полузадушенный голос. — Здесь какая-то ручка, я за нее держусь. Теперь бы еще ослабить этот болт...

А потом темницу затопил поток света.

А потом темница оказалась несколько переполненной.

Гермадок Жестокий был вовсе не так уж плох, если подумать. Когда Бедеве́р и Матрона объяснили ему суть дела, и до него дошло, что он снова жив, и что во всем, что произошло, действительно нет их вины, он даже помог им всем выбраться из бункера — Бедеве́р был поражен, обнаружив, как много их там было, — и возглавил своих товарищей-жалобщиков в поисках кого-нибудь, кому можно было бы пожаловаться. Наши герои слышали, как они делали это где-то далеко в недрах предприятия.

— Ну вот, — сказал Туркин, — дело сделано. Сущие пустяки, в общем-то.

Матрона улыбнулась. Когда на ее кости вернулась плоть, Бедеве́р обнаружил, что она ни капельки не изменилась.

— Спасибо вам обоим, — милостиво произнесла она. — Премного обязана, честное слово. Ты, видимо, очень понятливый мальчик, мастер Бедеве́р, если сумел сообразить, что мы вовсе не были мертвы и что все в этом подземелье держалось на магии.

При обычных обстоятельствах Бедеве́р объяснил бы ей, что сэр Жиро в старом добром колледже учил их, что поскольку смерть необратима и окончательна, то любая вещь, которая позволяет пациенту продолжать разговаривать, просто обязана быть чем-то другим. Но, вспомнив яблочные огрызки за батареями, он удовлетворился застенчивой улыбкой.

— Ничего особенного, — сказал он.

— А ты, мастер Туркин, — продолжала Матрона, — показал себя настоящим храбрецом. Ты молодец!

Туркин, непривычный к комплиментам, покрылся краской. Обычно, когда он бывал храбрым, единственными свидетелями этого были те люди, против которых его храбрость была направлена, а они чаще всего были склонны подходить к делу весьма критически.

В отдалении раздался сопровождаемый радостными воплями удар, от которого содрогнулся пол. Там, по-видимому,

жаловался Гермадок. Судя по звукам, он решил не подавать жалобу в письменном виде.

— Ну что ж, — сказал Бедеве́р, — мы достали Персональный Органайзер, атлантов вроде бы поблизости нет, так что, думается мне, нам пора возвращаться. Вас куда-нибудь подбросить, Матрона?

Машо де Виллежардин улыбнулась.

— Благодарю, — произнесла она, — это было бы очень мило с вашей стороны. Вы не собираетесь проезжать через Гластонбери?

Гластонбери... Бедеве́р где-то слышал это название, но хотя в его голове и звонил колокольчик, к двери никто не подходил. Он заверил ее, что это не составит для них ни малейшего труда, и они отправились на поиски ближайшего факса.

Найти его оказалось не так-то просто. Несмотря на то, что обычно Атлантис-Сити переполнен факсами, как раз сейчас ни один из них, похоже, не работал. Фактически, большая часть офисного оборудования была так или иначе выведена из строя, а это доказывает лишь, что хорошо организованная жалоба вполне может дойти по назначению.

Наконец они откопали один работающий факс в маленькой уютной комнатке, в которой были мягкие кресла и настенный календарь с фотографиями котят. Что-то подсказывало Бедеве́ру, что это, возможно, был офис Королевы.

— Ну вот, — сказал Туркин, листая справочник. — В Гластонбери столько мест, где есть факсы. Есть предпочтения?

Машо покачала головой.

— Думаю, там все сильно изменилось с тех пор, как я там была в последний раз, — сказала она. — И кроме того, я там надолго не задержусь.

Гластонбери. Город Стекло́нной Горы.

Бедеве́р изо всех сил старался не таращиться на нее; он умудрился справиться с собой, лишь поглядывая на нее уголком глаза, когда набирал номер. Если она отправляется в Стекло́нную Гору, это значит, что она...

Она снова улыбнулась.

— А ты проницательный мальчик, мастер Бедеве́р, — произнесла она. — Ты угадал верно. Только я там не по праву, а лишь благодаря замужеству, так сказать.

Последний кусок встал на свое место в головоломке, сложившейся из обрывков памяти. Ну разумеется, доктор Магус и Матрона уволились в один год. Все их прогулки...

— Кстати, как поживает доктор Магус? — спросил он как можно небрежнее.

— Симон? — расцвела Матрона. — Очень хорошо, спасибо — по крайней мере, у него было все в порядке, когда мы виделись в последний раз. С тех пор прошло некоторое время, разумеется, но я не думаю, что он это заметил. Он, конечно, блестящий ученый, но несколько рассеян. Полагаю, когда я вернусь домой, застаю в раковине пятнадцативековые залежи невымытой посуды. Я передам ему, что ты справлялся о нем; он всегда говорил, что у тебя гораздо более светлая голова, чем можно сказать на первый взгляд.

Бедевер собирался было что-то сказать, но тут ему пришло в голову, что судя по тому, что он слышал, время в Стекло́нной Горе течет как-то по-другому¹. «Совсем как в жизни, — он вспомнил, что кто-то говорил ему это, — ты выносишь оттуда только то, что готов принести туда». По крайней мере, это звучало как-то так.

— Тронулись, — сказал он. — Держитесь крепче...
Пересылка...

6

В конюшнях Шлосс Вайнахтс северные олени били копытами.

Поскольку потребность графа в транспорте резко превышает общепринятые нормы, конюшни занимают вдвое большую площадь, чем остальная часть замка; а остальная часть замка имеет площадь гораздо большую, чем, скажем, Тоскана.

¹ Лучший способ представить себе, как течет время в Стекло́нной Горе — это провести аналогию с почтой первого и второго класса. И та, и другая в конце концов приходит в одно и то же место; но в то время как одна обычно доставляется в течение двадцати четырех часов, другая может идти гораздо дольше, имеет гораздо большую склонность теряться по дороге и почему-то всегда доставляется к месту назначения помятой, подмоченной, вкрут истыканной печатами и через Престон.

Здесь есть спортивные олени; прогулочные олени; олени с отдельным приводом на каждую ногу; олени с турбонаддувом, с шестью желудками и крайне антисоциальной пищеварительной системой; олени с красными полосами по бокам, зрительно увеличивающими ощущение скорости; и даже несколько оленей со стикерами «Мой любимый олень — Лапландский Красный» на крестце. А еще здесь есть Радульф.

Радульф и граф восходят к давним временам — к тем временам, когда он начинал как финно-угорское божество бури, ответственное за наказание клятвопреступников и хранение душ мертвых. Эти двое видали немало славных деньков, когда они носились, завывая, по зимним небесам, свирепый ветер путался у них в волосах, а мир пластался под ними, как вывернутая тарелка с завтраком. Тогда их, разумеется, звали не Клаус и Радульф: их звали Один и Слейпнир — и были еще другие имена, которые народная память была только рада забыть. Вся эта чепуха с красными балахонами и колокольчиками на санях имеет сравнительно недавнее происхождение, это результат одной из величайших путаниц в истории религий.

Радульф нынче почти полностью отошел от дел и только раз в год поднимается в небо. Он ненавидит американизированную форму своего имени, а песня и поздравительные открытки вызывают у него тошноту. Небольшое изменение окраски его носа (сам он, кстати, предпочитает называть его мордой) — это почетная рана, красный нос доблести; это воспоминание о десяти отчаянных минутах, проведенных лицом к лицу с Великим Белым Медведем, в те времена, когда мир был молод, жесток и в нем не было столько чертова слюнтяйства.

Но покончил он только с полетами; на земле у него забот полон рот — куча всевозможных дел, которые необходимо переделать, в соответствии с условиями Великого Проклятия. Все эти каталоги игрушек, которые необходимо пролистать, формы заказов, которые нужно заполнить, посылки, которые нужно проверить; и горы и горы листочков с заявками, которые надо просмотреть и рассортировать, в то время как все новые заказы сыплются водопадами от каждой семьи в мире. И последнее, но ни в коей мере не самое легкое, — подготовка к ежегодному Рейду: спланировать маршрут, изучить планировку

зданий, изобрести способы проникновения в дома, где нет каминов, в перестроенные ветряные мельницы и многоэтажки.

— Радульф!

Девичий голос, раскатывающийся театральным эхом в гулком пространстве конюшни. Старый олень поднял морду, снял с носа очки и тихо промычал. Он знал, что граф не одобряет, когда графиня спускается в конюшни. «Это небезопасно для такой молоденькой девушки», — говорит он, и он прав. Среди оленей есть чистокровки, дикие и необузданные, с рогами как пневматические дрели и соответствующим характером; а графиня действительно молода и наивна. Она носит им куски сахара в кармане платья. Крайне неблагоразумно.

— Радульф, тебя к телефону! — кричала она. Похоже, голос доносится откуда-то со стороны рысаков. Радульф обеспокоенно дернул левым ухом. Если она вздумает скормить кусочек сахара кому-нибудь из этих высокооктановых монстров, это может кончиться взрывом.

Он громко промычал ей оставаться на месте и никого не кормить, вскочил на ноги и молча зацокал вдоль рядов стойл. Он знал конюшни лучше, чем какой-нибудь таксист знает Бейуотер; должен был узнать за все эти годы.

— Радульф, вот ты где! — графиня вручила ему переносной телефон. — Это папа. Он говорит, что это срочно.

Радульф кивнул, и тусклый свет светильников, прикрепленных высоко под стропилами, блеснул на фольге, обернутой вокруг его рогов. Он поднес трубку к уху и промычал в нее.

— Му-у. Му-у. Му-у. Му-у? Му-у?! Му... — Радульф еще пару раз качнул рогами и повесил трубку. — Му-у, — объяснил он.

— Ох, боже мой, — произнесла графиня. — Полагаю, в таком случае нам лучше вернуться в дом.

— М-м.

— Думаю, ему понадобится много горячей воды и бинтов.

— М-м.

Они покинули конюшни, щелкая по дороге выключателями. Некоторое время в огромном здании царила тишина — не считая, разумеется, шарканья бесчисленных копыт и тихого ржания оленят.

Затем на сеновале №2 раздался голос.

— Ты уверен, что это то место? — произнес он.

Послышался звук втягиваемого сквозь зубы воздуха и тихий щелчок: кто-то включил фонарик.

— Помолчи, Галли. Я хочу подумать.

— Как тебе угодно.

Сидя на сеновале, Боамунд с различных позиций обдумывал положение; по крайней мере, пытался. Что-то — он не имел ни малейшего понятия, что именно, — постоянно мешало ему. Его соратник, Галахад Высокий Принц, с радостью отказался от любого участия в принятии решений еще на ранней стадии и был занят наведением глянца на свои ногти. Ноготь-на-Ноге чистил ботинки.

— Кто это был? — внезапно спросил Боамунд. Галахад пожал плечами, и отвечать пришлось Ногтю.

— Похоже, что-то вроде чертовски огромного северного оленя, босс, — сказал он. — Еще и ручного, судя по виду.

— Спасибо, ты очень мне помог, — произнес Боамунд, надеясь, что это прозвучало достаточно иронично. — Вообще-то, я имел в виду...

— Удивительно, как можно выдрессировать животных, — продолжал Ноготь. — У меня есть кузина, она работает в цирке, так она говорила мне как-то, что их львы...

— Ноготь!

— Прошу прощения.

Боамунд оперся подбородком на ладони, сложенные чашечкой.

— Я имел в виду эту девушку, — сказал он. — Сдается мне, ни о какой девушке разговора не было...

Ноготь напомнил, что они слышали, как она говорила о ком-то, по всей видимости о графе, называя его папой, и высказал предположение, что она может быть его дочерью.

— Что за глупости, Ноготь, — отвечал Боамунд. — Кто и когда слышал, чтобы у графа фон Вайнахта была дочь?

— А кто и когда вообще слышал о графе фон Вайнахте? — парировал Ноготь.

Боамунд прищелкнул языком.

— Не под этим именем, конечно, но... Черт побери, а ведь пожалуй, ты прав! Это он. Ну, ты знаешь... — он потер живот и произнес: — «Хо-хо-хо!» — голосом, исполненным дебильного веселья.

Ноготь тактично улыбнулся.

— Да, я тоже догадался, — сказал он. — Я только хотел сказать, что все это, — он повел руками, охватывая пространство вокруг, — не очень-то сочетается с тем, что можно было бы назвать его публичным имиджем. Я имею в виду, — продолжал он с горечью в голосе, — вся эта колючая проволока, собаки, прожекторы, мины, ров с пираньями...

Он печально взглянул на свои ботинки: их носки были изгрызены в лохмотья. Боамунд кивнул.

— Кажется, я понимаю, к чему ты клонишь, — произнес он. — Ты хочешь сказать, что он на самом деле не тот, кем нам кажется.

— Вот именно, — с облегчением сказал Ноготь. — Человек и образ. Похоже, мы совершенно ничего не знаем о настоящем Санта-...

Боамунд быстро закрыл ему рот ладонью и прошипел:

— Не здесь, придурок. Не думаю, что здесь стоит произносить его имя.

— Почему бы и нет? — пробурчал Ноготь сквозь Боамундовы пальцы.

— Не знаю, — отвечал Боамунд. — Просто у меня такое чувство, понятно?

— Ну хорошо, тогда о настоящем графе фон Вайнахте, — согласился Ноготь. — Я только хотел сказать, что у того, который с мешком и на санях с колокольчиками, разумеется, нет дочери; но в то же время я никогда не видел рождественской открытки, на которой были бы нарисованы разрывающиеся мины и атакующие овчарки. Понимаешь?

Галахад зевнул.

— Ты имеешь в виду, — внезапно вмешался он, — что нам не следует руководствоваться предвзятыми мнениями?

Двое остальных посмотрели на него.

— Оставить стереотипное восприятие действующих лиц, — пояснил тот. — Увидеть настоящего человека позади созданного им образа. Это вполне ясно.

В семьдесят третий раз с тех пор, как они пустились в путь, Ноготь взглянул на хозяина, как бы спрашивая: «Зачем было брать его с собой?» Боамунд пожал плечами и скроил безнадежную гримасу. Галахад, со своей стороны, был уже снова поглощен своими ногтями, которые грозили начать расслаиваться.

— Итак, — продолжал Боамунд, — ты считаешь, что эта девушка была его дочь?

— Вполне возможно.

— Допустим.

Боамунд опять опустил подбородок на сложенные ладони и некоторое время сидел совершенно неподвижно. «Если бы это был комикс, — подумал Ноготь, — у него над головой был бы большой пузырь с надписью «Думает».

— В любом случае, — произнес наконец Боамунд, — полагаю, нам пора приниматься за то дело, ради которого мы сюда пришли. Итак... — он кивнул сам себе и решительно хлопнул кулаком по ладони. Ноготь решил, что Боамунд мог бы добиться немалого успеха в немом кинематографе.

Он молча ждал продолжения.

— Итак, — сказал Боамунд, — сначала — первоочередные задачи, так? Нам надо... — он задумчиво покусал губу. — Что, если мы...

Карлик выжидающе смотрел на него. «Если его голову сейчас просветить рентгеном, — сказал он себе, — на снимке не окажется ровным счетом ничего».

— Прошу прощения, что прерываю, — произнес наконец Ноготь, — но если мне будет позволено вмешаться...

Боамунд, выражая демократическое отношение к своему положению командующего, ответил кивком. Ноготь поблагодарил его.

— Вот что я подумал, — сказал он. — Наша задача состоит в том, чтобы пробраться в сам замок, не так ли?

— Совершенно верно.

— Это, конечно, совершенно не мое дело, — продолжал он, — но не кажется ли тебе, что самой большой проблемой здесь является пройти через ворота?

Ворота. Разумеется, они их уже видели. При взгляде на них голова начинала кружиться еще за полмили.

Две башни по бокам напоминали черные каменные иглы, вонзающиеся высоко в небо, а сами ворота вздымались неприступным утесом из обитого гвоздями черного дуба.

— Непростая штучка, верно, — согласился Боамунд. — Вообще-то я думал, не стоит ли нам плюнуть на ворота и попробовать вместо этого забраться на стену?

Ноготь не мог не содрогнуться. Стена была по меньшей мере восьмидесяти метров в высоту и сделана из полированного черного мрамора. Он решил, что пожалуй, лучше будет попытаться отвлечь мысли босса от этой идеи.

— Замечательная мысль, — сказал он. — Об этом я даже не подумал. Да, это, пожалуй, даже лучше, чем то, что было у меня на уме.

Боамунд приподнял брови, выказывая готовность выслушать любые предложения, сколь бы наивными они ни были.

— А ты о чем думал? — спросил он.

— О, это было просто... Да нет, это глупо.

— Выкладывай.

— Я подумал, — сказал Ноготь, — что мы можем притвориться почтальонами.

Лицо Боамунда помрачнело.

— Почтальонами, — произнес он.

— Вот именно, — подтвердил Ноготь. Он выждал надлежащую психологическую паузу и продолжал: — Разве ты не заметил почтового ящика?

— Почтового ящика?

— На воротах, — простодушно сказал Ноготь. — Нет, нет, не на главных воротах, разумеется. На тех небольших боковых воротах, мимо которых мы проходили, когда пытались найти подходящее место для переправы через ров.

— А-а, — протянул Боамунд. — На боковых воротах!

— Ну да, — легко продолжал Ноготь. — Ну, ты же помнишь. Я все пытался показать их тебе, а ты говорил мне, чтобы я заткнулся, так что я решил, что ты, должно быть, заметил их сам. Так вот, на этих воротах висел почтовый ящик, так что мне пришлось в голову...

— Ну разумеется, — сказал Боамунд. — Я все жду, когда же ты наконец доберешься...

— Конечно, — продолжал карлик, — меня прежде всего озадачило, каким образом почтальон добирается до почтового ящика, — там ведь ров, и пираньи, и все такое. Мне было над чем подумать, уверяю тебя.

— Не сомневаюсь!

— Но потом я увидел то, что, без сомнения, увидел и ты.

— Ага.

— Лодку, — великодушно объяснил Ноготь, — лодку, привязанную под плакучей ивой. Конечно, тебе, с твоим натренированным взглядом, она сразу бросилась в глаза.

Боамунд попытался изобразить самодовольство.

— И тогда я задумался: почему же он заставил нас плыть через ров на этом чертовом бревне, если в нашем распоряжении была вполне пригодная лодка с веслами? Я не очень-то быстро соображаю, не правда ли?

— Ну, не знаю, — слабым голосом проговорил Боамунд. — Для таких вещей нужен особый склад ума, мне всегда так казалось.

— Как бы то ни было, — сказал Ноготь, — до меня дошло только когда мы уже перебрались через ров и были в этом сарае, и я накладывал пластырь на те места, где пираньи...

— Хмм...

— Только тогда, — продолжал карлик, — я понял. Ну конечно, сказал я себе, мы не могли взять лодку, иначе молочник не нашел бы ее под деревом и поднял бы шум, и...

— Ага, — сказал Боамунд. — А просто ради любопытства, что натолкнуло тебя на мысль, что есть еще и молочник?

— То же, что и тебя, я полагаю, — коварно ответил Ноготь.

— Молодец!

— Я имею в виду пустые молочные бутылки, которые стояли за боковыми воротами.

— Замечательно, — сказал Боамунд, рассмеявшись. — Когда-нибудь я сделаю тебя генералом, ей-богу!

— Благодарю, — отвечал Ноготь. — Как, должно быть, чудесно думать о вещах так, как ты.

— Это у меня от природы.

— Так вот, — продолжал Ноготь, — моя идея заключалась в том, чтобы подождать утра, когда обычно приходит почтальон, — это должно быть уже после того, как придет и уйдет молочник, разумеется, — а потом один из нас постучит в дверь, как будто принес посылку...

— Или заказное письмо, — возбужденно прервал Боамунд.

— Да, так будет даже лучше, — решительно кивнул Ноготь. — А потом, когда кто-нибудь подойдет и откроет дверь,

мы ударим его по голове и войдем внутрь, — он немного помолчал. — Но это, конечно, довольно глупая идея.

— Ну, я не знаю... — медленно произнес Боамунд. — То есть, если подумать...

— Ты вроде бы говорил что-то насчет стены.

— О, я просто думал вслух, — отвечал Боамунд. — Надо рассмотреть все возможности, ты же понимаешь. Честно говоря, я как раз сам подходил к варианту с почтальоном. Довольно неплохо, мне кажется.

— Одна из твоих лучших идей?

— Ну, это не так сложно, — скромно проговорил Боамунд. — Как ты думаешь?

Ноготь улыбнулся.

— Как это только у тебя получается, босс! — воскликнул он.

Сани со свистом рассекали ночное небо; дребезжание колокольчиков тонуло в вое ветра.

Клаус фон Вайнахт, перегнувшись через поручень, чтобы уменьшить коэффициент торможения, всматривался в летящий снег, пытаясь разглядеть очертания своей твердыни. Стрелка компаса на приборной доске прекратила свое бешеное вращение и застыла, как приклеенная.

Почти дома. Прекрасно.

Он еще раз просчитал в уме время. Если допустить, что они все вышли из Замка Грааля одновременно, то, даже принимая во внимание паковый лед в Нарском проливе и лобовой ветер над Пермией, у него остается еще два или три дня до того, как они могут подойти. Времени полно. Он хрипло рассмеялся.

Северные олени, гремя копытами, неслись над облаками.

— Готовы?

Ноготь, укрывшийся в кустах, кивнул; Галахад зевнул и начал обдирать кору с ветки, которую они выбрали в качестве дубинки. Боамунд набрал в грудь воздуха и постучал в ворота.

— Повторим еще разок, — прошипел он. — Привратник открывает; я отвлекаю внимание. Галахад, ты бьешь его по голове. Ноготь...

Тяжелый засов загремел, отодвигаясь, и ворота распахнулись.

— Привет.

Галахад покрепче сжал дубинку и двинулся вперед. Потом он остановился.

— Э-э... здравствуйте, — проговорил Боамунд. Он весьма заметно порозовел.

— Вам что-нибудь нужно? — приветливо спросила девушка.

Секунды четыре Боамунд просто стоял на месте, распространяя розовое свечение. Затем на его лице появилась идиотская улыбка.

— Почта, — сказал он.

— О, прекрасно! — сказала девушка. — Надеюсь, там что-нибудь хорошее. Только не эти ужасные счета! Папа всегда так выходит из себя, когда приносят счета!

Ноготь спрятал лицо в ладонях. Хуже всего было то, что ничего нельзя было сделать.

— Письмо, — прожурчал Боамунд. — Заказное. Вам надо расписаться...

— Как замечательно! — воскликнула девушка. — Интересно, от кого бы это?

Последовал момент совершенного равновесия; а затем до Боамунда дошло, что у него нет при себе ничего, что хотя бы отдаленно напоминало заказное письмо.

Ноготь должен был признать, что в сложившейся ситуации рыцарь действовал на удивление неплохо. Разыграв убедительную пантомиму, с похлопыванием себя по всем карманам и рытьем в своей заплечной сумке, он наконец произнес:

— Проклятье, кажется, я оставил его в фургоне!

«Что ж, могло быть и хуже», — сказал себе карлик.

— Ничего, — сказала девушка. — Я подожду вас здесь.

Впоследствии, вспоминая этот эпизод, Ноготь осознал, что на ее лице тоже было довольно странное выражение. В тот момент, однако, он приписал его абсолютному отсутствию мозгов.

— Прекрасно, — сказал Боамунд, не двигаясь с места. — Тогда я пойду и... э-э... принесу его, хорошо?

— Отлично.

Несколько мгновений они стояли, воззрившись друг на друга. Потом Боамунд начал медленно пятиться назад. Прямо в кусты.

— Осторожно! — воскликнула девушка, но было уже поздно. — О боже, надеюсь, вы не ушиблись?

Ноготь, который приложил немало усилий, чтобы подстраховать его падение, мог бы подтвердить, что он не ушибся. Но этот идиот продолжал лежать, распростершись на земле. И было только естественно, что девушка подошла взглянуть...

— О! — произнесла она.

Боамунд слабо улыбнулся. Галахад помахал ей рукой и попытался спрятать за спиной дубинку.

— Честно говоря, — сказал Боамунд, прерывая молчание, грозившее затянуться навечно, — мы совсем не почтальоны.

— Вы... не почтальоны?

«Бог мой, — подумал карлик, — и я думал, что это он здесь идиот!» Он поерзал, пытаясь убрать поясницу с самых острых корней.

— Нет, — сказал Боамунд, — это была хитрость.

— Правда?

— На самом деле мы...

— Рыцари, — прервал его Галахад. — Рыцари Святого Грааля. К вашим услугам, — добавил он.

Боамунд окинул его подозрительным взглядом.

— Рыцари! — воскликнула девушка. — О, это потрясающе!

«Черт с ним, — сказал себе карлик, — ситуация уже не станет хуже, хуже уже просто некуда». Отчаянно извернувшись, он высвободился из-под Боамунда, стряхнул с себя листья и палочки и подергал хозяина за рукав.

— Босс, — сказал он.

Боамунд оглянулся.

— Что?

— План, босс. Ты не забыл?

— Отстань, Ноготь.

Карлики, разумеется, не могут не подчиниться прямому приказу. Он пожал плечами и тихо удалился под сень побитого ветром тернового куста; там он сел, скрестил ноги и насупил.

Глаза девушки сияли.

— Это невероятно, — промолвила она. — А что вы делаете здесь? Или это секрет?

— Мы... — небольшая искорка здравого смысла проскользнула в Боамундовы мозги. — Это секрет, — сказал он. — У нас квест, — добавил он.

— Да что вы!

— И вы не должны никому говорить об этом.

— Не скажу.

— Обещаете?

— Обещаю.

Последовала долгая пауза: девушка смотрела на Боамунда, Боамунд и Галахад смотрели на девушку, а Ноготь штопал носок. Это могло бы продолжаться вечно, если бы молчание не было прервано звуком хлопнувшей двери.

Девушка испуганно взвизгнула и обернулась. Створку ворот захлопнуло ветром.

— Ах, боже мой! — вскричала она. — А я опять забыла ключи!

Ноготь прикрыл глаза и вполголоса начал считать: «Один, два...»

— Не беспокойтесь, прекрасная дева, — сказал Боамунд. — Мы в два счета вернем вас обратно, правда, Галли?

(«...три, — сказал Ноготь, открыл глаза и снова занялся носком.»)

— Разумеется, — сказал Галахад. — Без проблем.

Ноготь устало поднялся на ноги, аккуратно отложил носок в сторону и подошел к ним. Он не торопился. Зачем спешить? Какой смысл?

— Вам теперь, наверное, понадобится веревка, — сказал он.

Глаза Боамунда не отрывались от девушки.

— Веревка? — переспросил он.

— Веревка, которую я, к счастью, положил в свой вещмешок, — покорно продолжал Ноготь. — И — боже мой, а это что? Смотрите-ка, это же крюк и кошки! Вот и говорите после этого о совпадениях!

Боамунд кивнул с воодушевлением охотящегося трупа.

— Прекрасно, — сказал он, — это не отнимет у нас и пары минут. Вот, смотрите, мы берем крюк вот так, прово-

дим бечевку *позади* крюка, чтобы она не запуталась, а потом раскачиваем крюк — раз, два, три, и...

Крюк взмыл в воздух, на мгновение завис подобно странному стальному ястребу — и обрушился в точности на то место, где стояла бы девушка, если бы Галахад не оттащил ее.

— Идиот! — заорал Галахад. — Дай мне крюк!

— Не дам.

Началась драка. Рыцари полетели на землю и стали кататься, таская друг дружку за волосы. Ноготь закончил один носок и принялся за другой.

Наконец Галахад завладел крюком, поднялся на ноги и отряхнулся.

— Вот как это делается, — произнес он. — Смотрите.

Он кинул крюк, и высоко над их головами сталь тихо звякнула о камень. Ноготь с изумлением воззрился на него.

— Надо же, — выговорил он.

По прошествии недолгого времени ворота были открыты, и все четверо вошли внутрь. Но они, однако, не прошли незамеченными. Зеленый огонек на главном охранном мониторе в стойле Радульфа зловеще замигал. Старый олень нахмурился, взгляделся в экран и затряс головой так, что фольга на его рогах закачалась.

А потом он нажал кнопку тревоги.

— Передай мне соль.

— Что?

— Я сказал: передай мне соль, будь так добр.

— Пожалуйста. Прошу прощения, я задумался.

Аристотель пожал плечами, посолил свою селедку и снова углубился в спортивный раздел. Есть разница, он всегда это говорил, между тем, чтобы чувствовать себя не лучшим образом по утрам (к чему он относился с пониманием) и тем, чтобы спать на ходу. Его настроение ничуть не улучшилось, когда он прочел, что Австралия проиграла «Всем Черным» со счетом тридцать семь к трем.

— Ну естественно! — воскликнул он.

Симон Маг, сидевший по левую руку от него, поднял голову от письма, которое читал, и переспросил:

— Что?

— А?

— Ты сказал, что что-то естественно.

— А-а, — Аристотель сложил газету. — Проклятые новозелы опять поплясали на наших костях, только и всего. Наши не стоят и выеденного яйца с тех пор, как приняли в команду этого идиота Вестерманна.

Симон Маг посмотрел на своего соседа поверх очков.

— Под «нашими», я полагаю, ты подразумеваешь австралийцев, — сказал он. — Никогда не думал, что ты родом из тех краев, Ари.

— Разумеется, нет, — холодно отвечал Аристотель. — Как философ, я стою выше национализма. С другой стороны, я придерживаюсь логики. Нет смысла интересоваться регби, если не болеешь за какую-то определенную команду. И с чисто рациональных позиций я выбрал австралийцев.

Симон Маг усмехнулся.

— Я как-то тоже сделал это. Они проиграли пять к одному. Больше не буду.

Аристотель мрачно взглянул на него поверх своего великолепного носа и потянулся за тостом.

— Я не могу понять, зачем тебе вообще интересоваться спортом, — продолжал Симон Маг. — По моему мнению, это совершенно напрасная трата времени — смотреть, как куча идиотов бегают толпой, охотясь за мячом. Когда я работал учителем, нам по очереди приходилось судить. Как я ненавидел это!

— Ты не философ. Если человек хочет постигнуть философию, он должен воспитывать в себе понимание. Я изучаю людей. Люди сходят с ума по спорту. Следовательно, если я хочу понимать людей, я должен изучать спорт. Как видишь, чисто научный подход.

— Он не был таким уж научным пару месяцев назад, — ухмыльнулся Симон Маг, — когда из-за тебя в общей комнате целыми днями был включен ящик, потому что передавали Уимблдон. Мне отдаленно помнится, как ты, стоя на столе, размахивал над головой здоровенным флагом и скандировал «Никто, кроме Бориса Бекера» каждый раз, когда его противник спотыкался. Это было довольно странно видеть.

— Исследование, — пробормотал Аристотель с полным ртом. — Это было просто исследование, только и всего.

— А помнишь, как, когда закончился Кубок Мира, ты слепил из воска здоровенную статую, назвал ее Марадоной и швырял в нее посуду? На стене до сих пор остались отметины.

— Надо же пытаться постигнуть дух...

— Дух, конечно, дело святое, — согласился Симон Маг, — но зачем же было швырять кирпичи в окно кабинета Данте только потому, что он болеет за Италию?

У Аристотеля на скулах проступили маленькие красные пятнышки.

— Это *был* офсайд, — рывкнул он. — У меня есть видеозапись, можешь сам посмотреть. А Данте, с его... с его *инфернальным* упрямством утверждает, что...

Симон Маг захихикал.

— Знаешь, что я тебе скажу, — проговорил он, — ты действительно сумел постигнуть дух этого дела. Хочешь еще кофе?

Аристотель, оскорбленный, отмахнулся от кофейника и опять вернулся к своей газете. Все еще посмеиваясь, Симон Маг откинулся на спинку кресла и окликнул маленького высохшего человечка, сидевшего по другую руку от Аристотеля:

— Мерлин! Еще кофе?

— Что?

— Не хочешь ли еще кофе?

— Прошу прощения, я задумался. Нет, мне не надо больше кофе, благодарю. Двух чашек было вполне достаточно.

Симон Маг кивнул и обратился к своему письму. К этому моменту он уже прочел его семь раз, но оно его нисколько не утомило, отнюдь.

...такой очаровательный молодой человек — разве что немного склонен к горячности. Сэр Бедевер тоже хотел напомнить тебе о своем существовании. Ты всегда так хорошо отзывался о нем!

А теперь я должна заканчивать, дорогой, и надеюсь, что пройдет немного времени, прежде чем мы снова будем вместе. Люблю тебя, и не забывай одеваться потеплее!

Всегда твоя, *Машо*.

P.S. Совсем забыла. Когда мы разговаривали, Бедever случайно упомянул, что видел в Атлантиде графа фон Вайнахта! Представляешь, какое совпадение! Интересно, как поживает нынче бедняжка граф. Говорят, что в наши дни научились творить чудеса со всеми этими лекарствами и пиявками, но возможно, ему уже ничто не поможет.

Когда он читал последний параграф, брови Симона Мага слегка сдвинулись. Возможно, это действительно было только совпадение, но возможно, что и нет.

Он поднял голову и взглянул в окно — что не составило труда, поскольку и стены, и полы, и потолки в Стеклоанной Горе были в какой-то степени окнами. Далеко внизу видна была Земля, грациозно и с очевидностью бессмысленно поворачивающаяся на своей оси, как зачарованная и чрезвычайно стойкая балерина. Он посмотрел на часы. Прошло еще всего лишь два часа...

Чтобы как-то совладать с нетерпением, Симон Маг обратился мыслями к графу фон Вайнахту. Печальный случай, разумеется; впрочем, его можно понять, вполне можно. На его месте любой скорее всего реагировал бы точно так же. И светлая голова к тому же — до того, как все это случилось; хотя и в те времена люди поговаривали о нем весьма странные вещи.

Прислужник убрал его тарелку, и он какое-то время сидел неподвижно, позволив своему уму расслабиться. Приятно узнать, что юный Бедever наконец-то сделал что-то самостоятельно. Симон всегда считал его многообещающим юношей; ему необходим был лишь удобный случай, чтобы развернуться. Нет, это не совсем верно: ему необходима была такая ситуация, в которой он был бы вынужден взять на себя ответственность и проследить, чтобы работа была выполнена. Без такого небольшого давления он мог никогда ничего не достичь. Что ж, хорошо.

Он отодвинул кресло от стола, приветливо кивнул Нострадамусу и Дио Хризостому и прошел в библиотеку в поисках последнего номера «Ежемесячника Филателиста». Но вместо этого он внезапно остановился в астротеологическом отделе и снял с полки здоровенный, ужасно пыльный том, который явно никто не тревожил очень давно.

Симон Маг подвинул себе кресло, сел, скрестив ноги, и принялся читать.

Клаус фон Вайнахт стоял в снегу на коленях и выл, задрав голову к небесам.

В пятистах двадцати милях к северу от Нордостландет, посреди бесплоднейшего, дичайшего, негостеприимнейшего из всех пустынных мест на земле — это не то место, где стоит ломаться. Ближайшая телефонная будка находится в Хаммерфесте, в пятистах милях позади; к тому же она почти постоянно не работает. Между прочим, шансы вызвать ремонтную бригаду в такую даль, да еще в воскресенье, практически равны нулю.

Излив некоторую долю своей ярости воющему ветру, фон Вайнахт залез в ящик с инструментами, достал оттуда зубило, гаечный ключ и большой молоток и склонился над сломанным полозом.

— Проклятая — сволочная — дальше — восточная — дешевка! — рычал он в такт ударам. — Охх! — добавил он. Он опустил молоток, пососал пульсирующий палец и попытался успокоиться. «Ну-ну, Клаус, — услышал он голос своей мамы, — ты ничему не поможешь, если будешь выходить из себя».

Он взял гаечный ключ и принялся за работу. Больше он никому не позволит уговорить себя купить вонючие японские сани. Они понятия не имеют о настоящей работе; все эти их поделки — просто кучка старых ворованных приемов. Так работают в пятницу вечером. Гнев вновь вскипел в его душе, и он оборвал постройку.

— Черт! — проревел он, обратившись к плоскому горизонту. Швырнув гаечный ключ на землю, он принялся топтать его ногами.

Вечная мерзлота, возможно, довольно твердая вещь, но всему есть пределы. Раздался треск, словно разверзлась земная кора, и граф едва успел отскочить, чтобы не свалиться в образовавшуюся расселину. Ключ, однако, был потерян навсегда.

— Так, — произнес граф. — Сейчас мы будем совершенно спокойны, спокойны как мамонты в мерзлоте, хоро-

шо? — он вернулся к ящику с инструментами, нашел запасной ключ и возобновил работу.

У него болело все. Если ему только попадется этот треклятый ублюдочный рыцарь — как там звали этого мерзавца? Турок — не турок... Да любой треклятый рыцарь, если на то пошло! Эти рыцари все один к одному. Сборище подонков. Сам не отдавая себе отчета, он подхватил молоток и принялся яростно плющить масленку.

Через час он ухитрился переломать все свои инструменты, расколошматить сани, превратив их в грудку бесполезного хлама, и напугать пятнадцать высокомошных оленей типа «Испытатель» до состояния оцепенелого транса. Наконец он отшвырнул молоток, рухнул на землю и принялся молотить по льду кулаками.

Затем он поднялся и вытащил из седельной сумки переносную рацию.

— Радульф! — проорал он. — Бери пеленг!

— Черт возьми!

— Да, мисс, — автоматически отвечал Ноготь. Его голова поворачивалась из стороны в сторону, выискивая безопасное место. Оптимизм — еще одна черта характера карликов.

— Что это за странный звон? — поинтересовался Галахад.

— Тревога, — отвечала девушка. — Как вы думаете, может, кто-то пробрался в замок? — Она слегка вздрогнула.

«Блестяще, — сказал себе Ноготь. — Мало мне двух идиотов, теперь, похоже, придется присматривать еще и за третьей. Что ж, может быть, еще, пока я здесь? Давайте сюда своих идиотов!»

Он пихнул Боамунда в бок:

— Босс, ты не думаешь, что нам стоит, э-э, куда-нибудь убраться? А то, знаешь...

Боамунд с минуту смотрел на него бессмысленным взором.

— Что? — произнес он. — А-а, да, я понимаю, что ты хочешь сказать. Да, хорошая мысль, — он не двигался с места. Фактически, заметил карлик, они втроем на удивление напоминали ножки трехногого столика.

Наконец, девушка прервала зачарованное молчание.

— Ох, прошу меня простить! — сказала она. — Я совершенно забыла о правилах хорошего тона. Не хочет ли кто-нибудь из вас выпить чаю?

Ранняя история Грааля окружена легендами, большая часть которых была выпущена в свет отделом по связям с общественностью группы «Лионесс» примерно в десятом веке, с целью спровоцировать наплыв запросов о возвращении вкладов в византийские долгосрочные акции государственного займа.

Когда византийские императоры начали встречаться с финансовыми затруднениями, они принялись добывать деньги, закладывая священные реликвии — Терновый Венец, Истинный Крест, лодыжку св. Афанасия и так далее. Хроники Империи того времени напоминают не столько историю, сколько учетную книгу в ломбарде.

Ценность этих реликвий определялась рынком, который, в свою очередь, зависел от поставок и запросов. Однако, имперская коллекция святых кусочков и лоскутков была столь полной, что она составляла почти весь набор. Не хватало лишь одного наименования; но эта реликвия была весьма ценной. Пока ситуация с ней не была определена, рынок не мог обрести окончательную устойчивость из-за опасности ее внезапного возникновения и последующей суматохи.

Само собой разумеется, с точки зрения рыночных запросов это положение вещей необходимо было поддерживать любыми силами, если они хотели, чтобы у них была какая-то надежда контролировать рынок. А для того, чтобы Грааль продолжал оставаться утерянным, вполне разумно с их стороны было постараться найти его самим, и как можно скорее. После этого они смогли бы устроить так, чтобы он оказался утерян окончательно и навсегда.

Результатом вышесказанного был мощный выброс рыцарской энергии, который смел Христианство с лица земли, сыграв основную роль в падении Альбиона. Атлантида, в свою очередь, действительно нашла Грааль и перепотеряла его столь основательно, что с тех пор он так и не был найден. На всякий случай, однако, Главный Управляющий Атлантиды сделал секретную запись о его местонахожде-

нии, каковую запись затем спрятал в надежном месте — а именно в библиотеке Гластонберийского Аббатства.

Однако после Роспуска Монастырей библиотека разошлась по рукам, и некий манускрипт оказался во владении человека по имени Гэбриел Таунсенд, книгопродавца в Стратфорде-на-Эйвоне. Когда Таунсенд попал в долги и его лавка распродалась бейлифами, один из горожан, некто Джон Шекспир, привлеченный изображением обнаженных ангелов на форзаце, купил его. Чтобы листок с ангелами не обнаружила его жена, он обернул его вокруг маятника напольных часов.

Где, разумеется, он и оставался по сей день.

«Им-то что, — бормотал про себя Ноготь. — Они сколько угодно могут сидеть здесь, набивая себе брюхо бейквелловским тортом и песочным печеньем, поскольку лишены воображения. Они не могут себе представить, что произойдет, если их поймают».

Он скрипнул зубами и вернулся к своей работе, которая заключалась в пришивании пуговицы к галахадовой пижаме.

— Вы уверены, что не хотите еще печенья? — спрашивала девица. — Берите еще, у меня его много.

Боамунд, съевший уже три куса торта, семь пирожных и ячменную лепешку и запивший все это четырьмя чашками чая, вежливо покачал головой и бессознательно потянулся за большим ломтем холодной говядины. Галахад, пищеварение которого могло поспорить с бетономешалкой, положил в рот конфету с кокосовой стружкой.

Девушка пыталась придумать тему для разговора. В ее мечтах, разумеется, все было гораздо проще; так всегда бывает с мечтами. Всю свою жизнь она знала, что придет день — и симпатичный молодой рыцарь заглянет в этот мрачный старый замок по пути куда-то, и папы случайно не окажется дома, и она предложит рыцарю выпить чаю, и они станут разговаривать... Она настояла на том, чтобы эта комната была превращена из второстепенного склада лампового масла в милую маленькую гостиную с розовыми расшитыми цветами занавесками и подушками с оборками. Она проводила часы — тысячи часов — у плиты и в погребках, чтобы, когда момент наступит, у нее не было недостатка в закусках. Она подумала обо

всем — кроме, разумеется, того, что она будет говорить. Она почему-то полагала, что это придет как-нибудь само.

— Должно быть, это совершенно чудесно, — проговорила она, — странствовать в поисках приключений.

— О, в этом нет ничего чудесного, — лениво отвечал Галахад, откидываясь на спинку стула в надежде, что свет из бойницы выгодно подчеркнет его профиль. — В основном это нудная и тяжелая работа. Сутками не вылезает из седла, в любую погоду, ночи спишь под тентом или просто под одеялом, а дождь поливает сверху...

Ноготь фыркнул, но его никто не услышал. Спроси девушка его, он мог бы рассказать ей, что Высокий Принц отказывается ночевать где-либо, если ему не будут обеспечены по крайней мере две звездочки и окна на юг, и всегда настаивает на отдельной ванной комнате. А какой шум он поднимает, если оказывается, что белье не высушено как следует...

Девушка восторженно кивнула. Она никак не могла решить, который из них был более романтичным — тот, который худощавый, утомленный и с прыщиком, или тот, который сильный, молчаливый и с красным лицом. По чести говоря, пожалуй, скорее краснолицый, но было еще слишком рано, чтобы выбирать.

— Этот квест, — сказала она. — Он наверняка ужасно опасный.

— Э-э, — произнес Боамунд. — Надеюсь, что нет.

Девушка мило рассмеялась.

— О, вы такой скромный, — проговорила она. — Уверена, что вы ни капельки не боитесь.

Боамунд принялся теребить скатерть, в то время как Галахад, вмешавшись, изрек что-то в том роде, что без страха не существует и доблести. Это произвело на беседу такое же действие, какое производит мокрое полотенце на горящую сковородку, и девушка предложила им еще пирожных.

— А этот звонок все звонит, — отметила девушка. — Не понимаю, что бы это могло быть?

Двое рыцарей взглянули друг на друга.

— Возможно, просто какой-нибудь обрыв в цепи, — предположил Галахад. — Эти системы оповещения вечно выходят из строя. У нас в Замке одно время стояла такая система, так она вечно поднимала такой звон из-за соседской

кошки, что нам пришлось отключить ее. В любом случае, на них никто никогда не обращает внимания.

Девушка была поражена.

— Да неужели? — сказала она.

— Чаще всего, — кивнул Галахад. — М-м, какое восхитительно воздушное пирожное! Неужели вы сделали его своими руками?

Боамунд чувствовал, как в его сердце, постепенно и мучительно, упругой пружиной разворачивается гнев, пока он не понял, что не сможет вынести этого ни минутой дольше. «Проклятый Галли, — думал он. — Он всегда был мне не по душе. Зачем я вообще взял его с собой? Почему я не взял вместо него Туркина, или Ламорака, или кого-нибудь еще? Старина Тур сейчас пошел бы бродить по окрестностям в поисках носков, а я бы мог спокойно...»

— Вообще-то, — произнес он; казалось, он молчал уже целую вечность, — нам уже, пожалуй, пора идти. Пошли, Галли. Галахад приподнял брови.

— Что за спешка? — удивился он.

— Ты сам прекрасно знаешь.

— Да нет, не знаю, — отвечал Галахад. — Вы должны извинить моего друга, — сказал он, обращаясь к девушке. — Он такой нетерпеливый!

Боамунд отчаянно покраснел.

— Благодарю, сэр Галахад, — проговорил он голосом жестким, как свеженакрахмаленная рубашка. — Я не нуждаюсь в том, чтобы вы приносили за меня извинения.

— Кто-то же должен это делать, — возразил Галахад, ухмыляясь. — Иногда это может занять целый рабочий день.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Мне казалось, что ты понимаешь альбионский язык.

Сердце девушки отчаянно забилося. Они собираются драться! Причем из-за нее — да, разумеется, рыцари дерутся между собой только из-за дамы. Как это замечательно, невыразимо волнующе!

Ноготь придвинулся к ведерку для угля, забрался внутрь и плотно прикрылся крышкой.

— Бог мой! — говорил тем временем Боамунд. — Если бы здесь не было дамы, я бы с чистым сердцем, не стесняясь...

— Не стесняясь — что?

— Не стесняйся, спросил бы тебя, что ты хотел этим сказать.

— Что ж, я избавлю тебя от труда спрашивать. Я хотел сказать, что ты здесь слишком задержался, юноша. Это не приведет тебя ни к чему хорошему. Извините его, — обратился он к девушке. — Он всегда становится немного перевозбужденным, когда съест слишком много шоколада. Помнится, как-то в школе...

— Сэр Галахад!

— Сэр Боамунд! Если бы ты только мог видеть со стороны, как смешно ты выглядишь!

Боамунд медленно полез в карман и вытащил перчатку. По правде говоря, это была вязаная рукавица с отрезанными пальцами, но она должна была сойти.

— Мой вызов, — пояснил Боамунд. — Если ты окажешь мне честь...

— Что мне сделать с твоей перчаткой, Бо? Ты опять потерял вторую, так, что ли?

— Сэр Галахад...

— Это всегда было твое хобби — терять перчатки. В школе, помнится, Матрона заставляла тебя привязывать их через шею куском бечевки.

— Ну ладно, — Боамунд подобрал перчатку и хлопнул ею Высокого Принца по щеке. — Ну, сэр...

— Не делай так, Бо, мне щекотно.

«О боже, — подумал Ноготь. — Похоже, лучше мне принять что-нибудь, пока они не сделали друг из друга отбивную». Он осторожно приподнял крышку ведерка и выбрался наружу. Затем на цыпочках прокрался через комнату к двери, открыл ее и вышел.

— Не делай вид, что ты не понимаешь, — говорил Боамунд. — Это недостойно.

— Честно говоря, Бо, я не имею ни малейшего понятия, о чем ты говоришь. Прошу тебя, брось пороть чепуху, ты расстраиваешь даму.

— Я... — у Боамунда не было слов. Все, что он смог сделать, — это вытащить вторую варежку и швырнуть ее в лицо грубияну.

— Надо же, — проговорил Галахад, — так она все это время была у тебя в кармане!

— Достаточно. Я требую сатисфакции!

Высокий Принц хихикнул.

— Чего-чего ты требуешь? — переспросил он.

— Ты слышал. Ты негодяй, хам и мерзавец, и... — Боамунд порывлся в архивах своей памяти, — и ты мошенничал на соколиной охоте.

Красная пелена ярости внезапно затопила сознание Галахада, затмевая все вокруг.

— Что ты сказал? — задыхаясь, произнес он.

— Ты слышал, — отрезал Боамунд. — В конце летнего семестра в восьмом году. Ты купил в зоомагазине клетку с белыми мышами и...

— Это ложь!

— Ничего подобного, — возразил Боамунд. — Я сам видел квитанцию в твоем шкафчике.

— А что ты делал в моем шкафчике?

— Это к делу не относится. Ты использовал этих мышей, чтобы...

— Так вот куда подевался яблочный пирог, который испекла мне тетя Изольда!

— Ты использовал этих мышей...

— Прожорливая скотина!

— Мошенник!

Девушка озадаченно смотрела на них. Что ж, в любом случае, они определенно собирались драться.

Фон Вайнахт прыгнул с саней и позвал, чтобы ему принесли его топор.

Прошло два часа — *два часа!* — прежде чем до него добрались вторые сани, а потом порвался буксирный канат, сбежал один из оленей, и они сбились с пути и полетели через хребет Харриса.

Граф взял топор из рук трепещущего пажа и приблизился к вышедшим из строя саням. Он им устроит усталость металла!

Он обратил внимание на сигнал тревоги и повелительно щелкнул пальцами.

— Все в порядке! — заорал он. — Я уже вернулся, вырубите наконец этот чертов звон!

Радульф, вышедший ему навстречу, пытался что-то ему сказать, но сейчас фон Вайнахта лучше было не беспокоить. Все, чего ему хотелось в настоящую минуту, — это показать этой куче ржавого японского железа, какого обслуживания она достойна.

— Прошу меня простить.

Что-то тянуло его за рукав.

Граф взглянул вниз и увидел карлика. Он сдвинул брови. Прошло немало лет с тех пор, когда он в последний раз видел здесь карлика. Последний, припомнил он, вручил ему свою записку и ушел на юг, работать на алмазных коях. Забавно.

— Прошу прощения, — повторил карлик, — не могли бы вы уделить мне минуточку? Видите ли, сюда проникли два очень опасных рыцаря, и...

— Рыцари? — фон Вайнахт сгреб карлика в огромную горсть и поднес его на расстояние дюйма от своего носа. — Рыцари?!

— Да, сэр, два рыцаря. Боамунд и Галахад, сэр. Они сидят в гостиной у вашей дочери. Чаевничают, сэр.

— Чаевничают! — заревел фон Вайнахт и, отшвырнув карлика, пустился бегом. Ноготь поднялся на ноги, энергично потер локоть и последовал за ним.

Он надеялся только, что поспел вовремя.

7

— Эти подойдут? — спросила девушка.

«Как-то странно, — говорила она себе, — я думала, рыцари всегда носят собственные мечи». Во всех книжках, что она читала, рыцарь не делал ни шагу, если при нем не было хотя бы одного меча, а то и двух. Однако — вот вам, пожалуйста. Иногда ей казалось, что она, пожалуй, не то чтобы ужасно много знает о настоящей жизни.

— Благодарю, — сердито буркнул Боамунд. — Вполне подойдут.

— Я их нашла в папином кабинете, — продолжала девушка. — У него там полно мечей и всякой всячины. Я думаю, он их, наверное, коллекционирует. Я принесла мечи, но там есть еще и топоры, и алебарды, и палицы, и кинжалы тоже, если вам нужно.

— Нам хватит и просто мечей, — сказал Галахад. — Если, разумеется, сэру Боамунду не понадобится щит или что-нибудь в этом роде. В школе он всегда настаивал, чтобы ему дали щит.

— Ничего подобного!

— А если ему не давали щита, он начинал плакать.

— По крайней мере, я не пытался закрыться учебником во время боя на копьях.

— Что ты хочешь этим сказать?

— То, что ты слышал.

— У нас есть и книги, в библиотеке, — вставила девушка, — если кому-нибудь нужно.

Боамунд вытащил свой меч из ножен. Меч был очень холодным.

— Ну что ж, начнем? — предложил он. — Разумеется, если сэра Галахада готов.

— Вполне готов, благодарю.

— Тогда — после вас, сэра.

Фон Вайнахт стоял за дверью гостиной, переводя дыхание.

— Они там?

Ноготь кивнул.

— Отлично.

Один пинок огромного графского ботинка — и дверь распахнулась. Но комната была пуста.

«О боже, — подумал Ноготь, — я опоздал. Они уже ушли драться; от них не останется ничего, кроме кучи рваной одежды и центнера шинкованной рыцарятины. Проклятье».

— Мне казалось, ты сказал...

— Они, должно быть, ушли, сэра, — отвечал Ноготь. — Пошли куда-нибудь в другое место, сэра.

— В другое место? — в голосе графа сквозило напряжение, говорящее о том, что было уже достаточно плохо, что они вообще появились в этом месте, и не хватало еще, чтобы они начали бродить здесь туда-сюда, как стадо кочующих оленей. — Куда?

— Куда-нибудь, где достаточно просторно, как я полагаю, — сказал Ноготь. — Видите ли, они собирались драться...

Граф откинул голову и раскатисто расхохотался.

— Драться! — проревел он. — Что ж, тогда они пришли как раз туда, куда нужно, а?

— Да, сэ. А вот мы — нет.

— Очевидно. — Граф развернулся к своим пажам и зарорал: — Эй, вы! Обыскать замок, живо! Двое опасных рыцарей. Ясно? Приступайте!

И тут в голове у фон Вайнахта что-то с натугой переключилось; он взмахнул рукой и снова сгреб карлика в горсть.

— А ты, — прорычал он, — кто ты тогда такой, интересно знать?

— Ноготь, сэ. Я карлик.

— Это я вижу.

— Я служу этим рыцарям, сэ. Я пришел с ними из Альбиона.

— Понятно, — фон Вайнахт яростно раздул ноздри. — И почему же ты предаешь своих хозяев? — спросил он.

Ноготь слегка поерзал в его кулаке.

— О, без особых причин, — сказал он. — Я просто подумал: почему бы не покончить со всем этим, просто так, — со всей этой штопкой белья и чисткой доспехов. Мне нечего терять, кроме своих цепей, подумал я, и...

— Каких цепей?

— Фигурально выражаясь, сэ.

— Ладно, — сказал граф. — С тобой я разберусь позже. Пошли со мной.

Он отпустил карлика, разнес в щепки кофейный столик для поднятия настроения, и широким шагом вышел за дверь. Ноготь не сразу последовал за ним; он шмыгнул к своему рюкзаку, что-то вытащил из него, и лишь потом помчался за графом со всей скоростью, на какую были способны его ноги.

— Это подойдет? — спросила девушка.

Они стояли в главном дворе замка. Поскольку весь персонал был занят поисками вторгшихся чужаков, двор был совершенно пуст, если не считать заброшенных и на вид довольно помятых саней.

— Да, прекрасно, — сказал Боамунд. — Полагаю, нам лучше начать, не откладывая.

Хотя он по-прежнему горел едва сдерживаемой яростью, он делал это гораздо более умеренно, чем несколько минут назад.

Да, действительно, сэр Галахад нанес ему непростительное оскорбление, которое может быть смыто только кровью; но однако, если подумать, это чертовски глупый способ улаживать разногласия — оттяпать голову своему противнику. Или позволить оттяпать голову себе. Тем более, что речь идет о парне, с которым они вместе учились в старом добром колледже. Он не мог избавиться от ощущения, что должен быть какой-то другой способ разбираться с подобными ситуациями. По-настоящему жесткая, агрессивная партия в регби, например.

Галахад снял куртку и производил эффектные тренировочные выпады своим мечом. Девушка уселась на сани. Она достала откуда-то коробку шоколадных конфет и с жадностью принялась за них.

— Готов? — спросил Боамунд.

— Один момент, — отозвался Галахад. — У меня немного сводит правую руку. Ты не против, если я еще немного поразминаюсь?

— Пожалуйста.

— Это очень благородно с твоей стороны, старина.

— Ничуть, Галли. Я подожду, сколько тебе надо.

Высокий Принц проделал еще несколько тренировочных взмахов, затем провел пару пробных ударов. Не то чтобы он не торопился вступить в схватку и задать Сопливчику трепку, на которую тот напрашивался постоянно, с тех самых пор, когда они только познакомились; но спешить ведь было некуда, не так ли? Времени у них было сколько угодно.

— Прошу прощения, — произнесла девушка, — но почему вы не начинаете?

Рыцари взглянули на нее.

— Мы еще не готовы.

— С такими вещами нельзя торопиться.

— Это было бы неспортивно.

— О, — девушка пожалала плечами. — Понимаю. Простите.

Рыцари выжидающе кружили вокруг друг друга. Один-два раза они произвели несколько очень осторожных выпадов, но не раньше, чем спросив другого, приготовился ли он к атаке. Графиня тем временем прикончила свои конфеты и начала хлопать — довольно неуверенно.

В отчаянии Боамунд предпринял попытку провести двойную обратную *мандиритту* левой рукой — дьявольски изощренный и трудный маневр, который, как он вспомнил только когда уже начал, ему никогда не удавался. Он включал двойной финт в правую часть головы, медленный переход к левой части тела и, наконец — длинный выпад, при котором фехтовальщик становился на одно колено, а его левая рука проходила позади спины, пока не касалась внутренней стороны его правого колена.

— Помогите мне, — сказал он. — Я застрял.

— О, какая неудача, — воскликнул сэръ Галахад, кидая меч в ножны и помогая ему подняться. — Так лучше?

— Кажется, я растянул запястье.

— Ну, тогда закончим, — поспешно сказал Галахад. — Нет ничего хорошего в том, чтобы драться, если не чувствуешь себя на все сто процентов. Это просто неправильно.

— Абсолютно.

— Жаль, конечно, — продолжал Галахад, — но что есть, то есть. Будем считать это ничьей, я полагаю.

— Да, наверное. — Боамунд поднялся на ноги, поморщился и поднял свой меч. — А ведь мы как раз начали как следует разогреваться!

— Ну, тут уж ничего не поделаешь, — сочувствующе сказал Галахад. — Эй, а куда подевалась эта чертова девчонка?

Оба осмотрелись по сторонам. Они были одни.

— Наверное, ей стало скучно, — презрительно сказал Боамунд. — Все они такие, девчонки. Мне никогда не попадалось ни одной, которая действительно интересовалась бы Состязаниями.

Прогрохотав по главной лестнице в Большой Зал, граф обнаружил на ступенях трона свою дочь, плачущую в маленький носовой платочек. Он выронил топор и подбежал к ней.

— Что случилось, дорогая? — спросил он. — Расскажи папе все.

— Эти глупые рыцари, — всхлипнула графиня. — Они не стали драться. Они просто стояли там и болтали.

— Ну-ну, — сказал граф. — Не стоит расстраиваться из-за пары глупых рыцарей. Они этого не стоят.

— А я думала, они оба такие храбрые, — продолжала девушка. На ее щеках, как жемчужины, застыли слезинки. Она громко высморкалась.

— Ха! — граф презрительно фыркнул. — Рыцари! Да они даже не знают, что значит это слово!

— И они просто оставили меня сидеть там, — сказала графиня, — после того, как я угощала их чаем и все такое.

— Мерзавцы, — согласился фон Вайнахт. — Ничего, я поучу их хорошим манерам.

Глаза девушки засияли, она улыbnулась.

— Я люблю тебя, папа, — сказала она.

— Я тоже люблю тебя, Попси, — хрипло пробормотал фон Вайнахт. — Ладно, так где же эти рыцари? Карлик!

Ноготь, который, стоя на стуле, смотрел во двор, спрыгнул на пол и подбежал к нему.

— Да, сэр?

— Ты имеешь какое-нибудь представление, где эти рыцари могут быть?

— Во дворе, сэр. Они не дерутся, — прибавил он задумчиво.

— Куда подевался этот чертов карлик? — сказал Боамунд. — Он постоянно где-то бродит, как я заметил.

— Естественно, — отозвался Галахад, надевая куртку. — Особенно когда для него есть работа.

— А ведь у него весь багаж.

Двое рыцарей оглядели просторный двор.

— Он может быть где угодно, — сказал наконец Галахад. — Замок большой.

— Правда, мрачноватый.

Они не торопясь зашагали в направлении главного зала.

— Думается мне, — произнес Галахад, — что нам надо найти этого графа фон Вайнахта; заставить его рассказать нам, где находятся Носки, и сваливать отсюда. Как тебе такой план?

— Вполне разумно, — отвечал Боамунд. — Откуда начнем?

— Может быть, вон оттуда?

— Пойдет.

Они распахнули двери главного зала и вошли внутрь. Их глаза широко раскрылись.

— Ноготь? — в один голос сказали они.

Перед ними, распростертый на каминном коврике подобно кипе ярко-красного постельного белья, лежал граф фон Вайнахт. Огромных размеров датский топор валялся неподалеку от его правой руки. А над ним, ухмыляясь и держа в руке баночку с аэрозолем «Химическая Палица», стоял карлик.

— Полагаю, — произнес граф, — мне стоит начать с самого начала.

Это был долгий день. Сразу же по получении информации он ринулся в Атлантиду, чтобы найти Рыцарей Грааля; там его дважды избили и спустили со спиральной лестницы; он разбил свои сани посреди арктической пустыни; вернувшись, он обнаружил, что в его доме по колено рыцарей, после чего был опрыскан «Палицей» и связан кушаком от собственного халата. Вполне достаточно, чтобы начать плевать.

— А это необходимо? — зевнул Галахад. — Я просто...

— Да, — отрезал граф. — Это непосредственно относится к делу. Начинать?

— Что ж, выкладывай, — отвечал Высокий Принц. Он откинулся на спинку кресла, поставил ноги на чучело медведя и взял с блюда большую сочную гроздь винограда.

Симон Маг перевернул страницу и поудобнее пристроил очки у себя на носу.

«Печальная история Графа Рождество», — прочел он. И полез за своим блокнотом.

Это была чертовски интересная история. Если она не была величайшей из когда-либо рассказанных историй, то лишь потому, что граф был не совсем в том настроении, чтобы рассказать ее как следует.

...О том, как две тысячи лет назад он оставил свою многообещающую карьеру стихийного божества для того, чтобы изучать астрологию в университете в Дамаске. О том, как он, глядя вместе с тремя приятелями-студентами в университетскую электронную астробию, обнаружил

нечто, что они на первый взгляд приняли за пятнышко грязи на линзе, поняв затем, что это была совершенно новая звезда. О том, как они пустились в путь, чтобы понаблюдать за ней из оборудованной по последнему слову техники университетской обсерватории под Иерусалимом. О том, как произошла неизбежная путаница с зарезервированными местами в отеле, в результате которой, когда они одной холодной дождливой ночью прибыли в Галилею, они обнаружили, что их комнаты заняты компанией странствующих страховых агентов из Тарса, и им остается только заночевать внизу, в конюшне.

И о том, как, когда их четверка хлупала по грязному двору, бормоча угрозы о возбуждении против кое-кого уголовного дела, молодой Мельхиор случайно поднял голову и заметил, что звезда висит точнехонько над их головами, и что несколько пастухов, только что вышедших из конюшни, выглядят весьма озабоченными...

— И вот еще что, — сказал пастух с безумной улыбкой. — Не знаю, суеверные вы люди или как, но если да, то лучше не ходите туда. Понимаете... в общем, там по колено ангелов.

— Ангелов?

— Мне не хочется об этом много говорить.

И пастухи поспешили прочь, оставив Каспара, Мельхиора, Балтазара и Клауса стоять под дождем.

— Я не ослышался, этот человек сказал, что там внутри Ангелы? — спросил Балтазар.

— Вроде бы так.

Они застонали. словно мало было вещей, с которыми им пришлось мириться, теперь им предстоит делить свое спальное помещение с бандой грязных, одетых в кожу, сквернословящих, пахнущих верблюдами хулиганов.

В конюшне было темно. Масляная лампа трепетала на легком сквозняке. Внезапно все четверо почувствовали настоятельную потребность встать на колени.

— Эй, — позвал Балтазар. — Есть здесь кто? Слушайте, парни, мне это не нравится, как-то мне здесь не по себе...

Стало светлее; мягкое золотистое сияние исходило от дальних яслей.

— Ш-ш, тише, — раздался женский голос. — Он спит.

Мельхиор заговорил первым. Очень осторожно он пробрался к яслям, заглянул в них и отшатнулся, словно его ударили. Потом он опустился на колени и покрыл голову полкой своего плаща.

— Госпожа, — сказал он.

Лицо женщины оставалось в тени.

— Привет тебе, — произнесла она. — Блажен будешь ты вовеки, ибо ты первый из взглянувших в лицо Сыну Человеческому.

Мельхиор раскачивался взад и вперед, сидя на пятках.

— Госпожа, — повторил он, — позволено ли нам предложить дары твоему сыну?

Женщина улыбнулась и кивнула, и тогда Мельхиор порылся в своей сумке и достал маленькую сверкающую коробочку. Женщина наклонила голову, словно ожидала этого.

— Золото, — объяснил Мельхиор. — Золото — дар, добавляющий царю.

Женщина взяла коробочку, не взглянув на нее, и положила ее на землю рядом с яслями. Каспар сделал шаг вперед, упал на колени и протянул женщине маленький алебастровый сосуд.

— Ладан, госпожа, — застенчиво сказал он. — Чтобы помазать Того, Который будет коронован тернием.

Женщина кивнула и положила сосуд рядом с коробочкой. Балтазар шагнул вперед на трясущихся ногах, преклонил колени и вытащил серебряный фиал.

— Мир, госпожа, — прошептал он, — чтобы умастить Того, кто никогда не умрет.

И вновь тень улыбки показалась на губах женщины. Она взяла фиал из рук Балтазара, несколько мгновений смотрела на него и затем положила рядом с другими дарами.

Почему они не сказали мне, пробормотал Клаус про себя. Проклятые ублюдки. Почему они хотя бы не намекнули?

Последовала минутная пауза, в течение которой остальные трое смотрели на него. Он решил действовать по вдохновению. Вытащив первое, что попало под руку, из своей сумки, Клаус выдрал страницу из какой-то книги, чтобы завернуть это (книга была трактатом по орнитологии, и на вырванной им странице были нарисованы малиновки), и шагнул вперед.

— Э-э, — произнес он, суя пакет в руки женщине.

Она пристально посмотрела на него и медленно развернула пакет.

— Носки, — сказал он. — Как раз то, чего Ему всегда не хватало.

Выражение ее лица говорило о многом, когда она вытаскивала на свет пару длинных, по колено, чулок. Клаус поморщился.

— Они, возможно, сейчас немного великоваты для него, — сказал он как можно небрежнее, — но это ничего, он ведь скоро вырастет.

Женщина снова взглянула на него пристальным, жестким взглядом; потом она скатала носки в трубочку и уронила их на землю.

— Ты можешь идти, — сказала она.

— Спасибо, — промямлил Клаус, пятясь задом. — О да, разумеется, поздравляю с... э-э... поздравляю с праздником, как бы то ни было.

Он ударился головой о балку, все так же задом вышел за дверь и, повернувшись, кинулся бежать.

— Две недели спустя, — рассказывал граф, тяжело дыша, — я получил пакет. В нем была пара носок и письмо. Его доставил ангел.

Он помедлил, прикрыл глаза и продолжал.

— Письмо было не подписано, но, собственно, в этом не было нужды. Не буду утомлять вас пересказом первых трех абзацев, поскольку в них речь шла в основном обо мне. То, что можно назвать деловой частью письма, заключалось в нескольких последних строчках.

Коротко говоря, я был проклят. До скончания времен, говорилось в письме, пока Младенец не придет вновь, чтобы судить живых и мертвых, моя работа должна будет заключаться в том, чтобы доставлять подарки всем детям в мире — каждый год, в годовщину моего... в канун Рождества. Подарки столь же несообразные, нежеланные и бесполезные, как тот, что я счел подходящим преподнести Царю Царей.

И чтобы окончательно прояснить вопрос, на тот случай, если я не до конца уловил, что к чему, отныне в каждую

рождественскую ночь каждый ребенок в мире будет также считать подходящим вешать в изножье своей постели самый длинный, самый грубый шерстяной носок, какой сможет найти, в качестве вечного напоминания.

Повисло тяжелое молчание.

— Н-да, — произнес Галахад, собираясь с мыслями. — Ну да как бы то ни было, при чем здесь эти Носки?

— Носки? — Клаус фон Вайнахт взглянул на него и засмеялся. — До тебя еще не дошло? Те носки, за которыми ты и твой друг пришли сюда, и есть эти самые Носки. Поэтому они так и называются, — добавил он с горьким смешком. — Неужели ты всерьез веришь, что я могу отдать их тебе просто так, за здорово живешь?

Боамунд придал своему лицу выражение, которое, как он надеялся, можно было счесть бесстрастным.

— Для тебя лучше, чтоб ты смог, — произнес он, — иначе тебе будет только хуже.

Фон Вайнахт повернул голову и взглянул на него.

— Пожалуйста, — добавил Боамунд.

— Нет. — Граф скривил губу. — Не думай, что я не был бы счастлив избавиться от них, — да я только об этом и мечтаю! Я ненавижу самый их вид. Но они мне не принадлежат, чтобы я мог отдать их кому-либо. По крайней мере, не тебе, — добавил он.

Боамунд внезапно почувствовал, что в ребра ему что-то тычется, и взглянул вниз.

— Что там у тебя? — спросил он. — Ты что, не видишь, что мы очень заняты?

— Это не займет и минуты, — ответил Ноготь. — Просто отойди сюда, чтобы он нас не слышал.

Боамунд пожал плечами и поднялся на ноги. Они отошли к очагу.

— Он рассказал тебе не всю историю, — сказал Ноготь, — я готов поручиться за это.

— Правда? — Боамунд приподнял бровь. — Тогда это, должно быть, действительно длинная история, поскольку...

Ноготь покачал головой.

— Все, что он рассказал, — истинная правда, про Носки и так далее. Но есть еще что-то. Я знаю, что есть.

— Ты знаешь?

— Да.

Боамунд поразмыслил. Он всегда знал, что все вокруг, даже слуги, знают гораздо больше него обо всем, что происходит, и так оно и должно быть. У рыцаря есть гораздо более важные занятия, нежели заниматься ерундой, узнавая о разных вещах. С его точки зрения, если голова набита знаниями, она становится слишком большой, чтобы помещаться в шлеме. Тем не менее, разве не предполагалось, что все это предприятие держится в секрете?

— Откуда ты это знаешь? — спросил он.

Ноготь посмотрел вокруг.

— Я просто знаю, и все. Может быть, потому, что я карлик.

— А это-то здесь при чем?

— Расовая память, — объяснил Ноготь. — Это еще и потому, что уши у карликов находятся ближе к земле. Слушай, просто спроси его о Граале и посмотри, как он отреагирует. Давай, попробуй.

Боамунд кивнул. У всех великих героев, насколько ему было известно, были преданные и мудрые советчики, неизменно стоящие ниже по социальному статусу, но тем не менее ужасно умные; и самое приятное здесь было то, что их имена обычно выпадали из истории на относительно ранней стадии.

Он повернулся к графу, сдвинул брови, чтобы отразить на лице работу мысли, и медленно пошел обратно через зал.

— Ты чего-то не договариваешь, не так ли? — сказал он. — Давай-ка, выкладывай все начистоту.

— Мимо кассы.

— И не говори со мной в таком тоне, — отвечал Боамунд. — А как насчет Грааля? Ты мне об этом расскажи.

Вместо ответа фон Вайнахт взревел как бокс и яростно заметался, пытаясь разорвать кушак от халата, которым он был привязан к креслу. Галахад, нахмурившись, потянулся за скалкой, которую он нашел на кухне.

— Ну-ка прекращай это, — прикрикнул он. — Ей-богу, некоторые люди...

— Рыцари! — плевался фон Вайнахт. — Проклятые рыцари! Все как один. Попадись только мне в руки кто-нибудь из вас двоих...

Галахад ударил его скалкой. Это, по-видимому, возымело некоторый терапевтический эффект, поскольку он перестал рычать и ограничился убийственными взглядами. Боамунд кивнул.

— Спасибо, Галли, — сказал он.

— Не стоит благодарности, Бо. Это было для меня удовольствием.

Боамунд подвинул к себе кресло и сел.

— Начнем сначала, — сказал он. — Итак, насчет Грааля.

Фон Вайнахт высказал несколько предложений относительно того, что Боамунд может сделать с Граалем, когда и если он найдет его. Скалка еще раз рассекла воздух.

— Грааль, — повторил Боамунд. — Что насчет него?

На этот раз фон Вайнахт решительно хранил молчание, и двое рыцарей посмотрели друг на друга.

— Не думаю, что его можно бить только за то, что он ничего не говорит, — заметил Галахад. — Наверное. Как ты думаешь?

— Наверное, нет, — согласился Боамунд. — Жаль, но это так. Что будем делать?

Галахад пожал плечами.

— Искать Носки, я полагаю. Эй, ты, — сказал он, наклоняясь к графу и помещая скалку у него перед носом. — Носки. Где?

Фон Вайнахт сделал попытку укусить скалку, и Галахад быстро отдернул ее.

— Интересно, что он имеет против рыцарей, — задумчиво проговорил он. — Это относится только к нам или к рыцарям *per se*?

— Мне кажется, что он вообще не очень-то любит людей, — отвечал Боамунд. — Довольно странно, принимая во внимание характер его работы. Казалось бы, тот, кто всю свою жизнь только и делает, что доставляет на Рождество...

Фон Вайнахт издал волчий вой. Рыцари переглянулись.

— Похоже, ему не нравится, когда ты произносишь это слово, — отметил Галахад.

— Похоже, что ты прав, — ответил Боамунд. — Рождество! — прошипел он графу в ухо, и тут же в испуге отскочил. Он никогда бы не поверил, что человеческое существо способно воспроизводить такой невообразимый шум.

— Ну что ж, — сказал Галахад с нехорошей усмешкой на лице, — это сильно меняет дело, не правда ли? Не правда ли? — проорал он в ухо графу.

— Чтоб тебя раскорячило!

— Думается мне, — проговорил Галахад, — настало время спеть песенку, ты согласен?

Это была сцена, которую Ноготь не сможет забыть до самой смерти.

Граф, корчащийся и извивающийся в своем кресле, ревущий так, что, казалось, его связки вот-вот лопнут; и по обе стороны от него — два рыцаря, поющие «Омелу и плющ», «Тихую ночь», «Там, в яслях», «Бог да пребудет» и «Рудольф, красноносый олень». Последняя песня переполнила чашу.

— Ладно, — всхлипывая, произнес граф. — Свиньи вы, бесчеловечные свиньи. Я буду говорить.

Радульф нетерпеливо схватил переносной телефон.

— Муу, — буркнул он в трубку, со щелчком сложил антенну и наклонил рога. Три пажа, вооруженные алебардами, тотчас возникли у подножия лестницы.

Они должны быть где-то здесь. Два рыцаря и сверхъестественное существо не могут просто так исчезнуть с лица земли...

Думай головой, Радульф. Зачем эти рыцари здесь? Предположим — просто предположим, — что они умудрились каким-то образом взять над ним верх и вынудили его показать им тайник. Ну разумеется! Это должно быть именно так.

Единственная проблема заключалась в том, что тайник, как бы это выразиться, — держался в тайне.

— Там?

Фон Вайнахт кивнул.

— Желаю удачи, — добавил он.

Боамунд не очень-то понял эту реплику, но понимание вещей никогда не было его сильным местом, если эти вещи не были гончими. В этом он был довольно силен, при условии, что на дороге попадалось не очень много препятствий.

Он ухватил выдвижной ящик за ручки и потянул.

Носки. Ящик был *доверху* полон носками...

— Мой Бог, — сказал Галахад с тихим благоговением, — здесь, должно быть, несколько сотен пар!

Фон Вайнахт испустил сухой смешок.

— Одна тысяча сорок одна, — произнес он. — Неплохая идея, правда?

— Полагаю, — сказал Галахад, — что ты не собираешься сообщить нам, какие из них те, что нам требуются?

— Совершенно справедливо.

Галахад ухмыльнулся.

— А слышал ли ты песенку про Доброго Короля Венцесласа? — спросил он. Но граф был наготове. С неожиданной силой он разорвал хватку Галахада и бросился головой на дверной косяк, после чего осел на пол в беспмятстве.

— Эй! — воскликнул Высокий Принц. — Это не по правилам!

Боамунд подобрал горсть носков и уронил их обратно в ящик.

— Ты только посмотри на это, — сказал он. — Я никогда не видел такого количества носков за все время, что я живу на свете.

— Я тоже.

— Ну ладно, — вздохнул Боамунд, — я думаю, нам придется просто взять с собой всю кучу и попытаться разобраться в них потом. Ноготь, добудь нам какой-нибудь мешок побольше.

Карлик покорно пожал плечами и вышел. Боамунд и Галахад вдвоем вытащили ящик и вывалили его содержимое на пол.

— Полагаю, вот эти, у которых на ярлыке написано «Сент-Майкл», мы можем не брать в расчет, — сказал Галахад. — Правда, он мог нашить фальшивый ярлык для маскировки. Он умен, зараза, нельзя не признать.

Боамунд кивнул.

— Лучше мы возьмем их все, Галли, — повторил он. — Вот ведь, ей-богу! Кто бы подумал, что носки могут быть такими тяжелыми?

— Песок тоже тяжелый, — отозвался Галахад, — когда его много. Слушай, ты уловил, в чем там суть насчет Атлантиды, и оффшорных банков, и всей этой ерунды?

— Не очень, — признался Боамунд, — вещи такого рода как-то проскальзывают мимо меня. Но я вроде как понял, что Грааль был у него какое-то время, а потом этот, как его, Иосиф...

— Иосиф Аримафейский.

— А знаешь, — сказал Боамунд, — я где-то уже слышал это имя... Ну, как бы то ни было, этот Иосиф взял Грааль себе и куда-то с ним делся, так что мы в любом случае не очень-то продвинулись вперед. Ну, правда, это не имеет большого значения. Когда у нас будет Передник и Персональный Органайзер и мы разберемся со всеми этими носками, это уже не будет иметь значение, правда ведь?

— Надеюсь, — сказал Галахад. — По мне, чем все проще, тем лучше. Куда подевался этот треклятый карлик?

Они огляделись вокруг.

— Заблудился, наверное, — предположил Боамунд. — С ними это случается.

— Вряд ли это такая уж проблема — найти здесь мешок, — отозвался Галахад. — Здесь только и ждешь, что наткнешься на какой-нибудь мешок. Скорее всего, с подарками. Помню, как-то однажды у меня целый год не было работы, и я устроился дедом-морозом в один из этих больших супермаркетов. Разумеется, в мешке у меня были только старые газеты и мятые картонки.

Боамунд взглянул на неподвижную фигуру на полу.

— Может, попытаться привести его в чувство? Спеть ему что-нибудь, к примеру.

— Можно попробовать, — согласился Галахад, но без большой уверенности. Не то чтобы Боамунд откровенно *фальшивил*, — это несомненно звучало лучше, чем пневматическая дрель, — но никто не мог гарантировать результат, а он не хотел еще раз заполучить себе головную боль. Поэтому он продолжил:

— А может, попробовать найти еще кого-нибудь, кто посвящен в секрет? Должен же быть такой человек, — добавил он.

— Например?

— Ну, — робко предложил Галахад, — есть эта ужасная кровожадная девица, для начала.

— Которая не видит смысла в Состязаниях?

— Да, она довольно нетерпелива. Ставлю что угодно, она знает, какая пара — та самая.

Боамунд горячо закивал.

— Блестяще! — произнес он. — Где она?

Галахад уже начал говорить, что не имеет об этом ни малейшего представления, когда дверь отворилась, и внутрь вошла девушка собственной персоной.

Она была одета просто, но привлекательно: на ней была ситцевая блузка с кисейными оборочками на булавках и круглым отложным воротничком и светло-сиреневая хлопковая юбка, а в руках она держала винтовку.

Автомат для пинбола совершенно вывел Аристотеля из себя.

— Это специально так подстроено, — раздраженно бормотал он, обшаривая карманы в поисках мелочи. — Каждый раз, когда я перехожу за триста тысяч, открываются эти маленькие воротца и шарик как-то просачивается сквозь них. — Он с силой ударил по автомату ладонью.

— Ты просто не используешь как следует свои верхние флипперы, — спокойно заметил Симон Маг.

— А ты-то что об этом знаешь, черт побери?

— Прости, — отвечал Симон Маг, — я просто хотел помочь. Ты нигде случайно не видел мою жену?

— Нет, — Аристотель дернул рукоятку и пустил в игру первый шарик. В течение некоторого времени он напряженно давил на обе кнопки со скоростью около сотни раз в десять секунд, а шарик безошибочно прыгал по столу, направляемый челюстями автомата.

— Опять где-нибудь бродит, — вздохнул Симон Маг. — Странные существа эти женщины.

— Вот именно, — яростно фыркнул Аристотель. — К тому же я бы не сказал, что они особенно уместны в кампусе, если ты спросишь моего мнения.

— Тогда я не буду спрашивать, — отвечал Симон Маг. — Спасибо за предупреждение.

Аристотель пробурчал что-то себе под нос и приступил ко второй игре, а Симон Маг побрел в кафе. Но и там никто не знал, куда подевалась Машо.

Наконец, он наткнулся на нее на балконе. Она держала в руках огромный бинокль и смотрела в него куда-то в направлении Северного Полюса.

— Там что-то происходит, — произнесла она.

— Да, — отвечал ее муж, — я знаю.

Она обернулась к нему.

— Правда? А что? Это как-то связано с тем квестом, который выполнял молодой Бедевер?

— Можно сказать и так. Ты не одолжишь мне свой бинокль на минутку?

Он подкрутил окуляры и некоторое время стоял неподвижно; затем опустил бинокль и в задумчивости покусал губу.

— Ну-ну. Впрочем, я полагаю, сейчас уже слишком поздно что-либо с этим делать, — произнес он.

— Что ты имеешь в виду?

— Очень похоже на то, что я выбрал не того человека для этой работы, — отвечал он. — Помнишь мальчика по имени Боамунд? Он из этих нортгэльских парней — такой тощий, долговязый, немного неуклюжий.

— Разумеется, помню, — сказала Машо. — Другие ребята называли его Сопливчик. Не очень благозвучное прозвище, но вполне подходящее.

— Ну так вот, — продолжал Симон Маг, — он был одним из моих Спящих. Это дельце, которое там сейчас разворачивается, — я сделал его ответственным за него. И он поначалу вполне неплохо справлялся, пока... Ох, боже мой!

Машо отобрала у него бинокль.

— Что случилось?

— Девчонка.

— Да ну? Никогда не думала, что он из таких, по правде говоря.

— Такие, как он, как правило, хуже всего, — отвечал Симон Маг. — Но сейчас дело не в этом. *Черт!* — добавил он раздраженно.

— Ничего, — поспешила утешить его Машо, — не всегда все получается, как этого хочешь.

— Пожалуй, ты права, — раздумчиво ответил маг. — Но все равно очень жаль. Мне так хотелось, чтобы это дело выгорело!

— Ты, наверное, вложил в него много труда?

— Да, поработать пришлось, — признал Симон Маг. — И мне казалось, что я достаточно хорошо обеспечил его от идиотов. Но никогда нельзя учесть все типы идиотизма.

Машо задумалась на минуту.

— Однако еще не поздно, э-э... оказать некоторую помощь, что ли, — ну, ты понимаешь.

Симон Маг взглянул на нее.

— Но это неэтично, — сказал он. — Когда они уже начали... Совершенно не по правилам.

— Никто не будет знать.

— Я буду.

— Да, разумеется, — она постояла немного, поигрывая биноклем. — Не хочешь по-быстрому сыграть в слова?

Симон Маг некоторое время пристально смотрел на жену.

— Машо, — произнес он, — ты что-то задумала.

— Чепуха.

— Брось, я знаю это твоё выражение лица. Ты не должна вмешиваться.

— Я даже и не думала, — с невинным видом отвечала она. — Ты же знаешь меня.

— Ну, смотри, — он взглянул на часы. — Проклятье, — произнес он, — я должен бежать. Я обещал Мерлину сыграть с ним в домино.

— Тогда торопись, — сказала Машо. — Увидимся.

Последовало минутное замешательство.

— Э-э, привет, — произнес Галахад. — Мы как раз собирались идти вас искать.

— Да неужели?

— А мы тут решили помочь вашему отцу навести порядок в его носках, — продолжал Галахад.

— Правда?

— Но потом, — упорствовал Галахад, — он сказал, что немного устал, и лег соснуть на часок; вот мы и подумали, что неплохо бы найти вас. А тут и вы как раз появились.

Девушка окинула его подозрительным взглядом.

— Я вам не верю, — сказала она.

— Не верите?

— Не верю.

— Хм-м...

— Мне кажется, — сказала девушка, — что вы хотите украсть папины Особые Носки. Мне кажется, что вы *грабители*.

— Что навело вас на такую мысль?

— Это правда, не так ли? — уточнила девушка. — Я думаю, что вы обманом проникли сюда, притворяясь, что вы рыцари, а на самом деле вы просто воруете носки. Возможно, — прибавила она, вспомнив выражение из книги, которую как раз читала, — вы — интернациональная бандитская группировка.

— Да нет, мы действительно рыцари, — вмешался Боамунд. — Здесь даже вопросов быть не может.

Девушка фыркнула.

— Рыцари дерутся честно, — сказала она. — Рыцари не связывают людей, чтобы вывалить их носки на пол. Так поступают грабители.

— Рыцари тоже — иногда. Все зависит от того, что требуется в определенных обстоятельствах.

Девушка покачала головой.

— Папа говорил мне быть особенно бдительной в отношении грабителей. И он сказал, что если я увижу кого-нибудь из них, я должна взять из его кабинета это ружье и пристрелить их.

— Черт! — произнес Боамунд.

Галахад улыбнулся.

— И вы всегда поступаете так, как говорит папа? — спросил он.

— Всегда.

— Какая у вас, должно быть, ужасно скучная жизнь!

Девушка нахмурилась.

— Что вы имеете в виду?

Галахад приподнял бровь.

— Я имею в виду, — сказал он, — что вы, наверное, нечасто выходите отсюда, не так ли? Не ходите на вечеринки, или что-нибудь в этом роде?

— Разумеется, нет, — девушка теребила предохранитель винтовки; она выглядела печальной. Печальной, но крайне опасной.

— Здесь в округе, должно быть, не так уж много людей твоего возраста, — продолжал Галахад. Девушка кивнула.

— Никого, — ответила она. — За исключением нескольких пажей, конечно. Некоторые из них довольно симпатичные, по крайней мере, один из них... — она замаялась. — Но папа говорит, что я не должна разговаривать с пажами. Он говорит...

Бровь Галахада приподнялась чуть выше. Жест был крайне красноречивым. Но девушка внезапно тряхнула головой.

— Какое это имеет отношение к грабителям? — спросила она.

— Э-э...

— Вы просто пытаетесь сбить меня с толку, — продолжала она. — Это типичный прием грабителей — сбивать людей с толку. Рыцари бы так не стали поступать. Они бы сочли это нерыцарственным.

Она медленно приложила винтовку к плечу, и Боамунд закрыл глаза. Это совершенно не сочеталось с его представлениями о поведении девиц, попавших в затруднительное положение.

Мгновением позже он услышал свистящий звук и глухой удар. Сначала он решил, что звук удара был произведен падением на пол его собственного мертвого тела, но через пару секунд пересмотрел свое мнение и вновь открыл глаза.

Девушка лежала на полу, слегка посапывая, а Ноготь засовывал обратно в свою сумку банку с аэрозолем.

— Я так и знал, что она пригодится, — ухмыльнулся карлик. — Чудесная штука эта «Палица». И на больших собак она тоже действует безотказно. Кстати, я не смог раздобыть мешка, но решил, что парочка наволочек тоже сойдется. Я был прав?

Галахад, лицо которого приобрело весьма странный оттенок, извлек себя из угла комнаты, в который он было забился, и широко заулыбался.

— Ты очень вовремя, — произнес он дрожащим голосом. — Хорошая работа.

— Спасибо, — ответил Ноготь в легком замешательстве. Он пытался вспомнить, слышал ли он когда-нибудь до этих пор благодарность за свою работу: хороший вопрос! — Я встретил эту женщину, там, в прачечной, и она сказала мне, что я нужен здесь, вот я и поспешил.

— Какую женщину? — спросил Боамунд.

— А бог ее знает, — ответил Ноготь. — Просто женщину. Возникла из ниоткуда с биноклем в руке, сказала мне, что вы здесь попали... что я вам здесь зачем-то срочно нужен, и опять исчезла. Может быть, это была даже голограмма, — он раскрыл наволочку и начал запихивать в нее носки.

— Мы, однако, так и не разобрались, какая пара нам нужна, — заметил Боамунд. — Знаешь, мне думается, было бы неплохо, если бы мы выяснили этот вопрос. Иначе...

Двое других посмотрели на него.

— Бо, — произнес Галахад, — я не хочу показаться каким-нибудь торопыгой, но если тебе все равно, я бы предпочел, чтобы мы сперва унесли отсюда ноги, а уж потом занялись сортировкой белья. То есть, если это для тебя не имеет большого значения.

— Интересно, кто была эта женщина. Возможно, она знает.

— Кто? — переспросил Ноготь, поднимая лицо от наволочки. — Эта голограмма, ты имеешь в виду?

— Ну да, если это действительно была голограмма, — ответил Боамунд. — А что такое голограмма, кстати?

Ноготь уже приготовился объяснять, но его прервал звук с той стороны двери. Звук, если только он не очень ошибался, был похож на топот копыт. А также ног. Множества ног.

— Черт побери, — произнес он, — да сколько их тут? — Он потряс баночку с аэрозолем и скорчил гримасу. — Осталось не так уж много, — пробормотал он. — Как вы смотрите на то, чтобы спрятаться?

— Где?

Ноготь кивнул на камин.

— Попробуйте в дымоходе, — сказал он.

— Надо же, — произнес Симон Маг. — Интересно, как им это удалось?

Машо подняла голову от своих букв.

— Удалось что, дорогой?

— Да этот Сопливчик и тот, второй, — ответил маг, опуская бинокль. — Они все же отделались от этой безумной девицы. Очевидно, Боамунд не так прост, как мне казалось.

— Ну и прекрасно, дорогой, — улыбнулась Машо. — Интересно, что можно сложить из этих букв?

Она всмотрелась в кусочки картона в своей руке. Там были «О», «Б», «М», «А» и «Н».

— Интересно, есть такое слово — «манбо»? — спросила она.

На крыше было ветрено.

— Дай-ка мне вторую наволочку, — крикнул в дымоход Боамунд. — Только осторожно, не урони ее. Так, теперь лезь сюда.

Через мгновение рядом с ним появился Галахад. Он весь перепачкался в саже, и один ноготь у него был сломан.

— Жаль, что пришлось оставить карлика, — сказал он. — Ну что ж, ничего не попишешь.

— Подожди, пока мы доберемся до дому, — ответил Боамунд. — Однако досадно. Ненавижу чистить ботинки и пришивать пуговицы. Тратить время на такую ерунду!

В нескольких футах над их головами в воздухе реяли сани, привязанные к кольцу, вделанному в дымовую трубу. В оглоблях выгибала шею упряжка северных оленей.

— Вот это кстати, — заметил Боамунд. — Я уж было начал удивляться, каким образом мы будем выбираться отсюда.

— Что-нибудь всегда подворачивается под руку, — сказал Галахад. — Ты представляешь, как управлять этой штуковиной?

— Не очень, — признался Боамунд. — Но я думаю, вряд ли это так уж сложно, если уловить, в чем тут суть. Может быть, подойдет обычное заклинание для полета.

— Я и забыл, — сказал Галахад, — ты же знаешь все эти магические штучки — исцеление, полеты и прочее. Лично мне это никогда не давалось.

Боамунд взгромоздился в сани, принял у Галахада наволочки и помог ему забраться в кабину.

— Ну что ж, — сказал он, — говорим волшебное слово — и полетели.

Он сказал его. Ничего не произошло.

— Что-то не так?

— Эта штука не работает — вот что не так!

Актер Галахад презрительно фыркнул.

— Попробуй вложить в это немножко больше *чувства*. Немного настойчивости — вот что здесь нужно. Дай-ка я попробую. Как там звучит твое заклинание?

Боамунд сказал. С минуту Галахад сидел молча, вживаясь в роль. Потом он произнес заклинание.

— Черт! — воскликнул Боамунд. — У тебя здорово получается!

— Спасибо.

— Но мы вроде бы все еще стоим на месте?

— Возможно, это было немного мелодраматично, — признал Галахад. — Я, кажется, несколько перебрал с Оливье. Попробую вложить побольше Марлона Брандо на этот раз, идет?

— Кто такой Марлон Брандо?

Галахад еще раз произнес заклинание. Сани продолжали тихо колыхаться на ветру.

— Это начинает надоедать, — сказал он. — Ты уверен, что не перепутал слова?

— Вроде все правильно, — Боамунд еще раз вполголоса пробормотал их про себя. Заклинание звучало как надо.

— Возможно, магия здесь не работает, — предположил он. — Я слышал, что есть такие места.

И тут Галахад заметил чью-то руку, показавшуюся над краем дымовой трубы. Он вытащил было меч, но потом вложил его обратно.

— Все в порядке, — заверил он. — Это всего лишь карлик.

И действительно, через несколько мгновений из трубы показалась голова Ногтя. Они втащили его в сани.

— Прости, что оставили тебя внизу, — сказал Галахад. — Тут, э-э, стоял выбор — или ты, или носки. Мы не могли унести и то, и другое, понимаешь?

Ноготь очень хорошо все понимал. Однако, на данный момент дела обстояли неплохо. Из его ноги торчал обломок оленьего рога, и его шея болела в том месте, куда попал чайник, брошенный в него одним из пажей, но в остальном все было в порядке. «Палицы», правда, у него не осталось.

— Не лучше ли нам теперь отчаливать, как вы считаете? — предложил он. — Видите ли, они там говорили что-то насчет погони, и мне...

— Легче сказать, чем сделать, — ответил Боамунд. — Нам никак не сдвинуть с места эту колымагу. Мы пробовали заклинание, но оно не работает.

Ноготь кинул взгляд на панель управления.

— Возможно, у нас получится, если мы снимем ее с ручного тормоза, — сказал он.

— Удирать — это не годится, — сказал Боамунд.

— Я проделывал это тысячи раз, — прервал Ноготь. — Это очень просто, как только поймешь, как это делается.

— Но это неправильно! — протестовал Боамунд. — Сэр Ланселот никогда не удирал от противника.

— Возможно, — парировал Галахад, в то время как сани, подпрыгивая, неслись по воздушным ямам. — Возможно также, здесь сыграло роль то, что его противники портили подштанники при одном его виде. Но мне не кажется, что эта компания так уж нас боится, а тебе? — он махнул рукой назад.

Боамунд посмотрел через плечо. В отдалении он хорошо различал фигуру фон Вайнахта в санях, возглавлявших погоню — всего их там было десять, — который стоял в кабине, размахивая своим огромным датским топором. Он совершенно определенно не выглядел напуганным.

— Здесь несколько другое дело, — возразил Боамунд, уворачиваясь от летящей навстречу чайки. — Я хочу сказать, — пояснил он, — вряд ли они станут бояться нас, если мы будем продолжать удирать, так?

— Мне не кажется, что они так уж испугаются, если мы вдруг решим остановиться, — ответил Галахад. — Скорее они будут приятно удивлены.

Сани тряхнуло на воздушном течении, и Боамунд ухватился за поручень.

— И все же мне кажется... — начал было он, но тут его взгляд упал на землю, которая была далеко внизу. — Черт возьми! — произнес он.

Погоня настигала. В оглобли лидирующих саней под управлением фон Вайнахта был запряжен здоровенный олень с красным носом и мордой, поросшей седой шерстью, фольга на его рогах развевалась по ветру. Он выглядел очень недружелюбным.

Ноготь, исследовавший отделение для перчаток, потянул Галахада за рукав.

— Взгляни, — произнес он, — мне кажется, это что-то вроде инструкции по вождению.

Галахад взял книжечку и пролистал ее.

— Ха! — воскликнул он. — А все не так уж плохо! Послушай, Бо, как насчет компромисса? Что, если мы будем удирать и биться с ними в одно и то же время?

— Не городи чепуху, Галли, — отвечал Боамунд, стараясь не смотреть вниз. — Каким образом у нас это получится?

— Взгляни сюда, — сказал Галахад. — Похоже, к этим саням прилагаются некоторые дополнительные приспособления. Я-то все гадал, на кой черт они были там привязаны? Повидимому, старый граф держал их там на случай, если придется удирать. И соответственно, если захотеть, их можно заставить проделывать некоторые довольно интересные штуки.

Боамунд взглянул на него.

— Например?

— Ну, — сказал Галахад, — очевидно, вот эта кнопка...

Прямо у них под ногами послышался шипящий звук, и за санями возникли две дымные полосы. Через мгновение в небе позади них раздался громкий взрыв.

— Ракеты с термонаводящимися боеголовками, — пояснил Галахад, — замаскированные под клюшки для гольфа в подарочной упаковке. А это...

Он прервался на полуслове: в воздухе вдруг возникла плотная, клубящаяся черная пелена, которая, колыхаясь, зависла у них в кильватере.

— ...дымовая завеса, — закончил за него фразу Ноготь. — Интересно, какая из этих кнопок — пулемет, а какая — дворники заднего стекла? — Он пожал плечами и нажал обе.

Когда дым развеялся, за ними оставалось только семь саней. Боамунд схватил инструкцию и начал листать ее.

— «Реактивный форсаж», — прочел он. — Как ты думаешь, Галли, что это?..

Прежде чем Галахад успел ответить, сани рванулись и понеслись по небесам, как крикетный мяч. Боамунд ухитрился устоять на ногах только благодаря тому, что изо всех сил вцепился в веревку колокольчика.

— Хорошая штучка, — сказал Галахад, втаскивая его в кабину. — Однако, они все равно скоро догонят нас. У них чертовски проворные сани, — он задумчиво посмотрел на карлика. — У нас слишком много веса, — произнес он. — Пожалуй, стоило бы немного облегчить наши сани.

Ноготь ничего не сказал; он лишь обхватил руками один из мешков с носками и утрюмо насупился. Галахад пожал плечами, сказав, что это было всего лишь предположение, и через плечо Боамунда стал изучать инструкцию.

— Противовоздушные мины, — сказал он. — Никогда не видел, как они работают, а ты?

— Попробовать не повредит.

— Согласен.

Они вместе нажали на кнопку, и в трюме саней тотчас же распахнулась задняя дверца, рассеивая по воздуху сотни маленьких ярко раскрашенных пакетиков, зависших в воздухе каждый на своем отдельном парашютике. Спустя несколько минут, когда первые сани преследователей выбрались из дымного облака, они выяснили, как это работает.

— Ну вот и все, — тоскливо сказал Галахад. — А там еще осталось пять саней.

— Мы не опробовали еще вот эту кнопку.

— Я бы не трогал ее на вашем месте.

— «Катапультирование», — вслух прочел Боамунд. — Интересно, что она делает?

Ноготь ударился о поверхность льда и подпрыгнул как мячик. Мешок с носками лопнул под ним, разбрасывая вокруг свое содержимое, и он заскользил на животе, пока не уткнулся в снежный нанос. Он медленно поднялся на ноги и внимательно изучил пропоротый мешок. В нем оставалась только одна пара носков.

Потом он поднял голову и посмотрел в небо. Лишившись веса карлика, сани рыцарей стали двигаться быстрее, на глазах отрываясь от своих преследователей. Он стоял и смотрел, пока дикая охота с воем не скрылась за линией горизонта.

Как ни странно, посреди ледяного поля возвышался указатель.

«Хаммерфест 1200 км», — гласила надпись на стрелке.

Карлик опустил руку в наволочку и вытащил оставшуюся пару носок. Он медленно развернул их, нашел бирку и прочел.

Буквы были едва различимыми, вытершимися от бесконечных стирок, но, присмотревшись, он смог различить слова.

СДЕЛАНО В СИРИИ.

100% ХЛОПОК. ТОЛЬКО ДЛЯ РУЧНОЙ СТИРКИ.

Карлик ухмыльнулся, запихал носки в свою сумку и зашагал по ледяной пустыне.

Фон Вайнахт придержал сани, перегнулся через поручень и потряс кулаком в направлении маленькой точки над горизонтом.

— Мы еще встретимся, проклятые ублюдки! — взревел он. — Мы обязательно встретимся!

8

Выходит Кен Барлоу, преследуемый медведем.

Призрак взглянул на страницу перед собой, сморщил свой широкий нематериальный лоб и перечеркнул то, что только что написал. Это не годится; попробуем сначала.

Возвращение Странников. Альф Робертс и Перси Сэгден сидят, облокотившись на стойку бара.

Альф: Как мне видится, Перси, в жизни человека бывают приливы, которые, если вовремя попасть на гребень волны, ну, ты понимаешь... так можно добиться многого.

Перси: Здесь я с тобой полностью согласен, Советник. Как я говорил недавно миссис Бишоп, в этой жизни, если не хвататься за подворачивающиеся возможности, то так и будешь прозябать на мели, одолеваемый невзгодами.

Нет. Здесь чего-то не хватает. Это не цепляет.

Призрак провел черту поперек абзаца, и тут заметил, что страница исписана уже полностью. Он раздраженно нахмурился: хороший плотный лист формата А4 пошел псу под хвост, и ни одно слово не годится.

Старые часы в холле вздрогнули, несколько мгновений подождали и затем пробили тринадцать раз.

«Интересно, — подумал призрак, — как это им удается?» Так было всегда, сколько он себя помнил, и всегда это

производило на него чрезвычайно удручающее впечатление. Вот ведь ирония судьбы — во всем доме единственным представителем первоначальной обстановки являются эти старые сумасшедшие часы. Он не мог понять, почему бы им не поставить вместо них какую-нибудь из этих новомодных электронных штучек.

Он силой вернул себя к работе; покусал кончик пера, выплюнул откушенный кусочек и написал:

Возвращение Странников. Вера, Айви и Гейл сидят за столом.

Вера: Смотри-ка, вот мы и снова все здесь. Ну и погодка там снаружи, поливает как из ведра!

Еще одной вещью, которая постоянно раздражала его, было то, как его концентрация всегда слабела как раз тогда, когда он подходил к заковыристому куску. Вместо того, чтобы собраться как следует и решительно приступить к делу, он имел склонность позволять своему уму отвлекаться от непосредственной работы на совершенно посторонние и несущественные вопросы, — например, почему эти проклятые часы никогда не работали как надо, с тех самых пор...

Он зашагал по холлу, пытаясь услышать голос Веры в своем мозгу. Что же эта растреклятая женщина может сказать? Она вернулась домой после тяжелого дня, пошла в паб, наткнулась там на свою лучшую подругу и ее приемную дочь...

А может быть, маятник? Это точно не регулятор хода; он вынимал его и разбирал на части, покрыв ими весь кухонный стол, когда у него была заминка с «Титом Андроником». Но про маятник он еще не думал. Если эта чертова штуковина работает неточно — не сбалансирован вес или что-нибудь еще — то это может быть причиной.

А может, вообще не стоит начинать сцену с Веры? Допустим, двое придворных...

Первый Придворный: Говорят, у Джексона Дакворта в последнее время совсем пропал аппетит.

Второй Придворный: Возможно, он еще не слышал, что у их Терри большие проблемы с полицией в связи с этим грузовиком краденых пуховых одеял, который нашли на задворках Розамунд-стрит...

Нет, не пойдет.

Он открыл дверцу часов и посмотрел внутрь.

Вот его инициалы, которые он выцарапал на футляре, когда ему было двенадцать. А вот пятно на том месте, где он прятал кроликов, подстреленных в заднем саду сквайра в ту ночь, когда люди сэра Джона Фальстафа получили приказ обыскать дом. Счастливые были времена.

Он протянул руку внутрь и нащупал маятник. Вроде бы все в порядке, держится прочно, нигде не хлябает. А может, это...

Призрак поднял нематериальную бровь. Вокруг маятника было что-то плотно обернуто и завязано куском шпагата. Очевидно, оно провело здесь довольно долгое время. Может быть, папа хотел таким образом добиться более точного хода. Тогда все понятно; папа, без сомнения, человек хороший, но не того склада, чтобы разбираться в механизмах. Терпеть не мог машины любого рода, из-за чего и отказался раскошелиться, когда сыну подвернулся шанс поступить подмастерьем к изготовителю приборов.

Призрак печально покачал головой; однако, не стоило слишком много раздумывать об упущенных возможностях. В конце концов, все и так сложилось не так уж плохо.

Нечто, обвязанное вокруг маятника, оказалось листом старого пергамента. Переполненный ностальгией, призрак бережно отвязал его, разгладил и начал внимательно рассматривать.

Чудесная вещь пергамент, во много раз лучше этой давленной древесины, на которой пишут нынче. Допустим, написал ты лист пергамента; все, что тебе нужно, это взять кусок пемзы и стереть все, что написал, — и пиши себе заново сколько влезет.

Он закрыл футляр часов и медленно побрел обратно к своему письменному столу, разглядывая письма на пергаменте, сощутив глаза. Хороший шрифт, в старом стиле, даже по его стандартам. Да еще и картинки — ужасные картинки. В его мозгу встал на место недостающий кусочек, и он вспомнил, как папа, вернувшись как-то вечером с ярмарки, — он тогда был еще совсем маленьким... — сказал что-то насчет — да, верно, он сказал, что необходимо подправить часы. «Но там ничего не надо подправлять», — ответила мама. «Позволь мне судить об этом. Я быстро

сделаю все как надо». И с тех самых пор эти картинки висели здесь! Впрочем, неудивительно.

«Подумать только», — бормотал про себя призрак. Столько лет ломать голову, а это всего-навсего кусочек старого порно, намотанный на маятник.

Насколько он понял, написано было на латыни, а латынь для него всегда была закрытой книгой; а картинки были не так и ужасны, если подумать. Хороший пергамент, однако, его может хватить на несколько недель, если писать аккуратно и не тереть слишком сильно. Он улыбнулся и кивнул сам себе, затем положил пергамент на стол и пошел в ванную за куском пемзы.

— Великолепно, — сказал сэр Туркин. — И что мы будем делать теперь?

Они очистили стол в общей комнате от рубашек, пустых коробок из-под пиццы и ламораковских журналов по рыболовству и разложили на нем свои трофеи.

Передник, маленькая книжечка в кожаном переплете и пара носок. Молчание в общей комнате было совсем ненамного — может быть, на одну стотысячную — разбавлено замешательством.

— Может, я еще более тупой, чем обычно, — продолжал Туркин, — но я лично не вижу, чтобы мы *настолько* уж приблизились к тому, чтобы найти Грааль. А вы?

Пертелоп вытащил из нагрудного кармана шариковую ручку и потыкал ею носки в качестве эксперимента.

— Они не выглядят такими уж древними, — сказал он. — Вы уверены, что этот проклятый карлик притащил ту пару?

— Абсолютно, — ответил Боамунд.

— А почему?

— Потому что! — Остальные рыцари посмотрели на него, и каким-то давно не употреблявшимся отделением своего мозга Боамунд начал размышлять, почему такой ответ больше не был столь же убедительным, как в те времена, когда он был мальчишкой.

— Может, это акrostих или что-нибудь такое, — предположил Ламорак.

В течение нескольких минут шестеро рыцарей пытались сложить какую-нибудь осмысленную конструкцию из начальных букв предметов, лежавших перед ними.

— Нет, — сказал Бедever, — я думаю, здесь что-то другое. Если бы это было так, нам бы не были нужны сами эти вещи. Мне кажется, где-то в них должны быть, ну, какие-то ключи, что ли.

— Ключи, — повторил Туркин.

— Например, надо найти между ними что-то общее, возможно? — предположил Галахад.

Шесть пар глаз вперились в предлагаемые для размышления экспонаты: передник, кожаная книжка и пара носок.

— Животное, растение или минерал?

— Помолчи, Тур, я думаю, — Бедever потер нос ладонью и поднял передник со стола. — Я спрашиваю себя, — провозгласил он, — о чем говорит мне передник?

— Не очень-то много, — ухмыльнулся Туркин. — Разве что ты снова перегрелся на солнце.

Бедever не обратил на него внимания.

— Передник, — произнес он. — Это предполагает работу по дому, чистоту, уют, хлопоты у плиты...

— Кухонный пол, — подхватил Ламорак, которому как раз подходила очередь мыть его. — Яблочный пирог. Резиновые перчатки. «Персоль». Мне кажется, мы вряд ли придем таким образом к чему-нибудь.

— Возможно, мы упускаем суть дела, — перебил Галахад. — Речь идет не о передниках вообще, речь идет именно об этом конкретном переднике. Кто-нибудь осматривал его? Я имею в виду, в деталях?

— Ну, не до такой степени, — сказал Боамунд. — То есть, передник есть передник, что тут смотреть?

— Не обязательно, — отвечал Галахад. — Передайте-ка мне его, кто-нибудь, и давайте взглянем на него поближе.

Он взял передник в руки и некоторое время пристально рассматривал его.

— Это просто передник, вот и все, — сказал наконец он.

— Блестяще! — воскликнул Туркин. — Фундаментальный подход к вещам и так далее. Если вы спросите меня, так просто кто-то с очень странным чувством юмора провел нас, как мешок с пустыми тыквами.

— Мы подходим к вопросу не под тем углом, — прервал Пертелоп. — Вот вы все тут сидите и пытаетесь что-то понять. Но мы не для этого созданы; если бы здесь требовалось что-то понимать, на эту работу наняли бы профессоров, а не нас. Тем не менее, как мы видим, делаем работу мы; а что мы умеем делать? Держаться храбрецами и задавать людям взбучки. Следовательно...

Бедевер поднял руку, призывая к молчанию.

— Пер прав, — сказал он. — Так оно и есть. В смысле, главное в рыцарях — это то, что они, как правило... ну, глупые, что ли. То есть мы. Очевидно, то, что нам предполагается делать — это взять эти вещи, пуститься в путь и ехать год и один день, встречая по дороге приключения, а потом это просто случится. Звучит вполне разумно, ей-богу.

— Что такое *это*, Беддерс? — спросил Ламорак.

— Это, — ответил Бедевер. — Эта вещь. Грааль. То есть, — продолжал он, размахивая руками, — так это всегда делалось. Ты пускаешься в дорогу, встречаешь мудрую старуху, сидящую у дороги, она дает тебе старую загаженную жестяную лампу, или кусок ковра, или волшебную золотую рыбку, и в следующий момент ты понимаешь, что дело завертелось. Просто надо иметь немного терпения, вот и все. Оставим это им.

— Им, — пробормотал Туркин. — Мы, они, оно. Ты просто помешался на местоимениях, Беддерс.

— Что такое «местоимение»?

— И кстати, кого ты там назвал глупыми?

Галахад, хмурясь, ударил по столу кулаком.

— Я за то, чтобы попробовать, — сказал он. — Мне кажется, вреда от этого не будет, не так ли? И если все это кончится тем, что мы будем странствовать по свету год и один день и развлекаться, так что из того? Мы всегда можем вернуться к старту, и никто нас не обвинит.

— Он прав, — сказал Бедевер. — Кто когда-либо слышал о рыцарях, организующих что-то? Они просто следуют за течением событий, и все.

Внезапно Боамунд кивнул.

— Бедевер прав, — решительно произнес он. — Кто-нибудь, запихните эту ерунду в мешок — мы отправляемся на поиски приключений.

Ноготь, который лежал под столом, свернувшись в картонной коробке и полируя щипцы для сахара, вскочил, погрузил три сокровища в полиэтиленовый пакет и сунул к себе в сумку. Он пришел к этому заключению полчаса назад.

— Готовы? — спросил он.

— Сейчас, я только соберу вещи, — сказал Ламорак. Ноготь сообщил, что он уже собрал вещи за всех еще этим утром, пока они завтракали. «Чемоданы стоят в холле», — сказал он.

— Ну и прекрасно, — весело отозвался Боамунд, — с этим улажено. Что ж, двинулись?

Так и получилось, что три микроавтобуса стартовали из трех совершенно различных мест в точности в один и тот же момент.

Первый из них — экс-бритиш-телекомовский «бедфорд», собственность Рыцарей Ордена Святого Грааля — выехал по Бирмингемской кольцевой дороге по направлению к Лондону, с сэром Пертелопом за рулем и сэром Туркином за картой автодорог. Возможно, виной тому химическое строение человеческого организма, но он пропустил все необходимые повороты и оказался в конце концов на трассе А-45 на Ковентри.

Второй — восьмиместный «рено», номинально нанятый командой игроков в кегли факультета Экспериментальной Мифологии, — покинув Гластонбери, покатыл по М-5 на север, к Бристолю и центральным графствам; его пассажиры, неплохо проведя время, остановились на станции обслуживания Майклвуд, чтобы выпить чашечку чая и сыграть в космических пришельцев в вестибюле станции.

Третий — совершенно новенький, черный как смоль «додж» с затемненными стеклами, толстыми шинами, дипломатическими номерами и стикером с надписью «дорожные налоги уплачены» на окне — материализовался на М-40 в месте ее пересечения с М-25 и понесся, как летучая мышь из ада, по направлению к северу, всю дорогу оставаясь на скоростной полосе и ослепляя фарами передние машины до тех пор, пока они не отворачивали, уступая ему дорогу.

* * *

— Нет, — сказал Аристотель, — я заказывал булочку с изюмом, *Дио* — печенье «Блэк форест», *Мерлин* ел гренки, а *ты* — черный кофе с круассаном, так что *ты* должен мне тридцать пенсов.

Так называемая кегельная команда обменялась яростными взглядами. Нострадамус, с чеком в руке, вытащил из-за уха карандаш и начал складывать на бумажке.

— Честно говоря, — сказал Мерлин, — я заказывал чашку чая, а мистер, э-э, Магус...

Симон Маг взглянул на часы.

— Ладно, — произнес он. — Я выручу вас. Я заплачу за всех. Может, мы наконец пойдем?

Маги посмотрели на него.

— Нет нужды разговаривать в таком тоне, — проворчал Аристотель. — Это проще некуда. Я дал Нострадамусу пять...

— У нас нет времени, Ари, — зарычал Симон Маг. — Давай уладим все это в машине, идет? Машо... — о боже мой, куда она опять подевалась?

— Мне кажется, она собиралась зайти в магазин, чтобы купить мятных леденцов, — объяснил Мерлин. — Она сказала, что они помогают ей справляться с укачиванием.

— О Боже, Боже милосердный! — воскликнул Симон Маг. — Дио, будь другом, пойдешь скажи ей... — но Дио Хризостом, который был твердо уверен, что не заказывал ничего, кроме горячего шоколада и вафель, скрестил руки на груди и сделал вид, что не слышит. Ситуация начала немного выходить из-под контроля.

Симон Маг нахмурился. С одной стороны, здесь присутствовали восемь яснейших умов во всей Стеклоанной Горе, окончательное вместилище мудрости всего мира, фонтан магии, щит и столп человечества. С другой стороны, по сравнению с ними нижние скамьи в старом колледже выглядели положительно здравомыслящими. Он многозначительно откашлялся.

— Так, — произнес он. — Автобус отходит через три минуты. Те, кто не успеют, будут оставлены здесь. Ясно?

Он позвенел ключами и не спеша зашагал по направлению к стоянке.

* * *

— Ох, боже мой! — проговорила Королева Атлантиды, слегка сдвинув брови. — Какая досада! Выйдите же и поменяйте его, кто-нибудь.

Среди пассажиров пронеслось некоторое шевеление, но никто не предпринял попытки более решительного движения.

— Только не говорите мне, что к этой машине не прилагалось запасного колеса, — сказала Королева. — Это правда?

— В автобусе, э-э, не хватило места, — выговорил наиболее молодой и отчаянный из помощников. — Видите ли, нам пришлось выкинуть все, что не было абсолютно необходимым, чтобы уместились приспособления для наблюдения и мобильный факс-трансивер, так что...

— И кто-то из вас решил, что запасное колесо не является необходимым, — Королева поджала свои прелестные губки. — Да, разумеется, это скорее роскошь — нечто вроде встроенного коктейль-бара. *Понимаю*. Ну а ремонтный комплект на случай прокола — от него мы тоже избавились, сочтя его последним словом сибаритской моды, или он все же где-нибудь остался?

— Да, конечно, мы...

Глаза-прожекторы навелись на цель. Улыбка точного боя взяла прицел.

— Это просто замечательно, — проговорила Королева. — Тогда что же ты тут делаешь?

Неохотно, как тореадор, выходящий к быку, имея в руках лишь букетик цветов и зубочистку, молодой безрассудный помощник встал, ударившись головой о крышу автобуса, и начал пробираться к двери.

— Ну, а теперь, — Королева перевела взгляд на остальных, а улыбку — в режим коврового бомбометания, — пока мы ждем, давайте, может быть, посмотрим, что еще мы забыли взять с собой?

К счастью, зазвонил телефон.

— Тур!

Сэр Туркин поднял глаза от карты. По его подсчетам, к настоящему моменту они должны были быть уже в Харт-

фордшире, что означало, что какой-то чертов придурок переместил Ковентри на сотню миль к югу.

— Что? — раздраженно спросил он.

— Ты уверен, что это та дорога?

— Слушай...

Боамунд, который спал как бревно с тех пор, как они покинули бар Перри, внезапно дернулся, открыл глаза и произнес:

— Останови фургон!

— Что?

— Я сказал, останови фургон.

Туркин взглянул на него и покачал головой.

— Здесь нельзя, — сказал он, — это же магистраль. Придется тебе подождать, пока мы не доберемся до «Маленького Повара» или чего-нибудь в этом роде.

— Да не это, идиот! — рявкнул Боамунд. — Мы приехали. Это здесь.

Пертелоп пожал плечами.

— Ты босс, Сопливчик, — произнес он. — Вон впереди площадка. Подойдет?

— Да, — нетерпеливо сказал Боамунд, — замечательно, подруливай, — его брови были нахмурены; судя по виду, это был внезапный приступ сосредоточенности, словно он изо всех сил пытался удержать что-то большое и скользкое у себя в сознании.

— С тобой все хорошо, Бо? — спросил Бедевер. — Ты выглядишь как-то странновато.

— Вообще-то, — ответил Боамунд, — мне приснился сон.

— Ага, — вмешался Туркин, — вот и оно. У Сопливчика опять начали слипаться мозги.

Боамунд яростно отмахнулся от него.

— Заткнись, Тур. Это был очень важный сон, и я пытаюсь вспомнить его. А это не так-то просто, знаешь ли.

Фургон остановился, и рыцари выпрыгнули из него. Снаружи было холодно, с неба сыпала мелкая морось. Позади проволочной изгороди туман накатывался на опушку большого соснового леса.

— Там, — показал Боамунд. — Вон тот лес. За этими деревьями есть озеро. Туда-то нам и надо.

Бедевер умудрился завладеть картой и теперь внимательно ее изучал.

— Вы знаете, а он прав, — сказал он. — Во всяком случае, здесь в округе полно затопленных гравийных карьеров. По крайней мере, если там Мериден, — опустив карту, он кивнул в северном направлении, — то за этими деревьями действительно есть затопленные карьеры. В противном случае, мы можем находиться где угодно.

Он оборвал себя и посмотрел вниз. Ноготь дергал его за рукав.

— Ты сказал — Мериден? — возбужденно переспросил карлик.

— Именно так, — ответил Бедевер. — А в чем дело?

— Мериден, — повторил карлик. — Там делают мотоциклы.

Бедевер поднял бровь.

— Кто-нибудь понял, о чем он тут болтает? При чем здесь мотоциклы? — недоуменно спросил он. Галахад кивнул:

— Старая фабрика «Триумф» располагалась в Меридене, — подтвердил он. — И что?

Карлик ухмыльнулся.

— Ничего, — отозвался он. — Просто Мериден, знаете ли, находится точно в географическом центре Альбиона, вот и все.

Галахад нахмурился.

— Это, конечно, чрезвычайно интересно, — сказал он. — Ну а теперь, малютка, давай-ка топай быстрее, а то...

— Ну-ка повтори, — прервал Бедевер.

— Мериден, — раздельно произнес карлик, — это точный центр Альбиона, с географической точки зрения, — он подмигнул Бедеверу. — Мне показалось, что стоит об этом сказать, — добавил он.

— Спасибо, — Бедевер задумчиво пощипал кончик носа и взглянул на карту. — Знаете, — проговорил он, — а это, если подумать, действительно довольно интересно.

— Да ну? — насмешливо взглянул на него Ламорак. — Я-то лично никогда не видел смысла в географии. Кому, скажите, какое дело, где расположена столица королевства Нортгэльского?

— Точно в центре, — проговорил Бедеввер, скорее для себя, чем для кого-нибудь другого. — Разрази меня гром!..

— Ваше Величество...

— М-м?

— Мне кажется, вам лучше свернуть к обочине, Ваше Величество.

Королева взглянула в зеркальце заднего вида, вздохнула и нажала на тормоз. Помощники переглянулись и обменялись ухмылками. Они предвкушали то, что должно было произойти.

Полисмен подошел к машине и постучал в стекло. Он был молод, высок и рыжеволос. «Забавно, — сказала сама себе Королева, — насколько молодо они все выглядят в наши дни». Она опустила стекло и улыбнулась.

— Добрый вечер, офицер, — обольстительно проговорила она.

Полицейский не отреагировал на улыбку; по крайней мере, не показал этого.

— Знаете ли вы, — сказал он, — что вы ехали со скоростью более ста десяти миль в час, мадам?

— Неужели! — воскликнула Королева. — Просто удивительно! Я совершенно не ощущала ничего подобного.

— Прошу вас, выйдите из машины, мадам.

— Но на улице дождь!

Лицо полисмена оставалось бесстрастным.

— Выйдите из машины, пожалуйста, — повторил он. — Я вынужден попросить вас предъявить...

— Простите?

— Я вынужден попросить вас... вас... вас... вас... — промолвила маленькая зеленая лягушка; затем она заметила, что что-то не так. Она подпрыгнула на месте раза два, потом села и раскрыла рот. Королева с печалью покачала головой и обратилась ко второму полисмену.

— Офицер, — произнесла Королева, — я собираюсь и вас превратить в лягушку.

Полисмен тупо тарасился на нее.

— Прошу вас, не примите это на свой счет, — продолжала Королева, — я же знаю, вы просто делаете свою рабо-

ту, и это совсем не ваша вина, просто так сложились обстоятельства. Это совсем не больно, обещаю вам.

Она улыбнулась, и у ее ног возникла вторая лягушка. Очень аккуратно, словно боясь повредить их хрупкие лапки, Королева подобрала двух земноводных с земли и посадила их к себе на ладонь.

— Ну вот, — произнесла она. — Когда-нибудь по этой дороге проедет принцесса. Возможно, — добавила она, — эта принцесса будет ехать со скоростью сто двадцать с лошадиным фургонном на буксире. И если вы будете с ней очень-очень вежливы и не станете спрашивать у нее водительские права, возможно, она поцелует вас, и вы снова станете полицейскими. Ну а если нет, попробуйте ловить мух. Мне говорили, что у них довольно специфический вкус, но если притерпеться, то оно стоит того. Чао!

Она мягко подтолкнула их указательным пальцем между задних лапок, чтобы побудить спрыгнуть с ее ладони, еще раз улыбнулась и забралась обратно в автобус.

— Ну что ж, — сказала она.

— Где?

Боамунд угрюмо насупился. Это был такой живой, убедительный сон, из тех, которые ты уверен, что вспомнишь; но теперь в его голове оставался только какой-то липкий серебристый след в том месте, где он когда-то был.

— Это где-то здесь, — произнес он. — Озеро. Все в тумане. Ну, вы знаете такие вещи.

— Но здесь и в помине нет никакого озера, Бо, — покачал головой Туркин. — Ты же понимаешь, такую вещь, как озеро, трудно проглядеть. Ты, должно быть, просто вообразил его.

— Я не воображал его! — заорал Боамунд. — Это было озеро, и оно было *здесь*!

— Но сейчас его здесь нет, — с ухмылкой возразил Туркин. — Здесь только деревья и вот это.

Он махнул рукой в сторону маленькой, наполовину недостроенной группки фешенебельных коттеджей и пожал плечами. Остальные рыцари, против обыкновения чувствительные к замешательству своего лидера, не говорили ничего.

— Мы можем попробовать поискать там, — предложил Боамунд; и Бедеверу вспомнился один кот, которого он когда-то знал, — у того была манера каждый раз, когда шел дождь, обходить по очереди все двери и окна, вероятно, в надежде найти хоть одно, за которым светит солнце. — Наверно, его просто не видно из-за тумана. Уверен, что если мы посмотрим *как следует*...

— Ну-ну, будет тебе, — продолжал уговаривать Туркин с той же невыносимо раздражающей интонацией, словно говоря: «Будем же наконец разумными людьми». — Мы уже достаточно долго пробовали, никакого озера здесь нет, ну и хватит об этом...

Его речь оборвалась громким всплеском. Туркин все же нашел озеро.

Призрак перечитал написанное и понял, что это хорошо. Такое чувство приходит иногда, если ты призрак.

Он посмотрел на часы, которые показывали теперь точное время, и увидел, что уже половина десятого. Самое время послать это по факсу, пока в манчестерской студии все не разошлись.

Неторопливо шагая по пустому дому, призрак удивлялся про себя, что же казалось ему таким трудным. Стоило ему смириться с мыслью, что сцена должна начинаться с Майка Болдуина, как это просто пришло к нему, словно кто-то диктовал ему текст непосредственно в его голове. Он просто сел, взял лист бумаги, — и не испортил ни строчки.

Только сейчас он заметил, на чем писал: это был тот странный кусок пергамента, который он обнаружил в часах. Не раздумывая, он стер пемзой картинки и заглавие, но вся эта скучная латынь осталась на листе. Однако, сейчас уже слишком поздно что-то с этим делать.

Приступ легкого любопытства все же овладел им; он присел на краешек сундука и прищурился на манускрипт. Прошли годы с тех пор, когда он в последний раз пытался прочесть что-то на латыни, и слава Богу, — чертовски глупый язык, надо же было такое придумать, чтобы половина слов кончалась на «-us», а другая половина на «-o». Буквы

были маленькими и тесно посаженными, что не очень-то помогало разбирать текст.

Historia Verissima de Calice Sancto, quae Latine vortit monachus Glastonburiensis Simon Magus ex libello vetere Gallico, res gestas equitum magorumque opprobria argentariorumque continens...

...Очень правдивая история святого чего-то, с которой Симон Маг, *monachus*, — это значит монах, ну да, монах из Гластонбери, что-то сделал на латыни — непонятный глагол в конце строки — в которой содержится... ага, содержатся деяния всадников и магов, а также *opprobria* — позорное что-то — *argentariorum*, то есть людей, имеющих дело с деньгами...

Куча древней чепухи. Сейчас отправлю факс, пообещал себе призрак, возьму пемзу и сотру все это к чертям, а потом, может быть, мне удастся написать на этом листе что-нибудь достойное. Позорные деяния людей, имеющих дело с деньгами, скажите пожалуйста! Кто, черт побери, захочет об этом читать?

Он вошел в кабинет, набрал номер на факсе и заправил лист пергамента в приемный лоток. Послышались обычные звуки, словно кто-то душил утку, и пергамент, спазматически дергаясь, пополз, зажевываемый маленькими пластмассовыми челюстями. Когда пересылка была закончена, он вытащил лист, тщательно удалил полосу регистрации и пошел искать пемзу.

— Боамунд.

— Что?

— Не хочу дергать тебя по пустякам, но помнишь вот эту кожаную книжечку, которую мы притащили из Атлантиды?

— И что?

— Там из нее лезет какой-то здоровенный кусок бумаги.

Денни Беннетт зевнул, потянулся к кофейнику, обнаружил, что в нем ничего нет и выругался.

Девять тридцать. Это был долгий день. Однако, новый документальный фильм продвигался вперед, идеи били ключом, адреналин бежал по жилам. Теперь, если только ему удастся найти способ связать шотландских горцев и Совет по Развитию Островов с резней в Гленкоу, у него уже будет что-то.

Он подвинул к себе диаграмму и начал пристально ее рассматривать. Как все его конспиративные карты, она была разрисована по меньшей мере семью различными цветами — голубой для ЦРУ, зеленый для ФБР, красный для М-16, лиловый для Английской Национальной Оперы, и так далее.

Диаграмма показывала красивое многоцветное переплетение вокруг побега Принца Чарли и ровную оранжевую линию, связывающую его с североморскими нефтяными компаниями; теперь ей не хватало только нескольких розовых штрихов в правом верхнем углу. Что у нас означает розовый? Ага, люди из Совета по Правам Заимодавцев. Там определено что-то происходит. Только что?

Дальше по коридору, в той части здания, где располагались ребята из мыльных сериалов, тихо зазвенел факс. Мыльные сериалы! Подонки общества. Опиум для народа. Почему ему никогда не приходят факсы, интересно знать?

Однако, следовало признать, что в коммерческом телевидении использовались гелевые ручки гораздо лучшего качества, нежели те, с которыми он имел дело на Би-Би-Си. Если ты в муках творчества непреднамеренно откусывал кончик такой ручки, тебе потом не приходилось ходить три дня с ярко-зеленым языком.

Что-то мешало ему сосредоточиться. Он пытался выкинуть это из своей головы, но оно не желало уходить: непрекращающийся вибрирующий писк, словно машина, страдающая зубной болью. Да это же тот факс в конце коридора, понял он, — вероятно, его заело, а эти ленивые ублюдки уже давно разошлись по домам. С огромной неохотой — поскольку он уже видел способ связать розовый с желтым так, чтобы не пересекать голубой, — он поднялся на ноги и пошел в «Мыльные сериалы», чтобы разобраться наконец с треклятой машинкой.

Как и следовало ожидать, в факсе застряла бумага. Несколько резких ударов ладонью быстро вывели механизм из затруднительного положения; он вытащил листок, швырнул его на стол и повернулся, чтобы уходить. Потом нахмурился и снова повернулся к столу.

Чем, черт возьми, занимаются мыльные сериальщики, если они получают факсы на латыни?

Начало, разумеется, было на английском, — и тот, кто писал его, имел большие трудности с орфографией, — какая-то ерундовая пьеска про людей, которых звали Альф и Дейдре. Но потом рукописный текст кончался, и далее шел десяток абзацев мелким шрифтом, и Денни мог поклясться, что это латынь, насколько он мог разобрать. Это было, по меньшей мере, странно. Очень странно.

Прошло уже — о, лет пятнадцать, даже двадцать, с тех пор, когда учителя в школе оставили попытки научить его латыни; но память Денни была похожа на багажник семейного автомобиля. Вещи, которые давно уже никому не нужны и которые, по общему убеждению, вообще были выброшены много лет назад, имели тенденцию скапливаться там, прячась, выжидая удобного момента, чтобы выскочить на поверхность, когда никто этого не ожидает. К собственному удивлению, он обнаружил, что даже может кое-что разобрать...

Не осознавая, что делает, он присел на край стола и погрузился в чтение.

— Что она делает, Беддерс? — требовательно спросил Боамунд.

— Печатает, — отвечал Бедвер, пораженный. — Черт, Бо, похоже, у этой штуки внутри встроенный миниатюрный факс. Круто!

— Что такое...

Но Бедвер уже рассматривал узенькую полоску бумаги, упорно ползущую из боковины Персонального Органайзера Знаний.

— Это магический артефакт, — произнес он. — Это значит, что ты можешь посылать письма и документы и все что хочешь по всему миру за считанные секунды.

— А, так *вот* это что, — облегченно сказал Боамунд. — Только вот где у нее крылья?

Бедевер поднял бровь.

— Что ты имеешь в виду? Какие крылья?

— В мое время, — объяснил Боамунд, — когда кто-то хотел отправить письмо с одного конца мира в другой за несколько секунд, он использовал волшебного ворона. Но где у него крылья?

— Они его усовершенствовали, — сказал Бедевер; его внимание было приковано к бумаге у него в руках. — Теперь все делается с помощью электричества. Поэтому это и называется бескрылым телеграфом. А знаешь, это может оказаться интересным. Похоже, мы перехватили чью-то линию, и...

Помимо своей воли рыцари сгрудились вокруг, заглядывая ему через плечо, — все, кроме Туркина, который был слишком занят тем, что выжимал свою рубашку и дрожал от холода. Группа искателей приключений погрузилась в молчание.

— Так-так, — проговорил наконец Ламорак. — Интересно — это еще мягко сказано. Подумать только, Кен Барлоу и Лиз Макдональд...

— Да не этот кусок, — оборвал Бедевер. — Вот здесь, ниже. Бог мой...

— Но это же по-латыни, Беддерс. Я в латыни всегда был ни в зуб ногой.

Бедевер читал довольно бегло, и его палец вскоре оказался внизу страницы.

— Проклятье! — сказал он. — Она обрывается. Однако, для начала неплохо. Интересно, за каким дьяволом кому-то понадобилось пересылать это по факсу?

— Что там написано, Беддерс? — нетерпеливо прервал его Боамунд. — И если у этой штуки нет крыльев, то каким образом?..

Бедевер, однако, не слушал его. Он широко улыбался.

— Понимаю, — отдельно произнес он. — Очень, очень интересно, в самом деле. Так вот для чего эта штука была нужна на самом деле! — Тут он, по-видимому, заметил остальных рыцарей и повернулся к ним. — У нас в руках, — сказал он, — находится первая часть истории о том, как был

утерян Святой Грааль, рассказанной современником, ну, или почти современником; и, черт побери, — тут его лицо расплылось в уже совершенно необъятной ухмылке, — вы никогда не догадаетесь, кто этот современник, написавший эту бумагу.

«Они будут просто вне себя, — сказал себе Симон Маг, — особенно Машо». Однако он предупреждал их, и не разбив яйца, не сделаешь омлета, и так далее. Наверное, ему будет лучше идти одному. Он взглянул на карту, лежащую на соседнем сиденье, но в кабине было слишком темно.

Придется полагаться на память, а ведь прошло, пожалуй, лет восемьсот с тех пор, как он в последний раз ездил по этой дороге. К счастью, он обладал хорошим чувством направления.

— Ковентри, — произнес он вслух. Хорошая идея — эти новомодные придорожные указатели; сберегает кучу времени, когда не надо каждый раз останавливаться и спрашивать дорогу у каких-нибудь морщинистых стариков-крестьян. Он наклонился вперед и включил радио. «*Вокруг Британии*», замечательно. Он любил эту программу. Простая развлекательная музыка, никаких придурочных шуточек.

Вполне понятно, что ему было немного не по себе. Это дело шло к исполнению долгое время, в него было вложено много сил. Он взглянул на спидометр и слегка отпустил педаль газа. Не стоит спешить, было бы глупо, если бы его сейчас задержали за превышение скорости.

(«Вас... вас... вас...» — донеслось кваканье с обочины дороги, когда микроавтобус со свистом пронесся мимо.)

Крутя руль, он перебирал в уме все, что ему еще оставалось сделать. Было еще множество вещей, которые могли пойти наперекосяк, но так оно всегда бывает. Наступил тот момент, когда ему не оставалось ничего, кроме как сесть, откинуться на спинку кресла и позволить им продолжать самим.

Они, в общем-то, вполне здравомыслящие парни, если не ожидать от них ничего экстраординарного, и при них

был карлик, на случай, если они попадут в слишком уж серьезную переделку.

«Вокруг Британии» сменилась прогнозом погоды — довольно точным, одобрительно заметил Симон Маг; хорошо работают ребята, особенно если учесть, какими потрясающе примитивными технологиями они пользуются, — а затем программой для садоводов. Симон Маг зевнул и выключил радио. В любом случае, он был уже почти на месте.

Окружающий ландшафт определенно выглядел знакомым, и Симон Маг свернул с магистралю на А-45. Он почти мог слышать это, оно звало его...

— Симон!

Он поднял голову и увидел в зеркале заднего вида лицо Аристотеля. Проклятье! Он забыл вырубить эту чертову штуку!

— Привет, Ари, — ответил он. — Я вас предупреждал. Я же сказал: три минуты.

— Как ты мог? — спросил Аристотель, белый от ярости. — Бросить нас вот так, черт знает где...

— Я подберу вас на обратном пути, — утешил его Симон Маг. — Послушай, почему бы тебе не пойти выпить чашечку чая, а? Сыграть партию-другую в «Космических завоевателей»... И, э-э, скажи там миссис Магус, что меня срочно вызвали, или придумай что-нибудь такое, хорошо? Спасибо тебе.

Он протянул руку и щелкнул маленьким переключателем, расположенным за зеркальцем. Лицо Аристотеля исчезло, сменившись изображением тяжелого грузовика.

Ну что ж. Если он что-нибудь забыл, теперь уже слишком поздно.

Рыцари понемногу отсыревали.

— Итак, — говорил Бедевер, — это все, разумеется, очень прямолинейно, но... Альбион — это на самом деле не Альбион, это... — он порывлся в памяти, подыскивая подходящий термин. — Это нечто, что можно назвать финансовым учреждением, — сказал он неуверенно. Он знал, что это совсем не так, но неважно. Не было смысла пытаться по-

нять это; все, что от них требовалось, — это действовать дальше, и все станет ясно само собой.

— Понимаю, — соврал Боамунд. — Так и что же от нас теперь требуется?

— У меня с собой дорожный набор для игры в триктрак, — сказал Ламорак.

Боамунд обдумал это.

— Хорошо, — произнес он. — И что потом?

— Ну, тем временем нам кто-нибудь подвернется и скажет, что делать дальше, полагаю. Ты же слышал, что сказал Беддерс, Бо. Нам следует быть терпеливыми.

Как неизбежно и должно было оказаться, выяснилось, что Ламорак забыл взять с собой кости, так что в конце концов они просто уселись под деревом и стали играть в «двадцать вопросов». К этому времени темнота стояла уже непроглядная, и туман начинал свиваться вокруг них серыми клубами.

— Твоя очередь, Бо. Задумай что-нибудь.

Боамунд некоторое время размышлял, нахмутив брови. Когда он сказал «Готово», в его голосе было что-то, заинтересовавшее Бедевера, но он не стал высказывать свои мысли вслух.

— Два слова, — сказал Боамунд. — Из царства минералов.

— Минералов, — повторил Галахад. — Это что-то, что ожидаешь найти у себя в доме?

Боамунд немного подумал; было похоже, что он слушает какой-то голос, подсказывающий ему ответ.

— Да, — ответил он, и его голос прозвучал удивленно. — Один.

— Больше или меньше футбольного мяча? — спросил Туркин.

— Больше, — ответил Боамунд. — Черт побери, — прибавил он. — Два.

— Это сделано из металла?

— Да, — сказал Боамунд, затем нахмурился. — Нет, — поправился он. — Нет, пожалуй, не из металла. Три.

— Предмет домашнего обихода, сделан не из металла, больше, чем футбольный мяч, — размышлял Пертелоп. — Это механизм?

— Нет. Четыре.

— Не механизм, хорошо. Его можно найти в кухне?

Боамунд подождал ответа. Когда ответ пришел, он, по-видимому, сам был поражен.

— Да, — сказал он. — Пять.

— Так, — произнес Галахад. — Минерал, не металлический, больше футбольного мяча, не механизм, находится на кухне. Мусорная корзина?

— Нет. Шесть.

— Корзинка для овощей?

— Нет. Семь.

— Это сделано из пластмассы? — спросил Ламорак.

Боамунд послушал, и его рот открылся от изумления.

— Да, — сказал он. — Восемь.

— Банка для круп?

— Это не больше футбольного мяча, идиот.

— Встречаются и больше, — скромно ответил Туркин. — Я как-то зашел в один магазин...

— Это не банка для круп, — спокойно произнес Боамунд. — Девять.

— Кухонные весы, — предположил Пертелоп. — Нет, это механизм; беру назад. А, знаю: это большая плетеная хлебница.

— Нет. Десять.

— Стакан для сбивания коктейлей?

— Нет. Одиннадцать.

— Черт, мы где-то совсем рядом, — сказал Ламорак. — Давайте-ка посмотрим: это большая пластмассовая кухонная принадлежность, не механизм. Подставка для посуды?

— Нет. Двенадцать.

— Заковыристая штука, — произнес Галахад. — Это не может быть горшок для муки, потому что он глиняный, а не пластмассовый. Лам, что обычно находится в шкафчике под раковиной, сразу за смесителем?

Напряженное молчание. Бедевер поднял глаза и увидел, что дождь прекратился.

— Может быть, отстойник? — предположил Пертелоп. — У нас ведь его еще не было?

— Это не отстойник; тринадцать, — сказал Боамунд. — А кстати, что такое отстойник?

— А как насчет ведра? — спросил Галахад. — Ну знаешь, для мытья полов?

— Четырнадцать.

— Давайте повторим еще раз, — предложил Туркин, и пока они делали это, Боамунд всматривался (если можно так сказать) в отчетливую, ясную картинку в своем уме. Не может же это быть...

— Мусорный совок и швабра, — сказал Галахад за всех. — То есть, они могут быть в кухне, если нет специального чулана под лестницей.

— Пятнадцать, — ответил Боамунд отсутствующим голосом. Образ в его голове отказывался исчезать; он даже стал еще ярче.

— Я пытаюсь вспомнить, — сказал Туркин, — что у них было в кухне в «Пище-на-ходу», — он тряхнул головой. — Но это не механизм. Не знаю, это хорошая задачка.

— Ламповый абажур, — вмешался Ламорак, и в его голосе проскользнула нотка отчаяния. Но Боамунд только покачал головой и сказал:

— Шестнадцать.

— Я знаю! — воскликнул Пертелоп. — Как глупо было сразу не догадаться! Это пластмассовый дуршлаг.

— Семнадцать.

— Тазик для салатов.

— Восемнадцать.

— Находится *в кухне*, боже ты мой!

— Ящик для столовых приборов.

Боамунд снова покачал головой.

— Деятнадцать, — промурлыкал он.

Рыцари посмотрели друг на друга; и тут Бедевер, который по-прежнему смотрел в небеса и заметил, что тучи разошлись и на небе показались звезды, откашлялся.

— Я думаю, — сказал он, — что это Святой Грааль.

— Правильно, — ответил Боамунд. — Двадцать.

Прежде, чем кто-нибудь успел что-то сказать, за их спинами раздалось мягкое покашливание, и к ним подошел человек.

— Добрый вечер, джентльмены, — произнес он.

Тысячелетний инстинкт заставил рыцарей проворно вскочить на ноги.

— Добрый вечер, мистер Магус, сэр, — хором ответили они.

Симон Маг осмотрел свою одежду и вздохнул. Он приложил все усилия, пытаясь замаскироваться под пожилого лесоруба, но переодевание никогда не было его сильной стороной.

— Готовы?

Рыцари переглянулись.

— Да, сэр, — сказал Боамунд. — Все готовы.

— Замечательно. В таком случае, Боамунд, не будешь ли ты так добр проследовать за мной? Остальные, оставайтесь здесь, пока я не позову.

Среди рыцарей раздался тихий ропот недовольства — слышны были отдельные мятежные реплики о том, что это нечестно, и что некоторые люди ходят у учителей в любимчиках. Симон Маг, повернувшись, кинул на них взгляд, и ворчание моментально стихло.

— Ведите себя хорошо, — сказал Симон Маг и пошел прочь.

— Тебе понадобится это.

Интересно, подумал Боамунд, глядя на холщовый чехол, что это такое. Это могла быть удочка или даже спиннинг, или маленький складной мольберт, а возможно, штатив фотоаппарата. Но он не угадал. .

— Осторожно, он острый, — предупредил маг.

Боамунд, который уже самостоятельно обнаружил это, пососал палец. Да, очень острый и поразительно яркий — казалось, он светился собственным светом в бледном мерцании луны.

— Эскалибур, — небрежно пояснил Симон Маг. — Он валялся у меня на платяном шкафу Бог знает сколько лет, так что я подумал: если я не собираюсь использовать его сам, может, стоит отдать его кому-нибудь, кто найдет ему применение. — Он посмотрел на меч тоскующим взглядом.

Экскалибур! Кому-нибудь или чему-нибудь с несколько более богатым воображением, чем у Боамунда, — какому-нибудь камню или древесному корню — могло бы показаться, что тусклое сияние, танцующее на клинке, вспыхнуло при звуке этого имени. Боамунд прикусил губу.

— М-м, — проговорил он, — а вы уверены, сэр? То есть, мне всегда казалось, что король вроде как закинул его в озеро.

Симон Маг усмехнулся.

— Ну да, — подтвердил он. — Именно так он и оказался у меня. Взгляни-ка.

Он указал на маленькие буквы, выгравированные золотом на клинке меча рядом с рукоятью; никого нельзя было бы винить, если бы ему в этот момент показалось, что они ярко блеснули на долю секунды.

Надпись гласила: «ШЕФФИЛД».

— Как бы там ни было, — продолжал Симон Маг несколько неуверенно, — пока что мы его отложим и будем надеяться, что он нам не понадобится. Если все пойдет гладко...

— Стой!

В темноте замаячила фигура; лунный свет блеснул на вороненой стали.

— Ну вот, — терпеливо произнес Симон Маг после относительно длинной паузы, — мы остановились. Чем мы можем вам помочь?

— Э-э, — силуэт повернул голову и начал яростно перешептываться с кустом, из которого возник. Несколько других силуэтов с неохотой показались из куста и встали за его спиной. — Дальше вам нельзя, — произнес силуэт.

— Почему?

— Нельзя. Уходите.

Симон Маг и Боамунд переглянулись.

— Можно мне? — с надеждой спросил Боамунд.

— Ну ладно, — отвечал Симон Маг. — Только не увлекайся.

С восторженным воплем Боамунд вытащил меч из холщового чехла, завертел его над своей головой с такой скоростью, что Симон Маг чуть было не лишился уха, и ринулся в темноту. Послышалось несколько громких, но

довольно музыкальных ударов стали о сталь, и Боамунд вернулся.

— Они сбежали, — пожаловался он, чуть не плача.

— Ничего, — утешил его маг. — Будут и другие, я подозреваю.

Боамунд стоически кивнул и спрятал меч в чехол.

— Может быть, они устроят нам засаду, — с надеждой предположил он.

Симон Маг пожал плечами:

— Вообще-то я склонен думать, что это как раз и была засада. Вряд ли у них было так уж много возможностей попрактиковаться в такого рода вещах.

— А-а, — голос Боамунда звучал удивленно. — Так значит, вы знаете, кто это был?

— У меня есть очень сильное подозрение, — ответил Симон Маг. — Думается мне, что это были независимые финансовые консультанты. Или менеджеры, управляющие инвестициями. Ладно, пошли.

Они двинулись дальше вдоль берега озера. На дереве у них над головой ухнула сова. Боамунду что-то попало в глаз, и он приостановился, чтобы вынуть соринку.

— Простите, что спрашиваю, — осторожно произнес он, — но не вы ли были тем отшельником, которого я видел сразу после того, как проснулся, — который сказал, что я должен идти выполнять этот квест?

Симон Маг кивнул.

— Это правда, — признал он.

— Ага. А я вас и не узнал.

— Я был замаскирован. Тебе не стоило этого знать, ты же понимаешь. Честно говоря, это была совершенно безобразная маскировка. Удивительно, что ты не смог ее раскусить.

Боамунд с минуту размышлял над тем, что ему открылось.

— Так значит, это вы стояли за всем этим делом? За моим усыплением и всем прочим?

— Да, верно, — несколько поколебавшись, он добавил: — Но ты ведь не обиделся, не правда ли? Я хочу сказать — у тебя ведь не было каких-нибудь других дел или чего-нибудь такого?

— Нет, нет, ничего страшного, — успокоил его Боамунд.

— Ну и хорошо. Я, знаешь ли, немного волновался, что спутал твои планы.

Призрачная фигура с кинжалом в зубах спрыгнула на них с дерева. К несчастью, она не рассчитала свой прыжок.

Раздался глухой удар... когда призрачная фигура пришла в себя, она обнаружила, что над ней заботливо склонились два человека.

— С вами все в порядке? — спросил Симон Маг.

— Я поревал рот об этот фертов кинвал, — ответил бандит. — Ферт побори!

— Вам следовало бы быть поаккуратнее, — посоветовал Симон Маг. — Вот, возьмите, — он протянул бандиту носовой платок.

— Фпафибо, — бандит вытер лоб, выплюнул на землю зуб и уполз в кусты.

Симон Маг пожал плечами.

— Что-то говорит мне, что против нас сегодня действует команда класса «Б», — сказал он. — Ну да ничего. Хотя это несколько расслабляет.

Они некоторое время двигались молча; затем Боамунд спросил:

— Я понял насчет персонального органайзера, а что с передником и носками? Я имею в виду — они *нужны* для чего-то, или...

Симон Маг щелкнул языком.

— Проклятая память, — проговорил он. — Хорошо, что ты мне напомнил. Они при тебе?

— У меня в рюкзаке.

— Молодец. Так... — Симон Маг понизил голос. — Давай-ка нырнем под это дерево — там тихо, спокойно, и нас...

— Осторожнее! — раздраженно воскликнул убийца в маске.

— Простите.

— Черт возьми, неужели нельзя смотреть, куда вы наступаете?

— Простите, — повторил Боамунд, — здесь темновато. Я сделал вам больно? — с надеждой предположил он.

Убийца хмуро посмотрел на него.

— Ничего подобного, черти б вас взяли, — проговорил он, поднимаясь на ноги и прыгая на одной ноге. — От вас одно беспокойство, — бормоча что-то себе под нос, он захромал куда-то в тень.

— Так, — сказал Симон Маг. — Давай-ка, малыш, надевай носки и передник.

— Это обязательно? — нахмурился Боамунд.

Симон Маг взглянул на него.

— Разумеется, обязательно, — сказал он.

— Ага, — проговорил Боамунд. — Просто я буду чувствовать себя полным придурком, разгуливая здесь в передничке с цветочками.

— Можешь надеть его под куртку, если хочешь, — терпеливо ответил маг. — Только поторопись, пожалуйста.

Боамунд опустил на колени и принялся развязывать шнурки.

— Носки ведь тоже необходимы, так? — спросил он.

— Жизненно, жизненно необходимы. Давай быстрее, хорошо? Мы не можем возиться с этим всю ночь.

— Они кусачие!

— Послушай...

За их спиной раздался леденящий душу вопль, и Симон Маг обернулся.

— Простите, — сказал он, — но не могли бы вы повременить пару минут? Мы еще не совсем готовы.

Головорез в капюшоне остановил руку на середине замаха.

— Что? — переспросил он.

— Мы вас совсем не задержим, — объяснил Симон Маг. — Парню просто надо переменить носки.

— Носки? Что за...

— Все в порядке, я готов, — объявил Боамунд, и его лицо озарила вспышка голубого сияния, когда Экскалибур покинул свой холщовый чехол. — Защищайся! — восторженно заорал рыцарь и ринулся вперед. Раздался металлический звук (приблизительно ре-диез), сопровождаемый грохотом падения человека в кольчуге в заросли кустарника.

— Это не по правилам, — раздался голос из кустов. — Я не приготовился.

— Так это же круто! — возразил Симон Маг. — Мы, считай, напали из засады.

— Нет, совсем наоборот! Это я напал из засады!

— Ну, значит, твоя засада не очень-то удалась, как ты думаешь? — ухмыльнулся Симон Маг. — Пошли, Боамунд, нам лучше не опаздывать.

Они прошли еще несколько шагов.

— Это получилось не очень-то честно, правда? — сказал Боамунд. — То есть, поскольку он нас дождал, то и мы...

— Чепуха, — твердо ответил маг. — Засада есть засада. Если он этого не знает, ему не следует гулять без сопровождения.

— Я этого тоже не знал...

— Ну, — нетерпеливо прервал Симон Маг, — ты же и не ходишь без сопровождения, не так ли?

— Ага, понимаю.

Они подошли к какому-то молу или пристани; здесь Симон Маг остановился и осмотрелся вокруг.

— Кажется, пришли, — сказал он. — Ну что ж, удачи тебе и все такое. Помни, что я тебе говорил.

Лицо Боамунда потускнело.

— Вы же не собираетесь меня здесь оставить, правда? — сказал он. — Вы так говорите...

— Боюсь, что так, — ответил маг. — Любое дальнейшее вмешательство с моей стороны будет уже грубейшим нарушением правил, а я не хочу, чтобы весь квест оказался не засчитан из-за каких-то формальностей.

— Ох, — произнес Боамунд. Поднимался легкий бриз, ложась рябью на поверхность озера. — И что я должен теперь делать?

— Сам увидишь, — сказал маг сквозь завесу голубого пламени. — Пока-пока!

— Пока-пока, — автоматически ответил Боамунд. Повернувшись, он посмотрел на озеро. — Ах да, сэр!

— Да?

— А что вы такое мне говорили, что я должен помнить?

— Я забыл, — ответил Симон Маг; его голос был гулким и неразборчивым. Его бессмертная половина была уже в нескольких тысячах миль и нескольких сотнях лет отсю-

да. — Наверное, это не очень важно. Следи, чтоб гарда была наверху, не забывай вращать кистью — что-нибудь в этом роде. Удачи, Боамунд.

Голубая пирамида превратилась в короткую яркую вспышку и исчезла, оставив после себя лишь несколько угасающих искр и пустой пакетик из-под чипсов. Ветер задул сильнее, ероша листву деревьев, окружающих озеро. Поднялась луна. Стало ощутимо холодать.

— Добрый вечер.

Боамунд развернулся вокруг. Рядом с ним стоял — его не было там еще минуту назад, разве что он очень искусно прикинулся небольшим декоративным вишневым деревцем — некто, кого Боамунд опознал как отшельника.

— Привет, — ответил Боамунд. — Ты ведь отшельник, верно?

— Да, — сказал отшельник. — Как ты догадался?

— Просто догадался. Кстати, ты не мог бы сказать, а чем вообще занимаются отшельники?

Его собеседник почесал мочку уха.

— Это зависит от многого, — ответил он. — В старые добрые времена мы в основном медитировали, молились, постились и разговаривали с духами. Ну а теперь большинство наших сидят на обочинах дорог с большими табличками, на которых намалевано «Клубника». Да ты, наверное, видел.

— Э-э, вообще-то нет, — ответил Боамунд. — Видишь ли, я тут довольно долго проспал, и...

— Ах, ну да, — перебил отшельник. — Я и забыл. Ну что ж, молодой Боамунд, думаю, ты весьма взволнован.

— Хм-м, — сказал Боамунд. — Да, пожалуй. Ты, наверное, пришел сказать мне, что произойдет дальше?

Отшельник покачал головой.

— Боюсь, что нет, — ответил он. — Мое участие сводится к тому, что можно было бы назвать маленькой, но эффектной эпизодической ролью. Совершенно эпизодической, — добавил он с оттенком горечи. — Все, что мне положено сделать, — это рассказать тебе нечто, верное по сути, но уводящее в сторону. Ты не будешь против, если я немного потяну время? Просто, видишь ли, я ждал этого момента пятнадцать сотен лет, и мне бы сейчас не хотелось

торопиться. Понимаешь, — добавил он, — мне ведь не то чтобы очень много светит в будущем, не так ли?

— Не так ли? То есть, я хотел сказать: вот как?

— Да, вот так, — ответил отшельник. — Я прописан в этом кошмарном скучнейшем месте под названием Стеклянная Гора. Ты там не бывал?

— Нет.

— Немного потерял, — заверил его отшельник. — Я поэтому и вызвался добровольцем на эту работу, по правде говоря, — просто чтобы иметь хороший повод на какое-то время убраться оттуда. Нельзя сказать, конечно, что я так уж безумно развлекался все эти годы, сидя под дождем на обочине А-45 с ведром давленной клубники, но тут всяко было лучше, чем там, куда я вскоре отправлюсь, — отшельник глубоко вздохнул и согнал муху с кончика носа.

— Ох, — сказал Боамунд. Он чувствовал себя неловко. — Мне очень жаль, — проговорил он.

— Это не твоя вина, — отвечал отшельник. — Видишь ли, туда мы попадаем, когда наконец покидаем этот мир. Все они кончат там — все эти великие маги, и заклинатели, и отшельники, и анахореты; и будут они сидеть, брюзжа и жалуясь, или спать в больших кожаных креслах. Думаю, рано или поздно я привыкну к этому, — отшельник печально покачал головой. — По всей видимости, все они привыкают через некоторое время. В этом-то весь и ужас, по моему мнению.

— Мне очень жаль, — повторил Боамунд. Было трудно придумать, что сказать.

— Спасибо тебе, — сказал отшельник. — Ну, слушай. Послание таково: «Лишь истинный король Альбиона отыщет Святой Грааль». Желаю удачи.

Голубая пирамида — меньше по размеру, чем та, в которой исчез Симон Маг, и чем-то неопределенно, но ощутимо второсортная, — появилась вокруг него, испустила несколько неубедительных вспышек и пропала. Боамунд посмотрел на то место, где она только что была, и задумчиво пожевал губу.

— Угу, — сказал он.

Боамунд повернулся, чтобы взглянуть на озеро, и тут уголком глаза заметил какую-то тень, осторожно краду-

жуюся по направлению к нему. Выхватив меч, он прыгнул вперед.

— Постой, — сказала фигура. — Ты ведь уже разговаривал с отшельником?

— Да, — ответил Боамунд. — А в чем дело?

— Черт, — произнесла фигура. — Я опоздал. Забудь об этом.

— Но...

— Прошу прощения, — сказала фигура, — это моя вина, признаю. Даже не знаю, что я скажу этой ведьме, если вернусь обратно без единой царапины. Скорее всего, я снова окажусь за стойкой в понедельник утром, оформляя автомобильные страховки. Ну, будь что будет.

Боамунд нахмурился.

— Ты *хочешь*, чтобы я тебя ударил? — недоуменно спросил он. Фигура кивнула.

— Однако, — произнесла она, — нет пользы плакать о пролитом молоке. В любом случае, спасибо. До встречи.

Боамунд занес было руку для удара, но фигура уже исчезла. Он пожал плечами и уселся на причал.

— Что за черт! — воскликнул он.

Там, где он только что стоял, теперь находился огромный синий автомобиль — это был «вольво» — к колесу которого был прикреплен какой-то непонятный желтый предмет. Под одним из дворников был зажат клочок бумаги. Боамунд вытащил его, развернул и прочитал:

ТОТ, КТО ОСВОБОДИТ МАШИНУ
ОТ ЭТОГО ЗАЖИМА, СТАНЕТ ИСТИННЫМ
КОРОЛЕМ АЛЬБИОНА.

Он поскреб в затылке и посмотрел на желтую штуковину на колесе. Она была похожа на капкан или ловушку, и он подумал, не больно ли машине. Возможно, она была уже мертва; по крайней мере, она определенно не шевелилась.

Истинным королем Альбиона...

— Что ж, — произнес он, — попробуем.

Экскалатор свистнул в воздухе, и он нанес удар со всей мочи. В результате небольшой ошибки в расчетах — клинок оказался дюймов на шесть длиннее, чем ему представлялось, — удар привел лишь к тому, что дерево непосред-

ственно позади него потеряло верхнюю часть одной из своих ветвей. Он снова встал в стойку, потер растянутое запястье и попробовал еще раз. Раздался лязг, и желтая штука, расколовшись надвое, упала на землю.

— Замечательно, — произнес голос откуда-то сзади. — Отличный удар.

Это была девушка в сине-желтой униформе и с блокнотом в руках. По какой-то причине в груди Боамунда появилось смутное подозрение.

— Все в порядке, — заверила его девушка, — я представляю собой чистую аллегория и вовсе не собираюсь продавать тебе билет. Тебе надлежит забраться внутрь и повернуть ключ.

— Ага, — сказал Боамунд, — все понятно. А что это за ключ?

Девушка озадаченно взглянула на него и рассмеялась.

— Прости, — сказала она, — я и забыла, что ты все проспал. Внутри машины есть такое большое колесо. За ним, по правую руку, ты найдешь маленький ключик. Аккуратно поверни его по часовой стрелке, и машина заведется. По часовой стрелке значит вот так, — девушка показала. — Понял?

— Да, спасибо.

— Прошу, — произнесла девушка и тут же пропала, к некоторому разочарованию Боамунда. Он залез в машину, нашел зажигание и повернул ключ.

Машина исчезла.

Боамунд сел и пощупал свою голову. На ней что-то было надето. Корона.

— Господи помилуй! — сказал он, снимая ее. Она была довольно легкой и тонкой, и у него было такое чувство, что она, возможно, была из позолоченного серебра; но на ней были небольшие выступы, похожие на зубья пилы, в которые были вделаны несколько не очень крупных бриллиантов. Он опять водрузил ее себе на голову и попытался представить себя королем.

Внезапно он поднял голову, услышав какой-то шум неподалеку от себя. Шум был, однако, не того рода, какой можно ожидать, сидя на берегу озера. Это был телефонный звонок.

Осмотревшись вокруг, он увидел руку, поднимающуюся над поверхностью воды ярдах в ста пятидесяти от берега. Рука была белой, одетой в парчу, и она держала телефон.

Неожиданно Боамунду пришла мысль, не является ли все это каким-то розыгрышем.

Все мы знаем, как оно бывает с телефонами. Что бы ты ни делал, как бы занят ты ни был, какие бы важные мысли ни занимали твою голову, рано или поздно ты плюешь на все это и берешь трубку. Боамунд вздохнул и поднялся на ноги.

Сбоку от причала была привязана маленькая лодочка — минуту назад ее там не было; ну да велика важность, его уже ничто не удивляло в этом безумном предприятии, — а в лодочке на веслах сидел человек в плаще с капюшоном.

— Ну давай, залезай наконец, — произнес человек. — Смерть моя придет, пока я тебя дожидаясь.

Боамунд неуклюже забрался в лодку, сел на скамью и насупился. Человек в капюшоне погрузил весла в воду и погреб. Двигаясь, лодка не издавала ни звука, и поверхность воды была гладкой, как стекло.

— Сегодня четверг? — неожиданно спросил перевозчик.

Боамунд поднял голову.

— Что? — переспросил он.

— Я говорю, сегодня четверг? — повторил перевозчик. — Совершенно перестаешь понимать, когда какой день недели, когда работаешь по ночам.

— Вроде бы четверг, — ответил Боамунд. — Это имеет значение?

— Если сегодня четверг, — объяснил перевозчик, — то значит, я забыл включить видео, вот какое это имеет значение. Она-то, конечно, не пошевелится, корова ленивая. Лежит небось задрал ноги и смотрит новости. Ты женат?

— Нет.

— Ну и правильно, — сказал перевозчик, и Боамунд заметил, что под капюшоном не было лица. — Ну давай, бери трубку.

Боамунд заколебался.

— А если я сниму, — осторожно спросил он, — эта лодка, случаем, не исчезнет? Я имею в виду, машина ведь исчезла.

— Давай-давай, действуй.

— Ну ладно, — он перегнулся через борт и снял трубку. — Но ты уверен, что лодка не исчезнет? А то ведь...

Фигура в капюшоне кинула на него презрительный безглазый взгляд, и он поднес трубку к уху.

— Алло, — сказал он.

Лодка исчезла.

Денни Беннетт дочитал до конца страницы и вздохнул.

Развивающееся на протяжении тысячелетия, таящее опасность для экологии мошенничество, включающее аферы в области страхования, налогов и капиталовложений и поддерживаемое оффшорными трестами; заговоры в высших сферах, коррупция, интриги, укрывательство и взяточничество, приписываемые буквально каждому пользующемуся широкой известностью человеку в истории, от Юлия Цезаря до Спиро Агню, разоблачение которых бросает совершенно новый свет на Тауэрских принцев, Туринскую плащаницу, остров Пасхи, Лох-Несское чудовище, падение Константинополя, Александра Невского, «Мари Роже», Кристофера Марлоу, «Летучего Голландца», Кортеса и Монтесуму, Пороховой заговор, Человека в Железной Маске, Салемских ведьм, побег принца Чарли, смерть Моцарта, Войну Уха Дженкинса, «Марию Целесту», Джека-Потрошителя, Дарвина, собаку Баскервилей, Неда Келли, плавание Рурка, Анастасию, крах Уолл-Стрита, похищение младенцев в Линдберге, Бермудский треугольник, пламя над Рейхстагом, пятьдесят тонн потерянного у Женевского озера в 1945-м нацистского золота, Маккарти, Суэц, Уотергейт, переход на десятичную систему, смерть папы Иоанна Павла I, потопление «Бельграно» и исчезновение Шергара.

— Какая чушь! — сказал он.

Он смял страницы в комок и выкинул их в корзину. Потом вернулся к своему столу и снова погрузился в работу.

— Алло-алло, — произнес голос. — *Ваше Величество*, — добавил он, хихикнув.

Боамунд открыл глаза. И правда — вся его жизнь действительно промелькнула перед ним за эти ужасные несколько секунд, что он провел в воде; однако, поскольку большую часть своей жизни он проспал, это не было настолько уж интересно. Он просто смотрел на самого себя, лежащего навзничь и похрапывающего, в то время как его одежда постепенно истлевала.

— Где я? — спросил он.

Голос (женский) снова хихикнул.

— Это очень хороший вопрос, — произнес он. — Может, стоит начать с чего-нибудь попроще, например, с квадратного корня из двух?

Боамунд сделал попытку пошевелиться, но не смог. С той точки, где он лежал, все, что он мог видеть, был потолок. Он почему-то был темно-зеленым и двигался, и на нем была рыба в том месте, где должен был быть абажур.

— Давление воды, — объяснил голос. — Видишь ли, над тобой тонны и тонны и тонны воды, и поскольку ты к этому не привык, она тебя расплющивает.

— О-о, — сказал Боамунд. — Я утонул?

— Разумеется, нет, — ответил голос. — Если бы ты утонул, ты был бы мертв, глупенький. Ты на дне озера.

— О-о, — повторил Боамунд. Что-то острое врезалось ему в спину.

— Что ж, — сказал голос, — вот ты и здесь.

— Да, — согласился Боамунд. — А я, э-э, все правильно сделал, или я что-то напортил? Я хочу сказать — это так и предполагается, чтобы я находился здесь?

Голос рассмеялся.

— Без малейшего сомнения, — заверил он. — Ты преуспел. Отлично сработано.

Поразмыслив над своим положением, Боамунд пришел к выводу, что голос, возможно, несколько переоценил его успех.

— И что теперь? — спросил он. — И кто ты такая, кстати?

Неожиданно он почувствовал, как тяжесть соскальзывает с него, и резко сел. Он обнаружил, что смотрит на женщину — высокую, стройную, обольстительную, с длинными золотыми волосами и мобильным телефоном. Она сидела на стуле с трубчатыми стальными ножками; на ней

была шелковая блуза кремового цвета и лимонно-желтые бермудские шорты. Мимо проплыла щука с блюдцем в зубах, балансируя стоящей на блюдце маленькой кофейной чашечкой; женщина взяла ее, держа большим и указательным пальцами.

— Могу я предложить тебе что-нибудь? — спросила она. — Кофе? Может быть, беляшей? Ты кажешься мне человеком того типа, который любит беляши.

Боамунд покраснел.

— Нет, спасибо, — твердо сказал он. — Ты, по-видимому, какая-то важная особа; прошу, объясни мне, что происходит.

— Сначала дело, потом удовольствия, ты хочешь сказать? — проговорила женщина. — Что ж, это разумно. Меня зовут Кундри.

Боамунд посмотрел назад и увидел предмет, на котором он лежал. Он поднял корону, которая сплюснулась под его весом, и попытался вернуть ей прежнюю форму. Он чувствовал себя чрезвычайно подавленным, но не мог понять, почему.

— Не беспокойся об этой безделушке, — произнесла Кундри. — Это не настоящая корона; просто что-то, с чем можно иметь дело. Аллегория.

Это слово замкнуло какую-то цепь в голове Боамунда.

— Я узнаю тебя, — проговорил он. — Ты — та девушка с машиной.

Кундри улыбнулась.

— Регулировщик движения, верно. А также рука с телефоном, — она приподняла переносной телефонный аппарат, стоящий на столике дымчатого стекла рядом с ней. — А также отшельник, не уследивший за временем убийца и сова. Я одна на тысячу ролей.

— Ты колдунья, — проговорил Боамунд.

— Совершенно верно, — отвечала Кундри. — Вообще-то, в наше время это больше не считается незаконным. С тысяча девятьсот пятьдесят какого-то. В моем положении приходится быть очень осторожной.

— Угу, — сказал Боамунд. — А каково же твое положение?

— Я Королева Атлантиды, — ответила Кундри. — Помимо всего прочего, разумеется. Я также являюсь первосвя-

щенницей Нью-Кеттеринга и графиней фон Вайнахт. Строго говоря, — добавила она, — это не совсем так; мне не полагается носить этот титул после развода, так что графиня теперь моя дочь Катя. Совершенно ужасная девчонка. Можно сказать, что я вдовствующая графиня фон Вайнахт. Я не очень хорошо понимаю, что означает слово «вдовствующая», но, думаю, после шестисот лет жизни замужем за графом я заслуживаю какого-то титула. Даже, может быть, медали, — добавила она. — Как бы то ни было, — продолжала она, — ничто из этого, вообще-то, никоим образом тебя не касается. Все, что тебя должно интересовать, — это то, что я Кундри.

— Ага, — произнес Боамунд. Он яростно порылся в своем мозгу, пока наконец не наткнулся на фразу, которая показалась ему подходящей. — Боюсь, здесь ты осведомлена лучше меня.

Кундри подняла безупречно подведенную бровь:

— Ты никогда не слыхал о Кундри?

— Э-э...

— Боже мой, чему же вас учили в школе, хотела бы я знать?

— Соколиной охоте, — ответил Боамунд. — А еще фехтованию, бою на копьях, геральдике — это была Новая Геральдика, там все делается с помощью маленьких диаграмм, — этикету, магии с началами прорицания, уходу за кожей — до третьей степени. И еще игре на флейте, — добавил он, — но с этим я так толком и не разобрался. Я могу сыграть «*Edi Bi Thu*» и «*San'c Fuy Belha ni Prezada*», только медленно.

— Это был риторический вопрос, — сказала Кундри. — А знаешь, ты совсем не такой, как я себе представляла.

— Правда?

— Правда, — Кундри отпила глоток кофе и отпустила чашку. Шустрая плотвичка ринулась вперед, подхватила ее пастью за ручку и исчезла, вильнув хвостом, в то время как окунь убрал блюдо. — Некоторое время назад ты спросил меня, где ты находишься.

— Верно, — подтвердил Боамунд.

— Что ж, — сказала Кундри, — это зарегистрированный офис компании «Лионесс (UK) plc», и мы находимся точно

в географическом центре Альбиона. Фактически, ты на нем сидишь.

Боамунд беспокойно поерзал на месте.

— Здесь, — продолжала Кундри, — ты находишься точно на полдороге между Атлантидой и Северным полюсом. Это тебе о чем-нибудь говорит?

— Э-э, по правде говоря, нет.

— Нет? Ну да ладно, Бог с ним. Подозреваю, ты хочешь знать, где находится Святой Грааль.

— Да, конечно, хочу.

Кундри улыбнулась.

— В таком случае, — сказала она, — я думаю, мне лучше начать с самого начала. А началось все это очень, очень давно...

Римский легионер стоял на узенькой улочке, опираясь на щит, вновь и вновь напоминая себе о том, что он патрулирует Иерусалим, и изо всех сил пытаясь не обращать внимания на вкусные запахи, доносящиеся с верхнего этажа дома позади него.

Он слышал запах чеснока. Он слышал запах молодого барашка, которого тушили в собственном соку. Он слышал запах кориандра, и свежее выпеченного хлеба, и чабреца, и морского окуня, готовящегося на пару с укропом и шамбалой. Это была чистейшая пытка.

Над его головой девушка Варфоломея хлопотала в кухне, одной рукой помешивая соус для жареного павлина, а другой листая поваренную книгу.

— Полить закуску небольшим количеством молока, — прочла она вслух, — и оставить до появления пены.

Она еще ни разу не пробовала этот рецепт, но выглядел он просто чудесно — пряные булочки с корицей и изюмом! М-мм!

Девушка Варфоломея любила готовить, и поэтому, когда кто-то предложил закатить хорошую вечеринку в честь дня рождения Симона Петра, она сразу же вызвалась. А когда ей сказали, что на вечеринке будет Мастер... да она целыми днями не находила себе места! Подумать только, она будет готовить для Мастера!

После длительных колебаний и осторожного прощупывания почвы она решила остановиться на барашке. С барашком невозможно промахнуться — по крайней мере, не в это время года; и в любом случае, маринад покроем все огрехи. Потом Симон Петр поймал этого окуня, действительно классного — говорите о старине Симе все, что вздумается, но рыба у него всегда по-настоящему свежая, а это можно сказать далеко не обо всех, — а Филиппу добрая римская госпожа, в чьем саду он работал дважды в неделю, дала павлина, так что здесь проблем не намечалось. Однако, маленькие булочки с корицей были ее собственной идеей.

— Вывалить на посыпанную мукой поверхность, — читала она, — и месить восемь минут, пока тесто не станет однородным и упругим.

Как бы было хорошо, размышляла она, если бы как-нибудь, хотя бы один раз, у кого-нибудь из них достало вежливости сказать ей спасибо; но таковы уж мужчины. Она снисходительно улыбнулась, вспомнив тот случай, когда они привели с собой кучу народа, а в доме не оказалось ничего, кроме пары буханок и нескольких тощих макрелек.

«Варфоломей такой милый, — сказала она себе, — милый и надежный; его не понесет внезапно куда-нибудь к черту на рога, он не запишется ни с того ни с сего в армию и не станет пропадать целыми месяцами с караванами купцов». Она ничего не имела против того, чтобы немного подождать, пока он пройдет свою фазу религиозных исканий, — долгая помолвка на самом деле не такая уж плохая вещь, люди успевают узнать друг друга получше, и следовательно, их ожидает меньше сюрпризов, когда они наконец поженятся. Кроме всего прочего, это давало ей кучу времени, чтобы сшить себе хорошее платье.

Покрывая булочки глазурью, она вновь и вновь прокручивала в голове некоторые слухи определенного свойства, которые она слышала этим утром на рынке. Не то чтобы с Мастером было что-то *не так*; он, говорят, святой человек, какой-то пророк или вроде того. Но верно также и то, что римляне не очень-то одобряют пророков, а несогласие с римлянами никогда никого не доводило до добра. Она должна быть твердой, решила она. Как только они поженятся, ей придется прекратить все эти Варфоломеевы хождения по

молитвенным собраниям и тому подобное. Если он действительно всерьез говорил о том, чтобы как-нибудь завести собственную маленькую лавку и продавать сандалии, у него в любом случае не останется времени на хобби.

— Ну вот, — сказала она, закрывая дверцу печи. Она вытерла перепачканные мукой руки о полотенце, удовлетворенно кивнула и принялась расставлять цветы на столе. Тринадцать приглашенных повергли бы в панику множество девушек ее возраста, но она справилась.

Первым прибыл Иаков Алфеев. Стеснительный парень, всегда что-нибудь перевернет или заденет. Он помог ей накрыть на стол, но не произнес ни слова. «Он чем-то озабочен», — подумала она.

Андрей, Иаков и Иоанн пришли вместе.

— Иоанн, — произнесла она с горечью, — как бы мне хотелось, чтобы ты научился наконец вытирать ноги, когдаходишь в дом! Только посмотри, что стало с моим чистым полом! — Она побежала за половой тряпкой; но стоило ей прибраться за Иоанном, как вошли Симон Петр и Фома, прямо в рабочей одежде, и ей пришлось начинать заново. Цветов никто даже не заметил, хотя у нее ушло полчаса на то, чтобы расставить их как надо.

Матфей и Симон Зилот кинули свою грязную одежду на кухонный стол, а Иуда — брат Иакова отколупал глазурь с одной из булочек. Она сделала ему суровый выговор.

Как раз когда она уже начала волноваться, что мясо остынет, вошли Филипп, другой Иуда и Варфоломей; но она не смогла отругать их за опоздание, поскольку с ними был Мастер, а Варфоломей всегда очень расстраивался и начинал дуться, когда она говорила ему что-нибудь в присутствии Мастера. Иуда вытер руки об один из ее замечательных дамасских платков, а Филиппова собака перевернула вешалку для шляп, но она не сказала ни слова. Ее мама всегда говорила, что у нее терпение, как у святой.

Она не получила большого удовольствия от трапезы. Несмотря на то, что барашек получился на славу, павлин был просто чудо, да и морской окунь был как раз таким, каким и должен быть, никто, казалось, не был голоден. Они просто сидели вокруг стола, поклевывая маленькими кусочками, а Мастер так вообще за весь вечер не съел ничего,

кроме нескольких ломтей хлеба. Разговор шел очень мрачный и угнетающий, в основном вертелся вокруг теологии; и ей показалось, что все они были на пределе.

Заметьте себе, что за всей этой беготней туда-сюда с тарелками и подносами — а никто, разумеется, и пальцем не шевельнул, чтобы помочь; впрочем, этого и следовало ожидать — она не посидела спокойно на своем месте и пары минут.

И конечно же, Иуда Искарот не мог удержаться, чтобы не перевернуть соусник, а ведь это была мамина лучшая скатерть! И наконец, чтобы уже окончательно расставить все точки над «і», никто даже не попробовал ее замечательные булочки с корицей, которые она так старательно украсила глазурью. По какой-то причине у нее сложилось такое впечатление, что все сочли их довольно безвкусными, хотя она ни за что не смогла бы сказать, почему.

Наконец, Симон Петр посмотрел на водяные часы и произнес что-то насчет того, что им пора, и все поднялись, собираясь уходить. Этого Варфоломеева девушка уже не смогла вынести.

— Прошу прощения, — сказала она, — вы ничего не забыли?

Андрей и Фома посмотрели на нее с неприязнью, но она не обратила на них внимания. С нее было довольно; и если Варфоломей хоть капельку заботится о ней, он, разумеется, скажет свое слово.

— Помыть посуду, — сказала она. — Вы же не собираетесь вот так просто уйти и оставить все это, не правда ли?

Последовало молчаливое замешательство; потом Симон Петр пробормотал что-то вроде того, что они должны бежать, а иначе опоздают.

— Это не займет и пары минут, — сказала Варфоломеева девушка. — Если шестеро из вас будут мыть, а остальные вытирать, вы вмиг управитесь, — она встала в дверях, скрестив на груди руки.

— Ох, ради Хри... — ради всего святого! — взорвался Матфей. — Прочь с дороги, женщина, мы спешим!

— Вы не уйдете из этой комнаты, пока не вымоете посуду, — твердо сказала Варфоломеева девушка. — Я по

горло сыта вашей шайкой — шляются здесь в любое время дня и ночи в своих грязных башмаках; корми их, пои, прибирай за ними, чини их дурацкую одежду; все перевернут вверх ногами, притащат с собой этих ужасных собак и мокрые сети с рыбой, разбросают свои пилы, и коловороты, и черт знает что еще по всему дому. Это совершенно невыносимо, и меня это *достало*, — и она разразилась потоком слез.

— Послушай, — сказал Иаков, — мы все сделаем, только позже, ладно? Просто, видишь ли, тут действительно такой момент, что нам очень нужно прямо сейчас разбежаться, понимаешь? — Он попытался проскользнуть мимо нее к двери, но она выставила локоть. Последовало еще большее замешательство.

Мастер, не произнесший ни слова, посмотрел на нее и сделал знак рукой. Она не тронулась с места.

— А что до тебя... — начала она, но он не стал слушать. Круто развернувшись, он прошагал к раковине и схватил губку для мытья посуды. Когда Симон Петр попытался отобрать ее у него, он яростно сверкнул на него глазами и сказал этим своим голосом:

— *Который больше: тот, кто сидит за трапезой или тот, кто служит?* — И он вручил полотенце Иуде — брату Иаковлеву. — *Не тот ли, кто сидит за трапезой?* — продолжал он, с силой скребя поддон для жарки. — *Но Я пришел к вам как тот, кто служит.*

Иуда — брат Иакова уронил тарелку, и она разбилась.

И конечно, как и следовало ожидать, все остальные просто стояли рядом и таращились на Мастера, и ставили вытертые тарелки не туда, куда надо, а Филиппова собака вспрыгнула на стол и начала лакать соус с тарелок. Короче говоря, это был вечер из тех, которые хочется поскорее забыть.

Когда они закончили, она встала рядом с дверью, глядя, как они выходят по одному, уже окончательно мрачные и раздраженные. Варфоломей не сказал ей даже слова, что было только к лучшему, поскольку будь она проклята, если она собиралась еще хоть когда-нибудь заговорить с ним.

— Надеюсь, теперь ты довольна, — сказал, выходя, Симон Петр. — Эти женщины! Честное слово!

Когда они ушли, она подошла к раковине и стала расставлять все как надо. Именно тогда она заметила, что старая коричневая терракотовая чашка для жидкого мыла как-то изменилась. С ней что-то произошло. Вместо того чтобы быть коричневой и тяжелой, она была легкой и какого-то бледно-голубого цвета.

Онемев от изумления, девушка выронила чашку из рук; но вместо того чтобы разбиться, та подскочила, упала на бок, закружилась вокруг своей оси и закатилась за корзинку для овощей.

Это было чудо. Еще одно чудо, совсем как та мерзкая сцена на свадьбе кузины Юдифи в Кане, когда все надралось в стельку и ей пришлось призвать их к порядку. Слово ей и без того не было достаточно.

Кундри некоторое время молчала, ее лицо внезапно стало очень старым.

— И что? — спросил Боамунд. — Что было дальше?

— Можешь себе представить, что я чувствовала на следующий день, — сказала Кундри, — когда узнала, что Его арестовали. Это был какой-то кошмар. Я хочу сказать — ни у кого из нашей семьи до сих пор не было никаких проблем с полицией. Я радовалась только, что мама не дожила до этого дня. Она была бы просто в ужасе, если бы услышала такое.

— Но... — запинаясь, выговорил Боамунд, — глупая женщина, разве ты не знаешь, *кто* это был?

Кундри насупила брови.

— Разумеется, знаю, — раздраженно бросила она. — Я обнаружила это очень быстро. Ко мне послали ангела. Я была просто вне себя.

— Вне себя?

— От ярости, — пояснила Кундри, поджав губы. — Это так несправедливо! Знаешь, что они со мной сделали? Они прокляли меня! Сказали, что до тех пор, пока Сын Человеческий не вернется на землю и мне не будет позволено — *позволено*, можешь себе представить? — вымыть посуду за Ним и Его замечательными друзьями, как должна была это сделать тогда, — до тех самых пор я обречена вечно ски-

таться по земле, таская повсюду за собой эту ужасную пластмассовую чашку. Я, конечно, сказала им...

— Эта чашка, — прервал Боамунд, — вот оно что! Так это и был Святой Грааль?

— Ну разумеется, — ответила Кундри, сжав руки так, что костяшки ее пальцев побелели. — Что же еще это могло быть, придурок? Но я им все высказала. Я сказала им, что болтаться туда-сюда и ждать — это одно, я привыкла к этому, но таскать с собой дешевую пластмассовую чашку — это совсем другое. О да, я высказалась насчет этого весьма решительно!

Боамунд воззрился на нее. «Такое количество всего, — говорил он себе, — трудно переварить за один прием». С минуту помолчав, Кундри, казалось, восстановила душевное равновесие; улыбнувшись, она взяла у проплывающего мимо пескаря мятную пастилку и положила ее в рот.

— Вскоре после этого, — продолжала она, — я встретила Клауса. Он все еще учился в Дамасском университете, дописывая свой диплом, хотя к этому времени он уже совершенно потерял к нему интерес; и когда мы рассказали друг другу о том, что мы претерпели от рук этого... этой Персоны, мы почувствовали, что у нас действительно есть нечто общее, и поэтому мы решили пожениться. Это было ошибкой, разумеется, но ни один из нас не был готов признать это. Поэтому мы изо всех сил пытались как-то принорочиться друг к другу.

— Клаус — это в смысле Клаус фон Вайнахт, так, что ли? — спросил Боамунд. — Кажется, я...

— Да, — сказала Кундри с некоторым отвращением, — это был Клаус фон Вайнахт. Ну, как бы там ни было, о чем бишь я? Прошел год или около того после нашей свадьбы, когда Клаус решил бросить университет и вернуться в Атлантиду, из которой он был родом. Я поехала с ним — я не собиралась так легко оставлять это, по крайней мере, я должна была обеспечить себе достойное местожительство, — так что мы поехали в Атлантиду вместе. Он рассказал мне все о магическом золоте, и луне, и вращении Земли, и так далее, и я сообразила, что здесь открываются просто потрясающие возможности для того, у кого есть голова на плечах. Я организовала это дело — Клаусу я еще долго

ничего не говорила о том, чем занимаюсь, а сам он тоже ничего не знал, поскольку был по горло занят доставкой всех этих подарков и прочим, — и довольно скоро все было уже на мази и крутилось как надо. Да, думаю, ты и сам все знаешь.

— Ты имеешь в виду всю эту возню со страховками? — уточнил Боамунд. — Не думаю, что я толком понял, как это в действительности работает, ну да и Бог с ним. Продолжай, — что ты там говорила?

— Лет примерно через двадцать, — продолжала Кундри, — мой дядюшка Джо приехал из Аримафеи навестить меня. Он привез с собой эту проклятую чашку, и, как ты можешь догадаться, я была несколько поставлена в тупик, снова увидев ее. Но потом он объяснил мне все насчет всяких чудесных вещей, которые она может делать, насчет налогов и так далее, — основной курс налогообложения был в те дни три денье за *sol tournois*, мы не знали, куда деваться, — так что я тут же нашла ей хорошее применение. Дядюшка Джо остался у нас, мы дали ему кресло в совете директоров, и какое-то время все шло отлично. Ну, не то чтобы совсем отлично; мы с Клаусом разговаривали друг с другом только на заседаниях совета, и даже тогда в основном ругались. Понимаешь, мне казалось, что он что-то замышляет. Ходило множество слухов, что он хочет выкинуть меня из списка директоров, так чтобы он и дядюшка Джо поделили все дело между собой. Разумеется, я не могла допустить этого. Надо же было такое придумать!

В конце концов я выяснила, что они замышляли. Они где-то раскопали, что это место — я имею в виду Альбион — было создано древними Атлантами для того, чтобы разделить два магнитных поля, за долгие годы до моего появления на свет, и что его можно использовать для уклонения от налогов. К тому времени, когда я обнаружила это, их афера зашла уже чересчур далеко, чтобы я могла уничтожить ее в зародыше, но через некоторое время я все же смогла до них добраться и заткнуть им лазейку. Они ходили зеленые как огурцы, когда поняли, что я спутала им карты, но мало что могли с этим сделать. Самое неприятное было то, что дядюшка Джо умудрился каким-то образом завладеть Граалем — будем называть его так, хотя лично я счи-

таю, что это совершенно идиотское название для такой вещи, не правда ли? — контрабандой вывез его в Альбион и где-то там спрятал. О том, где он находится, знали только дядюшка Джо и Клаус, и был еще какой-то монах или отшельник из Гластонбери, который тоже был посвящен в тайну, но это было все. Они, разумеется, не могли использовать Грааль без того, чтобы я не узнала об этом; но и я со своей стороны не могла использовать его. Это был чистейший позор и абсолютная глупость, но так всегда с мужчинами. С ними каши не сваришь.

В любом случае, чаша была переполнена, и я развелась с Клаусом. Он получил опеку над нашей дочерью и увез ее с собой на Северный полюс, где построил себе здоровенный роскошный замок прямо поверх огромного месторождения магнитной железной руды. Думаю, у него были какие-то идеи насчет того, чтобы использовать залежи руды для нарушения равновесия между двумя магнитными полями, и таким образом просто и красиво отомстить мне, но у него до сих пор так и не дошли руки до того, чтобы действительно *сделать* что-нибудь в этом направлении. Скорее всего, у него просто не хватает времени из-за подготовки к этим ежегодным кругосветным поездкам. Демографический взрыв, произошедший за последние два столетия, знаешь ли, очень плохо подействовал на него. Ну, так ему и надо.

Дядюшка Джо собрал свои шмотки и тоже уехал. Последнее, что я слышала о нем, было как раз в этом Гластонбери; похоже, он каким-то образом взял и исчез в облаке голубого дыма, если ты можешь в такое поверить. До меня позже доходили слухи, что он вроде бы взялся учить каких-то мальчиков в школе, уж не знаю, правда это или нет. В любом случае, он взял Грааль с собой, и это все, что я знаю. Так что здесь я больше ничем не могу тебе помочь. Прости.

Боамунд некоторое время сидел неподвижно с глазами круглыми, как полная луна.

— Спасибо, — сказал он. — Ты очень мне помогла. Думаю, теперь я знаю, что происходит.

Кундри подняла брови.

— Да ну? А я вот не знаю. *Что-то* происходит, это несомненно, иначе зачем бы Клаус внезапно появился ни с

того ни с сего, гоняясь за твоими друзьями? Я не видела его уже много лет. И не очень скучала, если честно.

— Я думаю, что знаю, почему, — сказал Боамунд. — Он знал, что мистер... что твой дядя Джо помогает нам найти Грааль, и хотел выведать, что нам известно.

— Дядюшка Джо? — Кундри воззрилась на него. — Какое отношение имеет к этому дядюшка Джо? Как я говорила, я не видела его и не слышала о нем ничего уже несколько столетий. Честно говоря, я предпочитала думать, что он умер или что-то вроде того.

Боамунд покачал головой.

— Нет, — ответил он. — Не совсем так.

— Ты видел его? — требовательно спросила Кундри. — Ты знаешь, где он?

— Да, — медленно ответил Боамунд, — я знаю, где он. Но я не знаю, как его найти. Если ты понимаешь, что я хочу сказать.

— Не то чтобы, — вздохнула Кундри. — Да, кстати, твои друзья тут прихватили с собой одну мою вещичку. Не будешь ли ты так любезен вернуть мне ее, когда вы с ней закончите?

Боамунд кивнул.

— Еще раз спасибо, — сказал он и добавил: — Я думал, ты опять морочишь мне голову. Насчет мытья посуды и прочего. Но, видишь ли, иногда необходимо доверять людям и мириться с их недостатками, когда эти люди по-настоящему важны, — если ты меня понимаешь. Это как рыцари и карлики. То есть, рыцари, как правило, не очень-то умны, и карлики очень их выручают, когда надо что-нибудь обдумать. А еще карлики делают всякую домашнюю работу, и чистят одежду, и прибираются, а мы частенько забываем сказать им спасибо. Но так уж устроен мир, и так устроены мы. Они понимают это, и мы тоже. Что-то вроде того.

Кундри посмотрела на него, нахмурившись.

— Таковы мужчины, — произнесла она. — Вполне типично для них.

Боамунд встал.

— Мне, пожалуй, пора возвращаться, — сказал он. — Э-э, ты не подскажешь, как мне отсюда выйти?

— Я позабочусь об этом, — ответила Кундри. — Мое почтение твоему другу Бедеверу. Он мне очень понравился.

— Спасибо.

— Ну, до свидания, — произнесла Кундри, — Ваше Величество.

Ноготь сидел в лодке посреди озера, когда Боамунд наконец появился на поверхности. Карлик протянул ему лодочный крюк, и Боамунд взгромоздился на борт.

— Как удачно, что я захватил с собой смену белья и пару полотенец, — сказал карлик. — Как только я услышал, что мы направляемся к озеру, я сказал себе: кто-нибудь непременно в него упадет, так что мне стоит...

— Я не говорил, что мы идем к озеру, — произнес Боамунд, вытирая воду с лица.

— Ты не говорил, — согласился карлик. — Ты и не знал этого, так ведь?

Боамунд пожал плечами и принялся за волосы. Карлик взял весла и не спеша погреб к берегу.

— Ноготь, — сказал внезапно Боамунд, — на чьей ты стороне?

— На твоей, разумеется, — ответил карлик. — А почему ты спрашиваешь?

— Да так, ничего. Просто я был немного озадачен, вот и все.

Карлик подтабанил левым веслом, по широкой дуге выводя лодку к причалу.

— Наша семья всегда была в карликах у твоей, — сказал он. — Это такая традиция. Я тебе рассказывал, помнишь?

— Правда? — Боамунд заметил, что где-то потерял Экскалибур, если это действительно был Экскалибур. — Прости, — сказал он, — я, наверное, плохо слушал.

— Иного я и не предполагал. Что ж, похоже, ты наконец все выяснил.

Боамунд поднял голову.

— Выяснил? — повторил он.

— Ну, насчет Грааля и мистера Симона. Или она не рассказала тебе?

— Ты хочешь сказать, что ты знал все это с самого начала?

— Да, вроде как, — ответил Ноготь. — Видишь ли, это называется расовой памятью. Например, каждый карлик может вспомнить все, что происходило с другими карликами, которые когда-либо жили на свете. Только не все одновременно. Это приходит кусочками, по мере необходимости.

— Ага, — произнес Боамунд. — Думаю, я понял. Да, она все мне рассказала. Честно говоря, это было для меня некоторым сюрпризом.

— Для меня, сэр, все, что происходит, является сюрпризом, — ответил карлик. — Мне так больше нравится. Ну что ж, приехали.

Лодка мягко ткнулась в причал, и Боамунд выпрыгнул на землю.

— Ты сам выберешься? — спросил он.

— Конечно, выберусь, — весело ответил Ноготь. — Почему ты спрашиваешь?

— О, просто так, — задумчиво ответил Боамунд.

— Нам сюда, — сказал Ноготь.

— Ставлю десять к одному, что он заблудился, — сказал Туркин. — Малыш Сопливчик никогда не отличался чувством направления. Он и в лифте мог бы заблудиться.

— Или с ним что-нибудь приключилось, — ответил Галахад. — Наш Боамунд не очень-то практичный малый. Склонен попадать в неожиданные ситуации. Надо бы пойти поискать его, как ты думаешь?

— Зачем утруждаться? — зевнул Туркин. — Откровенно говоря, еще немного — и меня окончательно достанет, как этот недомерок тут всем распоряжается. Мистер Магус допустил самую большую ошибку в своей жизни, когда сделал его префектом. Он сразу возомнил о себе невесть что. С тех самых пор он ни разу не вел себя как нормальный человек.

— Знаешь, — вмешался Пертелоп, — я никогда не мог понять, зачем он так поступил. Трудно представить человека, менее подходящего на роль префекта, нежели Бо.

Они разожгли костер, и Ламорак каким-то образом ухитрился подбить кролика камнем из импровизированной катапульты. Теперь они ужинали.

— Думаю, мистер Магус считал, что это сформирует его характер, — продолжал Пертелоп, поворачивая вертел. — Как говорится, сделает из него человека. Вытащит его из скорлупы. Но это не сработало, вместо этого он просто стал невыносимым.

— Он и до того был невыносимым, — отозвался Туркин. — Даже в лучшие времена этот придурок только и делал, что задира л нос. Сдается мне, мистеру Магусу будет за что ответить.

— Кто тут упоминает мое имя всуе? — раздался голос из темноты. Пятеро рыцарей моментально вскочили на ноги и приняли виноватый вид. Рефлексы — великая сила.

— Еще раз добрый вечер, сэр, — промямлил Туркин. — Мы тут просто обсуждаем, куда мог запропасться Боамунд, сэр. Он вам не попадался?

— С ним все будет в порядке, — ответил Симон Маг. — Ну-ка, ну-ка, ребята, что тут у нас? Жареный кролик?

— Да, сэр.

Симон Маг сел и протянул руки к огню.

— Прямо как в старые добрые времена, честное слово. Помнится, Туркин, ты летом частенько удира из дормитории, чтобы подбить кролика и устроить — ну, скажем, неофициальное барбекю позади конюшен. Фермеры иногда просто осаждали нас жалобами.

Туркин густо окрасился в темно-бордовый цвет и промолчал.

— Прав ли я, предполагая, — продолжал Симон Маг, тыкая в кролика палочкой, — что предметом вашего обсуждения были причины, побудившие меня сделать Боамунда префектом в конце третьего года? Или мои старые уши обманули меня?

Последовало смущенное молчание, которое прервал Бедевер.

— Нас это и впрямь несколько удивило, сэр, — осторожно проговорил он. — Это все же был несколько странный выбор, не сочтите за невежливость, сэр. Или вы думаете, что он подходил для этой роли?

— Я думаю, кролик уже вполне готов, — сказал Симон Маг, и Бедever заметил, что он пристально смотрит в огонь, словно что-то видит в нем, в голубой части пламени. — Это, разумеется, был довольно неординарный выбор, но у меня были свои соображения на этот счет. Фактически, если вы немного потерпите, вы сами услышите их через минутудругую. Туркин, твой знаменитый нож при тебе? Или он так и остался конфискованным? Я не могу припомнить.

Туркин очень медленно вытащил из кармана старый и до крайности истертый перочинный нож и протянул его учителю. Впрочем, не в первый раз.

— Да, да, — проговорил Симон Маг. — Старый верный нож! — Он начал резать кролика.

— Честно говоря, сэр, — нерешительно начал Бедever, — я хотел бы кое о чем спросить вас. Насчет этого квеста, сэр...

Но не успел он закончить, как в кустах раздался шорох и у костра возник Боамунд; Ноготь рысцей бежал следом с узлом мокрой одежды в руках. Симон Маг положил кролика, медленно поднялся и одарил его любящей улыбкой. Затем встал на одно колено и произнес:

— Приветствуем тебя, король Боамунд Первый, истинный король Альбиона.

На последовавшей за этими словами тишине можно было построить дом; потом Туркин, сдавленно кашлянув, произнес:

— О боже мой, но это же неправда, верно? Кто-нибудь, скажите мне, что это неправда.

Симон Маг поднялся на ноги.

— Успокойся, — сказал он, — это всего лишь почетная должность. Королевства Альбион больше не существует.

— Господи, вы сняли камень с моей души, — сказал Туркин. — Только представить, как это могло бы быть — это ужасное лицо, глядящее на тебя с каждой почтовой марки...

Боамунд стоял абсолютно спокойно. Он выглядел бледным, хотя, возможно, это была просто игра света, и смотрел на старого мага. Он не сделал попытки заговорить первым.

— Ну что, — спросил его Симон Маг, — ты справился успешно?

Боамунд кивнул.

— Да, благодарю вас, — ответил он. — Я справился.

— И ты знаешь, где он находится?

— Нет, — ответил Боамунд. Сэр Туркин издал презрительный смешок, но Симон Маг поднял руку, призывая к тишине.

— Я не знаю, где он находится, — продолжал Боамунд, — но я знаю того, кто знает, если вы понимаете, о чем я. Так и должно было быть, не так ли?

Симон Маг улыбнулся; по крайней мере, уголок его рта приподнялся где-то на четверть дюйма.

— Замечательно, — сказал он. — Ты отлично поработал. Присаживайся и отведай кролика.

10

— Он спит, — тихо сказал Бедевер. — Он совершенно истощен.

— И неудивительно, — отозвался Симон Маг. — Кстати, у вас не найдется чашечки чая? Я умираю от жажды.

Они прошли в кухню. Как ни странно, она выглядела вполне презентабельно. Бедевер снял с полки банку, в которой обычно жили чайные пакеты, и вздохнул.

— Пусто, — сказал он. — Это, конечно, Ламорак. Он всегда берет последний пакетик и никому не говорит. Видите ли, раз в месяц мы устраиваем генеральную закупку — идем в супермаркет с парой этих больших тележек и покупаем все, что нам надо. Но нам никогда не удается запастись достаточным количеством чая, да и сахара всегда не хватает, если уж на то пошло. Может быть, кофе сойдет?

— Кофе — это замечательно, — сказал Симон Маг. — Где все остальные?

— В общей комнате, — ответил Бедевер, — играют в двадцать одно. Галахад мухлюет.

Когда чайник вскипел, они сели по разные стороны кухонного стола и задумчиво посмотрели друг на друга.

— Печенья?

— Нет, спасибо, — ответил Симон Маг. — Когда ты ходил смотреть на него, он все еще был при нем?

— Да. Он держал его, словно это был плюшевый медвежонок, — Бедевевер невесело рассмеялся. — Только подумать, что все это время он находился у нас в гараже, в этой большой картонной коробке, среди всякого мусора. Мы всегда думали, что это одна из этих упаковочных коробок с жестянками без этикеток, которые Ламорак постоянно покупает на рынке.

У Симона Мага достало такта сделать слегка смущенный вид.

— Это было лучшее место, какое я мог придумать, — сказал он. — Единственное место, куда никому даже во сне не придет в голову заглянуть. И я оказался прав, — добавил он.

— Но это было немного грубовато, сэр, вы не считаете? — взорвался наконец Бедевевер. — То есть, я хочу сказать, вы же выставили нас полнейшими идиотами. Честное слово, подумать только — мы Рыцари Грааля, и все это время эта треклятая штуковина валяется в нашем гараже в старой картонной коробке! Да если кто-нибудь об этом пронюхает, мы станем посмешищем для рыцарства на сотни лет!

Симон Маг застенчиво ухмыльнулся.

— Но ты все же должен признать, что это было неплохое место, — настаивал он.

— Разумеется, — ответил Бедевевер. — Но зачем? То есть — зачем было посылать нас в этот квест и так далее? Если бы вы хотели, чтобы он оставался спрятанным, то зачем было заставлять нас находить его? Это не имеет никакого смысла.

Симон Маг помешал ложечкой свой кофе и улыбнулся.

— Ты всегда был одаренным мальчиком, Бедевевер, — сказал он. — Необыкновенно одаренным, но тебе на удивление не хватало энергии. Жаль, конечно, но это так. Я не верю в то, что людей можно заставить делать то, чего они не хотят делать; и я не думаю, что ты когда-либо хотел для себя какой-то исключительной доли. Я прав?

— Абсолютно, — ответил Бедевевер. — Но это несколько уводит нас от темы, мне кажется. Я спрашивал, зачем было так тщательно прятать Грааль и затем посылать нас искать его? И почему вы устроили так, что это заняло столько времени?

— Да, — Симон Маг одобрительно кивнул. — Ты задаешь правильный вопрос, как всегда. Ты помнишь, чему я учил вас относительно правильных вопросов?

— Правильный вопрос, — процитировал Бедеве́р, — это такой вопрос, на который имеется лишь один возможный ответ. Но я не понимаю...

— Тогда подумай, — сухо отозвался Симон Маг. — Почему я спрятал его, почему я заставил вас — а точнее, Боамунда — искать его, и почему это должно было занять столько времени? Давай, ты уже почти у цели.

Бедеве́р погрузился в размышления.

— Ну, — медленно проговорил он, — вы спрятали его, поскольку не хотели, чтобы он был найден.

— Это вполне справедливо.

— Вы послали Боамунда искать его, потому что хотели, чтобы Боамунд его нашел.

— Снова в точку.

— И это заняло столько времени, — сказал Бедеве́р, поднимая голову, — потому что он должен был быть найден тогда, когда это необходимо. Да, кажется, я начинаю видеть какие-то проблески.

Симон Маг откинулся на кресло и отхлебнул кофе.

— Продолжай, — подбодрил он.

— Вы спрятали его, — сказал Бедеве́р, — поскольку не хотели, чтобы его нашли люди из Атлантиды — эта, как ее там...

— Кундри, — подсказал Симон Маг. — Она, кстати, моя племянница, но мы никогда не были особенно близки.

— Вы не хотели, чтобы он попал к ней в руки, — продолжал Бедеве́р, — но вы также не хотели, чтобы он попал в руки старого доброго Дедушки Мороза.

— Совершенно верно, — подтвердил маг. — Они оба совершенно ужасные люди. Я знавал их довольно хорошо в старые времена, и уже тогда они были несколько неуравновешенными. Сейчас и тот, и другая — полные безумцы; но безумцы бессмертные, из-за лежащих на обоих проклятиях. Так что дело, как ты понимаешь, нельзя было свести к тому, чтобы подождать, пока они удалятся в мир иной. С другой стороны — это святая реликвия, святейшая из ныне существующих истинных реликвий, так что я не мог просто

взять и разрушить его. Так или иначе, его необходимо было спрятать.

— Очень хорошо, — сказал Бедевер. — Поэтому вы взяли Грааль и спрятали там, где никто никогда не смог бы его найти. И вы учредили Орден Рыцарей Святого Грааля специально для того, чтобы мы *не нашли* его, и тогда все узнали бы наверняка, что он утерян. Поскольку единственное место, куда никому даже в голову не придет заглянуть в поисках Грааля — это собственный гараж Рыцарей Грааля.

— Просто замечательно, — сказал Симон Маг. — Давай дальше.

— Но... — Бедевер зажал голову между ладонями и немного подумал. — Ага, — проговорил он. — И тогда вы нашли ученика, исключительного кретина, но идеалиста и честного рыцаря, и вы с мальчишеских лет обучали его быть *настоящим* кретином и *настоящим* идеалистом и честным рыцарем, так чтобы вы могли быть уверены, что он как раз такой человек, у которого Грааль будет в целости и сохранности...

— Святой Дурачок, — согласился Симон Маг. — Послушный, целомудренный, глупый, чрезвычайно напыщенный; человека такого сорта никогда не коснется жадность, мания величия или что-либо подобное. Фактически, идеальный Рыцарь Грааля.

— Я должен был догадаться, — сказал Бедевер, — когда я вспомнил, что вы с ним появились в колледже в один и тот же год, и уволились сразу же после того, как он закончил.

— Возможно, — улыбнулся маг. — Но знаешь, если бы ты догадался, это причинило бы немало неудобств.

— Ну, как бы то ни было, — продолжал Бедевер, — вы обучили этого рыцаря быть в точности таким, каким вы хотели, чтобы он был; но этого было еще недостаточно. Чтобы полностью обезопасить себя, вы погрузили его в сон на сотни и сотни лет, чтобы, когда он проснется, он был бы полностью дезориентирован. У него не будет ни семьи, ни связей, ни места в обществе или чего-либо в этом роде; вместо этого у него будет только это действительно огромное ощущение собственного предназначения, поскольку лишь таким способом он сможет объяснить себе то, что с ним

произошло, — Бедеве́р на мгновение замолчал. — Это было немного... безжалостно с вашей стороны, вам не кажется? Я имею в виду, что это было не совсем честно по отношению к бедному парню. Он, конечно, тупица, я согласен, но всему есть пределы.

Симон Маг пожал плечами.

— Боамунд был — и остается — совершенным рыцарем, — сказал он. — Смелым, честным и глупым. Рыцарство — это то, для чего он рожден, а этот квест — предел мечтаний любого рыцаря. По чести говоря, я не думаю, что с ним так уж плохо обошелся, как по-твоему?

Бедеве́р подумал.

— Может быть, и нет, — согласился он. — В любом случае, когда вы сочли, что нужное время пришло, вы разбудили Боамунда и направили его напрямик туда, где находился Грааль. Честно говоря, — добавил Бедеве́р, — я немного озадачен этими тремя квестами. Для чего они были нужны? Были ли эти вещи — носки и все прочее — необходимы, или это была просто случайность?

— Это совершенная случайность, — заверил его Симон Маг. — В действительности вся соль этих упражнений заключалась в том, чтобы известить Клауса и Кундри, настолько громко и отчетливо, насколько возможно, что Грааль все еще существует и что кто-то ищет его. Понимаешь, очень существенно, чтобы они это знали; я собираюсь положить конец всей этой атлантической чепухе раз и навсегда, прежде чем они успеют причинить по-настоящему большой вред. Ты, полагаю, слышал об этой оперативной группе, которая была послана, чтобы разобраться с ними, а также о том, что с ней случилось. К этому времени они стали уже настоящей угрозой, вот почему я сделал то, что сделал. Кроме того, этой проклятой бабе, Кундри, стало известно о существовании Гластонберийского манускрипта, в котором излагалась вся история. Это было небрежностью с моей стороны — оставить его без присмотра; но я был совершенно искренне уверен, что его уничтожили еще в шестнадцатом веке. Но потом, когда я услышал о том, что группа «Лионесс» снимает задние помещения всех этих памятников старины, я понял, что она напала на след этой чертовой рукописи, и запросто может найти ее, если я не буду дей-

ствовать быстро. Так что в действительности это был бег наперегонки, — и он рассказал Бедеверу о факсе, посланном из дома, где родился Шекспир.

— Понимаю, — сказал Бедевер. — Ну, как бы то ни было, теперь, когда Боамунд нашел Грааль, все будет в порядке. Все ведь *будет* в порядке, не правда ли?

— О да, — ответил Симон Маг, — по крайней мере, должно быть. Но все же скрести пальцы.

— Еще одна вещь, — сказал Бедевер. — Зачем вам были нужны мы? То есть, зачем нам нужно было все это время торчать здесь? Разве Боамунд не справился бы в одиночку?

Они посмотрели друг на друга.

— Нет, — ответил себе Бедевер, помолчав. — Нет, пожалуй, нет. Он, конечно, хороший парень, Бо, но...

— Вот именно, — подтвердил Симон Маг. — Спасибо за кофе.

— Я все же думаю, — сказал Боамунд, — что он мог бы подождать немного, чтобы попрощаться.

На склоне горы было холодно, и Бедевер слегка пожегся.

— Ему надо было спешить, — объяснил он. — Неотложная встреча или что-то вроде того. Но он просил передать тебе свои самые наилучшие пожелания.

Боамунд кивнул:

— Что ж, тогда встретимся в доме чуть попозже. Мне тут просто надо, э-э, зарыть кое-что в этой пещере там наверху, так что...

Бедевер хотел что-то сказать, но не смог вымолвить ни слова. Он повернулся и начал быстро спускаться по склону. Боамунд наморщил лоб, потом пожал плечами и опустил взгляд на карлика.

— Ну что ж, — сказал Ноготь, — вот мы и снова здесь. Я принес лопату, как ты сказал.

Боамунд кивнул, поправил у себя под мышкой черный полиэтиленовый мешок, в котором находился Святой Грааль (но он был единственным, кто знал об этом, разумеется), и пустился вверх по склону с такой скоростью, какую позволяли развить его длинные ноги.

В пещере все было точно так же, как это было совсем недавно, когда он проснулся. На полу по-прежнему валялись куски ржавых доспехов, в воздухе все еще витал сильный запах плесени и машинного масла.

— Ты молодец, что вспомнил про это место, Ноготь, — сказал он. Карлик отвел взгляд и пробормотал что-то насчет того, что в пещере неплохо бы прибраться.

— Вот и хорошо, — сказал Боамунд. — Ты тогда давай прибирайся, а я тем временем вырою яму.

Минут десять спустя Боамунд отложил лопату, вытер лоб и опустился на колени. Грааль очень хорошо уместился в месте своего последнего пристанища. Рыцарь с почтением кивнул ему, затем забросал его землей и примял руками.

— Черт возьми, — сказал Ноготь несколько сдавленным голосом. — Думаю, ты весь вспотел, пока копал.

— Да, пожалуй, — ответил Боамунд. — Я бы сейчас много дал за хороший стакан холодного молока.

Ноготь покраснел как маков цвет и начал рыться в своем рюкзаке.

— Я как раз вспомнил, что у меня с собой есть... — начал было он, но язык с трудом повиновался ему.

— Ноготь, ты просто чудо! Как это ты умудряешься обо всем подумать? — сказал Боамунд, сделав хороший глоток. — Не знаю, что бы я без тебя делал, право. Я знаю, что иногда забываю сказать спасибо, но... Эй-эй, никто не давал команды плакать, ты что?

— Сенная лихорадка, — сморкаясь, соврал карлик. — Не обращай внимания.

— Ну, прости, — ответил Боамунд и одним глотком допил остатки молока. — А знаешь что, — удивленно проговорил он, — мне почему-то ужасно захотелось... захотелось...

Он лег на спину, и через мгновение уже крепко спал. Ноготь взял из его рук молочную бутылку и поставил рядом; потом снял с плеча большую холщовую сумку, которую принес с собой. Она была размером с него самого и очень тяжелая.

— Это надо же, который раз попадаете на это молоко, — проворчал карлик с нежностью. Он открыл сумку и осторожно достал из нее меч и золотую корону.

— Ну, пока, что ли, — произнес карлик. Он водрузил корону на голову спящего Боамунда, вложил ему в руки меч и на цыпочках тихонько вышел из пещеры. Тут он остановился, вытащил клочок бумаги, который дал ему мистер Магус, и громким голосом, запинаясь, прочел написанные там слова. Последовала ярчайшая вспышка голубого пламени, и пещера исчезла, словно ее никогда здесь не было.

Ноготь еще немного постоял, не думая ни о чем в особенности; потом он вспомнил, что остальные рыцари, скорее всего, захотят выпить чая на дорогу. Им предстоял дальний путь — через широкое море, до самого острова Авалон, где нет ни осени, ни зимы, где люди не стареют, и где (согласно Симону Магу, по крайней мере), если ты хочешь пиццу, ты должен пойти и сделать ее себе сам. Туркин едва терпел.

— Без карлика им будет не обойтись, — сказал сам себе Ноготь. Он еще раз обернулся, чтобы взглянуть на склон горы, где прежде находилось устье пещеры, по привычке наклонился, чтобы подобрать пустой пакетик из-под чипсов, и быстро побежал вниз по склону.

Солнце взойдет

52

3

*Посвящается МОЕЙ МАТЕРИ, чьей неустанной поддержке
и самоотверженной заботе о продвижении
моей писательской карьеры (в ущерб собственному недюжинному
таланту писателя детективного жанра)
я обязан тем, что являюсь сейчас сыном и наследником
автора бестселлеров, а не еще одним
нищим автором.*

ОДИН

Солнце взошло.

Оно было грязным. Оно опаздывало. Оно было в тридцати миллиардах миль от того места, где должно было находиться в этот момент. Его поверхность была покрыта тонкой бензиновой пленкой — текли прокладки. Но оно было на небе и работало, что само по себе было в какой-то мере чудом, учитывая все обстоятельства.

— Давай, сынок, — сказал Старший Техник, вытирая лоб тыльной стороной ладони. — Только не урони его, слышишь?

Младший Техник обиженно нахмурился.

— Вы постоянно это говорите, — ответил он. — Разве я когда-нибудь...

— Ну, кто знает, кто знает.

Пожилой мастер взглянул вниз на огромный пылающий диск, и помимо воли на лице его появилась широкая улыбка.

Да, конечно, он не мог не слышать отчетливого скрежещущего звука и не чувствовать запаха горящей смазки, однако это все же было впечатляющее зрелище. В старые времена умели делать долговечные вещи. Правда, тогда и финансирование было не то, что нынче.

— Ну вот, — произнес молодой помощник. — Гироскоп опять барахлит.

— Гироскоп, — презрительно отвечал его собеседник. — Все эти современные финтифлюшки! Придется тебе вести его вручную, только и всего.

— О, только не это! — простонал Младший Техник. — Так не пойдет. Если я полечу на мануалке, я опять пропущу обед!

— Ну ты даешь, — Старший Техник перебрал в уме несколько наблюдений относительно младшего поколения, с особенным акцентом на тех его представителях, которые ходили с серьгами в ушах. — Когда мне было столько лет, сколько тебе...

— Хорошо, хорошо, вы уже говорили мне это.

— Я бы отдал все что угодно, ей-богу, лишь бы мне позволили вести его в одиночку. — Он помолчал, вспоминая. — Мы гордились своей работой в те дни, — добавил он.

— Ладно. Хорошо.

Младший Техник тоже был в чем-то прав. Сейчас многое изменилось, — не мог не признаться себе Старший Техник, укладывая свою сумку и надевая велосипедные очки. Начнем с того, что тогда повсюду не царил такой бардак. Большая Медведица в те времена не крепилась к небесной тверди на трехстах тысячах миль изоленды и гнущем гвозде.

— Ты должен еще считать себя счастливым, — сказал он без особой убежденности, — что у тебя вообще есть работа.

Его младший коллега даже не потрудился ответить; склонившись на рукоятку автоматического тормоза с наушниками плеера в ушах, он отсутствующим взором глядел куда-то в направлении Бетельгейзе. Что-то подсказывало Старшему Технику, что если человечество доживет до заката, отделавшись лишь несколькими часами необъяснимой темноты, можно будет считать, что ему повезло.

«С другой стороны, — говорил он себе, взбираясь на свой древний велосипед и начиная размеренно крутить педали вдоль по сверкающему звездному тракту, — если ты хочешь гордиться своей работой, твоя работа должна быть чем-то, чем можно гордиться. А если все дело, можно сказать, заброшено на произвол судьбы, чего еще можно ожидать? Неудивительно, что парень чувствует разочарование. Какой смысл заботиться о том, на что всем остальным наплевать?»

Дорога домой вела его мимо лунного ангара, и, следуя цепочке своих мыслей, он притормозил рядом, наклонился к рулю и заглянул внутрь через огромные ворота. Луну на

день оттащили лебедками в сухой док. У него всегда перехватывало дыхание, когда он глядел на нее на расстоянии. Но вблизи зрелище было не из приятных.

— Ничего себе, — пробормотал старый мастер сквозь зубы.

Признаться, прошло уже некоторое время — может быть, несколько столетий — с тех пор, как он последний раз улучил минутку, чтобы остановиться и посмотреть на нее вблизи, но нельзя было отрицать тот факт, что старушка находится в довольно плачевном состоянии.

— Что они с ней *делали*? — вслух спросил он.

Один из ремонтников, устрещающего вида парень с гребнем на голове и кольцом в одной ноздре, обернулся и пристально поглядел на него. Старик, по-видимому, его не заметил.

— Тебе чего, дед? — окликнул парень.

— Надеюсь, ты не собираешься работать с ней наждаком? — в ужасе проговорил старый мастер.

— А тебе чего?

«Неудивительно, — раздумывал старик. — Неудивительно, что старая колымага вся покрыта ямами и кратерами по всей своей когда-то гладкой поверхности». Он вздохнул; он знал, что не было смысла произносить слова, рвавшиеся наружу сквозь дыру в его зубах, но все же он произнес их.

— Нельзя использовать наждак на наружной оболочке, — сказал он. — Это первое, что ты должен был уяснить, ты же протираешь на ней ямы.

— И что?

Действительно — и что? Всем наплевать, это очевидно; и, вновь налегая на педали, старый мастер не мог в своем сердце винить их за это. Какой смысл пытаться поддерживать ее в рабочем состоянии, когда она все равно на ладан дышит? Поговаривали, что ее в любом случае скоро отправят на свалку и выпишут взамен новую. Впрочем, об этом поговаривали уже давно.

Как обычно, он остановился в Общественном Клубе, чтобы выпить чаю и съесть бутерброд с ветчиной, прежде чем отправиться домой. Он припарковал свой велосипед, привязав его цепью к фонарному столбу, и вошел в комнату, которая выглядела скорее как заброшенная восточногерман-

ская железнодорожная станция. Еще одно свидетельство, — не мог он не отметить, — того, что все предприятие катится под гору.

— Что случилось с игральным автоматом, Нев? — спросил он.

— Что-то заело, — отвечал бармен, моя стаканы. — Позже обещали кого-нибудь прислать.

— Ну-ну.

— По крайней мере, — добавил бармен, — так мне сказали.

— Ну-ну.

Бармен издал нечленораздельный звук и сунул бутерброд с ветчиной в микроволновку. Еще одно чертовое нововведение.

— Будешь завтра состязаться в дартс, Нев?

Бармен вздохнул.

— Соревнования отменили, Джордж, старина, — сказал он. — В связи с недостатком интереса со стороны общественности. Ты разве не слышал?

* * *

Джейн оторвалась от своих занятий и подняла голову, чтобы посмотреть в окно на солнце.

Вот что выходит, — подумала она, — когда хорошей вещи слишком много. Это все, конечно, замечательно — с умилением вспоминать длинные жаркие летние дни твоего детства, но когда целыми днями сидишь в офисе со стеклянной крышей, окнами, которые не открываются, и отопительной системой, по какой-то мистической причине не выключающейся даже летом, начинаешь с тоской вспоминать старый добрый проливной дождь.

— Я помню дождь, — сказала она вслух. — Проклятье, так и состариться недолго.

Прошло три недели плюс-минус день, а читатели газет уже мрачно толкуют о нехватке напора в стояках и запретах на полив клумб. Что не так с этой страной, если за три недели солнечной погоды все резервуары умудрились превратиться в пыльные чаши?

Она отвернулась от окна и попыталась сосредоточиться на экране компьютера, стоявшего перед ней. Экран ответил

ей пустым взглядом наркомана, нанюхавшегося клея. Она сняла телефонную трубку.

— Триш, — сказала она, — у меня что-то с компьютером.

— Компьютерщики все в Рединге, — отвечал Триш. — Вернутся после обеда.

— Великолепно, — сказала Джейн. — Можешь им передать, что я лучше попробую обойтись с помощью карточного каталога и палочки с зарубками.

«Ничего, у меня еще куча дел, которыми я могу заняться, пока они не вернутся, — утешала себя Джейн. — Смотреть в окошко, например».

Но вместо этого она полезла в свою сумочку, нашла в ней телефонную книжку и набрала номер.

— Бюро подбора персонала «Аполлон», — произнес на другом конце линии голос, похожий на леди Далека. — Могу я вам чем-нибудь помочь?

— Да, — звонко сказала Джейн. — Я ищу новую работу.

* * *

— Мы можем дать объявление, — сказал Директор Штата. Остальные члены комитета посмотрели на него.

— Что ж, — сказал наконец Персонал, — это, конечно, мысль. И где вы предлагаете его разместить?

— Хм-м.

— Это не так-то просто, не так ли? — продолжал Персонал с видом человека, готового вколотить в землю предложение собеседника. — То есть вряд ли такое объявление можно послать в «Биржу и Рынок», правда?

— Давайте хоть раз попробуем посмотреть позитивно, — раздраженно отвечал Штат. — Вот в чем наша беда; все мы очень проницательны, когда речь заходит об отрицательных сторонах, а когда...

— Ну да, — прервал его Филиалы. — А вы делаете всю работу. Но знаете, мне кажется, что точка зрения Персонала тоже имеет право на существование.

«Точка зрения всех детей Господних имеет право на существование, — сказал сам себе Штат, — только вот некоторые из них чертовски дурацкие». Он нарисовал в записной книжке космический корабль и попытался успокоиться.

— Я все же думаю, — произнес он, сведя вместе кончики пальцев, чтобы удержаться от желания сжать кулаки, — что мы должны дать объявление. А что, почему бы и нет? В частном секторе так постоянно делают. Они не делают из недостатка кадров такой секрет, словно в этом есть что-то постыдное. Они просто берут и объявляют об этом, чтобы люди к ним обращались.

— Что ж, верно, — проговорил Персонал с энтузиазмом трупа. — Так где же мы будем искать?

Наступило молчание.

— Ну хорошо, — произнес Штат, — что предлагаете вы? Нам нужен кто-нибудь, и как можно быстрее. Вы ответственный за подбор персонала. Вы скажите ваше авторитетное мнение.

— Я считаю, что этот вопрос нуждается в обдумывании.

Снова молчание, во время которого Штат заметил, что пылающие троны, на которых они восседали и которые служили знаком их высокого административного статуса, более не пылали. Они только светились помигивая и тихо гудели.

— Ну что, вы придумали? — спросил он.

— Нет, еще нет.

— Хорошо, — произнес Штат. — Думайте сколько вам надо. — Он скрестил ноги и нарочито терпеливо принялся ждать.

— А почему бы нам не прибегнуть к обычной процедуре? — раздался голос с другого конца стола.

— Потому что... — начал было Штат, но прервал себя. Временами, когда его паранойя уступала первенство и смешивалась с его angst¹, он всерьез верил, что Финансы и Общие Направления был неким управленческим зерном, специально посеянным в этот комитет с целью обеспечить его полнейшее бездействие. Поскольку это с большой долей вероятности так и было, он неизменно выбрасывал эту мысль из головы; люди не единственные, кто не выносит слишком реальной реальности. — Потому что, — продолжал он, — обычные каналы на три фута заросли мхом, а мы все же должны что-то предпринять.

¹ Страх, беспокойство. (нем.)

— Ну, с *этим-то* все согласны, — сказал Филиалы. — Здесь спорить не о чем, *что-то* мы должны предпринять. Но, с другой стороны, не стоит бросаться очертя голову неизвестно куда, не проработав сперва вопрос как следует. Я хочу сказать... — он сделал легкое, но выразительное движение и умолк, вновь принявшись изображать собой дверной косяк. Штат взял себя в руки, что-то при этом в себе повредив, и попытался говорить примирительным тоном.

— Ну хорошо, — произнес он, — как насчет агентства? Я слышал, что они там неплохо справляются с подобного рода вещами. Ну, вы знаете: охотники за головами.

— Какое агентство вы имеете в виду? — спросил Персонал.

— Послушайте, — сказал Штат, — у нас здесь совещание, верно? Предполагается, что мы должны быть мыслящей машиной, из которой идеи вылетают как из пулемета. У кого-нибудь здесь есть хоть какие-нибудь идеи?

Последовало легкое замешательство; затем Персонал, в совершенстве выдержав паузу, улыбнулся и кашлянул.

— У меня есть идея, — заявил он. — У меня есть идея, что этот вопрос требует тщательного обдумывания.

— Согласен, — произнес Филиалы. — Мне кажется, это надо рассмотреть со всех сторон.

— Я все же считаю, — сказал Финансы и Общие Направления, — что мы должны следовать установленной процедуре.

Штат прикрыл глаза.

— Боже милосердный, Норман, — сказал он, обращаясь к потолку, — что за гениальная мысль! Хорошо, давайте все займемся этим, ладно? От всего сердца могу сказать, что сегодня мы значительно продвинулись вперед. Что ж, через неделю, в это же время?

Вместо того чтобы вернуться в главное здание, Штат свернул по коридору налево, быстрым шагом миновал почтовое отделение, свернул направо у архива и нажал кнопку лифта. Через две минуты он выругался в пустую шахту и полез вверх через семнадцать пролетов, отделявших его от офиса А.Д.

— Я покажу вам, убудки, — бормотал он, задыхаясь. — Хоть один раз, но я вам *покажу*...

Чем выше он взбирался, тем грязнее становилась лестница. Было что-то такое в окружающей обстановке, что-то неосоздаваемое, но отчетливо дававшее понять, что этим путем уже давно никто не ходил, и что, возможно, для этого имелись весьма веские основания. «Может быть, — сказал себе Штат, — дело в том, что половина ступеней насквозь прогнившие».

В конце концов, отдуваясь и потев, он вскарабкался на верхний этаж здания. Здесь было темно (лампочка перегорела) и холодно, и как-то необъяснимо не по себе. Прошли годы с тех пор, как он в последний раз забирался так высоко. Можно было поручиться, что, кроме него, здесь нет ни единой живой души.

Перед ним была стеклянная дверь, покрытая таким слоем грязи, что ему пришлось протереть ее рукавом, чтобы прочесть надпись.

Однако за дверью горел свет, предполагавший наличие разумной жизни. Что, по мнению Штата, представляло собой приятное разнообразие. Прищурившись, он взгляделся в буквы на двери.

Д. Гангер

гласила надпись, и ниже, более мелким шрифтом:

Адвокат Дьявола

— Ну вот, — сказал сам себе Штат, подавляя нервную дрожь, — наконец-то я добрался.

Он смело постучал в дверь и повернул ручку.

* * *

— Попробуй вставить кусочек фольги на клею, — предложил Техник-Консультант.

Телефонная трубка затрещала.

— А это работает? — донесся голос на другом конце провода.

— Почему я знаю, — Техник-Консультант откинулся на спинку стула и положил в рот мятную подушечку жевательной резинки. — Может, и работает.

— Слушайте, — прохрипела трубка, — у меня тут здоровенный гелиевый диск застрял над Восточной Африкой.

Внизу все уже начинает гореть. Посоветуйте вы хоть что-нибудь!

— Я не виноват, — автоматически откликнулся Техник-Консультант. — Я говорил им в Депо, что нужен новый запасной комплект, но разве они будут слушать? Куда там! — Он раздавил мятную подушечку зубами прямо в трубку, послав по проводу такой звук, словно рушился мир. — Слушай-ка, — произнес он, после того как очистил небо от мятной шрапнели, — я знаю, что я сделаю. Я вышлю к тебе ремонтников с фургоном. Они без проблем вытащат тебя обратно на дорогу.

Треск в трубке напомнил ему, что ремонтная служба была упразднена два года назад как часть устаревшей программы, а весь ее штат переброшен в Океаны.

— А как насчет аварийной техпомощи? — предложил он.

— Отличная идея, — отозвался Техник-Консультант, листая расписание нарядов. — Проблема только в том, что сейчас они в Депо, чинят игровой автомат в Общественном Клубе. Чтобы вызвать аварийщиков, тебе нужно было выслать желтый бланк за сорок восемь часов.

— Тогда что же вы предлагаете?

— Попробуй вылезти наружу и подтолкнуть.

Трубка немного похрипела, обдумывая это предложение, затем высказала Технику-Консультанту несколько пожеланий интимного свойства и разъединилась.

Рыбы в озере Виктория внезапно обнаружили, что потолок нависает над ними гораздо ниже обычного.

* * *

— Войдите.

К вящему удивлению Штата, дверь подалась без труда. Он моргнул.

Внутри все было не совсем так, как он ожидал. Во-первых, тут было чисто. Фактически здесь было чище, чем где-либо в остальной части здания. Помещение было заново обставлено. В одном углу находился факс последней модели, который тихо помигивал, выдавливая из себя свой завтрак, в другом стоял компьютер, о каком мог бы мечтать Джордж Лукас, если бы был одержим демонами. Здесь

находилось также, как заметил Штат, упитанное растение в горшке. Натуральное, не пластмасса.

— Дело в том, что у нас отдельное финансирование, — произнес голос позади него. — Выгоды децентрализации и все такое. Вы ведь Директор Штата, не так ли?

Личность, стоявшая у него за спиной, обескураживала не меньше, чем окружающая обстановка. А.Д. был молод, он, казалось, вибрировал от избытка энергии. Что поражало еще больше, похоже было на то, что он был способен наслаждаться жизнью.

— Вы... — Штат замялся. Личность ухмыльнулась.

— Меня зовут Гангер¹. Мы, в общем-то, не встречались, но такая уж у меня работа — знать обо всем.

В качестве дезориентирующего замечания, — сказала душа Штата, обращаясь к любому участку мозга, который почему-либо хотел слушать, — это должно стоять в ряду с фразами вроде «Вы уверены, что чувствуете себя хорошо?» или «Простите, но в этом банане спрятана бомба». Возможно, выводить оппонента из равновесия — тоже часть его работы. Штат заставил себя расслабиться.

— Простите, что врываюсь к вам так неожиданно, — произнес он, — но не найдется ли у вас для меня пары минут?

— Разумеется, — кивнул Гангер. — Кэрл, я буду в заднем офисе. Если кто-нибудь позвонит, запиши сообщение.

Голова Штата повернулась, как крылья ветряной мельницы под порывом ветра, и он углядел белокурую головку между двумя наушниками. Напускное безразличие, конечно, хорошая вещь, но всему есть пределы.

— Не хотите ли вы сказать, — прошептал он, — что у вас есть секретарша?

— Даже две, — отозвался Гангер, и Штат отказался от дальнейшей борьбы. Такие люди наклеивают стикеры с надписью «Моя вторая машина — Порше» на заднее стекло своей «Мацерати». — Пройдемте со мной. Кофе?

Штат издал тихий звук, не разжимая губ.

— Полагаю, ваша секретарша приготовит его для нас?

¹ Ganger (англ.) — слово имеет несколько значений, среди них «надсмотрщик», «быстрая лошадь», также «бандит, член банды». Еще одно значение имени этого персонажа раскрывается в конце книги. (Прим. пер.)

Гангер приподнял бровь.

— Ну да, — сказал он.

— Одна из двух ваших секретарш?

— Вот именно. Если вы не возражаете, конечно.

— Нет, все в порядке, — проговорил Штат. — Думаю, я пришел как раз туда, куда надо.

Штату показалось, что они шли до заднего офиса очень долго, но потом он понял, что дело было в том усилии, которое ему приходилось прикладывать, чтобы пробраться через ковер. В этом ворсе мог свободно затеряться город майя, и вы никогда не узнали бы об этом.

— Итак, что мы можем сделать для вас? — спросил Гангер, делая жест в сторону кресла. Штат недоверчиво посмотрел на него. Возможно, это было приглашением сесть, но это казалось маловероятным. Судя по внешнему виду, эта вещь принадлежала к числу тех, за разрешение посмотреть на которые люди платят большие деньги.

— Садитесь, прошу вас, — подтвердил Гангер. — Мы здесь не на торжественной церемонии.

...возможно, и нет, но наверняка, сидя на такой роскоши, чувствуешь себя чертовски неудобно. Штат сел, на мгновение запаниковав, пока вновь не нашел точку опоры, и попытался очистить свой ум.

— Видите ли, — начал он, — вообще-то я...

Слова замерли у него на губах. Гангер проследил за его взглядом и поднял бровь.

— Это фотокопир, — пояснил он. — Ну, знаете, кладете листок бумаги с одного конца и...

— Прошу прощения, — пробормотал Штат. — Как я говорил, у меня возникло небольшое затруднение, и я подумал... знаете ли, свежий взгляд на проблему...

— Знаю, — кивнул Гангер. — Давать объявление или обращаться в агентство? Хороший вопрос.

— Однако послушайте... — Штат попытался выпрямиться, но кресло ему не позволило. Он отчаянно боролся. Самоуважение не было наиболее существенной частью его личности, но будь он проклят, если закончит свою карьеру тем, что завалится на спинку кресла.

— Откуда я все это знаю? — спросил Гангер. — Очень просто. Это моя работа. — Он помолчал, затем мягко улыб-

нулся. — Попробуйте выпрямить спину, — сказал он. — Это вытолкнет вас с подушки вперед.

Штат последовал его совету; затем он нахмурился.

— Вы...

— Нет, этого я не делаю, — ответил Гангер. — Читать мысли смертных, разумеется, возможно, но не наши. Вы же знаете, эти устройства для создания помех... На самом деле это все лишь интуиция и знание психологии.

— О!

— Ну и микрофоны, разумеется.

— А!

Дверь открылась, и особа женского пола внесла в комнату поднос, на котором стояли две чашки кофе. С блюдецками. Из одного сервиза.

«Ей-богу, я, наверное, умер и попал на небеса», — подумал Штат.

— А вот это вряд ли возможно, учитывая обстоятельства, — Гангер вежливо засмеялся. — Спасибо, я польщен. На самом деле все, что для этого нужно, — это хороший вкус и аккуратное ведение дел.

— И отдельное финансирование.

— Ну, и это тоже помогает, разумеется. — Гангер посмотрел на него поверх чашки. — Я бы поставил на агентство.

— Вы думаете?

— Уверен, — кивнул Гангер. — Это сберегает время — и в конечном счете деньги. Ни того ни другого, если я прав, вы не имеете в достаточном количестве.

Штат безуспешно попытался пристроить блюдецку у себя на колене, но кресло, казалось, дышало под ним.

— Ну хорошо, — произнес он. — И что мне сказать остальным членам комитета?

Гангер, казалось, был удивлен: возможно, совершенно новое для него ощущение...

— Ничуть, — отрывисто сказал он. — Окружающий мир постоянно удивляет меня. Какое кому дело до того, что думает комитет? В любом случае, — добавил он, — если уж вы так беспокоитесь об этом, просто не говорите им ничего.

— Но я же должен поставить их в известность...

— Зачем?

Штат был шокирован; это было все равно как если бы ему посоветовали дышать другим образом. Затем он понял. Другие правила...

— Расскажите-ка поподробнее, — проговорил он.

ДВА

Джейн была не из тех людей, что постоянно испытывают неудовлетворение; по крайней мере, она всегда заставляла себя в это верить. Просто были определенные вещи, с которыми ей было трудно смириться. Эти вещи постоянно меняли свою форму в зависимости от обстоятельств, так же, как облака порой могут быть мохнатыми драконами, а порой обрывками хлопчатобумажной материи низкого качества; иногда это было плачевное положение голодающих, иногда — потрясающе наплевательское отношение к своей работе служащих магазина канцелярских принадлежностей, а иногда — довольно часто, и, кстати сказать, прямо сейчас — это была точность, с какой автобус №42а следовал своему расписанию. Этот пункт порой доставал ее до самых печенок. Если такая вещь, как человеческий фактор, вообще существует, то это, по всей вероятности, безалаберность.

Погода тоже вполне соответствовала.

«Вот вам британская нация, — сказала она себе, — и ее мистическая связь с водой: мы либо плаваем по ней, либо стоим на земле, а она льется на нас сверху. Чтобы изобрести зонтик, впрочем, нам потребовались китайцы».

Поскольку №42а, очевидно, попал в засаду, устроенную бандой арабских террористов, был подожжен и брошен где-то выше по маршруту, она решила пройти пешком ту милю, что отделяла ее офис от станции. Хлюпая по раскисшей дороге и стараясь избегать наиболее глубоких луж, она размышляла о том, действительно ли отбросить плавники и вырастить взамен ноги было таким уж эволюционным прорывом, как это принято считать. Она как раз пришла к заключению, что действительно мудрым решением были бы крылья и поплавки, как у гидросамолета, когда с размаху налетела на другого пешехода, чуть не столкнув его в лужу величиной с озеро Ван.

— Ах, простите! — воскликнула она.

Потерпевший, одежда которого была настолько чистой, что он мог бы без опаски проводить в ней операции на открытом сердце, и сухой, как кость фараона, несмотря на отсутствие шляпы и зонтика, улыбнулся ей в ответ.

— Ничего, — ответил он. — Но знаешь, насчет крыльев ты не права.

Челюсть Джейн пошла вниз, как шасси самолета на посадке.

— Ч-что? — пролепетала она.

— Насчет крыльев, — по-прежнему улыбаясь, повторил ее собеседник. — Если бы предки человечества отрастили себе крылья, им бы не пришлось развивать ловкость пальцев и умение пользоваться инструментами. И тогда их мозг не стал бы адаптироваться и никогда не превратился бы в то, во что в конце концов превратился. Результат — ты не была бы человеком, а была бы просто большой розовой птицей, и шимпанзе кормили бы тебя хлебными крошками на Трафальгарской площади. Подумай об этом.

Он кивнул ей, отступил в сторону (прямо в лужу, воды которой разделились по обе стороны от его ноги) и как ни в чем не бывало пошел дальше, оставив Джейн стоять столбом как раз на том месте, которое приняло на себя основной заряд воды из-под колес автобуса №42а, проехавшего напрямиком через лужу несколькими мгновениями позже.

* * *

Штат читал письмо.

Это было не так-то просто, поскольку алфавит и, разумеется, язык, которые в нем использовались, уже несколько веков как вымерли; но это можно было понять. Писавший это письмо скорее всего не испытывал необходимости в бумаге и чернилах очень долгое время.

Дорогой сэр! — в переводе гласило оно.

Должен проинформировать вас, что я увольняюсь. Вы, наверное, не помните меня, хотя я-то однажды видел Вас поверх чьей-то головы на каком-то приеме — Вы пожимали руки направо и налево и что-то там такое открывали. Я поднимал Солнце в течение 777 лет, 7 месяцев и недели, считая этот четверг, но сейчас это уже слишком, и с меня

довольно. Это скандал, вот что это такое, и с этим необходимо что-то делать. С почтением, остаюсь Ваш и т.д.

Штат вздохнул и положил письмо на стол текстом вниз.

С этим необходимо что-то делать.

«Совершенно верно, — сказал он себе, — и мы сделаем, как только обречем почву под ногами. И восстановим нормальный график в самом скором времени. И, разумеется, принесем свои извинения за временные неудобства».

— Адское пламя! — сказал он вслух.

— Прошу прощения, но это на другом этаже, — отозвался голос с противоположного конца стола. Он поднял голову и увидел Гангера, А.Д., который сидел в кресле для посетителей; Штат и представить себе не мог, что в нем можно устроиться с таким комфортом.

— Премудрость невелика, — ответил Гангер. — Нужно просто поерзать немного, пока не найдешь ту часть сиденья, где не торчат пружины.

Вот в чем дело, понял Штат: он отвечает прежде, чем ты заговоришь. Это, конечно, чертовски раздражает, но несомненно повышает эффективность работы. Вроде этих факсов и прочей офисной машинерии.

— И? — спросил он.

— Да, — отвечал Гангер, сооротив печальную мину, выглядевшую на его лице совершенно неуместной. Оно было скроено исключительно для улыбок. — Вопрос только, как?

— Вот именно.

— Что ж, — сказал Гангер, откидываясь назад и сцепляя руки на затылке, — вот вам и вся проблема. В двух словах.

Штат сдался.

— Ну хорошо, — сказал он. — Не могли бы вы теперь вернуться назад и заполнить пробелы, если вас это не затруднит?

Печальная гримаса растеклась, как плавленный сыр, перейдя в привычную широкую улыбку.

— Вы думали: «Проклятье, вот и еще один незаменимый работник взял и вручил уведомление об увольнении, и какого дьявола нам остается теперь делать?» Я ответил «Да», поскольку, черт меня побери, если я мог придумать что-нибудь еще. Но факт остается фактом, его нужно заменить кем-нибудь, в противном случае это будет большая

радость для производителей осветительных приборов, но вряд ли хороший подарок для всех остальных, плюс вам придется платить двух-с-половинный оклад человеку на луне. Вопрос только, как вам удастся заполнить подобную вакансию из того отребья, что у вас имеется в наличии?

— Вот именно.

— Что ж, вот вам и вся проблема, — улыбаясь, сказал Гангер. — В двух словах.

— Это очень впечатляюще — то, как вы это делаете.

— Показуха, — ответил Гангер. — Телепатия — это как телевидение и теле-все-что-угодно. Выглядит неплохо, но в конечном счете едва ли от нее есть какой-либо толк. Но это не совсем телепатия, — поспешно добавил он, — скорее что-то вроде озарения. Иногда в нашей работе это бывает очень полезно.

— Ах да, — произнес Штат, слегка наклоняясь вперед. — Я как раз собирался спросить вас об этом.

Гангер вздернул уголок рта, демонстрируя еще один изюп своей неувядающей улыбки.

— Вы совершенно правы, — сказал он. — Прямо в точку. Штат зарычал на него. Он рассмеялся.

— Не беспокойтесь, — проговорил он. — Мы в одной упряжке. А это означает, что я должен играть честно. Что означает, что вы можете мне верить. Согласны?

— Возможно.

Гангер встал и подошел к окну.

— Хороший у вас вид отсюда, — проговорил он.

— Все царства земные, — рассеянно ответил Штат. — Слушайте, что на самом деле представляют собой ваши люди?

— Ничего особенного, — ответил Гангер, не отрываясь от окна. — Мы — скорее «они», чем «вы», но мы на вашей стороне. Этого достаточно?

— Нет.

— Ну хорошо. Мы — департамент, такой же как все остальные департаменты, но мы обладаем значительной автономностью в рамках — весьма жестких рамках — наших инструкций. Глава же нашего департамента получает плевков при каждом крещении.

Штат кивнул.

— И отречение от всех дел его?

— Именно. А также от искушения, хотя ему вряд ли есть чем особенно искушать. По крайней мере, в последние пять лет.

— Пять лет? — Штат поднял бровь. — Почему именно...

— Наш департамент был выставлен на конкурс, — пояснил Гангер. — Видите ли, это был эксперимент, а мы в нем были белыми мышами. Пять лет назад мы были самым безнадежно отсталым департаментом во всей системе...

— Не может быть!

Затылок Гангера кивнул.

— Именно так. У нас было огромное количество рабочих мест, и в то же время безнадежно мало работников. Дела стояли на месте, души залеживались на складах, котлы все еще работали на дорогостоящей и неэкологичной сере, и, что хуже всего, на все это уходила чертова прорва денег. Поверьте, вся наша система была на грани развала. Фактически некоторые полагали, что она уже давно развалилась, просто при всеобщем бардаке этого никто не заметил.

Штат взял карандаш и начал нервно постукивать им по столу.

— Мне никто об этом не говорил, — произнес он.

— Да неужели? — Гангер, немного наклонившись, оперся на подоконник. — Меня это нисколько не удивляет. По правде говоря, этот факт не из тех, о которых нам хотелось бы, чтобы вы знали. Во всяком случае, наверху сочли, что поскольку любые их действия вряд ли смогут еще ухудшить положение, то стоит провести эксперимент и попробовать передать дело в руки сторонних подрядчиков. Моя команда получила контракт, и с тех пор... Что ж, можете судить сами.

Наступила пауза, в течение которой можно было не торопясь досчитать до семи — и до десяти, если слегка поторопиться.

— Так вы не...

— Не профессионалы? — рассмеялся Гангер. — О, что вы, мы все вполне профессионалы. Я не смертный, если это то, о чем вы подумали.

— Но если вы не смертный, значит, вы... — голос Штата постепенно сошел на нет, как перестает капать вода из перекрытого крана. Гангер покачал затылком.

— Совсем не обязательно, — сказал он. — Таково общее заблуждение. Большинство из нас остались от предыдущих систем, хотя...

— Предыдущих систем?

— Религии предков, — объяснил Гангер. — Классическая мифология. Один и Тор. У нас в бухгалтерии работает один парень, раньше он был Озирисом — или Анубисом? Чудной тип, но при его работе это, в общем-то, даже помогает, когда у тебя на плечах шакаля голова. Я-то сам пришел из Философии.

— Из Философии?

— Именно, — подтвердил Гангер с оттенком гордости. — Персонификация абстрактной концепции. Я — дитя немецкого неонигилизма конца XIX века. Можно сказать, один из джентльменов господина Ницше, — он хохотнул над собственной шуткой. — Простите, но я довольно сильно отклонился от темы, не так ли? Я начал все это говорить к тому, что в нашем департаменте в штате действительно есть несколько человек, которые изначально были смертными.

Штат попытался найти подходящее слово или хотя бы звук, но не преуспел. Собственно говоря, единственным раздавшимся в комнате звуком был звук его падающей челюсти.

— Да, я иногда оказываю такое действие, — согласился Гангер. — Вот, не далее чем сегодня я до полусмерти напугал одну девушку на улице. Кстати, попозже мне хотелось бы поговорить с вами о ней.

— Вы используете *смертных*? На *официальных должностях*?

— Бывших смертных, — мягко поправил Гангер. — Естественно, с некоторыми ограничениями. Но в рамках этих ограничений...

— Не может быть, — проговорил Штат, с трудом контролируя свой гнев. — Это неслыханно. Это противозаконно. Это... Это...

— Порочно? — засмеялся Гангер. — Но ведь так и должно быть, разве нет?

— Не будете ли вы столь любезны перестать читать мои мысли! — заорал Штат. — Мало мне того, что мне приходится жить с ними, не хватало еще, чтобы всякие посторонние

совали в них свои грязные волосатые морды! — Он перевел дыхание и взял себя в руки. — Простите, — сказал он. — Но прошу вас, хотя бы на некоторое время, не могли бы вы?..

Пауза.

— Не мог бы я что? — спросил Гангер.

— Благодарю вас, — сказал Штат. — Не могли бы вы просто немного подождать, пока я выскажу то, что думаю, вместо того чтобы сразу смотреть самому? Прежде всего это дурной тон. Все равно что заглядывать в конец книги, не прочтя предыдущих глав. Кроме того, это ставит меня в невыгодное положение.

— Не такое уж и невыгодное, — ответил Гангер. — Я ведь могу прочесть только то, что там уже есть, не так ли? И в любом случае это ведь не телепатия, это...

— Озарение, я помню, вы говорили.

— Вот-вот, вы хорошо запомнили.

— Ох, да перестаньте вы! — Штат снова взял карандаш и принялся грызть кончик. — Эти смертные, — осторожно начал он.

— Бывшие смертные.

— Ну хорошо, *бывшие* смертные. — Штат почувствовал, как его зубы сомкнулись на графитовом стержне. — Полагаю, все они... несут исполнительные функции? Ну там, лесорубы, водоносы и тому подобное?

Гангер покачал головой.

— Напротив, — сказал он. — В основном это высший исполнительный и низший административный уровень. На высших управленческих должностях нет ни одного, но это лишь потому, что они работают относительно недавно, а такие вещи занимают много времени. Приходится, знаете, долго ждать, прежде чем освободится выморочное место.

Почему-то при этом выражении в данном контексте по спине Штата пробежал холодок.

— Но это же... — он поспешил смягчить свою мысль, просто на всякий случай, если кто-нибудь подглядывал. — Это все же как-то не принято, знаете ли. Все-таки смертные...

— Вы хотите сказать, что подобного рода попытки никогда не предпринимались у вас, — Гангер отвернулся от окна, и Штат заметил, за краткую долю секунды, прежде чем успел наложить вето на эту часть своего мозга, что он

выглядел несколько изменившимся. — Я понимаю, это трудно принять. Но мы так делаем, и похоже, что это срабатывает. Вот в чем прелесть самому управлять своим кораблем. Если мы и делаем что-то предосудительное, кому какое дело? Мы есть мы, и мы катимся к дьяволу собственным путем. Фигурально выражаясь, — осмотрительно добавил он. — Ну а уж если это работает...

ТРИ

Промежуток, лежащий между первым движением в душе преступного замысла и непосредственным его осуществлением, носит оттенок фантасмагории или кошмарного сна. Дух и смертный его инструмент спорят тогда, и природа человеческая в смятении протестует.

— О черт, почему бы и нет? — внезапно вслух проговорила Джейн и пошла через дорогу к магазину.

— Два кремовых пирожных, будьте добры, — сказала она продавщице. — Нет, пусть будет три. И со сливочным кремом, не с белковым.

Глаза, подобные сверлам из молибденовой стали, буравили ее душу, пока она рылась в кошельке в поисках фунтовой монеты, неуверенно пытаясь выглядеть как человек, покупающий сласти для троих, а не для самого себя.

— Ваш пенни сдачи, — сказала продавщица. — Спасибо за покупку.

Что ж, — думала Джейн, идя вдоль по улице, — а ведь сначала это казалось неплохой мыслью. «Съешь пирожное, девочка, — сказал Отец Лжи, — и ты сама себя не узнаешь после этого». Тогда как на самом деле, подсказывала здравая часть ее разума, единственной ощутимой переменной будут округлившиеся ягодицы. Девушки, съедающие по три кремовых пирожных за раз, только самих себя должны винить, если в конце концов начнут выглядеть как аэростат.

— Ничего, — твердо произнесла Джейн. Человек в коричневом пальто взглянул на нее и слегка ускорил шаг. «Ничего, — повторила она *sotto voce*¹, — по крайней мере, они не шоколадные. Если ты начинаешь в середине дня

¹ Про себя (*ит.*).

поглощать шоколад, это значит, что пора сложить оружие и готовиться к смерти.

Она отыскала в парке скамейку, села и взглянула на бумажный пакет у себя на коленях. Крем местами пропитал бумагу, сделав ее прозрачной, и она слегка содрогнулась. Если бы в это время мимо проходил нищий, весьма вероятно, что он оказался бы жертвой внезапного приступа ее щедрости; но вокруг не было никого, не считая парочки подростков, нюхающих клей под платаном на той стороне Китайского пруда, и удаляющейся спины бодрого старичка, бегущего трусцой. Ей придется съесть их самой.

Первое прошло без особого труда, хотя она мучительно осознавала, что крем выдавился наружу и распространился по всему ее лицу как монгольская орда. Второе прошло без особого труда до половины; но она ненавидела выбрасывать что-либо, а разгуливать с бумажным пакетом, в котором лежат полтора кремовых пирожных, было бы уж совсем глупо. Поэтому она прикончила его и, пустив свой язык отчищать сладкую слякоть с верхней губы, решительно закрыла сумочку. Ее слегка подташнивало.

— А знаешь, это ведь симптом, — произнес голос позади нее.

Она подскочила. Мало того что с ней в парке заговорил незнакомец — это был тот самый незнакомец, что вчера напугал ее до потери сознания, сперва прочитав ее мысли, а затем пройдя сквозь огромную лужу не замочив ног! Этот факт лишь добавил несколько дюймов к расстоянию между ней и скамейкой.

— Еда, — продолжал незнакомец улыбаясь. — Атавизм, мощный и незамысловатый. Охотник-собираатель внутри нас полагает, что, если у тебя есть еда, остальное уже не имеет значения, и поэтому при первых признаках любых неурядиц мы хватаемся за еду. На самом деле это, разумеется, связано со стрессом; и те вещи, которые мы едим, лишь обостряют его. Довольно непродуктивно для чисто инстинктивной реакции, ты не считаешь?

— Уйдите, — проговорила Джейн.

— У тебя крем на носу.

— Я позову полицейского!

Незнакомец улыбнулся.

— Откуда ты знаешь, — сказал он, — может быть, я и есть полицейский?

— Тогда я позову другого полицейского. Сгинь, пропади!

Незнакомец закинул ногу на ногу и обхватил руками колени.

— Еще один кусочек атакизма, — произнес он, — хотя в какой-то степени более осмысленный. Какая это все-таки каша — человеческий ум!

Он исчез.

В последовавшем облаке ментальных статических разрядов Джейн внезапно осознала, что каким-то образом ухитрилась сесть на третье пирожное. Странно все-таки, как иногда замечаешь подобные вещи.

— Куда вы подевались? — произнесла она.

— Никуда не подевался, — ответил голос. — А ты знаешь, что сидишь на...

— Да.

— Ну вот, — сказал голос. — Телепатия. Теперь, пожалуй, можно и двинуться отсюда, как ты думаешь?

Джейн встала, собравшись уходить, повернулась и предприняла безуспешную попытку отчистить прилипшее пирожное.

— И не смейте, — предостерегающе сказала она.

— Я и не собирался, — был ответ. — Будучи духом, я не подвержен слабостям смертных; а даже если бы и был подвержен, не уверен, что удаление расплюснутых кремовых пирожных с задних частей человеческого тела было бы моим излюбленным занятием. Если ты снова сядешь на скамейку, никто не увидит, что у тебя пирожное пристало к...

Джейн села. Ей не очень нравилось все это, но что бы она ни чувствовала, это не было страхом.

— Ну и что? — спросила она.

Ее окружал воздух, чистый и вопиюще прозрачный. Она уже начала думать, что, может быть...

— Прости, — произнес голос. — Задумался. Я все еще здесь.

Джейн уставилась прямо перед собой.

— Вы призрак?

— Нет, — ответил воздух. — Слово «призрак» означает кого-то, кто мертв. Поскольку я никогда не был жив, я не могу быть мертвым. Следующий вопрос.

Джейн повернула голову и медленно осмотрелась вокруг. Рядом с ней на расстоянии десяти ярдов не было ни одного дерева или куста, так что это не мог быть какой-нибудь идиот, упражняющийся в чревовещании. Голос звучал довольно тихо, но определенно откуда-то снаружи.

Она не знала, на что похожи голоса, звучащие внутри твоей головы, но эта передача несомненно велась со внешней станции. Она повернула голову обратно и снова уставилась перед собой.

— Ну и что? — повторила она.

— Если ты так и будешь сидеть на этом пирожном, — произнес голос, — ты окончательно испортишь юбку. Свежий сливочный крем и габардин плохо сочетаются друг с другом; по крайней мере, мне так говорили.

— Если вы уйдете, — сказала она, — я почищу юбку. Пока вы остаетесь здесь, видимый или нет, я не намерена потакать вашему извращенному чувству юмора.

Последовало долгое молчание; затем голос заговорил вновь. На этот раз, однако, он звучал определенно *внутри*.

— Теперь довольна? — спросил он.

— Конечно, нет, — ответила Джейн. — Убирайтесь!

— Я уже это сделал, — ответил голос. — Я вернулся в свой офис, сижу здесь и пью чай. Какого черта тебе еще нужно?

— Не смейте распивать чаи в моей голове, — возмутилась Джейн. — Я не позволю вам, слышите?

— И что ты сделаешь, высморкаешься?

Джейн яростно завертелась на своем сиденье, пытаясь отскрести пирожное. Она почувствовала раскаты хохота в своей голове.

— Прекратите, — потребовала она. — От вас у меня голова разболится. — Стенки ее черепа перестали вибрировать. Насколько она могла судить, пирожное оставалось на прежнем месте.

— Кто вы? — спросила она.

В ее голове загудело, и дошедшее до нее послание было лишено слов — лишь туманные расплывчатые образы, отталкивающие и привлекательные одновременно. То, что еще осталось от ее защитных механизмов, подсказывало, что ей лучше не понимать этого.

— Ну хорошо, — произнес голос, снова слышимый в ее голове. — Вот тебе три подсказки. Помяни меня — и я появлюсь; я не настолько непривлекателен, как полагают некоторые художники, и подобно твоему пирожному, я обычно предпочитаю держаться пониже. Точнее, — поправился он, — это поможет тебе идентифицировать главу нашего департамента. На самом-то деле мы скорее представляем собой команду. Однако, культ личности...

— Понимаю, — натянуто отозвалась Джейн. — Боюсь, я вынуждена настаивать, чтобы вы оставили меня в покое.

— Ты не можешь настаивать на чем-либо, если у тебя нет какого-нибудь «иначе», — ответил голос. — Что ты мне сделаешь, если я не слушаюсь?

— Я сотворю крестное знамение, — проговорила Джейн, чувствуя себя неловко.

Голос улыбнулся; этот голос мог улыбаться. Любой радиопродюсер стоял бы на руках от радости, услышав такой голос.

— Пожалуйста, если хочешь, — ответил он. — Это не принесет тебе ни малейшей пользы, а я буду оскорблен до глубины души. У нас тоже есть чувства, знаешь ли. Всем этим религиозным предрассудкам давно пора бы отойти в область истории, им не место в действительно просвещенном обществе. Но мы привычны к такому обращению. Мы делаем скидки.

— Могу я избавиться от вас?

— Вряд ли, — ответил голос. — Полагаю, ты можешь достать какую-нибудь из этих переносных стереоштуковин с наушниками и попробовать выпихнуть меня вон, но не уверен, что это доставит тебе больше удовольствия. Не то чтобы я был тщеславен, но — неужели ты бы предпочла, чтобы вместо меня в твоей голове громыал «Деф Леппард»?

Джейн поразмыслила над этим.

— И долго вы собираетесь там оставаться? — спросила она. — Потому что если да, то, возможно, оно будет стоить того. К тому же кроме хэви метал есть и другие вещи, которые можно слушать громко. Я как-то ехала в поезде с человеком, который слушал в плеере «Götterdämmerung»¹. Его было слышно даже из вагона-ресторана.

¹ «Сумерки богов» (нем.) — опера Р. Вагнера. (Прим. пер.)

— Угрозы, — холодно произнес голос, — это последнее средство, к которому прибегает тот, кто не умеет договориться. Кстати, ты имела в виду исполнение Солти или Караяна? Потому что я предпочитаю первое, оно более гармонично.

— Ну почему я не могу от вас избавиться? — воскликнула Джейн. — Из-за вас я опоздаю на работу.

— Ты сама впустила меня. Ты послушалась голоса искушения.

— Когда это?

— Ты сидишь на доказательстве, — самодовольно ответил голос. — Давай, сказал я тебе, расслабься, пошли все к чертям! Я, правда, не имел в виду конкретно этот способ, но в любом случае мое послание до тебя дошло.

— Здесь что-то есть, — раздумчиво сказала Джейн. — Обычно кремовые пирожные мне даже не нравятся. Но как бы то ни было — что вам здесь надо? Вы хотите, чтобы я продала вам свою душу, или что-нибудь вроде того?

Голос рассмеялся, отчего слегка заколыхались прядки ее волос.

— Моя дорогая девочка, — произнес он, искренне забавляясь, — чего ради мог бы я хотеть этого? Души я могу достать в любое время, мне незачем покупать их. Почему-то, — продолжал он, — люди вбили себе в голову эту странную идею, будто все, что нас интересует, это души. Что до меня, то для меня нет большой разницы — душой больше, душой меньше...

— Тогда чего же вы хотите?

— Я хочу, — ответил голос, — предложить тебе работу.

Джейн задохнулась от изумления. К несчастью, при этом ей в нос попали остатки крема, отчего она чуть действительно не задохнулась, и, помедлив одну десятую секунды, она оглушительно чихнула.

Когда она отошла от потрясения, голоса уже не было.

* * *

Штат посмотрел на часы.

— Ну и? — произнес он.

Раздался хлюпающий звук, и Гангер материализовался на другом конце стола. Штата позабавило и даже порадова-

ло, что по крайней мере на этот раз Гангер не выглядел как ходячая реклама модного дизайнера по костюмам. Он был мокрым и слегка трясся, а его волосы, обычно зачесанные кверху, сейчас прилипли ко лбу.

— Простите, что опоздал, — сказал он. — Меня вычихнули.

— Ничего, ничего, — радушно отозвался Штат. — Как ваши успехи?

— Я бы сказал, что она думает над этим, — ответил Гангер, обтираясь носовым платком. — Ей ничего не остается — или к нам, или наниматься в какую-нибудь из этих контор, где никому нет до тебя дела, даже если ты считаешь себя деревом, до тех пор, пока ты не начнешь рассыпать листья по всему офису.

Штат постучал кончиком карандаша по зубам.

— Но она не сообщила вам окончательного решения?

— Боже, нет, конечно, — ответил Гангер. — Я и не ожидал, что она сразу ответит. Фактически, — признался он, — я только успел познакомить ее с предметом, когда мне пришлось удалиться. Это обычная проблема, которая возникает у меня с женщинами, — добавил он. — Я так напорист, что сразу шибая им в нос.

«Ага, — подумал Штат, — вот почему женщины питают такое пристрастие к шампанскому и всяким газированным напиткам. Это служит им безвредным заменителем общения с моим новым знакомым».

— Но вы рассказали ей о работе? — спросил он. — Надеюсь...

— Ну, я упомянул о ней, — Гангер пожал плечами. — С такими вещами нельзя торопиться. Это один из уроков, который мы усвоили в ходе нашей собственной программы вербовки смертных. Те, кто сами хватаются за работу, как правило, оказывается непригодными.

Штат кивнул.

— И что вы намереваетесь делать дальше? — спросил он.

— Дальше, — ответил Гангер, доставая из нагрудного кармана расческу. — На следующем этапе нам следует напутать девчушку так, чтобы она штаны потеряла. Эту часть можете оставить мне, если хотите.

Штат поджал губы.

— Вы считаете, что это — как бы сказать? — абсолютно необходимо? — спросил он. — Я знаю, что вашим ребятам позволяются некоторые вольности в работе, но нам здесь приходится очень тщательно следить за собой.

Гангер энергично кивнул.

— Более чем необходимо, — подтвердил он. — Это следует сделать, чтобы обеспечить нашему кандидату достаточную степень легкой паранойи. По правде сказать, в здравом уме на такую работу никто не согласится.

— Ну хорошо, — Штат выдвинул верхний левый ящик стола и нашарил в нем пакетик жевательной резинки. — Держите меня в курсе того, как вы продвигаетесь.

— Конечно.

Стул опустел. Штат, возможно, с полминуты сидел, глядя на него. Затем, одним быстрым плавным движением, он сунул руку в открытый ящик стола, выхватил ингалятор и с шумом потянул носом. Раздался какой-то странный хлопок, и перед ним возник Гангер, лежа на полу лицом вниз. Штат положил ингалятор обратно в ящик и закрыл его.

— Поделом вам, — произнес он. — Мне казалось, я достаточно ясно выразил свое отношение к этим вашим ментально-хакерским штучкам, да вы, видно, не очень внимательно слушали. В одно ухо влетело, а в другое вылетело, как говорится.

Гангер жалко улыбнулся и потер коленку.

— Сила привычки, — проговорил он. — Больше не повторится. — Он поднялся на ноги, почистился и направился к двери.

— Да, кстати, — сказал он, поворачивая ручку и наполовину вдвигаясь в образовавшуюся щель. — Пока я был там, я не мог не обратить внимание. Вот эта мысль насчет голубых колготок и белого медведя — очень оригинально!

Он закрыл дверь как раз перед тем, как в нее ударился степлер.

* * *

В Голубых Горах, высоко над окружающей равниной, молодой лесоруб, сделав передышку в работе, стоял, опираясь на топор. Солнце, пыхтевшее вверх на двух цилиндрах

и с парой тренировочных штанов, заменявших приводной ремень вентилятора, играло на его кудрявых волосах и отражалось в бесстрашных голубых глазах. Где-то вдали пела птица.

— Приветствую тебя, кузен Бьорн, — произнес голос позади него. — Еще один воистину чудесный денек, не правда ли? Восхитительно мягкий, не слишком жаркий для работы, но и не настолько прохладный, чтобы нельзя было минутку просто постоять и послушать голос горного потока, со смешом несущегося вниз с горы к нашей мирной деревеньке.

— Заткни пасть, Олаф, — ответил Бьорн.

Олаф пожал плечами.

— Печально видеть человека столь молодого и столь щедро одаренного Природой, который в сердцевине своей кислее зеленого яблока, — сдержанно заметил он. — Тем не менее я уверен, что рано или поздно ты преодолеешь терзающие твое сердце страсти и обретешь истинный покой. Пока же у нас есть лес, который мы должны рубить. — Он вскинул на плечо топор и зашагал вниз по склону, насвистывая народную песню.

Бьорн уловил намек. Он поднял свой топор, крутанул его над головой и с размаху обрушил на ствол дерева. Топор слетел с топорница и приземлился в кристально чистых водах ручья.

— Ах, как неудачно! — воскликнул белокурый розовощекий лесоруб, завязывавший ботинок у подножия древнего вяза.

— Да уж, — согласился Бьорн. — На восемнадцать дюймов бы левее, и твоей ноги как не бывало.

Старший лесоруб, которого звали Карл, вздохнул, уселся на ствол дерева и жестом пригласил младшего товарища присесть рядом с ним.

— Враждебность, — проговорил он, протягивая Бьорну яблоко, — подобна топору с грубо сработанной рукоятью. Она ранит тех, против кого она направлена, и одновременно вредит руке, направляющей ее. Попробуй быть немного более спокойным внутренне, кузен Бьорн. Жизнь — чудесная вещь.

— От яблок у меня брюхо пучит, — отвечал Бьорн. — В особенности от этого чертова «Кокса». — Он швырнул яблоко через плечо. — Давай-ка ты подвинешься маленько, а

то, если ты будешь здесь сидеть, это дерево свалится тебе прямо на голову, — я сейчас срублю его.

Карл покачал головой и улыбнулся.

— Тебе нужно сначала найти свой топор, кузен Бьорн. Всегда помни об этом, — прибавил он, поднимаясь с места и собираясь уходить. — Всегда нужно найти свой топор, прежде чем начинать рубить свое дерево.

Бьорн издал неприличный звук и зашагал к ручью. У него ушло немало времени, прежде чем он отыскал топор, и когда он вылез, его ботинки были мокрыми насквозь.

— Доброе утро, дядя Бьорн, — произнес голос у него над головой. Он поднял взгляд и увидел маленькую девочку, лет около десяти, в хорошеньком голубом платьице. — Мама подумала, что ты, наверное, проголодался, и прислала тебе еды. Если тебе захочется освежить себя глотком пива, я могу сбежать обратно домой и принести его тебе.

Бьорн поднял с земли узелок и скроил гримасу.

— Оставь его себе, — сказал он. — И скажи этой ленивой корове, что я терпеть не могу вафли, поняла? От вафель у меня ветры.

Девочка кивнула.

— Дядя Бьорн, — сказала она, — я сейчас весело бежала сквозь лесную чащу и увидела прекрасный цветок, голубой, как само небо. Посмотри, я принесла его, чтобы показать тебе. Он такой красивый — наверняка есть какая-нибудь замечательная история про него и про то, как он получил свое имя?

— Он называется дерьмоцвет, — сказал Бьорн. — Напряги воображение.

— Ох. — Девчушка сделала книксен. — Наверное, — сказала она, — мне лучше вернуться домой, а то мама начнет волноваться, куда я подевалась. Ради Бога, будь осторожен с этим большим острым топором!

— Давай-давай, топай.

Девочка сделала еще один книксен и вприпрыжку побежала вниз по склону, оставив наконец Бьорна наедине с деревьями, птицами, белками и растающим ногтем на ноге. Некоторое время он стоял, бесцельно глядя вокруг; затем его взгляд упал на одно дерево, которое он узнал. Это был высокий могучий дуб; он хорошо помнил его — он залезал

на него, когда был мальчишкой, и дедушка частенько подсаживал его на узловатые ветви, рассказывая ему обо всех чудесных вещах, которые можно отсюда увидеть. «Как это замечательно, — говаривал дедушка, — сидеть на высоком дереве и смотреть вокруг на все царства земные, словно глазами самого Бога!»

Бьорн пошире расставил ноги, улыбнулся и занес топор.

ЧЕТЫРЕ

Это очень странное чувство — знать, что в твоей голове находится кто-то посторонний; нечто среднее между жуком, заползшим тебе за шиворот, и вломившимися в твой дом грабителями.

Первой мыслью, которая пришла на ум Джейн после того, как она возвратилась домой, проведя на работе весь вечер и не сделав за это время ровным счетом ничего, было вымыть голову, но почему-то это почти не помогло.

У нее по-прежнему оставалось ощущение — и это раздражало ее больше всего, — что у нее внутри что-то набито; примерно так чувствуешь себя, когда после купанья обнаруживаешь, что тебе в ухо попала вода. Однако попытка зажать нос и продуть уши тоже ни к чему не привела.

От тишины становилось еще хуже, и Джейн включила телевизор. Поначалу смесь раздражения и заинтересованности, вызванная в ней открытием нового австралийского сериала, немного развлекла ее, и она провела по меньшей мере шесть минут, сидя перед экраном и пытаясь разгадать, является ли Терри сестрой Глории или сыном любовника Трейси; но затем у нее начало появляться неприятное чувство, что все эти голоса находятся внутри ее головы, и несколько поколений бронзовокожих яркоглазых осси¹ развивают свои непростые интимные взаимоотношения непосредственно между ее ушами. Она торопливо переключила программу и три минуты смотрела передачу для домохозяек, затем выключила телевизор и решила попробовать послушать музыку.

Казалось, это сработало. Она припомнила свое смутное впечатление, что несмотря на показную браваду, голос не-

¹ Aussie — австралиец (англ. разг.).

знакомца звучал обеспокоенно, когда она пригрозила затопить его музыкой. Она выбрала «Пятьдесят Знаменитых Маршей Гвардейского Оркестра Голдстрима» — подарок от престарелого дядюшки с очень странным представлением о щедрости, — надела наушники и села в кресло. Через десять минут («Лиллибурлеро», «Полковник Богей», «Девушка, которую я оставил» и — невероятно! — «Когда мне будет 64») она пришла к заключению, что одержимость демонами, пожалуй, все-таки лучше, чем преждевременная глухота, и выключила также и магнитофон.

Она налила себе чашку чая.

— Ну хорошо, — сказала она. — Я знаю, что вы там. Вылезайте.

Абсолютная тишина, как внутри, так и снаружи. Возможно, сказала она себе, я схожу с ума.

Эта возможность (о черт, молоко скисло, надо было брать порошковое) еще не приходила ей в голову, но сейчас ее врожденное логическое мышление настоятельно рекомендовало ей этот вариант в качестве объяснения, удовлетворяющего всем известным фактам. Если это объяснение было верным, оно требовало от нее серьезного обдумывания и, весьма вероятно, кардинальных изменений в ее образе жизни. У девушек, которые слышат голоса внутри своей головы, есть два варианта действий — созывать армии и изгонять англичан из Аквитании, либо обращаться за помощью к специалистам.

— Вот этого я бы тебе не советовал делать, — произнес голос. — Ты нисколько на нее не похожа.

Джейн облегченно вздохнула. Значит, она все-таки не сходит с ума.

— Вылезайте, — твердо сказала она. — Так, чтобы я могла вас видеть.

— Как хочешь.

Незнакомец материализовался на другом конце стола, схватил ее чашку с чаем и отхлебнул. Она снова включила чайник и принесла с сушилки вторую чашку.

— Не похожа на кого?

— На Жанну д'Арк, — ответил он. — Смешная девчушка была эта Жанна. Ни капельки не сумасшедшая, ни на волос, но определенно из тех людей, которые создают здравому уму дурную репутацию.

— Вы пьете мой чай. Молоко, кстати, скисло.

— И в дополнение ко всему, — продолжал незнакомец, — из-за того, что она почти не снимала шлема, у нее в ушах образовались просто омерзительные комки серы. Такого рода вещи чрезвычайно удручают.

— Вы просто придумали это, — сказала Джейн. Незнакомец улыбнулся.

— Десять баллов из десяти за интуицию, — признал он. — Ты совершенно права. Когда Жанна д'Арк творила свои дела, я был не более чем крохотной нечленораздельной теорией на дне европейского подсознательного. Все эти истории мне рассказывал один парень из нашего департамента. Он утверждал, что еще в пятнадцатом веке изобрел палочки для вытаскивания серы из ушей и только из-за того, что ему приходилось постоянно лазать через ее уши туда и обратно.

— Очаровательно, — отозвалась Джейн. — Послушайте, у этого преследования есть какая-то цель, или это просто мне так повезло? Должна сказать, кстати, что ни капельки вас не боюсь.

— Не боишься?

— Не боюсь.

— О черт. Вот незадача! Просто у меня была теория о том, что страх — это неотъемлемый компонент любой программы набора персонала. — Незнакомец рассеянно отхлебнул из чашки, и Джейн заметила, что уровень жидкости при этом несколько не изменился. Однако маленькие белые пятнышки, в которые превратилось свернувшееся молоко, исчезли.

— Вот странно. Я думала, что в присутствии таких, как вы, свежее молоко прокисает, а не наоборот.

— Статическое электричество, — объяснил незнакомец, отхлебнув еще раз и соорудив гримасу. — Лично я ненавижу свежее молоко. От него у меня зубы тупятся. Девять из десяти за наблюдательность, кстати.

— Только девять? — спросила Джейн, глядя на закипающий чайник. — А почему не десять?

— Потому что, — ответил он, — ты должна была вспомнить, что молоко было свежим, когда его тебе принесли сегодня утром, и оно простояло весь день в холодильнике. Это мое присутствие заставило его свернуться, а сейчас я

совершаю благородный поступок, снова делая его свежим посредством обращения потока ионов во времени.

— Вот как, вы даже такое можете?

— Ну разумеется, — ответил тот, раздвигая свою улыбку, как лучник натягивает тетиву. — Я очень многосторонний. Можно сказать, большинство ионов работает на меня.

— Сказать можно все что угодно.

Джейн кинула в чашку пакетик и залила его водой из чайника. Вода была ледяной.

— Ребячество, — произнесла она.

Незнакомец поднял левую ногу, как лошадь, которую собираются подковать, и начал разглядывать подошву своего башмака.

— Не совсем, — сказал он. — Переверни ее и посмотри, что будет.

Джейн хмуро взглянула на него и выплеснула воду из чашки в раковину. Раздался стук, и она увидела четыре или пять маленьких кусочков чего-то с виду похожего на стекло.

— Алмазы, — небрежно заметил незнакомец. — Произведены с помощью электролиза. Но заметь, они не стабильны, — добавил он, когда Джейн кинулась к раковине, пытаясь выудить их оттуда. — Вот увидишь, через пару минут они снова превратятся в рафинад.

Так и произошло. Джейн прерывисто вздохнула.

— Вы не ответили на мой вопрос, — сказала она.

— Не ответил, — согласился незнакомец. Он уселся на кухонный табурет, подхватил кусок «Баттенберга», который Джейн берегла на черный день, и вгрызся в него. Несмотря на энергичный хруст, издаваемый незнакомцем, площадь поверхности торта оставалась неизменной. — Еще одна поговорка не оправдалась, — отметил он с набитым ртом. — Ты хочешь знать, почему я являюсь тебе?

— Мне казалось, вы говорили, что вы не призрак.

— Не призрак. Я... — он замаялся.

— Вы черт, — спокойно произнесла она. — Это-то я смогла сообразить.

Тот неодобрительно сдвинул брови.

— Я не черт, — сказал он. — Мы не используем это слово, у него слишком много двусмысленных оттенков. Мы рассматриваем это слово как уничижительное и ущемля-

ющее наше достоинство. Мы представляем собой самостоятельную метафизическую группу, обладающую своей уникальной культурной и духовной целостностью, и я был бы весьма обязан, если бы ты отнеслась к этому с уважением.

Джейн кивнула.

— Хорошо, — сказала она. — Это я вполне могу понять. Но тогда кто же вы?

Складка между бровями незнакомца стала немного глубже; он положил кусок торта, по всей видимости нетронутый, обратно на тарелку, откуда взял.

— В целом, — сказал он, — мы стараемся избегать обобщающих и описательных существительных. Мы твердо верим, что каждое мельчайшее существо во всем космосе является единственным и неповторимым, и...

— Понятно, — проговорила Джейн, скрестив на груди руки. — Все это прекрасно. Вы — неповторимое. Неповторимое что?

— Мы предпочитаем не...

— Да давайте же!

— Ну хорошо. — Теперь можно было отчетливо видеть, что незнакомец в замешательстве. Он взял со стола солонку, вытряс немного соли себе на ладонь и бросил ее через правое плечо. — Когда мы подвергаемся давлению, мы предпочитаем называться дэмонами.

— Демонами.

— Дэмонами, — поправил незнакомец, выделяя первую гласную. — От греческого «даймон», что означает дух, внештатное божество или сверхъестественную сущность. Мы чувствуем...

— Но ваш глава — Сатана, верно?

Теперь незнакомец выглядел заметно оскорбленным.

— Неверно, — сказал он. — Вот смотри: когда ты идешь в магазин и покупаешь копченого цыпленка, ты же не считаешь, что делом по-прежнему заправляет семидесятилетний техасский полковник с короткой белой бородкой, не правда ли? Так же и здесь. Название осталось прежним, полагаю, или, по крайней мере, некоторые внешние признаки нашей корпорации, но могу тебе сказать, что с того времени мы продвинулись далеко вперед. Мы направили наши интересы в совершенно новые области.

— Как мафия.

— Нет, не как мафия. Скорее уж как Руперт Мердок или Говард Ходжес. Мы действительно занимаемся сейчас совсем не теми вещами, чем прежде — скажем, двести лет назад.

— Да что вы говорите, — сказала Джейн. — Вы перешли в область коммуникаций и информационных технологий? Или, может быть, в финансовые службы? В это я могла бы поверить, — добавила она задумчиво.

— Позволь, я налью тебе чаю.

Джейн непроизвольно содрогнулась.

* * *

— Нет, спасибо, — ответила она. — Я предпочитаю чай из мокрой воды и органических чайных листьев. Боюсь даже предположить, что может оказаться в чашке чая, налитой вашими руками.

— Ты очень злая, — произнес незнакомец.

— А вы до сих пор не ответили на мой вопрос, — ласково сказала Джейн. — Зачем я вам понадобилась?

— Как я и говорил — мы хотим предложить тебе работу.

— Чертовкой? Благодарю покорно.

— Не будешь ли ты так любезна не использовать это слово.

— А вы выглядите довольно глупо, когда обижаетесь, — заметила Джейн, — и совершенно не похожи на то, как я представляла себе демонов — простите, дэмонов; надеюсь, я правильно произнесла это слово...

— Абсолютно. А как, по-твоему, я должен выглядеть?

— Не уходите от темы. Мне как-то уже говорили, что Иисус хочет, чтобы я была солнечным лучиком, но полагаю, ваше предложение несколько иного рода, не так ли?

Незнакомец вздохнул, и Джейн внезапно ощутила приступ симпатии к еще одному бедняге, у которого был тяжелый день.

— Простите, — проговорила она. — Расскажите мне о работе.

Он с признательностью взглянул на нее.

— Спасибо, — произнес он.

— И простите, что я вас вычихнула тогда, — добавила Джейн. — Это было не нарочно, честное слово. У меня летом иногда начинается аллергия.

— Да, это неприятно. Итак, работа в основном...

— Да?

Незнакомец на мгновение задумался.

— Вообще-то, — сказал он, — это, пожалуй, немного сложно объяснить словами. Вот если бы ты позволила мне на минутку заскочить тебе в голову...

— Лучше не надо, — быстро проговорила Джейн и затем добавила: — Но в любом случае, спасибо, что спросили.

— Ну ладно, — согласился незнакомец. — Сейчас я соображу, как лучше будет изложить это вербально, и мы попробуем объясниться. Итак, в основном... о черт!

Джейн испуганно взглянула на него.

— Что случилось?

Незнакомец выглядел смущенным.

— Моя бибикалка, — пояснил он. — Просят перезвонить. Не позволишь воспользоваться твоим телефоном на минутку?

Джейн подавила смешок.

— Похоже, вы сегодня дежурный черт?

— Я очень тебя прошу...

— Будьте как дома. Телефон в той комнате. Надеюсь, вы будете звонить не очень далеко?

Он издал невнятный звук.

— Совсем недалеко, — ответил он. — До моего офиса полторы мили на лифте.

Он прошел в соседнюю комнату, закрыв за собой дверь.

Джейн каким-то образом удержалась, чтобы не подслушивать у замочной скважины.

Дверь отворилась, и в проеме показалась голова незнакомца.

— Прошу прощения за беспокойство, — сказал он. — Там у них что-то случилось, я должен бежать в офис. Слушай, ничего, если ты просто пока что забудешь обо всем этом и мы поговорим позже?

Джейн кивнула.

— Только не могу обещать, что смогу забыть обо всем, что произошло.

— На этот счет не беспокойся, — сказал незнакомец. — И о телефонном счете я тоже позабочусь. Спасибо за чай. Он исчез.

Джейн стояла не двигаясь около двадцати секунд. Затем она дважды моргнула, тряхнула головой и вдруг поняла, что стоит в своей квартире.

— Странно, — вслух произнесла она. — Совершенно не помню, когда я успела снять пальто.

Она немного подумала над этим, пока что-то в глубине ее подсознания не уверило ее, что это совсем не стоит того, чтобы ломать голову. «Пожалуй, — решила она, — лучше заварю-ка я себе чашечку чая, отрежу кусочек торта, а потом вымою голову, часок посмотрю телевизор и завалюсь спать».

ПЯТЬ

Уэйн, техник-стажер (второй курс), оглядел пульт управления солнцем и попытался понять, не сломалось ли в нем что-нибудь.

Если сломалось, сказал он себе, то это не его вина. Он не просил так срочно переводить его из Приливов, где он только-только овладел искусством мытья полов в столовой для персонала, и давать ему лететь на этой треклятой машине. Никто не объяснил ему, как на ней летают, возможно из-за того, что никто и сам толком не знал. Итог, к которому сводился полученный им устный инструктаж по управлению вверенным ему приспособлением, выражался словами: «По-моему, вон та хреновина — это зажигание».

Почему они все там внизу смотрят на него?

Он где-то слышал, что смертные обычно не смотрят прямо на солнце, потому что это вредит их глазам или какому-то еще столь же хрупкому органу.

Смертным, насколько он мог судить, вообще вредило чуть ли не все. Если хотя бы половина того, что он слышал, была правдой, то это просто чудо, что кто-то из них еще остался.

Оторвать от земли эту дурацкую штуковину было уже само по себе не так-то просто, и причиненный при этом ущерб тоже был не на его совести. В конце концов, любой человек в здравом уме предположил бы, что она взлетает вертикально. Разумеется, никто не сказал ему, что сначала

ее нужно двадцать минут разгонять вдоль земли, пока она наберет достаточно скорости, чтобы, в очередной раз подпрыгнув, остаться в воздухе.

Он нажал на то, что, как он надеялся, было кнопкой включения переговорного устройства, и еще раз попытался установить связь с контрольной вышкой. Он заметил, что его голос срывался из-за понемногу охватывавшей его паники.

— Эй, — произнес он, — там, внизу! Вы можете мне сказать, какого дьявола я должен здесь наверху делать?

Ему стало лишь ненамного легче, когда он определил, как работать с джойстиком; впрочем, это было все же кстати.

Можно было подумать, что когда тянешь его на себя, машина должна подниматься выше. Ничего подобного. Удивительно, насколько быстро может таять ледяная шапка, если описывать над ней низкие круги.

— Есть там внизу хоть кто-нибудь, дерьма вам на головы?!

Он сдался. По левую руку от него на консоли находились несколько кнопок, на которые он еще не нажимал. Он нажал на них. Особенной разницы он не заметил.

Должен был найтись какой-то способ заставить эту хреновину лететь ровно. Если он сможет опуститься пониже, возможно, на земле окажется кто-нибудь, кто будет знать, что ему делать, и они смогут сообщить это ему. Он заметил рычаг с красной головкой и потянул его. Теперь он несомненно заметил разницу.

— Помогите! — завопил он.

Минут через пять, когда он приноровился лететь вниз головой, ему удалось вновь схватиться за рычаг и он попробовал задвинуть его обратно. Рычаг не шелохнулся. Его заклинило.

«По крайней мере, — сказал он себе, — теперь мне не видно, что происходит на земле». Почему-то ему не хотелось этого знать.

Инстинкт подсказал ему, что поскольку он не может видеть, куда летит, разумно будет попытаться подняться выше, так как чем выше ты летишь, тем на меньшее число вещей ты можешь напороться. Ну, может быть, блуждающая звезда; возможно, комета-другая. Не земля. Он налег на джойстик, но теперь заело и его. Он заметил, что начал вращаться, постепенно при этом снижаясь.

Если огромный пылающий диск, которым он пытался манипулировать, врежется в землю, еще оставалась возможность, что он, может быть, просто оставит глубокую вмятину и в три счета улетит куда-нибудь на другой конец вселенной.

— Я не виноват, — бормотал он, вцепившись в джойстик. — Я не виноват, я не виноват, я — не — виноват...

* * *

Джейн проснулась и резко села в кровати. Что-то было не так.

Рассвет, поняла она. Он делал нечто такое, чего рассвет делать не должен. Он мигал.

С головой, еще полной липкого, тяжелого сна, она выбралась из кровати, прошлепала к окну и отдернула штору. «Боже мой, — подумала она. — Так и есть!»

Солнце, стоявшее высоко — очень высоко — в утреннем небе, мигало подобно огромному ослепительному стоп-сигналу.

Яркая вспышка, затем внезапная темнота, и так двадцать раз в секунду. По всем признакам планета Земля приближалась к развязке и готовилась делать левый поворот.

«Может быть, — сказала себе Джейн, влезая в пуловер, — это просто затмение. Много затмений. Может, они вывалили весь скопившийся у них огромный запас затмений, пока у них не вышел срок годности».

Она остановилась и секунду подумала. Тут есть что-то еще, — поняла она.

Очень медленно она повернулась и отыскиала свои часы. Это было не так просто, поскольку стробоскопический эффект от мигающего солнца не давал сфокусировать на чем-нибудь взгляд или определить расстояние. В конце концов она все же нашла их и всмотрелась в циферблат. На часах было полдвенадцатого. Ночи. Она легла спать всего какой-нибудь час назад. Какого дьявола им вздумалось устраивать рассвет в полдвенадцатого ночи?

«Возможно, — подумала она, — с минуты на минуту сделают какое-нибудь объявление. „Нет причин волноваться, это всего лишь учения. Мы отрабатываем рассветы, и забыли вас предупредить. Приносим извинения за беспокойство“».

Потом она заметила. Солнце шло в обратную сторону. Вместо направления «восток—запад» оно шло в направлении «запад—восток».

Она смогла определить это, поскольку, в добавление к тому, что оно вспыхивало и гасло, как пленка времен немого кино, оно двигалось по небу с совершенно невероятной скоростью.

Джейн стояла у окна — маленькое смертное существо, пытающееся постичь смысл Вселенной. Если подумать, это было довольно самонадеянно с ее стороны; никто не стал бы ее винить, если бы она даже и не стала пытаться.

Вон Аристотель уже пытался, в конце концов, и Фома Аквинский, и Декарт, и Эйнштейн, и еще множество других, каждый из которых был лучше подготовлен и, скорее всего, гораздо больше получал, чем она. И тем не менее следовало признать, что объединенные результаты их усилий не очень впечатляли. Никто не осудил бы Джейн, если бы она потерпела неудачу. Но она не потерпела ее; фактически, несмотря на то что она вряд ли сама понимала это, она попала в самое яблочко, почти пробив насквозь мишень.

— Боже мой, — сказала она, — здесь что-то не так!

И, словно поздравляя ее с точностью сделанного ею определения, луна показалась из-за кучки выглядевших довольно испуганными облаков, пронеслась по небосклону и зависла, остановившись немного пониже солнца. Джейн могла поклясться, что на совершенно чистом серебряном круге лунного лика она разобрала выражение, напомнившее ей лицо ее школьного учителя географии. Джейн нахмурилась.

— Честное слово! — проговорила она.

Она плотно задернула шторы и вернулась в кровать.

* * *

Уэйн, техник-стажер (второй курс), открыл глаза и посмотрел вверх.

Строго говоря, это не было верхом, поскольку он по-прежнему летел вверх тормашками, направляясь прямоком к центру земли. С его точки зрения, однако, это было верхом. Это называется «относительность», и в большинстве случаев она работает.

— Ох, — сказал он.

Прямо над своей головой — или, возможно, под своей головой — он увидел луну. Более того, на луне он увидел лунного человека. И этот лунный человек определенно выглядел недовольным.

Говоря точнее, он стоял, высунувшись из кабины, и размахивал кулаками, что-то крича. Он был слишком далеко, чтобы Уэйн мог что-либо услышать, а тем более прочесть по губам, но общая суть его речи была слишком понятна.

— Я не виноват, — проревел стажер. — *Я не виноват!*

Какого черта, все равно тот не мог его услышать. Уэйн пожал плечами, расслабился и откинулся в пилотском кресле. С минуты на минуту, полагал он, он врежется в землю, и все это уже не будет иметь большого значения.

Но случилось так, что, откидываясь в кресле, он задел локтем контрольную панель, переключив на ней какой-то тумблер.

— ...НЮ ТЫ ТАМ ВЫТВОРЯЕШЬ, ДОЛБАНЫЙ ТЫ СУКИН СЫН, ПЕРЕКЛЮЧАЙ СЕЙЧАС ЖЕ ЧЕРТОВ ДЖОЙСТИК И ВЫПУСКАЙ СВОИ ХРЕНОВЫ ЗАКРЫЛКИ!!!

«Ага, — сказал сам себе Уэйн, — это, должно быть, и есть переговорное устройство. Что ж, теперь, возможно, что-нибудь и получится».

— Эй, — сказал он, — вы меня слышите?

Голос в переговорном устройстве, по всей видимости принадлежавший лунному человеку, не ответил на его вопрос непосредственно, но у него сложилось впечатление, что да, им удалось войти в контакт. Уэйн перевел дыхание.

— Слушайте, — сказал он, — как летают на этой штуковине?

Последовала минута остолбенелого молчания.

— Ты что, хочешь сказать, что ты *не знаешь*?

Уэйн хмыкнул.

— Разумеется, не знаю, черт побери! Неужели вы думаете, что я стал бы лететь вниз головой прямо к чертовой земле, если бы знал?

Луна слегка вильнула в сторону.

— Неужели никто, ну, не объяснил тебе, что ли, прежде чем посадить тебя за пульт?

— Нет, — ответил Уэйн. — Послушайте...

— Ладно, — быстро проговорил лунный человек, — держи голову выше, в этом нет ничего страшного. Видишь этот рычаг прямо перед тобой?

Уэйн посмотрел.

— Ну да, — сказал он. — Я уже пробовал.

— Заткнись и послушай. Это джойстик, понял? Теперь, слева от джойстика есть несколько рычагов. Это закрылки. Так вот, джойстик тянешь правой рукой на себя, левой выпускаешь закрылки. Только не дергай. Не дергай, я сказал! Мягко!

Удивительно, но Уэйн почувствовал, что солнце слушается — выравнивается и замедляет полет. Он мертвой хваткой вцепился в джойстик. Голос в переговорном устройстве звучал спокойно и уверенно, лишь с самой крошечной щепоткой слепой паники.

— Ну вот, — произнес голос. — Теперь, рядом с твоей левой ногой находится педаль. Это тормоз. Нашел?

— Ага.

— Только мягко, не забудь; вот так. Ни в коем случае не рывком, не то ты заглушишь его. Теперь джойстик немного вперед, вот так, молодец; и приоткрой самую малость дроссель...

— А где здесь дроссель?

— Правая нога. Нет, нет, это сцепление; *вот* дроссель. Только помни, самую малость, а то опомниться не успеешь, как окажешься в Туманности Рака. Давай, сынок, еще чуток; вот так. Теперь так и держи.

— Так?

— НЕТ!!!

На минуту установилось радиомолчание, в то время как солнце и луна предпринимали попытки избежать столкновения. По всем статьям яростные виражи, закладывавшиеся луной, должны были поднять цунами, который гигантским пылесосом прошел бы по всей Северной Америке и задал бы Японии такую большую уборку, какую она еще долго бы помнила. Однако волею судеб в Приливах был безнадежный недобор персонала, не без помощи руководящих чиновников других департаментов, и поэтому все осталось в точности как было.

— ШЕВЕЛИ ДОЛБАНЫМ ДЖОЙСТИКОМ!

— Так?

— Вот-вот. Еще немножко. Работай спиной, не только руками.

— Так?

— Да, хорошо.

Солнце, казалось, зависло на одном месте; затем, на какую-то долю секунды, оно, казалось, начало камнем падать вниз, но тут же выправилось, вильнуло так, что у Уэйна захолонуло сердце, и полетело прямо и ровно. Луна приблизилась вплотную и осторожно легла на параллельный курс.

— Чистая работа, — произнес лунный человек с оттенком восхищения, пробивавшимся сквозь страх и облегчение. — И еще одно.

— Что?

— Выруби наконец эту чертову мигалку, у меня от нее уже голова болит.

Уэйн с хрустом сдвинул брови.

— Мигалку? Какую еще мигалку?

— Обыкновенную. Аварийный сигнал. Ты мигаешь, как полицейская машина, разве ты... У тебя под левой рукой, там такая маленькая синяя кнопка со стрелочкой... Вот-вот. Ты неплохо справляешься.

Сидя в навигационной кабине луны, Джордж испустил глубокий вздох и тыльной стороной ладони вытер полпинты пота со лба. Увольнение в результате оказалось чертовски недолгим. «Однако, — сказал он себе, — похоже, парнишка неплохо схватывает, и потрясающе быстро; это, видать, врожденное. Прямо скажем, повезло».

— Ну вот, — произнес он. — Теперь нам остается только развернуть его в обратную сторону.

ШЕСТЬ

Высоко над пиками Голубых Гор эскортируемое солнце завершило свой маневр, выровняло курс и начало двигаться к западу. Внизу, на земле, все поселяне, за исключением одного, взметнули вверх свои шапки и разразились аплодисментами.

— Ну и ну, — произнес Ари, старик-кузнец. — Не каждый день доводится увидеть подобное.

Остальные поселяне замолчали. Даже по их стандартам простодушной прямоты старик Ари выступал время от времени с прямо-таки ослиными замечаниями. Однако он ковал первоклассные подковы, так что, в общем-то, остальное было неважно.

— Будет что порассказать внукам, а, Бьорн? — подхватил Густав, опуская осколок закопченного стекла, через который предусмотрительно наблюдал за происходящим. — Впечатляюще.

Бьорн ничего не ответил. Он прилаживал к топору новую рукоятку, поскольку старая сломалась в припадке раздражения, охватившем его незадолго до этого. Бьорн расходовал больше топорищ, чем все остальные поселяне вместе взятые.

— Я никогда не устаю удивляться, — продолжал Густав, выбивая свою незатейливую кукурузную трубку о подошву ботинка и набивая ее табаком, — бесконечному разнообразию Промысла Господня и его потрясающему...

— А я вот иногда устаю, — прервал его Бьорн. — Если тебе больше нечего делать, кроме как стоять тут и блять, передай мне лучше рашпиль. Дьявольски свилеватая зараза этот гикори.

Густав протянул ему рашпиль.

— Однако, — сказал он, — шестьдесят семь лет живу я на этом свете и ни разу еще не видел ничего подобного. Ни единого разу за всю свою...

— Ну а я видел.

Доброе продубленное непогодой морщинистое лицо Густава сложилось в непривычную для него озадаченную мину.

— Ты видел? — переспросил он.

— Ну да. Больше раз, чем ты обедал. Подай мне клин. Да не этот, вон тот, маленький.

— Это совершенно удивительно, сосед Бьорн, — произнес Густав голосом, абсолютно лишенным недоверия. — Я и то не видел, а ведь я гораздо старше тебя.

Бьорн встал и трижды стукнул топорищем о землю, насаживая на него топор.

На третий раз толстую рукоять пересекла длинная трещина. Он выругался, переломил топорище через колено и потянулся за коловоротом.

— Ты должен быть осторожнее, — сказал Густав. — Ты можешь повредить себе колено, если будешь делать такие вещи.

Бьорн неприятно рассмеялся.

— Это вряд ли.

«Вот, — не мог не отметить Густав, — типичный разговор с молодым Бьорном. Странно, а ведь он кажется вполне хорошим парнем. Возможно, его жизнь складывалась не очень удачно до того, как он пришел к нам в деревню».

— А ты уверен, что тебе доводилось видеть что-нибудь похожее на... — Густав указал на солнце.

Бьорн кивнул.

— Конечно, — сказал он. — Я ведь работал у них.

* * *

Джейн резко обернулась; зубная щетка все еще торчала у нее во рту.

— Послушайте... — начала она. Незнакомец сделал извиняющийся жест.

— Простите, — сказал он, — я как-то не подумал. Я мог бы заглянуть попозже, если...

Джейн взглянула на него. Да, в нем было что-то, что подсказывало ей, что это еще один из Них. Что же на этот раз?

— Вы ведь другой, не так ли? — сказала она. — Я хочу сказать — не тот, что приходил прежде, верно? Или вы — он, только нацепили другое тело?

— Нет, — ответил незнакомец. — Я действительно другой. Меня зовут Штат.

— Штат?

Незнакомец слегка пожал плечами.

— Это, конечно, не настоящее мое имя, — сказал он, — но так все называли меня дольше, чем я могу припомнить. Это уменьшительное от «Директор Штата».

— А-а. — Джейн вытащила изо рта щетку и положила ее на мьельницу. — Хотела бы я, чтобы ваша братия оставила эту манеру подкрадываться ко мне исподтишка.

— Я не собирался подкрадываться, — оправдывался Штат. — Я просто...

Но снискать доверие Джейн было не так-то легко.

— Представьте себе, — продолжала она, — я стою тут, чищу зубы, и вдруг у меня за плечом в зеркале чье-то лицо. Вы, случаем, никогда не работали на человека по имени Хичкок? Такой толстый парень с большим носом.

Ее собеседник выглядел озадаченным.

— Не могу припомнить, — ответил он.

Джейн улыбнулась извиняющейся улыбкой.

— Простите, — сказала она, — это шутка для людей. Вы, черти, вряд ли много знаете о нашем кино.

Незнакомец, казалось, оскорбился.

— Говоря по правде, — произнес он, — я не черт. Со всем даже не черт.

— Прошу прощения, — сказала Джейн. — У меня просто вырвалось, я хотела сказать «дэмон».

— Но я и не дэмон. Я... — он замолк, залившись румянцем. — В общем я не дэмон. Я из другого департамента.

Джейн минутку подумала; затем широкая улыбка разлилась по ее запятанному зубной пастой лицу.

— Поняла, — сказала она. — Вы ангел.

— Прошу вас, — проговорил он, — право же, я предпочел бы, чтобы мы не использовали это наименование. Оно настолько... — Он беспомощно махнул рукой.

— Хорошо, — сказала Джейн. — Какое же слово я должна использовать?

— Общественный служащий, — твердо отвечал незнакомец. — Мне кажется, это действительно гораздо лучше звучит, как по-вашему?

Джейн кивнула и искоса взглянула на собеседника. Высокий, с проседью, несколько утончающийся кверху и слегка утолщающийся к середине, с густой порослью на тыльной стороне рук, в костюме с довольно сильно потертыми манжетами. Имя «общественного служащего» действительно подходило ему гораздо больше, чем «ангел».

— Да, пожалуй, — сказала она. — Послушайте, может, мы выйдем наконец из ванной?

— О, конечно, конечно, — он неуклюже посторонился и открыл для нее дверь. Джейн постаралась принять это как должное.

— Кофе? — предложила она.

— Да... э-э... благодарю, — незнакомец сел на стул с прямой спинкой и скрестил на груди руки. Он выглядел смущенным.

— Я поставила чайник, — сказала Джейн. — Итак, вероятно, все это как-то связано с тем, что недавно происходило с солнцем?

Он кивнул.

— Вы очень наблюдательны.

— Не то чтобы, — ответила Джейн, сморщив нос. — Судите сами, если смотреть последовательно: солнце выкидывает на небе коленца; меня начинают преследовать сверхъестественные существа; не надо быть Алистером Кроули, чтобы сложить один и один и увидеть здесь взаимосвязь... Простите, я сказала что-то не то?

— Нет-нет, — отвечал незнакомец. — Во всяком случае, откуда вам знать. Просто дело в том, что в нашем департаменте не принято упоминать эту личность.

— Личность? Ого!

— Вот именно, — произнес он. — Вы, может быть, помните Питера Райта, ну, «ловца шпионов»? Ну-ка додумайте, как мы говорили, когда я был мальчишкой.

— Ох. — Джейн прикусила губу. — Слушайте, давайте вернемся к делу. Чего вашим людям надо от меня? Тот, другой — э-э... дэмон — говорил мне что-то о *работе*, но я...

Она осеклась. Незнакомец усиленно кивал головой.

— *Работа*? — переспросила она. — Вы что, серьезно?

Он встал и подошел к окну.

— Ну, — произнес он, слегка отодвигая штору, — вы же сами видели, что творилось сегодня, я правильно понимаю? Солнце и все прочее?

— Да уж.

Незнакомец несколько сжался.

— Вас, похоже, не очень впечатлило это зрелище, а?

— Не знаю, — пожала плечами Джейн. — А что, должно было? Я, знаете, не очень-то разбираюсь в знамениях и подобных вещах. Я думала, нечто подобное происходит только, когда собираются зарезать кого-нибудь вроде Юлия Цезаря, а в наше время как-то не часто встречаются люди вроде Юлия Цезаря. Я хочу сказать — надо быть реалистами. Ни один из этой банды не стоит и легкого дождичка.

— Это не было знамением, — тихо сказал незнакомец. — Но вы ведь уже догадались, не так ли?

Джейн кивнула.

— Вы что, поставили какого-нибудь жучка ко мне в голову? Если вы сделали что-нибудь в этом роде...

Незнакомец замотал головой.

— Ничего подобного, прошу вас, поверьте. Просто мы в нашем департаменте... Ну, в любом случае, вы ведь догадались, правда?

— Да, — сказала Джейн. — Вы имеете в виду, что вся эта история с солнцем была чьим-то ляпсусом, так?

— Именно, — произнес незнакомец, содрогнувшись. — Понимаете, у нас штат не укомплектован.

— Не укомплектован? — Джейн подняла бровь. Незнакомец кивнул.

— Это кошмар. Настоящий беспросветный кошмар. Честно говоря, я не имею ни малейшего представления, чем все это может кончиться.

Джейн услышала, как на кухне щелкнул выключатель чайника. Она решила не обращать на него внимания.

— Но как у вас может быть не укомплектован штат? — спросила она, сбита с толку. — Я думала, что в этом как раз и дело, что вы... э-э... общественные служащие, живете вечно. Что вы, как бы это сказать, бессмертные.

— Мы живем вечно, — спокойно сказал незнакомец, — но это не значит, что мы работаем вечно. Это значит лишь, что мы бесконечно долго живем на пенсии. Что означает, — добавил он, — что с каждым следующим годом сумма выплачиваемых пенсионных занимает все более и более значительную часть нашего бюджета. В настоящий момент она составляет девяносто девять и девятьсот семьдесят две тысячных процента от нашего дохода. Подумайте над этим.

Джейн подумала над этим.

— Понимаю, — сказала она.

— Вот именно, — произнес незнакомец. — И это еще не все. Говоря прямо, у нас не хватает работников. Понимаете, каждый раз, когда общественный служащий выходит на пенсию, открывается вакансия, так?

— Полагаю, так. Я как-то не думала...

— Поверьте мне на слово. Она открывается. Так вот, число... не знаю, как и сказать...

— Не знаете?

— Не знаю, — подтвердил незнакомец, покачав головой. — Это такой деликатный вопрос... М-м... Вот скажите, как вы себе представляете, откуда берутся ангелы... э-э... общественные служители?

Джейн почувствовала, что у нее во рту пересохло от смущения.

— Э-э... ну, мама — общественный служитель и папа — общественный служитель?

— Разумеется, нет, — нахмурился незнакомец. — Это метафизически невозможно. Нет, конечно; их приносят аисты. А известно ли вам, что происходит с областями естественного обитания аистов в последние пятьдесят лет?

— Гм.

— Ну вот. Думаю, вы уже видите, что я имею в виду. Аисты вымирают, и мы... э-э... это делает набор новых служащих большой проблемой. Чертовски большой и сложной проблемой. И вот в этом-то вы и можете нам помочь.

Джейн почувствовала, что заливается краской по самые уши.

— Эй, послушайте-ка... — начала она.

— Нет-нет, — быстро перебил ее незнакомец, — не в этом смысле. Я хочу сказать, мы решили — по крайней мере, мы с мистером Гангером решили...

— Мистером Гангером?

— Вы уже встречались.

— А.

— Мы решили, — продолжал незнакомец, — что единственным выходом будет начать вербовать смертных — конечно, смертных, пригодных для такой роли — и вот...

— И что? — голос Джейн мог нечаянно заморозить кислород. Незнакомец с трудом сглотнул и якобы случайно взглянул на часы.

— Боже мой, — произнес он, — уже так поздно? Ну, в любом случае, подумайте над этим, хорошо? Видите ли, вы будете чем-то вроде морской... я хочу сказать, вы будете первопроходцем в этом смысле. Весь успех нашей программы...

— Нет.

— А если у нас получится, — быстро добавил незнакомец, поднимаясь и сворачивая на пол кучку кассет, — это будет означать, что мы сможем начать работу по замене руководящего состава, реорганизовать всю работу нашего департамента, и...

— Нет.

— Так что подумайте над этим. Так. Скажем, где-нибудь...

— Нет.

— Мы будем поддерживать с вами... — незнакомец внезапно стал просвечивающим, — ...связь. Прошу вас отнестись к этому со всей... — Затем прозрачным, — ...серьезностью. — Затем невидимым. — Спасибо вам.

— Нет, — сказала Джейн. — Абсолютно нет. Никоим образом.

Она остановилась. У нее внезапно возникло ощущение, что она говорит сама с собой.

— Честное слово! — произнесла она.

СЕМЬ

Загляните в «Principia Mathematica» сэра Исаака Ньютона и вы узнаете все о тяготении.

Тяготение, по сэру Исааку, есть природный феномен, столь же неизменный, сколь и безличностный. Благодаря тяготению объекты остаются прикрепленными к поверхности планеты, вместо того чтобы улететь куда-то в пустоту. В этом нет ничего мистического или даже преднамеренного; это просто происходит, потому что именно так работает великая машина.

Во всех действительно существенных моментах сэр Исаак был прав. Тяготение действительно, как он полагал, является физической силой, возникающей в результате воздействия друг на друга тел, обладающих массой. Оно не зависит от прихотей какого-либо божества или сверхъестественной сущности. Другими словами, это вещь, на которую можно положиться; при том условии, разумеется, что кто-нибудь будет помнить, что время от времени нужно смазывать несущий вал.

— Это не моя работа, — жаловался Главный Техник, пытаясь перекричать разрывающий уши визг размалываемых в пыль алмазов. — По всем статьям, это ремонтники должны...

— Ну, кто бы там ни должен был смотреть за этой треклятой штуковиной, а ее заело, — заметил Техник-Контролер, хотя это было и так очевидно. — Коробку передач заклинило намертво. Берегись! — добавил он, уворачиваясь от куска алмазной шрапнели, просвистевшего рядом с его ухом. — Будь я проклят, Фред, эта хреновина разваливается на куски. Давай-ка лучше вырубим ее, да побыстрее.

Главный Техник воззрился на него.

— Ты с ума сошел, мы не можем ее вырубить, — сказал он. — Если мы это сделаем, у нас люди поулетают в космос! Да нас линчуют за это!

— Слушай, — сказал контролер, — либо ее вырубим мы, либо она вырубится сама. Мы же должны хоть что-нибудь сделать, так?

В течение следующих полутора секунд разговаривать было невозможно, поскольку несущий трубопровод внезапно разлетелся на куски, пуляясь алмазами размером с голубиное яйцо как мальчишка из рогатки. Главный Техник нырнул за маховое колесо, спрятав голову между коленями.

— Выходи оттуда, трус! — взревел контролер.

— Не мои проблемы, — взвизгнул в ответ Главный Техник. — Полистай досье, приятель, там все есть. Я писал об этом докладную еще пять лет назад. Я предупреждал вас, ребята, что если коробку передач не заменить полностью...

— Заткнись, — сказал контролер, — и принеси мне разводной ключ. Все, что нам нужно сделать, — это разжать муфту, чтобы она крутилась сама по себе, пока мы реанимируем трансмиссию. Она будет вращаться по инерции еще часами.

Главный Техник с минуту раздумывал над этим.

— Ерунда, — высказался он. — Ее просто переклинит, и она остановится, а потом все наши смертные будут летать в поднебесье и крыть нас почему зря. Тебе, может, наплевать на свою пенсию, приятель, а...

Обойма подшипников выбрала как раз этот момент, чтобы сплавиться, наполнив воздух сияющим облаком алмазной пыли. Планету Земля резко потрянуло на своей оси.

— Ну хорошо, — прошипел Главный Техник. — Только если это не пройдет, не забудь, что это была твоя идея, ладно? Ну, вроде как ты отдал мне прямое приказание...

— Заткнись, — повторил контролер, — и найди мне разводной ключ.

Несколько минут спустя планета Земля перестала содрогаться и стала вращаться вокруг своей оси легко и бесшумно. Ее вращение начало замедляться...

* * *

— Ой! — вслух сказала Джейн.

Ее квартира была далеко не лучшей из возможных; честно говоря, и район-то был совсем не в ее вкусе. Каждое утро ей приходилось совершать продолжительную бодрящую прогулку до станции, спальне были жизненно необходимы новые обои, двери зимой начинали плохо закрываться, а в кухне было что-то не то с вентиляцией; но, по крайней мере, до сих пор у нее не было никаких проблем из-за того, что потолки находятся слишком низко. По-видимому, теперь эти проблемы появились.

Она взглянула вниз. Да, вон ее пол, в точности там, где она его оставила. А вон ее мебель. Все та же старая мебель: по большей части не подходящие друг к другу и разнородные приношения ее родственников и друзей; вот только раньше она не выказывала признаков желания отрываться от земли и плавать по всей квартире, словно косяк тунца, оглушенный динамитом. А вот и ее завтрак — кружка кофе и бутерброд, — услужливо скользящий в воздухе в ее направлении.

Она попыталась схватить проплывающую мимо кофейную кружку, промахнулась, но задела за ручку. Кофе пролился и расплескался по потолку¹.

Очень осторожно и помня о том, что здесь может оказаться гораздо больше паутины, чем одобрила бы миссис Битон, Джейн вытянула левую руку над головой и оттолкнула от себя потолок. Она почувствовала, как нырнула на

¹ Ответственность за встречающиеся здесь и далее в тексте несуразицы и нелепости с точки зрения физики целиком возлагается на автора. Впрочем, различные «завтраки в невесомости» уже достаточно подробно описаны в фантастической литературе, и вряд ли в этой книге автор ставил себе целью скрупулезное отображение действующих физических законов. (Прим. пер.)

несколько футов вниз, а затем течение, или что еще это была за чертовщина, вновь подхватило ее и медленно подняло кверху. Она принялась яростно лягаться, но это не помогло. Она слегка ударилась головой о люстру, снова оттолкнулась и пошла на руках, направляясь к двери.

— Кому-нибудь, — сообщила она мимолетному телефонному справочнику, — придется очень многое объяснить.

Справочник взъерошил страницы и продолжил свое величественное воспарение, пока не распластался по потолку, прижавшись к штукатурке. Джейн схватилась обеими руками за притолоку и попыталась подтянуть себя вниз.

— Так-то лучше, — произнесла она, когда ее ноги коснулись ковра. Она опустила глаза. Ворс на ковре изо всех сил пытался встать дыбом, напоминая шкуру очень испуганного аксминстера. Хуже того, пыль, которую она так и не собрала вытрясти из него, медленно поднималась вверх. Вот она достигла ее носа, и Джейн чихнула.

Мимо нее проплыла цветочная ваза, она была перевернута доньшком вверх и судорожно подергивалась по мере того, как изнутри выходил воздух. Нет, это уже совсем не годится. Она умудрилась как-то подгрести к кухонному столу, медленно и задумчиво двигавшемуся в каком-то футе над землей. Как она и надеялась, ее вес помог ему опуститься, и она оказалась всего лишь в шести дюймах над уровнем пола. То, что ей было теперь нужно, решила она, это что-нибудь вроде шеста.

Проплывавшая мимо клюшка для гольфа решила эту проблему, и вскоре она уже осторожно прокладывала себе путь через комнату, уворачиваясь от кресел и стараясь не наткнуться на стены, по направлению к окну. Вид из окна показался ей настолько сюрреалистичным, что она пожалела, что ее фотоаппарат в настоящий момент парил под потолком, тыкаясь рыльцем в лепную розетку, как маленькая черная бабочка.

— Боже мой, — сказала она.

В каком-то смысле это было действительно красивое зрелище. По крайней мере, мирное. У водителей по большей части хватило здравого смысла заглушить моторы, и теперь они просто бесцельно скользили в нескольких дюймах над землей, обвешанные вцепившимися в дверные ручки пеше-

ходами. Косяк красных автобусов неспешно приближался к остановке по требованию на углу, напротив магазина, в то время как содержимое газетного киоска плыло по воздуху, изящно и почти величественно покачивая страницами, подобно медлительным глубоководным рыбам. Раскрытый зонтик порхнул мимо ее окна на своем пути к звездам.

— Видите, что я имею в виду? — произнес голос у нее над головой.

Она подняла взгляд и увидела, что на потолке ее комнаты лежит Штат. Она изо всех сил пыталась не рассмеяться, но всему есть предел.

— Простите, — выговорила она, — но вы выглядите так...

— Знаю, — печально ответил он. — Вы полагаете, что у вас трудности. Вам еще повезло, что ваше тело материально. Вы представить себе не можете, чего мне стоило добраться сюда.

Джейн посильнее оттолкнулась клюшкой, и стол поднялся вверх. Прежде чем он снова опустился к полу, она едва успела вцепиться в левую ногу Штата и потянула своего посетителя за собой. Как она и ожидала, он ничего не весил.

Немного недостойного карабканья — и Штат утвердился наконец на столе, обезопасив свое положение тем, что обвил руками одну из ножек. Даже так нижняя часть его тела решительно устремлялась вверх, в результате чего он больше всего походил на внушительных размеров респектабельного головастика.

— В любом случае, — продолжал он, — теперь вы, разумеется, не станете отрицать, что проблемы действительно существуют.

— Да уж, проблем хоть отбавляй, — согласилась Джейн. — Ума не приложу, каким образом я буду отскребать с потолка кофейные пятна. Это же артекс, понимаете?

— Еще бы, — отвечал Штат. — Эта дрянь сыплется как наждачная бумага. Как его только разрешили выпускать.

— Ох, простите!

— Ничего. Однако, — проговорил он, — если мы не найдем способ как-то разобраться с этим, нас ждет еще и не такое. Вы сами должны это понимать.

— Но... — начала Джейн и тут же поправилась: — Вы уверены, что я смогу чем-то помочь? — спросила она.

— Конечно, — отвечал Штат. — Вы и другие, такие как вы, но вы в первую очередь. Видите ли, если у вас будет получаться, мы сможем начать набирать и других. Администрация не сможет нам помешать. Мы заполним все свободные вакансии, оборудование и машины будут наконец обслуживаться как полагается; таким образом, нам не придется постоянно бросать всех людей и все ресурсы на авральные работы. — Он прервался, чтобы уклониться от заварочного чайника, который попытался проникнуть внутрь его жилета. — Ну, — настойчиво проговорил он, — что скажете? Все что угодно лучше, чем это.

Внезапно мир опять начал вращаться. На какую-то долю секунды Джейн отчетливо ощутила это: жестокое потрясение от невероятно возросшего ускорения, похожее на то ужасное чувство, которое испытываешь, когда в первый раз находишься в самолете, отрывающемся от земли. Мгновением позже она была уже слишком поглощена зрелищем того, как все ее имущество валится на пол, разлетаясь вдребезги, чтобы заниматься детальными наблюдениями подобного рода.

— Ладно, так и быть, — проговорила она, осторожно двумя пальцами вынимая из волос острый как бритва осколок супницы. Воздух за окном внезапно наполнился шумом: множество автомобилистов, вернувшихся в нормальное состояние, оплакивали свои потерянные вознаграждения за безаварийную доставку груза при помощи клаксонов. Последний глянцевого журнала, перевернувшись несколько раз в воздухе, хлопнулся на землю, словно изможденный голубь.

— Вы наняты, — сказал Штат.

* * *

— Прошу тебя, — проговорил Густав дрожащим голосом, — поведай мне об этом.

Огонь уже почти догорел, и маленький, но уютный домик Густава наполнился глубокими тенями, каждая из которых была завесой, прикрывающей дверь во враждебную бесконечность. Бьорн зубами сорвал пробку с бутылки «Карлсберга» и аккуратно сплюнул ее в камин.

— Тут нечего особенно рассказывать, — ответил он. — Я искал работу; я нашел ее, попробовал, не одобрил, послал и уволился. Только и всего.

— Гм, — произнес Густав, — да, наверное. Но скажи мне, — продолжал он, борясь с одолевающими его мрачными предчувствиями, — как это было? Каково это — быть ангелом?

Последовало молчание: тяжелое, громоздкое, шершавое молчание, на котором можно молотить зерно. Пламя сверкнуло в глазах Бьорна красным отблеском, заставив Густава отпрянуть и съежиться в углу за камином.

— Еще раз меня так назовешь, — хрипло прорычал Бьорн, — и я вытащу твои кишки через нос и заставлю тебя съесть их, понял?

— Я очень извиняюсь, — пискнул Густав, — но у меня было такое впечатление...

— Потому что, — продолжал Бьорн, — мы не любим это слово, ясно? Сладенькие розовые сопли. Словно ты какой-то бесплотный дух. — Он помолчал, свирепо уставясь в огонь. — Сразу представляешь себе этакую кружевную куколку с крылышками и пухленьким личиком. Пусть только кто-нибудь попробует назвать меня так, он увидит, что с ним будет, понятно?

— Понятно.

— Ну и ладно. — Бьорн сделал большой глоток из горлышка и бурно рыгнул. — Мы с ребятами называли себя «Парни из Голубой Ямы». Хорошо звучит, зло. Мужественно. И мы не занимались всякой ерундой, вроде игры на арфах.

— Конечно, конечно, — согласился Густав, энергично кивая. — Правильно.

— Что правильно?

— Ничего-ничего, прости.

Бьорн глотнул еще пива и задумчиво поскреб ухо.

— Я не говорю, что мы никогда не смеялись. Ты не думай, что мы только и делали, что отвечали на молитвы и полировали солнце. Вот проклятая была работенка, — вставил он. — Вся шкура с костяшек сойдет, если не будешь осторожен. Один парень, с которым я работал, у него пальцы застряли в механизме, когда он чистил его, и никто не заметил. Они запустили эту хреновину как обычно, а он так

и остался там с зажатыми пальцами, болтается, орет как резаный, и никто не слышит. Только представь, — продолжал он, и по его телу пробежала дрожь, начавшись у основания шеи и заземлившись через подошвы ног. — Ты только представь, каково это — целый день висеть на собственных пальцах над этой огромной раскаленной хреновиной, в милях над землей! И знаешь, что ему сказали, когда он попытался получить компенсацию? «Он должен был соблюдать технику безопасности, — сказали они. — Он пострадал из-за собственного долбаного легкомыслия, в следующий раз будет осторожнее». У него после этого немного в голове что-то сдвинулось, и его перевели в Землетрясения. В Землетрясениях никто не обращает внимание, если у тебя с головой не все в порядке.

— Понимаю, — сказал Густав. — Да уж...

— Это у нас было постоянно, — скрежетал Бьорн, уставясь в огонь невидящим взором. — Это называлось «несчастные случаи на производстве», но только вот что я скажу: никакие это были не несчастные случаи. Не надо мне говорить, что когда взрослый человек ни с того ни с сего падает с хорошего, широкого, огражденного перилами мостика прямо на шестерни травовыращивающей установки — это просто случай или совпадение. Просто он узнал кое-что насчет мастера и какавных денег, вот и все. И конечно, дело замяли. Списали все на морозы, только и всего.

Густав жалко улыбнулся и сделал попытку просочиться через щели между камнями, но для этого его было слишком много.

— Надо же! — проговорил он.

— Настоящие ублюдки эти мастера, по крайней мере, некоторые, — продолжал Бьорн. — Там был один, когда я работал в Чудесах — с тех пор уже много лет прошло, сейчас этот департамент закрыли. Вообще-то его звали Никанор, но мы называли его «Никанорыш». Кругленький такой, коротенький, лицо, как карта автодорог. Велено нам, к примеру, претворить воду в вино, а он уже тут как тут со своими друзьями и парой сотен бочонков, давай отливай ему, а с бедных молодоженов достаточно будет и пива. Правда, по большей части им было наплевать. Неудивительно, что начальство всегда плохо отзывалось об этом депар-

таменте... Кстати, насчет пива — у тебя как, не найдется еще глоточка?

Он помахал в воздухе пустой бутылкой, и Густав с глупой улыбкой принес другую. Она была покрыта паутиной.

— Твое здоровье, — сказал Бьорн. Он обезглавил ее, по рассеянности проглотил пробку и присосался к горлышку.

— Все это очень... неприятно, — проговорил Густав.

— Неприятно! — Бьорн визгливо рассмеялся. — Ну ты сказал! Солнце мое, да я могу тебе порассказать таких баек про пьяных заек, что у тебя волосы торчком встанут! Как тебе такой случай, когда мы работали на Ночах; когда Нори-Пустоголовый, которому крысы последние мозги выели, оставил рыдван своего братца припаркованным прямо посреди Большой Медведицы? Или как-то мы с Полоумным Тревом работали на Реках, и Трева пробрал понос как раз перед подъемом Нила. Египтяне в тот год сильно удивились, доложу я тебе. — Он жестко рассмеялся. Густав прикрыл глаза. Его подташнивало. У него над кроватью висела маленькая картинка, на которой был нарисован ангел; его мама повесила ее туда много лет назад, сказав ему, что ангел будет присматривать за ним, пока он спит. «Как только снова останусь в доме один, — пообещал он себе, — возьму лопату и зарою ангела в саду под дубом».

— Ну, были и ничего моменты, — говорил Бьорн. — Вот, к примеру, караулы. Вот это было по мне! Выдают тебе пылающий меч — и стоишь себе перед воротами Эдема, в ус не дуешь. Только какой-нибудь придурок намылит прошмыгнуть, ты его р-раз! — он сделал широкий жест бутылкой, выплеснув оставшиеся на дне хлопья пены себе на руку. — Не вставай, — прибавил он. — Где там, в буфете?

Тяжело поднявшись, он нетвердыми шагами направился к буфету. Густав закрыл глаза.

— Эй! — услышал он голос Бьорна. — А пива-то больше нет, вот незадача! Постой-постой, вот тут, кажись, то, что нужно. Выпьем?

«Боже мой, — подумал Густав, — он нашел бутылку с растворителем для красок».

— Пей, я не буду, — проговорил он тонким дребезжащим голосом, который с трудом распознал как свой собственный.

— Ну, как хочешь, — сказал Бьорн, вновь усаживаясь перед огнем и обтирая горлышко бутылки. — В общем, я держался-держался, и в конце концов уже не смог этого выносить.

— Правда?

— Ну! — Бьорн сделал большой глоток, содрогнулся и облизнул губы. — Я решил, что это вроде как ожесточает меня, понимаешь? Видишь, когда я был маленький, все говорили, что я чувствительный — ну там, эмоции разные меня обуревали. И я подумал: если я останусь на этой работе, что со мной будет? Этак я кончу тем, что стану совершенным подонком, если не буду беречься. Так что я уволился. Может, конечно, мне это только показалось, — добавил он, — но осторожность никогда не повредит, верно? Я хочу сказать, это было по крайней мере честно.

— Д-да, наверное.

— Ну вот, — сказал Бьорн. В течение восьми очень долгих секунд он сидел молча и сверлил огонь свирепым взглядом. Как раз тогда, когда Густав уже начал чувствовать, как из глубины его желудка поднимается истерический вопль, Бьорн резко встал, опорожнил бутылку и со стуком поставил ее на стол. — А знаешь, — сказал он, — это хорошо, что мы поговорили об этом. Мне стало, — он гулко рыгнул, — гораздо легче. Пожалуй, надо будет как-нибудь повторить. Согласен?

Густав прикрыл глаза. С одной стороны, мама говорила ему, что врать нехорошо. С другой стороны, мама говорила ему много всякой всячины и про ангелов, а оказалось все совсем не так.

— Да, — сказал он, — я бы не против.

— Ну и ладно. — Бьорн поднялся на ноги, нашарил свой топор и, шатаясь, побрел к двери.

— Уф-фу! — произнес он, высовывая голову за дверь и с омерзением втягивая в себя прохладный ночной воздух. — Воняет подмышками! Ну, бывай!

— Бывай.

Густав закрыл за гостем дверь, заложил ее засовом, закрыл все ставни и рухнул в кресло, дрожа с головы до пят. Откуда-то с дальней улицы донеслись звуки, говорившие о том, что кто-то с топором меряется силами с деревенским насосом. Густав вздрогнул.

Картинка с ангелом исчезла из изголовья его кровати спустя очень непродолжительное время, и ее место занял календарь Пирелли.

* * *

— Ох, — произнес старший рабочий.

Далеко внизу огромная коричневая змея грязной, дурно пахнущей воды тыкалась мордой в просветы между небоскребами. Не считая раздававшегося время от времени треска обрушивающихся построек, великий город был удивительно тих.

— Я думал, вы имели в виду Мемфис, *Теннесси*, — сказал старший рабочий с легким беспокойством. — А что, есть еще другой Мемфис, так, что ли? Н-да, неувязочка вышла.

— Не правда ли? — процедил его начальник сквозь сжатые губы. — Простите, возможно, мне следовало объяснить это немного подробнее. Я думал, что если я говорю затопить Нил вплоть до Мемфиса, даже полнейшему идиоту должно быть ясно, что я имею в виду Мемфис *в Египте*. Впрочем, очевидно, я ошибался. — Он сдвинул свою кепку на затылок и задумчиво почесал плешь. — И знаете, что я вам скажу, — добавил он, помолчав, — здесь придется-таки разбираться довольно серьезно.

— Гм.

— Вот например, — продолжал он, — если начать с малого, возьмем хотя бы крокодилов.

— Крокодилов?

— Крокодилов. — Он показал рукой. — Их, должно быть, принесло вместе с течением, или что-нибудь в этом роде. Вон, посмотрите-ка, один как раз взбирается по ступеням Пожарного Управления.

— Ох, да, я вижу его. Черт, но это ведь...

— А через десять минут, — продолжал начальник, — когда мы переключим все помпы на реверс и начнем откачивать воду... Что ж, думаю, немало их останется здесь, верно?

— Э-э.

— Но, — продолжал начальник, — это действительно мелочь, и возможно, не стоило даже говорить об этом, если вспомнить, что придется еще отстраивать весь треклятый

город заново, и посылать «скорую помощь» целыми батальонами, и все такое прочее. Однако мне подумалось, что все же стоит обратить ваше внимание и на это. Просто чтобы вы получили целостную картину, так сказать.

— Ясно, — кивнул старший рабочий. — Понял.

— Кроме того, — продолжал его начальник, лицо которого постепенно становилось все более напряженным, как перетянутая гитарная струна, — нужно еще учесть, что у египтян теперь на одну реку меньше. Вряд ли им это понравится, знаете ли. У меня такое ощущение, что они были как-то привязаны к ней.

— Правда?

Начальник кивнул.

— Вы давно работаете в нашем департаменте? — спросил он. Старший рабочий произвел в уме какие-то вычисления.

— Не *очень* давно, — ответил он.

— Сколько именно?

— Э-э... восемь часов, — ответил старший рабочий. — До этого я работал в Истине.

— В Истине. Понимаю. — Его начальник кивнул пару раз, а потом еще несколько раз, просто по инерции. — И чем конкретно вы там занимались?

— Мнямнямнямнямня.

— Простите?

— Я заваривал чай, — признался старший рабочий. — И иногда бегал в магазин за пирожками и всякой всячиной. Видите ли, мы в Истине довольно много просто сидели и ничего не делали.

— Охотно верю.

— Истина ведь — Дочь Времени, знаете, — нервно добавил старший рабочий. — Это мало кому известно, но...

— Так. — Его начальник плотно натянул кепку на голову, расправил поникшие плечи и что-то черкнул в своем блокноте столь яростно, что у карандаша сломался кончик. Кусочек графита отскочил, провалился сквозь щель в небесном своде, ударился о Землю в окрестностях Петрограда и закончил свой путь в Государственном Геологическом Музее под табличкой с пометкой «хрупкое». — Полагаю, нам, пожалуй, лучше начать разбираться с этим делом. Прежде

всего нам потребуется форма KRB-1 с приложением голубого бланка и заявки по форме 4.

Старший рабочий сделал пометку в своей записной книжке.

— Понятно, — сказал он. — Что еще?

— Затем, — продолжал его начальник, — нужно будет найти пару ведер и несколько швабр.

— Ведра, две штуки, — повторил старший рабочий, записывая. — Швабры, некоторое количество. Еще что-нибудь?

— Для начала хватит, — ответил начальник. — Ну, значит, оставляю это на вас, хорошо?

— Да, но...

— В конце концов, — произнес его начальник, сквозь грудную клетку которого уже просвечивала радуга, — вы ведь старший рабочий. У вас это даже на бэдж написано. Желаю удачи!

Он поспешно удалился, и вскоре был уже не более чем крохотной точкой, неразличимой среди стаи ибисов, кружившей вокруг вертолетной площадки на крыше Первого Объединенного банка.

Старший рабочий некоторое время стоял, глядя в этом направлении, затем нахмурился и пробормотал что-то себе под нос. Возможно, это имело какое-то отношение к ведрам.

— Простите.

Старший рабочий обернулся и обнаружил стоящую за его спиной невысокую смертную женщину. На груди у нее, как он заметил со смесью изумления и отвращения, был небесно-голубой бэдж с надписью «Инспектор».

— Где вы это взяли? — требовательно спросил он.

— Вы имеете в виду бэдж? — переспросила Джейн. — О, мне дал его один человек. Он сказал, что его зовут Штат, если вам это о чем-нибудь говорит.

Старший рабочий четыре раза моргнул, сказал «Ох!» и снял с головы кепку.

— Чем я могу помочь вам, мисс? — настороженно спросил он.

Джейн посмотрела на город, расстилавшийся у ее ног. Повинуясь неодолимой силе привычки, могучая река несла свой мощный груз аллювиальных наносов в окна офисов, расположенных на третьем этаже. Джейн не могла бы сказать точно, что именно люди в этих офисах предпринимали,

чтобы выжить, но она могла побиться об заклад, что вряд ли они собирались выращивать рис.

— Скорее вопрос стоит о том, чем я могу помочь вам, — сказала она. — Видите ли, я для этого и уполномочена.

— Уполномочены?

— Помогать, — пояснила Джейн. — Понимаете, я новенькая. Это... — она покопалась в задних чуланах своего ума, вытаскивая на поверхность нужное выражение. — Это обучающая программа по навыкам управления. Меня послали сюда изучать работу различных департаментов, прежде чем окончательно поместить туда, где им покажется, что я подхожу лучше всего.

— Понимаю, — сказал старший рабочий. — А вы... э-э... знаете что-нибудь о приливных реках?

— Не очень много, — призналась Джейн. — У меня было такое представление, что им вроде бы не положено протекать прямо по основным артериям мегаполисов, но возможно, я просто не в курсе последних разработок.

Старший рабочий присел на кучу облачного лома, запустил указательный палец в ухо и покрутил им внутри.

— Если это ирония, — сказал он, — то это не разрешается. Насчет иронии у нас тут строгие правила.

— Да неужели? — отозвалась Джейн, глядя на город. — Знаете, мне кажется, мы должны что-то сделать с этим, как вы считаете?

— Да уж, — вздохнул старший рабочий. — Ладно. Пойду принесу ведра.

Джейн мгновение смотрела на него, прикидывая, не стоит ли ему напомнить об установлениях насчет иронии. Потом ей пришло в голову, что он мог говорить и серьезно.

— Подождите, — сказала она как могла спокойнее. — Не надо ведер. У меня есть идея.

ВОСЕМЬ

Мэру очень повезло, что его приемная находилась на верхнем этаже здания муниципалитета. Будь она в любом другом месте, она оказалась бы затоплена, что привело бы к тяжелым последствиям для четкого и эффективного администрирования. А так нервный центр управленческой сис-

темы оставался в целости и функционировал нормально, что до определенной степени компенсировало тот факт, что остальная часть системы находилась под тремя футами грязной воды. Мэр, человек прагматический, чей электоральный имидж определялся как «ностальгически-пасторальный», решил встретить лицом к лицу вызов, брошенный ему наводнением, в связи с чем одолжил шляпу с воткнутыми в поля крючками и повесил на дверную ручку табличку с надписью «Ушел на рыбалку».

— Войдите, — сказал он в ответ на стук в дверь. Затем он нахмурился. — Как вы сюда попали? — спросил он.

Джейн вошла в приемную, отмахнулась сумочкой от навязчивого крокодила, закрыла за собой дверь, улыбнулась и села.

— Очень просто, — сказала она. — Пришла пешком.

Мэр хотел было что-то возразить, но тут заметил ее небесно-голубой бэдж. По какой-то причине, которую его мозг не смог адекватно отобразить за отпущенный ему короткий промежуток времени, это, видимо, послужило для него достаточным объяснением.

— Что ж, — сказал он. — У нас тут, как видите, проблемы.

Джейн склонила голову набок и послала ему лукавый взгляд.

— Можно посмотреть на это и так, — сказала она. — Лично я сочла бы это скорее предоставившей мне благоприятной возможностью, но знаете, как говорят: сколько людей, столько и мнений.

Мэр потратил минуту, чтобы сообразить, что она имеет в виду, но это было выше его разума. Он снова посмотрел на ее бэдж. Этот бэдж внушал ему доверие.

— Возможностью, — повторил он.

— Вам так не кажется? — улыбнулась Джейн. — Подумайте сами: миллионы кубических тонн обогащенных минеральными компонентами аллювиальных отложений лежат у вас, можно сказать, на пороге — не говоря уже о подоконнике, — добавила она, — и это как раз в то время, когда ситуация на Ближнем Востоке предполагает, что цены на фосфаты на мировом рынке вскоре поднимутся до максимально возможного уровня. — Она подмигнула. — Я бы сказала, что кто-то там, наверху, любит вас, как вы считаете?

— Гм, — произнес мэр. Он ощущал между лопатками покалывающий холодок. — Обогащенного минеральными компонентами, вы сказали?

— В весьма значительной степени, — доверительно сообщила Джейн. — Вам нужно всего лишь откачать воду, и вы можете грузить его на составы и везти продавать. Я бы предложила вам рассматривать это как коммерческое предложение. — Она встала, оправляя юбку. — А потом вы сможете использовать доходы на то, чтобы заново отстроить город, понимаете? И — ну что ж, мне не надо объяснять человеку с вашей очевидной хваткой и чутьем, какие великопепные возможности это открывает для того, чтобы продвинуть наконец все ваши замечательные проекты по очистке трущоб и улучшению дорожного покрытия, о которых вы столько говорили все эти годы. Ну, вы понимаете — показать вашим избирателям, что вы действительно человек слова, и так далее. Впрочем, полагаю, — мило добавила она, — что детали я могу оставить на вас.

На обратном пути, стуча высокими каблучками по поверхности воды, она встретила Ответственного Исполнителя. В каждой его руке было по ведру с водой, и он медленно плелся в восточном направлении.

— Вам уже не нужно беспокоиться насчет этого, — весело сказала она. — Я все уладила. Ну что, пойдём?

— Как это — все уладили? — растерянно переспросил старший рабочий. — А как же... а кто же будет все это убирать?

Крокодил размером с парковую скамейку вперевалку направился к ним, на ходу распахивая челюсти. Джейн кинула ему конфетку, и он, закашлявшись, удалился.

— Смертные, — ответила она. — Вы идёте?

Он нахмурился.

— Им нужно будет платить? — спросил он. — Потому что, видите ли, у меня осталось не так уж много из денег, отпущенных на мелкие расходы, после того как я купил для швабры новую рукоятку, а в какавные деньги я залезать не могу, ребята не потерпят этого.

— Они сделают это бесплатно, — уверила его Джейн. — Давайте поторопимся, и бросьте эти ведра, нам еще нужно заглянуть в Египет.

Старший рабочий потер подбородок. Он не хотел, чтобы его второй раз подловили на той же ошибке.

— Это Египет, который в Африке, да? — спросил он.

— Более или менее, — ответила Джейн. — Хотя они этого еще не знают, но они вот-вот обнаружат, что им самим небом послана возможность строить ГЭС без необходимости возиться с водой. Ну как?

Старший рабочий нахмурил брови, но затем ему на глаза попался бэдж на лацкане Джейн. Бэдж был исключительно голубым и определенно небесным.

— Ладно, — с облегчением произнес он, — пойдёмте. Похоже, это неплохая идея.

* * *

— Гениально, — произнес Гангер, наклоняясь вперед и выключая монитор. — Как вам кажется?

— Это, несомненно, что-то новенькое, — признал Штат. Он свел вместе кончики пальцев и нахмурился.

— Не такое уж и новенькое, — ответил Гангер. — Такие вещи уже делались. Вопрос в основном заключается в том, чтобы убедить смертных обратить наши ошибки в преимущества для себя. И вы должны признать, что в прошлом это неплохо работало. Вспомните хотя бы, — прибавил он с непроизвольной улыбкой, — ту же манну.

Помимо воли Штат ухмыльнулся ему в ответ. История с манной была любимым анекдотом в департаментских кругах — про то, как однажды целый состав в несколько десятков цистерн с манной перевернулся, рассыпав манну по всей Синайской пустыне, как раз в тот момент, когда там бродила группа смертных. По счастью, хотя Общественные Служители знали в точности, что представляет собой манна (откуда происходят департаментские выражения «накормить кого-либо манной» и «сидеть в манне по самые уши»), смертные прежде с ней никогда не сталкивались, и она им даже понравилась.

— Возможно, вы и правы, — произнес Штат. — Я не отрицаю, что у этой девушки есть... — он замялся, в то время как библиотекари в его мозгу яростно перебирали каталожные карточки, — ...дарование, но в основном меня беспокоит

не это. Существует множество людей, обладающих дарованием; некоторые из них, — признал он, — смертные...

— Большинство из них, — мягко прервал Гангер. Штат не стал возражать.

— С другой стороны, — продолжал он, — дарование бесполезно, если используется не по назначению. Если оно, так сказать, раскачивает лодку.

Гангер нахмурился.

— Мне кажется, — произнес он, — что вряд ли стоит беспокоиться из-за того, что кто-то раскачивает лодку, если она все равно стремительно идет ко дну.

— Не стоит этому верить, — резко ответил Штат. — Я как-то прочел одну книгу, — добавил он, и Гангер с удивлением заметил, что он понизил голос до заговорщицкого шепота, — она называлась «Социальные взаимодействия на рабочем месте». Так вот, в ней приводилось одно правило.

— Выкладывайте.

Штат сердито взглянул на него.

— И не надо с этим шутить, черт возьми, — прошипел он. — Это запрещенная книга, чтоб вы знали.

— Простите, — кивнул Гангер, — я забыл, где нахожусь. Там, где я работал раньше, нам разрешалось читать только запрещенные книги. Помню, какой был ажиотаж, когда кто-то протащил туда экземпляр «Шведской семьи Робинсон». Все дрались из-за нее, как безумные...

Штат моргнул и немного помолчал, вспоминая, на чем он остановился.

— Так вот, как бы то ни было, — продолжал он, — это правило гласит, что для сохранения естественного равновесия внутри замкнутого коллектива возрастающее давление снаружи компенсируется увеличением давления паранойи изнутри. Насколько я понял, это широко распространенное явление.

— Думаю, я уловил суть, — ответил Гангер, поглаживая подбородок. — Что-то вроде: «если становится слишком жарко, пристрели повара».

Штат поднял бровь.

— Можно сказать и так, — ответил он. — Я вот к чему это говорю: чем хуже становится положение дел, тем более нервно наверху смотрят на тех, кто пытается делать что-то такое, как бы сказать... ну, понимаете, что не делалось до сих пор.

— Не сказал бы, что здесь многое вообще *делалось* до сих пор, — не смог удержаться Гангер. — Особенно в отношении снабжения. Но, кажется, я вижу, куда вы клоните. На этом тонущем корабле крысы остаются на местах, а все остальные бегут, так?

Штат завертел в пальцах карандаш и сломал грифель.

— Верно, — произнес он.

— Так что мы должны быть осторожны, другими словами?

— Да.

— Хорошо. — Гангер встал, заложив руки в боковые карманы куртки и оставив большие пальцы снаружи. — Значит, будем осторожны. Нет проблем. На чем будем пробовать ее в следующий раз?

* * *

Рокко Консангвинетти был человеком, который делал за раз только одно дело, но делал его хорошо. В настоящий момент он готовил пиццу. Он был полностью сосредоточен на ней. Результат был очевиден: из его рук выходила такая пицца, какую не стыдно было бы повесить на стену в «Метрополитен-Музее», если только какой-нибудь безмозглый идиот не вздумает съесть ее прежде.

— Рокко, во имя Христа! — в дверном проеме появилась недовольное лицо его сестры Розы. — Там люди уже салфетки жуют. Сколько времени можно готовить пиццу?

— Столько времени, чтобы пицца была готова, — отвечал Рокко, не поднимая головы. У него было такое чувство, что он положил на одну оливку больше, чем нужно, а Рокко испытывал по отношению к напрасному переводу продуктов такие же чувства, какие Природа испытывает к пустоте. — Принеси им еще хлеба, или чего-нибудь такого.

Роза сердито взглянула на него.

— Хлеб стоит денег, Рокко, — напомнила она. — К тому же, если голодные люди набьют себе брюхо хлебом, они потом обойдутся *antipasti*¹ и не захотят основного блюда. И уж наверняка не станут заказывать на десерт мороженое. Мы должны банку деньги, Рокко. Работай быстрее.

¹ Закуска ассорти (ит.).

Но ее брат лишь выпятил челюсть и принялся изучать пищу под другим углом. Он был неправ. Без десятой оливки обойтись было никак нельзя.

— Ты закончил?

— Нет.

— Ох, ради... — голова Розы исчезла, и Рокко принялся укладывать *rerregoni* — медленно, по одному ломтику за раз. «Двойная Римская» не строится в один день.

Челюсть, о которой было упомянуто, была весьма примечательной. Она выдавалась вперед. В ней была значительность. Можно было чувствовать себя спокойно, пришвартовав к ней новую дорогостоящую яхту, если вы хотели быть уверены, что она все еще будет там, когда вы вернетесь из казино. Фактически это была челюсть Габсбургов, в точности такая как у Карла V, во всей своей полноте и великолепии, а сам Рокко, осведомленный об этом не более других, был — и был уже на протяжении нескольких лет — Священным Римским Императором.

Его избрание было совершенно легальным, и он даже был должным образом и со всей почтительностью коронован и помазан, будучи при этом, по всеобщему согласию, под анестезией и пребывая в уверенности, что ему ставят на зубы коронки.

Как говорит пословица: если река течет под землей, это еще не значит, что она перестала течь.

В конце концов, существование Императора является насущной необходимостью; без него не может быть сделано абсолютно ничего.

Как предполагает сам титул, этот пост представляет собой сочетание власти временной и власти небесной, а сам Император является ключом зажигания, передающим божественную искру к профаническим цилиндрам человечества. Его санкция (пусть даже дающаяся от его имени третьим лицом, подтверждающим свои полномочия при помощи документа одиннадцативековой давности, по ошибке подписанного Шарлеманем, который считал, что у него берут автограф) является необходимым условием ратификации любого узаконения, мирского или надмирного. Однако многовековой опыт научил Коллегию Избирателей, что как только Император начинает понимать, чем он в действительности является, он

тут же начинает во все вмешиваться, принося окружающим большое беспокойство. В связи с чем сложилось общее мнение, что Его Величеству этого знать не стоит.

Помимо своей чистой, без примеси, габсбургской крови, Рокко VI был избран за ум, терпимость, умение видеть за текущими событиями их истоки и последствия, а также благодаря тому, что настоящая Коллегия Избирателей (члены которой были также доверенными советниками и помощниками Императора) предпочитала совмещать свою работу с бизнес-ланчами. Действительно великий Император, доказывали они, должен знать, как обращаться с анчоусами.

Повестка дня сегодняшнего совещания была короткой, даже короче, чем обычно.

— Итак, начнем, — произнес Лорд Верховный Кардинал. — Я буду *minestrone*¹. Фил, тебе *insalata di mare Adriatica*², правильно? Тони сегодня высказался за рыбный суп, а Марио решил попробовать артишоки. Надеюсь, они сегодня свежие, Роза?

— Они всегда свежие, — отвечала сестра Императора. — Сколько лет вы, парни, ходите сюда? Я хоть раз подала вам несвежие артишоки?

Лорд Верховный Кардинал заверил ее, что это была всего лишь шутка.

— Второе, — продолжал он. — Мне телятина по-сардински, плюс два морских языка. Марио, что ты будешь, цыпленка по-мессински или телятину?

— Телятину, — решительно произнес Его Светлость Пфальцграф. — Цыпленка я и дома поем.

...Покончив с едой, допив свой кофе и воткнув в зубы зубочистки — у Рокко подавали деревянные, как положено, а не эту пластмассовую дрянь, которую вам нынче суют повсюду, — кабинет перешел к последнему пункту повестки дня. Сегодня была очередь Марио.

— У нас есть другие вопросы? — спросил он.

Лорд Верховный Кардинал посмотрел на часы.

— Даже если и есть, — сказал он, — их придется отложить до следующего раза, потому что игра начинается через

¹ Мясной суп с овощами (*ит.*).

² Смесь из адриатических морепродуктов (*ит.*).

полчаса, а мне еще нужно зайти в аптеку. Что ж, в следующий вторник?

Остальные члены Коллегии подтвердили, что вторник их вполне устраивает.

И наконец, в соответствии с древней традицией Имперский Казначей вытащил из стакана четыре зубочистки и сломал одну из них, и они вытащили жребий, кому платить по счету.

ДЕВЯТЬ

— Спасибо, — осторожно произнес Штат. — Это весьма... гм...

Секретарша одарила его отстраненной улыбкой и вернулась к своему столу, оставив его в довольно смешанных чувствах. С одной стороны, было очень трогательно, что она помнила про его день рождения; с другой — он не мог не отметить с чувством глубокого разочарования, что выбранный ею подарок был еще более неопределимым, чем обычно. Когда он принимал очередное ее приношение за пресс-папье и оставлял лежать на своем столе, оно чаще всего оказывалось каким-нибудь экономичным кухонным приспособлением, и его присутствие в кабинете служило причиной несмыслимой обиды. Если же, однако, он приносил его домой и засовывал в большую коробку, что специально для этой цели стояла в чулане под лестницей, тут-то оно непременно оказывалось пресс-папье, и в результате ему приходилось каждое утро самому варить себе кофе на протяжении последующих двух тысячелетий. Сплошные сложности.

— Мои поздравления, кэп! — это был Дензил из почтового отделения; в коричневом бумажном пакете в его руках отчетливо проступали контуры бутылки. Штат тепло улыбнулся ему. Он не пил, но по крайней мере он знал, что именно ему подарили, и мог приблизительно предположить, сколько это стоило. Это был подарок такого рода, какой настоятельно рекомендовали авторы «Социальных взаимодействий на рабочем месте». «Подарю ее мойщику окон на Солнцестояние», — решил он.

— Записка главе департамента, общие ассигнования, — сказал он в свой диктофон. — Касательно, двоеточие, Исти-

на с прописной И, подчеркнуть, с новой строки. С озабоченностью отмечаю, запятая, что цены на небогащенную Красоту вновь поднялись, запятая, на этот раз более чем на шесть запятая сорок два процента, запятая, в то время как бюджетные ассигнования на исследования в этой области были урезаны на два запятая восемь процента, точка. Вследствие этого вынужден просить вас пересмотреть существующее соотношение Красота дробь Истина не позже первого числа следующего месяца, точка. Я бы предложил, запятая, чтобы до будущих распоряжений Красота была на шестьдесят шесть запятая шесть процентов Истиной, запятая, с соответствующей корректировкой обратного соотношения для Истины дробь Красоты, точка. Новый абзац, ряд точек. Директор Штата и тэ дэ. Благодарю. Конец записи.

Он положил пленку в лоток, откуда ее должна будет взять секретарша, и вздохнул. Все винили во всем его, а ведь на самом деле он ни в чем не был виноват. Ну да не стоит брать в голову, этому все равно ничем нельзя помочь. Ничему никогда нельзя помочь. Он порылся в папке «входящих» в безуспешных поисках чего-нибудь, с чем он мог бы справиться.

— Привет.

Штат поднял голову и увидел Гангера в его обычной позиции: половина с этой стороны двери, половина с той.

— С днем рождения, — сказал Гангер. — Я тут принес вам кое-что. Забавная вещичка.

Он кинул через комнату маленький пакетик. Штат поймал его и, чувствуя себя несколько неловко, развернул.

— Спасибо, — произнес он после долгого и тщательно го исследования. — Это действительно... э-э...

Гангер улыбнулся.

— Там внутри коробки есть листочек, — подсказал он, — в котором написано, что это такое.

— Ага.

Он отыскал упомянутый кусочек бумаги и развернул его.

«БЛАНК ПАПСКОЙ БУЛЛЫ, — гласил он. — ОТЛУЧИТЕ ОТ ЦЕРКВИ ЛЮБОГО ЧЕЛОВЕКА ПО ВАШЕМУ ВЫБОРУ!» Ниже следовали две колонки петитом с подробной инструкцией.

— Отпущение грехов у меня тоже есть, — сказал Гангер. — Если вам не нравится, можно поменять. Как там наш план?

— Ах да, — произнес Штат, бережно убирая коробку в верхний ящик стола. — Я много думал над этим.

— Я тоже.

— И вот что я решил, — продолжал Штат, слегка повышая голос. — Возможно, это несколько менее рискованно в настоящее время, несколько более прямолинейно-административно. Я вот что хочу сказать: мы же не собираемся ограничиваться тем, что будем давать ей улаживать кризисы, не так ли?

— Верно, — произнес Гангер, присаживаясь на краешек стола и беря в руки предполагаемое пресс-папье. — И что же вы собираетесь предпринять? Ха, у моего приятеля точно такая же! Они неплохо работают, если удастся их настроить как следует.

— Так вот, — продолжал Штат, — я подумываю об Архиве.

Гангер посмотрел на него.

— Ох, да бросьте вы, — вот все, что он сказал. Остальное можно было легко прочесть по его лицу.

— Знаю, знаю, — отмахнулся Штат. — Но мы ведь не хотим, чтобы у нее сложилось ложное впечатление, верно? Семьдесят процентов нашей работы — обычная, скучная бумажная рутина: сортировка документов, ответы на запросы, регистрация, предписания и тому подобное...

Он остановился. На лице Гангера, обычно довольно подвижном, застыло абсолютно непроницаемое выражение.

— Впрочем, может быть, вы и правы, — быстро проговорил Штат. — Мы можем бросить ее туда попозже. Что вы скажете о деловом визите в Землетрясения?

Гангер покачал головой.

— Нет, — произнес он, — это *вы* правы. Абсолютно. Нет-нет, не трудитесь вставать, я все устрою. Я дам вам знать сразу же.

Он встал, щелкнул каким-то переключателем на боку лже пресс-папье, который Штат почему-то проглядел, и вышел из кабинета. Не успел он закрыть за собой дверь, как в воздухе самопроизвольно возникли несколько тончайших розовых лепестков и начали медленно опускаться на ковер. Коснувшись его, они растаяли как снежинки.

— Архив, — вслух сказал Штат. — Архив.

Внезапно на боковой стороне подарка возник маленький красный огонек, затем вновь погас. Штат потратил следующие четверть часа, глядя на него, а потом осторожно накрыл ведомственным циркуляром.

— Архив, — произнес он опять. — *Архив*. Но почему?

* * *

— Это очень просто, надо только привыкнуть, — сказал Норман, инспектор. — Через несколько месяцев ты сама увидишь, что в нашей работе нет ничего сложного.

Джейн кивнула. Она знала, что первые впечатления бывают обманчивы, но пока что ей казалось, что «ничего сложного» — это очень мягкое выражение. Насколько она могла судить, работа заключалась в том, чтобы взять пакет с тележки, прочесть отпечатанный у него на боку номер, положить его на соответствующую полку и оставить лежать там. Она могла бы делать это во сне, решила она; фактически, это, возможно, было бы наилучшим методом.

— Если тебе понадобится помощь, — говорил Норман, — спрашивай, не стесняйся.

«Благодарю, — сказала Джейн вполголоса сама себе, — помощь такого рода, какая мне здесь скорее всего потребуется, вряд ли относится к тому роду помощи, какую ты способен оказать». Она улыбнулась ему и направилась к тележке.

Во время своего семнадцатого визита к полкам она столкнулась с вооруженной очками персоной мужеского пола. Персона врезалась в одну из полок, содержимое которой оказалось на полу.

— Простите, — сказала она.

— Не стоит беспокоиться, — произнесла персона. — Подобные вещи имеют обыкновение случаться в бесконечной вселенной. Между прочим, вы стоите на моей ноге.

— Ох, простите.

— Ничего, ничего. Благодарю вас, так *гораздо* лучше. Прошу вас, продолжайте заниматься своими делами, пока я скрупулезно расставляю по местам все эти документы. — Он хмуро посмотрел на нее и устало нагнулся.

— Прошу вас, — проговорила Джейн сквозь сжатые зубы. — Позвольте мне помочь вам.

Персона одарила ее колючей улыбкой.

— Сколь премного любезно с вашей стороны, — произнесла она. — Да что я; как оригинально с вашей стороны! Вот уже годы я раскладываю их по номерам; но вы правы. Подумать только, какой это был бы вызов для настоящего исследователя — если бы все они представляли собой такую вот кашу!

Джейн набрала побольше воздуха и принялась за папки, в то время как ее собеседник внимательно наблюдал за ней.

— Вы ведь смертная, не так ли? — заметил он.

— Да, — ответила Джейн. Она стояла на цыпочках, пытаясь водрузить на место №26576768/766543765/2308J/3C.

— Простите, что позволяю себе вмешиваться не в свое дело, — сказал он, — но вы не нашли бы, возможно, более... э-э... уместным — назовем это так, — если бы вы находились на Земле, вместе с другими... э-э... людьми? Насколько я понимаю, — добавил он, — там, внизу, места достаточно для всех. Здесь же, наверху, с другой стороны, можно чувствовать себя несколько стесненно, особенно если ты не привык смотреть, куда идешь.

На какой-то момент Джейн открыла было рот, но затем ей пришло в голову, что ей следовало приготовиться к таким вещам. Поскольку же она не сделала этого, она решила просто не обращать внимания.

— Я бы так не сказала, — ответила она, приняв такое решение. — По правде говоря, мне кажется, что здесь, наверху, все обстоит во многом точно так же, как внизу. Не будете ли вы так добры положить вот эту папку на верхнюю полку? Мне, видите ли, не дотянуться.

Тот свирепо воззрился на нее и перешел к сетованиям.

— Ну и дурацкий же сегодня день, — произнес он, вытягиваясь во весь рост и стеная при этом. — Я проспал, опоздал на работу, обнаружил, что кто-то переставил мою тележку, забыл дома свои бутерброды, поскользнулся на натертом полу и ушиб колено, а теперь вот меня сбивает и топчет ногами смертная, а ведь еще нет и одиннадцати!

Джейн позволила себе улыбнуться.

— Вам это, видимо, кажется странным? Там, откуда я пришла, это называется обычный рабочий день.

Персона приподняла один уголок рта. Если гиены — это собаки, то это была улыбка.

— Да, мне говорили, — ответил он. — Помнится, у вас, людей, даже было для этого специальное слово. «Жизнь», или что-то вроде того.

— Подумать только, что вам это известно! — сказала Джейн. — Премного благодарна за помощь.

В четверть двенадцатого ей полагался небольшой перерыв на кофе. К своему разочарованию, Джейн обнаружила, что департаментский кофе на вкус очень напоминал тот, к которому ей пришлось привыкнуть у себя дома, разве что в него клали еще больше цикория. Ее спина болела, а мозги зудели и чесались от недостатка деятельности. Впервые за все это время она начала сомневаться в том, что занесение данных в каталог у Бэрриджа было действительно таким уж кошмарным занятием.

— Честное слово, — произнесла персона, внезапно возникнув у нее за плечом, когда она высасывала последние капли кофе из гуши, — удивительно, как много вам удалось сделать!

Помимо воли Джейн почувствовала себя польщенной. Она хотела было ответить: «Разумеется, я же смертная, в конце концов» — или что-нибудь в равной степени испепеляющее, — но весьма благоразумно воздержалась. Вместо этого она произвела несколько неопределенных тихих звуков, выражающих благодарность.

— Поражаюсь, как это у вас получается — работать так быстро, — продолжала персона. — Рассортировать пакеты по номерам, разложить их по полкам *плюс* занести номера в журнал!

В сердце Джейн какая-то маленькая, но не совсем незначительная деталь екнула и сломалась.

— Какой... журнал? — вымолвила она.

Персона улыбнулась — на этот раз это была настоящая улыбка.

— Главный регистрационный журнал, — ответила она. — Разве вам не сказали об этом? Туда следует записывать номер документа, а также на какой полке он лежит, и в какой секции, и так далее в том же роде. В противном случае, сами понимаете, исследователи не будут иметь ни малейшего представления...

— Спасибо, — произнесла Джейн, — я поняла. Вообще-то мне никто не упомянул об этом; полагаю, я должна была догадаться сама. — Она поставила свою чашку на блюд-

це. — По-видимому, мне теперь нужно вернуться и сделать это, я правильно поняла?

— Это было бы неплохо, — согласилась персона. — Да, и кстати. Мы ничего не забыли сделать?

Джейн встала как вкопанная и медленно повернула к нему голову.

— Разве мы что-то забыли? — произнесла она. — Простите, мы не хотели.

— Тридцать злотых за кофе, — ласково промурлыкала персона. — Мы обычно складываем деньги в жестяночку во-он на той полке. Это помогает нам, — прибавила она, — избегать недоброжелательства и разрушительных вспышек темперамента.

Джейн вздохнула.

— Вот досада, — сказала она. — Видите ли, у меня только земные деньги. Думаю, вряд ли их здесь принимают, правда?

Ее собеседник покачал головой.

— Пожалуй, нет, — сказал он. — То есть, конечно, да; главное значение имеет намерение заплатить, но на них вам не удастся купить и новую жестянку, когда предыдущая наполнится. Позвольте мне, — неприязненно добавил он, — одолжить вам тридцать злотых до тех пор, пока вам не заплатят.

— Спасибо.

— Не стоит.

Персона, пристально проследив, как она кладет деньги в жестянку, удалилась, оставив ее тихо стенать в мире и спокойствии. Затем Джейн отыскала Нормана и попросила его объяснить ей все толком насчет журнала.

* * *

Раздался треск. Четверо нарушителей замерли на месте — точнее, попытались замереть. Однако алкоголь имеет свойство увеличивать инерцию, и они попадали друг на дружку. Где-то вдалеке собака гавкнула и вновь замолкла.

— Смотри, куда ставишь свои чертовы ноги, — прошипел Даррен. — Здесь сторожевые собаки. Слышал?

— Туфта, — так же прошипел в ответ Джейсон. — Они не держат здесь собак уже бог знает сколько лет. Это запись. Ты что, не знал?

Даррен пожал плечами и полез в карман за ключом от ангара, который снял с гвоздя четыремь часами раньше. Он все еще беспокоился насчет собак, но не собирался подавать виду перед приятелями. Ему нужно было поддерживать чистоту своей репутации.

Замок щелкнул, и он всем телом навалился на створку ворот.

В приоткрывшуюся щель вырвался луч ослепительного света, пронзив окружающую тьму. Джейсон поспешно прикрыл щель своим телом.

— Ты, придурок, — прорычал он. — Несешь всякую околесицу про собак, а сам чуть не засветил нас всех. Болван безмозглый!

Четверо искателей приключений просочились через щель и с науготой затворили за собой ворота.

Внутри ангара было, разумеется, светло, как днем; точнее сказать, там было значительно светлее. Некоторое время они стояли, онемев перед открывшимся им зрелищем; даже Даррен, который днем работал в этом самом ангаре, никогда не подходил к машине так близко. Этого было достаточно, чтобы закипели мозги.

Дэйв был первым, кто нарушил молчание, и он сделал это, нервно хихикнув.

— Ну, бросьте, ребята, — проговорил он, — мы *никогда* не сможем управиться с этой штуковиной.

Он просто хотел констатировать факт, но каким-то образом, выйдя из его уст, эти слова начали бешено мутировать, и к тому времени когда они добрались до ушей Джейсона, они уже превратились в вызов, весьма внешне смахивавший на подначку.

— Ты так думаешь, — сказал Джейсон. — Что ж, посмотрим.

— Я не хотел... — начал было Дэйв, но его друг был уже на середине лестницы, ведущей к кабине. Ему ничего не оставалось, как последовать за ним.

— Мне это начинает не нравиться, — сообщил голос от подножия лестницы. — Может, бросим это и займемся чем-нибудь другим? Пойдем раздолбаем пару телефонных будок, или еще что-нибудь?

— Да ты просто в штаны наложил, — презрительно отозвался Джейсон. — Признайся, у тебя ведь кишка тонка, а?

— Да, — ответил Адриан, голос которого звучал на удивление трезво. — Для этого дела тонка, во всяком случае.

Дэйв и Даррен замешкались на лестнице — это замечание смутило их. В их кружке было общеизвестно, что Адриан строит из себя полного отморозка, который не боится ничего. Его излюбленным способом выпускать пар, по слухам, было писать пульверизатором непристойные слова на боках пролетающих мимо астероидов. Если Адриан не хотел ввязываться в это дело, это означало вероятность того, что в нем присутствуют элементы риска.

— Ну и иди в задницу, — голос Джейсона раздавался с верхушки лестницы, но звучал он отдаленно и невыразительно. Было очевидно, что он обнаружил способ забраться в кабину. — Эй, эти идиоты оставили ее незапертой! Вот уроды, а?

— Да уж, им на все наплевать, — согласился Дэйв, но его мысли были далеко. Возможно, это была не такая уж хорошая идея в конечном счете. Эта штука была действительно большой, *в самом деле* большой.

— Есть! — в голосе Джейсона звучал триумф, и остальные трое переглянулись. — Эд, ты идешь или нет?

Адриан мгновение помедлил; затем он пожал плечами и быстро вскарабкался по лестнице. Он больше не боялся — он уже прошел эту стадию, — и ему было очень интересно, что будет дальше.

— Иду, — откликнулся он.

— Только смотри снова не потеряй штаны, — прокричал Джейсон. — Если ты опять начнешь мандражировать, я останавливаться не буду, понял?

— Иди ты, — ответил Адриан, и по его тону остальные поняли, что он снова стал самим собой: тот самый старый добрый Адриан, который был всегда непрочь поиграть в цыпленка на краю Времени. — Мы еще посмотрим, кто первый наложит в штаны, сынок.

Джейсон ухмыльнулся. Он сидел в пилотском кресле, пытаясь угадать, какой из переключателей что делает. Он понял, что не имеет ни малейшего представления.

— Слушай, — сказал он, — как эта штука заводится?

— Почему я знаю, — пожал плечами Адриан. Он наклонился вперед. — Я бы попробовал вот так, — он растопы-

рил пальцы розовым веером и нажал сразу на столько кнопок, сколько смог достать.

— Не надо, постой, ты, приду... — завопил Дэйв; затем в его рту пересохло, а язык безнадежно прилип к гортани. Ангара неожиданно наполнился болезненно-ярким светом, и они почувствовали в воздухе пульсацию огромной машины величиной с планету.

— Выруби ее, мать твою! — заорал Дэйв, но никто не шелохнулся. Всех сковал ужас, а кроме того, им было мучительно очевидно, что уже слишком поздно. Машина пришла в движение.

Сперва она двигалась медленно; затем, когда она набрала ускорение, скользя вниз по пандусу, движение стало очень быстрым; затем еще быстрее; а потом все же еще быстрее.

Словно во сне, Дэйв заметил, что ворота ангара плотно закрыты. Но он чувствовал, что есть вероятность того, что это уже вряд ли имеет какое-то значение. По правде говоря, он испытывал глубокое сомнение, будет ли вообще что-либо иметь хотя бы какое-то значение когда-либо в будущем.

У четверых беспечных ездоков хватило самообладания, чтобы рухнуть на пол кабины, когда гигантская машина пропахала через алмазно-титановые двери ангара как пуля, пролетающая сквозь мыльный пузырь, оторвалась от пандуса, на бесконечную долю секунды зависла в воздухе, а затем начала падать вниз, как очень большой камень.

И тут заработали моторы.

Именно в такие минуты проявляются действительно сильные характеры, выкристаллизовываясь под давлением обстоятельств.

Дэйв и Даррен в голос вопили «А-а-аа!», пытаясь втиснуться в одно и то же небольшое пространство под консолью компьютера. Джейсон сидел, вдавившись в спинку пилотского сиденья, по его лицу буквально расплескалось выражение такого неподдельного ужаса, за которое заплатил бы миллионы любой режиссер. Адриан в слепой надежде ухватился за джойстик и потянул его на себя.

Солнце замедлило падение, словно в нерешительности, и начало подниматься вверх.

Солнце взошло.

* * *

— И где оно теперь? — спросил Штат.

На другом конце провода повисло молчание.

— Ну?

— Ну, — ответил голос, и Штат почти ощутил его бегущее по проводу усилие сохранить самообладание. — Знаете, такое созвездие, вроде как кружевное, как раз под мышкой у Стрельца? Как изъеденный древоточцами аммонит, мне всегда так казалось. Так вот, оно где-то там. — Пауза. — Вроде бы.

Штат безвольно опустил руку с зажатой в ней трубкой. С катастрофами он справляться умел — любой, чья жизнь проходит в любом виде административной деятельности высшего уровня, начинает подумывать об отставке, если у него не случается хотя бы одной катастрофы еще до завтрака, — но существуют пределы. Его губы шевельнулись, пытаясь воспроизвести слова «где-то там», но голосовые связки отказались в этом участвовать.

— Шеф? Вы еще там? — позвал голос.

Он снова приложил трубку к уху.

— Да, — сказал он. — Слушайте, я знаю, что это чертовски глупый вопрос, но я позволю себе все же спросить. Есть хоть какие-то шансы, что его удастся вернуть обратно?

— Нет, шеф. Простите.

Штат вздрогнул всем телом, как посоленный слизень.

— Ладно. Хорошо. Спасибо, что дали мне знать.

В трубке некоторое время раздавался слабый треск.

— И что же мы будем теперь делать, шеф? — нервно спросил голос. Штат вздохнул.

— Одному небу известно, — сказал он и повесил трубку. Он, разумеется, лгал.

* * *

Джейсон был обеспокоен.

У него были на это причины. Он находился очень далеко от дома, его приятели на какое-то время вырубались — им это было только на пользу, судя по их виду, — стрелка

указателя топлива находилась глубоко в красном секторе на левом краю шкалы, а из-под капота доносился какой-то странный звук.

Единственным преимуществом того, что у них закончилось топливо, насколько он мог видеть, было то, что, когда это произойдет, эта проклятая штуковина начнет постепенно замедляться и, возможно, даже остановится. Он уже некоторое время пытался заставить ее сделать это.

Однообразие вида, открывавшегося из окна кабины, не поднимало его настроения. Вот уже сорок миллионов световых лет вокруг было темно, как в двух футах от конца дымохода, а такие вещи особенно сильно действуют на нервы, когда пиво начинает понемногу выветриваться из организма. Последней каплей было, когда у него закончились сигареты.

А потом он увидел свет: крохотную точку, не больше булавочной головки, где-то очень далеко, но это определенно был свет. На пару секунд это открытие вдохновило его, но затем он сообразил, что а) свет не обязательно подразумевает безопасность или помощь и б) что даже если и так, он все равно не может подгрести к нему на этой треклятой громадине.

Он мог не беспокоиться. Двигатель выбрал как раз этот момент, чтобы высосать последнюю каплю топлива в последнем резервном аварийном баке, солнце сбросило скорость и легло в дрейф. Несколькими минутами позже гравитационное поле световой точки, чем бы она ни была, начало оказывать свое действие, и все сооружение, медленно разворачиваясь, поплыло в ее направлении.

Классно.

Свет оказался звездой. Вокруг звезды вращалась планета, ее можно было увидеть еще за несколько световых лет. Она была большой и яркой, и голубой благодаря самым восхитительным океанам, какие Джейсон когда-либо видел. А еще — понял он, и его сердце подпрыгнуло — планета была обитаемой. И его несло прямо на нее, по красивой неторопливой дуге. Он назвал бы это Судьбой, но он шесть месяцев проработал в этом департаменте и знал, как оно там в действительности все устроено; так что он просто решил, что ему чертовски крупно повезло.

Вскоре, гораздо быстрее, чем он мог предположить, он оказался уже достаточно близко, чтобы различить два широких пояса золотых астероидов, окружавших планету, и несколько крохотных вспышек света, отраженного от металлической поверхности, которые могли быть только орбитальными станциями. Он был уже почти там.

— На помощь! — завопил он. В глубине души он знал, что было еще рановато для того, чтобы его кто-нибудь мог услышать, но не было вреда в том, чтобы немного разогреться, так сказать. Он даже встал на сиденье и начал махать обеими руками.

А потом...

Это был один из таких моментов, когда умирает надежда, когда гаснут все огни, и все, что остается, — это ужасное ощущение, что что-то пошло не так.

Он приложил руку козырьком над глазами, надеясь против всех вероятностей, что он ошибся; но он не ошибся.

Это были не орбитальные станции, это были космозаправки, а у него не было ни гроша. Точно так же, то, что он принял за двойной пояс золотых астероидов, было вещью гораздо более прозаической, но более чем недвусмысленной.

Это была двойная желтая черта. И чтобы вколотить последний гвоздь, доведя картину до совершенной и даже избыточной ясности, власти снабдили планету вывеской со словами

ПАРКОВКИ НЕТ

набранными мерцающими красными карликами вдоль линии экватора.

— Мать вашу, — проговорил он.

Если бы планета была меньше, она, разумеется, начала бы вращаться вокруг него, а не наоборот. Но в любом случае ему ничего не оставалось делать, кроме как отводить душу, вопя и размахивая кулаками; а через некоторое время, когда нехватка еды и насыщенная гелием атмосфера начали сказываться на нем, он не мог уже и этого.

Когда он провел там уже долгое время, настолько долгое, что уже не мог измерять его с какой бы то ни было степенью точности, он начал осознавать, что по кабине бродят

какие-то странные нематериальные существа. Они переговаривались странными искаженными голосами и имели неприятную привычку проходить прямо сквозь него и наружу из кабины, в окружающую черноту. Они полностью игнорировали его, будучи, по всей видимости, полностью поглощены собственными неизъяснимыми разговорами, которых он был почти не в состоянии понять, если не считать нескольких с трудом разобранных фраз.

Нет никаких оснований полагать, что он не находится там и по сей день. Разумеется, у обитателей планеты не было причин беспокоить его, учитывая, что его своевременное прибытие избавило их от расходов и труда по сооружению специального искусственного спутника, от которого они могли бы отражать свои ежевечерние мыльные оперы. Фактически, по странному капризу оптических искажений, Джейсон периодически появляется в некоторых эпизодах, что, несомненно, только прибавляет радости зрителям.

* * *

— Итак, — сказал Штат. — Давайте на минутку остановимся, если вы не против, и подведем итоги. У нас имеются следующие предложения.

Они заседали уже час и семь минут, и бледные, вытянутые лица вокруг стола в комнате для совещаний были одинаково лишены выражения. Никто не спешил высказываться.

— Во-первых, — продолжал Штат, — была мысль срочно спустить с неба луну, покрыть ее со всех сторон люминесцентной краской, запустить вверх на восходе и надеяться, что никто ничего не заметит. Но мне кажется, что здесь нас может ожидать некоторое количество потенциальных трудностей.

Он перечислил их. Когда он закончил, никто ничего не сказал, и он счел их молчание знаком, что он может перейти к следующему предложению.

— Далее, у нас есть предложение вывесить в небе большое светящееся объявление, что-нибудь вроде: «Работа солнца приостановлена по техническим причинам и будет возобновлена в ближайшее время». — Он вдохнул, затем выдохнул; у него был вид человека, который делает все, что может, пока еще может. — Что ж, против этого у меня нет

возражений, никаких возражений — пока что, по крайней мере, — но в дальнейшем...

Ему не было нужды продолжать. Головы дружно закивали. Способы и Средства, как заметил Штат со всплшкой веселья, уже крепко спал, что, учитывая обстоятельства, было, видимо, условным рефлексом на присутствие в комитете.

— Что же касается идеи протянуть длинный кабель от сердцевины Великого Облака Непознанного и попытаться наладить в качестве временной меры прожекторную установку, — продолжал он, — должен сказать сразу, что, по моему мнению, это наилучший вариант из всех, которые мы имеем на настоящий момент, но я все же думаю, что нам стоит все взвесить, прежде чем браться за это дело. Я хочу сказать, с точки зрения снабжения...

Сбоку от стола кто-то кашлянул, и все головы повернулись к высокой, но чрезвычайно... *нормально* выглядевшей фигуре, стоявшей там с большим подносом в руках.

— Прошу прощения, — произнесла Джейн. — Вы заказывали кофе.

Она заработалась допоздна, пытаясь разгрести ту неразбериху, которую устроила в начале дня, и когда члены комитета начали на нетвердых ногах собираться в комнате для совещаний, ей сказали, как единственной еще присутствовавшей в здании форме жизни женского пола, приготовить кофе на двенадцать персон. Будучи формой жизни женского пола, она ухитрилась справиться с этим.

Штат слабо улыбнулся.

— Спасибо, — сказал он. — Просто поставьте здесь, мы сами все сделаем. Итак...

— Прошу прощения, — снова сказала Джейн. Все посмотрели на нее.

— Простите, что вмешиваюсь, — продолжала она, — но я невольно услышала, о чем вы говорите, и я просто хотела спросить, а не рассматривали ли вы...

Финансы и Общие Направления выпрямился в кресле с видом антропоморфной динамитной шашки, но Штат поймал его взгляд, и он снова откинулся на спинку.

— Да? — произнес Штат.

— Я только хотела сказать, — проговорила Джейн тихим, но ясным голосом, который напомнил Штату что-то

отдаленно знакомое, что-то не слышанное им с очень давних пор. Что же это было? Ах да, внезапно вспомнил он: это был голос здравомыслящего человека. — Может быть, вы подходите к этой проблеме не с той стороны, если вы понимаете, что я хочу сказать. Я знаю, что это совершенно не мое дело, — продолжала она, — но, возможно...

Вокруг стола начали проявляться признаки беспокойства. Либо эта особа — эта *смертная* — собиралась оскорблять их уши потоком неуместной и несвоевременной бессмыслицы, что было бы уже само по себе достаточно неприятно; либо она собиралась внести осмысленное предложение.

Джейн со своей стороны наблюдала в себе ощущение некоторой расплюсченности, словно она была вареной картофелиной, попавшей под паровой каток. Но она улыбалась, так было всегда, когда она чувствовала себя взвинченной.

— Мне просто кажется, — продолжала она, — и я надеюсь, что вы простите меня, что я говорю вам это, но если вы пытаетесь изобрести какой-нибудь суррогат и надеетесь, что никто ничего не заметит, то я не думаю, что из этого может что-то получиться. Нет, — сказала она, тряхнув головой, — мне кажется, здесь нужен отвлекающий маневр, диверсия — ну, знаете, что-нибудь, чтобы отвлечь внимание людей от солнца, так чтобы они не заметили бы даже, если бы там не было вообще ничего.

В комнате для совещаний воцарилась тишина, по сравнению с которой внутренности обычной гробницы показались бы Римом в час пик. Когда молчание уплотнилось уже до такой степени, что начало собираться каплями на стенах, Финансы и Общие Направления потряхнул с себя ошеломленное оцепенение, изобразил на лице не особенно приветливую мину и откашлялся.

— Очень хорошо, — произнес он. — И что же вы предлагаете?

— Ну... — начала Джейн.

* * *

В сером запустении ранних часов межзвездного утра большой пустырь позади Великого Облака Непознанного гудел от рева бесконечного множества разнообразнейших

электроустановок, всевозможных вариаций визга металла, вгрызающегося в металл, распоряжений и проклятий. Эту деятельность описать невозможно; обычно мы ощущаем движение благодаря тому, что оно заметно на относительно спокойном фоне, но здесь фона не было.

Все — весь надмирный сонм, все до единого — были брошены на сверхурочную работу.

Здесь были две основные группы. Меньшая из них, составлявшая около шестой части общего количества, вырезала огромный диск из листа высокоуглеродистого целестиума шестнадцатого размера величиной с галактику, в то время как целая армия подъемных кранов стояла поодаль, готовая монтировать миллионы миль электрического кабеля и двенадцать биллионов электрических лампочек. Еще одно подразделение меньшей группы накрывало луну огромным черным бархатным чехлом и прилаживало к ней буксирный крюк. В отдалении флот грузовых звездолетов подвозил наспех собранный урожай небольших и относительно несущественных звезд, которые предполагалось пустить на топливо для генераторов.

Другая группа была в пять раз больше и бесконечно более занята. Они укладывали в багажники 10^{23} автомобилей 10^{74} картонных коробок.

Штат, следивший за происходящим с наблюдательного пункта на крыше Департамента Судьбы, взглянул на часы и покусал губу. Три часа прошло. Либо это сработает, либо он будет выглядеть величайшим лопухом во всей пространственно-временной вселенной.

— Ладно, — буркнул он в переносную рацию. — Скажите, пусть начинают фазу один.

Вакуум пустыря внезапно наполнился душераздирающей вибрацией звуковых волн: циркулярные пилы вгрызлись в последние мили целестиума. Диск угрожающе накренился и отвалился, покачиваясь на поддерживающей его путанице титановых тросов. Засверкали ослепительные вспышки сварочных аппаратов — электрики приступили к работе. Двигатели луны загудели, разогреваясь для не предусмотренного в графиках рейса.

— Фаза один, — прохрипела рация. — Мы готовы.

По сигналу с вышки все 10^{23} машин одновременно запустили двигатели. Попытаться уместить произведенный ими

эффект в обычные прилагательные было бы все равно что пытаться втиснуть океан в яичную скорлупу; достаточно будет сказать, что это было *громко*. Колонна автомобилей начала двигаться.

— Лучше бы это сработало, — проворчал Штат, когда структура космической ткани напряглась, пытаясь противостоять вибрации работающих двигателей. — Потому что иначе...

— О, я думаю, все будет в порядке, — ответила Джейн, заливая чайный пакетик кипятком из термоса. — Все равно же все только и говорили, что старое уже совсем износилось и дожигает последние лучи, и как было бы замечательно запустить новое, если бы это не было слишком дорого и не требовало столько времени на сборку. Насколько я поняла, идея заключалась в том, чтобы откладывать опознавательные жетоны работников в течение следующих шестидесяти тысяч лет и с их помощью финансировать ремонтные работы. — Она вздохнула. — Это лишь доказывает, что здесь можно что-либо сделать, только когда ситуация становится критической, и когда все считают, что ты делаешь то, что ты делаешь, по совершенно другим причинам. Забавно, вы не находите, до чего нужно дойти, чтобы хоть что-нибудь сдвинулось с места?

Новоиспеченное солнце, сияющее всеми огнями, было спущено с лесов на необъятных размеров трейлер, а тянувшийся от него буксирный трос был накрепко прилажен к заднему бамперу луны. Мучительно медленно, жалуясь при каждом шаге на непривычную тяжесть, луна начала выруливать на взлетную полосу.

— Ну, — произнесла Джейн, — скрестим пальцы.

* * *

Детали Великой Диверсии настолько общеизвестны и лежат в основе стольких религий, что было бы излишним перечислять их здесь. Все, о чем нам надлежит упомянуть, это что когда человечество пробудилось в тусклом сиянии жиденького, мигающего, шестидесятиваттного рассвета, оно не успело заметить никаких странностей в освещении. Всеобщее внимание было приковано к огромным огненным буквам, припиленным к пересекавшей небесную твердь радуге, возвещавшим

ОТКРЫТИЕ ВЕЛИЧАЙШЕЙ ЭКСКЛЮЗИВНОЙ
РАСПРОДАЖИ С АВТОМАШИНАМИ!!!

доступной всем смертным созданиям, живущим одним днем, покупающим, повинуюсь минутной прихоти, по всему земному шару. Едва их мозг успел переварить сообщение, как окружающий горизонт засиял желтыми в неопределенно-сером солнечном свете огнями бесчисленных фар, и 10^{23} автомобильных багажников распахнулись как один багажник, и человечество, подняв глаза к небесам, увидело, что это правда. Как, по слухам, выразился один из ведущих теологов, провозглашая эру Нового Завета, «это могло заткнуть за пояс любую радугу».

Те, кто привык комментировать подобные события с холодно-отстраненной позиции истории, отмечают, что в качестве тактического маневра Великая Диверсия была замечательно продуманным ходом. Мало того, что внимание человечества было отвлечено на время, достаточное, чтобы небесные мастерские успели изготовить форму, отлить, отделить и запустить новенькое высоколегированное солнце с тефлоновыми бамперами и тормозной системой «ABS», — суммы, вырученной от распродажи, хватило, чтобы покрыть все расходы, и осталось еще достаточно, чтобы заново выкрасить ангар и снабдить его подобающим висячим замком; кроме того, склады департамента Общего Снабжения были очищены от двадцатитысячелетнего скопления всяческого металлического хлама, что в свою очередь позволило Норману и его сотрудникам из Архива получить дополнительную площадь для размещения новой и значительно более эффективной системы хранения и обработки данных. Фактически, по мнению некоторых комментаторов, учитывая предшествовавшие обстоятельства и то, кому именно пришла в голову вся эта идея, вполне можно предположить, что именно это и было подоплекой всего мероприятия.

* * *

— И что? — повторил Бьорн. Старый Густав имел смущенный вид и избегал смотреть ему в глаза. Из его бормотания можно было разобрать только, что такая покупка подворачивается раз в жизни.

Бьорн ухмыльнулся.

— Ну да, — сказал он. — Только ты не знаешь, что это такое.

— Гм.

— И она не работает.

— Хм.

— И каждый раз, когда ты берешь ее в руки, от нее отваливаются все новые детали.

— Зато я купил ее по дешевке! — вскипел Густав, уязвленный. — Двадцать четыре девяносто девять. А вначале она стоила тридцать пять.

— Я знаю, что это такое.

— К тому же она была последней, которая у них оставалась, — продолжал Густав. — Он вообще сказал, что ее просили оставить для кого-то другого, но... Что? Ты *знаешь*?

— Да. — Бьорн зевнул. — Тебя провели как ребенка, — прибавил он.

Густав вспыхнул. Но тут он заметил пятнышко на задней стенке коробки, вытащил носовой платок и, аккуратно поплевав на уголок, начал тереть, пока поверхность не стала чистой.

— Чепуха, — сказал он. — Ее списали. Небольшое повреждение корпуса, так он сказал, и оно совсем не влияет на работу...

— Ну допустим, — произнес Бьорн, отбивая горлышко у следующей бутылки. — Я понимаю; тебе, как настоящему лесорубу, конечно же, жизненно необходимо, чтобы твой рефрактор темпоральных искажений находился в рабочем состоянии. Угу, — добавил он, утвердительно кивнув, — думаю, здесь ты прав.

Густав моргнул.

— Что? — переспросил он.

— Рефрактор темпоральных искажений, — небрежно повторил Бьорн. — Мне приходилось иметь с ними дело, когда я работал с парнями из Времени. Эти штуки действительно неплохо разглаживают всякие неровности во временных структурах. Правда, — добавил он, как бы между прочим, — это, конечно, не весь прибор, а только основной стабилизирующий узел. Но если тебе удастся заставить его работать, может быть, на следующей распродаже тебе подвернется и все остальное — ну там, шатунная коробка, впускная маги-

страль и все такое прочее — и дело пойдет. А, ну и еще тебе понадобятся батареи, разумеется.

Он снова ухмыльнулся и начал прихлебывать свое пиво, в то время как его сосед некоторое время сидел, разглядывая свое приобретение. Откуда-то издали доносилось умиротворенное воркование горлицы, убаюканной теплом летнего вечера.

— Вот что я сделаю, — твердо проговорил наконец Густав. — Я постелю на нее скатерть и поставлю в углу, около дров. Она будет там неплохо смотреться, и я смогу расставить на ней свои призы за игру в кегли.

— Угу, — отозвался Бьорн. — А еще из нее выйдет великолепная подставка для ног. — Он водрузил на аппарат свои ботинки, сцепил руки за головой и откинулся на спину.

— А ты ходил на распродажу, сосед? — спросил Густав. Бьорн покачал головой.

— Слушай, — сказал он. — То, что мне было нужно из департаментских железяк, я спер еще до того, как уволился. Правда, это все равно сплошное дерьмо по большей части. Все изношено до последней степени, да и когда оно было новое, это был один металлолом. Купить подешевле и гонять, пока не сдохнет, — такой у них принцип. Вон возьми хоть високосный год.

Густав поднял бровь.

— Високосный год? — переспросил он.

— Вот именно, — отвечал Бьорн, — високосный год. Дьявольски типичный случай. То есть, — продолжал он, распалаясь, — представь, если бы вот ты покупал агрегат, регулирующий смену сезонов, ты бы ведь не стал жмотничать и покупать всякое бэушное дерьмо на барахолках, правда ведь? Вряд ли. Как всякий разумный человек ты купил бы настоящую вещь, которая не сломается на следующий день и которую тебе не придется регулировать каждые пять минут, когда она снова выйдет из синхронизации. Но они, конечно, смотрят на это по-другому, а как же! И вот вам результат: мы имеем високосный год. А ты что думал, что это специально так сделали, что так и надо, так, что ли?

— Э-э...

Бьорн недобро рассмеялся.

— Черта с два, — сказал он. — Там от подшипников осталась одна труха, мне как-то рассказывал один знакомый

парень из Эксплуатации. Просто чудо, что эта хреновина вообще до сих пор не развалилась на части по их вине. Ну да если бы и развалилась, поделом им, ублюдкам.

Он замолчал и некоторое время лежал, свирепо хмурясь на носки своих ботинок. Семейство белок носилось взад и вперед по ветвям дерева над его головой, сердито цокая. Мимо прожужжала стрекоза, солнце блеснуло в ее калейдоскопических крылышках.

— Какой прекрасный день! — произвольно отметил Густав. — Ей-богу, сосед Бьорн, мое старое сердце радуется, когда я гляжу вокруг. Неужели ты... — он прервался. Он понимал, что зря тратит слова, но ничего не мог с собой поделать. Неисчислимые чудеса природы никогда не переставали восхищать его, даже в этом возрасте. — Неужели ты не чувствуешь, как изжаждавшаяся земля впитывает в себя жизнетворное тепло и семена рвутся из-под земли навстречу новой жизни? Неужели ты не...

— Хм-м... пожалуй. — Бьорн выглядел озадаченным. — Пожалуй, — повторил он. — Здесь ты попал в точку. — Нахмурившись, он сел, рассеянным ударом прихлопнул стрекозу и задумчиво воззрился на солнце. Он глядел на него очень долго.

— Интересные дела, — произнес он.

ДЕСЯТЬ

— Ага, — оживленно проговорила Джейн. — Я как раз надеялась, что мне удастся переговорить с вами.

Рука Гангера замерла на ручке двери. Он застыл на месте; затем повернулся и улыбнулся ей.

— Конечно, — сказал он. — Слушай, мне тут нужно быстренько сделать пару звонков, а потом...

— Это не займет и пяти минут, обещаю, — непреклонно произнесла Джейн; на ее тоне можно было затачивать фрезы. Гангер поник и, казалось, потерял в росте около дюйма.

— Отлично, — сказал он. — Заходи.

Несмотря на то что она провела последние два часа, ожидая Гангера под дверью его кабинета, в самом кабинете она находилась впервые. Он не произвел на нее впечатления. «Ну, кабинет, — говорило ее лицо, — и что? Если здесь

записывающие ангелы вместо диктофонов, это еще не значит, что он лучше других. Просто он немного отличается». Гангер увял еще немного; если бы у него были лепестки, к этому моменту они уже начали бы опадать.

Тем не менее он уселся на краешек стола и махнул ей в направлении кресла.

— Ну и что там у тебя стряслось? — спросил он.

— У меня всего пара вопросов, — ответила Джейн. Она запустила руку в сумочку и вытащила два экземпляра аккуратно отпечатанного бланка. Улыбка Гангера превратилась в защитный экран.

— Во-первых, — сказала она. — Мне думается, что, наверное, нам стоит уточнить, что именно я здесь делаю.

— Ты делаешь все как надо, — поспешил заверить ее Гангер. — Следующий вопрос.

Выражение почтительного презрения на лице Джейн застыло до состояния бронированной плиты.

— Спасибо большое, — сказала она, — но я спрашивала «что», а не «как». В чем конкретно состоит моя работа?

Гангер слегка втянул щеки.

— Ну-у, — протянул он, — не знаю, как ты, но я полностью стою за гибкий подход к подобным вопросам. Широкий кругозор, свобода в выборе определений, многоплановое мышление...

— Не сомневаюсь, — прервала его Джейн. — Было бы просто глупо, если бы мы ко всему относились одинаково, правда?

Неувядающая улыбка Гангера на мгновение блеснула множеством длинных и острых зубов, которых там не было за секунду до этого; но он тут же овладел собой.

— Очень хорошо, — произнес он. — Что ж, думаю, мы можем назвать это...

— Я бы предложила «администратор-стажер», — вмешалась Джейн. — Да, кстати, вы ведь не будете возражать, если я буду делать пометки в блокноте? Это так помогает, когда потом пытаешься вспомнить, что конкретно ты сказал...

Кадык Гангера задвигался, словно он пытался проглотить сливовую косточку.

— Конечно, — сказал он. — Пиши на здоровье, я не против. Что ж, да, я полагаю, «администратор-стажер» более

или менее в общих чертах описывает твою работу, но, конечно, не следует забывать...

— Следующий вопрос, — продолжала Джейн. — Думаю, наступило время нам поговорить о моем жалованье, как вы считаете?

Обращенные вверх уголки губ Гангера резко дернулись.

— Жалованье, — повторил он.

— Именно, — подтвердила Джейн. — Я тут поспрашивала кое-кого, и мне...

— Прошу прощения?

— Я порасспрашивала людей, — слегка преувеличенно-четко выговаривая слова, повторила Джейн, — и похоже, по общему мнению...

— Ты спрашивала людей, сколько они зарабатывают?

— Ну да, и...

— Что, просто подходила и спрашивала?

— Вот именно. И...

— И они тебе отвечали?

— Да, — сказала Джейн. — И у меня сложилось впечатление — разумеется, вы поправите меня, если я ошиблась, — что обычная ставка для младшего руководящего состава в этой организации составляет двадцать пять тысяч крейцеров в год. Мне кажется, это звучит достаточно разумно, как вы считаете?

Гангер сидел на краю стола с открытым ртом, недвижимый, как кусок гранита.

— Естественно, — быстро добавила Джейн, — эта сумма подлежит дальнейшему пересмотру каждые шесть месяцев... Далее, следующий вопрос, который я хотела обсудить...

В глубине Гангеровой гортани послышался скрежет.

— Двад... — прохрипел он.

— Простите?

— Двадцать пять тысяч крейцеров, — проговорил Гангер. — Моя дорогая девочка...

Этого ему определенно не следовало говорить. Отдавая ему должное, Гангер осознал это, еще когда роковые слова были лишь в нескольких дюймах от его рта, но к этому времени было уже поздно. Прежде чем он успел что-либо добавить, глаза Джейн покрылись пленкой векового льда, а губы сжались в неразличимую линию.

— Хорошо, — произнес Гангер очень слабым голосом. — Да, думаю, это пойдет. Я займусь этим не откладывая. Разумеется. Так, и у тебя был еще какой-то вопрос?

— Да, — сказала Джейн. — Прошу вас, не подумайте, что я жалуюсь, но мне кажется, что это бесполезная трата моего времени — необходимость сновать каждый день туда-сюда из Уимблдона и обратно. Мне приходится делать две пересадки, чтобы добраться до стеллапорта, а потом еще вся эта тягомотина, чтобы пройти через таможеню...

— Уверен, что мы сможем что-нибудь придумать, — произнес Гангер. — Я скажу пару слов парням из охраны...

— Я имею в виду, — продолжала Джейн, полностью игнорируя его, — что мне необходимо оформить пособие на проезд. Плюс неземную весовую категорию на таможне, разумеется, поскольку...

Она остановилась. Лицо Гангера приобрело какой-то странный оттенок.

— Э-э... — проговорил он. — Послушай, насчет этого мне придется переговорить с парой человек, потому что...

— Или есть другой вариант, — сказала Джейн. — Насколько я понимаю, на нижнем этаже здания департамента Погоды освобождается квартира для персонала. Я ведь могла бы ее занять?

Гангер с энтузиазмом согласился, и только потом внезапно сообразил, что его переиграли. Он открыл было рот, намереваясь что-то сказать, но сдался.

— И еще буквально несколько мелочей, — продолжала Джейн. — Отпуска, количество рабочих часов, пенсионное страхование и все такое прочее. Думаю, нам стоит обговорить эти вопросы прямо сейчас, раз уж мы все равно подняли эту тему, вы не против?

Последовало долгое молчание, и Джейн почувствовала, что Гангер пытается изо всех сил пробиться к ее мыслям, как отчаявшийся коммивояжер. Она навесила на двери подсознания тяжелый замок и выразительно взглянула на него.

— Конечно-конечно, — поспешно сказал он, — почему бы и нет? Полагаю, — прибавил он, — у тебя уже есть какие-то соображения?

— Пожалуй, да, — благосклонно отвечала Джейн. — Прежде всего...

* * *

— То, чем мы здесь занимаемся, — произнес директор, — специфично. Очень специфично.

Он нажал кнопку на пульте, и дальняя стена огромного помещения замерцала, превратившись в один большой экран. На первый взгляд, пока глаза Джейн не привыкли к яркому свету, он выглядел пустым; но затем она поняла, что его вдоль и поперек пересекают миллионы маленьких тонких линий, соединяющих сотни тысяч крохотных точек розового и голубого свечения.

— Каждая световая точка, — продолжал директор, — представляет одного из наших клиентов — видите ли, мы предпочитаем называть их клиентами, поскольку превыше всего мы стремимся предоставить людям действительно персональное обслуживание.

Джейн вспомнила надпись на двери кабинета — «Управление по назначению роковых влюбленностей» — и почувствовала, как в ней поднимаются возражения, но смолчала.

— Вот как, — сказала она.

— Розовые точки, — продолжал директор, — это наши клиенты-дамы, а голубые, само собой, джентльмены. Линии, соединяющие их друг с другом, мы называем линиями судьбы. Вы сами можете видеть, — продолжал он, проводя по экрану лекторской указкой, — что они формируют различные рисунки, возникающие на вполне обычном основании. Вот здесь, — он показал указкой, — мы имеем классический любовный треугольник — замечательный экземпляр; обратите внимание, что все три стороны имеют совершенно одинаковую длину. В наши дни это встречается довольно редко.

— Неужели, — сказала Джейн. — Подумать только.

— Да, — директор мгновение помедлил, лишившись дара речи, восхищенный геометрическим совершенством узора. — Замечательный образчик, если присмотреться. Видите ли, когда они настолько правильны, связи приобретают чрезвычайную прочность. Я как раз пишу о них работу, — скромно добавил он. — Небольшая монография, ничего особенного; но я льщу себя надеждой, что она не будет лишена определенного интереса.

— Не сомневаюсь, — сказала Джейн.

Указка переместилась в другую часть экрана.

— А вот, — произнес директор, светясь гордостью, — очень милый экземпляр альфа-синдрома Н/А. Боже мой, да, — прибавил он, наклоняясь вперед и прищуриваясь. — Прелестно. Вы только посмотрите, какие у них обратные связи!

Джейн вежливо кашлянула.

— Н/А? — переспросила она.

— Это сокращение от Элоизы/Абеляра, — пояснил директор, — хотя в последнее время в некоторых кругах появилась тенденция называть их R/J.

— Ромео/Джульетты? — предположила Джейн.

— Совершенно верно, — произнес директор с некоторым неодобрением. — Но в действительности это неверное употребление этого термина, поскольку, строго говоря, бета-синдром R/J является совершенно самостоятельной и независимой подгруппой, со своей собственной матрицей характеристик напряжений. Они весьма редки в отличие от Н/А, которые встречаются в своем естественном состоянии довольно часто. Ага, а вот кое-что, на что я хотел бы, чтобы вы посмотрели. Взгляни-те-ка!

Узор, на который он обратил внимание Джейн, показался ей чем-то вроде маленькой и абсолютно симметричной паутины с четырьмя или пятью отделенными друг от друга точками розового и голубого свечения, безотрадно мерцающими на скрещении нитей. Джейн с трудом сглотнула.

— Классическое трехслойное взаимонепонимание, — провозгласил директор, — со вторичными связями вот здесь, взгляните. Эти вещи становятся вполне самоочевидными, когда начинаешь улавливать, в чем суть.

Какое-то время Джейн совершенно не могла сообразить, что он имеет в виду; но затем, сосредоточив внимание на паутине, она увидела все с пронзительной ясностью. Две наиболее яркие световые точки были, несомненно, изначальными любовниками (прошу прощения — *клиентами*), но связывавшая их нить оборвалась, оставив два одинаковой длины конца. Вокруг каждого из изначальных клиентов образовалась отдельная паутина, в которую оказался вплетен еще один клиент (очевидно, это и имелось в виду под вторичной связью), создав тем самым еще один самостоя-

тельный маленький очаг горя для покинутого любовника, которому приходилось поддерживать эту вторичную связь. Со стороны вся эта картина была совершенно очевидной и бесконечно подавляющей.

— Самым удивительным свойством конкретно этого рисунка, — говорил тем временем директор, — является то, что при надлежащих условиях он имеет тенденцию к бесконечному самоповторению. Он распространяется все дальше и дальше, дублируя сам себя снова и снова. — Он позволил себе слабый, сухой академический смешок. — Мы иногда даже говорим, что он живет собственной жизнью, хотя, разумеется, это не является верным в строгом смысле слова. Рано или поздно по той или иной причине последовательность нарушается, и развитие системы останавливается.

— Гм.

— Да, как ни печально, но это так, — вздохнул директор. — Лично мне эта конфигурация всегда приносит величайшее интеллектуальное удовлетворение. Не то что это, — прибавил он, тыкая указкой в другой сектор экрана. Джейн взглянула, и то, что она увидела, мгновенно напомнило ей то, что обычно происходит с дорогими колготками.

— Это, — сказал директор, кривя губы, — то, что мы называем ОРС-конвергенцией.

— Ага, — сказала Джейн. — И «ОРС» означает...

— Отель Разбивающихся Сердец, — ответил директор. — Это не очень широко распространенное явление, хотя в последнее время их количество возрастает, как я заметил.

Джейн всмотрелась в экран, и вновь ей все стало понятно. Она увидела одну большую голубую точку и множество мелких розовых, которые были оторваны от предназначенных им партнеров и притянуты к голубой, как железные опилки к магниту. Она непроизвольно нахмурилась; ей было знакомо это ощущение. Фактически у нее было сильное подозрение, что эта голубая точка ей знакома. Найджел какой-то там, из расчетного отдела...

— А вот здесь, — сказал директор, — находится главный компьютер, который мы используем, чтобы спланировать различные соединения и конфигурации, прежде чем нанести их на экран. Раньше, разумеется, мы выполняли всю работу вручную. Это делало жизнь невыносимо простой.

— Вы, конечно, хотели сказать «сложной», — поправила Джейн.

— Я имею в виду: для клиентов, — строго ответил директор. — Сами понимаете, что в те времена мы не могли обеспечить такую производительность; в результате чего еще пятьдесят лет назад повсеместно распространенной и наиболее часто встречаемой базовой конфигурацией была примитивнейшая ПВД/ПЦД/ЛДГ-Симплекс.

— Прощу прощения?

— Парень Встречает Девушку — Парень Целует Девушку — Любовь До Гроба, — перевел директор. — Их были миллионы, все скучнейшие и утомительные до невозможности, и все из-за того что у нас не было необходимой аппаратуры. Теперь, разумеется, дело обстоит совершенно по-другому, благодаря этому вот маленькому чудо-ящику. — Он благодарно похлопал по крышке компьютера. — Но это, конечно, только третье поколение. Вот если мы установим и запустим компьютер шестого поколения — тогда мы сможем распространить сеть нашего обслуживания на все смертное население поголовно.

— Гм.

— И несомненно, — добавил директор, — самое замечательное заключается в том, что компьютеру не нужен отдых. Что означает, что даже сейчас, когда Департамент закрыт и все разошлись по домам, наша маленькая черная коробочка не спит, а продолжает плести свою паутину, подталкивая клиентов к адюльтеру, все двадцать четыре часа в сутки... Ну что ж, — сказал он, выключая экран и закрывая пульт крышкой, — думаю, вы получили представление о том, какого рода работой мы тут занимаемся. Департамент у нас небольшой, но полагаю, не ошибусь, если назову его счастливым. — Он отстраненно смотрел поверх головы Джейн на потемневший экран. — Я всегда говорю, — продолжал он, — что это один из немногих департаментов во всей Службе, где ты можешь указать на конечный результат и положить руку на сердце с гордостью сказать самому себе: «Это сделал я». Да, — добавил он, — я уверен, что вам понравится работать у нас.

— Да уж, — мрачно подтвердила Джейн, — я тоже так думаю.

ОДИННАДЦАТЬ

Деревенский петух, пробудившись от сна, инстинктивно взглянул на небо и пустил петуха. Странно, сказала его генетическая память, обращаясь к моторным центрам.

Маленькая Хельга (которая быстро становилась Большой Хельгой, но обитатели деревни делали вид, что не замечают) зевнула, потерла глаза и отправилась в хлев на утреннюю дойку. Она уже почти пересекла двор, держа подойник в руке, но внезапно остановилась и выпучила глаза. Затем она уронила подойник и бросилась обратно в дом.

— Люди! Люди! — кричала она. — Сосед Бьорн уходит из деревни!

На кухне, в первый раз за всю историю семьи, воцарилась полнейшая тишина. Ну, не то чтобы полнейшая: Минушка, сделав шаг назад, наступила на хвост коту, с пронзительными вокальными последствиями, а также раздался громкий стук, когда Бабушка уронила разливательную ложку, но по крайней мере никто не говорил.

Маленькая Хельга, будучи маленькой, приняла их молчание за недоверие.

— Честное слово, — заторопилась она. — Я сама видела, как он поднимался по тропинке на холм и он держал на плече свой топор, а к топорису был привязан большой красный платок в горошек, а на другом плече он нес большой узел, и на нем был его кожаный жилет Ангелов Ада, который он надевает, только когда спускается в город, чтобы купить себе опьяняющей жидкости. А маленькая коричневая собачка пыталась увязаться за ним, но он все время останавливался и кидал в нее яблоками.

Снова молчание. Затем Прадедушка покачал головой.

— Это невозможно, — сказал он. — Никто никогда не уходит из деревни. Люди приходят сюда из большого мира, но они никогда не уходят обратно.

— Это потому, что у нас здесь идиллия, — пояснила Прабабушка с микроскопической долей сожаления в голосе. Она влюбилась в эту деревню с того самого момента, когда увидела ее в первый раз, шестьдесят два года назад, но до этого она жила в Чикаго, и не могла порою не вспомнить,

что в Чикаго, наряду с несомненным недостатком идиллии, весьма пеклись о санитарии и водоснабжении. — Весь смысл идиллии в том, что ты никуда не идешь.

— Ох, боже мой! — сказала Бабушка. — Если он уходит, это может означать только, что он был здесь несчастлив. Ах, бедняжка!

— Мы должны поговорить с ним, — твердо произнес Дедушка, поднимаясь из-за стола и вытаскивая из-за воротника салфетку. — Мы никогда не простим себе, если он уйдет, а мы даже не попытаемся остановить его.

— Если мы не сделаем этого, — поддержала его Бабушка, — мы покинем его в час нужды. А это будет значить, что мы плохие соседи.

Хельга, пригнув голову, выглянула из окна. Через него было непросто что-либо рассмотреть, поскольку невыразимо живописные стекла в частом свинцовом переплете были настолько перекошены почтенным возрастом, что свет проникал сквозь них лишь после жестокой борьбы.

— Поспешите, — озабоченно сказала она. — Он остановился, чтобы найти еще яблок, чтобы кинуть в маленькую коричневую собачку. Если вы поторопитесь, вы еще сможете нагнать его.

И вот Бабушка и Дедушка, и Прабабушка, и Минушка, и Маленькая Хельга, и Ленивый Олаф, и Маленький Торстейн выскочили из дома и побежали вверх по холму, на склоне которого Бьорн как раз вновь навелся на цель, зарядившись подходящим по аэродинамическим свойствам экзепляром «Грэнни Смит».

— Сосед Бьорн! — пропыхтел Дедушка, пытаясь восстановить дыхание. — Сосед Бьорн, неужели ты покидаешь нас, даже не сказав «прощайте»?

— Прощайте, — ответил Бьорн. — Довольны? — Яблоко поразило цель, и маленькая коричневая собачка, поняв наконец намек, удалилась, хромая, под дровяной сарай. Бьорн вскинул свой узел на плечо.

— Но почему? — спросил Маленький Торстейн. — Разве ты не был счастлив здесь, дорогой сосед Бьорн?

— Нет.

— Куда ты пойдешь? — запричитала Бабушка. — Что ты будешь делать?

Бьорн немного подумал.

— Прежде всего я собираюсь найти ближайший город, где есть хотя бы наполовину пристойный бар и кино, где крутят грязные фильмы. А потом...

— Почему он хочет смотреть грязные фильмы, Бабушка?

— Помолчи, Торстейн.

— Да, но, Бабушка, ведь если фильм будет грязным, то он не сможет ничего рассмотреть, и...

— Я сказала, помолчи!

— А потом, — продолжал Бьорн, — я собираюсь выяснить, что случилось с солнцем. Все удовлетворены?

Поселяне воззрились на него, словно он сошел с ума.

— Что ты имеешь в виду, сосед Бьорн? — спросил Ленивый Олаф. — С солнцем ничего не случилось. Солнце как солнце. Вот оно, посмотри.

Он повернулся и показал на небо. Как раз в этот момент на солнце наплзло покрывало облаков.

— Видите? — сказал Бьорн. — Там, где я раньше работал, это называли затычкой. Кто-то снова что-то наворотил, и теперь им приходится прикрывать это.

— Может быть, — ответил Дедушка. — А может быть, это просто значит, что скоро будет дождь, сосед Бьорн. Дождь — это хорошо. Благодаря дождю маленькие семена прорастают, ростки тянутся вверх и...

— Да знаю я, знаю, — раздраженно перебил Бьорн. — Я делал все это своими руками, ясно? И я мог бы порассказать вам такого насчет того, как это делается, что у вас волосы дыбом встанут, — добавил он. — Слушайте, просто поверьте мне на слово, ладно? Это не настоящее солнце. С настоящим что-то произошло, а то, что там висит, — подделка, понятно? Ну да ладно.

Он решительно повернулся, собираясь уходить. Маленький Торстейн размазал по щеке слезу.

— Не уходи, — всхлипнул он.

Бьорн слегка поколебался, но только ускорил шаги. Маленький Торстейн заревел во весь голос.

— Не уходи, *пожалуйста*, не уходи, — завыл он сквозь слезы. — Пусть даже ты иногда ворчливый и раздражительный, и у тебя никогда ни для кого не находилось доброго слова, и ты никогда никому не помогал, и никогда не гово-

рил спасибо, когда тетя Гретхен угощала тебя лепешками, и напивался по средам, и шатался по чужим дворам, и тебя тошнило на чужие клумбы, и ты жестоко обращался с животными, и топтал цветы вокруг водокачки, и никогда не ходил в церковь, и три года не платил взносы в Фонд помощи бедным, и парковал свою тележку на стоянке дяди Густава, и крал еду, которую мы оставляем на крыльце для бедного слепого мальчика, и жульничал в домино, и понапрасну срубил Бабушкину вишню, а когда она стала укорять тебя за это, ты обозвал ее грубым словом, и ты бросаешь пакетики из-под чипсов через заборы в чужие сады, а один раз ты наступил на мою игрушечную лошадку, и когда я заплакал, ты начал дразнить меня, и Хильда говорит, что у тебя манеры как у борова, и сорняки из твоего сада заволокли помидорные грядки дяди Карла, и ты налил водки в апельсиновый сок Большому Петеру на его свадьбе, и дядя Христиан клянется всем чем угодно, что ты передвинул заднюю ограду своего участка на три фута в его сад, и ты пририсовал усы Матери Пресвятой Богородице в маленькой белой часовне, но мы все равно любим тебя!

Наступило задумчивое молчание.

— Правда? — спросил кто-то сзади.

— А еще он как-то взял у меня велосипед без разрешения, — сказала Бабушка. — А когда я снова нашла его, вилка была вся погнута.

— А моя газонокосилка? — добавил Ленивый Олаф. — Когда я получу ее обратно, хотел бы я знать?

— И он так и не заплатил за разбитое окно.

— Слушает музыку на полной громкости в любое время дня и ночи!

— И заводит свою бензопилу, когда все люди отдыхают!

Дедушка наклонился, чтобы подобрать лежавшее у его ног яблоко.

— Убирайся! — крикнул он. — И не показывайся нам на глаза! Мы обойдемся и без того, чтобы такие как ты шлялись тут повсюду! — Яблоко полетело в Бьорна.

— А если он вздумает вернуться, — кровожадно добавила Бабушка, — мы спустим на него собак!

Маленькая коричневая собачка, выбравшаяся, виляя хвостом, из-под дровяного сарая, оскалила зубы и зарычала.

Бьорн, еще не добравшийся до вершины холма, пустился бежать.

* * *

— Да, она способная девушка, — сказал директор. — У меня, знаете ли, на нее большие виды. Нам в нашем департаменте нужны такие преданные делу, обязательные люди.

Секретарша фыркнула.

— Ой, смотрите, — сказала она. — Кто-то оставил в офисе свет на все выходные!

— Надо же, — ответил директор, ища в кармане ключ. — Впрочем, постоит-ка! Да здесь не заперто! Какого...

Он осторожно открыл дверь и прошел в рабочий кабинет.

— Доброе утро, — крикнула Джейн из-за пульта. — Я поработала здесь в выходные; надеюсь, вы не против? Вы были правы — когда в этом разберешься, все становится очень просто. И действительно, компьютер замечательно помогает. У нас был точно такой же там, где я раньше работала, только у этого, конечно, память мощнее. Вам нравится?

Директор не отрываясь смотрел на экран. Время от времени из его горла доносились слабые булькающие звуки.

Экран выглядел совершенно по-другому. Вместо замысловатых хитросплетений безнадежно запутанного узора на экране было нечто, больше всего напоминающее аккуратно связанную рыбацкую сеть.

— Что вы сделали? — каркнул директор.

— Я все упростила, — весело объяснила Джейн. — Так оно выглядит гораздо лучше, вам не кажется? Видите — все счастливы и любят друг друга до гроба!

— Но... — директор не мог подобрать слов. — Но, глупая вы девчонка, ведь эти любовники были предназначены друг для друга самим небом!

— Ну так что же, — отвечала Джейн. — Я переназначила их. И очень просто, — добавила она, закрывая пульт крышкой. — С течением времени жизнь станет намного легче, если людям не придется постоянно иметь дело с разрушительными эмоциональными кризисами. Вы знаете, сколько рабочих дней было потеряно за прошлый год в Совет-

ском Союзе¹ из-за эмоциональных травм? Я просматривала статистику. Четыре миллиона. А в Скандинавии...

Директор сполз на пол вдоль картотечного шкафа, тяжело дыша.

— Вы... переназначили их, — вымолвил он. — Это работа всей моей жизни, а вы... — он всхрипнул, как конь перед обрывом, и схватился за угол шкафа, ища опоры. Его секретарша прошла к своему столу и принялась точить карандаши.

— И еще, — продолжала Джейн, — я запрограммировала компьютер так, чтобы ничто не могло вывести их из этого состояния. Так гораздо проще, не правда ли, и к тому же гораздо эффективнее. Фактически теперь для этой работы понадобится лишь один штатный сотрудник на полной ставке, который будет приглядывать за тем, чтобы все шло гладко, и пара работников с неполной занятостью для работы с картотекой. Уверена, — безжалостно прибавила она, — что в бухгалтерии будут очень рады узнать об этом.

На огромном экране за ее спиной аккуратная упорядоченная галактика голубых и розовых точек мерцала в гармоническом согласии. По всей земле, от края до края, парень встречал девушку, целовал ее, и они немедленно отправлялись рука об руку выбирать шторы для ванной. Секретарша директора пожала плечами.

— Ну, — заметила она, — я бы сказала, теперь это выглядит чертовски более опрятно, чем раньше. Я никогда не могла разобраться во всех этих запутанных петлях и извилинах.

Директор оперся спиной на картотечный шкаф и снял очки.

— Мисс Фробишер, — проревел он голосом, подобным грому, — будьте столь любезны, соедините меня с Директором Штата, немедленно.

Но мисс Фробишер не слышала его. Она глядела во все глаза — и на ее лице было такое же выражение, как у Крепыша Кортеса, нашедшего на Пикадилли свободное место для парковки, — на электрика, только что вошедшего в приемную, намереваясь заменить лампочку в туалете. И он отвечал ей таким же взглядом.

¹ Книга была издана в 1993 году.

— Бинго, — прокомментировала Джейн. — Теперь вы видите, что я имела в виду под эффективностью.

Издав вопль ярости и муки, директор взгромоздился на ноги, потряс кулаком в направлении Джейн и вывалился за дверь, направляясь в Главное Здание. Следует отметить, что добрался он не дальше чем до бухгалтерии, где по воле обстоятельств оказался в одном лифте с довольно милой, материнского склада особой из отдела Пенсий. Когда три месяца спустя закончился их медовый месяц, он уволился с прежней работы и перевелся на место помощника библиотекаря в справочном отделе.

* * *

— Эта ваша протеже, — сказал Гангер, — у меня начинают появляться дурные предчувствия относительно всей этой затеи.

Штат поймал себя между третьим и четвертым слогом фразы «Моя протеже?» и задумался. В конце концов, он был уже не первый год в Службе, а в таких местах приучаешься ожидать подобных вещей. Как говорит старая каталонская поговорка: «Тот, кто решил жить с крысами, не должен приходить в возбуждение при виде отпечатков их лап на масле».

— Почему? — спросил он.

— Ну... — Гангер занял свою обычную позицию на краю стола. Очевидно, там, откуда он был родом, стулья считались совершенно *passé*¹. — Несомненно, она талантлива. Талантлива, да; а также инициативна, напориста, авторитетна, быстро ориентируется в ситуации и все такое. Но знаете, у меня постепенно складывается впечатление, что она слишком зарывается. Сначала эта ситуация с солнцем, теперь вся эта чепуха с переназначением влюбленных. Подумать только, за одну ночь стереть с лица земли целый департамент! Надо все же знать какие-то пределы, как вам кажется? Она приобретает слишком много врагов, и делает это слишком быстро.

Штат погладил подбородок резиновым наконечником карандаша.

¹ Старомодными (фр.).

— А это значит, что она приобретает врагов для нас, вы хотите сказать?

— Естественно, — Гангер взял со стола пригоршню скрепок и принялся соединять их в цепочку. — По крайней мере, служит источником сильного раздражения. Да мне ли вам это объяснять!

Они некоторое время молчали, обдумывая положение.

— Финансы и Общие Направления улыбнулся мне позавчера в коридоре, — произнес наконец Штат. — Я провел все утро, обыскивая этот кабинет в поисках спрятанных микрофонов.

— И что, нашли?

— Нет, — отозвался Штат. Затем, поднеся палец к губам, он взял со стола пустую кофейную чашку, перевернул и накрыл ею кнопку вызова на краю стола. — Да, — продолжал он. — Шесть штук. Этот я оставил, чтобы они думали, что облапошили меня.

— Я бы не стал из-за этого волноваться, — улыбнулся Гангер. — Конечно, они поставили жучков в каждом кабинете этого здания... да, кстати, если вы нашли только шесть, то здесь где-то должны быть еще три, я тут поговорил с этим пареньком Винсом из Снабжения... Но здесь не о чем беспокоиться.

— Не о чем... — Штат снизил голос до шепота. — Не о чем беспокоиться? — прошипел он. — Да имеете ли вы представление...

Гангер пожал плечами.

— Здесь все упирается в персонал, — сказал он. — Подумайте сами. Вот вы обвешали комнату жучками. Для того чтобы это имело хоть какой-нибудь смысл, прикиньте, сколько народу вам понадобится. Для каждого кабинета вам будет нужен прень, который будет прослушивать, и еще два парня, которые будут записывать, и еще один, который будет разбираться в записях и выделять желтым фломастером все подозрительные места. При таких размерах организации речь здесь идет о штате, может быть, в двадцать тысяч человек. А знаете, сколько человек работает в Безопасности? Четверо, и один из них стажер. Все, что они могут, — это бродить по кабинетам и ставить жучки и, может быть, чинить их, когда они ломаются, или ставить новые, когда

их находят; и даже при этом у них стоит очередь на шесть лет вперед. Никто не успевает *слушать*.

— Гм. — Штат минутку подумал, потом несколько стыдливо убрал кофейную чашку. — Тем не менее, — сказал он.

— Вот именно, — отозвался Гангер, наклоняясь вперед. — Тем не менее. Мы просто не можем себе позволить давать этим ребятам лишние поводы для подозрения, а эта ваша сумасшедшая девчонка...

— Она не моя, — не мог не вставить Штат. — Это ведь вы нашли ее, вспомните.

— Ну, может быть, и так, но...

— И изводили ее, пока она не согласилась.

— Хорошо, хорошо, мы говорим о мелочах. Это была в той же мере и ваша идея. Вы не остановили меня. — Лицо Гангера было нахмурено; это выражение совершенно не шло ему, словно Чингисхан вдруг надел смокинг. — Но это не меняет того факта, что мы должны быть осторожны, и вы, и я. Это хорошая идея, давайте же не портить ее.

— Это я предложил послать ее в Архив, — указал Штат. — И именно вы позаботились о том, чтобы она была под рукой, когда украли солнце. По правде говоря, я не до конца уверен... — он оборвал себя, поняв, что думает вслух.

— Разумеется, — ответил Гангер. — Это я подкинул парнишкам эту идею. Нам было нужно новое солнце. Со старым было чертовски много проблем. — Он еще больше наклонился вперед. — Теперь вы видите, во что вы впутались, а?

Штат приподнялся на сиденье, затем сел обратно.

— Вы безумец, — проговорил он. — Зачем вам могло понадобиться проделывать подобную вещь?

— Не ваше дело, — нахально ответил Гангер. — Перед моим департаментом стоят задачи, затрагивающие и другие департаменты. Мне приходится заниматься несколькими делами одновременно.

— Разве это объяснение?

— Да. Поверьте мне.

— Ох, — Штат откусил резиновый кончик своего карандаша и выплюнул его. Он всегда начинал нервничать, когда люди из этого конкретного департамента просили его поверить им; у него перед глазами тут же непроизвольно вставала картина — с тех пор прошло уже немало лет, — когда

один из них точно так же сказал: «Поверь мне, ну же, давай, съешь это чертовое яблоко!» Разумеется, ничего подобного не могло бы случиться сейчас, когда у них был Новый Завет, а смертные стали так утомительно недоверчивы; но старые привычки долго живут. — Я думаю, — решительно сказал он, — что мы должны прикрыть это дело. Вы правы, — быстро добавил он. — Вы убедили меня.

Просто замечательно, насколько Гангер был захвачен врасплох.

— Подождите, подождите, — проговорил он. — Я не говорил, что мы должны прикрывать это дело. Я сказал лишь...

Штат распространил по своему лицу озадаченное выражение.

— Вы сказали, что она становится помехой. Я согласен с вами. И кстати, чего ради вздумалось вам соглашаться на все эти ее требования — жалованье и все остальное? Не забывайте, что ее едва успели внести в ведомости как стажера.

— Подождите минутку. — Гангер был несколько смущен, его улыбка таяла и капала с одного угла рта, как повидло из надкушенного пирожка. — Я ничего не мог поделать, — признался он. — У девчонки оказался довольно сильный характер. Она вроде как наехала на меня.

— Понимаю, — кивнул Штат. — А теперь, как видно, ей пришло время наехать на кого-нибудь другого.

Снова молчание. В углу комнаты, совершенно никем не замеченный, один из скрытых микрофонов вышел из строя и начал передавать на свою приемную станцию сводку погоды радио «Би-Би-Си».

— На кого, например? — осторожно спросил Гангер. — Мне кажется, вы что-то задумали.

— Я? — Штат очень похоже воспроизвел на своем лице выражение испуганной невинности. — Я никогда ничего не задумывал за всю свою жизнь. Мне просто пришло в голову, что если она все равно навлекла на себя враждебную критику в определенных кругах, то возможно, настало время нам спустить ее на ее критиков. Как вы полагаете?

— Я не знаю. — Гангер встал и подошел к окну, неумышленно наступив на другой скрытый микрофон и раздавив его в лепешку. Этот экземпляр был установлен стажером, которому никто не сказал, что их надо ставить туда, где

на них никто не наступит. — Это может только обострить ситуацию, вам не кажется? Последнее, что нам сейчас надо, это вызвать конфронтацию.

— Разве?

— Ну, во всяком случае, конфронтацию подобного рода. — Гангер начинал проявлять признаки сильнейшего напряжения, что означало, что он выглядел в точности как обычно, но шнурки на его ботинках, развязавшись сами собой, начали вновь сплетаться в фантастически замысловатые узлы. — Но как бы то ни было, что вы имели в виду?

Штат улыбнулся; по крайней мере, он раздвинул губы по лицу, как занавес старомодного театра с просцениумом и аркой.

— Ничего особенно драматического, — сказал он. — Я просто думаю, что если девочка так замечательно доказала свои способности на полевых испытаниях, то почему бы не попробовать ее в администрации? В конце концов, — небрежно добавил он, — она вряд ли сумеет причинить много бед, весь день сидя за письменным столом, правда ведь?

— Не знаю, — ответил Гангер с непроницаемым лицом. — А вы думаете, сумеет?

Штат откинулся на спинку кресла и свел вместе кончики пальцев. Он был доволен.

— Давайте посмотрим, — произнес он. — Да, и кстати.

Когда ты работаешь в организации, где чтение мыслей является скорее нормой, чем исключением, ты не можешь не замечать тончайших нюансов в тоне собеседника, так же как телефон не может игнорировать тот факт, что всегда находятся люди, желающие поговорить посредством него, независимо от того, в настроении он или нет.

Лицо Гангера оставалось непроницаемым, но один из его шнурков внезапно лопнул сам по себе.

— Да? — сказал он.

— Раз уж мы заговорили о жучках.

— М-м?

— Я вчера ходил к психиатру, — сказал Штат. Он дождал какого-нибудь шутивого замечания от своего собеседника и, не дождавшись, продолжил. — Я сказал ему — вообще-то это был чистый вымысел, — что в последние несколько недель у меня появилось необычное ощущение,

будто кто-то читает мои мысли. Прямо в моей голове, сказал я ему. Я, разумеется, не ждал, что он примет это всерьез, но он принял.

— Кто бы мог подумать, — пробормотал Гангер.

— Ну, правда, это не из тех работяг, что работают на поток, — признал Штат. — Он, можно сказать, главный психоаналитик нашего департамента, так что он привык к подобным вещам, могу себе представить. И знаете, что он предложил мне сделать?

Гангер просиял.

— Откуда мне знать! — воскликнул он. — Давайте говорите.

— Он сказал, — продолжал Штат, что это состояние не так уж редко встречается среди работников нашего профиля. Он сказал — это его точные слова, заметьте, — что единственной странностью во всем этом является то, что я это вообще заметил. Забавно, не правда ли; ведь я выдумал все это. Что вы скажете?

— Да, весело.

— В любом случае, — продолжал Штат, — он рассказал мне, что, как я понял, в одном из наших департаментов или, по крайней мере, в одном из департаментов какой-то организации, непосредственно связанной с нами, была разработана технология ментального прослушивания, позволяющая им следить за тем, что думают их коллеги. Довольно неудобное заявление, если это так.

— Мои волосы встают дыбом, — сказал Гангер. — Продолжайте, прошу вас.

— О, не стоит так тревожиться, — ободряюще отозвался Штат. — Оказывается, у этой проблемы есть очень простое решение. Ребята из исследовательской лаборатории натолкнулись на него почти сразу же. Все, что от вас требуется, — это сделать *вот так*, и... Эй, с вами все в порядке?

Гангер, который сидел прямой как доска, с лицом блее пресловутого листа бумаги, с трудом кивнул головой. Штат заметил, что его волосы и в самом деле стояли дыбом.

— Простите, что вы сказали? — спросил он. — Я не расслышал.

— Ййййа сссскказал, дддда, все отттлллииччно, ссспппппасибо, — прошипел Гангер. Его глаза налились

- Гм.
- Ну, всего вам хорошего.
- Чао.

* * *

— Профитроли?¹ — сказал Лорд Верховный Кардинал. — Я хочу жить долго.

Граф Главный Конюший подмигнул ему.

— Бросьте, — сказал он. — Хоть один раз пошлите все к чер... — он осекся. — Бросьте, — повторил он. — Завтра съедите салат, только и всего.

Лорд Верховный Кардинал пожал плечами.

— Вы уговорили меня. Или вот еще есть *zuppa inglese*².

— Ну что вы! Это для худосочных людей. Давайте, решайтесь.

— Ну ладно.

— Отлично, — проговорил Граф Главный Конюший. — Итого шесть профитролей. Эй, Роза, шесть профитролей за наш столик.

— Сейчас будут, — отвечала сестра Императора. — Только дайте мне одну минутку, ладно? Мы сегодня опять без прислуги.

Его Светлость Пфальцграф пощелкал зубами.

— Вам надо избавиться от этой девчонки, — заявил он. — Вам нет от нее никакой пользы.

Роза наградила его испепеляющим взглядом — одним таким взглядом можно избавить огород от вредителей или отчистить застарелый жир от стенок давно не мытой духовки.

— А вы знаете, как трудно найти прислугу, даже самую что ни на есть никудышную, в это время года? Не знаете. Так позвольте мне самой делать свое дело, хорошо?

Она выбежала из зала, сгибаясь под зиккуратом немых тарелок. Избиратели вздохнули.

— Она работает слишком много, — высказался Лорд-Казначей.

¹ Вид пирожного.

² Суп по-английски (*um.*).

— Стыд и позор, — сказал Граф Главный Конюший. — Мы должны найти для нее подходящую официантку.

Граф Саксонского Берега хмыкнул.

— По мне, так пойдет кто угодно, лишь бы это хоть немного улучшило здешнее обслуживание. Если так подолгу ждать следующей перемены, можно и язву заработать.

Спичка вспыхнула у конца восьмидюймовой сигары.

— В этой жизни надо следить за своим здоровьем, — произнес Лорд Верховный Кардинал, — поскольку никто не станет делать это за тебя. — Он изрыгнул облако дыма, как дракон, у которого нелады с карбюратором, а остальные Избиратели тайком переглянулись. У них было беспокойное ощущение, что Лорд Верховный Кардинал только что изрек высказывание *ex cathedra*¹, в каковом случае кому-нибудь следовало его записать. — Ну, как бы то ни было, — оживленно продолжал он, — за дело.

Избиратели подавили целый набор вздохов и зевков. Деловой ланч, по их мнению, был поистине замечательной вещью, но далеко не настолько замечательной, как обычный простой ланч, безо всяких дел. Однако перед ними был их Долг.

— Что ж, — произнес Лорд-Казначей. — Я сделал подсчеты вчера вечером, и они выглядят очень неплохо. Наш доход... — он запустил руку в карман жилета, достав оттуда очки и вчерашнюю карту вин, — наш доход составляет семнадцать запятая четыре четыре шесть четыре четыре миллиона крейцеров; расходы — семнадцать запятая четыре четыре шесть три девять миллионов крейцеров; резервный капитал ноль; доход, переведенный на счет капитала ноль; фиксированные активы ноль; краткосрочные задолженности ноль; подписанный баланс пятьдесят крейцеров; переведено на наличный счет пятьдесят крейцеров. Каково?

Его Светлость Пфальцграф нахмурился.

— Что все это значит, Тони? — спросил он.

— Это значит, — с усмешкой отвечал Казначей, — что сегодня мы можем позволить себе оставить чаевые.

Избиратели одобрительно закивали, а Лорд Верховный Кардинал прочистил горло.

¹ С кафедры (лат.).

— Дальше у нас обзор политики, ребята, — сказал он. — Кто-нибудь хочет что-нибудь сказать о нашей политике?

— Я считаю, что у нас классная политика, Роки. Ты что скажешь, Тони?

— Да, Роки, у нас политика что надо. Куда запропастилась эта чертова толстуха с треклятыми профитролями?

— Хорошо, — Лорд Верховный Кардинал поставил карандашом маленькую галочку на оборотной стороне меню. — Так, что у нас еще? О черт, я забыл замечания к протоколу предыдущего совещания. Кто-нибудь вел протокол на предыдущем совещании?

— Не-а.

— Ну и ладно, будем считать, что все одобрили. — Лорд Верховный Кардинал поднял брови и почесал их кончиком карандаша. — Что ж, у нас остались только Другие Вопросы, ребята, — сказал он. — Впрочем, погодите-ка, — прибавил он, увидев Розу, входящую с подносом в руках, — вот и они, наконец.

Покончив с Другими Вопросами — Граф Саксонского Берега даже позволил себе Дополнительные Другие Вопросы, заказав поверх всего взбитые сливки, — они некоторое время сидели, размышляя и тяжело дыша, пока прибытие кофе не призвало их к следующему пункту повестки дня.

— Дата следующего совещания, — произнес Лорд Верховный Кардинал. — Против четверга никто не возражает? — Избиратели закивали. — Ладно, тогда в четверг, в двенадцать пятнадцать. Заседание объявляю закрытым. Эй, Роза, а где зубочистки? У меня под мостом застрял здоровый хрящ из телятины. Ты что, хочешь, чтобы я задохнулся?

Кофе по традиции вкушался в молчании, или по крайней мере не сопровождался членораздельными высказываниями, чтобы дать Избирателям возможность поразмыслить над принятыми в ходе встречи решениями и по необходимости пересмотреть их или дополнить капелькой бренди или глотком граппы. В эти минуты за их столом как никогда воцарялось спокойствие, столь необходимое в бурной жизни монументально важного государственного сановника. Иногда, впрочем, случались казусы, нарушавшие его; например, когда сестра владельца заведения, споткнувшись, вываливала полную тарелку *tagliatelli verdi* на колени Графу Саксонского Берега.

— Уй! — взвыл Граф. — Ты с ума сошла, чертова дура, мне же горячо!

— Прошу прощения, — небрежно ответила Роза. Наклонившись, она начала вилок переключать tagliatelli с колен Графа обратно на тарелку. — Считайте, вам повезло, что здесь только топленое масло и сырный соус. Если бы это был соус бешамель, вот его вы бы в жизнь не отскребли с такого светлого легкого костюма.

Лорд Верховный Кардинал поднял похожую на мохнатую гусеницу бровь.

— На тебя это не похоже, Роза, — произнес он. — Тебя что-то тревожит?

— Эта официантка, — вздохнула Роза. — Эта так называемая официантка. Она просто позвонила и сказала, что увольняется. Потому что она, видите ли, выходит замуж и переезжает в Сизтл. Некоторым людям просто нет дела до других.

Она поспешила прочь, чтобы принести нагретое полотенце. Избиратели переглянулись.

— Выдвигаю предложение, — произнес Его Светлость Пфальцграф. — Найти Розе новую официантку. Кто за?

— Я за, — угрюмо отвечал Граф Саксонского Берега. — И как можно скорее. Я предпочитаю носить пищу внутри, а не снаружи, знаете ли.

— Ну хорошо. — Его Светлость Пфальцграф нахмурился. — У кого-нибудь есть кто-нибудь на примете? Только чтобы подходящий. Ответственный, честный, сообразительный, работающий, эффективный. Твердо стоящий на ногах, — прибавил он. — С хорошим чувством равновесия и все такое.

В наступившем молчании солнце, внезапно прорвавшись сквозь плотную завесу облаков, которая закрывала его уже около недели, на мгновение блеснуло и тут же снова скрылось из виду. Краткая вспышка света из окна, по-видимому, породила в Лорде Верховном Кардинале и внутреннее озарение, поскольку он неожиданно хлопнул в ладони и довольно их потер.

— Ребята, — сказал он. — Я знаю как раз такого человека.

* * *

Джордж сел за пульт, пристегнул ремни безопасности и включил интерком. Тот ответил привычным треском.

— Гелиос-один — Контрольному Центру, ответьте, прием, — произнес он, хотя и без особой убежденности. «Старую собаку! — вопила каждая клеточка его существа. — Новым трюкам!»

— Контрольный Центр — Гелиосу-один, даю разрешение на начало предстартовой процедуры, повторяю, даю разрешение на начало предстартовой процедуры, отсчет пятнадцать, один-пять, минут, прием.

Джордж что-то пробурчал. Он не любил разговаривать с компьютером; при этом чувствуешь себя как-то странно, словно говоришь сам с собой. Разговаривать с самим собой — значит двигаться вслепую, так говорила его мама. Он мигнул.

Да, он не мог не признать, многое здесь было более совершенным. Для начала, все системы работали. Когда ты хотел повернуть влево, ты просто двигал джойстиком; тебе не приходилось наваливаться на него всем телом, упираясь спиной в борт кабины. Фактически можно было даже не двигать джойстиком: какая-то штуковина под названием «автопилот» делала это за тебя. «Интересно, — обиженно пробормотал Джордж, — сколько ему платят в неделю. Небось тоже внештатнику».

— Гелиос-один — Контрольному Центру, — монотонно заговорил он. — Начинаю предстартовую контрольную программу, прием. — Он произнес это примерно с той же степенью выразительности и вовлеченности, с какой насильно обращенный ацтек мог бы читать мессу на латыни и примерно настолько же понимал, о чем идет речь. Но, разумеется, это было не важно; вместо того, чтобы смотреть, как какой-нибудь безмозглый стажер пляшет по гудрону, пытаясь раскрутить пропеллер, чтобы завести машину, теперь от него требовалось лишь нажать кнопку. При условии, конечно, что он помнил, какую кнопку. Их здесь было полным-полно, и все совершенно одинакового красного цвета.

А, ладно. Если она начнет выкобениваться, всегда можно спросить у автопилота.

Он по привычке пошарил под сиденьем в поисках своего термоса, но тут же вспомнил, что в этой сияющей новенькой кабине не предполагается маленьких полочек и укромных уголков, куда так удобно прятать личные вещи. Вместо

этого здесь была система наблюдения и поддержки жизнедеятельности пилота, которая каждый раз без промаха выплескивала на него чашку теплой коричневой жидкости, когда он проходил самый сложный участок около 10.45 утра. «Пора увольняться, — сказал он себе. И добавил: — Если только мне позволят».

— *Контрольный Центр — Гелиосу-один, стартовое время по графику минус четырнадцать, один-четыре, минут, прием.*

«Жаль, — продолжал размышлять Джордж, — что Малыш так вот взял и смылся. У кого действительно был талант к этой работе, так это у Малыша. Интересно, где он сейчас? В Общественном Клубе ходили слухи, что он вообще ушел из Службы и устроился работать где-то у смертных. Правда, нынче так говорят про любого, кто пропадает с горизонта больше чем на неделю. Может быть, теперь Малыша переведут обратно, раз уж они сподобились купить эту новую модель. У этого парня природный дар, он может летать на чем угодно, если ему дать время попрактиковаться, и при условии, что никто не станет обращать внимания во что он врежется, пока практикуется.

По мере того как приближалось время старта (что было плохого, кстати, в том, чтобы называть это восходом? Восход — классное слово; да и вообще, чувствуешь себя малость тронутым, говоря о розовоперстом старте или о том, что старт разгорается как пожар), что-то маленькое, но твердое, словно шарик в пинбольной машине, начинало кататься взад-вперед в голове Джорджа; и, возможно, именно слабый толчок, когда гигантская машина плавно поднялась в воздух, и придал этому шарiku необходимый импульс, чтобы закатиться в ямку. Как бы то ни было, но он туда закатился. Клинок!

В этой машине что-то было очень неладно, и никто не замечал этого. Но что?

Джордж переключил интерком на передачу.

— Гелиос-один — Контрольному Центру. Высота пятьсот тысяч, пять-ноль-ноль тысяч метров, набираю высоту, все системы функционируют, прием.

Он положил микрофон, оглянулся, чтобы убедиться, что никто не смотрит, и выключил автопилот.

— Не обижайся, старина, — объяснил он. — Ты работаешь как надо, но знаешь ведь, как оно бывает. Я все время чувствую себя дерьмовым пассажиром.

Он взялся за джойстик и инстинктивно перевел его в правильное положение. Моментально он ощутил крохотную разницу в ощущении машины. Пинбольный шарик покатался в своей ямке и снова угнездился в ней; и на заднем плане в мозгу у Джорджа зажглись разноцветные огоньки, которые кричали: «Призовая игра!»

Она замедлялась. С того самого момента, как он перевел ее на ручное управление, она начала замедляться.

Джордж посмотрел на землю через стекло кабины. После сотен лет полетов на мануалке на старом солнце он мог оценить свою скорость, просто глядя на землю, в то время как его мозг проделывал множество подсознательных молниеносных вычислений. Он *знал*, что летит с нужной скоростью, просто по тому, как тени деревьев внизу укорачивались и снова удлинялись по мере того, как он пролетал над ними. И однако он *знал* и то, что теряет скорость. Это ощущение было невозможно спутать ни с чем в мире; как плуре из брюквы, оно было единственным и не похожим ни на что другое. Что означало...

— Черт меня побери, — проговорил Джордж и непроизвольно хихикнул. Это показывало только, что не выйдет ничего хорошего, когда начинаешь лезть в дела, в которых ничего не смыслишь.

Это объясняло все: жухнувшие посевы, капризное поведение приливов, тот факт, что Полярная звезда находилась на полпути за Кассиопеей, выжженные пятна по всей левой стороне пустыни Калахари, то, как его жена в последнее время выглядела удивленной, когда он возвращался с работы.

Треклятые придурки запустили его слишком быстро.

ДВЕНАДЦАТЬ

Затрезвонил будильник. Джейн простонала, потеряла глаза и протянула руку, намереваясь ухватить источник этого кошмарного шума и придушить его. Затем включилась ее память, и она простонала еще раз.

Было утро, и ей надо было вставать и идти на работу.
Проклятье!

Она почистила зубы с методичностью только что собранного робота, причесалась и взглянула на себя в зеркало.

— Привет, — сказала она. — Я Джейн, и я помогаю крутить Вселенную.

Этим утром это звучало нисколько не лучше, чем вчера. Она пожала плечами, высморкалась и пошла посмотреть, не заглянула ли к ней среди ночи Фея Утюга и не перегладила ли она ожидавшую ее кучу блузок.

Не заглянула. Досадно.

В глубине гардероба она отыскивала висевшую там и выглядевшую так, словно она была мертвой на протяжении уже значительного времени, блузку с воротничком как у принцессы Дианы, которую мама подарила ей к Рождеству еще в те дни, когда можно было купить зажаренного целиком быка, посмотреть, как травят медведя, и после этого у тебя оставалось еще полгрота¹ мелочи.

С другой стороны, сказала она себе, это единственная чистая блузка, которая у меня есть.

Итак, она надела ее, вместе с еще несколькими вещами, купленными по дешевке на распродаже, которые она отыскала в углу шкафа, и прошлепала в кухню, чтобы съесть кусок тоста и выпить чашку чая. На полу под ее ногами похрустывало.

— Ладно, ладно, — сказала она вслух, — я вымою тебя сегодня вечером, если сейчас ты заткнешься.

«Впрочем, вряд ли я сделаю это, — сказала она про себя, стоя в ожидании, пока закипит чайник. — Я буду слишком вымотана». А вообще-то, казалось бы, люди, которые раскручивают вселенные, вправе ожидать, что кто-нибудь будет делать за них их домашнюю работу. Вроде бы нигде не сказано, что *«на восьмой день Он перестелил белье, вымыл микроволновку и пропылесосил комнаты»*, так ведь?

Должно быть, дело в том, что Он — это Он.

Из тостера выползла струйка дыма, и она вздохнула. «Фирменное блюдо этого дома, — пробормотала она, — тосты á la Pucelle». Она схватила нож и принялась скрестить, пока

¹ Грот — средневековая английская мелкая монета. (Прим. пер.)

не была вознаграждена большой кучей черного угольного порошка и примерно четырьмя квадратными дюймами тоста.

«Удовлетворение от работы, — сказала она себе, — вот что я получаю взамен. Вот это самое замечательное ощущение, что ты делаешь мир немного лучше. И мир *действительно* становится немного лучше. По крайней мере, должен становиться».

Штат объяснил ей все насчет этого. Да, конечно, она одним движением разгладила все неровности личных человеческих взаимоотношений, но, разумеется, здесь все было не так-то просто. Встроенная в компьютер защитная программа замедлит процесс настолько, что потребители даже не заметят, что что-то изменилось. Не годится, чтобы потребители что-то замечали, — они становятся беспокойными, начинают верить во всякую чепуху, у них падает моральный уровень. «Так что, — горько размышляла она, — они будут счастливы, даже не осознавая этого, а следовательно, будут продолжать быть такими же несчастными, как и прежде».

— Да, — сказала она чайнику, — но мне удалось заставить их заменить солнце, не забывая. То есть...

Чайник посмотрел на нее, не говоря ни слова. Здесь нечего было говорить. Она отвела взгляд и занялась распределением кусочка твердого, как камень, масла по фарфорово-хрупкой пластинке тоста, пытаясь не раздавить ее при этом в крошку.

Ей нечего было показать людям. Впрочем, чем меньше у нее будет что показать, тем лучше. Так что ее работа, можно сказать, была успешной более чем на сто процентов.

— Черт бы побрал все это, — в сердцах крикнула она кухонным часам. — Если бы у меня были хоть какие-то мозги, я бы вернулась на работу к Бэрриджу. По крайней мере, там я могла быть уверена, что уйду домой в пять тридцать.

«Тик-так», — сказали часы.

«Очень много от вас помощи, — подумала она. — Однако, мне приходится говорить с вами, потому что если я начну говорить сама с собой, это будет означать, что я схожу с ума».

Она смахнула последние крошки обгорелого тоста в мусорное ведро, сделав мысленную заметку попытаться купить сэндвич на станции. Станция... Да, теперь она ездила на работу по-другому: автобус до Ватерлоо, поезд на Солс-

бери, пересадка в Эймсбери, автобус до Стоунхенджа и оттуда перемещение во плоти прямо в ее кабинет. Если, конечно, путейщики не бастовали, а иначе ее относило к Облаку Непознанного, откуда ей приходилось ловить такси.

— И ты тоже можешь заткнуться, — рявкнула она таймеру на яйцеварке.

Где-то на задворках ее разума, затерявшийся среди полузабытых дней рождения и догнивающих обрывков школьной математики, хилый и безбожно низко оплачиваемый сотрудник, нервно кашлянув, предположил, что, возможно, в самой основе всей этой затеи есть какая-то неправильность. «Либо ты работаешь на земле, — сказал он, — и крутишься в этом колесе, но, по крайней мере, ты остаешься человеческим существом и занимаешься вещами, доступными человеку (и кроме того, еще гладишь белье); либо ты работаешь в Эмпирее, и тогда тебя уже не должны заботить мирские материи. И вообще, раз уж мы об этом заговорили, — добавил он, беспокояно оглядываясь через плечо, — не знаю, как тебе, а мне кажется, что во всей этой работе есть что-то крайне подозрительное; она ведь действительно совершенно не окупает себя, поскольку...»

Он бы долго еще распространялся на эту тему, но внезапно что-то большое, пантероподобное и очевидно чуждое выпрыгнуло откуда-то из тени на краю ее подсознания и одним движением откусило ему голову. Маленькая группка мыслей, собравшихся вокруг, чтобы послушать, моментально рассосалась. Несколькими долями секунды позже появились странные молчаливые фигуры в черных спецовках и прибрали место происшествия.

«Посуду помою, когда приду, — сказала себе Джейн. — Боже мой, надо спешить. Как бы не опоздать на работу!»

* * *

— Тебе понравится работать здесь, — говорил ей Штат. — Место спокойное, расслабляющее. Никакого давления, никакой нервотрепки, ничего подобного; обычная простая канцелярская работа и администрирование. Тебе, наверное, хочется отдохнуть после всего этого... э-э... после недавних переживаний.

Телефон зазвонил снова. Джейн показала ему язык, потом сняла трубку.

— Это Фил из Аудита, — злобно прохрипела трубка. — Слушайте, когда вы спустите наконец проекты на 1998 год? Вы обещали их еще две недели назад, у нас из-за вас работа стоит!

Джейн вздохнула и заговорила монотонным речитативом, как автоответчик:

— Меня зовут Джейн, я работаю здесь всего неделю и не имею ни малейшего представления о том, что я должна делать и что здесь вообще происходит. Если вы не сочтете за труд объяснить мне, что конкретно вы хотите, чтобы я сделала, я примусь за это сразу же, как только смогу. Благодарю вас. — И затем, не удержавшись — можно было бы сказать, что ее черт подтолкнул, если бы это не порождало двусмысленные ассоциации в существующем контексте, — добавила: — Би-ип, — и принялась ждать ответа.

Как обычно, последовала ошеломленная пауза примерно на три четверти секунды.

— Слушайте, — сказал голос, — мне это надоело. Если эти графики не будут у меня на столе в полпятого вечера, я начну принимать меры, ясно?

В трубке раздались короткие гудки. Джейн пожала плечами, положила трубку и вновь обратилась к горе бумаг, громоздящихся перед ней. Бумаги были всех возможных цветов и оттенков, они были покрыты типографским шрифтом, машинописью и текстом, написанным от руки (торопливым, полуразборчивым и абсолютно одинаковым во всех конторах по всему Мирозданию), на всех возможных языках и наречиях, которые, как ни странно, Джейн могла читать и понимать без всякого труда. Единственной проблемой было то, что ни одна из них не содержала никакого намека относительно того, что она собой представляет и что с ней нужно делать, не считая, разумеется, тех, на лицевой стороне которых было отпечатано «СРОЧНО» (а время от времени даже «ОЧЕНЬ СРОЧНО!!!») красной штемпельной краской. Очевидно, подразумевалось, что по поводу этих бумаг Джейн должна вообще вылезти вон из кожи.

Телефон зазвонил снова.

— Это Сильвия из Подножия Столпа, если вы сами не догадались, — сказал голос. — Мы все еще ждем. Сколько вам нужно времени, чтобы закончить?

— Меня зовут Джейн, я работаю здесь...

— И вот еще что, — продолжал голос. — Вы клятвенно обещали, что отдадите мне справочник, когда закончите с ним, и с тех пор прошло уже три недели. И знаете, что я думаю? Вы просто снова потеряли его!

— ...всего неделю и не имею ни малейшего...

— Дорогая моя, только не надо вешать мне лапшу на уши. Если через сорок пять минут я не увижу его *здесь*, на моем столе, *вместе* с отчетами, разложенными по датам, я буду подавать голубой бланк. Простите, если это звучит как угроза с моей стороны, но вы сами не оставляете мне выбора.

Короткие гудки. Пожатие плечами. Итак — что, во имя всего святого, может означать вот эта огромная зеленая простыня? Где у нее верх, для начала?

— Простите...

Джейн удивленно обернулась. Не считая неизвестных разъяренных душ на другом конце провода, никто, кроме девушки, разносившей чай, не заговаривал с ней с тех самых пор, как она здесь появилась. Большую часть времени другие люди, находившиеся в этом длинном, гулком зале, были заняты тем, что оралы в телефонные трубки и швыряли их обратно на рычаг. Она подозревала, что это и были те самые люди, которые названивали ей.

— Простите, что беспокою вас, но не могли бы вы объяснить мне хоть что-нибудь? Видите ли, я здесь новенькая...

Обратившаяся к ней особа, когда Джейн смогла ее рассмотреть, оказалась маленькой худенькой женщиной, выглядевшей так, словно она в последний раз ела еще в те времена, когда в столовых подавали жаркое из мамонта. Скорее всего, где-то за этими очками действительно скрывалось лицо, но скорее всего, оно не имело сколько-нибудь серьезного значения. Джейн ощутила короткую вспышку симпатии.

— Я попробую, — сказала она, — но, честно говоря, сомневаюсь в результате. Видите ли, я и сама здесь новенькая, и никто не сказал мне...

— О, но вы все же должны знать больше меня, — прервала девушка. — Понимаете, я здесь всего два года... и...

Она осеклась на полуслове. Очевидно, ей не понравилось, как смотрела на нее Джейн — как шпагоглотатель-дилетант, которому выдали бензопилу.

— Два года? — проговорила Джейн. — И вы до сих пор...

— Не имею даже самого туманного представления о чем-либо; боюсь, что это так, — ответила девушка, очевидно глубоко стыдясь самой себя. Об этом можно было догадаться по тому, что ее ногти были наименее розовой ее частью.

— Но... — Джейн взяла себя в руки. — Но, ради бога, чем же вы занимаетесь целыми днями? Я имею в виду — должны же вы что-то делать?

Девушка кивнула.

— В основном, — сказала она, — я отвечаю на телефонные звонки. Но у меня не очень здорово получается, потому что я никогда не знаю, что ответить на те вопросы, которые мне задают. Я немного тревожусь из-за этого. Там есть такой Даррен из какого-то места под названием «Бюджетное Проектирование», так он звонит мне каждый день вот уже восемнадцать месяцев и...

— Знаю, — перебила Джейн. — Он хочет, чтобы все было на его столе к двум пятнадцати — или он что-нибудь сделает.

Девушка благодарно улыбнулась.

— Да, — сказала она, — это он!

— И вешает трубку, так и не сказав что.

— Точно!

— Прекрасно. — Джейн медленно и глубоко вздохнула. — И никто из тех, кого вы спрашивали, не смог помочь вам?

Девушка нахмурилась.

— Вообще-то я больше никого и не спрашивала, — ответила она. — Понимаете, они все выглядят такими занятыми, что я боялась их беспокоить. Я подошла к вам только потому, что у вас такой вид... — Девушка замолчала; ее ногти выглядели теперь просто бесцветными.

Джейн обвела комнату взглядом. И действительно, кроме нее самой и ее собеседницы, все здесь выглядели крайне занятыми. По большей части они кричали в телефонные трубки и с силой швыряли их на аппарат, а в минуты кратких передышек отчаянно рылись в завалах разноцветных бумаг на своих столах, ища что-то крайне необходимое.

— Скажите, просто ради любопытства, — проговорила Джейн, — кем они вас взяли?

— Оператор компьютера, — ответила девушка. — Вот только компьютер у меня не работает, да и у вас тоже, как я вижу.

Она кивнула на монитор на столе Джейн. Когда та после трехдневной борьбы так и не смогла добиться от проклятого ящика ничего более конструктивного, чем подмигивание огоньками и высвечивание надписи «Привет! Все права защищены!», она последовала тому, что, по-видимому, было в конторе обычной практикой, и превратила его в пластмассовую полочку для посуды. На некоторых мониторах, как она заметила, скопились многомесячные отложения чашек, что делало помещение похожим на сталагмитовую плантацию.

— А как, кстати, называется эта контора? — спросила Джейн. — Мне говорили, когда я пришла сюда, но я сразу же забыла. Это было какое-то слово, которое не значило для меня ровно ничего.

— Это отдел Подготовки Документации, — ответила девушка с ноткой идиотской гордости в голосе. — Мне кажется, у нас ужасно важный отдел, иначе почему люди из других отделов постоянно звонят нам? Ох, простите... — Она метнулась к своему столу и схватила трубку. Джейн не потребовалось особого воображения, чтобы воссоздать разговор по той его части, которую она слышала.

— Дайте я догадаюсь, — сказала она, когда девушка положила трубку. — Это был Дэйв из Потребления Сырья, и если документы не будут у него к трем часам, то к четверем мир рухнет.

Девушка воззрилась на нее.

— Так вы все же *знаете*, что здесь происходит, — выдавила она.

— Я просто хорошо угадываю, — покачала головой Джейн. — Послушайте, вместо того чтобы сидеть здесь и изображать пару заводных попугаев, почему бы нам не пойти и не найти кого-нибудь, и не спросить у него? Кого-нибудь, кто действительно *знает*, я хочу сказать.

Девушка посмотрела на нее так, словно она предложила вымазать дегтем и вывалить в перьях Папу Римского.

— Что — уйти с наших мест? — потрясенно пролепетала она. — Мне кажется, это не разрешается.

— А мне кажется, что вполне, — твердо сказала Джейн.

— Но... — Девушка кинула на нее взгляд, исполненный ужаса; таким взглядом мог бы посмотреть один из нерожденных близнецов на другого, если бы тот предложил попробовать пробраться *вверх* по проходу вместо того, чтобы покорно двигаться вниз. — А что, если зазвонит телефон, пока нас не будет? — дрожащим голосом спросила она. — На него же некому будет ответить!

Джейн покачала головой.

— Это очень маловероятно, — сказала она. — А если и зазвонит, кто будет об этом знать? Рядом же не будет никого, кто мог бы услышать.

— Будет знать тот, кто звонил, — возразила девушка; ее нижняя губа дрожала. — Разве нет?

— Его слово против нашего, — свирепо сказала Джейн. Честное слово, Генрих V не мог бы сказать это лучше. В таком настроении Джейн могла не только заставить их еще раз полезть в брешь; она бы заставила их еще и вытереть ноги перед этим. — Пошли.

Не взглянув на сослуживицу, она схватила свою сумочку, встала и решительно направилась в том направлении, которое, как ей казалось, было севером.

— Подождите меня! — пискнула девушка за ее спиной. — Если вы бросите меня, я наверняка заблужусь.

— Тогда не отставайте, — сказала ей Джейн. — Идите за мной.

Хотя сама она вряд ли до конца осознавала это, одним из самых сильных ее качеств было чутье на правильный выбор слов, подходящих для каждой конкретной ситуации. Поэтому, когда они в конце концов наткнулись на человека, который не разговаривал по телефону, некая внутренняя система отбора слов вложила в ее уста магическую фразу, так что ей совершенно не пришлось думать, что сказать.

— Так, — сказала она, — где он? Мне нужно поговорить с ним *немедленно*.

Человек, уstraшенный, поднял на нее взгляд.

— Но это невозможно, — пролепетал он. — Он там, у Них!

Джейн сузила фокус направленного на человека свирепого взгляда.

— И сколько времени он там?

— Двадцать минут, — ответил человек. — Полчаса. Сорок минут. Не меньше.

Джейн выдохнула, и если в ее дыхании не змеились голубые огненные язычки, это было лишь потому, что рядом висела табличка «Не курить!»

— В какой он комнате? Давайте же, я не могу стоять здесь весь вечер.

— Номер пять. — Человек показал рукой. Джейн повернула голову, чтобы взглянуть в указанном направлении, и в этот момент у него на столе зазвонил телефон. Человек нырнул к трубке, хватаясь за нее, как утопающий за спасательный круг. Не прошло и двух третей секунды, как он уже орал на кого-то.

— Ну вот, — сказала Джейн, увлекая за собой свою спутницу, — у нас уже есть кое-что. Пошли.

Девушка не тронулась с места.

— Но это невозможно, — ответила она. — Он же там, у Них, разве вы не слышали?

Джейн повернулась к ней и улыбнулась.

— А вы имеете представление, кто такой «он»?

Девушка покачала головой.

— Я тоже, — самодовольно произнесла Джейн. — А как насчет «Них»? Вы знаете кто такие «Они»?

— Нет.

— Ну так и прекрасно! — оживленно воскликнула Джейн. — То, о чем ты не знаешь, не может повредить. Общеизвестный факт. Вы идете?

Она прошагала к двери с большой, слегка покосившейся цифрой «5», два раза постучала и толкнула дверь.

И остановилась на пороге.

* * *

Она находилась в ресторане.

Более того, на ней была черная юбка, блестящая от возраста и скопившегося на ней слоя жира и пота, белая блузка и передничек, имевший чисто декоративную функцию. В руках она держала поднос с тремя тарелками, на

которых громоздились горы pasta¹. Дверь позади нее хлопнулась.

— Ну поторопись же, ради бога, — закричал ей какой-то толстяк, один из шести толстяков, сидевших за круглым столом, накрытым скатертью в красную и белую клетку. — Некоторые люди умирают от голода!

— Я знаю, — произнес голос, в котором Джейн опознала свой собственный. — Половина населения Судана, например. Такое количество пищи могло бы прокормить любого из них в течение недели, хотя это вряд ли было бы полезно для их артерий.

Двенадцать круглых свиных глазок воззрились на нее.

— Ладно, — произнесла она. — Это кому?

В течение шести недель, теперь уже отошедших в далекое прошлое, Джейн работала официанткой в «Маленьком Поваре» на кольцевой дороге к югу от Ноттингема. Больше шести недель она не смогла там выдержать, поскольку пришла к заключению, что кормить жирной пищей и без того толстых людей аморально в принципе; но пока она была там, она многому научилась. Как держать на весу семь тарелок сразу, одновременно вытирая стол за маленьким ребенком, которого стошнило после трех последовательно съеденных свиных эскалопов; как подавать завтрак трем водителям-дальнобойщикам, которые пялятся на твою грудь, и не ударить их бутылкой с кетчупом; как жарить яичницу из тридцати семи яиц на грязном жире и не стать при этом вегетарианкой. Она имела опыт в таких вещах.

— Э-э, — промышчал самый толстый толстяк и неопределенно повел рукой. Джейн поставила тарелки, развернулась на каблуках и направилась прочь так быстро, как только могла. Однако не успела она дойти до двери, в которую вошла, как чуть было не столкнулась с черноволосой женщиной четырех футов ростом, которая стояла, уперев руки в бока и загораживая ей путь.

— Слушай сюда, — прошипела женщина, — повторять не буду. Не оскорбляй мне клиентов, поняла? Давай, теперь две lasagnes² тем, что у окна.

¹ Блюдо из макарон (с томатами, сыром и т.п.).

² Нечто вроде овощного рагу с макаронами.

Как во сне, Джейн позволила направить себя в помещение, которое, по-видимому, было кухней, где нашла две ожидавшие ее тарелки с lasagne. Она взяла их и отнесла заказчикам, которые поблагодарили ее.

— Дальше, — говорил самый толстый, — политика. Кто-нибудь хочет сказать что-нибудь о нашей политике, ребята?

— У нас классная политика, Роки.

— Да что тут ходить вокруг да около, наша политика работает как надо.

Ноги тем временем принесли Джейн обратно в кухню, где ее уже ждали три порции телятины. В телятине, заметила она, было огромное количество сливок; фактически, если бы хозяин ресторана решил в будущем закупать молочные продукты в Европе, была большая вероятность, что Общая сельскохозяйственная политика могла в конце концов не справиться с заказом. Джейн нахмурила брови.

— Стол на шестерых, — прошипела низенькая женщина ей в ухо. — Поторопись и не выпендривайся.

— Мне казалось, вы говорили, что повторять не будете, — огрызнулась Джейн и прошмыгнула в дверь прежде, чем та сумела подобрать ответ.

— Операции с основным капиталом, — говорил самый толстый толстяк. — Парни, кто-нибудь знает, у нас есть основной капитал?

— Конечно, Роки, у нас есть любой капитал, какой нужно.

— Ты только не беспокойся, Роки. Все идет лучше некуда.

Когда Джейн подошла к ним, все шестеро замолчали, и она снова почувствовала на себе их взгляды, скользкие, как перекормленные пиявки. Она поставила тарелки и повернулась, чтобы уйти.

— Я не ослышался, девушка? — произнес сзади жирный голос.

Джейн медленно повернулась. Она улыбалась.

— Простите? — переспросила она.

— Я говорю, — повторил жирный голос, — я правильно расслышал, что вы тут сказали?

Джейн наконец-то опознала владельца голоса и посмотрела ему в глаза. Ощущение было такое, словно она ступила во что-то липкое.

— Это зависит, — произнесла Джейн, — от того, что, как вам показалось, вы услышали.

Толстяк выставил в ее сторону несколько подбородков.

— Мне показалось, — проговорил он, — вы сказали что-то про мою еду.

Джейн опустила глаза, убедившись, что перед ним стоит тарелка с pasta.

— Да, сказала, — ответила она. «Ха! — весело заметила одна часть ее сознания, — совсем как в старые добрые времена, а?» Другая часть сделала вид, что не услышала.

— Вам что, не нравится моя еда? — спросил толстяк.

— Что вы, — ответила Джейн как могла приветливее. — Уверена, что это замечательная еда. Мои сомнения относятся лишь к той компании, которую она себе выбрала.

Над столом повисла тишина; двенадцать глаз медленно округлялись от изумления. Наконец одно толстое тело повернулось к другому.

— Эй, Роки, — сказала оно, — ты вроде бы говорил, что это девка что надо.

Роки пожал плечами.

— Говорил, — сказал он. — Эй ты, — произнес он, обращаясь к Джейн. Она удивленно подняла бровь.

— Это вы мне?

— Тебе, тебе.

— Я вас слушаю.

Тот, казалось, испытывал затруднения со своими способностями верить.

— Кто ты вообще такая, по-твоему? — тихо проговорил он. Что-то показалось ей странным в том, как он произнес это; потом она поняла, что, хотел он того или нет, но это действительно прозвучало как вопрос.

— Меня зовут Джейн, — ответила она, — я работаю здесь всего неделю и не имею ни малейшего представления о том, что я должна делать и что здесь вообще происходит. Если вы не сочтете за труд объяснить мне, что конкретно вы хотите, чтобы я сделала, я примусь за это сразу же, как только смогу. Благодарю вас.

Десять маленьких свиных глазок уставились на нее в полном ошарашивании. Оставшиеся два слегка сузились.

— Эта работа тебе в новинку, так? — неторопливо произнес их обладатель.

— Нет, — ответила Джейн. — Я уже занималась чем-то похожим.

— Неужели? — выражение лица толстяка не менялось, и у Джейн появилось такое ощущение, словно ее просвечивают мощным рентгеном, так, что становится видно, что она съела за последние шесть дней. Затем один уголок его рта слегка приподнялся. — Тебе нравится такая работа?

— Нет, — ответила Джейн.

— Недостаточно хороша для тебя, а? — И снова Джейн почувствовала себя так, словно стоит перед судом.

— Скажем, пока она не исчерпывает пределов моих возможностей, — сказала она. — Фактически, — осторожно добавила она, — это прежде всего вообще была не моя идея.

— Не твоя, — согласился толстяк. — Конечно, не твоя. — Он расширил свою улыбку еще на микрон или около того. — А знаешь, детка, надо признаться, кишка у тебя не слаба.

— У вас тоже, — вырвалось у Джейн. — Подумать только, такие тренировки!

Толстяк, по-видимому, не обратил на эту реплику никакого внимания; но к Джейн понемногу начало подкрадываться ощущение, которое ей совсем не понравилось. Либо толстяк вырастал в размерах, либо сама она становилась меньше, или и то и другое сразу. Она отвела от него взгляд и посмотрела на единственный кусок хлеба, оставшийся в корзинке.

— Так какую же работу тебе нужно? — спросил толстяк. — Не канцелярскую, как я понимаю.

— Этим я уже занималась, — спокойно сказала Джейн. — Однако это не мое, по всей видимости.

— Да уж наверное, — внезапно хохотнул толстяк. Звук оказался довольно приятным. — Может, тебе стоит попробовать себя в нескольких вещах, знаешь, немного осмотреться вокруг, пока не найдешь что-нибудь подходящее.

— Благодарю, — сказала Джейн, — я запомню ваш совет.

— Да, — повторил толстяк, — кишка у тебя не слаба. Только, если сможешь, не суйся в чужие, договорились?

Джейн что-то промямлила. В эту минуту она думала о том, как было бы замечательно вернуться обратно за свой

стол и поговорить с кем-нибудь по телефону. Это было как-то больше на ее уровне.

— А теперь, — проговорил толстяк, — позволь мне сказать тебе кое-что.

Он привстал со стула и начал шептать Джейн на ухо. Это было скорее похоже на спринцевание ушей слепым осьминогом, но то, что она услышала, отвлекло ее от этой стороны вопроса.

— Благодарю вас, — сказала она. — Вы очень мне помогли.

Толстяк улыбнулся, на этот раз во всю ширь.

— Всегда пожалуйста, — ответил он. — Да, и, детка...

— Да?

— Прежде чем уйдешь, скажи Розе, что телятину снова нужно разогреть. Давай, топай отсюда.

* * *

Джейн толкнула дверь Номера Шесть. На этот раз она не стала утруждать себя тем, чтобы стучать.

Обитатель Номера Шесть не был человеком; в его облике не было ничего даже отдаленно антропоморфного. На дорогом, кожаном с виду вращающемся кресле перед Джейн сидел бурундук.

— Простите... — сказала Джейн.

Бурундук поднял голову от груды бумаг, наваленной перед ним, и дернул носом.

— Да? — сказал он.

На долю секунды что-то в мозгу Джейн замкнулось, и она не могла придумать, что ей сказать. В ее голове вертелось только восклицание «Вы бурундук!», что, скорее всего, было совсем не обязательно говорить прямо сейчас.

— Ну да, — сказал бурундук. — Вы пришли сюда только для того, чтобы сообщить мне это?

Замыкание прервалось.

— И вы туда же, — раздраженно проговорила Джейн. — Что, в этом заведении все читают мысли друг друга?

Усы бурундука слегка дрогнули.

— Я — не читаю, — ответил он. — Просто я знаю с девяностодевятипятипроцентной долей вероятности, о чем вы сей-

час думаете. И чтобы вы не тратили лишние усилия на удовлетворение вашего любопытства — я могу принимать любой вид, какой захочу. Это обличье я оставляю для людей, которые вламываются ко мне без приглашения, — добавил он, — поскольку это сбивает их с толку.

— Прекрасно, — ответила Джейн. — Я хочу поговорить с вами о том, как управляется этот департамент.

— Я знаю это, — отвечал бурундук. — Убирайтесь.

В качестве ответа Джейн села и скрестила руки на груди. Бурундук вздохнул и откусил кусочек фанеры с края своего стола.

— Я могу уделить вам пять минут, — заявил он.

— Благодарю вас. — Джейн улыбнулась, открыла свою сумочку и достала записную книжку. — В таком случае я перейду прямо к делу, если вы не против. Этот департамент не нужен.

Бурундук вскочил в своем кресле и яростно замахал передними лапами; затем снова сел, три раза повернулся вокруг оси и припал к сиденью, прижав уши.

— Чепуха, — сказал он.

— Факт, — возразила Джейн. — Предполагаемой целью этого департамента является общее управление всеми делами. Он не нужен, поскольку он не управляет ничем. А причиной этого является то, что вся система развалилась уже сто семь лет назад.

Бурундук исчез. На его месте появилась длинная зеленая змея с ромбовидным узором.

— Да неужели? — прошипела она.

— Именно, — ответила Джейн. — Поверьте мне на слово. С тех самых пор входящие дела продолжают входить, но исходящие топчутся на месте. Такое управление, какое сейчас имеет место, абсолютно спонтанно и *ad hoc*¹. Если не ошибаюсь, это так называется.

— Не важно, как это называется, — сказала змея. — Откуда, кстати, у вас эта информация?

— Мне сказал один человек в ресторане, — ответила Джейн. — Вот вам пример: предполагается, что этот департамент должен переводить денежные средства из казначей-

¹ Самопроизвольно (лат.).

ства в департамент Судьбы, минуя систему заявок и розовых бланков. На практике служащие Судьбы держат свои деньги в жестянке из-под какао за часами в ангаре. Когда в жестянке ничего не остается, дежурный контролер, пока бармен обедает, проникает в Общественный Клуб, пользуясь запасным ключом, принадлежащим капитану команды по боулингу, и берет мелочь из кассы. Бармен, в свою очередь, списывает это на поломки. Я точно изложила ситуацию?

Змея выстрелила в нее тонким язычком и зашипела. Джейн кивнула и продолжала.

— Этот департамент также номинально несет ответственность за назначение персонала, в частности, в департамент Клятвопреступлений и Лжесвидетельств, основной задачей которого является поражать молнией клятвопреступников. Штат в Клятвопреступлениях предусматривает семьдесят операторов и шесть контролеров, все с полной занятостью, но молния не поражает никого, поскольку место главы департамента пустует уже более трехсот лет. В результате мы имеем такую картину: несмотря на то, что клятвопреступления среди смертных регулярно отмечаются и заносятся в Архив, клятвопреступники остаются в целости и сохранности, поскольку молнии не могут быть выписаны со склада без зеленого бланка, подписанного главой департамента. Таким образом, операторам остается только показывать клятвопреступникам языки и выкрикивать в их адрес бранные слова; а так как по уставу весь штат этого департамента должен быть невидимым и невоспринимаемым для людей...

Змея с тихим шелестом обвилась вокруг подлокотника.

— Продолжайте, — сказала она.

— Стоит ли? — возразила Джейн. — Если хотите, я могу продолжить. Могу рассказать вам о том, как штатный пенсионный фонд ничем не может помочь пенсионерам — и не потому, что у него нет денег, а потому что Гари из Пенсий ждет отчетов за 1897 год, без которых не может подписать лиловый бланк; поэтому они жертвуют по пять крейцеров в неделю Клубу Солнцестояния, который находится за газетным киоском на углу здания Землетрясений, что, разумеется, сильно помогает делу. А снабжение? Не рассказать ли вам, как не отпущенный вовремя запас канцелярских скрепок недавно прорвал своей тяжестью прогни-

шую упаковку, и теперь является центром совершенно новой планетной системы по ту сторону Пояса Ориона? — Джейн прервалась, чтобы перевести дыхание, и потому что у нее кончились примеры. Змея посмотрела на нее.

— И что с того? — проговорила она, помолчав. — Срывы случаются здесь и там. Велика важность.

Джейн закусила губу; ей показалось, или она действительно услышала глухой удар сорвавшегося блефа?

— Срывы, — проговорила она. — Такого рода срыв был в Сан-Франциско в 1906 году.

Змея подняла голову, поразмыслила, что ей с ней делать, и просунула ее сквозь ручку своего портфеля.

— Мы подвергнем все, что вы рассказали, самому серьезному анализу, — проговорила она. — Но в настоящий момент, может быть, вы чувствуете потребность перевестись в какой-нибудь другой департамент?

Гнев — очень странная вещь; его поведенческая модель сильно напоминает мотоцикл «Хонда-СХ550». Иногда вы лишь едва заметно касаетесь газа, и в следующий момент уже видите лицо хирурга, вынимающего куски изгороди из вашей брюшной полости. Иногда вы переключаете рычаг на четвертую передачу и газуете во всю мочь, а это животное только глядит на вас коровьими глазками с инструментальной панели и сбрасывает скорость до прогулочного шага. Единственное, на что в нем можно с уверенностью положиться, — это на то, что его топливный бак опустеет ровно посередине между двумя автозаправками.

Гнев Джейн, если продолжить ассоциацию, выгорел досуха; и пока она глядела змее в глаза и пыталась придумать, что ей еще сказать, что-то внутри нее напомнило ей, что у нее впереди еще долгая, утомительная прогулка до дома.

— Может быть, так будет лучше всего, — мягко произнесла она. — Спасибо, что нашли время выслушать меня. — Она поднялась, взяла свою сумочку и вышла из кабинета.

Когда она прибиралась на своем столе, зазвонил телефон.

— Тебе не следовало этого делать, — послышался голос Гангера. Он звучал весело. — Это было неблагоприятно.

— Думаю, вы правы, — отозвалась Джейн. — Кто был тот человек в ресторане?

Трубка, казалось, онемела.

— Это был Роки, — произнес наконец Гангер; его голос звучал так, словно он говорил сквозь две наволочки и шерстяной носок. — Твоя встреча с ним также не была предусмотрена.

— Но он, кажется, ожидал этой встречи, — заметила Джейн.

— Знаю. Ну, в любом случае, что есть, то есть. Приходи ко мне завтра в полдевятого, потолкуем. Да, и кстати.

— Что?

— У тебя выходит очень хорошо. Поверь мне. — Гангер улыбнулся в ухо Джейн и повесил трубку.

ТРИНАДЦАТЬ

Небо здесь очень высокое.

В большинстве мест небо просто — ну, высокое; всего лишь голубой тент, который отделяет звезды снаружи от воздуха внутри. Здесь все совсем по-другому. Здесь небо находится на такой высоте над уровнем моря, что существование земли представляет собой немногим более чем непрроверженный слух. А еще здесь есть замок.

Большой, со множеством архитектурных излишеств, и абсолютно бесплатный — во вкусе Людвига Баварского. Он парит, покачиваясь на несущих его течениях, как пузырек в рюмке хереса, выпитой на голодный желудок, не поддерживаемый ничем, кроме мысли о том, какой плачевный эффект он произведет на земле, если когда-нибудь рухнет.

Когда сила тяготения вступает в потасовку с общественным сознанием, тяготение проигрывает.

Если вы приблизитесь, осторожно выбирая путь между восходящими потоками и стараясь не наступать на головы высоко залетевшим птицам, вы сможете услышать обрывки странного, непонятного шума, доносящегося до вас полудикими ветрами, которые уже утасуют на этой высоте. Если вы примете во внимание расстояние и сильные искажения, вносимые ветром и доплеровским эффектом, вам даже может показаться, что вы слышите, как несколько тысяч человек насвистывают — фальшиво и не в той тональности — разьединенные кусочки полужнакомой мелодии.

Добро пожаловать в Воздушный Замок, главную резиденцию департамента Знаков и Знамений. Люди, стоящие во дворе, выстроившись выверенными до дюйма шеренгами, — это Посланники-стажеры. Когда они сдадут зачеты, их работа будет состоять в доставке сновидений, активизации картин из прошлого, внедрении ощущений, дежа вю и других сообщений подобного же рода. В настоящий момент они обучаются крайне непростому искусству производить единственный в своем роде звук, известный как свист почтальона.

Теперь, если вы будете смотреть очень внимательно, вы можете заметить невысокую фигуру человека в департаментском голубом с золотом мундире, чьи волосы значительно длиннее, чем у остальных. Если вам удастся каким-то образом заставить свои уши абстрагироваться от окружающей какофонии, вы обнаружите, что этот человек, единственный из всех, упрямо насвистывает — правильно и без досадных неожиданных пауз — мелодию, в которой вы с уверенностью сможете распознать «Клуб Одиноких Сердец Сержанта Пеппера».¹

Угадайте, кто².

* * *

— Ты не должна так думать об этом, — сказал Гангер, когда они взбирались по дорожке, ведущей к Замку. — Все совсем наоборот.

— Правда? — откликнулась Джейн. Она выразилась бы полнее, но дорожка была слишком крутой, и она уже начала подозревать, что какой-то шутник вытащил у нее из коленей поджилки, пока она не видела.

— Поверь мне, — сказал Гангер. — Даже если бы мы действительно хотели убрать тебя с дороги на некоторое время, а это не так, мы бы не стали для этого устраи-

¹ Надеюсь, читатель также с уверенностью сможет распознать это название. Для тех же, кто не сможет, все же поясню, что это одна из известнейших песен группы «Битлз». (Прим. пер.)

² Дядя автор шутит. «Guess who» («Угадай, кто») — название известной рок-группы 60-х годов. (Прим. пер.)

вать тебя Посланником. Это работа слишком высокого профиля.

— Высокого... — проговорила Джейн, сардонически задыхаясь (можете попробовать сами), — ...профиля. Бегать с поручениями. Доставлять сообщения.

— Вот-вот. — Гангер приостановился, оттянул пальцем воротник своей розовой рубашки от Эберкромби и Фитча и сделал вдох. — Вряд ли можно сказать, что мы решили засунуть тебя в какую-нибудь второстепенную полузаброшенную контору, а?

Джейн смахнула с лица пот.

— Однако, нельзя также сказать, чтобы эта работа предъявляла большие требования. Едва ли для нее нужны такие уж выдающиеся исполнительные качества. Мне казалось, вы говорили, что я работник высочайшего уровня.

Гангер хотел было взглянуть себе под ноги, но тут же спохватился.

— Если ты хочешь, можешь попытаться найти уровень выше, чем здесь, милости прошу.

Джейн, однако, сохраняла серьезность.

— Вы что, боитесь высоты? — спросила она.

— Я ужасно, чертовски боюсь высоты. Подумай об этом. Мое естественное место обитания расположено не сказать чтобы очень высоко; фактически, совсем наоборот. У меня иногда начинает кружиться голова, когда я стою на ковре с высоким ворсом. И если, — добавил он, — тебе это кажется таким ужасно забавным, мы можем как-нибудь нанести визит в резиденцию моего департамента, посмотрим, как тебе там понравится.

Джейн постаралась придать своему очередному судорожному вдоху извиняющийся оттенок, и они продолжали карабкаться вверх в молчании; по крайней мере, какое-то время они ничего не говорили. Потом Джейн, покусав губу, вступила снова:

— Я прошу прощения. Я очень ценю, что вы решились пойти со мной, чтобы представить меня. Спасибо.

— Не стоит благодарности, — улыбнулся Гангер. — Всегда пожалуйста.

— Простите?

— Я говорю — пожалуйста.

— Простите, — прокричала Джейн, — я не могу вас слышать, у меня кровь шумит в ушах.

— Неважно.

— Что?

— Я говорю, это... Ничего.

— Мы уже пришли?

Гангер открыл рот, но передумал и просто кивнул. Перед ними, опустив подъемный мост, перекинутый через совершенное ничто и покоящийся на еще меньшем, возвышались ворота Воздушного Замка.

На замковом камне арки ворот висела деревянная табличка. Ветер и барометрическое давление давно свели на нет когда-то покрывавший ее лак, но на ней до сих пор можно было различить слово

ЛАВРЫ

написанное выцветшей белой краской. Джейн подняла бровь.

— Мы некоторое время пытались его так называть, — пояснил Гангер, — но это название почему-то так и не прижилось. Постой здесь, я постучу.

Он подошел к массивным воротам и поднял дверной молоток — обеими руками и изо всех сил напрягая спину. Ему удалось поднять его на целый дюйм, прежде чем он сдался.

— Понимаешь, это не реальный молоток, — сказал он, осторожно потирая руки. — Точнее, он, конечно, реален, но это идеальный молоток. Знаешь, какими должны быть дверные молотки в идеальной вселенной. А в идеальной вселенной у людей гораздо более крепкие мускулы, чем у нас.

— Гм.

— А поэтому, — продолжал Гангер, — думается мне, мы лучше поступим вот как.

Он слегка наклонился и прошел под воротами. Джейн неуверенно последовала за ним.

— С этого момента будь осторожна, — крикнул ей Гангер, когда они вынырнули во внешнем дворе. — Все это место является Зоной Исключительной Ответственности.

Джейн моргнула.

— Простите? — переспросила она.

— Зонай Исключительной Ответственности, — повторил Гангер. — Это абсолютно необходимо, если учесть, чем они тут занимаются. Видишь ли, если нас сочтут ответственными за любую вынесенную отсюда информацию — с самыми благими намерениями, как ты понимаешь, — то мы предстанем перед судом, не успев и шагу ступить. Да, к слову, смотри под ноги, здесь может быть колючая проволока.

— Колючая проволока?

Гангер кивнул.

— И собаки, разумеется. Понимаешь, это все входит в программу обучения.

— Собак я еще могу понять, — сказала Джейн, снова вспомнив о работе почтальона. — Но при чем здесь колючая проволока?

— Мы доставляем сверхъестественные внушения некоторым из самых охраняемых людей в космосе, — ответил Гангер с ноткой гордости в голосе. — Ты понимаешь, что я имею в виду. Торговые магнаты, которые не заключат ни одной сделки, не получив одобрения своего астролога. Полубезумные диктаторы третьего мира, строящие свою политику в соответствии с указаниями духов своих предков. Двойники latinoамериканских наркобаронов. При такой работе колючая проволока даже приносит облегчение. А самое ужасное во всем этом, — продолжал Гангер, ухмыляясь, — это что тебе приходится постоянно свистеть. Положено по уставу.

— Гм.

— Свистеть, разбрасывать повсюду резинки, которыми скрепляют пачки писем, и никогда не появляться со Срочной Доставкой, если ты не уверен, что получателя нет дома. Это вопрос чести. У них очень строго на этот счет.

Прямо у них под ногами мимо пропыхтело солнце, идя с опережением графика на двадцать минут. Это была игра ее воображения, или пилот действительно помахал им рукой? Гангер остановился и поправил галстук.

— Ну вот, — сказал он, — мы и пришли. Знаешь, мне почему-то кажется, что ты прекрасно справишься.

— Забавно, что вы это сказали, — ответила Джейн. — У меня тоже.

— Естественно, — сказал Гангер. — Подумай над этим.

* * *

Бьорн помедлил.

В его адрес не так давно было выдвинуто несколько весьма тяжелых обвинений, так что необходимо сразу уточнить некоторые вещи относительно него. Да, ему случалось оступаться, но если говорить о порохе в пороховницах, то у него его было больше, чем все население Китая успело произвести за все время существования Китайской Империи. Вооруженный топором, самодельным абордажным крюком и бельевой веревкой Прабабушки, он был готов штурмовать Врата Заката.

Он еще раз напомнил себе о необходимости сохранять хладнокровие, но в этом не было большой нужды. Не спеша и методично он проверил свое снаряжение, натянул на лицо маску (один из черных чулков Старой Гретхен с прорезанными в нем отверстиями для глаз) и пополз вперед.

Где-то здесь должна была быть невидимая электрическая изгородь.

Насчет изгороди он знал все. Много лет назад, когда он работал в Безопасности, он сам устанавливал ее вместе с Толстым Миком и Кевином-Бесштанником. Была пятница, был вечер, и лил дождь. Ее установка отняла у них тогда немного времени, и, как он и ожидал, сейчас она тоже ненадолго его задержала.

Прожектора на Третьей и Четвертой смотровых вышках могли бы представлять для него серьезную опасность, если бы смазка и ремонт их механизма еще со времен Грехопадения не находились в ведении Трухлявого Нобби из Снабжения. Нобби уже давно понял, для чего создана смазка. Он ел ее.

Так что пока все было нормально. На Пятой Вышке были три пулеметных гнезда, но со всей этой экономией и недопоставками пулеметчикам никогда не выдавали больше пяти боекомплектов на человека в год, и им были отданы строгие распоряжения сохранять их для двадцатиодноствольного салюта в день рождения Коменданта. С такими ограничениями пулеметчики (скорее всего, это были по-прежнему Чудик Терри и Бездонный Дэйв, несмотря на то что

прошло уже много лет) обычно проводили свои дозоры в караулке за бесконечной игрой в домино, в которой каким-то образом ни один ухитрялся никогда не выигрывать.

Добравшись до ограды внешнего периметра, Бьорн остановился, чтобы оценить стоящую перед ним задачу. Здесь уже начиналось веселье.

По причинам, о которых нам нет надобности здесь упоминать, никто из жителей деревни никогда не видел нужды тратить кровные деньги на покупку кусачек. Бьорн, истративший все свои скудные сбережения на игру «Угадай Свой Вес» на автовокзале в Вулфхаунде по пути сюда, теперь должен был импровизировать. Либо поверх, либо насквозь.

Сверху он решил не лезть. Если память ему не изменяла, столбы ограды ставили его друзья из департамента Работ, и поэтому шансы, что они выдержат его вес, были невелики. Ломиться насквозь, однако, значило проделать дыру в проволочной паутине, не перебудив при этом всю охрану. Он нахмурился и полез в свой рюкзак за вдохновением.

После того как он отверг запасную пару кальсон, упаковку мятной жевательной резинки двойной свежести, сломанные часы и номер «Стрит-Байка» за июль 1985 года, у него остались консервный нож, текущая гелевая ручка и складной армейский нож Замбийской Армии. Последний пункт имел в глазах Бьорна одно подавляющее преимущество перед своим швейцарским соперником, которое перевешивало в его глазах все его отрицательные стороны: нож был отдан ему совершенно бесплатно впридачу к литровой канистре бензина для газонокосилки. Бьорн вытащил его из рюкзака и начал перебирать лезвия, ища пилу.

В качестве характеристики качества департаментских проволочных изгородей можно сказать, что у Бьорна заняло ровно три минуты, чтобы оказаться на другой стороне. (Заметим, что когда бойцы Замбийской Армии хотят пробраться через ограждение, они не тратят время, ломая ногти, чтобы вытащить требуемое лезвие; они попросту вызывают по рации эскадрилью МИГов.)

В соответствии с инструкцией по организации периферийной защитной полосы между внутренним и внешним периметрами располагаются семнадцать акров минного поля. В соответствии с отчетом последней ревизии департа-

мента Безопасности в распоряжении департамента на момент ревизии находились пять мин, по крайней мере три из которых были в рабочем состоянии. Бьорн стиснул зубы и побежал. В жизни человека бывают моменты, когда приходится просто полагаться на удачу.

Что привело его, запыхавшегося, но невредимого, к подножию ограждения внутреннего периметра. Это ограждение было более серьезным вызовом, поскольку оно не было установлено департаментом, а досталось ему по наследству без каких-либо существенных изменений от цыплячьей фермы, располагавшейся на этом месте до того, как департамент реквизирует ее. Здесь Бьорн получил первый серьезный отпор. Он порвал себе правую штанину; дырка под коленом составила в длину около дюйма.

* * *

— О чем не следует забывать на этой работе, — сказал Генерал-Мастер Сновидений, — никогда не поворачивайтесь спиной к маленьким собачкам.

— Хорошо, — кивнула Джейн, — думаю, я смогу это запомнить. А все остальное, — добавила она, — например, как отыскать получателя, пробраться сквозь закрытые и заложенные на засов окна и прочие мелочи — полагаю, все это придет само собой?

Мастер Сновидений с неодобрением посмотрел на нее.

— Не беспокойтесь, мисс Сообразительная, — сказал он, — мы пройдем все варианты, когда до них дойдет дело. Знаете, очень трудно бегать, когда не умеешь ходить. Сейчас я лишь говорю вам, для вашей же пользы: не забывайте о маленьких собачках.

— Я всегда о них помню, — с чувством ответила Джейн. — Особенно когда вхожу в чужой дом. Послушайте, я совсем не имела в виду высовываться, просто мне хочется поскорее перейти к делу — я имею в виду практическую сторону.

Мастер Сновидений кивнул.

— Всеу свое время, — сказал он. — Сперва вам надо пройти базовую подготовку. Она включает в себя навыки проникновения в помещение, тренировку по идентифика-

ции получателя и основы просачивания в его мозг. Это легкая часть.

— Гм.

— Самое заковыристое, — продолжал Мастер Сновидений, — это выбраться потом наружу.

* * *

За перилами Девятой смотровой вышки Всадник 2314 Звездное Копье опознал мишень и тщательно прицелился. Щурясь вдоль широкого ствола, он удостоверился, что его ноги стоят твердо, а рука крепка и поднята на нужную высоту, глубоко вдохнул, мягко выдохнул и...

— Неудача, — прокомментировал Всадник 8345 Лунный Клинок. Он подошел к доске, вытащил дротики и поставил ноги на меловую черту.

— Два по шесть за игру, — доверительно сообщил он.

У подножия башни Бьорн остановился и принялся вытаскивать из рюкзака десять футов бельевой веревки. Прошло уже немало времени с тех пор, как он проделывал что-либо подобное, — фактически ближайшим, что он мог припомнить, был тот случай, когда была его очередь устраивать налет на столовую Судьбы за галетами, — но есть такие вещи, которые просто невозможно забыть. Он размял пальцы и умело привязал к веревке абордажный крюк тремя последовательными бабьими узлами.

Высоко над его головой — и под ногами тоже, если уж на то пошло, но не будем излишне запутывать наше повествование — мерцали звезды. Пара бродячих фотонов без всякого вреда для себя отрикошетили от зубцов крюка, когда он трижды крутанул его над головой и запустил ввысь.

Существуют, разумеется, и такие вещи, которые все же забываются, и искусство бросания абордажных крюков — одна из них. Посвятив несколько минут серьезным размышлениям, Бьорн выпрямился, яростно потер затылок и начал наматывать веревку вокруг предплечья длинными свободными кольцами.

— Два по два за игру, — беспощадно произнес Всадник 8345 Лунный Клинок. Он встал попрочнее, перенес вес

своего тела на переднюю ногу в своей излюбленной манере и...

...И, не веря глазам, увидел, как большой черный крюк взмыл над перилами вышки, запустил свои когти в мишень и одним рывком утащил ее со стены в непроглядную тьму.

Сразу же после этого далеко внизу он услышал мягкий удар, за которым последовал слабый возглас.

— Думаю, нам придется считать это ничьей, Дэйв, — произнес Всадник 2314 Звездное Копье, с трудом добившись, чтобы из его рта вместо этих слов не вылетел победный вопль облегчения. На ставке стояло семь крейцеров, а ему за последние шесть выстрелов удалось выбить лишь два по одному.

— Какой-то ублюдок спер нашу доску, — гневно ответил ему Всадник 8345 Лунный Клинок. — Ты видел, Нев? Какой-то ублюдок взял и...

Раздался свистящий звук, и крюк появился вновь. Он завис в воздухе, скажем, на две пятидесятых секунды, и упал на перила. Когда он уже почти соскользнул вниз, один из зубцов зацепился, и крюк повис.

— Кажется, в правилах было что-то на этот счет, — настаивал Всадник 2314 Звездное Копье. — Насколько я помню, там говорилось, правда, о том случае, если доска будет съедена проходящей мимо колонной рабочих муравьев, но ведь это почти то же самое, что...

— Нев, — испуганно прошептал его напарник, — кто-то карабкается на вышку.

Они переглянулись.

— К нам осуществляется вторжение, Дэйв, — произнес Всадник 2314 Звездное Копье. — Как ты думаешь, мы должны что-нибудь сделать или...

Всадник 8345 Лунный Клинок посмотрел на него долгим взглядом.

— Конечно, должны, — проговорил он. — Мы должны доложить об этом.

У них под ногами раздавалось пыхтение и тихие ругательства, какие может издавать (к примеру) человек плотного телосложения, с трудом взбирающийся без перчаток по тонкой нейлоновой веревке.

— Доложить? — повторил Всадник 2314 Звездное Копье. — Ты уверен? А разве мы не должны, ну?.. — он пока-

зал на свою винтовку, прислоненную к перилам в дальнем углу. Его напарник яростно затряс головой, отметая все возможные варианты.

— Не носи чепуху, Нев, ради всего святого, — настойчиво зашептал Всадник 8345 Лунный Клинок. — Подумай сам: если мы... начнем здесь что-нибудь, может завариться каша. Ну, сам понимаешь — дипломатические отношения и все такое. Мы можем влипнуть в серьезные неприятности. Нет, мы будем держаться в своих водах, мы просто подождем, пока они уйдут, и доложим о них.

— Но, — в голове Всадника 2314 Звездное Копье повседневная гражданская логика вела бой с логикой военной. — Но что если они, ну, атакуют нас, Дэйв?

Всадник 8345 Лунный Клинок посмотрел мимо него на перила, над которыми появилась огромная рука и начала шарить, пытаясь ухватиться. Он шумно сглотнул.

— Думай головой, сынок, — прошипел он. — Давай, прячемся, идет?

Тяжело дыша, Бьорн подтянулся до подбородка, перекинул ногу через перила и тяжело плюхнулся на пол вышки. Несколько мгновений он лежал там, где упал, переводя дыхание и тихо ругаясь. Затем он приподнялся на локтях и осмотрелся.

Никого нет. Что ж, он догадался об этом уже по тому, что ему удалось забраться так далеко, и никто не пристрелил его. Станным было только то, что единственной вещью, указывавшей на то, что здесь никого нет, было фактическое отсутствие людей. Все остальное говорило об их деятельном присутствии: еще теплые кружки с чаем, тлеющий однополосный электрокамин, две винтовки, прислоненные к перилам, фуражки, повешенные на радиоантенну, две пары башмаков, торчащие из-под шторы затемнения...

Бьорн на мгновение застыл на месте. Затем ухмыльнулся.

Легким движением он освободил абордажный крюк, перецепил его на перила с противоположной стороны и перекинул туда же веревку. Затем, с легким содроганием и приглушенным вскриком боли, он перекинул себя через перила, скользнул вниз по веревке и исчез. Минутой позже крюк закачался, отцепился и исчез вслед за ним. Затем — тишина.

— О, смотри-ка, — произнес голос за шторой затемнения. — Здесь есть запасная доска!

— Дэйв...

— Вот это удача, а, Нев? Знаешь, если подумать, я, пожалуй, согласен. Это была ничья.

— Дэйв...

— Так что — кружки в сторону и сразимся еще разок? — Штора раздвинулась, и из-за нее целеустремленно возник Всадник 8345 Лунный Клинок с доской, которую он повесил на крюк.

— Дэйв, — произнес Всадник 2314 Звездное Копье, — нам лучше поставить в известность штаб, как ты и говорил, пока он не забрался слишком...

— Я говорю, — повторил Всадник 8345 Лунный Клинок со значением, — кружки в сторону. — Он втиснул дробтики в руку напарника.

— Но, Дэйв, он же всего один, и если они начнут искать сейчас, они найдут его, и...

— И он расскажет им, как двое ребят из знаменитого департаментского отряда особого назначения прятались за шторой, пока он без помех перебирался на другую сторону. — Всадник 8345 набрал полные пригоршни лацканов боевого мундира своего напарника и подержал их на протяжении двух исполненных значения секунд. — Слушай, — произнес он, отпуская его, — мы не станем заниматься ерундой, отсылая всякие придурочные сообщения вроде этого. Для начала, никто тебе не поверит.

— Не поверит?

Всадник 8345 Лунный Клинок покачал головой.

— Не-а. Они просто решат, что ты все это выдумал. Или что тебе начинает мерещиться всякая чепуха из-за того, что ты сильно ударился головой.

— Но я не ударялся головой, Дэйв.

— Это всегда можно исправить, Нев.

В течение двух, может быть трех секунд они обменивались невербальными репликами. За три секунды можно многое сказать, если тебе не нужно возиться со словами.

— Ну ладно, — проговорил наконец Всадник 2314 Звездное Копье, аккуратно ставя левую ногу вдоль меловой черты и беря первый дробтик в правую руку. — Удвоим для начала.

* * *

В этом нет ничего сложного, решила Джейн.

Она повернулась и, нахмутив брови, посмотрела на окно, которое услужливо скользнуло вниз и закрылось без малейшего шума. Знак, поданный ее левой рукой, наполнил комнату мягким зеленым светом, не воспринимаемым иначе, чем через особые контактные линзы, какими снабжались Посланники, но более чем достаточно ярким, чтобы осветить простую операцию по доставке сновидения.

Джейн натянула резиновые перчатки, затем кончиком вытянутого указательного пальца легчайшим движением прикоснулась к плечу спящего. Тот всхрюкнул, как боров, и перекатился на бок, подставляя ей правое ухо.

«Бревно бревном, — пробормотала Джейн. — Это слишком просто, ей-богу».

Из черной холщовой кобуры, свисавшей с ее пояса, она достала длинный черный шприц, отломил кончик и нащупала в боковом кармане запечатанную капсулу, в которой содержалось сновидение. Зубами, как ее учили, она вытащила пробку и опрокинула капсулу над цилиндром шприца. Зеленый свет на мгновение блеснул на выливающимся из капсулы содержимом. Джейн чуть не выронила шприц.

На тренировках они, разумеется, пользовались холостыми. Это был первый раз, когда она видела сновидение наяву, и его вид ей совершенно не понравился. Оно лежало в цилиндре шприца, отсверкивая и извиваясь. Она содрогнулась.

В этом зеленом мерцающем свете оно напоминало прозрачную колбаску, битком набитую маленькими копошащимися человечками, цветными огоньками, взрывами и молниеносными сменами декораций. Поскольку колбаска едва достигала трех дюймов, а ее содержимое, очевидно, исчислялось тысячами действующих лиц, отдельные детали были слишком малы, чтобы их можно было разглядеть, но впечатление, которое они производили в целом, отнюдь не было приятным. Она на мгновение задумалась, кем был их получатель, и что с ним случится, когда он получит свое послание.

«Это не мое дело», — твердо сказала она себе. Легким движением она защелкнула шприц, брызнула в воздух несколько капель и аккуратно поместила шприц над ухом спящего. Она чувствовала, как ее губы шевелятся, беззвучно говоря: «Давай, малыш, это совсем не больно...»

Быстро и решительно она утопила поршень и мягко вытащила шприц. Спящий слегка дернулся, застонал и перевернулся на другой бок. Миссия выполнена. Замечательно.

Резким движением спящий сел на постели.

Он был одет, как только сейчас заметила Джейн, в темно-пурпурную сатиновую пижаму с монограммой на нагрудном кармане. Если в ней и начинала зарождаться какая-либо симпатия к спящему, сейчас она тихо и быстро ускользнула сквозь заднюю дверь в ее мозг. Один быстрый взгляд уверил ее, что он по-прежнему крепко спит; его глаза были плотно закрыты, дыхание равномерно.

— Эй! — сказал он.

Джейн моргнула. Ни о чем подобном ее не предупреждали.

— Какого дьявола, что значит «мартовские иды»? Сейчас середина сентября, и вообще, что такое «иды»?

— Э-э... — проговорила Джейн. Спящий продолжал спать.

— *Это не ответ*, — сказал он. — *Послушайте, а вы уверены, что доставили послание по адресу?*

— Вроде бы да, — растерянно ответила Джейн. — Это ведь Ньюпорт-драйв, 47, Кардифф, так ведь?

Спящий кивнул.

— Все верно. Но слушайте, в этом же нет смысла. Я ожидаю очень важного сновидения насчет 9 1/2-процентных конвертируемых необеспеченных заемных акций «Маршфилд Консолидейтед», а вы суете мне в уши всякую чепуху про то, что я должен остерегаться мартовских ид. Вы уверены, что у вас на линии нигде ничего не перепутали?

— Подождите-ка, — сказала Джейн. Она начинала чувствовать отдаленное беспокойство. — Дайте, я проверю, что написано на упаковке. Ну-ка... Вот, — продолжала она, разглаживая фольгу и вглядываясь в шрифт. — Джереми Ллойд-Перкинс, Кардифф, Ньюпорт-драйв, 47. Это вы, не так ли?

Спящий медленно кивнул, как кукла с заржавевшим шейным шарниром.

— *Разумеется, я,* — сказал он. — *Но это не мое послание. Должно быть, их перепутали на складе.*

Джейн наморщила нос.

— Вы, кажется, много чего знаете об этом, — сказала она. — Я имею в виду — для человека.

— *Я являюсь подписчиком уже пять лет,* — отвечал спящий, и Джейн заметила, что его губы почти не шевелились, когда он говорил. — *Думаю, к этому времени мог бы уже и привыкнуть. Однако это все же немного надоедает, если хотите знать мое мнение. Только в прошлом месяце я ждал конфиденциальной информации насчет выпуска «Биконсфилд Интернешнл», а получил груду какой-то чуши насчет того, что я не должен плыть на «Лузитании». Не хочу показаться придирчивым, но очень трудно планировать долгосрочную стратегию капиталовложений, когда не можешь положиться на своих надземных консультантов.*

— Гм.

— *Посмотрите на это с точки зрения того, другого,* — продолжал спящий, слегка покачиваясь взад-вперед. — *Представьте себе этого беднягу, которому придется встретить этих мартовских ид, кто бы они там ни были, не вооружившись ничем более подходящим, кроме прозрения относительно курса акций на 18 сентября. Он, знаете ли, может влипнуть в серьезные неприятности.*

— Мне очень жаль, — удрученно сказала Джейн, — но я не...

Не сдвинувшись и на миллиметр, спящий каким-то образом сумел добиться впечатления, что он сделал нетерпеливый жест.

— *Все это очень хорошо,* — сказал он, — *но это ничем не может мне помочь, и я не думаю, что тот бедолага, который поплыл на «Лузитании», испытывает на этот счет более радостные чувства. Несмотря даже на утешительное сознание того, что если он не утонет, он сможет разобраться с кое-какими финансовыми махинациями,* — добавил он.

Джейн пожала плечами.

— Я доложу об этом, когда вернусь в управление, — сказала она. — Но боюсь, это все, что я могу сделать.

— *Ну уж нет,* — произнес спящий, и его рука, метнувшись, сомкнулась на ее запястье. — *Ты никуда не уйдешь, пока я не получу свое сновидение. И не пытайся вырывать-ся, не то я проснусь.*

Джейн почувствовала, как ее челюсть отвисает, но не видела никакого выхода. Если уж ты влипла, то ты влипла.

— Вы делаете мне больно, — заметила она.

Спящий насмешливо ухмыльнулся.

— *Расскажи мне об этом, когда я проснусь,* — ответил он.

— Но сами подумайте, — умоляла она, — как я смогу дать вам ваше сновидение, если вы меня не отпускаете?

Спящий рассмеялся, не разжимая губ.

— *Ну, это уж не моя забота,* — сказал он. — *Я сплю, не забывай, и я не расположен думать за тебя. Давай улаживай это дело, а то будут проблемы.*

— Понимаю, — ответила Джейн; в ее голосе появилась режущая кромка. — В таком случае, посмотрим, что я могу для вас сделать.

Свободной рукой она наугад выудила еще один пакет из фольги, разорвала его и, держа капсулу в зубах, наполнила шприц. Мгновенный взгляд на содержимое лишь наполнил ее своеобразным угрюмым удовлетворением.

— Вы хотели получить другое сновидение, мистер Ллойд-Перкинс, — произнесла она. — Ну так получите.

Быстрая, как молния, опаздывающая на автобус, она утопила поршень, и прозрачная колбаска коротко взблеснула, пересекая три сантиметра воздушного пространства. Спящий яростно дернулся и разжал руку; Джейн нырнула к окну, лишь в последний момент вспомнив нахмуриться на него. Оно моментально распахнулось, бормоча извинения, пока она проплывала наружу, и защелкнулось за ее спиной. Легко приземлившись на пятки, она услышала, как мистер Ллойд-Перкинс завопил во сне. «Сам виноват, — сказала она себе, включая зажигание своего звездодикла. — Нечего было вымещать злобу на ни в чем не повинном посланнике».

Оказавшись в безопасности на Ньюпорт-авеню, она подружила к фонарю и рассмотрела пустой пакетик из фольги.

*«Нострадамус, — было написано на нем. — Касатель-
но Конца Света», — и ниже, более мелким шрифтом:*

ИСПОЛЬЗОВАТЬ ДО: 17 ФЕВРАЛЯ 2706 ГОДА.

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ

Частью обязанностей Штата были более или менее регулярные инспекции некоторых удаленных департаментов, не имевших собственной внутренней системы контроля. Это занятие редко доставляло ему удовольствие, а департамент Жалоб был, наверное, наименее любимым из всех.

Доступ к Жалобам, само собой, открыт для всех и всего, что населяет вселенную, независимо от вида, метафизического статуса и темпоральной ориентации; однако в интересах удобства и эффективности административной работы, департамент сохраняет за собой право рассматривать только жалобы, поданные в соответствии с предписанной формой.

Предписанная же форма — это Форма С-301, буклет на пятнадцати страницах кованого золота, двенадцати миль в длину и пяти миль в ширину. Будучи заполненной, форма должна подаваться в трех экземплярах, причем первая копия должна быть заверена у апостола, святого (исключая меньших кельтских святых), архангела, бодхисаттвы, даосского патриарха, дэмона не ниже 5-й ступени, Избирателя Священной Римской Империи или другой личности, занимающей подобное же место в обществе.

— Эй! — позвал Штат, всем телом наваливаясь на дверь и тяжело вздыхая. — Есть здесь кто-нибудь?

Дверь подалась, и Штат, потеряв равновесие, ввалился в темное помещение. Он порывлся по карманам куртки, вытащил фонарик и включил его. В этом месте он всегда чувствовал себя неуютно.

— Я здесь, — произнес голос, что не очень-то ему помогло.

— Где — здесь?

— Что значит «где»? *Здесь.*

Штат нахмурился: голос явно исходил из его собственной головы.

— Послушайте, — сказал он, — я, кажется, уже предупредил вас насчет этого.

Раздался приглушенный шлепок, и возле него появился Гангер.

— Я знаю, — произнес он, — и прошу прощения. Мне просто пришлось, так сказать, немного проехать зайцем, чтобы миновать охрану.

— Понимаю, — кивнул Штат. — И что же оказалось столь существенным, что не могло подождать, пока... — слова испарились с его губ как дождь с раскаленной плиты, когда луч его фонарика коснулся чего-то огромного и сияющего в дальнем углу помещения. Одна часть его мозга — это была та часть, куда большинство его мыслей отказывалось заходить иначе, чем парами и при свете дня — сказала: «Я знаю, что это такое». Другая часть сделала вид, что не расслышала.

— Конечно, — сказал Гангер, — это действительно немного неожиданно. Однако все когда-нибудь случается в первый раз.

Штат замер на месте, повернулся и посмотрел на него.

— Не хотите ли вы сказать, — медленно произнес он, — что кто-то и впрямь...

— Подал жалобу, ну да, — кивнул Гангер. — К счастью, — добавил он, — она недействительна.

Луч фонарика вспыхнул на, казалось, совершенно бесконечном золотом пространстве; фотоны прыгали, и прыгали, и прыгали, отскакивая от поверхности.

— Недействительна?

— Нет.

— Почему?

— Не знаю, как по-вашему, — ответил Гангер, — но лично я не думаю, что полковник Гадаффи входит в категорию лиц, чья подпись делает действительным подобный документ. Впрочем, если не считать этого, здесь все в порядке и соответствует Хойлю.

Штат поскреб подбородок.

— Вообще-то это спорный вопрос, — произнес он. — Но в любом случае мы можем оставить это ребятам из Права. От кого жалоба?

— Вот это-то и есть самое странное, — ответил Гангер, бесцельно теребя цепочку для ключей. — По-видимому, ни-

кто никогда не слышал о нем. Пойдемте, посмотрим, не зазвенит ли у вас звоночек при виде этого имени.

Воспользовавшись нашедшейся в пристройке турботележкой для гольфа, они совершили целое путешествие, пересекая Форму С-301. В конце концов, пережив ряд приключений (они сбились с пути, свернув не в ту сторону в конце параграфа 658 (с) (iv), а затем, на откосах рельефной печати, у них кончился бензин), они прибыли на место. Гангер поставил тележку на ручной тормоз и положил свой секстант в отделение для перчаток.

— Приехали, — сказал он. — Взгляните.

Штат передвинул ногу и увидел непосредственно под собой слова *«Джерemi Ллойд-Перкинс»*, неглубоко вдавленные в мягкий металл.

— Кто это?

— Чтоб я знал, — ответил Гангер. — Я хотел попытаться найти его по компьютеру, но, разумеется, треклятый ящик опять завис. Моя секретарша в данный момент роется по картотекам.

Штат опустил на колени и провел пальцем по бороздкам в металле.

— И на что же он жалуется? — спросил он.

— Именно это, как мне показалось, вы обязательно должны увидеть, — ответил Гангер. — Пойдемте, здесь недалеко.

У составителя Формы С-301 было такое множество вопросов, на первый взгляд не относящихся к делу, но, разумеется, продиктованных насущнейшей необходимостью, что пространство, отведенное формой для текста самой жалобы, имело размеры восемьдесят на двадцать миллиметров. Мистер Ллойд-Перкинс, однако, был наделен от природы мелким почерком. Гангер достал лупу и держал фонарик, пока Штат рассматривал крохотные буквы.

— Гм, — произнес наконец Штат.

— Вот именно, — подтвердил Гангер. — Выглядит не очень-то приятно, правда?

Штат поднялся на ноги и смахнул с коленей золотую пыль.

— Мне все же кажется, что в этом не было ее вины, — сказал он. — Вы знаете не хуже меня, что за бардак царит у

них в управлении. Мы же и послали ее туда частично по этой причине.

— Конечно, — ответил Гангер. — Но ведь это не самое главное, не так ли?

— Не самое?

Гангер покачал головой, достал из кармана куртки складную трость-табурет, проткнул острием тонкую золотую мембрану и сел.

— Разумеется, нет, — ответил он. — Ну подумайте сами. Вот у нас есть смертный, о котором никто никогда не слышал, так? Из того, что он здесь говорит о себе, я заключаю, что он подписывается на «Оракул», ради финансовых сводок. Другими словами, он располагает душой, оборудованной «телетекстом», но если не считать этого, он скорее всего обычный краткосрочник. Пока все ясно?

Штат кивнул.

— Так вот, — продолжал Гангер, предлагая своему коллеге пластинку жевательной резинки, — вряд ли вы предполагаете хотя бы на минуту, что его положение позволяет ему знать о процедуре подачи жалобы. А даже если и так, никто не убедит меня, что человек, живущий в доме с четырьмя спальнями в пригороде Кардиффа, может себе позволить потратить такое количество золота только для того, чтобы пожаловаться на доставленное не по адресу сообщение. Нет, его кто-то подбил на это.

Штат поднял на него взгляд.

— Один из нас, вы хотите сказать?

— Кто-то из Службы, несомненно, — ответил Гангер.

— С тем чтобы подкопаться под вас и меня, вы полагаете?

Гангер кивнул.

— Умный ход. Кто бы это ни был, он понимал, что должно будет проводиться расследование, и даже если ее оправдают, это все равно вынесет наружу тот факт, что она смертная, нанятая без резолюции совета. Тонко, а?

Штат кивнул, медленно и методично перемалывая челюстями жевательную резинку.

— Не сказал бы, что меня это очень радует, — произнес он.

— Меня тоже.

— Мне кажется, — продолжал Штат, хмуря брови, — что нас считают полными простофилями, и полагаю, мы не должны с этим мириться. — Он покачал головой. — Нет, — продолжал он, — так не пойдет. У вас есть какие-нибудь мысли насчет того, кто...

— Боюсь, что нет, — ответил Гангер, вставая и складывая свою трость. — Я, разумеется, веду осторожные расспросы, но такие вещи требуют времени. Боюсь, все, что мы можем сейчас, — это оставаться настороже, ждать и смотреть.

Штат кивнул.

— Полагаю, — сказал он, — что рано или поздно этот человек, кем бы он ни был, захочет узнать, почему ничего не было сделано в ответ на жалобу. Не думаю, что он знает, что она недействительна.

— Может быть, и нет, — ответил Гангер. — Это, конечно, могло быть задумано и как предупреждение, но по моему, вряд ли. Для этого оно немного слишком... э-э... монументально.

— Да, видывал я и более тонкие намеки, — согласился Штат, обводя лучом фонарика расстилающуюся вокруг золотую равнину. — Ну что ж, спасибо, что дали мне знать.

— Всегда пожалуйста, — произнес Гангер, широко улыбувшись. — Да, кстати, — сказал он. — Полагаю, мне лучше убрать все это. Ну, знаете — микрофильмировать.

— Да, хорошо, — кивнул Штат. — А... э-э... что станет с оригиналом? Жесткой копией, так сказать?

Гангер пожал плечами.

— Право, не знаю, — произнес он с несколько преувеличенной небрежностью. — В мусор, полагаю, или куда-нибудь на склад. Не стоит загромождать рабочие помещения кучами ненужных старых форм, не правда ли?

На пути к выходу им попалась навстречу колонна грузовиков в три мили длиной, на них ехали солдаты, вооруженные топорами, лопатами и прочим тяжелым инструментом. Когда головной джип поравнялся с ними, водитель поднял руку и весело помахал Гангеру.

— Ваш приятель? — спросил Штат.

— Первый раз в жизни вижу, — ответил Гангер. — Держитесь на связи.

* * *

— Эй!

— А?

— Я здесь!

— Ох!

Бьорн встал, переступил через бесчувственное тело охранника и быстро пробежал небольшой клочок открытого пространства между караулкой и воротами ангара.

С тех пор как он был здесь в последний раз, прошло уже много времени, но все же он был несколько ошеломлен всей этой охраной. Законы департаментской энтропии диктуют, что охраны со временем должно становиться меньше, а не больше, а та, что еще остается, не должна работать. Даже в его времена ангар был защищен от любопытства посторонних деревянными воротами, закрывавшимися на проволочную петлю, накинутую на гвоздь, и картонным силуэтом эрдельтерьера в натуральную величину, выставленным против света. О настоящих охранниках с винтовками и в стальных касках (он энергично потер ребро ладони, восстанавливая кровообращение) не могло быть и речи. Все складывалось одно к одному, подтверждая его предположение, что здесь что-то нечисто. Укрывшись в тени проема ворот и удостоверившись, что путь свободен, он выудил из кармана свой складной нож.

Пилка для ногтей; не то. Штопор; не то. Пинцет; не то. Приспособление для вытаскивания камней из копыт импал¹; не то. Ага, вот оно: фомка.

Он вытащил необходимое лезвие, просунул его между дверью и щеколдой замка и сильно дернул. Лезвие сломалось.

Потрясенный, Бьорн поднялся с земли и уставился на замок. Конечно, в большинстве случаев не стоит полагаться на металлургические достоинства Замбийского Государственного Арсенала, если речь идет о чем-то требующем большего усилия, чем вскрывание письма — причем желательно, чтобы это была авиапочта, — но тем не менее. Этот замок был собственностью Департамента. Исходя из Бьор-

¹ Импала — название вида антилоп. (Прим. пер.)

нова опыта, комар, чихнувший за милую отсюда, должен был оставить его висеть на собственной дужке, как похмельная летучая мышь.

Поток его мыслей был смыт волной звука, напоминающего звуки Милана в час пик, проигранные на полной громкости на стереосистеме «долби», и он инстинктивно присел. «Это уже серьезно», — сказал он себе, закрывая руками уши. Сигнализация. *Работающая* сигнализация. Здесь что-то определенно происходило.

Бьорн презрительно рыгнул, вытащил из-за спины свой топор, отступил на два шага и выдал замку все, что причиталось.

— Ух! — произнес голос сзади; затем последовал звук падения тела. Бьорн обернулся. У его ног лежал тяжелооруженный пехотинец, на его стальной каске зияла вмятина, в которой можно было складировать постельное белье; рядом на земле лежала головка Бьорнова топора. Замок по-прежнему висел на воротах. Бьорн нахмурился, и хмурился до тех пор, пока его лоб не начал напоминать колено не по моде широких вельветовых штанов. Это был не обычный департаментский замок, из тех замков, что тебе дают задаром на автозаправке, когда ты останавливаешься спросить дорогу на М-34 и ничего не покупаешь; это был замок.

— Ну ладно, братишка. — Бьорн почувствовал нечто холодное и твердое у себя между лопатками. — Поднимай руки, и без глупостей.

Он тяжело вздохнул, повернулся, поднял пехотинца за лацканы, отнес его к ближайшему мусорному баку и, засунув его туда, с грохотом захлопнул крышку. Некоторые вещи, с облегчением заметил он, все же не изменились. Может быть, у них на воротах и висят новенькие блестящие замки из молибденовой стали, но люди, которые кончают тем, что идут работать в Безопасность, — это по-прежнему те самые, каких вышвыривают из Землетрясений, поскольку они не догоняют до нужного балла, интеллектуально выражаясь.

— В следующий раз, — проговорил он не совсем недружелюбно, — попробуй держать винтовку так, чтобы тот конец, в котором дырка, смотрел в направлении *от* тебя.

Он пнул напоследок ворота ангара, непроизвольно взвыл и захромал прочь, в темноту.

* * *

— Здесь, — прокричала Джейн сквозь рев мотора и показала рукой. Пилот озабоченно кивнул.

— Мне все-таки кажется... — крикнул он ей.

— Простите?

— Я говорю, мне все-таки...

— Что?

Пилот насупился. Он знал, что она слышит его, и он был уверен, что она знает, что он это знает. Но даже ради спасения своей жизни он не мог бы придумать способа *доказать*, что она знает, что он знает, что она это знает. Он махнул рукой, решив, что будет просто вести самолет.

— Здесь, — орала Джейн ему в ухо, — вот у этого большого озера, видите? Хорошо. Снижайтесь.

«Это неправильно, — сказал себе пилот. — У нас будут неприятности. У меня будут неприятности. Я действительно не должен делать это».

— Так держать, — крикнула Джейн. — Сейчас я буду выпускать ракеты!

«Весь вопрос в том, что дозволено, а что нет, — тянулся караван мыслей пилота, неспешно, как и все караваны (верблюды хромают и жалуются на низкую оплату труда, а погонщики то и дело заворачивают в караван-сарай, чтобы выпить с хозяином), поскольку если бы у пилота было достаточно мозгов, чтобы хоть наполовину наполнить колпачок авторучки, он по-прежнему летел бы сейчас на шести тысячах футов с намертво отключенным интеркомом, — и это, несомненно, относится к тому, что не дозволено». Он попытался еще раз донести свою озабоченность до пассажирки.

— Вы *совершенно* уверены, что хотите, чтобы я...

— Простите?

Пилот вполголоса выругался и налег на джойстик. Он знал, что пожалеет об этом.

* * *

Кронпринц Константин Анхальт-Бернберг-Шверинский, наслаждаясь бокалом прохладительного напитка возле бас-

сейна, внезапно заметил, что в плюшевой голубой воде отражается что-то весьма необычное. Он приподнялся на лежанке и посмотрел в небо поверх оправы своих солнечных очков «порше».

— Карл, — позвал он.

— Высочество? — его лакей, как всегда безупречный в своем парадном мундире шталмейстера второго разряда, со скрещенными тутовыми листьями и пряжкой, материализовался позади него. Принц заметил, что он пытался — очень усиленно, но тщетно — не хихикать.

— Карл, — продолжал кронпринц, слегка прикасаясь пальцем к сабельному шраму на своей левой щеке, — в небе присутствует нечто не совсем обычное. Видите ли вы это тоже?

— Jawohl¹, Высочество, — ответил лакей. — Я вижу это тоже.

— Sehr gut², — сказал кронпринц. Если ты называешь себя принцем крови, происшедшим через пятьдесят девять ненарушенных поколений от Шарлеманя, у тебя должно быть достаточно *sang-froid*³, чтобы держать шампанское охлажденным даже в огненную бурю. — На минуту подумал я, что изменяют мне мои глаза. — Он надвинул солнечные очки обратно на нос, прибавив: — Я не нуждаюсь в вас больше, — и вернулся к своему лыжному каталогу.

Лакей щелкнул каблуками, беззвучно удалился в заросли тутовых кустов и повалился на землю в приступе не до конца приглушенного хохота, в то время как у него над головой ветер принялся за непростую работу по разрыванию в клочья и развеиванию по небу искусного сплетения самолетных следов, складывавшихся в слова:

КОНСТАНТИН ФОН РОССФЛЯЙШ ТВОЯ ПЕСЕНКА СПЕТА.

Сами небеса заранее провозглашают смерть принцев, а также их рождения и свадьбы, их официальные помолвки, даты их наиболее ответственных пикников и все прочие

¹ Так точно (нем.).

² Очень хорошо (нем.).

³ Хладнокровия (фр.).

ошеломляюще интересные новости, которые мы находим под рубрикой «Дворцовые новости» в газетах с непривычно большими страницами.

Особы королевской крови отличаются от нас с вами. Они не впадают в панику. Они не начинают бегать взад и вперед, как безголовые цыплята, лишь потому, что небеса послали им предуведомление о скорой кончине. Вот, например: последней мыслью, мелькнувшей в голове кронпринца примерно за одну семьдесят пятую секунды до того, как взорвалась бомба, спрятанная в четырехфутовом надувном резиновом лебеде, качавшемся на поверхности бассейна, было: «Интересно, как им удалось поставить черточку над „и“ кратким?»

* * *

— Фактически, — продолжала Джейн, — я не вижу причин, почему бы нам не делать то же самое, минуя персонал.

Генерал-Мастер Сновидений пожевал усы, выжевал из них какой-то комок и проглотил его.

— Не видите, — произнес он.

— Не вижу, — Джейн без приглашения присела на краешек стола и полезла в сумочку за блокнотом. — Я тут немного подумала над этим, произвела некоторые предварительные подсчеты, и все такое, и право же...

Лишь немногие люди могут произнести многоточие так, чтобы оно действительно прозвучало многоточием, и Джейн была из таких людей. Генерал-Мастер Сновидений взял со стола массивный штемпель с надписью «ХРУПКОЕ» (очевидно, применявшийся для сновидений идеалистов) и начал отдирать резину от деревянной основы.

— Прежде всего, — продолжала Джейн, — что касается всей этой персональной доставки вручную. Это изжило себя. То есть это настолько неэффективно, что просто нет слов. Просто средневековое какое-то! Насколько я поняла, у вас работает такой парень, которому приходится раз в год надевать красный купальный халат и доставлять подарки каждому ребенку во всем мире! Вы хотя бы представляете себе, во что вам это обходится?

— Вам не кажется, — произнес Мастер Сновидений таким голосом, какого можно ожидать от вулкана, страдающе-

го желудком, — что это является необходимым условием действительно персонального обслуживания?

— Не кажется. Еще одна вещь, с которой необходимо разобраться, это сортировка сновидений перед рассылкой. Вам необходимо осознать тот факт, что мы здесь имеем дело с посланиями, а не с облигациями государственного займа. Правильно?

— И что же, — прохрипел Мастер Сновидений, — вы можете предложить?

— Компьютеризация, — живо ответила Джейн, — и штрих-коды. Это очень просто, когда вы научитесь с ними управляться.

— Вы хотите сказать, что в будущем у всех людей во снах будут полосатые узорчики в нижнем правом углу, так, что ли?

— Вы можете замаскировать их под перила, — предложила Джейн. Или стоящую зебру, или что-нибудь в этом роде. Все, что от вас требуется, — это немного воображения.

— Вы забыли сообщить мне, — заметил Мастер Сновидений, — как мы собираемся доставлять сновидения без посланников.

— Разве забыла? — улыбнулась Джейн. — По факсу, разумеется. Непосредственная мгновенная пересылка, от мозга к мозгу. Включая и часы пик. Это будет дешевле, а также значительно быстрее и конфиденциальнее.

— Понимаю. — Мастер Сновидений наклонился вперед с видом человека, выкладывающего главный козырь. — А как быть со знаменами? — торжествующе спросил он.

— Прошу прощения?

— Со знаменами, — повторил Мастер Сновидений. — Кровавые дожди с небес. Радужные войска, сражающиеся в облаках. Нашествия жаб.

Джейн покачала головой.

— Им просто придется уйти в прошлое, — сказала она. — Я имею в виду — в качестве информационной технологии жабы отжили свой век. А также нашествия чего бы то ни было и все остальное. — Она помолчала, рассматривая обломанный ноготь, а затем продолжала: — Вы должны идти навстречу изменяющимся запросам потребителя. В наши

дни, если вы устроите какое-нибудь нашествие, люди не станут бежать к ближайшему ясновидцу. Они будут слишком заняты организацией рок-концертов в пользу защиты окружающей среды. — Она сделала выразительный жест. — Все сводится к вопросам себестоимости. Ко времени и действию, если хотите. Времени, которое не должно быть потеряно; действию, которое не должно пропасть втуне.

— Да неужели.

— Как бы то ни было, — произнесла Джейн, вставая, — это все будет в моем отчете. Надеюсь, вы получите свой экземпляр в должном порядке.

Мастер Сновидений тоже поднялся с места и внезапно хлопнул обеими ладонями по столу перед собой.

— Да кем вы себя считаете, в конце-то концов? — вскричал он.

— Очень просто. — Джейн посмотрела на него долгим тяжелым взглядом. — Я смертная. Или, если хотите взглянуть на это с другой стороны, я одна из треклятых бедолаг-получателей. Конечных пользователей. Тех незадачливых душ, которым приходится пользоваться услугами, которые поставляют нам все ваши растреклятые департаменты. Из тех, кто в игре, другими словами.

Мастер Сновидений усмехнулся.

— Вот именно, — произнес он.

Джейн снова села, слегка склонила голову набок и испытующе подняла бровь.

— Продолжайте, прошу вас, — сказала она.

— Подумайте сами, — ответил Мастер Сновидений. — Вот у нас смертные, — он взял со стола степлер, перенес его на шесть дюймов влево и со стуком опустил на столешницу. — И вот мы. — Он поднял свою кофейную кружку и аккуратно водрузил ее поверх кипы расписок и накладных. — Понимаете?

— Нет.

— Тогда я объясню. У смертных все просто. Они рождаются, потом прохлаждаются какое-то время, занимаясь ерундой, и умирают. Нам же здесь приходится работать. Смертные... — он смахнул степлер со стола в мусорную корзину. — У нас все по-другому. Мы здесь навсегда. — Он приподнял кофейную кружку с прилипшим к донышку лист-

ком бумаги и вновь поставил ее. — Вам придется осознать тот факт, что вы собираетесь работать здесь.

— Еще одна вещь, которую необходимо исправить в этом департаменте, — заметила Джейн после долгого молчания, — это достойное сожаления разбазаривание исправного офисного оборудования. — Она вытащила степлер из корзины, аккуратно сдула с него пыль и положила обратно на стол. — Я понимаю так, что вы не возымели сочувствия к моим предложениям?

— Можете сказать так.

Джейн вздохнула.

— И вы не считаете, что кто-нибудь еще отнесется к ним с пониманием?

Мастер Сновидений кивнул.

— Позвольте сказать вам два слова в качестве совета, — произнес он. — Попробуйте вбить себе в голову, что усовершенствования далеко не всегда означают что-то хорошее. Фактически, — с нажимом добавил он, — как раз наоборот. Помните это, и вы не ошибетесь слишкомnamного.

— Благодарю вас.

— Я еще не закончил, — продолжал Мастер Сновидений. — Когда-то давным-давно, много лет назад, у нас здесь была такая же яркая искра вроде вас. Как это ни странно, он начинал как раз в этом департаменте. Он думал, что все здесь нуждается в хорошей встряске, полагал, что все мы слишком погрязли в своем образе мышления и основательное упрощение принесет нам все блага в мире. Избавиться от предубеждений, отбросить старые ограничения, вновь начать все со старта и все в таком роде. — Он вздохнул. — Все это звучало так хорошо, что мы решили попробовать, хотя бы на некоторое время. Это было самой большой ошибкой, какую мы когда-либо совершали.

— Неужели?

— Уверяю вас. — Мастер Сновидений откинулся назад в своем кресле и заложил руки за голову. — Идея состояла в том, чтобы заново создать совершенно новый уровень штатного персонала, который взял бы на себя управление миром, смотрел бы за ним, исправлял неполадки, следил, чтобы все содержалось в чистоте и порядке и работало исправно. И мы сделали это. Мы набрали их, обучили и

передали им все дела. Мы назвали их, — добавил Мастер Сновидений, словно бы между прочим, — человеческой расой.

— Ох.

— Да-с, — отрезал Мастер Сновидений. — То-то, что «ох». Чертовски глупая была идея, вы не находите? А вы знаете, что случилось с тем самородком, которые ее выдвинул?

Чувствуя себя так, словно она была простодушной дурочкой, одолжившей свои часы бродячему фокуснику, Джейн покачала головой.

— Нет.

Ухмылка, подобно лихорадочному рассвету, разлилась по лицу Мастера Сновидений.

— Его выслали почтой, — произнес он.

— Почтой?

Мастер Сновидений поднял свой штемпель для хрупких сновидений, прижал его к чернильной подушечке и обрушил на крышку стола с такой силой, что он разлетелся на две половины.

— Да, — сказал он. — Почтой.

Джейн немного подумала над этим.

— А разве это не вызвало затруднений? — спросила она.

— Абсолютно, — ответил Мастер Сновидений. — После того как запихнули в конверт его голову, все остальное вроде как последовало.

ПЯТНАДЦАТЬ

— Что за черт! — произнес Бьорн. Он болезненно извернулся, пытаясь рассмотреть, что схватило его за ногу. Та его часть, в которой случайно еще сохранился оптимизм, надеясь, что это окажется улыбающаяся белокурая стюардесса.

Это был капкан. Близко, но не в точку.

Необходимо отметить, что капкан был в высшей степени гуманным. Его челюсти не были усеяны стальными зубами в дюйм длиной; напротив, на них крепились подушечки из пенорезины, покрытые замшей. Он был также снабжен со-

проводительной надписью, на которой, по всей видимости, настоял какой-нибудь перестраховщик-юрисконсульт из администрации, выгравированной крохотными буквами на верхней челюсти капкана. Там было написано:

ОСТОРОЖНО! ЭТОТ КАПКАН МОЖЕТ
ПРЕДСТАВЛЯТЬ ОПАСНОСТЬ ДЛЯ ЛЮДЕЙ
ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА И ИНВАЛИДОВ.
ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ ОБЩЕСТВЕННОСТИ
ПРЕДЛАГАЕТСЯ ПОПАДАТЬ В ЭТОТ КАПКАН ИС-
КЛЮЧИТЕЛЬНО ПОД ЛИЧНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Бьорн хмыкнул и попытался разжать челюсти обломком своего топора. В его замбийском армейском ноже, разумеется, было приспособление для открывания капканов, но он сломал его пару дней назад, пытаясь отрезать себе кусок плавленого сыра.

У него над головой лучи множества прожекторов складывались в сложный и геометрически совершенный рисунок, который, вкупе с ревом сирен и оглушительным шумом множества динамиков, проигрывавших записи лая ротвейлеров, мог претендовать на звание одного из самых оригинальных представлений *son et lumiere*¹ в космической истории. На таком представлении, разумеется, стоило побывать.

Бьорн там был и хотел, чтобы его там не было. Топорище из выдержанного гикори, укоризненно простонав, сломалось, не сдвинув челюстей капкана и на дюйм. Лучи фонариков, метавшиеся в отдалении, явно не собирались оставаться в отдалении надолго. Что делать?

— Попался!

Луч ударил Бьорну прямо в глаза, и он автоматически отпрянул, закрывая лицо руками. Он чувствовал, что у него достаточно проблем и без того, чтобы огромные желтые пятна загромождали его сетчатку в течение последующих пяти минут.

— Давай, братишка, — произнес голос из-за источника света. — Бросай свою пушку. И не дергайся.

¹ «Звук и света» (фр.). Так назывались представления на открытом воздухе с использованием природы — деревьев, зданий и пр., освещаемых прожекторами. (Прим. пер.).

Бьорн вздохнул. Насколько он мог видеть, ему предстояла та еще ночь.

— И как я это сделаю? — спросил он. — У меня ее нет.

Луч фонарика не моргнул, конечно, но в потоке фотонов произошло некое явное изменение, указывавшее на удивление его владельца.

— Но ты же опасный преступник, — произнес он.

— Ну да, — кисло проговорил Бьорн. — Очень похож, правда?

Фонарик придвинулся поближе.

— Какое же у тебя тогда оружие? — с любопытством поинтересовался пехотинец. — Бомбы? Газовые гранаты? Огнемет?

— Нет.

Луч фонарика снова заколебался.

— Не верю, — произнес голос из-за него. — Да брось, должен же ты быть вооружен хотя бы *чем-нибудь*. Никто не врывается на особо охраняемую территорию без *чего-нибудь*.

Бьорн подумал.

— У меня есть списанный складной нож, сломанное топориче и пара носков, — сказал он. — Слушай, ты не мог бы каким-нибудь образом снять эту чертову штуковину с моей ноги, пока она окончательно не пережала мне артерии?

Пехотинец облил Бьорна лучом фонарика с ног до головы, пожал плечами и подошел еще ближе. Когда он оказался на расстоянии вытянутой руки, Бьорн вытянул ее, ухватил его за ногу, дернул и оглушил ударом обода его собственной стальной каски. Затем он взял его винтовку и принялся размыкать челюсти капкана при помощи ее дула. Даже теперь это было не так-то просто; когда он закончил, в его руках оказалась единственная во всем космосе винтовка, способная стрелять непосредственно за спину держащего ее человека. Весьма существенная деталь снаряжения для самообороны в корпоративных джунглях.

Немного задержавшись лишь для того, чтобы запихать носки в рот бесчувственного пехотинца и взять себе его пакет с бутербродами, Бьорн вскочил на ноги, поморщился и побежал вперед, в темноту. У него за спиной, теперь уже очень близко, раздавался леденящий душу квадрофониче-

ский лай долби-терьеров, сопровождающийся характерным потрескиванием пленки.

Нечто материализовалось из темноты прямо перед его лицом, и он с разбегу врезался в него. Судя по тому что он отскочил как теннисный мячик и плюхнулся на задницу, с искрами, вылетающими из ушей, это была скорее всего электрическая изгородь. Он усилием воли заставил себя прекратить вибрировать, вытащил горсть отработанных вольт у себя из бровей и моргнул четыре раза. Это было уже серьезно. Что бы ни находилось в этом ангаре, они явно не хотели, чтобы кто-то еще знал об этом. Что было довольно-таки странно, учитывая тот факт, что его каждое утро вытаскивали на небеса, где его могли видеть все желающие.

— Псст.

Бьорн поднял голову, выплюнул застрявший во рту ампер и уставился в темноту.

— Давай сюда.

— Зачем? — поинтересовался Бьорн.

Темнота немного поколебалась.

— Слушай, — прошипела она. — Ты хочешь, чтобы тебя выручили, или нет?

— С какой стороны посмотреть, — сказал Бьорн. — А ты кто?

— Меня послал Доп.

— О! — Внезапно в мозгу Бьорна забрезжил свет — фигурально выражаясь, разумеется. В противном случае свет просачивался бы из его ушей, и он представлял бы для охранников легкую мишень. — Понял. Иду.

— Сюда, — прошипел голос. Судя по тому что он изъяснялся исключительно с помощью шипящих и свистящих звуков, это был либо благожелательный призрак лопнувшего газопровода, либо болтливая змея. Но если он был другим Допа, то это вряд ли имело значение.

Доп был из таких парней, кому действительно можно верить.

* * *

Оттуда, где сидела Джейн, окруженная, как под феном, облаком шума и вибрации, это выглядело чем-то наподобие

гигантской тысяченожки в нейлоновых чулках. Чем больше ты смотрел на это, тем меньше мог распознать. Все, казалось, просто растворялось в континууме мерцающих красных и белых огоньков.

Она включила интерком.

— Это очень мило, — сказала она. — Что это такое?

Смех пилота запрыгал между ее наушниками.

— Это главный прогон Ренессансного объезда, между шестнадцатым и семнадцатым узлами, — сказал он. — Хотите посмотреть поближе?

— Давайте, — ответила Джейн, и вертолет медленно снизился. По мере того как они приближались, континуум становился все менее континуальным. Он все менее походил на кабель из оптоволокну, страдающий несварением, и все больше — на узор из миллионов крохотных точек света, которые, держась вплотную одна к другой, передвигались настолько медленно, что приходилось смотреть во все глаза, чтобы вообще заметить какое-либо движение.

— Поняла, — сказала Джейн. — Это дорожная пробка.

— Почти, — ответил пилот. — Но не совсем. Еще ближе.

Они снизились еще, и миллионы крохотных точек превратились в неясные, но отчетливо видимые формы, подобно газетной фотографии под очень мощной лупой. Они что-то напоминали Джейн — машины, если подумать, и фургоны, и мотоциклы, и автобусы — но это было лишь подобие. Это, несомненно, были какие-то повозки, но на этом сходство заканчивалось.

— Что это за штуки? — спросила Джейн.

— Жизни, — ответил пилот. — Нет, это не совсем так. Если говорить точно, используя технические термины, это настоящие.

— Настоящие что?

— Просто настоящие. И прежде чем вы спросите, чем я докажу, что они не поддельные, — я имею в виду, что это настоящие в противоположность прошлым и будущим. Ясно?

Джейн нахмурилась.

— Мне кажется, я не совсем...

— Ну, это дело поправимое, не так ли? — прервал пилот. — Я хочу сказать, что вы тоже где-то там, внизу. Часть вас, по крайней мере.

— Гм.

Теперь они были так низко, что каждая из этих штуковин была отчетливо различима в общей массе, несмотря на их полную непохожесть на все, что Джейн видела прежде. Попробуйте представить себе один из старых хайнкелевских автомобилей с прозрачным верхом, внезапно оживший и пришедший в движение, и вам удастся достичь нужной степени подобия.

— Видите указатель впереди? — сказал пилот. — Вот вам намек.

Джейн уставилась вперед. Несмотря на угольную черноту наверху, на уровне земли все было видно довольно хорошо благодаря свету, исходящему от непонятных повозок. Там действительно был какой-то знак, очень похожий на дорожный указатель.

— Я, кажется, не совсем могу...

И тут она смогла. Наступило минутное замешательство. На указателе было написано:

ДЕПЕРТАМЕНТ ВРЕМЕНИ СКВОЗНОЙ Т-49
ТВОРЕНИЕ — СУДНЫЙ ДЕНЬ ОБЪЕЗД ВОКРУГ РЕ-
НЕССАНСА УЖЕ ОТКРЫТ ЕЩЕ ОДНО СТОЛЕТИЕ
ЗАВЕРШЕНО С ОПЕРЕЖЕНИЕМ ГРАФИКА
РАБОТЫ ВЕДУТСЯ КОМПАНИЕЙ
«КАМЕНЬ ВРЕМЕНИ PLC»

По просьбе Джейн вертолет взобрался выше, пока снова не возник континуум и отдельные огоньки не слились в сплошной поток.

— Один из лучших участков, — рассказывал пилот. — Этот кусок они показывают в отчетах. Там, дальше, когда вся эта хреновня рассыпается на кусочки, это выглядит не так мило.

— Гм.

— Предполагается, — продолжал пилот, — что она должна быть вроде как непрерывной. Время как вечно текущий поток и так далее. Но это только в теории.

Джейн с трудом сглотнула и попыталась одурочить саму себя, уверяя, что волны, вздымающиеся в ее желудке, имеют отношение к тому, что вертолет болтает на воздушных течениях.

— Понимаю, — солгала она.

— На деле, разумеется, все по-другому, — безжалостно продолжал пилот. — То есть это просто смех и грех. Если они не закрывают весь проезд из-за того, что ремонтируют мембрану пространственно-временного континуума, то они заново кладут покрытие. Конечно, при этом возникают противотечения!

— Противотечения, — повторила Джейн.

— Чертовски неприятные штуки, — подтвердил пилот, кивая. — Вон как раз там, между девятнадцатым и двадцатым узлами, они перенаправили все пять полос Прошlostной стороны трассы по обочине Будущностной, и они ждут, что это будет работать! — Пилот оторвал руку от джойстика, похлопал себя по карманам и вытащил пачку жевательной резинки. — Неудивительно, что у них то и дело возникают пробки, — закончил он.

— Пробки, — проговорила Джейн. — Во Времени.

— Настоящая чума, — согласился пилот. — Не говоря уже о неразберихе, которая из-за этого получается. Вот представьте, двигаетесь вы себе не торопясь где-нибудь в первых десятилетиях шестнадцатого века, оглядываетесь через плечо, а там все эти парни в кожаных куртках и расклешенных джинсах, и майках с надписью «Status Quo», рассекающие мимо вас по внутренней стороне! Я нисколько не удивляюсь, что кое-кто срывается и пытается прорваться поперек полос. — Непосредственно под датчиком уровня топлива загорелась красная лампочка и принялась тревожно мигать. Пилот запустил пальцы в рот, достал комок жевательной резинки и налепил его сверху. — Понятия не имею, что это такое, — заметил он. — В руководстве написано просто «Аварийный сигнал».

Джейн открыла глаза — каким-то образом они оказались закрыты — и набралась храбрости посмотреть вниз. Это было похоже на... Дьявольщина; не было смысла пытаться обманывать себя сравнениями. Теперь, когда она в точности знала, что это такое, вряд ли можно было чего-то достичь, пытаясь сравнить его с тем, чем оно не являлось.

— Но пробки? — упрямо повторила она. — *Во времени?*

Пилот рассмеялся.

— Ручаюсь, вы думали, что Время всегда движется с одинаковой скоростью, — сказал он. — Что ж, теперь вы знаете.

Джейн почувствовала, как ее челюсть безвольно отвисает, словно кто-то мастерски вытащил из нее все кости так, что она ничего не почувствовала.

— А разве нет? — проговорила она.

— Конечно, нет, — ответил пилот. — То есть, действительно, предполагается, что так оно и должно быть; для этого существуют ограничения скорости. Но разве кто-нибудь обращает на них внимание? Черта с два! И они называют это прогрессом!

Джейн попыталась подумать над этим, но ее мозг не мог это переварить.

— Вы хотите сказать, что раньше было по-другому?

— Нет, — сказал пилот. — Они называют это прогрессом. Это просто слово, которое для этого используют. Иногда это называют еще новаторством, или неумолимой силой общественно-политического развития. А подразумевается под этим то, что какой-нибудь придурок-гонщик в своей высокомошной мыльнице делает тонну по внешней полосе. Такие случаи вовсе не способствуют всеобщему спокойствию, уверяю вас.

— Э-э...

— Это если он движется по Прошlostной стороне, — добавил пилот, — потому что тогда он направляется из будущего в прошлое. А если он едет по другой стороне дороги, то он, разумеется, отъявленный реакционер, тормозящий развитие общества. В любом случае, если его ловят, он автоматически теряет лицензию, и это только к лучшему, черт возьми.

Спокойная, неколебимая часть ума Джейн подбирала необходимые слова, чтобы она могла попросить пилота подтвердить, что люди действительно могут путешествовать из будущего в прошлое. Остальная часть просто выключила свет, заперла дверь и удалилась, чтобы выпить чашечку кофе. Она закрыла глаза, но это не очень ей помогло.

— Давайте все же уточним, — произнесла Джейн. — Люди движутся из прошлого в будущее, да. Думаю, это я могу понять. Но из будущего в...

Пилот, повернув голову, пристально посмотрел на нее.

— И что? — спросил он.

— Прошу прощения, — сказала Джейн, чувствуя, что у нее во рту словно застрял мокрый носок. — Разве это возможно?

— Это более чем возможно, — сказал пилот. — Это абсолютно необходимо. Вы можете себе представить, какая свалка была бы на том конце, если бы было иначе?

Джейн не нашлась что ответить. Мокрый носок оказался последним носком, тем самым, который ты обнаруживаешь застрявшим в щели в недрах барабана стиральной машины на третий день после стирки. Пилот, казалось, почувствовал испытываемое ею затруднение, поскольку изменил на несколько делений тон своего голоса и заговорил немного медленнее.

— Вот смотрите, — сказал он. — Вы ведь смертная, верно? У вас внутри крутится вся эта чепуха — кровь и все прочее. Подумайте, что было бы, если бы ваша кровь текла только в одном направлении. У вас образовался бы мощный затор в ногах, а все остальное... Ну, в общем попробуйте представить себе это таким образом, если можете. Настоящие циркулируют точно так же. Если бы это было не так, прошлое начало бы неметь и вы обнаружили бы пригоршню булавок и иголок в своем коллективном подсознательном. Понимаете, что я имею в виду?

— Вы хотите сказать, — произнесла Джейн с предельной осторожностью, — что люди вращаются снова и снова по кругу? И это происходит вечно?

Пилот потер нос основанием ладони.

— Ну, — произнес он, — полагаю, можно сказать и так. Это скорее похоже на вашу классическую аналогию с рекой, по правде говоря, но я не хотел объяснять это таким образом, потому что это ужасно избитая аналогия. Вот у вас есть река, так?

— Какая река?

— Ох, да любая река. Дождь выпадает в горах, собирается в реки, реки текут через равнину в море, море испаряется и выпадает дождем в горах. Теперь понимаете?

— Нет.

— Ну и ладно, — голос пилота, казалось, звучал откуда-то издали; или, возможно, это было скорее издавна, чем

издалека. — Как бы то ни было, насколько я понимаю, вы собираетесь помочь нам разобраться с этим. И я, черт возьми, надеюсь, что у вас это получится, — добавил он. — Потому что здесь давно пора разобраться.

* * *

Совершенно невозможно объяснить работу Времени простыми словами, особенно если вы одновременно пытаетесь вести вертолет. Пытаться понять, как это устроено, исходя исключительно из словесного описания, — это все равно что учиться раскладывать пасьянс, не имея колоды карт. Это попросту невозможно.

Вместо этого попытайтесь проследить поток до той точки, где две полосы света наконец сливаются воедино, а затем подберитесь поближе и всмотритесь. Это Время, вступающее в действие...

* * *

...В тот день, когда дождь хлещет как из ведра, а грязь вздувается пузырями вокруг щиколоток чувствующей себя чрезвычайно неловко группы высокопоставленных лиц в промокших серых костюмах и желтых целлулоидных котелках, толпящихся вокруг куска пропитанной влагой розовой ленты, вяло простертой поперек блестящей асфальтовой полосы.

— ...мне с огромным удовольствием, — говорит Штат, и дождь стекает с его шляпы, забираясь под воротник, — объявить этот астро-темпоральный сквозной перегон действительно и по-настоящему открытым.

Он протягивает руку за ножницами, лежащими на бархатной подушке, и когда его пальцы соприкасаются с ними, он делает очень быструю переоценку всей затеи и думает: «Да, но...»

Он думает: «Допустим, старая система работала, но это еще не значит, что она работала бы и дальше, учитывая значительное возрастание использования времени, ожидающееся на протяжении следующих пяти миллионов лет. Устроить все таким образом будет только разумно. Пристыко-

вать его у Большого Взрыва, и затем напрямую до другого конца, без необходимости делать остановку где бы то ни было. Не будет абсолютно никакого риска, что кто-нибудь заблудится в районе Промышленной Революции или свернет не туда возле Падения Константинополя».

И он перерезает ленту. И в эти секунды, между смыкающимися концами ножниц и падающими концами разрезанной ленты, он думает: «Что ж, мы все делаем ошибки».

Поскольку до того, как построили сквозной прогон, система все же работала. Она не должна была работать, разумеется. Она должна была представлять собой совершеннейший хаос.

Вместо прямой линии, соединяющей два конца Вселенной, это была путаница однокорейных дорожек и извилистых проездов, петляющих от одного ключевого события к другому, совершенно наобум, без всякого плана и соответствия друг с другом — в точности как сама история. Путешественнику приходилось, сойдя с паромы, плутать по закоулкам предыстории, чтобы вырваться на неолитическую кольцевую, описывать по ней огромный полукруг по окраинам Бронзового века, свернув на втором повороте налево (в противном случае ему грозило эволюционировать обратно в обезьяну), а затем долго и уныло тащиться через тысячи лет абсолютно бессобытийной временной плоскости, без всякой надежды где-нибудь срезать дорогу, пока он не добирался до прямого спуска прямо к Римской Империи. Затем ему предстояло пройти через суший ад городского движения (все знают, на что похоже движение автотранспорта в Риме наших дней; так вот, по всеобщему признанию, сейчас оно значительно улучшилось по сравнению с тем, что было раньше), а выбравшись оттуда, преодолеть Средние века — до онемения в коробке передач, все время в гору, пристроившись в хвост длинной процессии медлительных трейлеров церковных институтов, — лишь для того, чтобы оказаться лицом к лицу с изощренной сложностью хитросплетения эстакад шестнадцатого столетия...

Все что угодно лучше, чем это!

Неверно.

Настолько, по правде говоря, неверно, что после первого из катастрофических многосторонних наездов на Будущно-

стной стороне трассы Т-7 было предпринято полное междепартаментское расследование. Незачем говорить, что его результаты никогда не были опубликованы, но информация протекала как шестимесячная электрическая батарея, и не-санкционированные разоблачения начали порождать брожение в умах.

Для начала, поскольку дорога была теперь прямой, каждый пытался ехать с максимально возможной скоростью. Не считая мгновенно возросшего количества столкновений, это означало, что путешественники добирались от одного конца вселенной до другого по меньшей мере за половину положенного времени, а то и быстрее, в результате чего на том конце (где возникло совершенно *потрясающее* созвездие габаритных огней) размеры и масса образовавшегося скопления угрожали дестабилизировать равновесие вечности, не считая уже того, что там работало только три туалета в кафе на последней стоянке. Если бы что-нибудь срочно не было предпринято, ситуация грозила серьезными проблемами.

И вот, очень неохотно, Администрация решила, что ей ничего не остается, как послать всю эту толпу обратно туда, откуда она явилась...

Идея была в сущности неплохая. Чтобы избежать скопления настоящих, пытающихся разом пролезть через выход, была предложена система фильтрации; те, кому не удалось бы пройти сразу, посылались бы обратно по гигантской петле Прошлостного потока к началу пути, а затем возвращались бы по Будущностной стороне, чтобы попытаться пройти через ворота со второго захода. Предполагалось, что настоящие будут описывать круги по системе, как самолет над аэродромом, пока не получат разрешение на выход.

При всей поднявшейся суматохе из-за необходимости срочно прокладывать Прошлостные полосы, прежде чем ткань пространства-времени будет существенно повреждена, ни у кого не хватило времени, чтобы хорошенько продумать проект; в результате кошмарная перспектива того, что один и тот же путешественник будет следовать по одному и тому же маршруту дважды или трижды *одновременно* — в качестве двух или трех различных инсталляций, если хотите, — была осмыслена лишь тогда, когда было уже слишком

поздно. Сообщения о настоящих, следовавших по второму заходу и слишком быстро передвигавшихся по внешней полосе, которые врезались в спину самим себе, движущимся еще по первому кругу, явились полнейшей и более чем неприятной неожиданностью. Одних сложностей, возникавших при выплате страховых, было достаточно, чтобы породить неустрашимый парадокс в природе причинности.

Предпринятые попытки решить эту проблему вели лишь к дальнейшим и еще худшим проблемам. Идея ограничивать скорость передвижения настоящих была одной из наименее одаренных. Те из путешественников, что подчинялись установленным ограничениям, принадлежали в основном к тому типу, который и без того еле-еле тащился по внутренней полосе, путаясь у всех под ногами; к тому времени, когда им уже давно пора было находиться по ту сторону Наполеоновских войн, вдруг обнаруживалось, что они еще не выбрались из Реформации; в то время как те беспредельщики, против которых ограничения были направлены, попросту игнорировали их. Попытка размещения поперек дороги лежачих полицейских в местах наиболее частых превышений темпоральной скорости тоже не привела ни к чему хорошему — особенно когда полицейские начали подниматься.

Тем временем из-за того, что путешественники проходили по системе не один, как предполагалось изначально, а два, три, а то и четыре раза, сами дороги начали сдавать — покрытие попросту не выдерживало такой нагрузки. Большие участки, подвергавшиеся постоянному воздействию холода на всем протяжении Ледниковой эпохи, тоже не слишком-то облегчали положение. Довольно скоро — и как раз вовремя — более трети всей системы было закрыто на ремонтные работы, из-за чего возникли новые проблемы. Недовольные путешественники начали прокладывать собственные неофициальные съезды с шоссе обратно на старую заброшенную сеть дорожек и проездов, в результате чего оказывались у Выхода задолго до всех остальных, включая и самих себя. Чтобы возобновить движение по шоссе, Администрация предложила в качестве экстренной меры срезать наиболее крутые повороты, что означало, что некоторое количество ключевых моментов истории внезапно ока-

зались вообще никогда не происходившими. Троянская война, царствование короля Артура, золотой век английского сверчка просто исчезли из исторической реальности, с побочными эффектами, не поддававшимися исчислению.

Одним из печальных последствий всего этого было то, что Штат предвидел всю эту неразбериху в тот самый момент, когда перерезал церемониальную ленточку. Возможно, для него было бы некоторым утешением знать, что проблема все же была решена, если бы не тот факт, что решению было суждено быть задержанным в противотечении на Т-93 на окраине Эджинкорта, прибыть слишком поздно для того, чтобы иметь какое-либо значение, и кануть в потоке дорожного движения.

Единственной персоной, извлекавшей из всего этого фиаско некоторую пользу, был Летучий Голландец: он продал свой корабль, купил набор слесарных инструментов и маленький желтый фургончик и заколачивает теперь бешеные деньги на аварийном ремонте.

* * *

Штат закрыл дверь и перебрал свой дождевик через спинку стула. У него был тяжелый день.

Предполагается, что высшие чины Администрации должны жить вблизи от центрального комплекса Службы. За исключением случаев невероятного везения (вот как Гангер, например, который ухитрился выбить себе долгосрочную аренду на плавучий домик, причаленный у левого берега Стикса) это означает крохотную квартирку в одном из пяти лабиринтоподобных комплексов, построенных на месте бывших верфей. За свой начальный взнос в биллион крейцеров и свои пятьдесят тысяч крейцеров в год земельной ренты и оплаты коммунальных услуг вы получаете окна, которые не открываются, лифты, которые не работают, и конденсацию, в которой можно плавать. Здесь нет садов на крышах или ящичков для растений под окнами; но если в вас так уж сильна садоводческая жилка, к вашим услугам всегда есть плодородный слой на занавесках.

На дверном коврике лежали три конверта. Штат поднял их, плеснул себе в стакан на два пальца дистиллированной

воды и уселся в единственное кресло, которое ему позволяло пространство его комнаты.

Первое письмо было стандартной рассылкой от Объединенного Вечного Банка, в которой ему предлагалась скидка на страхование вечной жизни и кредитная карточка, предположительно принимаемая пятью миллионами религий по всему пространству космоса. За лишние шестьдесят тысяч крейцеров в месяц объединенные вечные банкиры были рады предложить ему принять участие в их Специальном Резервном Пенсионном фонде, который был гарантированно освобожден от налогов благодаря тому, что его юридический адрес располагался непосредственно в Зенице Вседержителя. Если они получают анкету с его данными в течение семи дней, они даже готовы бесплатно выслать ему пластмассовый будильник на батарейках.

Второе письмо было от составителей публикации под названием «Ключевые фигуры вчерашнего дня», и его сердечно приглашали заполнить прилагаемый персональный биографический вопросник, с тем чтобы его биография была включена в следующее издание наряду со 190 миллионами других ключевых фигур, что, по мнению издателей, стоили тех двух тысяч крейцеров, которые они платили за экземпляр книги. Второе письмо полетело в корзину вслед за первым.

Третье письмо он оставил напоследок, потому что оно выглядело многообещающим. Для начала, адрес был написан от руки, а его имя не было перевернуто. Он просунул палец под клапан и потянул — и мгновением позже из конверта выпрыгнул Гангер, тяжело приземлился на четвереньки и сел, массируя себе шею.

— Прежде чем вы что-нибудь скажете, — произнес он, — нет, у меня не развивается паранойя относительно того, чтобы нас не видели вместе. Может быть, я чуточку слишком предусмотрителен, но, мне кажется, нет смысла глупо рисковать.

Штат нахмурился. Вверить себя местной почтовой системе, имевшей обыкновение посылать все письма в отдаленные галактики из чистого принципа, казалось ему самым глупым риском, какой только можно придумать.

— Ну, раз уж вы здесь, — сказал он, — так продолжайте. Только мне тут надо еще переглядить груды белья, так что...

Гангер недоверчиво посмотрел на него.

— Вы гладите себе белье?

Штат побагровел.

— Да, — отрезал он, — глажу. А еще мне надо вымыть пол в кухне.

С того места, где он сидел, Гангеру была видна кухня, и ему пришло в голову, что она настолько мала, что помыть в ней пол можно очень быстро — просто вылив на него свою чашку. Но он ограничился лишь тем, что поднял бровь.

— Ну хорошо. Тогда перехожу к сути. Для всей будущности космоса жизненно необходимо, чтобы мы пошли и съели по пицце.

Штат моргнул.

— Понимаю, — сказал он. — Жизненно необходимо.

— Жизненно.

— И кто будет платить?

— Я.

Улыбка, подобная — нет, в данном контексте *не* подобная — солнцу, вышедшему из-за туч; подобная чему-то не менее житнотворному, но исключающему смысловые обертона, — разлилась по лицу Штата и завязла где-то в его воротнике.

— Заметано, — проговорил он.

ШЕСТНАДЦАТЬ

— Погоди-ка, — сказал Бьорн, внезапно останавливаясь и кладя лопатообразную руку на рукав своего проводника, — где это мы? — Раздался слабый треск, и Бьорн поспешно убрал руку. В ней ощущалось болезненное покалывание.

Проводник указал куда-то вдоль туннеля.

— Смотри сам, — ответил он.

Необходимо заметить, что проводник был маленьким, горбатым существом, целиком закутанным в нечто наподобие слишком просторной монашеской рясы. Фактически, его костюм был столь необъятным, что Бьорну пришлось поверить самому себе на слово, что внутри него вообще что-то есть.

— Куда? — спросил он.

— Туда, — ответил проводник. — Кстати, меня зовут Тцкс.

— Как?

— Тцкс.

— Ага, мне так и послышалось.

Взгляд Бьорна, проследовав за указующим рукавом, упал на дощечку, прибитую к стене. В тусклом мерцающем свете — Бьорн был по-настоящему неприятно потрясен, осознав, что свет исходил из-под Тцксова капюшона — он едва мог разобрать, что на ней было написано.

Там было написано:

ПИКАДИЛЛИ-СЕРКУС

Там было написано также:

ТАЙМС-СКВЕР

а также:

ПЛАС ДЕ ЛА КОНКОРД

и что-то еще кириллицей, и еще что-то китайскими иероглифами — ни того ни другого Бьорн прочесть не смог. Что было хуже всего, все это было написано там одновременно.

— Гм, — произнес Бьорн. Тцкс хихикнул, и из-под его одеяния выплыло несколько голубых искорок.

— Да, — ответил он, и Бьорн заметил, что это была не столько речь, сколько потрескивание. — Сбивает с толку, правда? Ну а теперь нам лучше поспешить, а то мы не пропустим поезд.

— А нам надо пропустить поезд? — удивился Бьорн.

— Ну, — ответил Тцкс, — поскольку они движутся по этому туннелю со скоростью приблизительно пятьдесят пять миль в час, думаю, это было бы желательно.

Тцкс поспешил вдоль по туннелю, двигаясь с поразительной быстротой, и Бьорн последовал за ним. Для того, кто был с ног до головы закутан в болтающийся коричневый балахон и не имел каких-либо четко различимых ног, Тцкс развивал весьма приличную скорость, а то, как он ухитрялся не путаться в подоле собственного одеяния, почти граничило с чудом.

— Мы находимся в метро, — на ходу объяснял Тцкс. — Я подумал, что так будет быстрее, чем идти пешком.

— Но ведь мы и идем пешком, — указал Бьорн. — Даже бежим.

— Ну да, — ответил Тцкс, и Бьорн заметил, что расстояние между ними понемногу увеличивается, даже несмотря на то, что он припустился вприпрыжку, — но мы идем в метро. Это, знаешь ли, совсем другое дело.

— Правда?

— Разумеется. Ага, вот мы и тут.

Потолок внезапно ушел вверх, а стены раздвинулись. По левую сторону от себя Бьорн увидел платформу, примерно на два фута возвышавшуюся над полом туннеля. Она была поразительно похожа на платформы станций парижского метро.

— Если хочешь, — сказал Тцкс, — остаток пути мы можем проделать на поезде.

Бьорн взобрался на платформу и сел на скамейку рядом с фигурой в капюшоне. У него ушло несколько минут на то, чтобы восстановить дыхание.

— Готов поспорить, ты не знаешь, как работает метро, — сказал Тцкс.

— Похоже, ты любитель спорить о том, что и так ясно.

Тцкс вновь рассмеялся. «Забавный звук, — подумал Бьорн, — что-то вроде этого получается, когда включаешь микроволновку, по ошибке положив в нее что-нибудь металлическое».

— Метро, — произнес Тцкс, — это сеть городского пассажирского транспорта, предназначенная для разгрузки наземных маршрутов в часы пик.

— Да ну, — ответил Бьорн. — Кто бы мог подумать?

Жирная зеленая искра выплыла из-под капюшона и, поплавав в воздухе несколько секунд, погасла.

— Ладно, — произнес Тцкс, — если тебе неинтересно...

— Прости. Просто эту часть я уже знаю. Я бывал в метро сотни раз. В этом, правда, не бывал.

— Метро всего одно, — ответил Тцкс. — А, вот и поезд.

И действительно, длинная зеленая кишка поезда подползла к платформе и открыла двери. Бьорн нахмурился. Это был вне всяких сомнений поезд метро. По правде говоря, именно это его и поразило: это был самый что ни на есть типичный поезд метро, какой он когда-либо видел.

— Пошли, — позвал Тцкс. Они вошли внутрь и усьелись. Вагон был пуст, если не считать полупустого картонного пакета пастеризованного молока, который при виде них демонстративно встал и переместился в другой конец вагона.

— Молоко не любит меня, — хмыкнул Тцкс. — Оно считает, что прокисает в моем присутствии.

— Что значит — метро всего одно? — спросил Бьорн. Но пока он произносил эти слова, он понял, что подсказывало ему подсознание. Вагон, в котором они сидели, мог быть вагоном любого метрополитена, где он только ни бывал: в Нью-Йорке, Париже, Москве, Лондоне, где угодно. Все в одно и то же время.

— Именно это и значит, — ответил Тцкс. — Существует только одна сеть. Просто ее в разных местах называют по-разному.

— Гм.

Поезд, громыхая, выполз со станции и углубился в темный туннель. Бьорн украдкой нащупал в кармане брюк свой складной нож и попытался определить, где в нем лезвие двуручного меча.

— Здесь, внизу, совершенно другое измерение, — продолжал тем временем Тцкс. — Удивляюсь, почему лишь немногие люди это замечают. Казалось бы, это совершенно очевидно.

— Правда? — Нет; это маленькая пластмассовая лупа, через которую еще ни разу не удавалось ничего разглядеть. Это ножницы, разрезающие клейкую ленту три раза из семи. А вот и... а, черт, это пилочка для ногтей.

— Подумай сам, — сказал Тцкс. — Назови мне какую-нибудь станцию метро.

Бьорн подумал.

— Оксфорд-Серкус.

Капюшон кивнул.

— Классический пример, — сказал Тцкс, отмахиваясь от маленького стального болта, который откуда-то вывернулся и теперь кружил вокруг его головы, как любвеобильный мотылек. — Неужели тебе никогда не приходило в голову, что за то время, пока ты спускаешься по эскалатору и тащишься несколько миль по всем этим переходам, чтобы

добраться до нужной тебе платформы Центральной линии, ты проходишь гораздо большее расстояние, чем то, что действительно отделяет Оксфорд-серкус от Бонд-стрит? И при этом тебе еще приходится ехать от станции «Оксфорд-Серкус» до станции «Бонд-Стрит» три минуты на поезде. Прав я или нет?

Бьорн крепко задумался.

— Э-э, — сказал он.

— Видишь ли, тут дело в сдвиге измерений, — объяснил Тцкс. — В этом измерении все места находятся на абсолютно равных расстояниях друг от друга, и ты перемещаешься... — он помедлил, потрескивая, как радиоприемник в машине, проезжающей под высоковольтным проводом, и затем продолжил: — Я бы сказал, ты перемещаешься под прямым углом к боковому направлению. Или, точнее, под углом в четыреста пятьдесят градусов к вертикали.

Бьорн расслабился. Когда оказываешься запертым в неизвестном измерении вместе со странным бесформенным незнакомцем в капюшоне, болтающим с тобой о математике, нет ничего лучше, как обнаружить десять дюймов заливной свинцом медной трубки на дне твоего рюкзака. Бьорн не имел стопроцентной уверенности относительно того, как она туда попала, но был очень рад, что она там была. Он с благодарностью сжал ее в руке.

— Ну хорошо, — произнес он. — Допустим, ты прав. Тогда как же получается, что когда ты садишься в метро на станции «Площадь Инвалидов», следующей станцией не оказывается «Тоттенхем-Корт-Роуд»?

Голубой огонь под капюшоном самодовольно вспыхнул.

— Очень просто, — сказал Тцкс. — Ничто не существует лишь в одном измерении. Когда ты садишься на поезд, ты обычно находишься также в измерении Времени и в целой куче других, о которых сейчас нет нужды упоминать. Они не дают тебе выйти за пределы матрицы. Что-то вроде ремней безопасности.

В сортировочном отделе своего мозга Бьорн выделил то слово в этом заявлении Тцкса, которое включило сигнал тревоги в его шишковидной железе. Это было слово «обычно».

— Однако, непосредственно в этот момент, — продолжал Тцкс, — мы скорее дрейфуем вне всех обычных изме-

рений. Если тебя это интересует, те три, в которых мы находимся, — это Метро, Страх и Бюрократия. И если ты ударишь меня этой своей медной трубкой, тебе же будет хуже.

Бьорн крепче сжал трубку. Бывают времена, когда тебе лучше поверить в то, что тебе говорят, и бывают времена, когда ты бьешь людей по черепу.

— Ты уверен, что тебя послал Доп? — спросил он.

— А, ну да, — Тцкс откинул назад капюшон и — мы даем очень приблизительное и неточное описание этой чрезвычайно сложной операции — закатал рукава. Под одеждой у него не было ничего, кроме фонтана голубых и красных искр. — Боюсь, здесь я тебя наколол.

Бьорн кивнул, занес трубку над головой и нанес сокрушительный удар в самый центр облака искр. Раздался громкий хлопок; затем с потолка пошел дождь из расплавленной меди.

— А вот насчет попыток ударить меня я говорил тебе правду, — раздался голос в центре Бьорновой головы. А потом не было ничего, кроме стремительного движения нескольких миллионов частиц, разъединяемых друг от друга и всасываемых в глубину бесконечного вакуума.

Из многочисленных последствий этого события наименее значительным было то, что некая старая леди, жившая в переоборудованном железнодорожном вагоне где-то в Небраске, получила счет за электричество на восемь миллионов триста тысяч тридцать шесть долларов и пятнадцать центов, чем была весьма озадачена. Как она объясняла своему племяннику, ее смутили не столько размеры счета, сколько то, что она оплатила последний счет всего лишь два дня назад.

* * *

Передний двор перед зданием Департамента Времени — это чуть ли не единственное место во всем административном комплексе, где есть хоть какая-то надежда припарковать машину, и даже здесь нужно знать, за какие веревочки тянуть.

Вот что для этого нужно сделать. Прежде чем отправиться туда, вы звоните Джеральду, швейцару, и просите его сохранить для вас место. При этом жизненно важно употре-

бить нужный глагол, поскольку если он просто займет вам место, то к тому времени, как вы доберетесь до парковки, ваша машина может уже давно рассыпаться на части под нормальным давлением энтропии. *Сохранение* же места — дело совершенно другое; при этом используются особые связи Департамента со временем, чтобы продлить занятое вами место на пару веков. И еще один последний совет: когда вы припаркуетесь, вам стоит сунуть Джеральду как минимум пятнадцать крейцеров, если вы не хотите, вернувшись со своей деловой встречи, застать машину припаркованной в нескольких столетиях от того места, где она стояла, в какой-нибудь конюшне и заставленной со всех сторон крестьянскими телегами.

— Спасибо, Джеральд, — сказал поэтому Гангер, и слышалось звяканье монет, переходящих из рук в руки. — И еще, не смог бы ты заказать нам такси?

— Без проблем, босс, — ответил Джеральд, подмигивая. — На какое время вы его хотели?

(Прошу заметить, насколько тщательно Джеральд подобрал время глагола; с Джеральдом не стоит допускать грамматических неточностей. Один из высших административных чинов, как-то сказавший ему: «Звони мне в любое время, когда будешь готов», — был вынужден досрочно выйти в отставку из-за звона в ушах, поскольку Джеральд всегда готов в любое время и был готов всю свою жизнь...)

— Где-нибудь через полчаса, — ответил Гангер. — В будущем, — поспешно добавил он. — Хорошо?

Фактически, когда имеешь дело с Департаментом Времени, существует огромное множество вещей, требующих исключительной осторожности, пока с ними не освоишься. Только для того, чтобы пройти через вращающиеся двери в вестибюль, требуется кандидатская степень по теории времени, если вы хотите выйти обратно в том же столетии, что и вошли. Этим объясняется то, что Гангер и Штат проникли в здание через угольный подвал.

Они нашли Джейн одну в большом кабинете; она сидела за столом, на котором можно было играть в футбол, сгорбившись над кипой бумаг, калькулятором и часами с шестью стрелками. Когда они вошли, она подняла голову и нахмурилась.

— Привет, — сказала она. — Вы опоздали.

Штат быстро, но пристально взглянул на нее; Гангер лишь улыбнулся.

— Я и забыл, — сказал он. — Нам следовало бы знать, что ты еще вчера просмотрела сводку на сегодняшние часы пик. Мы застряли в пробке?

Джейн кивнула.

— Единственное, что хорошо в этой системе, — сказала она. — Всегда можно заранее посмотреть, какие непредвиденные события случатся в следующие несколько дней. Это дает возможность знать, чего не следует ожидать. Впрочем, это порождает небрежность в планировании.

Гангер занял свое обычное место на краю стола, заметив при этом, что бумаги, сплошным шестидюймовым слоем покрывавшие всю остальную поверхность, на этом месте были заботливо отодвинуты в сторону. Трогательный штрих.

— Есть какое-нибудь продвижение? — спросил он.

— Как посмотреть, — сказала Джейн. — Вот что больше всего утомляет во всем этом. — Она вздохнула. — Вот например, — продолжала она. — Мне наконец удалось убедить отдел кадров попробовать некоторые изменения в штатном расписании. Вначале они никому не нравились, но мы немного поспорили, и в конце концов все согласились дать им месяц на испытание, начиная с двадцатого.

Штат кивнул.

— Ну и хорошо, — сказал он. — В чем же проблема?

— Проблема в том, — сухо ответила Джейн, — что здесь, на нашем этаже, уже три дня как девятнадцатое. Одни и те же двадцать четыре часа, снова и снова. Думаю, это называется «присдерживаться буквы соглашения».

Гангер сочувственно поцокал языком.

— Ну ничего, — сказал он, — это была достойная попытка. Пошли-ка лучше пообедаем. Я тут подумал, что было бы неплохо...

— Знаю, — прервала Джейн. — Я уже заказала нам столик.

* * *

— Рекомендую говядину, — произнес Гангер тоном знатока, скользя пальцем по строчкам меню. — У них здесь очень...

— Нет, спасибо, — ответила Джейн. — Мне она не понравилась. Они кладут в нее слишком много эстрагона или чего-то вроде этого. Пожалуй, я лучше возьму спагетти.

Штат взглянул на нее, придав лицу нейтральное выражение.

— А что брал я? — спросил он.

— Scampi, — ответила Джейн, не поднимая головы. — Они были остывшие, но вы не захотели поднимать шум, отсылая их обратно.

— Спасибо, — спокойно произнес Штат. — В таком случае, я попробую osso bucco.

— Фактически, — Гангер наклонился вперед и отодвинул меню от лица Джейн. — Фактически, — повторил он, — я не вижу большого смысла в этой встрече, поскольку ты уже знаешь все, что мы сказали.

Джейн пожала плечами.

— Ну, — ответила она, — я, может, и знаю, но вы не знаете. Могу сказать вам, впрочем, что мы только зря потеряли... зря все это затеяли, — поправились она. — Мы не пришли ни к чему.

Гангер переглянулся со Штатом и широко улыбнулся.

— Знаю, — сказал он. — Тонкий ход, а?

Джейн непонимающе уставилась на него.

— Прошу прощения? — переспросила она.

— Подумай сама, — Гангер откинулся на спинку стула и разломил хлебную палочку. — Эта встреча уже имела место, так? Этого действительно не изменить, согласен, но это не значит, что ты должна по-прежнему заказывать говядину. Ты можешь заказать вместо нее что-нибудь более подходящее. Правильно?

— Ну...

— И точно так же, — продолжал он, откашлявшись от попавших в горло хлебных крошек, — мы не обязательно должны приходить к тем же неудовлетворительным результатам, к которым, как я понял, мы приходим в Авторизированной Версии, так сказать. Ты следишь за моей мыслью?

Джейн задумчиво покусала губу.

— Ну, — произнесла она, — по крайней мере, я наверняка не помню, чтобы вы это говорили. Вы имеете в виду...

— Именно, — улыбнулся Гангер. — Первая версия предназначена исключительно для камеры. Ты, разумеется, в курсе, что мы все находились под наблюдением?

— Под наблюдением?

— Определенно. — Гангер развернул салфетку и заткнул ее уголок за узел галстука. — Но камеры увидят только Авторизированную Версию. Эта же — на сто процентов вне записи.

— Видишь ли, она никогда не происходила, — вмешался Штат. — Так что мы можем говорить что хотим, не боясь, что нас подслушают. Это была его идея, — великодушно добавил он. — У этого парня мозги как пинбольная машина, но это оказывается на руку, когда нужно найти обходной путь.

— Вижу, — сказала Джейн, и она не погрешила против истины. Точно таким же образом она могла бы видеть целую страницу на китайском языке, не понимая при этом ни слова. — Итак, о чем же мы говорим?

Штат налил себе стакан минеральной воды, тщательно осмотрел его, чтобы убедиться, что он еще тут, и выпил.

— Мы почувствовали, что наступило время подвести итоги, — серьезно сказал он. — Посмотреть, чего мы достигли, и так далее.

— Другими словами, — продолжил Гангер, легко перехватывая эстафетную палочку у своего коллеги, — настало время посмотреть, как продвигается дело. Можешь считать это промежуточным отчетом. Идет?

Джейн кивнула.

— Хорошо, — сказала она. — И прежде чем вы начнете: если вы хотите закончить на этом, я не против.

Двое высших чиновников в удивлении переглянулись.

— Что заставляет вас так говорить? — воскликнул Штат. — Не поверю, что эта работа показалась вам недостаточно увлекательной.

Джейн кисло усмехнулась.

— О, она более чем увлекательна, — произнесла она. Помедлив, она скрестила руки на груди, и на ее лице появилось угрюмо-решительное выражение, что-то вроде: «Никто не выйдет отсюда, пока мы не найдем преступника». — Должна сказать, — продолжала она, — что по моему мне-

нию, вы двое могли бы и предупредить меня, еще до того, как я приступила к работе.

— А разве мы не предупредили? — невинно спросил Гангер. — Мне казалось...

— Черта с два вы предупредили, — свирепо прервала его Джейн. — Вы сказали мне, что вам нужен кто-то со свежим взглядом и лично не заинтересованный, чтобы разобраться с тем, как работает ваша Администрация. Очень хорошо. Может быть, я смогу немного помочь вам с этим. Вот только что вы не сказали мне, что я нужна вам как часть каких-то ваших собственных идиотских внутрикабинетных интриг. Прошу прощения, но я не согласна.

Гангер выглядел непривычно смущенным. По крайней мере, он не улыбался; и без улыбки, собирающей их воедино, черты его лица как-то обвисли, словно бельевая веревка без подпорки.

— Пойди, — произнес он. — Это не...

Джейн проигнорировала его.

— Позвольте привести вам хотя бы один пример, — сказала она. — Возьмем вот это Время. Вы хотели, чтобы я навела здесь порядок. Все, по-видимому, признают, что здесь необходимо навести порядок. Отлично. Я подумала над этим и, как мне кажется, пришла к решению, которое должно работать...

Брови Штата взлетели, как цены на золото при нефтяном кризисе.

— Правда? — спросил он. — Как это?

Джейн нахмурилась.

— Это очень просто, — ответила она. — Вместо того, чтобы позволять ему течь куда ему вздумается, «как безудержный вечно бегущий поток, что уносит навеки своих сыновей», нужно поставить всю эту систему на рельсы. Тогда каждый будет в точности знать, куда направляются события, и мы избавимся от этих кошмарных повторов.

— Каких повторов?

— Тогда каждый будет в точности знать, куда направляются события, и мы избавимся от этих кошмарных повторов.

— Каких повторов?

— Тогда каждый будет в точности знать, куда направляются события, и мы избавимся от этих кошмарных повторов.

— Каких повторов? Ну хорошо, — сдался Штат, — идея ясна. Но подумай только, какие...

— И не говорите мне, что это из-за стоимости, — прервала Джейн. — Еще раз говорю: яснее ясного, что для финансирования подобной операции можно привлечь частный капитал. Акционеры возьмут на себя стоимость постройки путей, а взамен им будет на вечный срок предоставляться процент с дорожных сборов. — Она задумалась, затем улыбнулась. — И это, ребята, будет действительно вечный срок. Но никто ведь не сделал этого! И не собирается делать. Я проверяла по картотеке.

— Что ты делала?

— Я проверяла по картотеке.

— Что ты делала?

— Да давай же! — сказала Джейн, хлопнув ладонью по краю стола. — Похоже, где-то соединение отходит. Прошу прощения — так вот, я проверяла по картотеке. Такое интересное ощущение, представляете: читать о том, что ты еще собираешься сделать, в пыльной старой папке, которую обнаруживаешь за грудой старых коробок в чулане. Но как бы то ни было, там было все, и что бы вы думали? Идею полностью проигнорировали; я покинула Департамент через четырнадцать дней, абсолютно ничего не добившись. Так вот, — она оперлась на локти и одарила Штата таким взглядом, который мог бы заставить мамонта в сибирском леднике удивиться, отчего это внезапно так похолодало. — Я хочу знать, что все это значит? То есть...

Но прежде чем кто-нибудь успел заговорить, они внезапно обнаружили, что кто-то стоит над ними, излучая неодобрение. Штат был первым, кто вспомнил, как заставить работать голосовые связи.

— Ага, — сказал он. — Для начала, думаю, все мы не откажемся от дыни...

— Вы — может быть, — сказала официантка, и ее блокнот захлопнулся, как чашечка плотоядного растения. — Она — нет. Для нее здесь закрыто, ясно?

Гангер и Штат переглянулись.

— Прошу прощения?

Официантка зацокала языком, как пулемет за дальним лесом.

— Ваша подружка, — пояснила она. — Называет себя официанткой. Оскорбляет моих лучших клиентов, уходит, не говоря ни слова, а потом думает, что может так вот запросто прийти сюда и заказывать дыню. Не пойдет. Убирайтесь. В двух кварталах отсюда есть «Король Гамбургеров», — ядовито добавила она. — Скажите, что вас послала Роза.

* * *

Идиллия. Это было единственное подходящее слово.

Где-то вдалеке пелена легкого тумана висела над голубыми горами. От длинной травы, еще усыпанной жемчужными каплями росы, исходил запах чистоты и свежести. Легчайший из ветерков склонял длинные изящные шеи цветов, росших возле тихо бормочущего ручейка. Здесь и там овцы с повязанными на шее розовыми бантиками лежали в тени художественно искривленных дубов, задумчиво жуя и считая людей. На веранде маленького домика в форме буханки хлеба молодая мать, держа на колене своего дитя, размеренно покачивалась взад-вперед, напевая старинную колыбельную:

O abeth cynan sianon
Cor-ara llana reanon
Y-tal ny rhian myanon¹...

Бьорн материализовался из ничего, упав с высоты около пяти футов, тяжело приземлился на четвереньки, помотал головой и осмотрелся вокруг. Его органы чувств восприняли доступную информацию, а мозг произвел соответствующую оценку.

— Вот дерьмо, — произнес он. — Только не это.

* * *

— Приятного аппетита.

— Да, спасибо, — рассеянно отозвался Штат, беря поднос. Он понес его обратно к угловому столику, едва находя дорогу из-за загромождавшей ему обзор горы тарелок.

¹ Буквально: «Слушай, сопляк, давай уже засыпай, не то скормлю тебя собаке, усек?» (Прим. авт.)

— О, — произнесла Джейн. — Мне казалось, я заказывала «Двойной Чили-Натбургер с луком».

— Правда? — Штат оделил ее пристальным взглядом, в котором угрозы мешались с мольбами.

— Ну, в любом случае, — быстро добавила Джейн, — это тоже выглядит очень аппетитно, что бы это ни...

— Ну и хорошо, — прервал Гангер. — Итак. За дело.

Он вытащил из нагрудного кармана носовой платок и заткнул его за воротник. Двое его коллег посмотрели на него тяжелыми, холодными взглядами, которых тот совершенно не заметил.

— Повестка дня, — продолжал не торопясь он. — Думаю, нам следует сегодня рассмотреть: а) наши конечные цели и задачи, б) наши достижения на сегодняшний день, в)...

— Вы макаете свой галстук в соус барбекю, — сказала Джейн.

— в), — продолжал Гангер, слегка поправив галстук, — стоящие перед нами препятствия, г)...

Штат многозначительно кашлянул.

— Да, — произнес он, — хорошо, мы все поняли. Нет нужды соблюдать все эти чертовы церемонии.

Гангер взглянул на него, нахмурившись — в том смысле, что он улыбнулся ему, добавив к улыбке сдвинутые брови.

— г)... — твердо проговорил он.

Джейн потрянула головой.

— Простите, что вмешиваюсь, — сказала она, — но, может быть, мы уже начнем? Просто у меня еще куча работы, которую мне нужно сделать. — Она остановилась, и из ее рта донесся звук, напоминающий смех, пропущенный через хлебoreзку. — Впрочем, — добавила она, — будь я проклята, если вижу в этом смысл. А вы?

Гангер, наклонив голову, помешивал карандашом свой кофе. Штат вертел в пальцах ломтик рассыпчатого золотистого не пойми чего и вдумчиво рассматривал солонку.

— А вы? — повторила Джейн.

На несколько мгновений воцарилась абсолютная тишина, если не считать звука 163 человек, жующих и громко переговаривающихся на заднем плане. Гангер вытащил карандаш из чашки, аккуратно вытер его бумажной салфеткой и положил обратно во внутренний карман.

— Возможно, — медленно проговорил он, — нам стоит объяснить...

Джейн мигнула, сказала «О!» и рефлекторно потянулась за чипсами. Локоть Гангера преграждал ей дорогу. Но, право же, то, что человек получает, должно превосходить то, чего он желает, иначе зачем существуют Небеса?

— Я вас слушаю, — сказала она с набитым ртом.

Штат положил на стол свое рассыпчатое золотистое не пойми что, измазавшее тыльную сторону его руки липким красно-желтым соусом, что сделало его похожим на раненого марсианина. Затем он взглянул Джейн прямо в глаза.

— Дело вот в чем, — произнес он. — То, что мы говорили тебе насчет того, что Администрация загнана в угол, и что ей необходим свежий взгляд, и новая метла, и все такое прочее — абсолютно кошерно и соответствует действительности. Ты это знаешь, сама все это видела. Но есть и кое-что сверх этого.

— Правда?

— Именно. — Гангер, наклонившийся вперед, чтобы подчеркнуть свои слова, внезапно застыл; затем он медленно поднял руку, осмотрел локоть и содрогнулся. — Но на самом деле это все часть одного и того же. То есть да, в Администрации царит полный хаос. Но как ты думаешь, почему так получилось?

Джейн немного подумала.

— Всякое бывает, — сказала она.

— Ты хочешь сказать, это вышло само собой? — сказал Штат. — Теория энтропии в применении к практической управленческой деятельности. Это действительно так, до какой-то степени...

— Более чем, — прервала Джейн. — Спросите любого, кто хоть раз был ответственным за выдачу скрепок. Я никогда не верила в черные дыры и временные петли, до тех пор, пока меня как-то не поставили на неделю отвечать за шкаф с канцелярскими принадлежностями.

— Но, — продолжал Штат, — это еще далеко не все. Видишь ли, вещи в своем естественном состоянии не тяготеют к хаосу. К примеру, если ты высыпешь на землю песок из ведра, он сформирует аккуратный правильный конус. Если ты выльешь воду, ты получишь симпатичную лужу с

абсолютно ровными краями и совершенно плоской поверхностью. Это только работа начинает прыгать и скакать, если ты ее уронишь.

— Видишь ли, это потому, что работа неестественна, — вставил Гангер сквозь непрожеванный кусок хлеба. — Классическая термодинамика.

— Да что вы?

Гангер кивнул и тщательно вытер губы уголком салфетки.

— Работа, — сказал он, — определяется как результат приложения энергии к неподвижной массе...

— Именно этим я и занимаюсь в последнее время, — пробормотала Джейн. Гангер игнорировал ее.

— ...Что в свою очередь приводит к тому, что масса получает импульс, — продолжал он, — что приводит к движению, которое порождает трение...

— Смотря какое движение. Я тут как-то передвинула чей-то горшок с геранью, потому что у меня была от нее аллергия, так трения потом продолжались несколько недель.

— ...которое рассеивает энергию, и возникает энтропия. — Он взял со стола бумажную салфетку с лимонной отдушкой и принялся рассеянно складывать ее бесконечно уменьшающимися квадратиками. — Из-за энтропии, — продолжал он, — работа как бы обтрепывается по краям. От нее начинают отваливаться кусочки. Которые в свою очередь становятся блуждающими частицами материи, обладающими импульсом, но не направлением...

— Ага, — сказала Джейн. — Вы имеете в виду аудиторов.

— Эти частицы носятся туда-сюда, сталкиваясь с другими телами и порождая тем самым все новые осколки.

— В конце концов, — перебила Джейн, — они оказываются в папке «Входящие» на столе у какой-нибудь несчастной секретарши, в пятницу, в четверть пятого. Знаю, сама так попадала.

Гангер взглянул на свои руки. Салфетка к этому моменту стала уже настолько бесконечно малой величиной, что для практических целей перестала существовать.

— Именно эти маленькие блуждающие частицы работы и являются причиной всей неразберихи, — сказал он. — Но

не в папках они кончают свой путь. Они кончают свой путь в людях.

— Таким образом, — сказал Штат, — чтобы разобраться с проблемами, необходимо прежде разобраться с людьми. Согласна?

Джейн пожала плечами. В качестве оригинального открытия это заявление, как ей казалось, стояло наравне с попыткой запатентовать колесо в 1986 году.

— Разумеется, — сказала она. — Но какое это имеет отношение...

— Расскажите ей, — попросил Штат. Гангер открыл рот и оставил его открытым. Если бы в этот момент мимо проходил средневековый повар, он непременно засунул бы в него яблоко.

— Представь себе, — сказал наконец Гангер, — что бы ты стала делать, если бы у тебя засорилась водосточная труба? Ты взяла бы палку и попыталась бы протолкнуть затор. Именно это мы и пытаемся сделать. Проблема лишь в том, — сказал он, глядя в сторону, — что в действительности все не так просто.

— Правда? — спросила Джейн. — Почему же?

— Потому что, — ответил Штат.

— А, — кивнула Джейн. — Тогда понятно. — Она нахмурилась. — Но при чем здесь я?

— Очень просто, — ответил Гангер. — Ты — эта самая палка, продолжая аналогию. Вот только мы не стали тебе сразу говорить о людях, а сказали только о проблемах.

— Вот именно, — отозвалась Джейн. — А почему?

Штат беспокойно поерзал на своем сиденье.

— Понимаешь, — сказал он, — дело в том, что твоя работа в Администрации была полностью нашей идеей, Гангера и моей. Мы должны были уладить этот вопрос с кучей людей: комитетами, департаментскими администраторами, подкомитетами и так далее и тому подобное. Но мы не стали этого делать.

— А что?

— Они бы не согласились, — сказал Гангер. — Плюс они догадались бы, зачем мы все это затеваем.

— Они и есть тот затор, о котором шла речь, так я поняла?

— Некоторые из них, — кивнул Штат. — Так что наша затея, если говорить честно и откровенно, сводилась к тому, чтобы послать тебя совершенно без всякой подстраховки и поддержки, с явной целью подергать за носы некоторых из наиболее значительных людей во всей Администрации. Мы с самого начала знали, что они не позволят тебе сделать хоть что-нибудь полезное; честно говоря, мы поражены тем, как много тебе удалось провернуть. Нет, весь смысл мероприятия заключался в том, чтобы как следует разозлить их, и тогда, если бы нам повезло, они начали бы делать ошибки, и тогда мы бы их достали.

Джейн немного посидела, переваривая услышанное.

— Понимаю, — произнесла она. — Но почему вы не рассказали мне все это с самого начала?

— Потому что ты бы отказалась, — ответил Гангер. — Разве нет?

— Думаю, да, — задумчиво проговорила Джейн. — Точнее, может быть, и нет. Но я не смогла бы справиться так хорошо. Скорее всего, я постоянно чувствовала бы желание скрываться и оправдываться, если бы знала, что участвую в чем-то подлом.

— Подлом?

Джейн кивнула.

— О, с благой целью, разумеется, — сказала она, — но определенно подлом. А так я принялась за дело, уверенная, что правда на моей стороне, и что это они создают трудности и ставят палки в колеса. Да, теперь я понимаю.

— Ну и хорошо, — весело сказал Гангер. — У этого кофе, кстати, вкус такой, словно он год пролежал в ящике с инструментами.

— И это, конечно, объясняет, — продолжала Джейн, — почему вы двое проявляли такой острый интерес ко всему, что я делала.

— А, так ты заметила? — спросил Штат.

— Да, — сказала Джейн. — Мне это все время казалось странным: двое чиновников высшего ранга персонально курируют какую-то стажерку. Вы говорили, что это из-за того, что я была морской свинкой...

— Не столько морской свинкой, — проговорил Гангер, наполовину сам себе, — сколько таким белым кроликом,

каких ученые... — он осекся, потому что Штат пнул его под столом.

— Как бы то ни было, — сказал Штат, — мы объяснились. Итак? Ты собираешься продолжать?

Джейн почесала кончик носа пластмассовой соломинкой.

— Ох, даже не знаю, — сказала она. — Почему бы и нет? Вряд ли мне подвернется что-нибудь лучшее. — Внезапно она поднялась на ноги. — Разумеется, нет, — сказала она. — Вся эта затея кажется мне дурным сном, и если я не проснусь как можно скорее, я опоздаю на автобус. Какого черта, что за игры вы тут со мной затеяли?

Штат хотел было что-то сказать, но Гангер удержал его. Другие обедающие стали поворачивать головы и смотреть в их направлении.

— Сначала, — продолжала Джейн, набирая импульс, но, по всей видимости, совершенно не собираясь рассеивать энергию в процессе, — сначала ко мне приходит этот чудик и говорит мне, что он...

— Только не это слово, прошу тебя, — мягко вставил Гангер.

— ...и что он хочет, чтобы я работала на него, а если я не соглашусь, он собирается навеки поселиться у меня в голове. Потом, — продолжала она, поворачиваясь к Штату, который инстинктивно задвинулся подальше, укрывшись за кофейной чашкой, — подворачиваетесь вы и говорите, что если я не оставлю свою работу у Бэрриджа и не приду работать к вам, то мир рухнет. И каким-то образом, — с удивлением продолжала она, — вам удастся меня убедить — возможно, благодаря парочке вовремя подброшенных мне стихийных бедствий, — и я соглашаюсь. И вот вначале я спасаю город от наводнения, потом помогаю вам прикрыть тот факт, что у вас в управлении царит такой невероятный бардак, что кто угодно может запросто прийти к вам на базу и вволю распоряжаться вашим главным светилом, и мне почему-то начинает казаться: да, может быть, это все же происходит в действительности! А потом... — Она прервалась, роясь в поисках слов, как автомобилист у телефонной будки, шарящий по карманам в поисках неуловимой монетки. — А потом, когда я уже смогла наконец смотреться по утрам в зеркало без желания расхохотаться себе в лицо, вы

говорите мне, что на самом деле я всего лишь помогала вам двоим осуществить какой-то ваш вонючий внутрикабинетный переворот! Вот что, — сказала она, — можете взять свою работу и засунуть ее себе... — Она остановилась. — Боже мой, — прошептала она, — всю жизнь я мечтала, что когда-нибудь это скажу, и вот я сделала это. Вау! — Она снова посерьезнела, выпрямилась и взяла свою сумочку. — Простите, — сказала она, — но я выхожу из игры. Я бы проработала еще месяц, как полагается, но после недели, проведенной в Департаменте Времени, мне страшно подумывать, что из этого могут сделать такие, как вы. Прощайте.

Она повернулась к двери и зашагала прочь.

Если вспомнить о том, как управляется космос, и кем он управляется, можно смело поверить тому, что ей удалось пройти больше половины пути, прежде чем земля внезапно разверзлась и поглотила ее.

СЕМНАДЦАТЬ

Бьорн аккуратно снял тазик с огня и попробовал пальцем воду. Затем он стащил ботинки и погрузил в нее ноги.

Он проделал долгий путь: от подножия живописных голубых гор на востоке он прошел уже полпути до покрытых лесами тенистых склонов на западе, но, однако, нигде ему не встретилось даже шашлычной, не говоря уже о кентуккийских цыплятах его мечты. Тенистых лесов и зеленющих лугов — хоть отбавляй; а вот пожрать — извини подвинься. Он поворошил палкой свой костерок и украдкой бросил взгляд через плечо на пугливо пасущегося олененка.

«Ну и местечко, — сказал он себе, — это же совершенная дыра».

Над его головой сияло солнце, отбрасывая длинные четко очерченные тени на махровый ковер зелени, устилающий речную долину. Он лег на спину и показал ему язык.

«Много лет назад, — вспомнил он, — я работал на этих ублодков. Лучшие годы своей долбаной вечной жизни я угробил в основном на то, что перетаскивал с места на место здоровенные ящики. Ничего веселого в этом не было, но по крайней мере человек всегда мог зайти с приятелями в Ответственный Клуб, сыграть пару партий на бильярде, залить в

себя пинту пива и закусить пакетиком чипсов, а потом раздолбать какую-нибудь машину на парковке и сшибить пару мусорных баков по дороге домой. По крайней мере, там были тротуары, и канавы, и вода из крана, а не текущая прямо по земле, где в нее попадают листья и черт знает что еще.

А еще, — вспомнилось ему, — еще раньше, я работал на солнце. Ничего особенного, просто чистил его в конце дня, поливал из шланга, протирал ветровое стекло от налипших мошек. И что-то такое пошло не так, вроде бы какой-то придурок что-то напорточил, и все решили, что я знаю, что это было, потому что я как раз работал в ангаре, когда это произошло. Во всяком случае, так они сказали.

Для меня-то это было полной новостью, но они все равно сказали, что это дело должно быть шито-крыто и что меня придется уволить. Они сказали, мне придется начать новую жизнь где-нибудь в другом месте, где-нибудь в *идиллии*, а иначе... не помню, что там было иначе; скорее всего, это было просто Иначе.

Ублюдки...»

Олененок поднял голову, глядя на него большими круглыми черными глазами. Бьорн осклабился.

— У-ти, маленький, — засюсюкал он. — У-ти, что за маленькая маленькая оленюсечка! — «Там под деревьями я вроде бы видел дикий лук, — прошептал он про себя, — да еще, может быть, найду где-нибудь немного кросса, и выйдет очень даже неплохо».

Но олененок вдруг насторожил ушки, мотнул головой и прыснул в сторону. Надежда подшибить его камнем с двадцати ярдов рухнула. Бьорн снова сел и принялся массировать ступни.

А потом он поднял голову. Над ним стояла девушка — стройная девушка с длинными прямыми каштановыми волосами, светло-голубыми глазами и полуулыбкой проказливого ангела на слегка приоткрытых губах. И, что более существенно, с титьками размером с футбольный мяч. Бьорн широко раскрыл глаза и распахнул рот.

— Э-э, — проговорил он, но это прозвучало как откровенное мычание. — Э-э... извиняюсь, это был ваш... э-э... олененок?

Девушка откинула с лица прядь волос и опустилась на колени в траву рядом с ним. На ней была простая крестьянская блуза, из тех, на которых в магазинах «Принтемпс»

даже не пытаются проставлять цену, а в правой руке она держала лукошко с земляникой.

— *Na searan thu chulain-bach ma*¹? — сказала она. Бьорн предпринял несколько безуспешных попыток проглотить адамово яблоко и глупо ухмыльнулся.

— Э-э... да, — произнес он. — Гм. Отлично. Гм.

Девушка засмеялась, и ее смех был подобен нежному плеску горного озера, или, можно еще сказать, ледяной струе светлого пива, бьющей в доньшко стакана. Бьорн моргнул и рефлекторно принялся натягивать ботинки.

— *Be curailin suine pel-riath mo*², — произнесла девушка, и Бьорн неожиданно заметил, без особенной связи с чем-либо, что ее глаза были как... ну, они были вроде... черт, у нее были дьявольски красивые глаза, черт побери!

— Эй, — хрипло произнес он. — Я Бьорн. Гм. Вот так. Да.

Девушка опять засмеялась, и на этот раз — проклятье, он почти чувствовал во рту горьковатый вкус хмеля. Затем она достала из лукошка одну ягодку и закинула ее ему в рот прежде, чем он успел его закрыть.

— Э... м-м, — промывчал он. — Спасибо. Большое спасибо.

Девушка наклонилась и поцеловала его в макушку, и запах ее волос напомнил Бьорну вкус первой сигареты после двенадцатичасовой смены на складе взрывчатых веществ. А потом она усмехнулась, поднялась и пошла прочь.

Минут через пять Бьорн перестал пялиться туда, куда она ушла, и выплюнул земляничину. Его левая нога затекла, и в ботинке бегало что-то маленькое и волосатое. Под сенью зарослей дикого лавра два пугливых олененка с бархатными рожками смеялись до икоты.

* * *

Джейн открыла глаза.

И много она с этого получила. Если вы хотите, чтобы от ваших глаз была какая-то польза, постарайтесь не оказы-

¹ Буквально.: «У тебя что, еще одна лампочка в мозгах перегорела, или как?» (Прим. авт.)

² Буквально: «Мог бы еще и ширинку застегнуть, раз уж ты за это взялся». (Прим. авт.)

ваться в лишенной окон пещере в нескольких сотнях футов под землей с выключенным освещением.

— Эй! — позвал голос откуда-то сверху.

Она попыталась шевельнуться, но это тоже была неудачная мысль. Кто-то или что-то очень постарался, накрепко привязав ее к чему-то, что, как подсказывала ей интуиция, было железнодорожной шпалой. Где-то высоко над ее головой, более или менее в том месте, где ее инстинкты предполагали источник голоса, ей послышался хрустящий звук, словно от парового катка, медленно ползущего по гравийной дорожке.

— Кто здесь? — прошептала она.

— О, отлично, ты пришла в себя, — откликнулась темнота. Голос, возможно, был мужским, но помимо этого он был монументально неопишуемым. Он говорил без какого-либо акцента, не давал никакого намека на возраст, и Джейн чувствовала, что если он и говорит почему-то по-английски, то это скорее всего за счет какой-нибудь дьявольски продвинутой аппаратуры для синхронного перевода. — Меня зовут... — и он сказал что-то, чего Джейн не разобрала, но что звучало очень похоже на «Смотрисам». Этого не могло быть, разумеется. С точки зрения здравого смысла.

— Что я здесь делаю? — спросила Джейн.

— Не знаю, — ответил Смотрисам. — При этом освещении мне ничего не видно. Тебе не кажется, что тут ужасно темно?

— Да, — ответила Джейн, пытаясь не обращать внимание на какое-то ползучее ощущение — наверное, что-то похожее она могла бы чувствовать, если бы кто-нибудь вычищал из ее костей костный мозг ершиком для прочистки труб.

— Так может быть, стоит включить свет?

— Да, пожалуйста.

Что ж, мы все иногда говорим глупости, и, в конце концов, она же не знала. Поэтому, когда внезапно зажегся свет и она начала неудержимо вопить, в ее мозгу оставалась небольшая часть, имевшая полное право сказать: «В этом нет моей вины» и никто не смог бы ничего возразить.

— Боже мой, — сказал Смотрисам, — что-нибудь случилось?

Вместо ответа Джейн издала лишь еще несколько воплей — по правде говоря, воплей было довольно много. Даже когда свет опять погас, она продолжала бормотать и всхлипывать еще почти две минуты, а это довольно долгое время.

— Так лучше?

— Ввввввввввввв.

— Прости, что?

— Ммммммммммммм.

— Надеюсь, я не испугал тебя, — проговорил Смотрисам. — Возможно, мне следовало упомянуть, что некоторых моя внешность расстраивает. Например, меня, — добавил он.

Джейн понемногу утихала, перейдя к серии коротких, прерывистых вздохов. Голос немного подождал, затем деликатно кашлянул.

— Иногда я пугаюсь так, что света белого не вижу, — произнес Смотрисам. — Все зависит от того, в каком я расположении духа. Да, кстати, — продолжал он, — насчет моего имени. Вообще-то, полностью меня зовут Исполняющий Работы по Рассмотрению и Исправлению Заблуждений, но друзья меня называют просто Смотрисам. Вернее, называли бы, если бы они у меня были. — Он помолчал. — Но у меня их нет, — прибавил он. — Наверное, моя внешность против меня, как ты считаешь?

— Ммммммммммм.

Послышался вздох.

— Прежде, — продолжал Смотрисам, — меня называли Воздаяние, и по мне, это было совсем неплохо, потому что я мог называться Даном — в древности было такое племя. Но потом Наверху решили, что «Воздаяние» звучит слишком старомодно, и изменили его. Теперь любят подчеркивать *позитивные* моменты работы, которую мы здесь делаем. А работа у нас тяжелая.

Джейн застыла. Невероятно долго она следила за тем, как крупная капля пота скатывается по ее лицу, добираясь до кончика носа, и за это время ей пришлось в голову — по крайней мере, в ту часть ее головы, которая играла в этом эпизоде примерно ту же роль, какую играл оркестр на палубе тонущего «Титаника», — что Страх — это другое измерение.

— Ну, как бы то ни было, — продолжал тем временем Смотрисам, — теперь мне уже все равно, как меня называют, я привык к своему новому имени. Имя, на самом деле, вполне подходящее, поскольку люди видят воздаяние так, как они хотят его видеть, так что я для всех выгляжу по-разному. Ужасно, разумеется, но по-разному. Так что мне кажется, что «Смотрисам» — вполне неплохое имя, как по-твоему? — Он помолчал. — Потому что каждый может *смотреть сам* и видеть меня таким, каким, по его мнению, я должен быть, понимаешь? Каким я тебе показался, кстати?

Джейн тяжело сглотнула, обнаружив, что кто-то проложил в ее горле шершавую бетонную дорожку.

— Ты был очень большим, — проговорила она. — Огромным. И склизким. С костей у тебя свисали куски полуразложившейся плоти. И еще там были эти черви...

— Ах-х. — В темноте послышалось тихое сопение. — Похоже, ты застала меня не в лучшем виде.

— Гм.

— Ты сказала — черви?

— Угу.

— Какая отвратительная мысль, — произнес голос. — Должен сказать, у тебя довольно мерзкое воображение. Возможно, тебе стоит проконсультироваться с кем-нибудь по этому поводу.

Последовало долгое молчание.

— Ну что ж, — произнес наконец Смотрисам, — все это очень хорошо, но так мы далеко не продвинемся. Слушай, ты не станешь слишком возражать, если здесь все же будет немножко посветлее? Обещаю держаться вне твоего поля зрения. Просто, понимаешь, я, правду сказать, немного нервничаю, когда оказываюсь в темноте. Наверное, это из-за того, что я начинаю бояться, что нахожусь уже где-то не здесь. Черви, — повторил он. — Что же дальше?

— Давайте, — дрожащим голосом сказала Джейн. — Я закрою глаза.

Послышался щелчок, и сквозь темноту просочилось слабое сияние, как чернила, пропитывающие промокательную бумагу.

— Вообще-то многие обнаруживали, что закрывать глаза не помогает, — заметил Смотрисам. — Знаешь что, я луч-

ше спрячусь за маховое колесо. Тогда ты не сможешь меня увидеть.

Медленно, с большими паузами, Джейн досчитала до десяти.

— Готово? — спросила она.

— Готово.

Она открыла глаза. К ее неописуемому облегчению, все, что она смогла увидеть, была огромная машина. Это не было что-то узнаваемое, наподобие печатного станка или гидравлического пресса; представьте, что самому лучшему художнику-постановщику поручили сконструировать машину для нового фильма ужасов — вот на что это было похоже. Заметьте, *самому* лучшему художнику-постановщику.

— Где я? — прошептала она.

— А знаешь, — отозвался Смотрисам откуда-то из-за машины, — просто удивительно, насколько многие люди спрашивают об этом. До того как я начал работать здесь, я думал, что это бывает только в книжках. Ты в Справедливости.

Глаза Джейн расширились, но потом ее память велела ей успокоиться.

— В Департаменте Справедливости? — спросила она.

— Прямо в точку. Это, как ты, возможно, уже догадалась, машинное отделение. А то, что находится сейчас у тебя перед глазами, — это и есть пресловутые Мельницы Господни.

— Которые мелют медленно, но тонко?

— Именно, — ответил Смотрисам. — Правда, сейчас они не мелют, — добавил он. — В последнее время они мелют крупно и с комками. Фактически девяносто девять процентов времени они не мелют вообще.

— Э-э, — проговорила Джейн. — А почему я здесь...

— Частично, — продолжал Смотрисам, — это из-за того, что на муфте вала, соединяющего маховое колесо с кулачками, сорвалась резьба, и представляешь, ее нельзя нарезать заново этого же размера, потому что теперь все метрическое. Частично из-за того, что даже если бы они были в нормальном рабочем состоянии, их нельзя было бы гонять больше чем по часу в день, потому что уголь слишком дорогой. Частично... и даже по большей части, это из-за того, что в наши дни на них нет особенного спроса.

— Хорошо, — сказала Джейн. — Но послушайте, почему я привязана к этому бревну и что я делаю...

— Теоретически, — продолжал Смотрисам, и Джейн начала сомневаться, что черви были наиболее невыносимой деталью его личности, — они больше не нужны благодаря мне. Это называется «деавтоматизация». Последний крик моды. «Кому нужны машины, если есть люди», — говорят они. Им наплевать на то, какие последствия это будет иметь для жизней сотен тысяч обыкновенных...

Джейн резко кашлянула.

— Простите, — сказала она. Звук ее голоса растворился в воздухе.

— Они говорят, — жужжал Смотрисам, — «Кому вообще нужна Справедливость? Устаревшая концепция, сверхчеловечество сильно продвинулось вперед с тех темных и далеких времен» и так далее и тому подобное. А на самом деле они просто понемногу упраздняют Справедливость и заменяют ее Воздаянием. Прошу прощения — Рассмотрением и Исправлением Заблуждений. То есть мной, — добавил он с горечью. — И Реабилитацией, конечно. Он тоже где-то здесь.

Джейн слотнула.

— Он здесь?

— К несчастью, — вздохнул Смотрисам. — Мерзкая работенка. По сравнению с ним, кстати, я выгляжу не хуже Тайрона Пауэра.

— Вот как?

— Идея в том, — с неудовольствием пояснил Смотрисам, — что Воздаяние, может быть, выглядит отвратительно, но по крайней мере в нем есть что-то волнующее, в то время как Реабилитация — просто-напросто нечто невероятно бесцельное и занудное. И относительно этого хотя бы они правы.

Джейн с минутку переваривала это утверждение.

— А еще здесь есть такие как вы? — осторожно спросила она.

— На полной ставке — нет, — отвечал Смотрисам. — У нас есть еще Управление, разумеется, но она приходит только дважды в неделю по утрам. И это только к лучшему, если хочешь знать мое мнение, потому что в кухне у нас только две чашки, а если и есть такая вещь, которой я не переносу, так это пить утром кофе из кружки.

— Управление?

— Да еще на ней нарисован Снупи, — продолжал Смотрисам. — Клянусь, от него молоко сворачивается! Ну да, Управление. Ты же знаешь, при демократии люди обычно имеют такое управление, какого они заслуживают.

— Ага. Ладно. Послушайте, так *почему же* я здесь нахожусь?

Последовало долгое-долгое молчание, на протяжении которого Замешательство присоединилось к толпе других неприятных вещей, витающих в спертом воздухе подполья.

— Ну да, — произнес наконец Смотрисам. — Понимаешь, это была не моя идея. Ни в коем случае не моя.

— Прошу вас...

— То есть, — продолжал Смотрисам, по обыкновению понемногу набирая обороты, — мало мне того, что я торчу здесь внизу, в темноте и сырости, и для общения у меня только Реабилитация — он умеет играть только в снап¹, кстати, потому что, разумеется, не одобряет азартные игры. И все равно жульничает.

— Почему...

— ...ты находишься здесь, да-да, я как раз подхожу к этому. — Последовала еще одна пауза. — А что говорить о его очаровательной манере сушить носки на батарее!

— Прошу вас, — отрывисто произнесла Джейн. — Почему я здесь?

— Ты действительно хочешь это знать?

— Да.

— Ты уверена? Смотри, пару минут назад тебе очень хотелось, чтобы я включил свет, а потом...

— Да, я уверена.

— Ну хорошо, — произнес Смотрисам, и Джейн могла бы поклясться, что он глубоко набрал в легкие воздуха, если бы не знала наверняка, что ему некуда было его набирать. — Говоря по правде, тебя повесили.

Можно было бы услышать падение иглой. Это должна была быть достаточно большая игла — из-за шума на заднем плане. Скорее небольшой ломик. Но, во всяком случае, никто ничего не говорил.

¹ Карточная игра. (Прим. пер.)

— Повысили.

— Я так и думал, что на самом деле тебе не хотелось этого...

— Повысили, чтобы привязать в темном подвале вместе с существом, у которого из всех дыр лезут черви восемнадцати дюймов длиной и...

— Прошу тебя! — вскрикнул Смотрисам. — О боже, прости, я на минутку.

Свет погас, и Джейн слышала торопливые шаги, сменившиеся звуками рвоты. Через несколько секунд свет зажегся вновь.

— Прошу прощения, — хрипло проговорил Смотрисам. — Дело в том, что у меня очень слабый желудок, и одна мысль о...

— Все хорошо, не беспокойтесь, — с чувством сказала Джейн. — Я не подумала. Но вы серьезно хотите сказать, что меня повысили?

— А что же еще?

— Ну, я бы скорее решила, что осудили. Это как-то не вяжется с моим представлением о продвижении вверх, знаете ли.

Раздался протяжный вздох, и Джейн сделала попытку не представлять себе, откуда он исходит.

— Чертовски омерзительная работенка, — произнес наконец Смотрисам. — Однако кто-то должен же ее делать.

— Ох, — сказала Джейн. — Кажется, я начинаю понимать, куда вы клоните.

— Правда?

— Да. От меня избавились, не так ли?

— Верно, — ответил Смотрисам, избегая взгляда Джейн. — Мне очень жаль, честное слово, — прибавил он.

— Но как они смогли это сделать? — спросила Джейн, немного помолчав. — То есть разве это, ну, законно — так вот привязать неудобного для тебя члена персонала к деревянной колоде и оставить его в подземелье на веки вечные?

— О, абсолютно, — подтвердил Смотрисам, и судя по сопровождавшему его слова отвратительному скрипу, энергично закивал головой, или тем, что от нее оставалось. — У них в департаменте Права все это продумано очень тщательно. Понимаешь, в Кодексе совершенно ясно сказано,

что наниматель обязан уплатить нанимаемому полную сумму его заработка — в зависимости от разряда и опытности, конечно, — и начислять пенсионные, и предоставлять нанимаемому выходные и отпуска в оговоренном размере. Там ничего не сказано о том, к чему нанимаемый должен или не должен быть при этом привязан.

Джейн хихикнула. В ее голосе был металлический призыв, предполагавший, что если она еще не закатывает истерику, то это лишь потому, что приберегает ее на потом.

— Но я не совсем та нанимаемая, — сказала она. — Я хочу сказать, я ведь смертная. И если я буду оставаться здесь, то рано или поздно умру. Разве это не представляет дело в несколько ином аспекте?

Последовала долгая пауза.

— Ты говоришь о предусмотренном законом пособии по болезни? — осторожно спросил Смотрисам. — Но, правду сказать, я не знаю, дает ли тебе смерть право на него. Может быть, это подходит под статью о раннем увольнении. Думаю, мне стоит поискать, что об этом говорится.

— Пожалуйста, вы не могли бы уйти отсюда?

— Прости, — проговорил Смотрисам. — Я, должно быть, оскорбил тебя.

— Не в этом дело, — заверила его Джейн, — право же. Просто вам, наверное, будет не по себе, когда я начну плакать, и...

— Я понял, — поспешно сказал Смотрисам. — Да, ты правильно подумала. Очень тактично с твоей стороны. Думаю, мне стоит...

Он не закончил фразу, поскольку на него с грохотом упала стена.

* * *

Вот примерно как Бьорн дошел до этого.

«Не существует такой вещи, как идиллия. Настоящая жизнь тяжела, грязна и утомительна — ежедневные походы на работу, необходимость бриться, мусорные мешки, разодранные ночью соседским котом. Даже в бесконечной вселенной нет такого места, где тебе удастся раздобыть пластмассовую вилку, которая не ломается.

Следовательно, эта идиллия, в которой я оказался, — искусственная, и кто-то засунул меня сюда, чтобы я не болтался под ногами. Действительно, очень умно: если ты хочешь, чтобы кто-то оставался под замком, помести его в такую тюрьму, из которой ему *не захочется* выбираться. Или, по крайней мере, в такую, в которой он обнаружит, что это тюрьма, только когда будет уже слишком поздно».

Он подумал об отце Илоны, который каждый день моет телегу, которому не дозволяется ходить по свежевывытым полам, которому приходится удаляться в сарай с инструментами каждый раз, когда он захочет выкурить трубку. Интересно, что этот бедолага сделал такого, чтобы оскорбить вышестоящих? Должно быть, что-то ужасное.

Придя к этому заключению, он утвердился в мысли сбежать отсюда. Он думал так:

Эта идиллия — искусственная, правильно?

Значит, ее кто-то сделал. Это вещь.

А вещи ломаются, когда бьешь по ним.

Фокус только в том, чтобы найти правильное место. Десять лет колки дров в другой треклятой идиллии научили его, что нет смысла выходить из себя и лупить по чему ни попадя большим топором, поскольку все, к чему это приводит, — это сломанные топорщища. Необходимо найти трещину, изъян, щель, порок, прослойку в структуре древесины — и ты пройдешь насквозь, как мороженое проходит сквозь днище стаканчика в солнечный день.

Сто семьдесят лет, проведенных в Департаменте Работ, научили его, как следует смотреть на небо и горизонт, чтобы найти место склейки.

Он подождал до сумерек, прячась в стоге сена за кузней. Когда наступила полночь, он вылез наружу и посмотрел вверх. Ночь была ясной, и звезды сверкали на черном бархате неба как фальшивые бриллианты. Отлично. Тем ему будет проще.

Небо, с его миллионами мерцающих точек света, — это в конечном счете всего лишь обои, наклеенные туда, чтобы прикрыть трещины в небесном своде, возникшие в результате использования дешевой, купленной оптом штукатурки. Как и с любыми обоями со стандартным рисунком, придется немало повозиться, чтобы края совпали.

Если смотреть достаточно долго и знать, что ты ищешь, рано или поздно обнаружишь место, где обойщик напортачил; где созвездие, которое на самом деле называется Зубочисткой Адониса, раздваивается по обе стороны невидимой, миллиметровой толщины линии, или космос вздувается бугром над неразглаженным пузырем воздуха.

Если проследить невидимую линию до уровня земли, можно найти дерево, чьи ветви с одной стороны растут немного выше, чем с другой. Это и есть место склейки. Бьорну это было известно, поскольку и он в свое время провел немало дней, стоя на стремянке с ведром клея и длинной кистью. Он знал даже, что находится под звездами...

(...Довольно неприглядный красноватого цвета бетон, очень выкрошившийся, со следами опалубки и мелькающими то тут, то там сучками и никотиновыми пятнами. Многие хотят знать, что было до Великого Взрыва; так вот — там, где сейчас север, обычно стояла доска для метания дротиков.)

Если нет большой спешки, можно просто отслоить уголок обоев, отогнуть его и проскользнуть в отверстие, вновь прикрыв его за собой. Ну а если вам наплевать, вы можете просто заложить под корни дерева связку динамитных шашек, отойти в сторонку и закурить сигарету, затем неосторожно выбросив окуроч.

* * *

Смотрисам смахнул пыль с того, что мы в интересах удобства выражения будем называть глазами, и тупо взглянул вверх, обнаружив, что на него смотрят определенно неприветливым взглядом. Это было не настолько плохо, как глядеться в зеркало, но недалеко от того.

— На ноги, — произнес Бьорн. — Пошевеливайся, я не собираюсь, черт побери, торчать здесь весь день.

Смотрисам моргнул.

— Простите? — переспросил он.

— На ноги, — повторил Бьорн. — Давай, поднимайся, а то получишь сапогом по... — Он осекся и нахмурился. — Правда, похоже, что их у тебя нет, но всегда можно что-нибудь придумать.

Смотрисам поспешно вскочил.

— Нет-нет, — быстро проговорил он, — я совсем не хочу, чтобы вы утруждались из-за меня. Вы что-то хотели?

— Узнать, где здесь выход.

— А-а. — Смотрисам несколько съежился и отступил назад. Ему всегда хотелось знать, что это такое — быть по-настоящему испуганным; что ж, похоже, он не так уж много приобрел. — Здесь, правду сказать, может возникнуть небольшая сложность, потому что его здесь нет. По крайней мере, не в этом измерении. Я хочу сказать, это не совсем выход. В прямом смысле слова, — добавил он.

— Вздор, — прервал Бьорн. — Если есть яйцо, его всегда можно разбить. И кстати...

— Сюда, пожалуйста.

И в этот момент Джейн очнулась. Ее пришибло, как это ни странно, падающей звездой, и затем, долей секунды позднее, — куском штукатурки толщиной в человеческую руку. Она застонала.

Тридцать секунд — вполне достаточное время для того, чтобы просмотреть весьма длинное и замысловатое сновидение, и Джейн приснилось, что она лежит, привязанная к железнодорожной шпале, в подвалах какого-то неопределенно-зловещего здания, в то время как некий монстр, умудряющийся выглядеть в точности как самый мрачный из ее кошмаров, прячется за чем-то вроде гигантского ткацкого станка и объясняет ей, что с этих пор все, что случится в мире, будет официально считаться ее виной. Вот в чем основной недостаток сновидений, приходящих к тебе в подвалах Департамента Справедливости: никакого воображения.

— Ох, — произнесла она. — Ох, черт!

Этот момент представляет определенную сложность для описания, поэтому мы сначала уберем с дороги Смотрисама. Когда Бьорн обернулся, увидел Джейн и воззрился на нее, Смотрисам нырнул за кусок стены, быстро на цыпочках удалился и обнаружил, что находится посреди травянистого луга. Поняв, что попал не туда, он повернулся, чтобы вернуться обратно, но обнаружил, что дыра, через которую он только что вышел наружу, мистическим образом исчезла, заменившись раскидистым слегка асимметричным деревом.

Он провел остаток ночи, уныло бродя вокруг и избегая полированных поверхностей и водоемов со стоячей водой, и на рассвете набрел на прекрасную юную пастушку, которая немедленно повела его к себе домой, чтобы познакомиться с родителями. Они поженились тремя неделями позже, и теперь Смотрисам распределяет свое время между мытьем посуды, тренировкой маленькой злобной собачонки и покраской окон в спальне для гостей. Поскольку он теперь всего лишь муж Илоны, никто даже не замечает, как он выглядит.

— Кто ты? — спросил наконец Бьорн.

— Королева Виктория, — ответила Джейн. — Послушайте, вы не могли бы убрать с меня этот чурбак?

Бьорн почувствовал себя обманутым. Он хотел бы произвести на нее впечатление. Он хотел бы широким шагом подойти к ней и сказать: «Послушайте, леди, может, вам мешает эта железнодорожная шпала?» Он хотел бы перерезать на ней веревки одним широким взмахом своего замбийского армейского ножа, но большое лезвие заело, а приспособление для вытаскивания камней из копыт импалы было тупым, как ножка кресла. В конце концов он ухитрился перепилить веревку консервным ножом, но не прежде чем наступил Джейн на ногу и до кости разрезал себе палец пряжкой от ремня.

— Ну вот, — произнес он. — Без проблем.

Джейн села и принялась массировать ногу.

— Это как посмотреть, — сказала она. — Взгляните, вы сломали мне каблук! Неужели вы не можете смотреть, куда ступаете?

— Э-э...

— Что — э-э?

— Э-э... извините. — Бьорн стоял на одной ноге и кусал нижнюю губу. Вот так мог бы выглядеть Персей, слетевший с небесного свода на своих крылатых сандалиях, обезглавивший морского змея и под конец, сделав шаг назад, наступивший на хвост Андромединого любимого кота. — Простите меня, — беспомощно повторил он.

— Ладно уж, — вздохнула Джейн. — Итак: вы знаете, где здесь выход?

— Э-э... нет, — проговорил Бьорн, заливаясь румянцем.

— Не знаете?

— Простите.

— Ничего. — Джейн встала, стащила с ноги вторую туфельку и аккуратно сбила с нее каблук, постукав ею о шпалу. — Я их почти не надевала, — горестно сказала она. — А, да ладно, тут уж ничего не сделаешь. У вас нет с собой такой вещи, как фонарик, случайно?

Бьорн покачал головой, не в силах ничего сказать. Чтобы представить себе его состояние духа, вообразите: вы в зачарованном замке, вы целуете спящую принцессу; она шевелится и открывает глаза, и поворачивает голову, и тут вы замечаете, что книжка, лежащая на столике у ее кровати, называется «1001 средство от хронической бессонницы».

— Ну-ну, — проговорила Джейн. — Что ж, придется попробовать найти здесь выключатель. Давайте, сделайте хоть что-нибудь полезное.

Когда Бьорн в конце концов нашел его (налетев на него в темноте и произвольно включив при помощи собственного носа), он был преисполнен глубочайшей благодарности судьбе.

— Ну вот, — сказал он. — Эй...

Джейн взглянула на него, и ее взгляд был весьма неприветлив. Разумеется, он был не виноват в том, что выключатель гигантской машины находился рядом с тем, который включал свет, как не был виноват и в том, что обладал слишком широким носом; но она была сейчас не в том настроении, чтобы делать скидки.

— Да не стойте же столбом, — рявкнула она. — Выключите эту чертову штуковину, быстро!

Бьорн протянул руку, но было уже поздно. Какая-то сила ударила его в грудь, как из водяной пушки, перебрасывая его от стены к стене подобно мячику для сквоша¹, пока он не очутился в относительном спокойствии в углу под потолком. У него было неприятное чувство, что это было лишь временно — лишь до тех пор, пока потолок сможет выдерживать давление.

— Идиот, — донесся до него голос Джейн откуда-то вне поля его зрения. — Что вы наделали?

¹ Игра наподобие тенниса. (Прим. пер.)

— Где... вы? — пропыхтел он. Это было непросто; ему казалось, словно кто-то пытался сложить его рубашку, позабыв сперва вытащить оттуда его. — Я... не могу...

— Если вы хотите знать, я в камине.

Бьорн огляделся и заметил кончики двух туфелек, торчащих из каминной трубы. «Посмотри в лицо фактам, — шепнула его душа его мозгу, — даже по твоим стандартам бывают и более благоприятные условия для того, чтобы завязать знакомство».

— Почему это происходит? — попытался он крикнуть, но голос вышел из его груди плоским, словно выглаженный утюгом.

— Это все дурацкая машина, — прогудел голос из каминной трубы. — Она накачивает воздух в комнату быстрее, чем он успевает выходить. Еще пара минут, и я вылечу из трубы как пуля из ружья. Удовлетворены?

— Держитесь... — Бьорн боролся, противопоставляя свои грудные мышцы мощи машины. — Я... — Вот вам настоящее смущение: действительное, до звона в ушах, до жжения во внутренностях. Любой адреналин — ничто в сравнении с ним. — Уже... — Он яростно лягнул стену, но всем, чего он достиг, был короткий ливень сыплющейся штукатурки. — Иду. — Его рука нащупала перочинный нож в кармане брюк.

— Просто грандиозно, — ответила Джейн. — Вы не представляете, как вы меня порадовали.

До недавних пор Бьорн гордился тем, что поддерживает себя в хорошей физической форме, — до очень недавних пор; фактически до тех пор, которые начались каких-то несколько секунд назад, когда Жизнь внезапно решила, что ему больше пойдет, если он будет находиться только в двух измерениях, — так что на карте в некотором роде стоял также и вопрос его самоуважения. Совершив усилие, которое любой ученый отверг бы как физически невозможное, он вытащил из кармана нож, с первой попытки открыл большое лезвие и позволил давлению довершить начатое. Нож вошел в стену, проткнув ее насквозь.

Раздался долгий, громкий, крайне неприличный звук, закончившийся тяжелым шлепком, когда Бьорн упал на пол, приземлившись на голову.

— Все в порядке, — пропыхтел он несколькими мгновениями позже. — Я вырубил ее.

— Самое время, — раздался ответ откуда-то совсем издалека. — А теперь не будете ли вы столь добры вытащить меня из этой трубы?

Это оказалось наиболее нелегкой задачей; Бьорн был уже на грани того, чтобы признать поражение и тихо, на цыпочках, удалиться, когда он заметил, что при машине имеется рычаг, а у рычага имеются две позиции, одна с пометкой «Ход», а другая с пометкой «Реверс».

— Если вы наконец закончили, — произнесла Джейн, вылезая из камина, — может быть, мы снова вернемся к поискам двери?

Бьорн кивнул. Перед его глазами вспыхивали маленькие яркие точки, а остальная часть его организма чувствовала себя приблизительно так же, как могло бы чувствовать себя дерево сразу после того, как из него сделали газету.

— Дверь, — прошептал он. — Отлично. Э-э... знаете, мне кажется, здесь ее нет.

Джейн глубоко вздохнула.

— Вы хотите сказать, что мы попали сюда сквозь стену? Или кто-то постирал Вселенную, и она села?

Бьорн кивнул.

— Похоже, я знаю, что это за место, — упрямо проговорил он. — Я как-то работал в этом департаменте. Это та комната, где дверь не нужна.

Сардонический комментарий увял на губах Джейн.

— Не нужна? — переспросила она.

— Не нужна, — подтвердил Бьорн. — Суть в том, видите ли — это место скорее у нас в голове. Мы в Справедливости.

— В Справедливости? — Джейн пару раз моргнула. — Слушайте, там, откуда я пришла, есть такая вещь, называется «логика», и...

— Ну да, — ответил Бьорн. — А Справедливость, она так устроена, это вроде как то, что, как вы считаете, должно с вами случиться. Ну, знаете — сознание и все такое. Так что им нет нужды тащить вас сюда, потому что вы уже здесь с самого начала. Так они считают, во всяком случае, — добавил он. — Но знаете, я никогда не думал, что у меня столько воображения.

Джейн кивнула.

— Я тоже, — сказала она. — Но мне кажется, что все же это они засунули меня сюда. Если бы это было мое сознание, полагаю, я должна была бы узнать его — оно было бы полно немытой посуды и грязных кухонных полов.

Бьорн поднял бровь.

— С каких это пор их нужно мыть? — спросил он.

— Об этом позже, — проговорила Джейн. — Кажется, до меня дошло.

* * *

...Очень просто, хотя и не очень-то приятно.

Куда бы вы поместили неудобных вам людей, так, чтобы никто никогда не нашел их? Внутри своей головы, разумеется.

А если предположить, что вам не позволено делать такие вещи? Вы будете чувствовать себя виноватым, не так ли? По крайней мере, вы будете крайне озабочены тем, чтобы никто не дознался об этом. И вот вы помещаете их в свое сознание. Возможно, это просто происходит само собой, без сознательного решения с вашей стороны, но это очень подходящее место, поскольку, по самой природе вещей, ваше сознание является единственной частью вашего мозга, всегда и полностью запечатанной для всех остальных.

— Так где же мы? — спросил Бьорн.

Джейн нахмурила брови.

— Хороший вопрос, — ответила она. — Сначала я думала, что, может быть, я умерла и попала в ад; но потом я подумала: «Постой-ка, если это ад, то где же все эти люди, которым пришла в голову бредовая идея разливать фруктовый сок по маленьким картонным коробочкам с одноразовыми пластмассовыми соломинками?» — Она вздохнула. — Так что, думаю, это опция номер два.

Бьорн не защелкал в нетерпении языком лишь потому, что такие вещи не делают в присутствии видений высшей прелести. Тем не менее мускулы его челюсти слегка свело.

— Продолжайте, — сказал он.

— Что означает, — продолжала Джейн, — что мы находимся в чьей-то голове.

Последовала пауза, в течение которой Бьорн, за неимением более подходящего слова, думал над этим.

— Не-а, — ответил он. — Мы бы не влезли, прежде всего. Ноги бы торчали из ушей, и все такое.

Джейн присела на глыбу камня и принялась инспектировать ущерб, причиненный ее обуви.

— Все зависит от измерения, — пояснила она осторожно. — Я могу ошибаться, но у меня сложилось впечатление, что вам подобные проявляют значительно большую гибкость в таких вещах, чем мы. Я имею в виду, — прибавила она с легким содроганием, — все эти штуки со Временем...

Бьорн нахмурился.

— А это-то здесь при чем?

— Не знаю, — призналась Джейн. — На уроках физики в школе я всегда сидела на задней парте и рисовала морских змеев на полях. Мне просто кажется, что тот, кто может перекрыть две полосы в поздней Римской Империи, вряд ли будет иметь большие сложности с тем, чтобы засунуть нас двоих себе промеж ушей.

Бьорн с минуту переваривал это.

— О'кей, — сказал он. — Значит, мы в голове у какого-то парня. Нет проблем.

Он поднялся на ноги, схватил здоровенную каменную глыбу и принялся колотить ею в стену. С потолка в облачках пыли начала сыпаться штукатурка.

— Что это такое вы делаете? — поинтересовалась Джейн.

— Ну, — отвечал Бьорн между ударами, — если вы правы, очень скоро должна возникнуть большая дыра, через которую сюда прилетит пара таблеток аспирина. И тут мы просто возьмем и...

Джейн вздохнула.

— Возможно, я слишком все упростила, — сказала она. — Я имела в виду — да, мы в чьей-то голове, но в то же время мы и в другом измерении. Все это довольно сложно, знаете ли.

— Ох. — Бьорн опустил руку и выронил камень. — И что же, вы считаете, надо делать?

— Не знаю, — печально отозвалась Джейн. — Если вы хотите знать, я считаю, что мы в ловушке. Я думаю, что мы застряли здесь на веки вечные. Блестяще, правда?

Бьорн покачал головой.

— Вы не правы, — сказал он. — Смотрите. Все, что существует, — это вещь, так? А всякую вещь можно сломать, или разбить, или проделать в ней дырку, так? Все, что нам надо, — это найти место, куда надо бить, и мы будем на свободе. — Он выпрямился, развернул плечи и принялся целенаправленно шагать вокруг комнаты, останавливаясь время от времени, чтобы с силой долбануть в стену собственной головой.

Джейн со своей стороны обняла колени руками и свернулась клубком. Мало того что она здесь застряла, думала она; ей-богу, она вполне обошлась бы без подобной компании. Ее идеальный спутник жизни на остаток Вечности был... ну, это был не тот предмет, которому она посвящала слишком много размышлений: то одно, то другое; сперва экзамены на «отлично», потом мимолетное увлечение вымирающими тропическими лесами и угрозой ядерного оружия, а впоследствии в основном кипы и кипы неглаженного белья, — но это определенно не был шестифутовый светловолосый идиот нордического типа, чей круг чтения скорее всего заканчивался на «Алкоголь 4,5% об. Просьба выбрасывать банки в мусорные корзины». Если кто-то действительно хотел достать ее, он неплохо постарался.

— Эй, — позвал Бьорн. — Здесь вроде на звук какая-то пустота.

— Где именно?

— В стене.

— Хм. — Видимо, какая-нибудь межпространственная перегородка или что-нибудь в этом роде. «Боже, — подумала Джейн, — да я голодна!»

— Определенно пустота, — продолжал Бьорн. — Может, если хорошенько стукнуть туда чем-нибудь тяжелым и твердым...

— Мне казалось, вы только что сделали это.

— Ну, это все же лучше, чем просто сидеть сложа руки, — ответил Бьорн холодно. Оглядевшись вокруг, он взялся за каменную глыбу размером более обычного, пытаясь поднять ее. У него не получилось.

— Или вот есть еще труба, — продолжал он. — Похоже, она куда-то ведет.

— Весьма вероятно, — фыркнула Джейн. — Учитывая, что Вселенная искривлена, она скорее всего приводит обратно. Замыкается сама на себя. В конечном счете, я имею в виду.

— Да, — нерешительно проговорил Бьорн, — верно. А знаете, что бы мне сейчас действительно пришлось на руку, так это здоровая хорошая кувалда.

— Послушайте, — резко сказала Джейн, — вы попусту теряете время. Мы не находимся внутри комнаты; мы вообще не находимся внутри чего-либо. Мы просто внутри. — Она раздраженно всплеснула руками. — Так что не будете ли вы столь добры перестать грохотать, потому что вы начинаете действовать мне на нервы.

Бьорн с неохотой опустил на пол многообещающий на вид кусок антрацита, который пробовал на вес и на баланс, и прошел несколько шагов назад и вперед, что-то мыча себе под нос. Потом он опустился на четвереньки и сделал попытку заглянуть в трубу.

— А может, — предположил он, — если мы в голове у этого парня, как вы говорите, то эта труба — на самом деле ноздря или что-нибудь такое. Ну да, — добавил он, воодушевляясь, — а этот насос — ну, вот эта штуковина, которая сейчас работала, — может, это как-то относится к дыхательному аппарату.

— Прошу вас, — простонала Джейн, лежа на спине с закрытыми глазами, — если вас это не очень затруднит, заткнитесь хоть на минутку, потому что я пытаюсь заснуть.

Бьорн сердито взглянул на нее.

— Хорошо, — проворчал он. — Только разрешите мне попробовать еще один раз, ладно?

— Как вам угодно, — раздраженно ответила Джейн, поворачиваясь на бок.

Бьорн решительно кивнул. Он был влюблен; он был заперт внутри чьей-то головы; что-то, чего он не мог понять, пыталось размазать его по стенам, как кусок масла, и больше всех благ во всем белом свете он желал сейчас иметь под рукой пятьсот миллилитров ледяного «будвайзера». Он поплевал на ладони, примерил в руке глыбу антрацита и нанес по углу каминной полки зубодробительный удар.

Произошло несколько событий.

От каминной полки отлетело несколько больших кусков; свет мигнул; Гангер материализовался в воздухе, тяжело рухнул на пол и покатился по земле, схватившись за лодыжку и стена; в одной из стен возникла дыра, и пол внезапно оказался залит морем растворимого аспирина.

Завершилось все тем, что Бьорн, вздымая буруны, подбежал к Гангеру, схватил его за лацканы и принялся трясти его так, словно в нем содержалась смесь джина и вермута.

— Доп, подонок, — рявкнул он. — Где тебя черти носили так долго?

* * *

Штат крепче зажал полунельсоном правую руку Финансов и Общих Направлений и оскалил зубы, улыбаясь как маньяк.

Штука заключалась в том, чтобы запудрить ублюдку мозга, пока Гангер не выберется наружу. Задача с каждой минутой становилась все сложнее.

— И еще одна вещь, которой, ручаюсь, вы не знаете относительно флорентийской религиозной живописи пятнадцатого века... — произнес он.

* * *

— Доп? — переспросила Джейн. Не требовалось слишком большого воображения, чтобы увидеть струйки дыма, вытекающие из ее ушей. — *Доп?*

Гангер смущенно ухмыльнулся.

— Д. Гангер, — ответил он. — А что, по-твоему, означает буква «Д»? Норман?

Бывают моменты, когда вы чувствуете, что ситуация уплывает у вас из рук.

— Но почему? — услышала она свой голос. — Это что, значит, что вас двое — или как¹?

Гангер покачал головой.

— Совпадение. Просто так получилось, что там, откуда я родом, имя «Доппель» является одним из самых распространенных хри... самых распространенных имен. — Он по-

¹ Doppelgänger (нем.) — двойник.

молчал. — Это, — прибавил он, — часть нашего богатого и древнего культурного наследия.

— Там, откуда вы родом, — повторила Джейн. — Я считала, что вы...

— Ну да, — прервал Гангер. — Но, в любом случае, это никуда нас не приведет, не так ли? И к слову — ручаюсь, ты не знаешь, где вы находитесь. То есть, я могу дать тебе три попытки, и ты ни за что...

— Внутри головы председателя комитета по Финансам и Общим Направлениям, — сухо произнесла Джейн. — Говоря точнее, мы заперты в его сознании. — Она театрально фыркнула. — Пожалуйста, не отказывайте мне в малой доле здравого смысла.

Гангер поник.

— Правильно, — сказал он. — Ну что ж...

— И мне кажется, что я уже видела здесь все, что мне хотелось увидеть, — неумолимо продолжала Джейн, — так что, если вы знаете, как вытащить меня отсюда, я буду очень вам обязана.

— Хорошо. Гм.

— И еще, — прибавила Джейн, — можете принять мое заявление об увольнении. С меня довольно всего этого. Я хочу снова вернуться к существованию бесконечно усталого и запутавшегося человеческого существа, не вылезающего из одной и той же старой бессмысленной колеи, если вы не возражаете. На самом деле, — свирепо добавила она, — если мне удастся наконец выбраться из этого... из этой головы в целости и сохранности, я пойду прямо в ближайший политехнический институт и запишусь на бухгалтерские курсы. Ясно вам?

Гангер кивнул головой. И исчез.

* * *

Он вновь материализовался в полнейшей темноте, но ничего другого он и не ждал. Его падение прервало что-то мягкое.

Мягкое и на удивление уютное. Он полез в нагрудный карман за маленьким фонариком. Затем он ухмыльнулся.

Его со всех сторон окружало неглаженное белье.

Дальнейшее исследование показало, что белье было беспорядочно разбросано по немывтому кухонному полу, в то время как на краю светового круга, отбрасываемого его фонариком, вырисовывался силуэт раковины, выше краев нагруженной сковородками и противнями. Он кивнул. Он пришел туда, куда надо.

«Послушайте, — сказали ему стены и пол, — это просто смешно».

— Может быть, — ответил Гангер, ложась на грудь измятых грязных блузок и закладывая руки за голову. — Очень даже возможно. Но ты не можешь меня винить, если я все же попытаюсь.

«Это абсурдно, — произнесли стены и пол. — Я — в его голове, вы — в моей. Это может кончиться как тот фокус с зеркалами, которые ставят одно напротив другого, и они бесконечно отражают друг друга. Насколько я понимаю, мы можем в конечном счете вообще исчезнуть или что-нибудь в этом роде».

— Не-а, — зевнул Гангер. — Поверь мне, я знаю кое-что насчет таких вещей. Я бывал в головах у людей чаще, чем ты обедала. — Он замолчал, глядя на раковину. — А это, очевидно, значит немало. О, «Le Creuset»! У меня тоже есть такой набор.

«Оставьте мою кухонную утварь в покое, — ответил пол. — И раз уж вы все равно здесь, можете посмотреть сами. Если вы найдете хоть одну крупницу сожаления относительно увольнения...»

Гангер ухмыльнулся. Затем он медленно вытащил из-за отворота куртки большой плоский пакет и начал разворачивать его.

«Эй, — вскрикнул потолок, — Это нечестно! Вы не можете так делать!»

— А кто мне помешает? — спросил Гангер. Он перекусил скрепляющую пакет клейкую ленту.

«Но это не по правилам, — взвыла дальняя стена. — Вы не имеете права приносить свои вещи ко мне в голову, это какая-то промывка мозгов!»

Гангер подчеркнуто внимательно посмотрел на пол.

— Похоже, им это не помешает, — ответил он. — Если бы твоя мама увидела этот пол, у нее случился бы...

«Оставьте мою маму в покое!»

— Могу и оставить, — покладисто отвечал Гангер. Он прошел к раковине, вытащил оттуда инкрустированный засохшим сыром кухонный нож и принялся резать им обертку пакета. — Все зависит от того, насколько разумно ты будешь себя вести.

«А что это у вас там такое?»

— Вина, — рассмеялся Гангер. — Высшей очистки, промышленным способом сгущенные угрызения совести. Так что постарайся не чихнуть и не делай резких движений, ради нас обоих, не то весь остаток твоей жизни люди будут прятать острые предметы, когда ты будешь входить в комнату.

«Ублюдок!»

Гангер ничего не ответил. Больше он не выглядел смущенным.

«Вы блефуете. Вы не осмелитесь».

— Что ставишь?

«Если вы прольете хоть каплю этой гадости, я убью вас, как только вы вылезете наружу».

— О, это вряд ли, — беспощадно ответил Гангер. — Ты будешь испытывать такое раскаяние за все то, что ты когда-либо сделала, что ты просто на коленях будешь умолять меня позволить тебе продолжать работать на нас. Совершенно потрясающая штука, — небрежно добавил он. — На заводе, где ее производят, им приходится каждые пять минут останавливать процесс, чтобы исповедаться.

Стены, казалось, немного съежились. Пол затрепетал.

— Ей-богу, — продолжал Гангер, — ты не поверишь, в каких вещах они только не признаются. Один помощник управляющего производством как-то обзвонил все газеты, объявив, что берет на себя вину за землетрясение в Сан-Андреасе. Сказал, что землетрясение было подстроено. Нам пришлось поработать, чтобы замолчать это дело, могу тебе сказать...

«Ладно. Ваша взяла. Уберите это».

— В моем левом внутреннем кармане лежит контракт на пять лет, — медленно проговорил Гангер. — А также ручка. И блокнот, чтобы подложить снизу.

«Хорошо, *хорошо*. Уберите эту пакость, пока вы не пролили ее».

— Спасибо, — сказал Гангер. — Ты не пожалеешь об этом. Или, по крайней мере, не пожалеешь и вполонину настолько, как пожалела бы, если бы я...

«Хорошо!»

* * *

Все смазлось.

Это длилось какую-то долю секунды; впрочем, оно и к лучшему. Представьте себе кинематографическое изображение Скалистых гор, протянутое перед двухдюймовым отверстием задом наперед.

— Ну, вот и мы! — весело воскликнул Гангер. — Все в целости и...

Штат поднял голову и отпустил своего пленника.

— Какого черта вы так долго возились? — спросил он. Пленник слабо застонал, упал лицом вперед и затих. Гангер взглянул на него.

— Никто не просил вас прибегать к жестким мерам, — осуждающе сказал он. — Он еще нужен нам, между прочим.

— Никто и не прибегал к жестким мерам, — проворчал Штат. — Если не считать то, что мне пришлось трижды пересказать ему сюжет «Тристана и Изольды», стараясь при этом, чтобы это звучало интересно, — мрачно добавил он.

— По мне, так это вполне жесткие меры, — ответил Гангер. — Ну да ладно, впрочем; итак, мы все здесь. — Он опустил глаза и потыкал бесчувственное тело носком ботинка. — Кто-нибудь, выплесните на него ведро воды, что ли.

— Прошу прощения.

Гангер и Штат обернулись.

— Прошу прощения, — повторила Джейн, — но соглашение расторгается. Оно было заключено под давлением, и совершенно не по правилам, и я не подписываю ничего.

Она сложила руки на груди, и одновременно вперед выступил Бьорн. Его было ужасно много, и, несмотря на то что было неопровержимо ясно, что грубое физическое насилие не возымеет совершенно никакого действия на таких, как Гангер и Штат, они оба отступили на несколько дюймов. В конце концов, никто не мог поручиться, что это известно ему.

— Кто это? — спросил Штат.

— Ах да, — ответил Гангер, пытаясь закутать свой голос коротким покрывалом самоуверенности. — Это мой друг, с которым я давно хотел вас обоих познакомить.

Штат некоторое время обдумывал это.

— Если это ваш друг, — заметил он, — то почему же он держит вас за лацканы в двух футах над полом? Это что, значит, что он очень рад вас видеть?

— Ты ублюдок, — сказал Бьорн. — Скользкий, никчемный вонючий паразит. Ты ушел и оставил меня в этом... — Он помедлил, от корки до корки просматривая свой словарь в поисках подходящего слова; учитывая размер Бьорнова словаря, это было немного похоже на поиски комбайна в стоге сена. — В этом *дерьме*, — решительно сказал он. Что лишь показывает, что вовсе не обязательно носить между ушами целую энциклопедию, чтобы иметь возможность при необходимости подобрать *mot juste*¹.

— Ох, да ладно тебе, — сказал Гангер. — Не так уж все было плохо.

Реплика была подобрана неверно. Гангер внезапно обнаружил, что находится в одном дюйме от пары самых разъяренных глаз, какие он когда-либо видел.

— Ну хорошо, солнце мое, — спокойно проговорил Бьорн. — Ты у нас умеешь читать мысли, так?

— В точку.

— Может, заглянешь быстренько да посмотришь, какие у меня мысли насчет тебя?

Гангер тяжело сглотнул.

— Как-то не хочется, — ответил он. — Ты, конечно, отдаешь себе отчет, что физические неудобства не оказывают на меня решительно никакого воздействия.

— Уверен?

Джейн поцокала языком.

— Отпусти его, — оживленно сказала она. — Если ты его напугаешь, он еще возьмет и спрячется у меня в подсознании, а с подсознанием у меня и без того было достаточно проблем все эти годы. Кто ты такой, кстати?

Бьорн pokrutil головой и залился румянцем.

¹ Точное слово (фр.).

— Э-э... — запинаясь, проговорил он. — Ну, меня вроде как зовут Бьорн. То есть...

— Приятно познакомиться, Бьорн. Ты, кстати, ничего не забыл?

Глаза Бьорна наполнились паникой, в то время как он пытался определить допущенную им оплошность в правилах поведения. Может, он должен был пожать ей руку, или предложить уступить ей место, или понести ее сумку? И вообще, следует ли называть свое имя уже при первой встрече?

Он отчаянно озирался по сторонам, ища дверь, чтобы открыть ее перед ней.

— Мне кажется, она имела в виду — опустить меня на пол, — шепнул Гангер.

Не двинув головой, Бьорн слегка расслабил пальцы. Раздался шлепок, и что-то у его ног проговорило:

— Большое спасибо.

— И вообще, как ты ввязался в это дело? — спросила Джейн. — По виду ты не похож на...

— Так и есть, — прервал Гангер. — Точнее, он был им. Но больше не является. Теперь он суперскот.

Джейн уже собиралась переспросить: «Кто?», — а у Штата уже вертелся на языке вопрос: «Послушайте, что вообще здесь происходит?», а Бьорн уже приготовился дать кому-нибудь в морду, когда бесформенная куча на полу простонала и слегка шевельнулась.

И посмотрела вверх. И увидела Бьорна. И завопила.

* * *

По крайней мере один из него завопил.

Одна из опасностей, присущих работе на высших административных должностях, учитывая все сопутствующие стрессы и нервное напряжение департаментской политики, состоит в возможности раздвоения личности. Обычно это считается чем-то, чего следует избегать, но в этом положении есть и свои преимущества.

Вот хороший пример: это означало, что в то время как одна половина личности Финансов и Общих Направлений производила тихие попискивающие звуки и пыталась за-

рыться в ворс ковра, другая его половина гневно шагала по коридорам барачков Департамента Безопасности, испуская яростные вопли и колотя в двери рукояткой стека. Преимущество, которое Финансы и Общие Направления имел перед любым среднестатистическим психопатом, заключалось в том, что он сумел обеспечить отдельные телесные воплощения для каждой из своих разделенных личностей; или, говоря другими словами, к двум его личинам прилагалось два тела.

То, которое сопутствовало образу наполовину спятившего диктатора, было очень большим, одетым в нечто наподобие тех черных кожаных шинелей, за которыми гонялись бы эсэсовцы, если бы имели доступ к драконовой шкуре высшей выделки, и щедро увешанным оружием весьма интересного вида. Потребовалось бы довольно живое, чтобы не сказать извращенное, воображение, чтобы понять, для чего непосредственно оно предназначено, но любой дурак понял бы с первого взгляда, что это оружие. Даже, возможно, дьявольское оружие.

— Подъем, растреклятые вы сукины дети! — орал он. — Шевелитесь!

Крича, он катал во рту по кругу окурков сигары. Где-то к северу от его бокового кармана некое особенно трудноопределимое оружие пожало плечами и превратилось в изящный револьвер с перламутровой рукояткой.

Когда эхо его шагов затихло в конце коридора, два мутноглазых спектральных воина открыли свои двери и высунули головы, взглянув друг на друга.

— И что теперь? — зевая, произнес один из них.

— Знаешь что, — ответил второй, — сдастся мне, нам это придется не очень-то по вкусу.

Тут его собрат по оружию внезапно осознал, что до сих пор одет в футболку с надписью «Снупи». Он поспешно повернулся, чтобы надеть свой форменный (а точнее, бесформенный) черный балахон с капюшоном, и поэтому не заметил, что его соратник подошел к двери, держа в руках экземпляр «Спутника балетомана», который он читал с фонариком под одеялом.

— Лучше нам приготовиться, — сказал тайный балетоман. Они оба нырнули в свои кельи.

Через несколько минут они уже стояли в строю. Их командир вышагивал взад и вперед, поглядывая на них, и в его манере было что-то такое, что не прибавило им оптимизма. В этом воплощении Финансы и Общие Направления иногда называли Великим Стариком, или Стариной Железнобоким, или просто Генералом. И еще много кем.

Он остановился и вытянул свой стек, его рука тряслась от ярости.

— Вот дерьмо! — прошептал фанат Снупи своему соседу. Они одновременно скосили глаза влево, увидели, в чем состоит причина генеральского гнева, и молча от всей души возблагодарили Провидение, что это случилось не с ними.

8765В забыл надеть маску.

Соответственно, их строй состоял из сорока девяти вздымающихся черных капюшонов, под которыми не было совершенно ничего, кроме пары неописуемо ужасных точек красного света, и одного бледно-розового лица в очках и покрытого сыпью от бритья. Сорок девять пар неописуемо ужасных точек красного света померкли, и окружающие их капюшоны вздрогнули. Спектральный воин, оказавшийся на смотре одетым не по форме, вряд ли отделается просто побелкой камней на плацу или стрижкой травы при помощи маникюрных ножниц.

— Ты, — прошипел Генерал. — Исчезни.

Розовое лицо обвисло, как проколотый воздушный шарик, и нырнуло внутрь капюшона.

— Но... — проговорил тоненький голос откуда-то с самого дна.

— Я сказал, исчезни, солдат. Ты глухой?

— Сэр... — Послышался вздох жалости — в соотношении, примерно соответствующем очень сухому «мартини», — и сперва капюшон, а затем и все остальное обмундирование медленно осело на землю, оставшись лежать там кучей, словно пара пьяных штанов. Для спектрального воина слово командира значит в точности то, что сказано.

Генерал огляделся вокруг и пожевал свой сигарный окурочок.

— В чем дело? — резко спросил он. — Никогда не видели, как разжалуют бессмертную душу?

Полнейшая тишина. Когда галстучная булавка бывшего 8765В наконец ударилась о землю, это прозвучало как маленький взрыв.

— Хорошо, — прорычал Генерал. — Двинулись.

Ботинки дружно ударились в покрытие плаца.

Удовлетворенно что-то буркнув, Генерал подал сигнал, и колонна тронулась уstraшенным быстрым маршем к ожидающим грузовикам. Возможно, спектральных воинов несколько утешило бы, если бы они знали, что в какой-то четверти часа езды отсюда в точности та же самая персона, что и тот стопроцентный ублюдок, который смотрел на них, желая, чтобы кто-нибудь из них забыл начистить замок своего штыка, лежал съевшись под стулом и тихо попискивал, как перепуганный котенок.

А возможно, и нет.

* * *

Повисло напряженное молчание. Можно было почти слышать работу мысли, ощущать ее вибрацию. Если бы поблизости находился барометр, он бы заплакал.

— Ну хорошо, — произнес наконец Граф Саксонского Берега. — Я тоже буду телятину. Итак, получается три телятины, один цыпленок, один *osso bucco* и три бутылки красного.

Сестра Императора покачала головой.

— Телятины нет, прошу прощения, — сказала она. — Я забыла вам сказать. Чертов мясник сегодня снова не доставил ее.

Избиратели долгое время глядели друг на друга. Тем, кто в конце концов облек это в слова, был Его Светлость Пфальцграф.

— Слушайте, — выговорил он, — что здесь все же происходит?

ВОСЕМНАДЦАТЬ

Тем временем, в интересах ясности и удобопонимаемости повествования, свернем за следующим углом налево, через эстакаду, и назад по Прошlostной полосе, почти до самого конца, а точнее, начала...

К тому времени когда Времени, собственно, почти и не было, когда мир был еще юн и свеж и думал: «Черт побери,

у меня впереди еще годы и годы до тех пор, когда мне придется начинать думать о пенсии».

Новая, трепещущая от избытка энергии администрация только что вселилась в новые, первоклассные, специально для этого выстроенные помещения с информационными технологиями на грани искусства, с высококвалифицированным, полным энтузиазма персоналом и инструкцией по эксплуатации. Которая гласила следующее:

* * *

Поздравляем! Вы стали владельцем новой Терры-57636. При надлежащем уходе она обеспечит вам многие годы надежной и приносящей удовлетворение службы.

Несмотря на то что Терра-57636 является изделием ручной работы, при изготовлении которого использовались самые высококачественные материалы, чтобы достичь наилучших эксплуатационных качеств и надежности вашей машины, рекомендуем вам соблюдать нижеследующие основные правила:

1. Все поверхности должны быть протерты и очищены от излишков смазки. Не следует удалять деревья, поскольку это нарушит подачу кислорода к всасывающим трубопроводам.

2. Старайтесь избегать выброса токсичных отходов в океаны. Это может привести к нарушению экологического равновесия и преждевременному износу полярных шапок.

3. Ядерное оружие не должно использоваться на Терре-57636. Она не обладает достаточной защитой, чтобы противостоять напряжениям, возникающим при ядерных взрывах. В случае поломки или повреждения изделия в результате пренебрежения этой рекомендацией производители ответственности не несут, и гарантийный талон также считается недействительным.

* * *

И так далее. Большая часть инструкции была посвящена устрашающим предупреждениям относительно того, что случится с тем, кто посягнет на патент производителей или станет делать неавторизованные копии с программы; ис-

каженная версия этого текста дожила до наших дней под именем Откровения св. Иоанна Богослова. Остальная часть инструкции была утеряна много веков назад.

Как раз в то время некий молодой, но амбициозный младший служащий был назначен заместителем начальника Департамента Солнца — должность относительно маловажная, но даже птицам высокого полета нужна площадка, чтобы оттолкнуться. В его обязанности входило обеспечить, чтобы солнце двигалось строго по заданной траектории, доставляя тем самым строго необходимое количество света и тепла всем землям, что деловито вращались внизу. Слишком мало — и Жизнь может оказаться мертворожденной. Слишком много — и будет риск, что она начнет развиваться неправильно. Вместо задуманных производителями превосходно сконструированных и оформленных жизненных форм из кипящего зеленого супа, покрывающего поверхность планеты, возникнут чудовищные деформированные мутанты с неверно функционирующими компонентами и совершенно непригодной эволюционной матрицей.

Если посмотреть очень внимательно, в углу ангара можно заметить неопрятного, покрытого перхотью индивидуума в заношенных джинсах, которые он, по-видимому, носил не снимая с момента покупки, и примитивной майке с надписью «Деф Леппард», бесцельно слоняющегося по проходу со шваброй в руке и наушниках на голове. Пройдет не одна тысяча лет, прежде чем фирма «Сони» будет основана и изобретет систему «Уокмен», однако он уже начал практиковаться. Его шансы на продвижение весьма невелики.

И вот на шестой день наш молодой, но амбициозный младший служащий проснулся, надел свою сверкающую черной кожей летную куртку и защитные очки и уверенно зашагал по направлению к ангару. Пока что, говорил он себе, он справлялся очень даже неплохо. Сам Босс сказал это, а уж он-то должен знать. «Ты очень даже неплохо справляешься, сынок», — сказал он, и вряд ли можно было выразиться яснее, даже если постараться.

Он забрался в кабину, проверил крепление зеркала заднего вида и индикатор масла, и пристегнул ремни безопасности. Ты неплохо справляешься, сынок. Вот именно. Доверяют тому, кто достоин доверия, и все такое.

— Закрылки? — крикнул он.

— Чего?

Служащий вздохнул.

— Я говорю: закрылки! — проревел он.

— А что с ними?

— Это я хочу знать, что с ними! Присоединены они или нет? Давай, парень, я не могу сидеть здесь весь день.

— Закрылки присоединены.

— Реле?

— Угу.

Молодой служащий сделал жест отчаяния.

— Да господи боже ты мой, включены они или выключены? — заорал он. — Или мне надо самому идти проверять?

— Реле включены.

— Ура, ура, тирьям-пам-пам! Ну что ж, контакт.

Пауза.

— Я сказал, — рявкнул молодой служащий, — контакт! Но, разумеется, никто меня не слушает. Я говорю сам с собой. И это только к лучшему, поскольку это единственный способ поддерживать разумную беседу в этом месте. КОН-ТАКТ!

— Да, сэр. Простите.

Раздался глухой удар; затем рев; затем ангар затрясся, и четыре компрессионных камеры огромной машины медленно наполнились холодным голубым пламенем. Младший служащий сдвинул на глаза защитные очки, наполовину выдвинул дроссель и крикнул:

— Убрать тормозные колодки!

А затем он взлетел. Несколько секунд мир казался слишком маленьким, чтобы заключать в себе столь дикое излишество движения; затем включились пневматические тормоза, и гигантский снаряд, прорвавшись сквозь тонкую пелену водяных паров, висевших над сверкающим новеньким океаном, выравнялся и полетел прямо.

«Очень даже неплохой взлет, сынок, — сказал себе младший, но амбициозный служащий. — Чистая работа. Собственно, ничего сложного; все, что от тебя требуется, это держаться за эту вот рукоятку, и машина будет лететь сама по себе».

Он наклонился вперед на своем сиденье и бросил взгляд за борт. Далеко внизу сквозь амбразуры в облаках мелькал

сияющий голубой простор, разбитый ветром на миллионы ровных аккуратных волн. Где-то там, внизу, в этот самый момент, атомы притираются друг к другу совершенно невероятным образом. Жизнь уже где-то за ближайшим поворотом.

Улыбаясь, младший, но амбициозный молодой служащий снова откинулся в кресле, поглядел на бесконечный голубой потолок над своей головой и принялся мечтать.

Ну, допустим, *прямо сейчас* он выполняет работу, не намного превышающую Второй Исполнительский уровень, но это не будет продолжаться вечно. Они же не могут вот так вот взять какого-то стажера, каким бы он ни был талантливым, и закинуть его прямо в офис на пятом этаже; необходимо проделать соответствующие движения, постоять на коленях. Вот когда ты докажешь им всем, что ты можешь делать всю эту дребедень, привязав одну руку за спиной, тут они сразу же вытащат тебя отсюда и посадят за письменный стол, моргнуть не успеешь. И это будет уже Конторский уровень, а когда ты дошел до этого, ты, считай, прошел полпути. Любой, в ком есть хоть унция движения, может взлететь по Конторской лестнице, как крыса по трубе с судебными исполнителями на хвосте; и тут ты уже Администратор. Больше никакой возни с реальным миром, никаких полетов на солнцах, или калибровки снежинок, или перетаскивания тектонических плит с места на место. Администраторы имеют дело только с действительно важными, совершенно заоблачными вещами, такими как пятилетние планы, прогнозы, проекты, экономические модели, соотношения цены и эффективности, глобальные стратегии развития. Тут будут комитеты, подкомитеты, полуавтономные проверочные комиссии, ревизионные комиссии, рабочие группы из одного человека. Здесь у тебя будет абсолютный контроль и, может быть, даже вращающееся кресло.

И это будет уже настоящий качественный скачок — сначала к департаментскому статусу, затем воспарение к Эмпиреям контролирующей деятельности, а там, глядишь, и постоянное членство в комитете настолько огромном и с настолько неопределимыми функциями, что вся искривленная вселенная сама будет лишь частью его юрисдикции. Пока что ничего настолько головоломно огромного не существо-

вало нигде во всем космосе, не считая воображения младшего, но амбициозного служащего; но если оно когда-либо все же возникнет, оно должно будет иметь название, которое будет абстрактным до предела возможностей прикладной метафизики.

Финансы и что-нибудь еще. Финансы и Окончательные Цели. Что-то вроде этого.

Младший, но амбициозный служащий улыбнулся. Они с миром оба были молоды, талантливы и на многое способны. Они с миром были парни не промах.

Ох. Ох, дерьмо!

Вообще-то, это тоже было еще в будущем, но, как мы уже видели, молодой, но амбициозный служащий был несколько впереди своего времени.

Далеко внизу, но все же значительно ближе, чем она должна была находиться, поверхность океана кипела. Огромные клубы водяного пара всплывали к небесам, резко сталкивались с температурными барьерами, превращались в жидкость и выпадали обратно. Зазубренные скалы в замешательстве нервно высывали из воды кончики пальцев, как гости, пришедшие слишком рано на день рождения к человеку, которого они почти не знают. А где-то в глубине, в самых осадках океанического дна, двигалось нечто, чему двигаться совершенно не полагалось.

Это было совершенно не так, как нарисовано на потолке Сикстинской капеллы. Не было никаких межпальцевых фейерверков, никаких вспышек и треска белого огня. Все это должно было быть, разумеется; а также речи, и ленточка для перерезания, и специальные серебряные ножницы для презентаций, и оркестр. Но ничего этого не было.

Вот так начинается мир: не толчком, но бардаком¹.

Яростно рванув джойстик, младший, но амбициозный служащий вытянул Солнце обратно на его должное место в небесах и поник, склонившись вперед и повиснув на ремнях безопасности. Перед его мысленным взором стояли две картины:

¹ «This is the way the world begins; not with a zap but a cock-up». Перефразируется известная фраза Т.С. Элиота: «Вот как кончается мир: не взрывом, но всхлипом» («Пустые люди»/«Hoolow men») («This is the way the world ends: not with a bang but a whimper»). (Прим. пер.).

...Первая рисовала мир таким, каким он должен был быть — спокойную величавую процессию полностью сформировавшихся пионеров органической жизни, тихо поднимающихся из океанических глубин, чтобы колонизировать специально для этой цели выстроенные массивы суши, которые затем предначертанным путем эволюционируют в полубогов, чтобы начать долгий, но абсолютно ортодоксальный путь к воссоединению со своим Создателем, к тому моменту, когда они повернут свои довольные лица к солнцу и увидят лишь собственное отражение...

Вторая рисовала мир таким, каким он собирался стать — мерзкие зеленые склизкие твари, выплескивающиеся на недозрелые берега, подергивающие жалким подобием челюстей в пронизанном микробами воздухе; мучительно втискивающиеся затем во всевозможные нелепейшие формы — аммониты, динозавры, мамонты, обезьяны, твари еще более непотребные и смехотворные, чем обезьяны; твари, которые выйдут из-под контроля и начнут разносить в щепки все вокруг себя, строить шоссе, истреблять китов, вести войны, носить флуоресцирующие зеленые пляжные костюмы...

Очень осторожно младший, но амбициозный служащий огляделся вокруг себя, а затем посмотрел на расстилающийся внизу океан.

Может быть, никто не заметит.

По крайней мере, некоторое время. А к тому времени когда заметят — кто сможет сказать, по чьей вине это произошло? Он вперил глаза в западный горизонт, крепче взялся за джойстик и принялся агрессивно насвистывать.

Некоторое время спустя он безупречно посадил машину у ангара, выключил моторы и довольно нетвердо выбрался из кабины. Потом он бесконечно долго шел через ангар к большим воротам, и никто не выбежал ему навстречу, никто не окликал его по имени; не было ни плотных мужчин в плащах, ни солдат, никого — лишь этот отморозок со своей шваброй и в наушниках, лениво тычущий своим инструментом в первые молекулы пыли, плавающие в еще чистом воздухе. Он закрыл свой ум для этой проблемы, и постепенно проблема начала рассасываться. Игра воображения, неверное освещение; ничего и не думало двигаться. Ты неплохо справился, сынок. Спасибо, сэр, рад, что вам понравилось.

— Низковато сегодня, э?

Младший, но амбициозный служащий развернулся на каблуках и выпучил глаза. Отморозок со шваброй, со своей стороны, проделал более ленивое, чем обычно, движение в сторону атома грязи и почесал натертую наушником мочку уха.

— Что?

— Говорю, малость низковато летели нынче утром. Этак может что случиться, если летать так низко. Ну, знаете, что-нибудь может вылезти раньше времени. — Отморозок поднял голову и широко ухмыльнулся. — Поосторожнее надо бы, — добавил он.

— Не понимаю, о чем ты говоришь, — ответил служащий, по всей видимости, сквозь полный рот шерсти. — Я всю дорогу строго придерживался заданной высоты.

— Ну, тогда ладно, — отвечал отморозок, ухмылка которого стала еще шире. — Должно быть, мне показалось.

— А ты не глазей по сторонам, — отрезал служащий. — Делал бы лучше свою работу как следует. Это свалка, а не ангар!

Но ухмылка лишь поползла еще шире, и служащий, развернувшись, чуть ли не бегом направился к двери. Удаляясь, он услышал, — а может быть, ему показалось, что услышал, — как кто-то бормочет что-то вроде: «А еще называет себя птицей *высокого* полета. Вот умора! Скорее уж — *низкого*, этак поточнее будет...» Он схватился за створку ворот, распахнул их и с грохотом захлопнул за собой.

И все произошло в точности так, как предвиделось младшему, но амбициозному молодому служащему. Он получил свое повышение, мир получил свое человечество, и никто ничего не сказал. Да, на наддепартаментском уровне было покачано головами, и было предпринято тщательное внутреннее расследование. А затем — ничего.

Ничего, кроме лица, глубоко выжженного на сетчатке мысленного взора молодого служащего, ухмылки и воспоминания о едва заметном движении в океанских глубинах. Тем временем две карьеры развивались своим чередом: одна головокружительно взмывала вверх, другая вроде как скользила по самому дну. «Может быть, — говорил себе

служащий по сотне раз на дню, — он давно все забыл. Такие мозги тратят все свои ресурсы, только чтобы пиво попадало в рот, а не разливалось по рубашке. Если бы он собирался что-нибудь сказать, он давно уже сказал бы это». А затем эта ухмылка всплывала к его глазам, как заблудший ключок антиматерии, и шептала: *«Не обманывай себя. Он ничего не забыл»*.

В качестве любопытной сноски ко всей этой истории следует упомянуть, что эволюционное развитие людской системы утилизации отходов было результатом подсознательного желания молодого служащего иметь что-нибудь подходящее, что можно было бы бормотать сквозь зубы каждый раз, когда он думал об этом.

* * *

— Ох, — сказал Бьорн.

— Вот именно, — прервал Гангер. — Вот почему, как только он был назначен главой комитета по Финансам и Общим Направлениям, первым, что он сделал, было вышвырнуть тебя в идиллию и снабдить совершенно новой личностью. Это было неплохой попыткой, но обреченной на провал с самого начала.

— Ох, — повторил Бьорн. Он думал: «Черт побери, какую пропасть длинных слов знает этот сопляк!» — Вообще-то, если подумать, я припоминаю что-то вроде того, что вы сейчас рассказали. Но я никогда не думал...

С пола раздался протяжный вой, от которого все атомы в космосе встали дыбом. Гангер воззрился на него.

— Ты хочешь сказать, что никогда... То есть что тебе не приходило в голову...

— Не-а, — ответил Бьорн. — Конечно, сейчас, когда вы все так изложили, все это вроде как звучит здраво. Да, пожалуй, вы здесь попали в точку. — Он наклонился и поднес губы вплотную к уху Финансов и Общих Направлений. — *Ублюдок!* — заорал он.

— Что ж, — поспешно проговорил Гангер, — в любом случае, это не относится к делу. Теперь мы все знаем, как было дело, и это самое главное, не так ли? Если тебе интересно, как я узнал об этом...

— Вы прочли его мысли, не так ли? — тихо произнес Штат.

— И что?

Штат был блее бумаги, его трясло.

— Это *нечестно*, — проговорил он. — Вы не должны были делать подобные вещи.

Гангер посмотрел так, словно его неожиданно двинул ногой в пах ангел.

— Ох, да бросьте вы, — сказал он. — Вы что, не слышали, как я только что рассказал, что этот мозгяк несет ответственность за *все*? Да он же совершил преступление против эволюции, черт возьми, вот что он сделал! Вы отдаете себе в этом отчет?

— Разумеется, отдаю! — заорал Штат. — Но это не делает ваши методы правильными! Вы не имеете права разгуживать здесь, заглядывая людям в головы по своей прихоти! — Он отвернулся. Гангер недоверчиво покачал головой и повернулся к Джейн.

— Но ты ведь не считаешь, что это было неправильно, правда? — спросил он.

Джейн на минуту задумалась. С одной стороны, она не очень-то одобряла шпионские методы. С другой... Она подумала о гомо сапиенсе, и множество вещей пришло ей на ум: зубная боль, разделение на два пола, прыщи, склонность к обжорству, расслаивающиеся ногти, забитые поры, катары, подмышки. Почти все можно простить, если хватит времени, но нужно где-то и подвести черту. А ноги! Если у этого парня на совести еще и ноги...

— Он сам напросился, — сказала она; затем в свою очередь наклонилась над ним. — Почему пять пальцев, ты, вонючка? Ну-ка давай, скажи мне! Почему пять, Бога ради? Что, четырех тебе было недостаточно, или как?

Гангер кивнул.

— Думаю, смысл высказывания ясен, — сказал он. — Теперь, все, что нам остается, это...

Комната внезапно наполнилась белым светом. С улицы внизу послышался голос громкоговорителя, приглашавший их поразмыслить над фактом, что здание окружено. Если у них есть оружие, на этом этапе будет самым разумным выбросить его из окна.

Джейн откашлялась.

— Простите, — сказала она, — но кто это такие?

Гангер оглянулся на нее.

— Там, снаружи, ты имеешь в виду? Эти ребята с проекторами и звукоусилительной аппаратурой?

— Ну да.

— Мне кажется, это мои коллеги из Безопасности, — вмешался Штат. — Это, конечно, дикая мысль, но у меня такое впечатление, что они хотят нас арестовать.

— Но почему? — спросила Джейн.

— Это лучшее, на что они способны, полагаю, — произнес Гангер. — Почему художник рисует? Почему горшечник лепит горшки? Вопрос, который должен нас сейчас занимать — преуспеют ли они в этом?

Бьорн, со своей стороны, окинул его тем взглядом, который крупные и недалекие люди приберегают для своих собратьев-интеллектуалов, когда те начинают упражняться в словесных фейерверках вместо того, чтобы браться за дело. «Все это прекрасно, — говорил этот взгляд, — и если вы не возражаете, я оставлю это вам, а сам пойду посмотрю, не найдется ли тут поблизости пушки или чего-нибудь вроде того».

Он принялся обыскивать ящики стола, и вскоре нашел то, что искал. Плохие парни всегда держат маленькие пистолеты с перламутровой рукояткой в ящиках своего стола.

— Так, — проговорил он.

Он прошагал к окну и запустил в него стулом. Затем он распластался спиной вдоль стены, вытянул руку через разбитое стекло и нажал на курок.

Внизу, на улице один из спектральных воинов почувствовал, как что-то приземлилось ему на голову. Он осторожно поднял руку и пощупал верхушку своего капюшона.

Она была мокрой.

Бьорн тем временем с презрительным недоверием смотрел на пленника.

— Водяной пистолет, — прохрипел он. — Какому сопливному говнюку пришлось в голову держать перламутровый *водяной* пистолет в верхнем ящике стола?

— Может, он пацифист? — предположил Гангер. Штат со вздохом указал на три горшка с раскидистыми папорот-

никами, стоявшие на верхушке картотечного шкафа, как раз в тот момент, когда они разлетелись на части под градом автоматных очередей с улицы.

— Это не столько пистолет, — невнятно пробормотал он (что было неизбежно, поскольку теперь он лежал под столом, плотно прижавшись щекой к коврику), — сколько оригинальная лейка. Я, кажется, даже припоминаю эту вечеринку несколько лет назад...

— Они вроде бы стреляют по нам, — заметила Джейн, звонко и отчетливо выговаривая слова. — Разве они имеют право это делать?

Штат с трудом приподнял голову и сердито посмотрел на Бьорна.

— По-видимому, это мы начали перестрелку, — прорычал он. — Так что они просто защищаются.

— Вот замечательно, — произнесла Джейн. — Вполне могу их понять. Водяной пистолет такого калибра — да это же можно промокнуть *насквозь*! Не дай бог получишь пневмонию!

Где-то под ними раздался глухой удар, за которым примерно через полсекунды последовал взрыв в офисе. Комната внезапно оказалась полна обгоревшей и изорванной бумаги.

— По-видимому, кто-то только что разбил картотечный шкаф ракетой с дистанционным наведением, — провозгласил Штат. Он звучал как диктор с «Би-Би-Си», комментирующий битву Армагеддона. — Я могу лишь признать, что у них есть свои резоны, поскольку...

«Вж-ж-ж!» — что-то легко просвистело мимо укрытия Штата и исчезло в дыре в дальней стене, где когда-то был картотечный шкаф. Это был Бьорн, который вскочил на ноги, схватил Джейн в одну руку, заложника — в другую и бросился наутек.

Штат понял, что остался один. Ему пришло в голову, что в этом есть что-то не то.

И тут ему в голову пришло кое-что еще. На цыпочках.

— Это ничем вам не поможет, знаете ли, — устало вздохнул он. — Если уйду я, уйдете и вы, так что вы просто обманываете сами себя.

«Может быть, — ответил голос откуда-то из области его памяти, — но это все что в лоб, что по лбу. Кстати, здесь есть удивительно подходящие места, чтобы прятаться».

— Где?

«Ну, — сказал голос, — может быть, вы помните, как вы были с инспекцией в этих пещерах, в самом сердце этой горы, не знаю уж, где она находится?»

— Очень живо.

«Благодарю вас. Да, это вполне подойдет. А вы не можете вспомнить еще и свет? Здесь темно, как в мешке».

— Нет, не припоминаю.

«Или, может быть, сэндвич? Ну давайте же, вы наверняка можете вспомнить какую-нибудь еду. Я, возможно, проведу здесь довольно долгое время».

Штат не потрудился ответить. Вместо этого он выкарабкался из-под стола, увернулся от куска потолка, рухнувшего на пол в нескольких дюймах от него, поднялся на ноги и бросился бежать.

Он достиг дыры в стене за какую-то долю секунды до того, как она закрылась.

* * *

— ...сти меня! — проревела Джейн, и в тот же момент приземлилась с громким стуком. — Ой! — прокомментировала она.

— Прошу прощения, — сказал Бьорн. — Мне показалось, ты сказала «немедленно отпусти меня», и я так и сделал.

Джейн села и яростно потерла подбородок, посылая крошечные и совершенно непреднамеренные электрические сигналы по всей длине и ширине Бьорнова спинного хребта.

— И вообще, где мы находимся? — буркнула она.

— Не знаю, — сказал Бьорн. — Ну, да где бы это ни было, мы здесь вряд ли останемся надолго. Эти парни там, снаружи, были не просто обычной Безопасностью, знаешь ли. Больше похоже на спектральных воинов.

Джейн кивнула, затем схватила заложника за нос.

— Ты, — сказала она. — Что происходит?

Заложник, по-прежнему зажатый под мышкой у Бьорна, подобно трепещущему футбольному мячу, лишь тоненько мяукнул в совершенном ужасе. Джейн вздохнула.

— Ты можешь сделать что-нибудь, чтобы он заговорил? — спросила она Бьорна. Он кивнул.

— Правда, — добавил он, — он скорее всего будет говорить только «о черт!», и «боже, ты сломал мне руку», и всякую чепуху вроде этого, но...

Из-под Бьорновой подмышки донеслось нервное покашливание.

— *Вы находитесь в подвалах Центральной Административной Секции, непосредственно под хранилищем закрытых материалов, — пропищало оттуда, — и если вы тронете хотя бы волос на моей голове, то я вырву легкие у вас из груди и сделаю из них китайский фонарик.*

Бьорн нагнул к нему голову.

— Чего-чего? — переспросил он.

— *Не сердитесь на меня, — всхлипнул тоненький голос. — Это не я говорю. Я ужасно вас боюсь. А угрожает он.*

— Он?

— *Ну, то есть я. Другой я. Он. Пощадите!*

Бьорн нахмурился.

— Ты хочешь сказать, что тебя двое?

— *Что-то вроде. Я один, но разделен на две половины. Один ум, но два тела, и в каждом из тел содержится неотделимая половина единого целого. — Голос замялся. — Я тот, который робкий и трусливый. А Я ПОЛНЕЙШИЙ УБЛЮДОК. Все дело в том, чтобы заставить шизофрению работать на тебя, вместо того чтобы быть помехой.*

— Ну хорошо, — произнесла Джейн, — с этим понятно. По крайней мере, мы теперь знаем, где находимся. — Она замолчала. — Где мы находимся?

Бьорн наморщил лоб.

— Мы находимся под хранилищем закрытых материалов, в подвалах...

— Достаточно, — прервала Джейн. — Я имела в виду: где мы находимся по отношению к выходу. И в ответ я хотела бы услышать, — великодушно объяснила она, — либо «Сюда», либо «Иди за мной».

Бьорн кивнул.

— Иди за мной, — сказал он.

* * *

День был чем дальше, тем хуже.

Солнце отказывалось заводиться. Команда из семерых мускулистых механиков старалась изо всех сил, но все, чего они сумели добиться, — это залили мотор и погнули заводную ручку. Светлая голова, предложившая подсоединить свинцовую батарею к аккумулятору луны, теперь скрывалась, чему значительно помогал тот факт, что теперь здесь не было уже ничего, что можно было бы назвать освещением.

Главный компьютер в департаменте Погоды неожиданно начал выкидывать коленца, и в результате дождь теперь поливал *вверх* над двумя континентами. Подобная же поломка привела к катастрофическим последствиям в Клятвopепреступлениях и Лжесвидетельствах, где молниеметы заело на автоматическом обнаружении цели, и страховым агентам, президентским представителям и организаторам наградных церемоний пришлось воистину несладко. По счастью, в шатунной магистрали узла обнаружения лжи срезало запирающий штифт, благодаря чему каждый выстрел ложился аккуратно в восемнадцать дюймах слева от цели.

Гремлины, забравшиеся в блок-пост в Хронологии, обеспечили Западному полушарию шестнадцать последовательных банковских выходов на протяжении пятнадцати минут.

Стрелка произвольного селектора в отделе Заявок — центральном учреждении по приему и рассмотрению молитв — намертво застряла на «Боже, спаси королеву», в результате чего утро Ее Величества было совершенно испорчено: она то и дело попадала в объятия неожиданной и безвременной смерти, откуда ее каждый раз вытаскивали сверхъестественные силы. Группа ремонтников пробиравась к стрелке по поверхности главного резонаторного диска с кувалдами в руках и более чем смешанными чувствами, поскольку если им все же удастся выбить эту чертову штуковину, а потом она возьмет да и застрянет на «Хлеб наш насущный даждь нам днесь», они определенно не собирались нести за это ответственность.

Все сновидения, доставленные за последние сорок восемь часов, возвращались с пометкой «По этому адресу не обнаружен». Некоторые из них тикали.

И наконец, словно всего этого было еще недостаточно, музыка сфер внезапно стала отчетливо слышна по всему космическому пространству, из края в край, и оказалась песенкой «That's Entertainment», наигрываемой одним пальцем на синтезаторе «Ямаха».

Вот что получается, когда нет ответственного.

* * *

— ЦЕЛЬСЯ!

— Э-э, шеф...

— ТЫ ОСПАРИВАЕШЬ ПРЯМОЕ ПРИКАЗАНИЕ, СОЛДАТ?

— Не то чтобы, шеф, разумеется, нет; нет, что вы, даже мысли такой не было. Просто дело в том, что мы — мы с парнями — мы тут немного не поняли...

— ЧТО?

— Да просто, видите ли, шеф, — куда нам целиться; потому что я хочу сказать, да, конечно, целиться, да, здесь мы от вас ни на шаг, мы абсолютно на сто десять процентов с вами со всех сторон, без вопросов, *гарантия*; однако, знаете, просто приказания иногда бывают, вроде как будто на девяносто девять и *девятьсот* девяносто девять сотых совершенно блестяще, однако в смысле направления, я бы не сказал, что это было прямо-таки неопределенно, нет, это совсем *не было* неопределенно, «неопределенно» — это совершенно неправильное слово в этой ситуации, это скорее было что-то, в общем, фактически это было скорее *гибко*, да, пожалуй, вот именно, гибко; но все же может быть на этот раз, понимаете, в сложившихся обстоятельствах, возможно, если мы должны смотреть под углом гибкости, просто чтобы *более-менее* добиться большей... *гм...* э-э... меткости, если вы как-то уловили мою общую мысль, что ли, но это было просто такое соображение, так что, видите ли, может быть, *гм*.

— ЗА МНОЙ!

— Спасибо, шеф. Мы все поняли. Хорошо. Очень хорошо.

* * *

— Ты заблудился, не так ли?

Бьорн встал как вкопанный и нахмурился. Обладание словарным запасом более скудным, чем в каком-нибудь разговорнике, имеет свои недостатки. То, что Бьорн хотел бы объяснить ей, — это что место, где они сейчас находились, было таким местом, где ты всегда, просто по определению, заблуждаешься; самым важным моментом здесь было заблудиться в том направлении, в котором надо, потому что в таком случае, когда все твои представления о направлении оставят тебя и ты будешь свободно плыть по течению, подобно намагниченной иголке в блюде с водой, у тебя появится шанс (поскольку в действительно произвольном окружении вещи выбирают направление наименьшего сопротивления), что барометрическое давление уместности потащит тебя как раз в том направлении, которое нужно, причем гораздо быстрее и надежнее, чем если бы там на полу была намалевана широченная желтая полоса со светящимися надписями «ВАМ СЮДА» через каждые пять ярдов.

Поэтому он ответил:

— Угу.

— Я так и думала, — вздохнула Джейн. Она присела на что-то — здесь было слишком темно, чтобы рассмотреть, на что именно, — стащила туфельку и принялась массировать подошву ноги. — У меня было такое ужасное ощущение, знаешь?

Бьорн собрался с духом и нанес решающий удар по каменной глыбе словесности.

— Мы вроде как и должны были заблудиться, понимаешь? Потому что это место — не такое место, которое можно найти специально. Оно как бы само тебя находит.

К его великому удивлению, Джейн кивнула.

— Я, кажется, понимаю, что ты имеешь в виду, — произнесла она. — Это как общественные туалеты в Италии. Да, думаю, на это можно положиться.

Последовало задумчивое молчание, прерываемое только слабыми, приглушенными и какими-то хлюпающими звуками, сопровождавшими попытки заложника тайком пере-

грызть бельевую веревку, которой он был привязан к Бьорнову запястью.

Поскольку зубы у заложника были мелкие и неровные, а бельевая веревка была тем самым тросоподобным приспособлением, которое Бьорн прихватил с собой, покидая Идиллию, они со спокойным сердцем оставили его пытаться, пока он не подвергнется риску подавиться собственной вылетевшей пломбой.

— Вот только, — размышляла Джейн, — ты так и не сказал, куда мы собираемся попасть. Я надеюсь, ты сам-то знаешь это? Или только притворяешься?

Бьорн сделал, возможно, величайшее усилие в своей жизни. Ну, не самое величайшее; был еще случай, когда он проходил на улице мимо ванны с застывающим цементом и не оставил там своего отпечатка.

— Э-э, — проговорил он, с величайшей осторожностью вручную отбирая слова, — да; я вроде как знаю, куда мы идем, просто я вроде как не *знаю*, понимаешь? Это скорее это место знает, а не я.

Джейн тщательно рассмотрела это заявление и пришла к выводу, что его логическим эквивалентом является погнутая ось.

— Ты имеешь в виду, что мы заблудились, — уточнила она.

— Угу.

Джейн встала с места.

— Ну хорошо, — произнесла она. — Иди за мной.

Она не знала, как она это знала, она просто *знала*. И она пошла, направляясь прямо в стену.

— Ой! — вскрикнула она моментом позже.

И в ее голове, наряду с безвкусицей цветных фейерверков и занудным шумом, накатывающим и отливающим как морской прибой, некий голос произнес: «Хорошая попытка, но тебе нужно было взять на фут вправо. Попробуй еще раз».

Она попробовала еще раз. И исчезла.

Бьорн смотрел во все глаза. Вот стояла стена, и Джейн просто прошла сквозь нее. Никакого динамита, никакого ощупывания в поисках шва; не было даже застежки-«молнии» или пары ярдов «липучки»! Это было *круто*.

Раздался тихий хруст. Заложник сломал себе зуб.

Утомленно, словно в первый раз заметив его присутствие и решив, что оно не так уж ему необходимо, Бьорн ухватил заложника одной рукой, а рюкзак — другой; затем он опорожнил рюкзак и засунул туда заложника. Заложник был невелик, но не настолько уж невелик; он никоим образом не мог бы туда поместиться — по крайней мере, для этого потребовалось бы уплотнять и избавляться от лишних деталей не меньше, чем при редактировании первой большой статьи какого-нибудь молодого репортера. Для начала следовало разобраться с головой... Он поместился. Рюкзак был словно специально сшит на него. Как это оказалось возможным, не мог бы сказать никто, хотя, может быть, здесь сыграло роль то, что заложник чувствовал: если он будет упрямиться, он будет сведен к первоосновам, как иерусалимский артишок. Бьорн застегнул пряжку, подтянул лямки и долгим пронзительным взглядом посмотрел на стену.

Некоторые люди круты по самой своей природе. Остальным приходится несколько сложнее.

Он пригнул голову и бросился в атаку.

* * *

Джейн села.

— Казеся, я сдобада дос, — произнесла она.

Группа монахинь переложила свой ручной багаж из руки в руку и воззрилась на нее. Молодая парочка, сидевшая под табло, захихикала. Никто даже не пошевелился, чтобы помочь ей подняться.

Несколькими секундами позже Бьорн тяжело шагнул вперед, споткнулся об нее и приземлился на коленях у спящего японского бизнесмена, который проснулся и воззрился на него; затем бизнесмен демонстративно вытащил свой носовой платок и вытер кровь с воротничка. Кровь шла из широкой, но поверхностной ссадины на Бьорновом черепе — ничего серьезного. Голова Бьорна, как к этому времени уже должно быть очевидно, обладала плотностью звезды в состоянии коллапса. Если бы дело дошло до состязания, он мог бы помериться лбами со всей скалой Рашмор¹ и выиграть.

¹ В скале Рашмор высечены профили четырех первых американских президентов. (Прим. пер.)

— Три тысячи чертей, — произнес он. — Мне на мину-ту показалось, что мы попали в аэропорт.

Последовала пауза, в течение которой Джейн убеждалась, что ее нос действительно еще является одним целым с ее организмом.

— Ты был прав, — ответила она. — Подозреваю, это должно было произойти рано или поздно.

И тут раздался голос, и он не находился в чьей-либо голове, и он сказал следующее:

— Дамспода, через вжеднадцать минут самолет Би-Да-бью-Эй номм Шещ Шещще Щемь на Хурбурмурдур опрв-ляется в рейс. Ссажирам, следующим на Би-Дабью-Эй номм Шещ Шещще Щемь на Хурбурмурдур, просьба ссле-довать к веждзому проходу, где оощвляеся регссрация, — в точности так, как говорят дикторы в аэропортах всего мира.

(Здесь следует отметить, что они совершенно не имеют в виду сбить кого-либо с толка или дезинформировать; их самих через некоторое время это начинает по-настоящему беспокоить, а для многих оборачивается в конце концов серьезной психологической травмой. Просто они из какого-то суеверного страха не решаются произносить конкретные названия и номера, из-за чего подсознательно глотают слова или в лучшем случае произносят их сквозь три слоя промо-кательной бумаги.)

— Господи, — изумился Бьорн, — да это и в самом деле аэропорт! Слушай... — он замер; затем его рука ринулась за спину, где он почувствовал распространяющуюся, леденя-щую душу сырость, медленно прокладывающую себе путь от лопаток вниз по позвоночнику. Исходя из его опыта, лишь одна вещь могла просачиваться так основательно, и это была кровь. Он вытащил руку из-за спины, поднес ее к носу и понюхал кончики пальцев.

На самом деле таких вещей две. Одна из них действительно кровь. Это была вторая.

— Просто ради интереса, — заметила Джейн, — зачем ты привязал себе на спину ребенка?

— Это не ребенок, это заложник, — ответил Бьорн. Уже после того, как он сказал это, ему пришло в голову, что не следует произносить таких слов, как «заложник», находясь

в аэропорту — даже в таком аэропорту, который скорее всего существует лишь в неопределенных и нечасто посещаемых измерениях в темных чуланах человеческого мозга. Но к этому моменту, разумеется, было уже слишком поздно.

— Понимаю, — кивнула Джейн. — Он превратился в ребенка. — Она продолжала смотреть на Бьорна — точнее говоря, ему за спину, — но ее следующие слова были направлены вертикально. — Очень хорошо, — сказала она, — отлично. Не стесняйтесь; в конце концов, это ваше пространство, делайте, что вам вздумается. — Она содрогнулась. — В любом случае, — продолжала она, — ты ведь согласен, что мы, по-видимому, находимся в аэропорту?

— Похоже на то, — подтвердил Бьорн. Он пытался зачихнуть весьма, весьма сомнительный носовой платок за спину своей рубашки.

— Ну а почему бы и нет? — улыбнулась Джейн. — Чего же лучше, как не оказаться в аэропорту, если мы хотим куда-то попасть? Правда, у нас нет паспортов, и билетов, и всякой такой всячины, не говоря уже о деньгах, но... — она остановилась и немного подумала. — Но это вряд ли будет большой проблемой, правда? — сказала она. — Так, теперь: куда это мы хотели попасть?

— Хм-м... — произнес Бьорн.

— Это очень логично, — продолжала Джейн, роясь в карманах с какой-то маниакальной уверенностью. — Мы хотели попасть куда-нибудь. Поэтому мы в аэропорту. Думаю, мы можем свести все это дело к старой доброй привычной процедуре и каким-либо образом добиться результата. — Она помедлила, думая. — Кажется, — добавила она, — в старину было ужасное множество хлопот с какими-то духами, и лампами, и тремя желаниями, но полагаю, сейчас все это рационализировали. Ага, вот оно наконец!

Она вытащила два паспорта и два билета.

Хотя она не была ни в коей мере удивлена тем, как они материализовались, но ее внимание было заинтриговано тем, что это были обратные билеты. Точнее, один был помечен «ТУДА», а другой — «ОБРАТНО».

— Ох, ну вот еще! — раздраженно воскликнула она. — Либо все эти разговоры о свободной воле — просто шутка, либо нет. Но не то же и другое одновременно!

Одна из монахинь посмотрела на нее.

— А вы не суйте свой нос, — рявкнула на нее Джейн.

— Джейн и Бьорн Хурбурмудур, ссжиры рейса Би-Дабью-Эй номм Жеззед Бурчат Жезд, слещщего на Кудыкину Гору, проззь немедленно пройти к проходу номм мяу, ссжиры Джейн и Бьорн Хурбурмудур, брюзвнимание.

Джейн вздрогнула. Затем она вновь посмотрела прямо вверх.

— Спасибо, — произнесла она. — Как раз вовремя.

* * *

— СЮДА!

— Вообще-то, шеф, здесь...

Бултых!

* * *

Штат остановился и, задыхаясь, тяжело привалился к двери. Она распахнулась, и он ввалился вовнутрь.

Необходимо помнить, что все офисы — это один офис, все коридоры — это один коридор, и все огнетушители, где бы их сознательно ни размещали, в конечном счете оказываются непосредственно на уровне коленной чашечки споткнувшегося человека. Штат выругался.

Он находился в своем собственном кабинете.

— Пойдите-ка, — отдуваясь, проговорил он, ни к кому особенно не обращаясь. — Если уж мы собрались валять друг с другом дурака, так по крайней мере будем делать это как полагается.

Свет включился, по всей видимости самопроизвольно. На столе внезапно обнаружилась чашка с чаем. Штат знал, не пробуя, что в чае было два куска сахара.

Он понял, что не имеет ни малейшего представления, с кем он разговаривает, но кто бы это ни был, он слушал. Это было страшновато.

— Гангер, — прошептал он, — вы слышите меня?

Тишина, как внутренняя, так и внешняя. Он яростно потряс головой, но в ней ничто не бренчало. Он даже попробовал высморкаться, но и здесь неудача.

— Э-э, вы меня слышите? — повторил он. — Давайте... — он отчаянно оглянулся вокруг, и на глаза ему попала чашка с чаем. — Давайте так: один крекер значит «да», два значат «нет». — В воздухе скользнули два крекера, приземлившись на блюдце. Они, казалось, широко ухмылялись.

— Понимаю, — пробормотал Штат, сжав зубы. — Мне собираются устроить веселый денек, так?

(...А снаружи, во внешнем мире, из привода гравитационной индукции загадочным образом выпал шплинт и, никем не замеченный, звякнул об пол. Это породило очень локализованную проблему: мир остался в точности таким же, как был, не считая одной квадратной мили амазонского тропического леса, где все деревья неожиданно оказались утянуты под землю.)

Штат не спеша обошел свой стул, сел и задрал ноги на один из ящиков стола. Он потянулся за чаем и печеньем.

Они мягко, но непреклонно передвинулись на шесть дюймов вправо.

— Полагаю, о том, чтобы сказать мне, кто вы такой, и речи быть не может? — сказал он.

Два крекера, перемещаясь подобно бритвенно-острым метательным дискам японских ниндзя, просвистели по волосам на макушке его головы и врезались в стену. Он сердито взглянул на них.

— Очень хорошо, — произнес он. — Я могу подождать.

Вселенная — или, по крайней мере, та часть ее, которая заполняла кабинет Штата: *существенная* ее часть — задержала дыхание. Возникла озадаченная тишина. Штат сложил на груди руки, откинул назад голову и воззрился на потолок.

Время, разумеется, очень непростая штука, и было бы лишено смысла говорить, что «прошло полчаса» или «час», учитывая сложившиеся обстоятельства. Лучше будет сказать: «прошло какое-то время», и оставить это так.

Штат сидел спокойно, ничего не говоря, отгороженный от мира загадочной перегородкой. Через какое-то время потолок начал мерцать, и внезапно на нем обнаружилась совершенно дикая версия Микеланджеловского видения творения. Но Штат только прикрыл глаза.

Прошло какое-то время...

ДЕВЯТНАДЦАТЬ

Краткая заметка по поводу культуры, образа жизни и общего мировоззрения спектральных воинов.

Спектральные воины знают только одну шутку. Она звучит так:

В: Сколько нужно спектральных воинов, чтобы заменить лампочку?

О: Один, и еще стремянка. Но в крайнем случае, разумеется, он может встать на стул.

Подобно всем элитным военным подразделениям, у них есть свои строевые песни, наиболее любимая из которых звучит так:

Под прожекторами, у дверей барака.

Милая, я помню, как тебя всегда не было дома, когда я приходил к тебе.

Спектральные воины приходят к жизни, когда в землю высеваются драконовы зубы глубокой заморозки, и прекращают свое существование, когда их убивает враг или (более обычно) когда они преступают собственный византийский дисциплинарный устав. Будучи целиком сотканы из духа и эфира, они не требуют пищи и питья; по крайней мере, им их не дают. Лишь очень немногие из них проживают достаточно долго, чтобы выяснить, имеет ли это какое-нибудь значение.

Было бы неверно сказать, что спектральные воины не боятся ничего, — они боятся огромного количества вещей, и их страх чаще всего полностью оправдан. Единственное, чего они не боятся, — это враг, поскольку все, что их противник может сделать с ними, — детские игрушки по сравнению с тем, что ожидает их, когда они вернутся в лагерь. Это, разумеется, делается умышленно.

Взвод 384657J, Голубые Штиблеты (известные также как Всхлипывающие Орлы), ворвался сквозь зеркальное стекло, передвигаясь быстрой рысцой, рассыпался веером и принял легендарное построение «Перевернутой Черепахи» — маневр, предназначенный для того, чтобы передовые стрелки могли одновременно охватить противника с двух сторон и оказаться как можно дальше от своего командира. После

этого они развернулись в позицию для ведения тройного продольного огня, специально разработанную для этого подразделения. После этого они встали по стойке «смирно» и застенчиво потупились.

Капрал повернулся лицом к толпе перепуганных отдыхающих и смущенно прокашлялся.

— Не тот аэропорт, — проговорил он. — Прошу прощения.

Затем подразделение удалилось, применив на практике свою проверенную временем смущенно-неуклюжую походку.

Генерал набрал в грудь воздуха, словно для того, чтобы крикнуть, но слова вышли из него с неожиданно небольшой начальной скоростью. Словно вдруг заворковал голубь-людоед.

— Хорошо, — сказал он. — Думаю, нам сюда.

* * *

— У нас нет времени, — прошипела Джейн. — Шевелись!

Бьорн остолбенело огляделся. Он никогда за всю свою жизнь не видел сразу столько банок пива. Это, решил он, либо видение рая, либо открытый вызов. Ему хотелось, чтобы это был вызов.

— Э-э... угу, — сказал он. — Сейчас, я только... э-э... куплю себе упаковочку и сразу же присоединюсь к тебе.

Он обернулся и раскрыл рот.

Он, конечно, уже не в первый раз был в «дьюти-фри»¹, но это был первый раз, когда он был в совершенном «дьюти-фри». От всех остальных его отличало то, что в нем не было ничего, кроме пива. Невероятно много пива.

Банки стояли рядами, простиравшимися насколько хватало глаз; фактически, если бы он подумал над этим, он понял бы, что такое количество предметов особого притяжения, сосредоточенного в одном месте в одно время, прямо противоречило законам физики.

— Чтоб мне сдохнуть, — прошептал он. — У них есть даже «Ротвейлер» девять-Х! — Его рука инстинктивно про-

¹ Магазин беспошлинной торговли. (Прим. пер.)

тянулась, как росток тянется к солнцу, и примерно с такими же шансами достичь контакта, поскольку Джейн уже схватила его за ухо и тянула прочь.

— Да во имя всего святого, — говорила она, — ты, может быть, и придурок, но мне казалось, что даже ты сможешь распознать такую очевидную ловушку, увидев... — Она осеклась, ее рот открылся, а пальцы медленно разжались.

«Странно, — подумал Бьорн, — а я и не заметил, что здесь есть еще прилавков с косметикой. Вообще-то его не было, когда я вошел, только шестьдесят тысяч банок „Будвайзера“». Он попробовал обратить внимание Джейн на этот факт, но лишь зря потратил время.

— Ну, ты тогда развлекайся, — сказал он, — а я сейчас быстренько схожу еще разок взгляну на...

Пиво исчезло. Его место заняли миллионы бутылочек с духами.

Либо продавцы имели доступ к каким-то очень продвинутым технологиям, либо здесь происходило что-то подозрительное.

Заложник за его спиной начал плакать.

— Эй! — запротестовал Бьорн. — Это нечестно. Я только хотел... — он осекся, поскольку мир мигнул. — Ох, — сказал он. — Вот, это уже лучше. Спасибо.

Джейн, со своей стороны, стояла, рассматривая бутылочку с «Шанель», которую уже вознамерилась было купить, и пыталась понять, почему на этикетке внезапно оказалось написано «Шакал Экстра Лайт, начальная тяжесть 1034° — 1038°».

Бьорн почесал в затылке.

— Знаешь что, — медленно проговорил он. — Бьюсь об заклад, что, если открыть одну из этих банок, там все равно не будет никакого пива.

Джейн посмотрела на него отсутствующим взглядом.

— Что? — переспросила она.

— Мне кажется, — сказал Бьорн, — что все это штучки. Ну, сама знаешь. Иллюстрации. Иллюзии. Игра этого, как его там — воображения.

— Ну да, — сказала Джейн. — К тому же они были такие *дешевые*.

Они посмотрели друг на друга.

— Мне это не нравится, — заявила Джейн. — Хотела бы я знать, где мы находимся.

Бьорн пожал плечами.

— Не важно, — сказал он. — Важно, куда мы отсюда отправимся.

Это звучало ужасно впечатляюще, и Джейн кивнула.

— Хорошо сказано, — ответила она. — И куда?

Бьорн огляделся вокруг. «Дьюти-фри» исчезла, и на ее месте возникла одна из этих клетушек, в каких продают никому не нужные розовые носки. Мимо них прогромыхала электрическая тележка и исчезла в щели между двумя рас-
слаивающимися измерениями.

— Не знаю, — сказал он.

* * *

— Прошу прощения.

Охранник обернулся, затем взглянул вверх. Примерно в футе над своей головой он обнаружил две маленькие точки красного света, похожие на... Ну, если бы он был кроликом, сидящим посреди пятиполосного шоссе, и если бы у тяжелых грузовиков были красные фары, то *вот* на что это было бы похоже, только эти были менее... уютными, что ли.

— Простите, что беспокою вас, — произнес голос откуда-то с далекого расстояния, — но не могли бы вы сказать мне, как называется этот великолепно оборудованный аэропорт?

Охранник провел языком по внезапно пересохшему рту и сказал. Огни на секунду мигнули, когда черная колонна, к которой они относились, склонила голову.

— Благодарю, — произнесла она. — Премного вам обязан.

Затем она повернулась, вставила то, что было бы двумя пальцами, если бы у нее были руки, в черную дыру, где должен был быть ее рот, если бы она была им снабжена, и издала протяжный свист.

Зеркальные стекла передней стены зала разлетелись вихрем конфетти, и пол содрогнулся от почти что подземных взрывов гранат со слезоточивым газом. Зловещие фигуры, похожие на клубящееся черное ничто, влетели внутрь вер-

хом на веревках, безуспешно попытались затормозить и врезались в электронное табло, с пиротехническими последствиями. По залу разнесся поистине отвратительный запах чего-то паленого — не совсем неопикуемый, поскольку язык способен на бесконечное множество тонких модуляций, но описывать его с любой степенью точности было бы в высшей степени антисоциальным поступком. Покинутая багажная тележка тихо подогнула под себя колеса и попыталась задом вжаться в стену.

Последним в зал вошел генерал. Он переступил через оглушенное тело охранника, прошагал к одной из бесформенных куч дымящейся черной одежды и потыкал ее носком сапога.

— Идиоты, — сказал он.

Оставшиеся черные фигуры — их оставалось еще немало — неохотно собрались вокруг него, в то время как он задумчиво разглядывал регистрационную стойку.

Спустя долгое время генерал повернулся на восток, вытер с подошвы сапога расплавленного солдата и указал рукой.

— Они пошли туда, — сказал он.

* * *

Бьорн содрогнулся. Мокрое пятно распространялось со скоростью Первой Монгольской Империи, и уже угрожало аннексией его рукавов.

— Э-э, — проговорил он, прежде чем замешательство окончательно взяло над ним верх, застряв в его голосовых связках. Он покраснел.

— Что? — спросила Джейн, не поворачивая головы. Она пыталась идти по стрелкам, показывавшим путь к паспортному контролю, и никак не могла сообразить, в третий или в четвертый раз они проходят мимо этого киоска фотографа там, в углу.

— Э-э, — промямлил Бьорн, — мне кажется, нашему, гм, заложнику нужно... э-э... перемениться. Ну, понимаешь, это вроде как *сейчас* нужно, наверное. Что-то в этом роде.

— Перемениться? — Джейн подняла бровь. — Ты имеешь в виду — обратно во взрослого? Я не думаю, что это

так уж просто. Я начинаю приходить к выводу, что все это дело как-то связано с интерпретацией эмпирически полученных чувственных ощущений несколькими различными логическими системами, что означает...

— Да нет, — настойчиво сказал Бьорн. — Я говорю, перемениться в смысле, ну, пленки переменить.

Лицо Джейн просветлело.

— А, понимаю, — сказала она. — Ну давай, ты займись этим, а я посмотрю, не удастся ли мне выяснить, куда все же приводят эти указатели.

Бьорн яростно затряс головой, словно собака, вылезшая из воды.

— Да нет, — повторил он. — Понимаешь, я не знаю, как это делают. Куда совать все эти завязки и застежки.

Джейн пожала плечами.

— Я тоже не знаю, — сказала она.

— Но... — умудрился сказать Бьорн, несмотря на то, что его нижняя челюсть прилагала все усилия, чтобы отвалиться от его лица. — Но ты ведь... э-э... ты же женщина. Вы знаете все об этих вещах.

— Ну да, — твердо ответила Джейн. — Прости, но боюсь, здесь я не смогу тебе помочь. Все, что я знаю о детях — это что их не следует стирать в стиральной машине. Очевидно, они от этого линяют. — Она подчеркнуто отвернулась и принялась разглядывать указатели на стене, пока Бьорн не оставил попытку переглядеть ее и не начал медленно стаскивать рюкзак со своей спины. С лицом цвета болонского соуса он ухватился за первую попавшуюся завязку и потянул. Судя по выражению его лица, он ожидал, что на счет «пять» рюкзак взорвется.

— И вообще, — произнесла Джейн, — это не ребенок, это заложник, а по традиции это дело мужчин — оставаться дома и следить за заложниками. — Она оглянулась и тут же быстро вновь отвела взгляд. Бьорн заскрипел зубами и попытался уверить себя, что то, что он держит в руках, на самом деле картер коленвала, а то, что стекает внутрь его рукава, на самом деле машинное масло. Это немного помогло.

Грохот, который они услышали в следующее мгновение, исходил от передней части здания, рассыпавшейся на куски.

Джейн и Бьорн переглянулись.

— Кажется, я знаю, куда мы направляемся, — сказала Джейн.

— Ну?

— Подальше отсюда, — твердо произнесла Джейн. — Давай быстрее.

Запоздало пытаясь не выглядеть подозрительно, они быстро пошли, если не побежали, к ближайшему выходу. Какой-то человек в форме пытался их задержать, но скорчился, как посланный слизьяк, когда Бьорн сунул мокрую пеленку в его простертую руку. Больше он не делал попыток препятствовать их продвижению.

Они были в багажном отделении.

— Ошибка, — пробормотал Бьорн. — Надо было свернуть налево возле...

Джейн покачала головой.

— И так сойдет, — сказала она. — Если за нами кто-нибудь гонится, нам лучше спрятаться, пока они не уйдут. Если мы смешаемся здесь с толпой, может быть, они нас не заметят. По крайней мере, решат, что мы побежали к самолетам.

Пытаясь выглядеть усталыми и скучающими, они побрели по направлению к карусели; Джейн по пути издавала тихие утешающие звуки в сторону заложника. Заложник начал орать.

— Очень хорошо, — прошептала Джейн. — Я давно заметила, что люди пытаются избегать орущих детей в аэропорту. Замечательное прикрытие.

— Великолепно, — раздраженно буркнул Бьорн. К его запястью липло около мили мокрой ткани, а внутрь рукава забралась расстегнувшаяся булавка.

Они пробирались сквозь толпу — и было что-то странное в людях, из которых эта толпа состояла, но пристально вглядываться было бы невежливо, — пока не добрались до багажной карусели.

— Слушай, — прошептал Бьорн, — С этими людьми что-то...

— Знаю, — прошипела в ответ Джейн. — И что мне прикажешь теперь делать?

Бьорн пожал плечами. Хотя обычно он не был склонен размышлять о природе вселенной, он уже давно понял,

почему женская логика отличается от мужской логики. Ответ был довольно сложен, но все в нем прекрасно увязывалось — дело было в том, что женщины, будучи в среднем более низкорослым полом, проводили больше времени у поверхности земли, и поэтому их мозги имели большую возможность подвергаться воздействию геотермических излучений. Бьорн подумал, не объяснить ли это Джейн, но решил, что лучше не стоит.

— Простите, — сказала Джейн, локтем отпихивая с дороги какого-то человека. — Спасибо.

Странность, которая поразила их в других пассажирах, заключалась в том — гм... это было не так-то просто объяснить, но... нет, черт с ним совсем, нет смысла лгать, когда единственный, кого ты при этом обманешь — это ты сам. Бьорн вонзил мысленные шпоры, и тут же отчаянно схватился за мысленные удила.

Они просвечивали.

Нет, не совсем так: сквозь них можно было видеть, но только под определенными углами. Словно кто-то вырезал изображения людей в натуральную величину и наклеил их на портновские манекены, сделанные из льда. Или стекла. На лед ничего нельзя наклеить, потому что он начнет таять, и картинка отклеится или... Бьорн ухватил свою мысль за шиворот и зашвырнул обратно, поближе к сути дела. Так вот, если смотреть на этих людей под определенным углом, их просто не было.

«Ну хорошо, — подумал Бьорн. — И что с того? Я не расист. Я могу иметь дело с черными, белыми, красными или желтыми, так что вполне смогу иметь дело и с прозрачными. Нет проблем».

Неудивительно, что Джейн в это время работала над тем же вопросом, и вывод, к которому она пришла, находился не в миллионе миль от истины.

(...Истина заключалась в том, что с другими людьми в багажном отделении было все в порядке, но не на все сто процентов. Один из недостатков далеких путешествий, который никогда не рассматривался надлежащим образом, заключается в том, что, к несчастью, когда живое существо, находящееся на значительном расстоянии от дома, разлучается со своим имуществом, часть его души остается с ним

вплоть до окончательного воссоединения. А когда часть человеческой души таскают взад-вперед на тележках и кидают на ленты конвейера, и все это после нескольких часов, проведенных в тесноте багажного отсека самолета, это не может не иметь побочных физических эффектов. Как правило этого, разумеется, никто не замечает, поскольку все люди в багажном отделении находятся в одинаковом положении, не считая носильщиков, которые к этому привыкли. Но так как у Джейн и Бьорна багажа не было, они могли видеть вещи такими, как они были в действительности — как правило, сквозь грудную клетку стоящего рядом человека.)

— Эти люди не совсем здесь, — прошептала она. — Не беспокойся об этом.

— Я и не думал, — возразил Бьорн. И выпучил глаза.

По ленте конвейера к ним подплывали большой картонный чемодан, потершийся портплед искусственной кожи и брезентовый вещмешок. Ни одну из этих вещей он не видел уже более тысячи лет — с тех самых пор, как грузчики на «Арго» по ошибке отправили их к Садам Гесперид.

— Гм, — проговорил он. — Прости меня, я на минуточку.

Он шагнул вперед и ухватился за ручки, которые рассыпались в пыль у него в руках. Тысяча лет беспрестанного кружения на конвейерной ленте — долгое время.

— Что ты?.. — вскрикнула Джейн, увидев, что Бьорн вспрыгнул на карусель и пинками сбрасывает вещи на пол. Он потерял равновесие, выправился, но потом все же опрокинулся назад, приземлившись на ноги шуплого дряхлого человечка, сидевшего на уже совершенно древнем чемодане.

— Прости, старина, — пробормотал он.

— Ничего, Бьорн, — ответил человечек. — С каждым может случиться.

К собственному великому удивлению, Бьорн оказался способен что-то произнести. Он произнес что-то вроде «Гкхмю».

* * *

Генерал прошелся взад и вперед вдоль импровизированного строя, рассматривая своих солдат.

— Так, — проговорил он. — Слушать внимательно! Вот это — большой палец. Что это такое?

— Большой палец, шеф, — ответили те из спектральных воинов, кто оказался непосредственно в его поле зрения. Остальные содрогнулись. «Оглядываясь назад, — думали они, — пожалуй, быть драконовыми зубами было не так уж плохо. Немного жарко, может быть, и воняло время от времени, и еще, возможно, если тебе совсем уж не повезет, на тебя поставят пломбу; но по крайней мере ты всегда знал, где у тебя корни».

— А вы, абсолютно бесстрашные спектральные воины, кто вы такие?

— Труссы.

— КТО ЭТО СКАЗАЛ?

С дальнего конца строя послышался жалобный вскрик; затем вспышка голубого света; затем тоненькая струйка дыма — и вот уже только пустой черный балахон остался лежать на земле. Он был аккуратно сложен, и сверху на нем лежала фляга, котелок и столовый прибор. Привычки глубоко врезаются в натуру, когда находишься в Армии.

— Итак, — сказал Генерал. — Кто вы такие?

— Абсолютно бесстрашные спектральные воины, шеф, — пробормотал весь строй, как один напуганный до потери подштанников спектральный воин.

Генерал помолчал, медленно проходясь взглядом по строю.

— Отлично, — сказал он. — Тогда к делу.

* * *

— Давненько не виделись, Бьорн, — продолжал человек. — Как же ты поживаешь?

— Э-э... да, — промямлил Бьорн. — Ну...

Старик слегка нахмурился, хотя на этот счет было трудно что-либо сказать: его лицо, казалось, превратилось в камень, как аральдит, словно оно было замариновано в скуке и затвердело раз навсегда. Он говорил монотонным бесцветным речитативом, словно дальний родственник, показывающий вам свой семейный альбом.

— Разве ты не собираешься представить меня своей подружке? — спросил он. Бьорн сглотнул.

— Джейн, это Улисс. Улисс, Джейн. Мы с Улиссом старые приятели, — добавил он, пытаясь избежать взгляда Джейн. — Не виделись уже...

Джейн посмотрела снова. Что-то вроде мешка вместо одежды, кожаная шляпа с обвисшими полями, сандалии...

— Простите, — произнесла она, — но вы не...

Улисс кивнул.

— Так вы слышали обо мне? — спросил он. — Возмутительно, не правда ли?

Джейн быстро перемотала назад ленту своей памяти: сказки, фильм с Керком Дугласом, что-то, что ее заставляли читать в школе. Во всех случаях «возмутительно» было совершенно не тем словом, которое она бы сама выбрала.

— Да неужели? — наугад произнесла она.

— Если будет так продолжаться, — жужжал Улисс, — я подам жалобу. Такие вещи нельзя разрешать, никак нельзя.

— Гм.

— Представьте себе, — продолжал Улисс, запуская в нос корявый мизинец, — я закончил Троянскую войну, собираюсь домой, купил билеты, вещи собрал. И тут вспоминаю, что Пенелопа — Пенелопа это моя жена — Пенелопа говорила мне: «Не забудь привезти мне этой лиловой шерсти, которую они там делают». Очень она любит вышивать, Пенелопа. Ее хлебом не корми, дай только повышивать — вышивает и вышивает, дни и ночи напролет. Ну и вот, вспомнил я про шерсть, достал немного и упаковал в свой маленький чемодан. И вот я схожу с самолета, спускаюсь сюда за багажом...

Джейн попыталась заткнуть уши, но обнаружила, что не может этого сделать без того, чтобы поднять руки, а руками она пошевелить не могла.

— Большой-то чемодан был на месте, а вот куда девался маленький — один бог знает. Я уж думаю, не потеряли ли они его, случаем, знаешь ведь, как это бывает.

— Две тысячи лет, — прошипел Бьорн ей на ухо. Она кивнула и приветливо улыбнулась.

— Очень даже может быть, — сказала она. — А может быть, его просто отправили не туда.

— Может быть, и так, — кивнул Улисс. — А я все же думаю, посижу-ка я здесь еще немного, просто на всякий

случай. Она ведь не очень-то обрадуется, если я вернусь домой и не привезу ей шерсти, понимаете?

Воцарилось долгое молчание, на протяжении которого Бьорн и Джейн попытались понемногу отойти назад, пятась на несколько миллиметров за раз. Это молчание было нарушено одновременно несколькими звуками.

Раздался дикий вопль Улисса, внезапно увидевшего на ленте маленький поношенный кожаный чемоданчик и бросившегося на него, как коршун на добычу.

Раздался не менее громкий вопль триумфа, исходивший от человека в длинном плаще, который точно так же ринулся к свертку, завернутому в газетную бумагу, в котором по какому-то стечению обстоятельств находился Мальтийский Сокол¹.

Раздался оглушающий грохот, когда взорвались брошенные спектральными воинами (или, в одном неудачном случае, не брошенные одним спектральным воином) гранаты со слезоточивым газом.

Раздался пронзительный плач заложника, который проснулся и требовал своего плюшевого медвежонка.

Раздался приглушенный свистящий звук, когда Бьорн зашвырнул Джейн, свой вновь обретенный багаж и себя самого на ленту конвейера, которая протащила их несколько футов и утянула под свисающие резиновые полоски, отделяющие мир света от черной пустоты, откуда багаж приходит и куда, в конечном счете, возвращается снова.

А потом звуки смолкли.

Молчание длилось недолго. Когда дым рассеялся, слышались кашель, ругань и всхлипы (со стороны спектральных воинов), и гневные вопли (со стороны Генерала); одновременно из динамиков донеслось объявление о прибытии рейса TR8765 из Атлантиды, и часть потолка обрушилась на карусель.

Когда лента вновь вернула обломки в багажное отделение, большинство их имело на боках маленькие наклейки.

* * *

— Где мы?

¹ См. одноименный роман Дэшила Хэммета (*Прим. пер.*).

— Слушай, а знаешь, это круто! Мне всегда хотелось знать, куда девается все это барахло, и вот...

— Ага, — проговорила Джейн. — Кажется, я знаю, где мы. Словно отвечая ей, загорелся свет.

Или, по крайней мере, лента конвейера вынесла их туда, где он горел. Они подняли головы и увидели грузчиков.

Это было не очень-то приятное зрелище. Вспомните, как в среднем выглядят обыкновенные грузчики (что само по себе уже достаточно мерзко), а затем представьте, как они выглядели бы, будучи отраженными в изготовленных промышленным способом высокомоощных кривых зеркалах.

— Все в порядке, — сказала Джейн, вытягивая ноги и легко спрыгивая с карусели. — Все в полном порядке. Говоря относительно, разумеется.

— Ты так думаешь? — Бьорн посмотрел на нее, не заметив из-за этого деррик-кран у себя над головой. — Ох, — добавил он.

— Кончай придуриваться и пошли со мной, — ответила Джейн. Она быстро двинулась прочь, оставив Бьорна в положении, разделяемом всеми мужчинами в аэропортах: в необходимости бежать вслед за женщиной, таща при этом больше багажа, чем у него было рук.

— Послушай, — пропыхтел он, — остановись на минутку и объясни. Что такое на тебя вдруг?.. А ты вообще можешь заткнуться, — прибавил он, поскольку заложник внезапно завопил и попытался проткнуть ему голову своим слабеньким кулачком.

— Все очень просто, — ответила Джейн. — Боже, если бы я сразу сообразила, мы выбрались бы отсюда уже час назад! Пойдем же! Я еще никогда не встречала человека, который бы столько тормозил.

Она прошагала к ближайшей стене, и теперь стояла к ней лицом. Подбоченившись, она улыбнулась и сказала:

— Открывайся.

Стена не обратила на нее внимания. С таким же успехом она могла бы говорить с кирпичной стеной.

— Гм! — произнесла она. — Это странно.

Бьорн подошел к ней. Чемоданы и переносная детская кроватка с заложником (которая материализовалась откуда-то из глубин конвейерного механизма и имела на боках узор из

розовых пони) держались на нем лишь благодаря какому-то недоразумению в основных законах гравитации. Он обмяк, и его груз посыпался на пол.

— Понимаешь, — сказала Джейн, — я подумала: смотри, мы хотели куда-нибудь попасть, и внезапно оказались в аэропорту. Нам нужны были билеты; и вдруг у нас оказались билеты. Нам нужен был багаж, и у нас появился багаж. И потом вся эта ерунда с «дьюти-фри» — словно кто-то читал наши мысли, что мы хотели бы в глубине души увидеть на прилавке. И я подумала: похоже, что это какое-то исполнение желаний. — Она нахмурилась, глядя на стену. — Только, похоже, это работает не со всеми вещами. Может быть, это должно как-то согласоваться с иллюзией, или что-нибудь в этом роде.

Бьорн оглянулся через плечо.

— Слушай, — сказал он, — я не хочу спорить с тобой, и все такое, но...

Джейн на пробу потыкала стену пальцем.

— Видишь, если бы это было исполнение желаний, — сказала она, — было бы просто установить, где мы находимся; это бы значило, что мы по-прежнему внутри собственной головы. Или чьей-нибудь еще. Или в голове вообще — знаешь, в коллективном подсознательном, или расовой памяти, или чем-нибудь в этом роде. В памяти вида, может быть; правда, ты, конечно... Зачем ты дергаешь меня за руку?

— Потому что, — настойчиво отвечал Бьорн, — из багажной машины вылезает взвод спектральных воинов, и...

Здесь он был неправ. Багажная машина выплевывала лишь пустые черные капюшоны, и полосы черной резины, свисающие над окном между двумя залами, поднимались и падали вновь, напоминая пережевывающие что-то зубы.

— Угу, — сказала Джейн. — Пошли, давай убираться отсюда.

* * *

— Кошмар, — подытожил Генерал.

У него еще оставалось некоторое количество спектральных воинов; вот только, подобно британцам, попавшим в Нью-Орлеан, их было уже гораздо меньше, чем какое-то

время назад. Если бы Генерал обладал большим опытом в командовании спектральными силами, он крепко призадумался бы, прежде чем пытаться пропихнуть их между измерениями. Как бы то ни было, он был в ярости.

Оставшиеся спектральные воины быстро встали в строй. Генерал вышагивал взад и вперед, рыча на них.

— Больше никаких ошибок, ясно?

— Ясно, шеф.

— Никаких взрываний. Никаких исчезновений. Никаких забываний спрыгнуть с эскалатора, прежде чем вас затянет в механизм. Это понятно?

— Понятно, шеф.

— Отлично. Тогда вперед.

* * *

Двери было две.

Одна была зеленой, другая красной. Здесь все было в порядке. Джейн беспокоило лишь то, что на них было написано.

На зеленой была надпись «АГНЦЫ», на красной — «КОЗЛИЩА». Неподалеку располагалась также огромная игла, из ушка которой торчали верблюжьи ягодицы. Двое в дорогих итальянских костюмах изо всех сил напирали на них сзади, в то время как третий производил отчаянные манипуляции куском мыла.

Джейн села на Бьорнов чемодан, сняла левую туфельку и принялась рассматривать большую дырку на подошве чулка. «Так не должно быть», — думала она. Фактически, если бы она могла действовать по-своему, очень скоро так и не было бы. Но вначале им следовало выбраться отсюда.

Внезапно они обнаружили, что над ними кто-то стоит. На первый взгляд он выглядел как спектральный воин, но это было лишь поверхностное сходство. Тот же черный мешковатый капюшон, отсутствие лица, зловещего вида оружие из неизвестного металла на поясе; но у этого был еще бэдж, на котором было написано его имя.

Его звали Джордж.

— Проблемы, мисс? — спросил Джордж.

Джейн подняла на него глаза.

— Вообще-то да, — сказала она. — Не могли бы вы мне помочь?

Черная дыра на месте лица Джорджа колыхнулась в антиматериальном эквиваленте улыбки.

— Приложу все старания, мисс. Для этого мы здесь и находимся, в конце концов, — сказал он. — Итак, в чем заключается проблема?

Джейн набрала побольше воздуха.

— Для начала, — сказала она, — где мы находимся, что случилось с измерениями, кто нас преследует, и как нам попасть обратно в обычное измерение, не проходя через эти вот двери? Насколько я понимаю, чтобы пройти через них, необходимо сначала умереть.

— Совершенно верно, мисс, — отвечал Джордж. — Хотя умереть — это понятие относительное, как я всегда говорю. Однако, это все между прочим, не так ли?

Глубоко в недрах его капюшона что-то весело блеснуло. Джейн кивнула и ободряюще улыбнулась ему.

— Итак, — продолжал Джордж, — где вы находитесь, мисс? Вы находитесь в главном приемном зале судного контроля. Здесь вам необходимо будет предъявить ваши удостоверения на Иммиграцию, чтобы определить, пойдете ли вы первым классом или экономичным, для курящих или для некурящих. Ваш багаж будет взвешен, и если будет обнаружен излишек веса, вам придется оплатить его. И как вы только что упомянули, мисс, существенно также, чтобы вы были мертвыми. Исключений быть не может, сами понимаете. Правило есть правило.

— Вполне резонно, — кивнула Джейн. — То есть, как я понимаю, мы находимся лишь в нескольких измерениях от нормальности?

— Совершенно верно, мисс, — ответил Джордж. — Тонко подмечено, не в обиду будь сказано. Если мне будет позволено сделать предположение, я бы сказал, что вы покинули обыденность сквозь искусственно проделанное отверстие между измерениями. Совершенно не буду удивлен, если окажется, что это произошло где-нибудь в ресторане. Это звучит для вас знакомо?

На этом этапе Бьорн перестал слушать. Он рылся в своем вещмешке. Шансы, что большая банка с греческими

оливками находилась по-прежнему там, были тысяча к одному, но попробовать стоило.

— Я полагаю, что была похищена из моего измерения чиновником по имени Финансы и Общие Направления, чтобы помешать мне выяснить, почему он пытается саботировать человеческую расу, — сказала Джейн. — Такое объяснение будет считаться, как вы думаете?

— Да, я бы сказал, что будет, мисс, — отвечал Джордж. — Такие вещи происходят гораздо чаще, чем думает большинство людей. У нас тут такое сплошь да рядом.

Джейн кивнула.

— А потом, — продолжала она, — думаю, он спрятал меня с глаз подальше внутри собственной головы — точнее, у себя в сознании, и это было самое омерзительное место, какое он только мог придумать. Там собраны все те ужасные вещи, которых, как он знает в глубине души, он достоин. Мне там не особенно понравилось, честно сказать.

— Ничего удивительного, мисс, — подхватил Джордж. — Замысловатые места эти сознания. И что случилось потом?

— Значит, так, — сказала Джейн, пытаясь вспомнить, — вскоре после этого...

— Вот они! — вскричал Бьорн. — Слушай, это потрясающе!

— Вскоре после этого меня спасли, и я не очень уверена насчет того, где я была после этого, но полагаю, что это, должно быть, был один из корпусов зданий Администрации, потому что, если я выбралась из головы этого человека, разумно будет предположить, что при этом я оказалась недалеко от того места, где он находился, как вы думаете? Или я уже сбилась?

— По мне, звучит совершенно здраво, мисс, — ободряюще сказал Джордж. — Продолжайте.

Джейн минутку подумала.

— Вот здесь я не очень уверена, — сказала она. — Понимаете, мой... вот этот человек, он проделал что-то вроде дыры между измерениями, и мы просто вроде как выпали в нее, и вдруг оказались в каком-то аэропорту.

— Вы очень толково все излагаете, да позволено мне будет сказать, мисс.

— И сначала я подумала, что, может быть, на этот раз оказалась внутри своей собственной головы, или, по край-

ней мере, что-то вроде того, потому что все, чего я хотела, вроде как выполнялось, только не до конца, если вы понимаете, что я имею в виду. И я подумала: «Ну да, мне же всю жизнь только и говорили, что в чем я не права, так это в том, что сама толком не знаю, чего хочу».

Джордж кивнул; по крайней мере, разрез в той части реальности, которую он представлял, слегка качнулся.

— Очень близко, мисс, — сказал он. — Вы движетесь в верном направлении, но еще немного не дошли. Вы позволите мне объяснить?

— Да, пожалуйста.

— Ха, а вот и моя старая футболка с надписью «Горжусь, что я придурок»! Черт, как мне ее не хватало все эти годы!

— Бьорн, — сказала Джейн, — заткнись, ради бога.

ДВАДЦАТЬ

«НУ ЛАДНО, — сказала стена, — ТЫ ВЫИГРАЛ».

Штат кивнул и открыл глаза.

«Я слушаю, — подумал он. — Только нельзя ли сделать это по-простому, поскольку у меня был тяжелый день и горящие кусты и тому подобные вещи были бы не слишком хорошей идеей».

...Последовала яркая вспышка, и облако дурно пахнущего желтого дыма, и оглушительное жужжание, словно здесь собрались все мухи со всех кухонь из всех придорожных кафе всего мира...

— Вы упрямы, не так ли? — раздался голос из противоположного кресла. — Полагаю, вы будете настаивать также и на визуальном интерфейсе?

— Боюсь, что так.

— Вам же хуже.

...Еще одна вспышка, на этот раз красная, — и кресло оказалось заполнено огромной багровой фигурой с рогами на одном конце, раздвоенными копытами на другом, и кислым взглядом где-то посередине.

— Что за идиотская театральщина, в самом деле, — проговорила фигура. — Я имею в виду все эти переодевания. Вы представить себе не можете, насколько этот костюм

некомфортен, особенно когда жарко. Может быть, откроем окно?

— Я вообще-то не думаю, что оно открывается.

— Напрасно вы так полагаете, — ответило видение, и звон разбитого стекла из-за венецианской шторы доказал его правоту. — Подтверждая вашу догадку, — продолжала фигура, — Доп Гангер, адвокат дьявола, к вашим услугам.

Штат кивнул.

— Я так и думал, — сказал он. — А кто был тот, другой парень, кстати? Он был мне симпатичен.

Гангер пожал плечами.

— О, это был я. Видите ли, у меня раздвоение личности.

— Понимаю. Как у Финансов и Общих Направлений?

— Именно, — кивнул Гангер. — Это один из немногих существующих способов легального приработка. И его не надо заявлять в налоговой декларации — по крайней мере, я не заявляю, — прибавил он.

Штат задумчиво потер подбородок.

— Но, разумеется, — продолжал он, — тот Гангер, с которым я имел дело — о, *понимаю*, ваш *двойник*; да, очень умно — он является лишь небольшой вашей частью, как верхушка айсберга, не так ли?

Гангер слегка шевельнул головой, подтверждая его правоту.

— Это делается для сохранения штатных мест, — пояснил он. — В нашем департаменте на этот счет дьявольский ажиотаж. Сами понимаете — вместо целой толпы разных сотрудников все делает один. Но я гибок. Я распределяю себя очень аккуратно, знаете ли.

— Вы хотите сказать, что носите множество различных шапок?

— Некоторые с дырками, некоторые нет, — спокойно подтвердил Гангер. — Мы называем это ростом корпорации, но это все терминология.

— Понимаю, — сказал Штат. — Однако почему именно вы?

— Кто-то должен производить ревизию, — ответил Гангер, — а как мне кажется, мы самой природой созданы на роль ревизоров, разве не так? — Штат позволил себе скупую улыбку. — Мы остаемся раздельными сущностями, —

продолжал Гангер, — даже если работаем на одного босса. И если ваши люди слегка сбиваются с курса, в наши обязанности входит время от времени подавать им руку помощи. К несчастью — с вашей точки зрения, во всяком случае, — в нашей работе мы не можем обойтись без некоторой...

— Чертовщины?

Гангер нахмурился.

— Вы, полагаю, имели в виду пошутить, — проговорил он. — Хотите, чтобы я записал это, или положитесь на мою память?

— Итак, мы сбились с курса, — тихо произнес Штат. — Так я и думал. Это из-за него? Ну, вы понимаете — Финансы и...

— Большой частью, — осторожно ответил Гангер. — Но и ваши тоже помогли. Поверьте, это действительно так. У некоторых из них настоящий природный талант к...

— Да, — прервал Штат, — охотно верю. Уж эта мне Администрация... — Внезапно он остановился, наморщив лоб. — Погодите-ка, — проговорил он. — Мне казалось, вы говорили, что вы не... или, по крайней мере, та часть вас, которую я знал как Гангера, не является... что это что-то вроде команды. Ведь именно поэтому я так стремился попробовать задействовать смертных — потому что вы сказали мне, что вы это делали, и это работало.

— О, совершенно верно, — ответил Гангер. — Так оно и есть. Мы включаем часть в целое, вот и все. Единственная проблема, которая при этом возникает, — это куда девать потом то желе, которое остается.

Штат слегка вздрогнул. «Раздельные сущности», — напомнил он себе.

— Ну ладно, — сказал он, — с этим мне все ясно. Итак, вы провели полную ревизию, и выяснили, что вся неразбериха началась из-за того, что Финансы устроил тогда с солнцем. И теперь вы предполагаете пригвоздить его раз и навсегда. Правильно?

Воздух стал тяжелым от желтого дыма и наполнился омерзительным запахом серы.

Гангер кивнул.

— Мы предоставим полный отчет, — сказал он, — и от него будет трудно отмахнуться, потому что у нас есть свиде-

тель. Мы будем рекомендовать, чтобы его перенаправили в наш департамент. — Гангер шумно облизнулся.

— Все это прекрасно, — ответил Штат, глядя в сторону. — Вот только, похоже, вы потеряли своего свидетеля.

— Не совсем, не совсем, — сказал Гангер (и его голос был уже не столько голосом, сколько жужжанием миллиона мух). — Фактически он находится как раз там, где и должен находиться.

— Неужели?

— *Вот именно.* — Штат старался не глядеть в его сторону, поскольку фигура, которая была Гангером, внезапно оказалась лишь иллюзией единого тела, состоящей из огромного тесно сплоченного мушиного роя. — *Чего же лучше? Вместо того чтобы идти на труды и расходы по его аресту и препровождению к Престолу Правосудия под вооруженным эскортом, почему бы не убедить его прийти туда своими ногами? Такие маленькие хитрости узнаешь понемногу, когда ты...*

— А вся эта суета, — Штат наклонился вперед, так что его голова оказалась в самом центре роя. — Все эти попытки засунуть бедную девочку в разные департаменты и так далее, все это было только для того, чтобы заманить его в ловушку?

«Разумеется, нет. Это было бы слишком неэффективно. Но мы считаем, что она идеально подходит для этой работы, разве не так?»

— Для какой работы?

Вжжжжж.

* * *

— Ох, и не спрашивайте, — сказала Роза. — Двадцать лет в сфере обслуживания — и вдруг он решает, что хочет стать монахом. Монахом, — повторила она. — Можете себе представить?

Его Светлость Пфальцграф обменялся взглядами с Графом Саксонского Берега.

— Просто он проходит такой этап, — сказал Его Светлость Пфальцграф. — И, знаете ли, даже в монастырях людям все равно приходится есть.

Роза некоторое время смотрела на него.

— Знаете что, — произнесла она. — Сдается мне, что вы, ребята, такие же сумасшедшие, как мой сумасшедший братец. Я принесу вам счет.

Она отошла от столика. Избиратели переглянулись.

— Жаль, — сказал Верховный Лорд-Кардинал. — Этот Рокко, может быть, он и паршивый Император, но дайте ему фунт моцареллы¹ и ведро анчоусов — и вы увидите, что будет.

— А профитроли, — простонал Его Светлость Пфальцграф. — Не забывайте о профитролях!

— То есть, я хочу сказать, — добавил Граф Саксонского Берега, — Шарлемань, да. Карл Пятый, допустим. Но смогли бы они сделать тебе такую *tagliatelle verde*, чтобы была абсолютно *al dente* и чтобы у тебя еще осталось сдачи на двадцать баксов? Черта с два!

Верховный Лорд-Кардинал печально кивнул.

— Однако, — произнес он, — мы имеем, что имеем. — Он посмотрел на свои часы — и, кстати сказать, это были весьма странные часы. Там, где у всех часов стрелки, у этих были глаза. — Э, да нам пора расходиться! — Он взял счет и подписал его. — Счастливо, Роза, — крикнул он. — Передай Рокко наилучшие пожелания, и пусть не поминает лихом!

Он встал, опорожнил себе в карман стакан с зубочистками и впереди всех двинулся к выходу.

* * *

— Понимаю, — произнесла Джейн. — Нас сюда привели.

— Да, мисс.

— Для того, чтобы он оказался здесь?

— Именно так, мисс. — Джордж протянул огромную несуществующую руку и крепко ухватился за переносную кровать. — А также ваш друг, разумеется. Он — наш главный свидетель, гвоздь программы, как вы понимаете, мисс.

— Понимаю, — повторила Джейн.

¹ Сорт сыра. (Прим. пер.)

Джордж замялся, кусая ту часть клубящегося ничто, которая должна была быть губой.

— Подозреваю, вы, должно быть, немного разочарованы, мисс, тем, как с вами обошлись, и все такое. Этого только следовало ожидать, если это так, мисс, не в обиду будь сказано.

— Так можно было бы подумать, — пожала плечами Джейн, — однако я не так уж огорчена. Точнее, да, но... Понимаете, всю мою жизнь мне очень хотелось узнать, что же такое происходит, и почему повсюду творится такой бардак. И вот теперь я начинаю понимать. По крайней мере, мне кажется, что начинаю.

— Что ж, у вас есть характер, мисс, — сказал Джордж. — А теперь, могу ли я на минутку посмотреть ваши паспорта, если вы не против?

Джейн кивнула и протянула ему паспорта. Внимательно проглядев, Джордж вернул их обратно. Оба были в раскрытом виде.

На паспорте Джейн было ее имя и фотография, и довольно щекотливое описание особых примет — это место она, когда возможно, старалась прикрывать пальцем. В паспорте Бьорна тоже было имя и фотография, но...

Бьорн взял его у нее и смущенно ухмыльнулся.

— Когда эти ребята говорят «под прикрытием», — объяснил он, — они имеют в виду действительно *глубокое* прикрытие.

Он обеими руками взялся за свое лицо и потянул. Джейн тихо взвизгнула, и затем открыла глаза. Бьорн держал в руке мягкую резиновую маску и широко улыбался.

Только его имя, разумеется, было не Бьорн.

— Только один вопрос, — проговорила она. — Почему именно «Бьорн»?

— Потому что, — ответил Бьорн, пожимая плечами. — Я случайно увидел это имя на пакете кукурузных хлопьев, если уж ты хочешь знать, и...

— Спасибо, — горько произнесла Джейн. — Сама виновата, нечего было спрашивать.

(Поскольку в паспорте Бьорна его имя фактически значилось как Гавриил; и если Джейн чего-нибудь сейчас и хотелось, так это найти какое-нибудь уединенное мес-

течко, где бы ее могло стошнить подальше от посторонних глаз.)

— Для парня это было не так-то просто, — говорил тем временем Джордж. — Хирургия личности и все такое. Мы очень гордимся им, честное слово, сейчас, когда он вернулся в департамент.

Джейн гневно повернулась к нему.

— Да неужели? — сказала она. — И что же это за департамент, позвольте поинтересоваться?

Ответом ей было облако желтого дыма.

* * *

— Слушать внимательно, — сказал Генерал. — Мы входим, мы стреляем по всему, что движется, мы забираем заложника, мы выходим обратно. Пока все ясно?

Спектральные воины обеспокоенно кивнули. Не это было тем, что волновало их.

— А потом, — продолжал Генерал, — мы устроим полный осмотр вещмешков у уцелевших. Если будут уцелевшие, конечно. Я ясно выразился?

Спектральные воины отвечали гулом согласия и выстроились в боевой порядок, готовые к атаке. Несмотря на механическую четкость их строевой подготовки, среди них имело место немало недостойного пихания и толкания за места в первых рядах и других позициях повышенной опасности. Хотя спектральные воины и имели от природы склонность считать выживание чем-то, что случается лишь с другими, они не видели смысла рисковать понапрасну.

— По команде «в атаку», — рявкнул Генерал, — атакуйте. Все ясно?

— Все ясно, шеф.

— Прекрасно. Приготовились, ребята. *В атаку...*

Слова замерли у него на губах, когда он увидел, что дверь, которой не было здесь еще несколько секунд назад, открылась, и из нее вышел некто в военной форме.

Спектральные воины обучены скорее разрушению, чем математике, но считать звездочки на погонах они умеют, и у вновь пришедшего на плечах их было больше, чем на фабрике, производящей елочные игрушки.

Он прошагал вдоль строя и остановился ярдах в трех от Генерала, который окаменел, словно замороженный.

— Вольно, парень, — буркнул ему новоприбывший, и сверкнувшая над его головой молния блеснула на золотой бахrome его эполет и козырьке фуражки. Странная вещь относительно его фуражки заключалась в том, что в ней прямо над его ушами были проделаны две аккуратные круглые дырки, словно для рогов.

Совершенно нечеловеческим усилием Генерал открыл рот, но все, что ему удалось из себя выдавить, было несколько мокриц и один довольно потрепанного вида паук.

— Арестуйте этого человека, — приказал новоприбывший. — Давайте, давайте, пошевеливайтесь.

Шестьдесят семь спектральных воинов внезапно обнаружили, что они очень, очень счастливы.

* * *

Мир остановился.

Не закончился, разумеется, просто остановился. Солнце рывком встало посреди неба и зависло с заглушим мотором. Земля замерла на своей оси, но без разрушительных происшествий, какие должны были бы последовать, когда такое количество инерции внезапно обнаружило, что ей некуда деваться. Все часы в мире разбил паралич, вода застыла в реках, ветры испарились. Счетчик энтропии перестал щелкать. Капли дождя зависли в воздухе, как астронавты в невесомости.

Не считая, разумеется, Нью-Йорка, где все всегда не как у людей. Если бы кто-нибудь посмотрел очень пристально, он заметил бы там некоторое движение, но лишь очень небольшое движение. Основная часть горожан была захвачена всеобщим стоп-кадром; однако на Тридцать Шестой улице можно было увидеть небольшую группу довольно толстых людей, идущих не спеша, держа руки в карманах. Трое из них курили большие сигары. Судя по виду, они совсем не спешили.

На углу Тридцать Шестой и Бродвея они остановились и замахали руками. Желтый кэб без колес бесшумно проплыл поверх обездвиженного транспорта и подрулил к поребрику.

Металлическая лесенка выдвинулась на уровень тротуара, и толстые люди вскарабкались внутрь. Кэб поплыл прочь, двигаясь со скоростью, скажем, очень неторопливой гондолы, медленно поднимаясь в небеса, пока не потерялся среди облаков.

По недосмотру, какого следовало только ожидать, учитывая общий уровень эффективности работы Администрации в целом, во всеобщем параличе уцелела еще одна ячейка, где люди оставались бодрствующими и способными к действию. Когда это случилось, они сидели в своем офисе на Уолл-стрит — двое мужчин и девушка. Девушка заговорила первая.

— Даррен, — тихо произнесла она, — мне кажется, это конец света. Что нам теперь делать?

Мужчина, названный Дарреном, немного подумал.

— Ты уверена? — спросил он.

— Господи боже, Даррен, — взвизгнула девушка, — да подойди ты к окну и посмотри сам, если хочешь!

Даррен медленно положил телефонную трубку, встал и прошагал к окну. Годы работы на Уолл-стрит научили его мгновенно оценивать ситуацию.

— Да, — сказал он, — это действительно конец света. — Он вздохнул, затем вновь прошел к своему столу. — Ну ладно, ребята, — произнес он, — давайте-ка займемся делом.

— И что же мы будем *делать*? — заорал второй мужчина. Даррен улыбнулся.

— Продавать, — сказал он.

* * *

— В общем, — подвел итог Верховный Лорд-Кардинал, — мы считаем вас виновным во вменяемых вам — что там у нас было? Тони, где мои чертовы очки, ты же знаешь, что без них я слеп, как... вменяемых вам преступной небрежности, сокрытии существенной информации, плохом управлении, незаконном присвоении казенных средств и — а это еще что, не могу разобрать твой почерк — ну, словом, виновным. Вы слышали свидетельство мистера... э-э... Гавриила. Хотите ли вы что-нибудь сказать?

Обвиняемый, бывший председатель комитета по Финансам и Общим Направлениям, издал несколько нечленораз-

дельных звуков, но ничего не сказал. Разумеется, здесь могла сыграть свою роль клейкая лента, намотанная поверх его рта в шесть слоев.

— Нет? Вы уверены? Ну что же, как хотите; значит, остался только приговор. Ребята, какие будут мысли насчет приговора?

На подиуме произошел короткий обмен мнениями, высказываемыми шепотом; затем Верховный Лорд-Кардинал вновь откинулся в кресле, поправил белые судейские полоски на своем воротнике (которые при невнимательном взгляде выглядели как на заткнутая за воротник салфетка) и придал своим чертам судейское выражение.

— Мнения, — проговорил он, барабанив пальцами по столу, — здесь слегка разделились. Тони говорит, что лучше вырвать тебе легкие пластмассовой вилкой, Луи говорит — нет, это слишком уж просто для такой вонючки, как ты, тебя нужно запихнуть в сортир вместе с крокодилами и пусть они тебя научат хорошим манерам, а мой многоученный друг, Граф Саксонского Берега... э-э... ну... в общем я не согласен.

В суде воцарилась абсолютная тишина. Шестьдесят семь спектральных воинов стояли подобно высеченным из камня статуям, их лица за ужасными масками купались в глупых ухмылках.

— Лично я, — продолжал Верховный Лорд-Кардинал, — говорю так: что с того, все мы делаем ошибки время от времени. — Он нахмурился. — А дело в том, — продолжал он свирепо, — что только полные неудачники попадают на них. Эй, Тони, где там эта дурацкая шапочка? Да нет, не эта, тупица, это чей-то носок. Так... гм... на чем мы остановились?

Второй обвиняемый завопил, размахивая в воздухе руками и ногами. Никто не обратил на него внимания. Когда речь идет о том, чтобы переменить пеленки самому страшному преступнику на Божьей земле, добровольцев нет.

— Этот суд, — произнес Верховный Лорд-Кардинал, — выносит вам следующие приговоры. Ты первый. Встать.

Бывшего Генерала подняли на ноги. Он что-то мычал сквозь клейкую ленту, но никто его не слушал.

— По особой просьбе адвоката обвинения, — нараспев заговорил Верховный Лорд-Кардинал, — и учитывая твои

таланты в области управления и связей с общественностью, ты направляешься в штат Департамента Обвинения. — Верховный Лорд-Кардинал вздрогнул. — Постойте, это *бесчеловечно*. А, ну да и черт с ним. Что до тебя, — кто-нибудь, поднимите пацана так, чтобы он мог слышать, хорошо? — что до тебя, то поскольку ты временно нашел убежище в смертном теле, этот суд — слушайте, кто это выдумал? Что за *гадкая* мысль! — этот суд слагает с себя обязанность судить тебя. Ты будешь отправлен обратно в мир, чтобы жить как смертный. — Верховный Лорд-Кардинал ухмыльнулся. — В Канзас-Сити, — добавил он, затем повернулся к ближайшему коллеге и подмигнул. — Ну как, Тони? — сказал он. — Это будет покруче твоей пластмассовой вилки, а?

Зашаркали ноги, и двоих подсудимых вывели из зала. Верховный Лорд-Кардинал поудобнее устроился в своем кресле и снял судейскую шапочку.

— Что, наконец, приводит нас, — сказал он, — к последнему пункту сегодняшней повестки дня.

* * *

Как, можете вы спросить, работает Администрация?

Она, разумеется, не работает; но если предположить...

Существуют Департаменты. Каждый из департаментов укомплектован штатом постоянных служащих и возглавляется чиновником 2-й ступени и выше. Главы департаментов формируют комитет по Финансам и Общим Направлениям, которая передает свои резолюции на одобрение Коллегии Избирателей. Работой Избирателей является превратить рекомендации комитета в черновики распоряжений, требующие ратификации Большого Босса.

Большой Босс. Сам. Нумеро Уно. Самый Главный. Тот парень, к которому вы рано или поздно попадете, если будете *очень* настаивать на том, чтобы увидеть управляющего. Император.

Это совершенно логично, правда? В конце концов, было бы совершенно несправедливо, если бы реальная власть находилась в руках дипломатов-общественных служащих, которые даже не принадлежат к той же категории форм жизни, что и те люди, которыми они управляют. Главный

босс неизбежно должен быть смертным. Проблема всегда заключалась лишь в том, чтобы найти подходящего смертного для этой работы.

Много веков назад Избирателей посетила гениальная мысль о том, чтобы не говорить Императору, в чем конкретно заключается его работа.

Они не лгали ему, разумеется, такого у них и в мыслях не было. Но они распоряжались правдой с несомненной скупостью. Начать с того, что они действительно в конце концов говорили ему, что он — Император, не вдаваясь в утомительные подробности относительно того, что это означает. Но даже этот крохотный обрывок информации вызывал серьезные проблемы, так что они взяли себе за правило говорить ему это, только предварительно удостоверившись, что он их не слушает.

С точки зрения практической это работало превосходно. Впрочем, это рассматривалось лишь как временная мера.

В последние сто с лишним лет в Императорах поощрялось стремление к скромным профессиям. Рокко VI, как уже упоминалось, готовил пиццы. Его непосредственный предшественник, Вонг XIV, держал маленькую мастерскую по ремонту велосипедов на одной из маленьких гонконгских улочек, как раз напротив лучшего кантонского ресторана в Колонии. Невилл III (больше известный в истории как Невилл Великолепный) издавал окружную газетенку в пригородах Мэкслсфилда, а также подрабатывал мытьем окон на стороне, чтобы иметь наличные деньги. Джозеф XXXIX Нкоба вырезал из дерева маленьких слоников. Гупта IX зарабатывал на жизнь, обслуживая бензоколонку; он был одним из немногих известных истории Императоров, который отрекся, сославшись на неразрешимое противоречие интересов. Франсуа XXIII все время своего царствования провел в комнатухе девять на пять футов, твердо уверенный, что он — отвертка со сменными насадками. Он был, по всеобщему мнению, одним из лучших Императоров двадцатого столетия.

Рокко, Вонг, Невилл, Джозеф, Гупта и Франсуа были успешными правителями; у других получалось не настолько хорошо. Хуже всех был, по-видимому, Уэйн XI, чье пятичасовое правление было вторым по краткости за всю историю

Империи. Это не было виной Избирателей, разумеется; они впервые узнали о его разрушительных скрытых наклонностях, лишь когда он вывесил гринписовский постер в окне своей крошечной квартирки в предместьях Брисбена.

Самым коротким в истории было царствование Эвертона I, которого принудили подписать отречение, когда он упустил благоприятную возможность в истории с Кортни Уэлшем.

Самая большая проблема, стоящая перед Избирателями, состоит в том, что лишь от истинного Императора работе будет какая-то польза; а одним-единственным качеством, отличающим истинного Императора, является то, что он должен быть очевидным наследником, наследником по праву рождения. Вот почему первоначально был избран Рокко VI, но дальнейшие расследования открыли, что он был всего лишь дальним кузеном истинного наследника. Именно обнаружение настоящего, действительно ближайшего из живущих родственников Шарлеманя и послужило толчком для всей описанной последовательности событий; поскольку на этот раз все должно было быть несколько по-другому. Даже временные меры рано или поздно должны приходить к концу.

Было уже очевидно, кто будет преемником Рокко; но на этот раз ему предстояло некоторое предварительное профессиональное обучение, поскольку следующее царствование обещало быть переломным...

* * *

Вы, несомненно, к этому времени уже догадались, как выглядела Джейн — прямой нос, тяжелая челюсть, характерные высокие скулы, столь знакомые по сотням императорских портретов. И мне не нужно вам говорить, что ее фамилия, та, что записана у нее в паспорте, звучит как «Габсбург».

* * *

— Ого, — сказала Джейн. — Подумать только!

Мир, который было остановился, двинулся вновь.

Начало движения подразумевает начало существования. Может быть, это всего лишь дешевый лингвистико-филосо-

фический трюк, но мы все же повторим это, чтобы позволить истинной значительности момента пройти поглубже. Мир двинулся вновь.

Разумеется, никто не заметил этого, не считая нескольких нью-йоркских биржевых воротил, которые внезапно осознали, что продали все за три минуты до колоссальнейшего подъема, какой когда-либо испытывал мировой рынок. К тому времени когда биржевые цены перестали подниматься и, беспомощно поколебавшись, попросту перестали существовать, они уже прикрепили к своим стульям заявления об уходе с должности и находились на пути в Висконсин, чтобы начать там новую жизнь, занявшись плетением рафии¹. Они так никогда и не узнали, как правы в конечном счете они были.

Начало движения подразумевает начало существования. За какие-то десять минут вещи стали совершенно другими. Солнце двигалось по небу своим неизменным курсом. Трава росла. Дождь падал. Время тикало, тяготение тянуло, история сгущалась, приливы вздымались и падали, мужчины и женщины спотыкались и блуждали, ошупью находя свой путь в темной посудной лавке человеческого существования. На стене Платоновой пещеры, никем не замеченное, появилось новое объявление, в котором последнего выходящего человека просили гасить за собой свет; но его появление не было замечено лишь потому, что, так или иначе, оно было там все время.

То, в чем вещи стали другими, заключалось в том, что они делали все это сами по себе. Никто не управлял ими. Это просто... происходило.

(«Эй, — сказал Гангер в глубине Джейновой головы, — ты не можешь этого сделать. Прекрати немедленно».)

«Почему это? Я же Императрица, разве не так? Я могу делать все, что мне, черт побери, вздумается».

Гангер взвыл, поскольку его пальцы начали терять свою хватку на выступающем уступе подсознания, в который он отчаянно вцепился.

«Но это не будет *работать*! — заорал он. — Должен быть кто-то, кто будет управлять вещами, иначе они не станут работать. Не могут же они управляться сами по себе!»

¹ Пальмовое волокно. (Прим. пер.)

«Разве не могут? Ну, мы это скоро выясним».

Гангер хотел было ответить: «Может быть, они и будут работать какое-то время, если ты наделишь солнце, и луну, и землю, и дождь, и ветер, и время, и все остальные вещи чем-то наподобие способности ощущать, но кто будет присматривать за ними, и направлять их, и наставлять на путь истинный, если они начнут делать что-нибудь не то? Конечно, ты скажешь, что это будешь делать ты, но ты же смертная, ты не сможешь находиться рядом всегда, а следовательно, тебе придется обучить себе преемника, а это будет далеко не просто, уж поверь мне, совсем не просто». Но поскольку совершенно невозможно произнести хотя бы что-либо, когда ты внезапно просто перестал существовать, он успел сказать лишь: «Мо...»

Что сказал Штат, и Избиратели, и все остальные, осталось неизвестным, что, возможно, и к лучшему. Вряд ли это было что-нибудь приятное.)

А потом, со вздохом, словно выключились одновременно экраны сотни миллионов компьютеров, огромная армия небесных чиновников, функционеров, администраторов, конторских служащих, программистов и мальчиков на побегушках растворилась в воздухе, из которого первоначально и произошла; а за ними и их офисы, их письменные столы, их папки, их железо и софт, сама память об их существовании — пока от них не осталась лишь одна яркая золотая скрепка, вращающаяся и сверкающая в верхних слоях атмосферы, невесомо поднимаясь и опускаясь в величественной пустоте, которая только и осталась, когда Служба была в конце концов смыта с лица земли.

И Джейн подумала: «Ну вот, это мы уладили, теперь все должно работать нормально. Можно пойти опрокинуть стаканчик апельсинового сока».

И в ее голове что-то сказала: «Нет, тебе нельзя пить апельсиновый сок, у тебя будет расстройство, вспомни, что произошло в последний раз, когда ты пила апельсиновый сок на голодный желудок, ты...», — но оно не смогло продолжить, поскольку моментом позже оно тоже, к своему великому удивлению, было утянуто куда-то в небытие, и Джейн осталась одна — определенно одна — со своими мыслями.

И вот наконец Императрица увидела все, что ей удалось сделать, и — надо же! — это оказалось ничуть не хуже, чем она ожидала, если подумать. И был вечер, и было утро; день шестой.

И на седьмой день она окончила свою работу, и удалилась отдыхать; по крайней мере, она хотела отдохнуть. Но молоко в холодильнике скисло из-за того, что отключили электричество, а магазины были закрыты, потому что было Воскресенье.

Солнце взошло.

Будучи всего-навсего куском пылающего газа, оно никак не могло знать, что движется точно по графику, прямо по курсу, и находится в том самом месте и именно в то время, где и должно.

Поскольку никто не наблюдал, небольшое движение, когда на поверхности вод задержался первый организм, прошло совершенно незамеченным. Ни приемной комиссии, ни ленточки и ножниц, ни оркестра, ничего.

Поскольку никто не писал заметок и не составлял докладов в соответствующие отделы, безупречность посадки солнца и безукоризненный интерфейс дня и ночи пропали совершенно втуне.

Поскольку никто не отвечал за него и никто не считался виновным, самое первое живое существо оказалось в полном одиночестве, когда распахнуло окошко своего сознания и выпустило наружу свой первобытный вопль нового рождения. Но тем не менее оно завопило. И завопило снова. И прислушалось.

Никакого ответа. Было множество звуков: плеск волн, вздохи ветра, тихое поскрипывание тектонических плит, отдаленное эхо его собственного вопля, оборачивающееся вокруг полюсов и плывущее обратно, но не было никого, кто мог бы его услышать, никого, кроме одного-единственного одинокого сознания.

Оно подождало. Завопило снова. Прислушалось. Плеск, свист, вздох, скрип, шелест. Ничего.

Ну что ж, когда ты чувствуешь себя неудобно и тебя одолевают дурные предчувствия, и ты не на все сто процентов уверен, что ты вообще должен здесь находиться, нет

ничего лучше для подъема настроения, как старая добрая песня. Послышался тихий, смущенный кашель, а затем тонкий, писклявый, но исполненный непреклонной решимости голосок запел...

Солнце надело свою шляпу,
Gup-gup-gup-gup, ура...

Голосок был очень тихим — маленький, тоненький голосок; бесконечно малый голосок посреди бесконечно большого океана.

Солнце надело свою шляпу...

— упрямо повторил он. Тишина.

В нескольких ярдах от него что-то пошевелилось. Шевеление это было настолько крохотным, что даже если бы там и был какой-нибудь наблюдатель, он вряд ли заметил бы его. Однако оно пошевелилось, и прислушалось, и стало живым, и подхватило:

Солнце надело свою шляпу,
И идет прогуляться со двора.

И дело было сделано. Отсюда уже не было пути назад. Континенты встряхнулись, кривя свои скалистые береговые линии в застенчивых ухмылках. Скоро и они кому-то пригодятся, в конце концов.

И когда солнце взошло на следующий день, уже не один, но множество голосов — сопрано, альты, контральто, тенора, баритоны, басы, грубые, тонкие, громкие и тихие — миллионы миллионов голосов взмыли к небу, приветствуя его, и они пели:

Here comes the sun, little darling,
Here comes the sun,
*It's all right*¹.

И был вечер, и было утро; день восьмой.

¹ Надеюсь, большинство читателей узнало текст знаменитой песни знаменитой группы «Битлз»; он не очень-то поддается переводу, однако поскольку я как-никак переводчик, попробую хоть как-то перевести.

Вот восходит солнце,
Милая, вот восходит солнце,
Все хорошо...

(Прим. пер.)

ОБ АВТОРЕ

Том Холт родился в 1961 году. В детстве Том был толстым, угрюмым и весьма склонным к размышлениям о Бесконечном. Он обучался в Вестминстерской школе, Водэмском колледже, Оксфорде и Юридическом колледже. Свою первую книгу, «Стихотворения Тома Холта», он выпустил в возрасте тринадцати лет и, к своему ужасу, немедленно был провозглашен вундеркиндом и гениальным ребенком. В Оксфорде Холт открыл существование баров с бильярдом и мгновенно переметнулся от поэзии к комической литературе, начав с двух романов, продолжающих серию Э.Ф. Бенсона «Лючия», и продолжив романами, уже обладающими собственной ярко выраженной индивидуальностью, — «Expecting Someone Taller», «Who's Afraid Of Beowulf?», «Flying Dutch», «Ye Gods!», «Overtime» и «Grailblazers» (в русском переводе — «Граальщики»). Он написал еще две исторические повести о пятом веке до Р. Х., хорошо принятую «Goatsong», а также сотрудничал со Стивом Нэллоном в книге «I, Margaret» — автобиографии (неавторизованной) Маргарет Тэтчер.

Несколько более художавый и веселый, чем в юности, Том Холт теперь женат и живет в Сомерсете.

СОДЕРЖАНИЕ

ГРААЛЬЩИКИ	5
СОЛНЦЕ ВЗОЙДЕТ	315
Об авторе.....	604

**ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА **
КАЖДАЯ ПЯТАЯ КНИГА РОССИИ

**ПРИБОРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква****

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, 21, стр. 1, т. 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр. Мира, 176, стр. 2 (Му-Му), т. 687-45-86
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0.
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, 18а, т. 110-89-55
- м. «ВДНХ», проспект Мира, владение 117
- м. «Домодедовская», ТК «Твой Дом», 23-й км МКАД, т. 727-16-15
- м. «Крылатское», Осенний б-р, 18, корп. 1, т. 413-24-34, доб. 31
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., 132, т. 172-18-97
- м. «Медведково», ХЛ ТЦ Мытищи, Мытищи,
ул. Коммунистическая, 1
- м. «Новослободская», 26, т. 973-38-02
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, 56,
4-й этаж, пав. 4а-09, т. 739-63-52
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, 14, т. 959-20-95
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, 17, стр. 1, т. 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, 52/2, т. 306-18-91
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «ХЛ», Дмитровское ш., 89,
т. 783-97-08
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр., 76, корп. 1,
3-й этаж, т. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, 14/1, т. 268-14-55
- м. «Сходненская», Химкинский б-р, 16/1, т. 497-32-49
- м. «Таганская», Б. Факельный пер., 3, стр. 2, т. 911-21-07
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15, корп. 1, т. 977-74-44
- м. «Царицыно», ул. Луганская, 7, корп. 1, т. 322-28-22
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, 10/12, стр. 1
- м. «Преображенская площадь», Большая Черкизовская, 2, корп. 1,
т. 161-43-11

**Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (095) 744-29-17**

ВЫСЛАЕТАСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

**Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20**

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

**Книги АСТ на территории Европейского союза у нашего
представителя: «Express Kurier GmbH» Tel. 00499233-4000**

Справки по телефону: (095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpab@aha.ru <http://www.ast.ru>

РЕГИОНЫ:

- Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, 18, т. (8182) 65-44-26
- Белгород, пр. Хмельницкого, 132а, т. (0722) 31-48-39
- Волгоград, ул. Мира, 11, т. (8442) 33-13-19
- Екатеринбург, ул. Малышева, 42, т. (3433) 76-68-39
- Калининград, пл. Калинина, 17/21, т. (0112) 65-60-95
- Киев, ул. Льва Толстого, 11/61, т. (8-10-38-044) 230-25-74
- Красноярск, «ТК», ул. Телевизорная, 1, стр. 4, т. (3912) 45-87-22
- Курган, ул. Гоголя, 55, т. (3522) 43-39-29
- Курск, ул. Ленина, 11, т. (07122) 2-42-34
- Курск, ул. Радишева, 86, т. (07122) 56-70-74
- Липецк, ул. Первомайская, 57, т. (0742) 22-27-16
- Н. Новгород, ТЦ «Шоколад», ул. Белинского, 124, т. (8312) 78-77-93
- Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, 15, т. (8632) 35-95-99
- Рязань, ул. Почтовая, 62, т. (0912) 20-55-81
- Самара, пр. Ленина, 2, т. (8462) 37-06-79
- Санкт-Петербург, Невский пр., 140
- Санкт-Петербург, ул. Савушкина, 141, ТЦ «Меркурий», т. (812) 333-32-64
- Тверь, ул. Советская, 7, т. (0822) 34-53-11
- Тула, пр. Ленина, 18, т. (0872) 36-29-22
- Тула, ул. Первомайская, 12, т. (0872) 31-09-55
- Челябинск, пр. Ленина, 52, т. (3512) 63-46-43, 63-00-82
- Челябинск, ул. Кирова, 7, т. (3512) 91-84-86
- Череповец, Советский пр., 88а, т. (8202) 53-61-22
- Новороссийск, сквер им. Чайковского, т. (8617) 67-61-52
- Краснодар, ул. Красная, 29, т. (8612) 62-75-38
- Пенза, ул. Б. Московская, 64
- Ярославль, ул. Свободы, 12, т. (0862) 72-86-61

**Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (095) 744-29-17**

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

**Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20**

**Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж**

**Справки по телефону:
(095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail: astpab@aha.ru <http://www.ast.ru>**

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Холт Том
Граальщики
Солнце взойдет

Ответственные за выпуск И. Петрушкин, А. Тишинин

Ведущий редактор Б. Крылов

Редактор Э. Мингажева

Художественный редактор О. Адаскина

Компьютерная верстка А. Яблонская

Корректоры Н. Ильина, А. Соколова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.001056.03.05 от 10.03.05 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 93

Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

ООО «Транзиткнига»
143900, Московская область,
г. Балашиха, шоссе Энтузиастов, д. 7/1

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ФГУП

«Издательство «Самарский Дом печати».

443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.

Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

В теории считается, что поиски Священного Грааля НЕ ПРОВАЛИЛИСЬ... в том смысле, что его вроде как нашел Галахад Чистейший. Но... КТО, СКАЖИТЕ, видел этот ГРААЛЬ? И, коли на то пошло, КТО ВИДЕЛ ГАЛАХАДА?!

В общем, как не было Грааля, так и нет его. А в наше беспокойное время, когда финансовые воротилы Атлантиды и примазавшиеся к ним Силы Тьмы готовят новый Апокалипсис, Грааль ох как нужен!

Одно и остается — пробудить от зачарованного сна отважного рыцаря и силком отправить его в квест! И, конечно, не в одиночку...

Небесная канцелярия МЕДЛЕННО ГИБНЕТ. Нехватка средств, недостаток квалифицированных кадров, бюрократическая истерия...

Солнце давно уже пора заменить на более совершенную модель — или хотя бы отремонтировать!..

Главный инженер плюнул на все — И УВОЛИЛСЯ!..

А единственный ДЕЙСТВИТЕЛЬНО УМНЫЙ адвокат Мира иного — представитель, между прочим, АДСКИХ ЛЕГИОНОВ — дает силам Света ОЧЕНЬ СТРАННЫЙ совет.

Не воспользоваться им — себе дороже.

Воспользоваться?

СКАНДАЛ!!!

«Том Холт — автор, чьи книги вызывают в памяти лучшие произведения Адамса и Блэйлока!»

«Locus»

«Иронические фэнтези Холта написаны с чисто британским ехидным остроумием».

«Isaak Asimov's SF»

«Воображение Тома Холта в свободном полете сравнимо лишь с сумасшедшими виражами на хорошем мотоцикле!»

«Village Voice»

ISBN 5-17-033448-6

9 785170 334483